

ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ

ДОМАШНЯЯ ЛАБОРАТОРИЯ

АПРЕЛЬ 2016

Статьи для журнала направ-
лять, указывая в теме пись-
ма «For journal».

Журнал содержит материалы
найденные в Интернет или
написанные для Интернет.

Журнал является полностью
некоммерческим. Никакие го-
норары авторам статей не
выплачиваются и никакие оп-
латы за рекламу не принима-
ются.

Явные рекламные объявления
не принимаются, но скрытая
реклама, содержащаяся в
статьях, допускается и даже
приветствуется.

Редакция занимается только
оформительской деятельно-
стью и никакой ответствен-
ности за содержание статей
не несет.

Статьи редактируются, но
орфография статей является
делом их авторов.

При использовании материа-
лов этого журнала, ссылка
на него не является обяза-
тельной, но желательной.

Никакие претензии за не-
вольный ущерб авторам, за-
имствованных в Интернет
статей и произведений, не
принимаются. Произведенный
ущерб считается компенсиро-
ванным рекламой авторов и
их произведений.

По всем спорным вопросам следу-
ет обращаться лично в соответ-
ствующие учреждения провинции
Свободное государство (ЮАР).
При себе иметь, заверенные ме-
стным нотариусом, копии всех
необходимых документов на афри-
каанс, в том числе, свидетельство
о рождении, диплома об
образовании, справки с места
жительства, справки о здоровье
и справки об авторских правах
(в 2-х экземплярах).

СОДЕРЖАНИЕ

История	
История религий (окончание)	3
Ликбез	
Мир микробов (продолжение)	119
Осваиваем статистику (продолжение)	131
Химичка	
Учебные опыты по органической химии	149
Электроника	
Технологический контроллер	165
Техника	
Магнитная мешалка	175
Навесной монтаж	180
Системы	
Разработка системы «Бригада»	187
Литпортал	
I-O	227
Технологии	
Водки	325
Разное	
Биологически активные растения (продолжение)	329
Фотогалерея	336

НА ОБЛОЖКЕ

Если квадратное – значит в нем круглое. Если круглое – значит крутится. Если крутится – значит скрипит. Если скрипит – значит скрипт. Если скрипт – значит читаем статью: Разработка системы «Бригада».

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

Шантепи Сосей
(окончание)

СЛАВЯНЕ

Балты и славяне

Славянская мифология слишком часто была лишь поприщем для фантастических и дилетантских опытов. Скучный материал употреблялся без всякой критики; недостоверные данные, как, например, чешские толкования из "Mater verborum" ("Мать слов"), – словаря, сфальсифицированного в начале нынешнего столетия, – принимались на веру; всевозможные ошибки укоренялись; различные периоды и соседние народы без разбора объединялись вместе, в общем изложении; фантазировали относительно чудного древнеславянского времени, которого, однако, в действительности никогда не существовало; из случайного упоминания о злом и добром божестве строилась целая дуалистическая религиозная система. Только в последнее время положен конец всему этому беспорядку. Но и теперь мы не можем дать общей картины, но должны ограничиться сообщением отрывочных сведений.

Уже с начала нашего летосчисления балты и славяне составляли две отдельные группы. Балты, которые обитали между германцами и славянами в устье Вислы,

могут быть разделены на литовцев, латышей и пруссов. Источники нашего знакомства с этими народами очень скудны. Тацит называет их "эстами", но затем причисляет к германцам и описывает их религию в одной строке: "Поклоняются матери богов. Религиозным символом для них служит изображение вепря". Рассказ о путешествии Вульфстана из Гидаби (в конце IX в.) очень живо изображает обряды погребения обряды и скачку на быстрых лошадях, на которой разыгрывалось наследство. Средневековые хронографы не особенно интересовались языческой религией, считая, что бесполезно изучать дела неверных; в этом большинство из них были согласны с Адамом Бременским. Этот Адам, а также Титмар из Мерзебурга и обстоятельнее всего Гельмольд рассказывают мифы о балтийских и славянских богах и их культе; но их сообщениям нельзя доверять безусловно. Так, троица: Патролло, Патримпо, Перкуно, упоминаемая Симоном Грунау (начало XVI в.), конечно, никогда в действительности не существовала в народной вере в качестве группы богов. Но историограф немецкого ордена Петр из Двисбурга уже в 1326 г. совершенно правильно охарактеризовал религию древних пруссов как обоготворение всего: "они видели божество во всякой твари, в солнце, месяце и звездах, в ударах грома, птицах, даже в четвероногих до жабы; у них были также священные леса, поля и воды, где они, поэтому, не осмеливались рубить дрова, обрабатывать землю, ловить рыбу". Знанием имен некоторых балтских богов мы обязаны также списку епископа Георга Полентца (1530) и некоторым другим сообщениям того же столетия, главным образом, сочинению польского дворянина И. Ляковского: "De dus Samogitarum".

Таким образом, все-таки есть еще возможность узнать кое-что о религии даже совершенно исчезнувших народностей. Названия мест и народные песни свидетельствуют о том, что и здесь не было недостатка в богах и мифах, имевших отношение к природе. Иногда встречается название богов "Дево-Сунелей" (сыночек бога; уменьшительное имя; оно не могло быть заимствовано у христианства, но указывает на небесное существо). Между богами мы встречаем месяц, утреннюю звезду, утреннюю зарю. Но более всего почитался могущественный бог грома Перкунас; ему поклонялись древние пруссы во время грозы и до XVII века ему приносились жертвы для заклинания дождя; этот бог еще живет в названиях мест и в народной речи. Мифические черты существуют, хотя мифы еще выражены слабо: в свадебных песнях поется о сватовстве Перкунаса к дочери солнца; Перкунатете, мать грома, принимает утомленное солнце для освежающего купанья. Заслуживает упоминания также латышский бог лошадей (первоначально бог солнца?) Узиний.

Рядом с богами мы встречаем у балтов множество духов и гениев, в особенности домашних духов: гениев богатства, домашнего очага и главным образом домашнюю змею (Гивата), для которой обыкновенно ставили пищу; далее карликов, домовых, привидения; последние иногда называются *deives*, что напоминает злых дево в Авесте. Существовали специальные гении для всякого рода дел и для разных явлений природы. Богиня счастья Лайма была в то же время покровительницей рожениц. Рядом с духами леса и деревьев являются другие духи, покровительствующие земледелию, скотоводству и пчеловодству. Среди божеств, покровителей полевых работ, заслуживает внимания Курхе – идол, сделанный из последних жатвенных колосьев. Узенер сопоставил имена литовских богов, полагая, что они при своем еще прозрачном нарицательном значении особенно ясно освещают ту ступень образования религии, на которой стоят также римские индигитаменты¹ и на которой особенные боги еще не достигли полного олицетворения. Но Узенер не считает возможным делать обобщения для всей группы балтских народов: он полагает, что в именах латышских богов можно доказать уже более позднюю ступень образования понятий. Именно у латышей благодаря присоединению "мати" (матери) соответственные гении уже несколько яснее выражают собой олицетворение абст-

¹ Ряд священных книг понтификов.

рактных понятий.

Итак, мы, пожалуй, можем привести большое число имен богов балтов; но общего описания их религии дать невозможно. Следует только еще упомянуть о больших храмах с драгоценными идолами, а также об организованном жреческом сословии, которое мы находим у балтов, но не у славян. Хроники упоминают о пользовавшемся почти религиозным почетом верховном жреце Криве и его подчиненных и вестниках вайделотах. Насколько эта развитая организация культа может быть сведена к скандинавским влияниям, как думают некоторые, — остается нерешенным.

К славянским народам относятся поляки, венды (сорбы), словаки, чехи, моравы, русские, на юге болгары, сербохорваты и словенцы. Здесь в особенности нужно рассматривать разные народы отдельно и остерегаться объединения сильно расчлененного и очень разнородного материала в не имеющую никакого реального существования единую славянскую мифологию. Даже различие западной и восточной группы по отношению к древнему времени является произвольным; это различие покоится на позднейшем факте, состоявшем в том, что в то время как венды, поляки, чехи и моравы подчиняются папству, остальные славяне присоединились к византийской церкви.

В VII в. славянские народы занимали наиболее широкое пространство; позднее они все более оттеснялись германцами. Но мы, к сожалению, крайне мало знаем об их религии в древние времена. Коротенькая заметка у Прокопия: "De bello Gothico" (III, 14) уже имеет тот презрительный тон, который сформировался по отношению к славянам позднее, в Средние века. То, что сообщают средневековые хронисты, часто совершенно ненадежно. Так, Брюкнер показал, что бог Радигаст, о служении которому в Ретре дает очень высокое понятие Адам Бременский, обязан своим существованием простому недоразумению. Впрочем, с Свентовитом, о котором нам рассказывают Гельмольд и Саксон Грамматик, дело обстоит иначе. Этот вендский бог имел свое святилище и своего многоголового идола в Арконе на Рюгене, где датский король Вальдемар в 1168 г. уничтожил его храм и изображение. Этот бог пользовался высоким почетом; ежегодно в его честь совершалось празднество, во время которого жрец предсказывал хорошую или дурную жатву по жидкости, оставленной с прошлого года в роге для питья. Некоторые исследователи утверждают, что Свентовит был совсем не языческий бог, а христианский св. Вит; во всяком случае, культ его на Рюгене содержит в себе некоторые языческие обычаи.

История обращения различных славянских народов с IX в., когда Мефодий и Кирилл действовали в Паннонии и Моравии, дает очень много сведений об отношениях церквей, но не дает изображения языческой религии. Мифологический материал можно почерпнуть кое-где из позднейших источников. Так, Брюкнер в "Истории Польши" сообщает о древнепольских божествах Длугош (середина XV в.).

Он упоминает несколько имен, комбинируя их с римскими богами. Эти польские божества имели свои изображения и статуи в священных рощах, и в определенные времена года в их честь совершались большие празднества, на которые стекавшиеся в большом числе мужчины и женщины наслаждались дикими песнями и необузданным разгулом. Рядом с этим историком польско-латинские проповедники XV в. также доставляют драгоценный материал для познания народной веры.

Теперь мы переходим к русским, которые развивались без частых сношений с остальными славянами, хотя таким образом и не избежали действия сторонних влияний, сначала со стороны скандинавов, которые дали государству династию Рюрика, и в сагах которых часто упоминается о Гардарике; далее, со стороны Византии, из которой в конце X в. проникло христианство; наконец, со стороны татар, вторжениям которых страна оставалась открытой в Средние века. Главный источник к познанию состояния России в древности представляет хроника киевского монаха Нестора (1056-1114), который жил еще достаточно близко к языче-

скому периоду, чтобы сохранить для нас о нем кое-что ценное. Много языческого сохранилось также в эпических рассказах и суевериях сельского населения. Некоторыми сведениями мы обязаны арабским путешественникам.

Общеславянское, употребляемое и у русских для обозначения божества слово "бог". При этом не так важно свести это слово к индогерманскому корню, как принять во внимание совпадение его с иранским его употреблением, подобно тому, что мы уже отметили относительно смысла слова "девы", говоря о балтах. Арабский путешественник начала X в. описывает обряд погребения у русских, когда вместе с покойником зарывалась собака, и можно провести параллель с той ролью, которую играла собака при погребальных церемониях в Авесте. Правда, другой момент сходства, именно вера в то, что земля покойся на рыбе, вызывает скорее мысль об общем этнографическом параллелизме. Но ближайшая связь между славянами и иранцами с достаточной несомненностью устанавливается уже при помощи слова "бог". В именах высших русских божеств ясно можно различить их нарицательное значение: Сварог – бог неба; Дажьбог – бог солнца, Огонь – бог огня, Стрибог – бог ветра. В Волосе, боге стад, хотели видеть христианского св. Власия, а Купала, которого чествуют летом за плодородие, несомненно, обязан своим существованием Ивану Купале (Иоанну Крестителю). Богиня весны – Весна так же сомнительна, как и славянская Лада. Первое место в культе занимал бог грома – Перун; статуи его находились в Новгороде и Киеве, и он еще теперь во многих случаях живет в русском народе под видом пророка Илии. Перед идолом в Киеве, который был из дерева, с серебряной головой, золотыми усами и кремнем в руке, постоянно поддерживался огонь из дубовых дров; в 988 году Владимир велел привязать его к хвосту лошади и бросить в Днепр. Этим разрушением языческого символа ознаменовался переход к христианству.

Бог Перун.

В современной народной вере живет множество духов, отдельных или соединенных в группы. Таковы водяной или водяные (духи воды), лешие (духи леса), домовый (домашний дух), который, будучи одинаково и духом предка и духом домашнего очага, помогает в беде, но иногда занимается также проказами и бывает видим на Пасху; наконец, прекрасные русалки, которые заманивают к себе людей. В сказках есть еще две фантастические фигуры: Кощей Бессмертный, демон зимнего холода, и злая старая баба во вращающейся избушке на курьих ножках, Баба Яга. Разнообразные обычаи при весеннем и осеннем солнцевороте также носят до сих пор языческий характер¹. Во всяком случае материала, необходимого для составления формального языческого праздничного календаря, как это делали прежние мифологи, у нас недостаточно.

В отношении обряда погребения в языческое время засвидетельствовано как захоронение в землю, так и сожжение. Пока погребение не было совершено, душа беспокойно блуждала вокруг по деревьям, и только после должного попечения о трупе она могла по пути душ (Млечный Путь или радуга) достигнуть полей или лесов духов. Мертвому давали разные вещи: монету для платы за проход, маленькую лестницу, чтобы вылезти из могилы. В цитированном уже выше описании путешествия араба Ибн-Фадлана (921 г.) мы читаем об умерщвлении девушки с тем расчетом, чтобы доставить умершему мужчине невесту за гробом. О скандинавском происхождении формы корабля, которую придавали гробу и костру, можно только догадываться.

У южных славян — болгар, словенцев, сербохорватов — Краусс с помощью вопросов листов собрал много преданий, песен, сказок, обрядов, обычаев. Во всяком случае, и здесь точно неизвестно, насколько можно от современной народной веры проводить параллель к древнему язычеству. Не всякая народная поэзия заключает в себе мифическое ядро, и не всякий народный обряд ведет свое начало от языческого времени. Когда в свадебных песнях поется о любви солнца или месяца к вечерней звезде, то можно подозревать за этим древнюю мифологию; но Краусс видит в этом только поэтическое прославление новобрачной четы и думает, что культы солнца и месяца были чужды южным славянам.

Среди южных славян рассказывается множество историй о вилах — прекрасных девушках, которые живут в лесу, в поле, в воде и то охраняют людей, то коварно их губят. В приложении к изысканиям Мангардта Краусс толкует этих вил как души деревьев или как демонов хлеба; но трудно вывести из этого основного характера все их отношения к воде и облакам, все их влияние на счастье и несчастье. Вилы исцеляют и заколдовывают; они бывают влюблены, чувствуют зависть и похищают детей. Вообще понять их сущность исходя из чего-то конкретного нельзя; южные славяне приписывают вилам то, что в разных местах относится к различным духам, гениям, домовым. Но рядом с этим существуют еще и другие духи, например духи болезней, которых пытаются заклинать. Весьма распространена характерная для этих народов вера в вампиров — души умерших, которые вредят живым, в особенности высасывая у них кровь. Против этих вампиров тоже существуют заговоры и магические средства.

Срека, богиня счастья у сербов, хорватов и словенцев, вероятно, представляет довольно позднее мифическое образование; некоторые черты она заимствовала у Фортуны и Тихе. Она представляет судьбу в смысле фатума и Парки; во время пиршеств ей совершают возлияние; при торговых делах приносят ей монету.

Из изложенного мы видим, что балты и славяне в языческое время не достигли создания самостоятельной религии, подобной религии культурных народов. Но пережитки их веры и их обычаев доставляют истории религии важные для сравнения моменты.

¹ Например, масленица — древний славянский праздник с многочисленными обычаями, через века дошедший до наших дней.

Черти-
дьяволы
(бесы)

В народном сознании глубоко укоренилось верование, что сонмы злых духов неисчислимы. Очень мало на Божьем свете таких заповедных святых мест, в которые они не дерзали бы проникать; даже православные храмы не освобождены от их дерзких нашествий. Эти бесплотные существа, олицетворяющие собой самое зло, — истонные враги человеческого рода; они не только наполняют безвоздушное пространство, окружающее вселенную, не только проникают в жилища, делая многие из них необитаемыми, но даже вселяются в людей, преследуя их беспрестанными искушениями.

Насколько многочисленны эти незримые людские ненавистники, можно судить по богатству самых разнообразных прозвищ этой нежити, лукавой и нечистой силы. Более чем к сорока именам черта, насчитанным В. И. Далем (в его Толковом словаре великорусского языка), еще следует присоединить тот десяток духов, которым присвоены особенные имена и предназначены определенные места для пребывания, и сверх того перечислить те прозвища, которые вращаются в живом народном языке, но еще не подслушаны и не уловлены. Повсеместное пребывание чертей и их свободное проникновение повсюду доказывается, между прочим, существованием общих верований и обычаев, усвоенных на всем пространстве великой православной Руси. Так, например, в деревенских избах почти невозможно найти таких сосудов для питьевой воды, которые не были бы покрыты, если не дощатой крышкой или тряпичей, то, в крайнем случае, хоть двумя лучинками, положенными "крест-накрест, чтобы черт не влез". Равным образом, среди русского простонародья нелегко натолкнуться на такого рассеянного или забывчивого человека, который, зевнув, не перекрестил бы своего рта, чтобы святым знамением заградить туда вход нечистому духу. То же самое, с произнесением слов "свят, свят, свят", исполняется и во время грозы при каждом раскате грома, так как черт боится молнии и прячется за спину людей, чтобы Господь не поразил его. Эти обычаи и приемы, может быть, столь же древние, как само христианство на Руси, поддерживались потом более поздними, но столь же почтенной старины, народными легендами.

Обратимся к описанию многообразных коварств и разнообразнейших походов этих духов дьявольской породы, не ограниченных в своей деятельности указаниями явно определенного места (как дома, леса, воды и пр.) и точно обозначенного времени.

Дома

Хотя чертям для их походов и отведена, по народному представлению, вся поднебесная, тем не менее, и у них имеются излюбленные места для постоянного или особенно частого пребывания. Охотнее всего они населяют те трупцы, где дремучие леса разряжаются сплошными полосами недоступных болот, на которые никогда не ступала человеческая нога, и лишь осторожно шагают длинноногие болотные птицы. Здесь, на трясинах или загложших и заросших озерах, где еще сохраняются пласты земли, сцепленные корнями водорослей, человеческая нога быстро тонет, а неосторожного охотника и дерзкого путника засасывает вглубь подземная сила и прикрывает сырым и холодным пластом, как гробовой доской.

¹ По материалам С. Максимова

Тут ли не водиться злой дьявольской силе и как не считать чертям такие мочаги, топи, ходуны-трясины и крепи-заросли благоприятными и роскошными местами для надежного и удобного жительства?

- Отчего ты, черт, сидишь всегда в болоте? - спрашивает обездоленный болотистой и мокрой родиной белорус своего рогатого и хвостатого черта.

- Привык! - коротко и ясно отвечает тот, и отвечает как за себя лично, так и за других, столь же неохотно переменяющих старое насиженное место жительства на неизвестное, хотя бы и лучшее, новое.

- В тихом болоте черти водятся, - неизменно верят великороссы.

- Было бы болото (подкрепляют они, с другой стороны), а черти будут.

- Не ходи при болоте: черт уши обколотит, - доброжелательно советует третья из множества и столь же распространенная поговорка.

- И вылез бы черт из болота, и пошел бы в деревню к мужику на свадьбу, да попа боится, - выдают за истинно проверенное наблюдение.

Болотные черти живут семьями: имеют жен, плодятся и множатся, сохраняя свой род на бесконечные времена. С их детьми, бойкими и шустрыми чертенятами (хохликами), такими же черными (в отличие от немецких красненьких), мохнатыми и в шерсти, с двумя острыми рогами на макушке и длинным хвостом, не только встречались деревенские русские люди, но и входили с ними в разнообразные сношения. Образчики и доказательства тому в достаточном количестве разбросаны в народных сказках и, между прочим, в известной всем пушкинской сказке о работнике Балде. Один солдат строгих николаевских времен проносил чертенка в тавлинке целый год со днем.

Некоторые уверяют, что черти - востроголовые, как птицы сычи, а многие, сверх того, уверены, что эти духи непременно хромы. Они сломали себе ноги еще до сотворения человека, во время сокрушительного падения всего сонма бесов с неба. Так как на землю было свержено нечистой силы очень много, то она, во избежание вражды и ссор, очертила свои владения кругом. Этот круг возымел особое действие и силу: всякий попавший в него и переступивший след нечистого, обязательно блуждает и без помощи особых средств из него не выйдет и не избавится от дьявольского наваждения.

Когда народная фантазия наделила чертей многими человеческими свойствами, последовательность воображения потребовала изобретения дальнейших сходств и уподоблений. Бесспорно решено, что эти духи подвержены многим людским привычкам и даже слабостям: любят ходить в гости друг к другу, не прочь попить с размахом. На своих любимых местах (перекрестках и расстанях дорог) черти шумно справляют свадьбы (обыкновенно с ведьмами) и в пляске поднимают пыль столбом, производя то, что мы называем вихрями. При этом люди, бросавшие в такие пыльные столбы ножи или топоры, удачно разгоняли свадьбу, но на том месте находили всегда следы крови, и после того какая-нибудь слышущая ведьмой колдунья долго ходила либо с обвязанным лицом, либо с подвязанной рукой. На пирах, устраиваемых по случаю особенных побед над людьми, равно как и на собственных свадьбах, старые и молодые черти охотно пьют вино и напиваются; а сверх того любят курить табак, получаемый в дар от догадливых и трусливых людей. Самое же любимое занятие, превратившееся у чертей в неуголимую страсть, это - игра в карты и кости. В игре для чертей нет удержу и не установлено законов: проигрывают все, что есть за душой (а душа им полагается настоящая, почти такая же, как у людей). Впрочем, если пойдет дело на полную откровенность, то окажется, что дьявольская сила виновна в изобретении и самого вина и табачного зелья, да и нечистая игра в карты с передержкой и подтасовкой отнесена прямо к бесовским же вымыслам и науке. Конечно, все эти наветы требуют тщательной проверки ввиду того, что уже слишком во многом обвиняют чертей, например, даже в изобретении таких растений, как чай и картофель, - не далее начала XVIII столетия вошедших во всеобщее употребление. В последнем случае

оказывается явный поклеп; первое же обвинение – в изобретении вина и табачного зелья – затемняется противоречивыми показаниями. Очевидно, свидетели, недостаточно уверенные в самом факте, стремятся лишь настойчиво навязать то, в чем сами не вполне убеждены и еще колеблются. Так, например, вологжане думают, что предков их выучил варить веселое пойло какой-то странник в благодарность за то, что один добрый мужик приютил его: посадил за стол, порезал несколько ломтей хлеба, поставил солонку с солью, жбан с квасом. Вдвоем они открыли несколько кабаков, и потянулся туда народ бесчисленными толпами. Во Владимирской губернии черт (также в виде странника, в лаптях, в кафтане и с котомкой за плечами) поведал тайну варить пиво встречному бедняге, который выплакал ему свое житейское горе и разжалобил его. Счастливый мужичок впоследствии похвастался своим умением царю, а неизвестный царь велел варить во всем государстве это самое пиво, которое теперь прозывают вином. У смоляков черт со своим винокурным мастерством нанялся в работники и научил доброго хозяина гнать водку, как раз накануне свадьбы дочери, и т.д.

В рассказах о происхождении табака еще больше разногласий: то он вырос из могилы кровосмесителей (сестры и брата), то из головы евангельской блудницы (Вятская губерния), то из тела свихнувшейся чернички, убитой громом (Пензенская губерния), то, наконец, из могилы какого-то неведомого человека (Симбирская губерния). У вологжан есть поверие, что разводить табак выучил встреченного в лесу помещика неизвестный черный охотник, и т.д.

В подобных догадках и розысках дошли досужие люди до забавного и веселого. Раз у черта (рассказывают мещовские калужане) померла теща, и захотел он ее помянуть получше. Собрал он всех грешников по этой части, т.е. курильщиков и нюхальщиков. Вот куритель курит-курит да сплунет. Черт увидел это и велел всех курильщиков прогнать: они теще его все глаза заплевали. А нюхальщиков всех оставил: они понюхают, и их прошибет слеза – значит, и хорошо для поминок-то чертовой тещи. У тех же калужан, придерживающихся старой веры (в Мещовском уезде), сложилась насмешливая поговорка: "Наша троица в табаке роется" (намек на то, что нюхальщики роются в табакерках тремя пальцами, и как раз теми, которые слагаются для крестного знамения).

В людях

Все прямые отношения нечистой силы к человеческому роду сводятся к тому, что черти либо проказят, прибегая к различным шуткам, которые у них, сообразно их природе, бывают всегда злы, либо наносят прямое зло в различных его формах и, между прочим, в виде болезней. Словом – черти устраивают против людей всякие козни и исполняют главное свое назначение, состоящее в многообразных искушениях. Для облегчения своей деятельности, во всех ее направлениях, дьявольская сила одарена способностью превращений, т.е. черти могут совершенно произвольно сменять свою подозрительную и страшную бесовскую шкурку, принимая личину, сходную с людскою, и вообще принимая формы, более знакомые и привычные для человеческого глаза.

Переверты всякого рода и различные перекидьши производятся чертями с такой быстротою и внезапной стремительностью, какой не в силах представить себе людское воображение: последовательно проследить быстроту этих превращений не может самый зоркий глаз.

Всего чаще черти принимают образ черной кошки, почему во время грозы догадливые деревенские хозяева всегда выбрасывают животных этой масти за дверь и на улицу, считая, что в них присутствует нечистый дух (отсюда выражение, что при ссоре пробегает между людьми черная кошка). Не менее того черти облюбовали образ черной собаки, живых людей (при случае, даже малого ребенка) и великанов огромного роста, вровень с высочайшими соснами и дубами. Если задумает

черт выйти из своего болота в человеческом образе и явиться, например, бабе в виде вернувшегося из отлучки мужа, то он представляется всегда скучающим и ласковым. Если же встречается он на дороге, обернувшись кумом или сватом, то является непременно пьяным и готовым снова выпить, да сделает так, чтобы сват очутился потом либо на краю глубокого оврага, либо в колодце, в помойной яме, либо у дальнего соседа и даже на сучке высокого дерева с еловой шишкой в руке вместо рюмки вина.

Остальные превращения идут в последовательном порядке. Черти оборачиваются в свинью, лошадь, змею, волка, зайца, белку, мышь, лягушку, рыбу (предпочтительно щуку), в сороку (из птичьего рода это любимый образ) и разных других птиц и животных. Из последних, между прочим, в неизвестных, неопределенного и страшного вида. Перевертываются даже в клубки ниток, в вороха сена, в камни и пр. Вообще черти принимают самые разнообразные формы, какие только способно допустить пылкое людское воображение, однако же, не без некоторого ограничительного законного предела. Такой предел существует и упорно оберегается: не всегда, например, решаются черти представляться коровой, самым дорогим и полезным домашним животным, да подобному перевертышу и самая глупая баба не поверит. Не дерзают злые духи прикидываться петухами – вестниками приближения светлого дня, который столь ненавистен всякой злой силе, и голубями – самой чистой и невинной птицей в целом мире, памятуя, кто удостоивал принимать на себя образ этих милых и ласковых воркунов из царства пернатых. Точно так же никто не видал злой нежити в ослиной шкуре, так как всей их нечистой породе, со времен явления Христа на землю, стало известным, что сам Господь благоволил избрать осла, для своего победоносного шествия во святой град, к прославлению своего Божественного имени и учения.

Какой бы образ ни принял на себя дьявол, его всегда выдает сиплый, очень громкий голос с примесью утрашающих и зловещих звуков ("дух со страху захватывает"). Иногда он каркает черным вороном или стрекочет проклятой сорокой. По черному цвету шерсти животных и птичьих перьев тоже распознается присутствие хитрых бесов, и притом именно бесов, потому что, например колдуны и ведьмы, в отличие от чертей, бывают перевертышами исключительно белых и серых цветов. Зато при всяком превращении черти-дьяволы так искусно прячут свои острые рожки и подгибают и свертывают длинный хвост, что нет никаких сил уличить их в обмане и остеречься их.

Смущать человеческий род соблазном и завлекать лукавством – прямая цель дьявольского пребывания на земле. Причем люди искушаются по прямому предписанию из преисподней и по особому выбору самого князя тьмы или сатаны. Стараются совращать с пути блага и истины те наиболее искусные черти, у которых наука искушений доведена до высокой степени совершенства в течение бесчисленного ряда лет неустанной и неослабной работы. Искуситель всегда налицо: зазвенело в левом ухе – это он летел сдавать сатане грехи того человека, сделанные за день, и вот теперь прилетел назад, чтобы снова стать на страже и выжидать случая и повода к соблазнам. Искуситель, по народному представлению, неизбежно находится у человека с левого бока и шепчет ему в левое ухо о таких злых деяниях, какие самому человеку и в ум не пришли бы без коварных наветов черта. "Черт попутал", – уверенно и обычно говорят все, испытавшие неудачу в начинаниях, а еще чаще те, которые нежданно впали в прегрешение. Могут попутать свои грехи, могут попутать недобрые люди, но, по народным понятиям, и в том, и другом случае действуют колдуны, ведьмы и злые духи кромешного ада. Для последних личный прямой расчет заключается не в том, чтобы связываться, например, с ворами и разбойниками – людьми уже испорченными, а главным образом в том, чтобы увиваться около хороших людей, испытанной твердости правил и добрых нравов. Во всех таких случаях бесы работают с полной уверенностью в победе и с верой в свою великую силу. "Черт горами качает" – говорится испокон

века. Вот несколько народных рассказов, характеризующих власть чертей над человеком.

Жил в деревне парень хороший, одинокий и в полном достатке: лошадей имел всегда штуки по четыре; богомольный был – и жить бы ему да радоваться. Но вдруг ни с того ни с сего начал он пьянствовать, а потом, через неделю после того, свою деревню поджег. Мужики поймали его на месте: и спички из руки еще не успел выбросить. Связали его крепко, наладились вести в волость. На задах поджигатель остановился, стал с народом прощаться, поклонился в землю и заголосил:

– Простите меня, православные! И сам не ведаю, как такой грех прилучился, – и один ли я поджигал, или кто помогал и подговаривал – сказать не могу. Помню одно, что кто-то мне сунул в руки зажженную спичку. Я думал, что дает прикурить сигарку, а он взял мою руку и подвел с огнем под чужую крышу. И то был незнакомый человек, весь черный. Я отдернул руку, а крыша уже загорелась. Я хотел было спокаяться, а он шепнул: "Побежим от них!" Кто-то догнал меня, ткнул в шею, свалил с ног – вот и связали. Оглянулся – половина деревни горит. Простите, православные!

Стоит на коленях бледный, тоскливо на всех глядит и голосом жалобно молит; слезами своими иных в слезы вогнал. Кто-то вымолвил:

– Глядите на него: такие ли бывают лиходеи?

– Видимое дело: черт попутал.

– Черт попутал парня! – так все и заголосили. Судили-рядили, и порешили всем миром его простить. Да старшина настрашал: всей-де деревней за него отвечать придется. Сослали его на поселенье. Где же теперь разыскать того, кто толкал его под руку и шептал ему в ухо? Разве сам по себе, ведомый парень-смирена, на такое недоброе дело решился бы?

Один молодец с малых лет приобвык к водке, да так, что, когда стал хозяином и некого было бояться, пропил все на смех людям, на пущее горе жены и детей. Насмешки и ругань не давали ему прохода.

– Дай-ка я удавлюсь, опростаю руки. Некому будет и голосить, а еще все будут рады! – подумал молодец про себя, а вскоре и всем стал об этом рассказывать.

Один старичок к его речам прислушался и посоветовал:

– Ты вот что, друг, когда пойдешь давиться или заливаться (топиться), то скажи: душу свою отдаю Богу, а тело черту. – Пущай тогда нечистая сила владеет твоим телом!

Распростился мужик со своими, захватил вожжи и пошел в лес. А там все так и случилось, как быть надо. Явились два черта, подхватили под руки и повели к громадной осине. А около осины собралось великое сборище всякой нечисти: были и колдуны, и ведьмы, и утопленники, и удушенники. Кругом стоят трясучие осины, и на каждой сидит по человеку, и все манят.

– Идите поскорее: мы вас давно ожидаем!

Одна осина и макушку свою наклонила – приглашает. Увидали черти нового товарища, заплясали и запели на радостях, кинулись навстречу, приняли из рук вожжи, захлестнули за крепкий сук – наладили петлю. Двое растопырили ее и держат наготове, третий ухватил за ноги и подсадил головою прямо к узлу. Тут мужик и вспомнил старика, и выговорил, что тот ему велел.

– Ишь, велико дело твое мясо, – закричали все черти. – Что мы с ним будем делать? Нам душа нужна, а не тело вонючее.

С этими словами выхватили его из петли и швырнули в сторону. В деревне потом объяснял ему тот же старик:

– Пошла бы твоя кожа им на бумагу. Пишут они на той бумаге договоры тех, что продают чертям свои души, и подписывают своей кровью, выпущенной из надреза на правом мизинце.

Так как во всякого человека, которого бьет хмелевик (страдает запоем), непременно вселяется черт, то и владеет он запойным в полную силу: являясь в человеческом виде¹, манит его то в лес, то в омут. А так как бес выбирает себе место прямо в сердце, то и не бывает тому несчастному нигде покоя и места от страшной тоски. Пока догадаются исцелить такого человека единственным надежным средством "отчитыванием", т.е. пока не прочитают над ним всей псалтыри три раза, – коварный враг человеческого рода не перестанет смущать его и производить свои козни.

Овдовела, например, одна баба, да и затужила по мужу: начала уходить из избы и по задворкам скрываться. Если она, склонив голову на руки, сидит на людях, то кажется, что она совсем одеревенела – хоть топором ее секи. Стали домашние присматривать за ней из опасения, как бы она руки на себя не наложила, но не углядели: бросилась баба вниз головой в глубокий колодец. Там и нашли окоченелый и посинелый труп ее. Добрые люди ее не обвинили, а пожалели:

– Черт смутил, скоро поспел, в сруб пихнул: где слабой бабе бороться с ним? Благочестивые же, строгие люди, положив за грешную душеньку крестное знамение, не преминули открыто выговорить, в суд и в осуждение самоубийцы, заветную мысль:

– Коли сам человек наложил на себя руки – значит, он "черту баран".

"Черту баран" в равной мере и тот, кто прибегает к насильственной смерти, и тот, кто совершает поджог, убийство по злой воле (по внушению дьявола), и те, которые попадают в несчастье от неравновесия душевных сил переходного возраста. Все душевнобольные и ненормальные суть люди порченые, волею которых управляет нечистая сила, кем-либо напущенная и зачастую наталкивающая на злодеяние – себе на потеху. Тешат эти люди черта – делают из себя для него "барана" – в тех случаях, когда вздумает бес прокатиться, погулять, потешить себя, а то и просто возить на них воду, как на существах совершенно безответных, беззащитных, подобно овцам, и вполне подчиненных. Для того-то, собственно, и выбрано это самое кроткое безответное животное. Оно же у бесов любимое, в противоположность козлу, которого черти боятся от самого сотворения мира (вот почему держат до сих пор козлов на конюшнях). Кроме того, на самоубийцах на том свете сам сатана разъезжает таким образом, что запрягает одних вместо лошадей, других сагает за кучера править, а сам садится на главном месте вразвалку, понукает и подхлестывает. По временам заезжает он на них в кузницы и там подковывает бараньи копыта подобно лошадиным. Когда же сатана сидит на своем троне в преисподней, то всегда держит на коленях Иуду, хриstopродавца и самоубийцу, с кошельком в руках, из которого всем бесам отпускаются деньги на разные расходы по делу соблазнов и взысканий за содеянное грешными людьми. В таком виде сатану и на иконах пишут, и на тех картинах Страшного Суда, которые обычно малюются на западных стенах православных храмов. А чтобы вернее и удобнее попали во власть нечистой силы все утопленники и удавленники, – их стараются похоронить там, где они совершали над собой тяжкий грех самоубийства, причем погребают этих несчастных под голой насыпью, совсем без креста и вне кладбищенской ограды.

Первыми жертвами при забавах нечистой силы являются обыкновенно пьяные люди: то черти собьют с дороги подвыпивших крестьян, возвращающихся домой с храмового праздника из соседних деревень, то, под видом кума или свата, вызовутся на такой раз в провожатые. Ведут, видимо, по знакомым местам, а на самом деле, смотришь, человек очутился либо на краю обрыва, либо над прорубью, либо над водою, на свае мельничной запруды и т.п. Одного пьяного мужика поса-

¹ Так и говорить – «напиться до чертиков». При сильном опьянении действительно иногда кажутся неясные фигуры, вроде серого или темного человека, а при «белой горячке» вообще может показаться все что угодно, в том числе и черти.

дил дьявол в колодец, но как и когда – несчастный человек не мог сообразить и припомнить: был на игрище, вышел на крыльцо прохладиться, да и пропал. Стали искать и услышали крик в колодце. Вынули и узнали следующее:

– Позвал сват пить чай да пиво. Выпил чашку пива и увидел, что не у свата я в гостях, а в колодце, да и не пиво пью, а холодную воду. И не стаканчиком ее пью, а прямо захлебку.

Однако наряду с этими злыми шутками, черти, по воззрениям народа, сплошь и рядом принимают пьяных под свое покровительство и оказывают им разнообразные услуги. На первый взгляд, в таком поведении чертей можно усмотреть как будто некоторое противоречие. В самом деле: черт, злая сила, представитель злого начала, и вдруг оказывает людям добрые услуги. Но на самом деле противоречия здесь нет: каждый пьяный есть, прежде всего, слуга черта – своей греховной страстью к вину он "тешит беса", и потому черту просто нет расчета причинять своим верным слугам какое-нибудь непоправимое зло, – напротив, есть расчет оказывать им помощь. Сверх того, никто другой, как именно черт наталкивает на пьянство, наводит на людей ту болезнь, которая зовется хмелевиком, или запо-ем: он, следовательно, в вине, он и в ответе. Не наказанием же считать его заботы о пьяных и его хлопоты около тех, которые прямо лезут в огонь или воду, и не карает же он, в самом деле, если забавляется с охмелевшим человеком и шутит шутки, хотя бы даже и злые (что ему и к лицу, и по праву). Привел пьяного к куму в гости – велел раздеваться; захотелось пьяному пить – указал на целый ушат с пивом: пей да зубы не разбей, – долго оно на дворе стояло, замерзло. Раздевшись, испытуемый стал разуваться, озяб. Осмотрелся и видит, что сидит на сломанном пне и босая нога стоит в снегу, а вдали огонек светит. Увидал его, схватился бежать, и бежал как угорелый. На горе по обрыву последний сапог потерял; у окна свата стучал и кричал: "Замерзаю, пустите!" – И предстал разутым, раздетым, без шапки. Сват с досады спрашивает: "Где тебя черт носил?" – Отвечает с уверенностью и твердым голосом: "Он-то меня и носил!". И в самом деле: на откосе валеный сапог нашли, шапку, полушубок сняли с сучка в лесу, а рукавицы валялись подле проруби на реке, из которой угощал давешний кум холодным пивом.

Черт любит, говорят, пьяных по той причине, что таких людей ему легче наталкивать на всякий грех, внушать дурные мысли, подсказывать черные и срамные слова (очень часто хлесткие и остроумные), наталкивать на драку и на всякие такие поступки, для которых у всех, за неимением верного, есть одно дешевое и вечное оправдание: "черт попутал".

– По пьяному делу мало ль чего не бывает, – толкуют опытные люди, – напустит "он" жуть (страх), либо тоску, так и незнамо что представится. Со страху да тоски руки на себя наложишь, а он и рад: начнет под бока подталкивать, на ухо нашептывать. Ты только петлю накинь, а он под руку подтолкнет – и затянет. За тем они и на землю являются, чтобы ввести человека в грех или нанести какой-либо вред.

Трезвые и степенные люди возводят на бесовскую силу немало и других поклепов и обвиняют ее в самых разнообразных злодеяниях и даже в посягательствах на человеческую жизнь. Так, например, во время грозы бес, преследуемый стрелами молний, прячется за человека, подвергая его опасности. Поражая беса, Илья Пророк или Михаил Архангел могут убить и невинного. Вот почему во время грозы надо креститься. Надо поступать подобным же образом перед едой и питьем, помня, что нечистая сила любит проказить, оскверняя неосвященные сосуды чем ни попало. Это (по свидетельству житий), между прочим, любимые шалости чертей, к каковым они также прибегают для соблазнов.

Вращается часто в деревенском быту ругательное слово "оммен" (т.е. обмен, обменш), основанное на твердом веровании в то, что дьявол подменяет своими чертенятами некрещеных человеческих младенцев. Без разбору черти уносят и

тех, которых в сердцах проклинают матери, и таких, которым в недобрый час скажут неладное (черное) слово вроде: "хоть бы леший тебя унес". Уносят и младенцев, оставленных до крещения без надлежащего присмотра, т.е. когда младенцам дают заснуть, не перекрестив их, дают чихнуть и не поздравляют ангельскую душу, не пожелают роста и здоровья. Особенно не советуют зевать в банях, где обыкновенно роженицы проводят первые дни после родов. Нечистая сила зорко сторожит и пользуется каждым случаем, когда роженица вздремнет или останется одна. Вот почему опытные повитухи стараются не покидать матерей ни на минуту, а в крайнем случае, при выходе из бани, крестят все углы. Если же эти меры предосторожности не будут приняты, то мать и не заметит, как за крышей зашумит сильный ветер, спустится нечистая сила и обменяет ребенка, положив под бок женщины своего "лешачонка" или "обменьша".

Эти обменьши бывают очень тощи телом и крайне уродливы: ноги у них всегда тоненькие, руки висят плетью, брюхо огромное, а голова непременно большая и свисающая на сторону. Сверх того, они отличаются природной тупостью и злостью и охотно покидают своих приемных родителей, уходя в лес. Впрочем, живут они недолго и часто пропадают без вести или обращаются в головешку.

Что касается судьбы похищенных детей, то черти обыкновенно носят их с собой, заставляя раздувать начавшиеся на земле пожары. Но бывает и иначе. Похищенные дети отдаются на воспитание русалкам или проклятым девкам, у которых они остаются, превращаясь впоследствии: девочки в русалок, мальчики в леших. Сюда же, к неизвестным "тайным людям" или к самим дьяволам, поступают "присланные дети", т.е. случайно задушенные матерями во время сна. И в том и в другом случае душа ребенка считается погибшей, если ее не спасет сама мать постоянными молитвами в течение сорока дней, при строжайшем посте. Ребенок, унесенный "тайными людьми", делается сам тайным человеком: невидимо бродит по белому свету, отыскивая себе пропитание. Пьет молоко, оставленное в горшках неблагословленным, снимает с крынок сметану. Если же ребенок похищен дьяволом, то последний помещает его в темной и тесной темнице. Хотя в темнице нет ни огня, ни кипящей смолы, как в крошечном аду, зато ребенок навсегда лишается света, и будет вечно проклинать свою мать за то, что она не уберегла его. Впрочем, для матери, осыпаемой упреками посторонних и страдающей от собственного раскаяния, имеется выход из этого мучительного положения. Необходимо три ночи простоять в церкви на молитве; но беда в том, что не всякий священник разрешает это. Тем не менее, несчастные матери слепо веруют, что если ребенка похитили тайные люди, то он, по молитве, явится на своем месте целым и, по окроплении святою водою, останется невредимым. Но зато матерям с чертями предстоит много хлопот, так как приходится подвергать себя тяжелым испытаниям, которые не по силам женской природе.

Лишь только наступит ночь и женщина, оставшись одна в церкви, встанет на молитву, как тотчас же начинает она подвергаться всяким ужасам: позади поднимается хохот и свист, слышатся топанье, пляски, временами детский плач и угрозы. Раздаются бесовские голоса на соблазн и погибель:

- Оглянись, - отдадим!... Кричит и ребенок:
- Не мать ты мне, а змея подколотная!

Оглянуться на тот раз - значит, навеки погубить себя и ребенка (разорвут черти на части). Выдержать искушение - значит, увидеть своего ребенка черным, как уголь, которого на одну минуту покажут перед тем, как запеть вторым петухам.

На вторую ночь происходит то же самое, но с тем лишь различием, что на этот раз ребенок не клянет свою мать, а твердит ей одно слово: "Молись!" - После первого петуха появляется дитя на половину тела белым.

Третья ночь - самая опасная: бесы начинают кричать детским голосом, пищат и плачут, захлебываясь и с отчаянными взвизгами умоляя взять их на руки. Среди

деланных воплей до чуткого уха любящей матери, храбро выдерживающей иску́с, доносятся и нежные звуки мягкого голоса, советующего молиться:

– Матушка, родная ты моя! Молись, молись, – скоро замолишь.

Пропое́т третий раз петух – и дьявол бросает перед матерью совершенно белого ребенка, т.е. таким, каким она его родила.

– Теперь ты мне родная мать – спасибо: замолила! – прокричит дитя и мертвым, но спасенным, остается лежать на церковном полу.

За отказом священников, беспокойства сокрушающихся матерей доходят до крайних пределов, и только благодаря богомольным настроениям они находят успокоение в хождениях по монастырям и в увещеваниях благочестивых старцев, признаваемых за святых. От старцев тоскующие матери и приносят домой уверенность в том, что и душа заспанного младенца пойдет туда же, куда все души прочих умерших детей, т.е. прямо в святой рай, к самому Господу Богу.

Изображение беса (черта) в Гигантском кодексе (Чехия), начало XIII века.

Из некоторых житий святых – особенно по афонскому патерику – и из народных сказок довольно известны сладострастные наклонности всей бесовской породы. Эти наклонности проявляются как в личных поступках отдельных бесов, так и в характере людских искушений, потому что бесы всего охотнее искушают людей именно в этом направлении. В истории борьбы христианства с язычеством в Византии есть немало указаний на ту же блудную наклонность дьяволов и на связь их с гречанками того времени. Стоит и в наши дни, у нас на Руси, поскучать

молодой бабе по ушедшему на заработки мужу, в особенности же вдове по умершему, как бесы и готовы уже на утеху и на услуги. Пользуясь способностью перекидываться (принимать на себя всякие личины) и ловкостью, в соблазнах и волокитствах бесы добиваются полных успехов. Начинают, например, замечать соседи, что баба-вдова иногда то делается как бы на положении беременной, а то и опять ничего не заметно, нет никаких перемен. В то же время она со всякой работой справляется отлично, летом выходит в поле одна, а делает за троих. Все это, вместе взятое, приводит к предположению, что баба находится в преступной связи с дьяволом. Убеждаются в том, когда начнет баба худеть и до того исхудает, что останутся только кожа да кости. Прозорливые соседки видят даже, как влетает в избу нечистый, в виде огненного змея, и с клятвой уверяют, что на глазах у всех бес влетел в трубу и рассыпался огненными искрами над крышей.

Поверья об огненных змеях настолько распространены, а способы избавляться от их посещений до того разнообразны, что перечисление главных и описание существенных может послужить предметом особого исследования. Рассказы о таких приключениях поражают своей многочисленностью, но в то же время и докучным однообразием. Входит бес во временную сделку с несчастной, поддавшейся обману и соблазну, и всего чаще с женщиной, допустившей себя до полного распутства. Оба стараются, по условию и под страхом тяжелого наказания, держать эту связь в величайшей тайне, но греховное дело с нечистым утаиться не может. Находится достойный человек, которому доверяется тайна, и отыскивается средство благополучно прекратить это сношение. Помогает в таких случаях накинута на беса (обычно являющегося в виде дородного мужчины) лошадиный недоуздок. Отваживают от посещений еще тем, что нащупывают у соблазнителя спинной хребет, какового обычно у этих оборотней не бывает. Иных баб, сверх того, спасают отчитыванием (от блудного беса – по требнику Петра Могилы); другим помогает чертополох (*cisium* и *Carduus*) – колючая сорная трава, равно ненавистная всей нечистой силе. Приглашают также в дом священника служить молебен; пишут во всех углах мелом и дегтем кресты, курят из ручной жаровенки ладаном и прочее¹.

Рассказывают, что иногда и сами черти налетают на беду и остаются в дураках: убегают от сварливых бедовых баб опрометью, добровольно и навсегда. Болтают также, что от подобной связи рождаются черные, глупые и дети злые, которые могут жить очень недолго, так что их даже никто не видит.

В сознании простых людей еще окончательно не решено, в чем заключается причина болезней, постигающих человеческий род: в Божеском ли попущении, или в дьявольском наваждении. По сличении сведений, полученных более чем из пятидесяти местностей относительно происхождения различных недугов, – оказывается, что значительный перевес на стороне последнего мнения. При этом известно, что некоторые болезни, как, например, лихорадки, в народном представлении рисуются в форме живых существ, имеющих старческий вид и каждая свое особое имя, как дочери Иродовы. Общее количество лихорадок доходит до двенадцати (а по некоторым сведениям, даже до семидесяти), причем все они представляются в виде косматых, распоясанных старух. Против лихорадок издавна вращается в народе целый молитвенный список, присутствие которого в доме считается, подобно такому же апокрифическому сказанию о Сне Богородицы, за действительное и сильное целебное средство. Как заболевшие, так равно и желающие предохранить себя от будущих напастей, должны носить тот и другой список на шейном кресте, за-

¹ Как всем известно, – хотя бы по словам повсюду распространенной поговорки – черти всего больше боятся ладана ("Ладан – на чертей, тюрьма – на воров"), а вследствие того и введены в обычай сумочки-ладанки, носимые вместе с крестами на шее. В такие сумочки зашивают, вместе с какой-либо святыней, кусочки этой пахучей смолки. Бывает, впрочем, зачастую и так (по пословице же), что у иных "ладан на вороту, а черт на шее".

шитыми в тряпичку. Лишь в некоторых местностях удалось различить причины болезней, распределив их по двум основным разрядам. Выходит так, что все болезни (особенно эпидемические, вроде холеры и тифа), посылает сам Бог, в наказание или для вразумления, и лишь немногие зависят от насыла злым человеком, или от порчи колдунами и ведьмами. Зато все душевные болезни, и даже проказу, всегда и бесспорно насылает черт. На него и показывают сами больные, выкликая имя того человека, который принес, по указанию и наущению дьявола, порчу и корчу и нашептал всякие тяжелые страдания.

В некоторых местностях существует полная уверенность в том, что на всякую болезнь полагается особый дух, и что каждый из этих духов имеет свой вид: например, для лихорадки – вид бабочки, для оспы – лягушки, для кори – ежа и т.п. Сверх прочих, существует еще особенный бес, насылающий неожиданные и беспричинные острые боли, пробегающие схватками в спине, руках и ногах. Такой бес называется "притком" (отсюда и обычное выражение "попритчилось"). Для пьяниц черти приготавливают в водке особого червя (белого, величиной с волосок): проглотившие его делаются горькими пьяницами и т.п.

Все болезни, которыми чаще всего страдают женщины, как, например, кликушество, и вообще порчи всякого рода (истерии) приписываются, бесспорно, бесам. Причем сами женщины твердо и непоколебимо убеждены, что это бесы вселились внутрь испорченных, что они вошли через непороченный рот во время зевоты или в питье, или в еде. Подобные болезни ученые доктора лечить не умеют; тут помогают только опытные знахари да те батюшки, у которых водятся особые, древние молитвенники, какие имеются не у всякого из духовных.

Хотя и придумана давно деревенская пословица: "Богу молись, а черта не гневи", – но существует и такая истина, которая выше всякой греховной болтовни и легкомысленных правил: "Без Божьей воли и волос на голове человека не пропадает". Если черт – лиходеи для человека только по Божью попущению, то во всяком случае бесовскому влиянию положен известный предел, и самое пребывание нечистой силы на земле ограничено определенными сроками. Так, еще повсюду сохранилось убеждение, что при благовесте в церквях, после третьего удара, вся бесовская сила проваливается в преисподнюю. В то же время сознательно твердо держится вера, что ко всякому человеку, при его рождении, приставляется черт и ангел. Оба они не оставляют человека ни на одну минуту, причем ангел стоит по правую сторону, а дьявол по левую¹. Между ангелом-хранителем и дьяволом-соблазнителем стоит постоянная вражда. Каждый из них зорко следит друг за другом, уступая первенство сопернику лишь в зависимости от поведения человека: радуется, умиляясь, ангел, при виде добрых дел; осклабляется, хохочет и хлопает в ладоши довольный дьявол, при виде послушания его злым наветам. Ангел записывает все добрые дела, дьявол учитывает злые, а когда человек умрет, ангел спорит с дьяволом о грешной душе его. Кто из двух победит – известно единому Богу.

Впрочем, до того времени на всякий час готово для утешения молитвенное слово:

"Ангел мой, сохранитель мой! Сохрани мою душу, укрепи мое сердце на всяк день, на всяк час, на всякую минуту. Поутру встаю, росой умываюсь, пеленой утираюсь Спасова Пречистова образа. Враг-сатана, отшатнись от меня на сто верст – на тысячу, на мне есть крест Господень! На том кресте написаны Лука и Марк, и Никита-мученик: за Христа мучаются, за нас Богу молятся. Пречистые замки ключами заперты, замками запечатаны, ныне и присно, и во веки веков, аминь".

¹ Сведущие люди держатся, вследствие подобного верования, того правила, что никогда не плюют на правую сторону и ложатся спать на левом боку, чтобы держать лицо обращенным к своему ангелу и не видеть во сне дьявола.

Выделился из осиротелой семьи старший брат и задумал себе избу строить. Выбрал он под стройку обжитое место. Лес рубил "избяной помочью": сто бревен – сто помочан, чтобы вырубить и вывезти каждому по бревну. Десятком топоров успели повалить лес поздней осенью, когда дерево не в соку, и вывезли бревна по первопутку: и работа была легче, и лошади меньше наломались. Плотники взялись "срубить и поставить избу", а если сладится хозяин с деньгами в этот же раз, то и "нарядить" ее, т.е. сделать все внутреннее убранство, доступное топору и скобелю. Плотники подобрались ребята надежные, из ближнего соседства, где испокон веку занимаются этим ремеслом, и успели прославиться на дальние окольности. Помолились на восход солнца, выпили "заручную" и начали тятать с ранней зари до самой поздней.

Когда положили два нижние бревна – два первые венца так, что где лежало бревно комлем, там навалили другое вершиной, приходил хозяин, приносил водку: пили "закладочные". Под передним, святым углом, по желанию хозяев, закладывали монету на богатство, и плотники сами от себя – кусочек ладана для святости. Пусть-де не думают про них, с бабьих бредней, худого и не болтают, что они знают с нечистой силой и могут устроить так, что дом для жилья сделается неудобным.

Переход в новую избу или "влазины", новоселье – в особенности жуткая пора и опасное дело. На новом месте словно бы надо переродиться, чтобы начать новую, тяжелую жизнь в потемках и ощупью. Жгучая боль лежит на сердце, которое не чувствует (а знать хочет), чего ждать впереди: хотелось бы хорошего, когда вокруг больше худое. Прежде всего, напрашивается неотразимое желание погадать на счастье. Для этого впредь себя в новую избу пускают петуха и кошку. Если суждено случиться беде, то пусть она над ними и стрясется. За ними уже можно смело входить с иконой и хлебом-солью, всего лучше в полнолуние и обязательно ночью¹.

Искушенные житейским опытом, хозяйки-бабы, поставив икону в красный угол, отрезают один сукрой от каравай хлеба и кладут его под печку. Это – тому незримому хозяину, который вообще зовется "домовым-доможилом". В таких же местах, где домовому совершенно верят, и лишь иногда, грешным делом, позволяют себе сомневаться, соблюдается очень древний обычай, о котором в других местах давно уже и забыли. Кое-где (например, по Новгородской губернии, около Боровичей) хозяйка дома до рассвета (чтобы никто не видал) старается три раза обежать новую избу нагишом, с приговором: "Поставлю я около двора железный тын, чтобы через этот тын ни лютый зверь не перескочил, ни гад не переполз, ни лихой человек ногой не переступил, и дедушка-лесной через него не заглядывал". А чтобы был этот "замок" крепок, баба в воротах перекидывается кубарем также до трех раз и тоже с заученным приговорным пожеланием, главный смысл которого выражает одну заветную мысль, чтобы "род и плод в новом доме увеличивались".

О происхождении домовых рассказывают следующую легенду. Когда Господь, при сотворении мира, сбросил на землю всю непокорную и злую небесную силу, которая возгордилась и подняла мятеж против своего Создателя, на людские жилища тоже попадали нечистые духи. При этом неизвестно, отобрались ли сюда те, которые были подобнее прочих, или уж так случилось, что приселившись поближе к людям, они обжились и обмякли, но только эти духи не сделались злыми врагами, как водяные, лешие и прочие черти, а как бы переродились: превратились в доброхотов и при этом даже оказались с привычками людей веселого и шутливого

¹ Ночью же в новый дом и скотину перегоняют. Счастливыми днями для новоселья считаются двенадцатые праздники, и между ними в особенности Введение во храм Богородицы.

нрава. Большая часть крестьян так к ним привыкла, так примирилась с ними, что не согласна признавать домовых за чертей и считает их за особую отдельную добрую породу.

Никто не позволяет себе выругаться их именем. Всегда и все отзываются о них с явным добродушием и даже с нежностью. Это вполне определенно выражается во всех рассказах и согласно подтверждается всеми сведениями, полученными от исследователей в ответ на программные вопросы по "Демонологии" из разных концов Великодержавии.

Каждая жилая деревенская изба имеет одного такого невидимого жильца, который и является сторожем не только самого строения, но, главным образом, всех живущих: и людей, и скотины, и птицы.

Живет-слывет он обычно не под своим прирожденным именем "домового", которое не всякий решится произносить вслух (отчасти из уважения к нему, отчасти из скрытой боязни оскорбить его таким прозвищем). А величают его, за очевидные и доказанные услуги, именем "хозяина" и за древность лет его жизни на Руси — "дедушкой".

Поскольку все это разнообразие имен и прозвищ свидетельствует о живучести домашнего духа и близости его к людским интересам, постольку он и сам неуловим и неуязвим. Редкий может похвалиться тем, что воочию видал домового. Кто скажет так, тот либо обманулся с перепугу и добродушно вводит других в заблуждение, либо намеренно лжет, чтобы похвастаться. Видеть домового нельзя: это не в силах человека (с чем совершенно согласно большинство людей сведущих, искусившихся долгим опытом жизни). И если кто говорит, что видал его в виде вороха сена, в образе какого-либо из домашних животных, тот явно увлекается и строит свои догадки только на том предположении, что домовой, как всякий невидимый дух с нечеловеческими свойствами, наделен способностью превращаться, принимая на себя разнообразные личины, и даже будто бы всего охотнее — образ самого хозяина дома. Тем, кто пожелал бы его видеть, предлагают нелегкие задачи: надо надеть на себя, непременно в Пасхальную ночь, лошадиный хомут, покрыться бороной зубьями на себя и сидеть между лошадьми, которых он особенно любит, целую ночь. Говорят даже, что если домовой увидит человека, который за ним, таким образом, подсматривает, то устраивает так, что лошади начинают бить задом по бороне и могут до смерти забить любознательного. Верно и вполне доказано только одно, что можно слышать голос домового (и в этом согласны все поголовно), слышать его тихий плач и глухие сдержанные стоны, его мягкий и ласковый, а иногда и отрывисто-краткий и глухой голос в виде мимоходных ответов, когда умелые и догадливые хозяева успевают окликнуть и сумеют спросить его при подходящих случаях. Впрочем, все, кто поумнее и поопасливее, не пытаются ни видеть этих духов, ни говорить с ними, потому что, если это и удастся, добра не будет: можно даже опасно захворать. Впрочем, домовой по доброму своему расположению (к большакам семьи преимущественно и к прочим членам — в исключение), имеет заветную привычку наваливаться во сне на грудь и давить. Кто, проснувшись, поспешит спросить его: "К худу, или добру?" — он ответит человеческим голосом, словно ветер листьями прошелестит. Только таким избранным и особенно излюбленным удалось узнать, что он мохнатый, оброс мягкой шерстью, что ею покрыты даже ладони рук его, совершенно таких же, как у человека, что у него, наконец, имеются, сверх положения, рога и хвост. Часто также он гладит сонных своею мягкою лапой, и тогда не требуется никаких вопросов — довольно ясно, что это к добру. Зла людям он не делает, а напротив, старается даже предостеречь от грядущих несчастий и временной опасности.

Если он временами стучит по ночам в подызбице, или возится за печью, или громыкает в поставцах посудой, то это делает он просто от скуки и, по свойству своего веселого нрава, забавляется. Давно и всем известно, что домовой — вообще большой проказник, своеобразный шутник и где обживется, там беззаботно

и беспричинно резвится. Он и сонных щекочет, и косматой грудью на молодых наваливается также от безделья, ради шутки. Подурит и пропадет с такой быстротой, что нет никакой возможности заметить, каков он видом (что, однако, удалось узнать про лешего, водяного и прочих духов – подлинных чертей). В Смоленской губернии (в Дорогобужском уезде) видали домового в образе седого старика, одетого в белую длинную рубаху и с непокрытой головой. Во Владимирской губернии он одет в свитку желтого сукна и всегда носит большую лохматую шапку; волосы на голове и в бороде у него длинные, свалывшиеся.

Из-под Пензы пишут, что это старичок маленький, "словно обрубок или кряж", но с большой седой бородой и неповоротливый: всякий может увидеть его темной ночью до вторых петухов. В тех же местах, под Пензой, он иногда принимает вид черной кошки или мешка с хлебом.

Поселяясь на постоянное житье в жилой и теплой избе, домовый так в ней приживается на правах хозяина, что вполне заслуживает присвоенное ему в некоторых местностях название доможила. Если он замечает покушение на излюбленное им жилище со стороны соседнего домового, если, например, он уличит его в краже у лошадей овса или сена, то всегда вступает в драку и ведет ее с таким ожесточением, какое свойственно только могучей нежити, а не слабой людской силе. Но одни лишь чуткие люди могут слышать этот шум в хлевах и конюшнях и отличать возню домовых от лошадиного топота и шараханья шальных овец. Каждый домовый привыкает к своей избе в такой сильной степени, что его трудно, почти невозможно выселить или выжить. Недостаточно для того всем известных молитв и обычных приемов. Надо владеть особыми притягательными добрыми свойствами души, чтобы он внял мольбам и не признал бы ласкательные причеты за лицемерный подвох, а предлагаемые подарки, указанные обычаем и советом знахаря, за шутиливую выходку. Если при переходе из старой рассыпавшейся избы во вновь отстроенную не сумеют переманить старого домового, то он не задумается остаться жить на старом пепелище среди трухи развалин в холодной избе, несмотря на ведомую любовь его к теплоте жилища. Он будет жить в тоске и на холоде и в полном одиночестве, даже без соседства мышей и тараканов, которые, вместе со всеми другими жильцами, успевают перебраться незванными. Оставшийся из упрямства, по личным соображениям, или оставленный по забывчивости недогадливых хозяев, доможил предпочитает страдать, томясь и скучая, как делал это, между прочим, тот домовый, которого забыли пригласить с собой переселенцы в Сибирь. Он долго плакал и стонал в пустой избе, – и не мог утешиться. Такой же случай был и в Орловской губернии. Здесь, после пожара целой деревни, домовые так затосковали, что целые ночи были слышны их плач и стоны. Чтобы как-нибудь утешить их, крестьяне вынуждены были сколотить на скорую руку временные шалашики, разбросать подле них ломти посоленного хлеба и затем пригласить домовых на временное жительство: "Хозяин-дворовой, иди покель на покой, не отбивайся от двора своего".

В Чембарском уезде (Пензенская губерния) домовых зазывают в мешок и в нем переносят на новое жилище, а в Любимском уезде (Ярославская губерния) заманивают горшком каши, которую ставят на загнетке.

При выборе в избе определенного места для житья, домовый неразборчив: живет и за печкой, и под шестком, поселяется под порогом входных дверей, и в подыбице, и на подволоке, хотя замечают в нем наибольшую охоту проводить время в голбцах¹ и в чуланах. Жена домового "доманя" (в некоторых местах, например во Владимирской губернии, домовых наделяют семействами) любит жить в подполье, причем крестьяне, при переходе в новую избу, зовут на новоселье и ее, приговаривая: "Домдомовой, пойдем со мной, веди и домовиху-госпожу – как умек на-гражу".

¹ Дощатых помещениях около печи со спуском в подполье.

Когда "соседко" поселяется на вольном воздухе, например на дворе, то и зовется уже "дворовым", хотя едва ли представляет собою отдельного духа: это тот же "хозяин", взявший в свои руки наблюдение за всем семейным добром.

Его также не смешивают с живущими в банях баенными и банными (если он бывает женского пола, то называют "волосаткой"), с поселившимися на гумнах овинными и т.п. (см. о них дальше). Это все больше недоброхоты, злые духи: на беду людей завелись они, и было бы большим счастьем, когда бы они все исчезли с лица земли. Но как обойтись без домового? Кто предупредит о грядущей напасти, кто скажет, какой масти надо покупать лошадей, какой шерсти покупать коров, чтобы водились они подолгу? Если говорят, что скотина "не ко двору", то это значит, что ее невзлюбил своеобразный капризник "дворовый хозяин". Кто умеет слушать и чутко слышит, тому домовый сам своим голосом скажет, какую надо покупать скотину. Разъезжая на нелюбимой лошадке, домовый может превратить ее из сытого круглыша в такую клячу, что шкура будет висеть, как на палке. В Меленках (Владимирская губерния) один домохозяин спрятался в яслях и увидел, как домовый соскочил с сушила, подошел к лошади и давай плевать ей в морду, а левой лапой у нее корм выгребать. Хозяин испугался, а домовый ворчит про себя, но так, что очень слышно:

«Купил бы кобылку пегоньку, задок беленький!».

Послушались его и купили. И опять из-под яслей хозяин видел, как с сушила соскочил домовый в лохматой шапке, в желтой свитке, обошел кругом лошадь, осмотрел ее да и заговорил:

— Вот это лошадь! Эту стоит кормить, а то купил какую-то клячу.

И домовый стал ее гладить, заплел на гриве косу и начал под самую морду подгребать ей овес. В одной деревне Череповецкого уезда (Новгородская губерния) домовый, навалившись ночью на мужика и надавливая ему грудь и живот, прямо спросил (и таково сердито!):

— Где Серко? Приведи его назад домой.

Надо было на другое же утро ехать в ту деревню, куда продал хозяин лошадь, и размениваться. А там тому рады: и у них, когда вводили лошадь, на дворе она фыркала и артачилась, а на другое утро нашли ее всю в мыле. Один хозяин в упор спросил домового, какой масти покупать лошадь, и домовый ему повелительно ответил: "Хоть старую да чалую", и т.п.

Бывают лошади "двужильные" (переход от шеи к холке раздвоенный), в работу негодные: они служат только на домового. Кто об этом дознается, тот спешит продать такую лошадь за бесценок, потому что если она околеет на дворе, то сколько лошадей ни покупай потом — все они передохнут (счетом до двенадцати), и нельзя будет больше держать эту скотину. Вот только в этом единственном случае, всякий домовый, как он ни добр нравом, бывает неуступчив, и чтобы предотвратить его гнев, пробуют поколелую лошадь вытаскивать не в ворота, а в отверстие, нарочно проломанное в стене хлева, хотя это и не всегда помогает.

Зная про подобные напасти, и не забывая проказ и капризов домового, люди выработали по всей великой Руси, общие для всех обычаи при покупке и продаже лошадей и скота, а также и при уходе за ними.

Когда купят корову или лошадь, то повод от узды или конец веревочки передают из полы в полу и говорят пожелания "легкой руки". Покупатель снимает с головы шапку и проводит ею от головы и шеи, вдоль спины и брюха "новокупки". А когда "новокупку" ведут домой, то из-под ног по дороге поднимают щепочку или палочку и ею погоняют. Когда же приведут корову во двор, погонялку эту забрасывают:

— Как щепочке не бывать на старом месте, как палочке о том же не тужить и не тосковать, так бы и купленная животи́на не вспоминала старых хозяев и не сохла по ним.

— Затем "новокупку" прикармливают кусочком хлеба, а к домовому прямо обра-

щаются и открыто, при свидетелях, кланяются в хлевах во все четыре угла и просят: поить, кормить, ласкать и холить и эту новую, как бывалых прежних.

С домашнего скота добрый домовый переносит свои заботы и на людей. Охотнее всего он старается предупреждать о несчастиях, чтобы умелые хозяева успевали подготовиться к встрече и отвести от себя напасть заблаговременно. Люди догадливые в таких случаях без слов разумеют те знаки, какие он подает, когда ему вздумается. Так, например, если слышится плач домового, иногда в самой избе, то быть в доме покойнику. Если у трубы на крыше заиграет в заслонку – будет суд из-за какого-нибудь дела и обиды; обмочит домовый ночью – заболит тот человек; подергает за волосы – остерегайся жена: не ввязывайся в спор с мужем, не грызись с ним, – отмалчивайся, а то верно прибит и очень больно. Загребет домовый в поставце посудой – осторожнее обращай с огнем и зорко поглядывай, не зарони искры, не вспыхнула бы непотушенная головешка, не случился бы большой пожар и т.д. Плачет и охает домовый – к горю, а к радостям скачет, песни играет, смеется; иногда, подыгрывая на гребешке, предупреждает о свадьбе в семье, и т.п.

Все хорошо знают, что домовый любит те семьи, которые живут в полном согласии, и тех хозяев, которые рачительно относятся к своему добру, в порядке и чистоте держат свой двор. Если из таких кто-нибудь забудет, например, замесить коровам корм, задать лошадям сена, то домовый сам за него позаботится. Зато ленивым и нерадивым он охотно помогает запускать хозяйство и старается во всем вредить: заезживает лошадей, мучает и бьет скотину; забивает ее в угол яслей, кладет ее вверх ногами в колоду, засоряет навозом двор, давит каждую ночь и сбрасывает с печи и полатей на пол хозяина, хозяйку и детей их и т.д. Впрочем, помириться с рассерженным домовым нетрудно, – для этого стоит только положить ему под ясли нюхательного табаку, до которого он большой охотник, или вообще сделать какой-нибудь подарок, вроде разноцветных лоскутьев, старинной коптилки с изображением Егория на коне, или просто горбушки хлеба, отрезанной от непочатого каравая. Однако иногда бывает и так, что, любя хороших хозяев, он, между тем, мучает скотину, а кого любит, – на того наваливается во сне и наяву, не разбирая ни дня, ни ночи, но предпочитая, однако, сумерки. Захочет ли домовый объявиться с печальным или радостным известием, или просто пошутить и попоказывать, – он предпочитает во всех таких случаях принимать на себя вид самих хозяев. Только (как успевали замечать некоторые) не умеет он при этом прятать своих лошадиных ушей. В таком образе домовый не прочь и пособить рабочим, и угостить иного даже курительным табаком, и помешать конокрадам, вырядившись для этого в хозяйское платье и расхаживая по двору целую ночь с вилами в руках, и т.п. Под городом Орлом рассказывают, что однажды домовые так раздобрились для своих любимых хозяев, что помогали им в полевых работах, а одного неудачливого хозяина спасли тем, что наладили его на торговлю и дали возможность расторговаться с таким успехом, что все дивились и завидовали. Заботы и любовь свою к семьям иной доможил простирает до такой степени, что мешает тайным грехам супругов и, куда не поспеет вовремя, наказывает виноватого тем, что наваливается на него и каждую ночь душит. При этом, так как всей нечистой силе воспрещено самим Богом прикасаться к душе человеческой, то, имея власть над одним телом, домовые не упускают случая пускать в ход и шлепки до боли и шипки до синяков. Не успеет виновная, улегшись спать, хорошенько забыться, как почувствует в ногах тяжесть, и пойдет эта тяжесть подниматься к горлу, а там и начнет мять так сильно, что затрещат кости и станет захватывать дыхание. В таких случаях есть только одно спасение – молитва, да и то надо изловчиться, суметь собраться с духом и успеть проговорить вслух ту самую, которую не любят все нечистые: "Да воскреснет Бог...".

Пока наступит та блаженная пора, когда эта великая молитва, громко раздастся на всю святую Русь, и оцепенеет намертво вся нечистая сила, наивные дере-

венские хозяева долго еще будут, темной ночью, без шапки, в одной рубашке, ходить в старый дом и с поклонами упрашивать домового духа пожаловать в новые хоромы, где в подызбице самой хозяйкой приготовлено ему угощение: присоленный небольшой хлебец и водка в чашке.

Суеверия, основанные на воззрении на природу, тем дороги и милы простому, нетронутому сомнениями уму, что успокоительно прикрывают черствую и холодную действительность и дают возможность объяснять сложные явления самыми простыми и подручными способами. Проказами домового объясняют как ненормальные уклонения и болезненные отправления организма, так и всевозможные случаи повседневной жизни. Вот несколько примеров. Усиленно катается по полу лошадь и мучительно чешется об стенку и ясли не потому, что недобрый человек посадил ей в гриву и хвост ветку шиповника, а потому, что ее невзлюбил домовый. На утренней заре коленый иноходец оказался весь в мыле не оттого, что сейчас вернулся на нем молодой парень, всю ночь гулявший тайком от отца и ездивший по соседним поседкам с песнями и товарищами, а потому, что на нем ездил домовый. Поднялось у молодой бабы в крови бушевание и почудилось ей, будто подходит к ней милый, жмет и давит, — опять виноват домовый, потому что как только баба изловчилась прочитать "Отче наш" — все и пропало.

Домовой-дворовой

Как ни просто деревенское хозяйство, как ни мелка, по-видимому, вся обстановка домашнего быта, но одному домовому-доможилю со всем не управиться. Не только у богатого, но у всякого мужика для домового издревле полагаются помощники. Их работа, в одних местах, не считается за самостоятельную, и вся целиком приписывается одному "хозяину". В других же местах умеют догадливо различать труды каждого домашнего духа в отдельности. Домовому-доможилю приданы в помощь: дворовой, банник, овинник (он же гуменник) и шишиморакимора; лешему помогает "полевой", водяному — "ичетики и шишиги" вместе с русалками.

Дворовой-домовой получил свое имя по месту обычного жительства, а по характеру отношений к домовладельцам он причислен к злым духам, и все рассказы о нем сводятся к мучениям тех домашних животных, которых он невзлюбит (всегда и неизменно дружит только с собакой и козлом). Это он устраивает так, что скотина спадает с тела, отбиваясь от корму; он же путает ей гриву, обрезает и общипывает хвост и проч.

Это против него всякий хозяин на потолок хлева или конюшни подвешивает убитую сороку, так как дворовой домовый ненавидит эту сплетницу-птицу. Это его, наконец, стараются ублажать всякими мерами, предупреждать его желания, угождать его вкусам: не держать белых кошек, белых собак и сивых лошадей (соловых и буланых он тоже обижает, а холит и гладит вороных и серых). Если же случится так, что нельзя отказаться от покупки лошадей нелюбимой масти, то их вводят во двор, пригоняя с базара, не иначе, как через овчинную шубу, разостланную в воротах, шерстью вверх. С особенным вниманием точно так же хозяйки ухаживают около новорожденных животных, зная, что дворовой не любит ни телят, ни овец: либо изломает, либо и вовсе задушит. Поэтому-то таких новорожденных и стараются всегда унести из хлева и поселяют в избе вместе с ребятами, окружая их таким же попечением: принесенного сейчас же суют головой в устье печи, или, как говорят, "водомяют" (сродняют с домом). На дворе этому домовому не подчинены одни только куры: у них имеется свой бог.

Прибегая к точно таким же мерам умиловливания домового-дворового, как и домового-доможила, люди не всегда, однако, достигают цели: и дворовой точно так же то мирволит, то, без всяких видимых поводов, начинает проказить, дурить, причиняя постоянные беспокойства, явные убытки в хозяйстве и проч. В

таких случаях применяют решительные меры и, вместо ласки и угождений, вступают с ним в открытую борьбу и нередко в рукопашную драку.

По вологодским местам крестьяне, обезумевшие от злых проказ дворовых, тычут навозными вилами в нижние бревна двора с приговором: "Вот тебе, вот тебе, за то-то и вот это". По некоторым местам (например, в Новгородской губернии) догадливый и знающий хозяин запасается ниткой из савана мертвеца, вплетает ее в треххвостую ременную плетть и залепляет воском. В самую полночь, засветив эту нитку и держа ее в левой руке, он идет во двор и бьет плетью по всем углам хлева и под яслями – авось как-нибудь попадет в виноватого.

Нередко домохозяева терпят от ссор, какие заводят между собой соседние дворовые, – несчастье, которое нельзя ни отворотить, ни предусмотреть. В Вологодской губернии (в Кадниковском уезде, Васьяновской волости) злой дворовушко позавидовал своему соседу, доброму дворовушке, в том, что у того и коровы сыты, и у лошадей шерсть гладка и даже лоснится. Злой провертел дыру в чане, в котором добряк-дворовой возил в полночь с реки воду. Лил потом добряк, лил воду в чан, и все ждал, пока она сравняется с краями, да так и не дождался: и с горя на месте повис под нижней губой лошадки ледяной сосулькой в виде "маленького человека в шерсти".

Оттуда же (из-под Кадникова) получен и такой рассказ (записанный в дер. Куровской, как событие 80-х годов XIX в.).

"Жила у нас старая девка, незамужняя; звали ее Ольгой. Ну, все и ходил к ней дворовушко спать по ночам, и всякий раз заплетал ей косу и наказывал: "Если ты будешь ее расплетать да чесать, то я тебя задавлю". Так она и жила нечесой до тридцати пяти годов, – и не мыла головы, и гребня у себя не держала. Только выдумала она выйти замуж, и когда настал девичник, пошли девки в баню и ее повели с собой, незамужнюю ту, старую девку, невесту ту. В бане стали ее мыть. Начали расплетать косу и долго не могли ее расчесать: так-то круто закрепил ее дворовушко. На другое утро надо было венчаться – пришли к невесте, а она в постели лежит мертвая и вся черная: дворовушко ее и задавил".

Не только в трудах и делах своих дворовой похож на доможила, но и внешним видом от него ни в чем не отличается (так же похож на каждого живого человека, только весь мохнатый). Затем все, что приписывается первому, служит лишь повторением того, что говорят про второго. И замечательно, что во всех подобных рассказах нет противоречий между полученными из северных лесных губерний и теми, которые присланы из черноземной полосы Великороссии (из губерний Орловской, Пензенской и Тамбовской). В сообщениях из этих губерний замечается лишь разница в приемах умилоствления: здесь напластывается наибольшее количество приемов символического характера, с явными признаками древнейшего происхождения. Вот, например, как дарят дворового в Орловской губернии: берут разноцветных лоскутков, овечьей шерсти, мишуры из блессток, хотя бы бумажных, старинную копейку с изображением коня, горбушку хлеба, отрезанную от целого каравай, и несут все это в хлев, и читают молитву:

Царь дворовой, хозяин домовой, соседушко-доброхотушко! Я тебя дарю-благодарю: скотину прими – попой и накорми.

Этот дар, положенный в ясли, далек по своему характеру от того, который подносят этому же духу на севере, в лесах, – на навозных вилах или на кончике жесткой плети.

Домовые-дворовые обязательно полагаются для каждого деревенского двора, как домовой-доможил для каждой избы, баенники для всякой бани, овинники или гуменники для всех без исключения риг и гумен (гумен, открытых со всех сторон, и риг, прикрытых бревенчатыми срубами с непротекающими крышами). Вся эта нечисть – те же домовые, отличные лишь по более злобным свойствам, по месту жительства и по затейным проказам.

Закоптелыми и обветшалыми стоят врассыпную по оврагам и косогорам утлые баньки, нарочно выставленные из порядка прочих деревенских строений, готовые вспыхнуть как порох, непрочные и недолговечные. По всем внешним признакам видно, что об них никто не заботился и, изживая недолгий век в полном забросе, бани всегда имеют вид зданий, обреченных на слом. А между тем их задымленные стены слышат первые крики новорожденного русской крестьянской семьи и первые вздохи будущего кормильца-пахаря. Здесь, в жарком пару, расправляет он, когда придет в возраст, натруженные тяжелой работой члены тела и смывает трудовой пот, чтобы освеженным и подбодренным идти на новые бесконечные труды. Сюда несет свою тоску молоденькая девушка, обреченная посвятить свои силы чужой семье и отдать свою волю в иные руки; здесь в последний раз тоскует она о родительском доме накануне того дня, когда примет "закон" и благословение церкви. Под такими тягостными впечатлениями в одном из причетов, засчитывающих баню-парушу в число живых недоброхотов, выговорилось про нее такое укоризненное слово:

На чужой-то на сторонушке,
На злодейке незнакомой:
На болоте баня рублена,
По сырому бору катана,
На лютых зверях вожена,
На проклятом месте ставлена.

Укоры справедливы. Несмотря на то, что "баня парит, баня правит, баня все исправит", она издревле признается нечистым местом, а после полуночи считается даже опасным и страшным: не всякий решается туда заглянуть, и каждый готов ожидать какой-нибудь неприятности, какой-нибудь случайной и неожиданной встречи. Такая встреча может произойти с тем нечистым духом из нежити, который, под именем баенника, поселяется во всякой бане за каменкой, всего же чаще под полком, на котором обычно парятся. Всему русскому люду известен он за злого недоброхота. "Нет злее баенника, да нет его добрее", — говорят в коренной Новгородчине под Белозерском; но здесь же твердо верят в его всегдашнюю готовность вредить и строго соблюдают правила угождения и заискивания.

Верят, что баенник всегда моется после всех, обыкновенно разделяющихся на три очереди, а потому четвертой перемены или четвертого пара все боятся: "он" накинется — станет бросаться горячими камнями из каменки, плескаться кипятком; если не убежишь умеючи, т.е. задом наперед, он может совсем зашпарить. Этот час дух считает своим и позволяет мыться только чертям: для людей же банная пора в деревнях обыкновенно полагается около 5-7 часов пополудни.

После трех перемен посетителей в бане моются черти, лешие, овинники и сами баенники. Если кто-нибудь в это время пойдет париться в баню, то живым оттуда не выйдет: черти его задушат, а людям покажется, что тот человек угорел или запарился. Это поверье о четвертой роковой банной "смене" распространено на Руси повсеместно.

Заискивают расположение баенника тем, что приносят ему угощение из куска ржаного хлеба, круто посыпанного крупной солью. А чтобы навсегда отнять у него силу и охоту вредить, ему приносят в дар черную курицу. Когда выстроят, после пожара, новую баню, то такую курицу, не ощипывая перьев, душат (а не режут) и в таком виде закапывают в землю под порогом бани, стараясь подгадать время под чистый четверг.

Закопав курицу, уходят из бани задом, и все время отвешивают поклоны на баню бессменному и сердитому жильцу ее. Баенник стремится владеть баней нераз-

дельно и недоволен всяким, покусившимся на его права, хотя бы и временно. Зная про то, редкий путник, застигнутый ночью, решится искать здесь приюта, кроме разве сибирских бродяг и беглых, которым, как известно, все на свете нипочем. Идущий же на заработки и не имеющий чем заплатить за ночлег, предпочитает выспаться где-нибудь в стогу, под сараем, под ракитовым или можжевельным кустом. Насколько баенник высоко ценит прямую цель назначения своего жилища, видно из того, что он мстит тем хозяевам, которые это назначение изменяют. Так, во многих северных лесных местностях (например, в Вологодской губернии) в баню вовсе не ходят, предпочитая париться в печках, которые занимают целую треть избы. Бани же здесь хотя и существуют, но благодаря хорошим урожаям льна и по причине усиленных заграничных требований этого продукта, сбываемого через архангельский порт, они превращены в маленькие фабрички-трепальни и чесальни.

Баня по-черному – тысячелетняя русская традиция.

Тех, кто залезает в печь, баенник, помимо власти и разрешения домового, иногда так плотно заставляет заслонкой, что либо вытащат их в обмороке, либо они совсем задохнутся. Не любит баенник также и тех смельчаков, которые хвастаются посещением его жилища не в указанное время. Так как на нем лежит прямая обязанность удалять из бани угар, то в его же праве наводить угар на тех, кем он недоволен. Про такие случаи существует много рассказов.

Нарушающих установленные им правила и требования баенник немедленно наказывает своим судом, хотя бы вроде следующего, который испытал на себе рассказчик из пензенских мужичков. Как-то, запоздавши в дороге, забрался он, перед праздником, в свою баню, после полуночного часа. Но, раздеваясь, второпях вместе с рубахой прихватил с шеи крест, а когда полез на полку париться, то никак не мог оттуда слезть подобру-поздорову. Веники так сами собой и бьют по бокам. Кое-как, однако, слез, сунулся в дверь, а она так притворена, что и не отдерешь. А веники все свое делают – хлещут. Спихватилась баба, что долго нет мужа, стала в оконце звать – не откликается, начала ломиться в дверь – не поддается. Вызвонила она ревом соседей. Эти пришли помогать: рубили дверь топорами – только искры летят, а щепок нет. Пришла на выручку баба-знахарка, окропила дверь святой водой, прочла свою молитву и отворила. Мужик лежал без памяти; насилу оттерли его снегом.

Опытные люди отвращают злые наветы своих баенников тем вниманием, какое оказывают им всякий раз при выходе из бани. Всегда в кадушках оставляют немного воды и хоть маленький кусочек мыла, если только не мылись щелоком; венники же никогда не уносят в избу. Вот почему зачастую рассказывают, как, проходя ночью мимо бани, слышали, с каким озорством и усердием хлещутся там черти и при этом жужжат, словно бы разговаривают, но без слов. Один прохожий осмелился и закричал: "Поприбавьте пару!" – и вдруг все затихло, а у него у самого мороз побежал по телу, и волосы встали дыбом.

Вообще шутить с собой баенник не позволяет, но разрешает на Святках придти к нему завораживаться, причем самое гаданье происходит следующим образом: гадающий просовывает в двери бани голую спину, а баенник либо бьет его когтистой лапой (к беде), либо нежно гладит мохнатой и мягкой, как шелковая, большой ладонью (к счастью). Собрались на Святках (около Кадникова, Вологодская губерния) девушки на беседу, а ребята на что-то рассердились на них и не пришли. Сделалось скучно, одна девка и говорит подругам:

– Пойдемте, девки, слушать к бане, что нам баенник скажет. Две девки согласились и пошли. Одна и говорит:

– Сунь-ка, девка, руку в окно: баенник-от насадит тебе золотых колец на пальцы.

– А ну-ка, девка, давай ты сначала сунь, а потом и я. Та и сунула, а баенник-от и говорит:

– Вот ты и попалась мне.

За руку схватил и колец насадил, да железных: все пальцы сковал в одно место, так что и разжать их нельзя было. Кое-как выдернула она из окна руку, прибежала домой впопыхах и в слезах, и лица на ней нет от боли. Едва собралась она с такими словами:

– Вот, девушки, смотрите, каких баенник-от колец насажал. Как же я теперь буду жить с такой рукой? И какой баенник-от страшный: весь мохнатый и рука-то у него такая большая и тоже мохнатая. Как насаживал он мне кольца, я все редела. Теперь уж больше не пойду к баням слушать.

В сущности баенник старается быть невидимым, хотя некоторые и уверяют, что видали его, и что он старик, как и все духи, ему сродные: недаром же они прожили на белом свете и в русском мире такое неисчислимое количество лет.

Впрочем, хотя этот дух и невидим, но движения его всегда можно слышать в ночной тишине – и под полком, и за каменкой, и в куче свежих неопаренных венников. Особенно чутки к подобным звукам роженицы, которых по этой причине никогда не оставляют в банях в одиночестве: всегда при них неотлучно находится какая-нибудь женщина, если не сама бабка-повитуха. Все твердо убеждены, что баенник очень любит, когда приходят к нему жить родильницы до третьего дня после родов, а тем паче на неделю, как это водится у богатых и добрых мужиков. Точно так же все бесспорно верят, что банища – места поганые и очень опасные, и если пожару придется освободить их и очистить, то ни один добрый хозяин не решится поставить тут избу и поселиться: либо одолеют клопы, либо обездолит мышь и испортит весь носильный скарб. В северных же лесных местах твердо убеждены, что баенник не даст покоя и передушит весь домашний скот: не поможет тогда ни закладка денег в углах избяного сруба, ни разводка муравейника среди двора и тому подобное.

Овинник
(гуменник)

На деревенских задворках торчат безобразные бревенчатые строения – овины. Словно чудовища с разинутой черной пастью, готовой проглотить человека целиком, обступают они со всех сторон ряды приземистых жилых изб. В сумерки, а

особенно ночью, при легком просвете на утренних зорях, овины своим неуклюжим видом настраивают воображение простого человека на фантастический лад и будят в душе его суеверный страх. Задымленные и почернелые, как уголь, овины являют из себя (как подсказывает загадка) "лютого волчищу, у него выхвачен боцище, не дышет, а пышет".

Так как без огня овин не высушишь, а сухие снопы – что порох, то и суждено овинам гореть. И горят овины сплошь и рядом везде и каждую осень. Кому же приписать эти несчастья, сопровождающиеся, зачастую, тем, что огонь испепелит все гумно со всем хлебным старым запасом и новым сбором? Кого же завинить в трудно поправимом горе, как не злого духа, и притом совершенно особенного?

Вот он и сидит в нижней части строений, где разводят тепнины и днем пекут деревенские ребята картошку, – сидит в самом углу подлаза, днем и ночью. Увидеть его можно лишь во время Светлой заутрени Христова дня: глаза у него горят калеными угольями, как у кошки, а сам он похож на огромного кота, величиной с дворовую собаку, – весь черный и лохматый. Овинник умеет лаять по-собачьи и, когда удастся ему напакостить мужикам, хлопает в ладоши и хохочет не хуже лешего. Сидеть под садилом¹ в ямине (отчего чаще зовут его "подовинником") указано ему для того, чтобы смотреть за порядками кладки снопов, наблюдать за временем и сроками, когда и как затоплять овин, не позволять делать это под большие праздники, особенно на Воздвиженьев день и Покров, когда, как известно, все овины бывают "именинниками" и, по старинным деревенским законам, должны отдыхать (с первого Спаса их готовят). Топить овины в заветные дни гуменник не позволяет: и на добрый случай – пихнет у костра в бок так, что едва соберешь дыхание; на худой же конец, разгневавшись так, что закинет уголь между колосниками и даст всему овину заняться и сгореть. Не позволяет также сушить хлеба во время сильных ветров и безжалостно больно за это наказывает.

Гуменник, хотя и считается домовым духом, но самым злым из всех: его трудно ублажить-смирить, если он рассердится и в сердцах залютует, тогда на овин рукой махни: ни кресты по всем углам, ни молитвы, ни икона Богоматери Неопалимой Купины не помогут, и хоть шубу выворачивай мехом наружу и стереги гумна с кочергой в руках на Агафона-гуменника (22 августа). Ходят слухи, что в иных местах (например, в Костромской губернии) овинника удастся задабривать в его именинные дни. С этой целью приносят пироги и петуха: петуху на пороге отрубят голову и кровью кропят по всем углам, а пирог оставляют в подлазе. Однако сведущие люди этим приемам не доверяют и рассказы принимают за сказки.

В Брянских лесных местах (в Орловской губернии) рассказывают такой случай, который произошел с бабой, захотевшей в Чистый понедельник в риге лен трепать для пряжи. Только что успела она войти, как кто-то затопал, что лошадь, и захохотал так, что волосы на голове встали дыбом. Товарка этой бабы, со страху, кинулась бежать, а смелая баба продолжала трепать лен столь долго, что домашние начали беспокоиться. Пошли искать и не нашли: как в воду канула. Настала пора мять пеньку, пришла вся семья и видят на гребне какую-то висячую кожу. Начали вглядываться и перепугались: вся кожа цела, и можно было различить на ней и лицо, и волосы, и следы пальцев на руках и ногах. В Смоленщине (около Юхнова) вздумал мужик сушить овин на Михайлов день. Гуменник, за такое кощунство, вынес его из "подлаза", на его глазах подложил под каждый угол овина головешки с огнем и столь застрашал виновного, что он за один год поседел как лунь. В Вологодских краях гуменника настолько боятся, что не осмеливаются топить и чистить овин в одиночку: всегда ходят вдвоем или втроем. Из Калужской губернии (Мещовского уезда) получили такие вести. Лет 40-50 тому назад, одного силача, по имени Валуя, овинник согнул в дугу на всю жизнь за то, что он

¹ В данном случае – незастекленное окно, через которое опускают снопы в овин.

топил овин не в указанный день и сам сидел около ямы. Пришел этот невидимка-сторож в виде человека и начал совать Валуя в овинную печку, да не мог изжарить силача, а только помял его и согнул. Самого овинника схватил мужик в охапку и закинул в огонь. Однако это не прошло ему даром: выместила злобная нечисть на сыне Валуя – тоже здоровом детине и силаче и тоже затопившем овин под великий праздник: гуменник поджег овин и спалил малого. Нашли его забитым под стену и все руки в ссадинах – знать, отбивался кулаками.

На кулаках же ведут свои расчеты все эти духи и тогда, когда случается, что они между собой не поладят. Вот что пишут на этот счет из Белозерского уезда (Новгородской губернии). К одному крестьянину приходит вечером захожий человек и просит:

- Укрой меня к ночи, –пусти ночевать.
- Вишь, у самого какая теснота. Ступай в баню: сегодня топили.
- Ну, вот и спасибо, я там и переночую.

На другое утро вернулся чужак из бани и рассказывает:

"Лег я на полок и заснул. Вдруг входит в баню такой мужик, ровно бы подовинник, и говорит:

- Эй, хозяин. На беседу к себе меня звал, а сам пущаешь ночлежников: я вот его задушу. Поднялась той порой половица, и вышел сам баенник.

- Я его пустил, так я его и защищаю. Не тронь.

И начали они бороться. Боролись долго, а все не могут одолеть друг друга. Вдруг баенник крикнул мужику:

- Сыми крест да хлещи его.

Поднялся я кое-как, стал хлестать, – оба они и пропали".

Угождения и почет гуменник так же любит, как все его нечистые родичи. Догадливые и опытные люди не иначе начинают топить овин, как попросив у "хозяина" позволения. А вологжане (Кадниковский уезд) сохраняют еще такой обычай: после того как мужик сбросит с овина последний сноп, он, перед тем как ему уходить домой, обращается к овину лицом, снимает шапку и с низким поклоном говорит: "Спасибо, батюшка-овинник: послужил ты нынешней осенью верой и правдой".

Не отказывает овинник в своей помощи (по части предсказания судьбы) и тем девицам, которые настолько смелы, что дерзают, мимо бань, ходить гадать к нему на гумно. Та, которой досталась очередь гадать первой, поднимает на голову платье (как и в банях) и становится задом к окну сушила:

- Овинник-родимчик, суждено, что ли, мне в нынешнем году замуж идти?

А гадают об этом всегда на Васильев вечер (в канун Нового года), в полночь между вторыми и третьими петухами (излюбленное время у овинника и самое удобное для заговоров).

Погладит овинник голой рукой – девушка будет жить замужем бедно, погладит мохнатой – богато жить. Иные в садило суют руку, и делают подобные же выводы смотря по тому, как ее погладит. А если никто не тронет, – значит, в девках сидеть.

Кикимора

Не столь многочисленные и не особенно опасные духи из нечисти, под именем "кикиморы", принадлежат исключительно Великороссии, хотя корень этого слова указывает на его древнее и общеславянское происхождение. На то же указывают и остатки народных верований, сохранившиеся среди славянских племен. Так в Белоруссии, сохранившей под шумок борьбы двух вероучений – православного и католического – основы языческого культа, существует так называемая мара. Здесь указывают и те места, где она заведомо живет (таких мест пишущему эти строки на могилевском Днепре и его притоках указали счетом до пяти) и повествуют об

ее явлениях вживе. В северной лесной России о маре сохранилось самое смутное представление, и то в очень немногих местах. Зато в Малороссии явно таскают по улицам при встрече весны (1 марта) с пением "веснянок" чучело, называемое марой или мареной, а великорусский морок – та же мрачность или темнота – вызвала особенную молитву на те случаи, когда эта морока желательна или вредна для урожая.

Так, например, в конце июля, называемом "калиниками" (от мученика Калиника, 29 июля), на всем русском севере молят Бога пронести калиники мороком, т.е. туманом, из опасения несчастья от проливных дождей, особенно же от градобоя. Если же на этот день поднимается туман, то рассчитывают на урожай яровых хлебов ("Припасай закрому на овес с ячменем"). Солнце садится в морок – всегда к дождю и проч.

Если к самостоятельному слову "мор" приставить слово "кика", в значении птичьего крика или киканья, то получится тот самый дворовый дух, который считается злым и вредным для домашней птицы. Эта кикимора однозначна с "шишиморой": под именем ее она, зачастую, и слывет во многих великорусских местностях. А в этом случае имеется уже прямое указание на "шишей" или "шишигу" – явную нечистую силу, живущую обычно в овинах, играющую свадьбы свои в то время, когда на проезжих дорогах вихри поднимают пыль столбом. Это те самые шиши, которые смущают православных. К шишам посылают в гнев докучных и неприятных людей. Наконец, "хмельные шиши" бывают у людей, допившихся до белой горячки (до чертиков).

Из обманчивого, летучего и легкого как пух призрака южной России, дух "мара" у северных практических великороссов превратился в грубого духа, в мрачное привидение, которое днем сидит "невидимкой" за печью, а по ночам выходит проказить. В иных избах мара живет еще охотнее в темных и сырых местах, как, например, в голбцах или подызбицах¹. Отсюда и выходит она, чтобы проказить с веретенами, прялкой и начатой пряжей. Она берет то и другое, садится прядь в любимом своем месте: в правом от входа углу, подле самой печи. Сюда обычно сметают сор, чтобы потом сжигать его в печи, а не выносить его из избы на ветер и не накликать беды, изурочья и всякой порчи. Впрочем, хотя кикимора и прядет, но от нее не дождешься рубахи, говорит известная пословица, а отсюда и насмешка над ленивыми: "Спи, девушка: кикимора за тебя спрядет, а мать выткет".

Одни говорят (в Новгородской губернии), что кикиморы шалют во все Святки; другие дают им для проказ одну только ночь под Рождество Христово. Тогда они треплют и сжигают куделю, оставленную у прялок без крестного благословения. Бывает также, что они хищнически стригут овец. Во всех других великорусских губерниях проказам шишиморы-кикиморы отводится безразлично все годичное время. Везде и все уверены также, что кикимора старается скрываться от людей, потому что если человеку удастся накинуть на нее крест, то она так и останется на месте.

Твердо убежденные в существовании злых сил, обитательницы северных лесов (вроде вологжанок), уверяют, что видели кикимору живую, и даже рассказывают на этот счет подробности:

– Оделась она по-бабьему в сарафан, только на голове кики не было, а волосы были распущены. Вышла она из голбца, села на пороге подле двери и начала оглядываться. Как завидела, что все в избе полегли спать и храпят, она подошла к любимому месту – к воронцу², сняла с него прялку и села на лавку прядь. И слышно, как свистит у нее в руках веретено на всю избу и как крутятся нитки и

¹ Голбец – вход из внутреннего помещения в подклет; чулан. Подызбица – подвал, погреб.

² Широкой и толстой доске в виде полки, на которой лежат полати.

свертывается с прялки куделя. Сидит ли, прядет ли, она беспрестанно подпрыгивает на одном месте (такая уж у нее особая привычка). Когда привидится она с прялкой на передней лавке, быть в той избе покойнику. Перед бедой же у девиц-кружевниц (вологодских) она начинает перебирать и стучать коклюшками, подвешенными на кутузе-подушке. Кого невзлюбит – из той избы всех выгонит.

В тех же вологодских лесах (в Никольском уезде) в одной избе ходила кикимора по полу целые ночи и сильно стучала ногами. Но и того ей мало: стала греметь посудой, звонить чашками, бить горшки и плошки. Избу из-за нее бросили, и стояло то жилье впусе, пока не пришли сергачи с плясуном-медведем. Они поселились в этой пустой избе, и кикимора, сдуру, не зная, с кем связывается, набросилась на медведя. Медведь помял ее так, что она заревела и покинула избу. Тогда перебрались в нее и хозяева, потому что там совсем перестало "манить" (пугать). Через месяц подошла к дому какая-то женщина и спрашивает у ребят:

– Ушла ли от вас кошка?

– Кошка жива да и котят принесла, – отвечали ребята. Кикимора повернулась, пошла обратно и сказала на ходу:

– Теперь совсем беда: зла была кошка, когда она одна жила, а с котятками до нее и не доступись.

В тех же местах повадилась кикимора у мужика ездить по ночам на кобыле и, бывало, загоняет ее до того, что оставит в яслях всю в мыле. Изловчился хозяин устеречь ее рано утром на лошади:

– Сидит небольшая бабенка, в шамшуре¹ и ездит вокруг яслей. Я ее по голове-то плетью, – соскочила и кричит во все горло:

– Не ушиб, не ушиб, только шамшурку сшиб. Изю всех этих рассказов видно лишь одно, что образ кикиморы, как жильца в избах, начал обезличиваться. Народ считает кикимору то за самого домового, то за его жену (за каковую, между прочим, признают ее в ярославском Пошехонье, и в Вятской стороне), а в Сибири водится еще и лесная кикимора – лешачиха. Мало того, до сих пор не установилось понятия, к какому полу принадлежит этот дух.

Определеннее думают там, где этого проказника поселяют в курятниках, в тех углах хлевов, где садятся на насест куры. Здесь занятие кикимор прямое, и сама работа виднее. Если куры от худого корма сами у себя выщипывают все перья, то обвиняют кикимору. Чтобы не вредила она, вешают под куриной нашествью лоскутья кумача или горлышко от разбитого глиняного умывальника, или отыскивают самого "куричьего бога". Это камень, нередко попадающийся в полях, с природной сквозной дырой. Его и прикрепляют на лыке к жерди, на которой садятся куры. Только при таких условиях не нападает на кур "вертун" (когда они кружатся, как угорелые, и падают околевшими).

В вологодских лесах (например, в отдаленной части Никольского уезда) за кикиморой числятся и добрые свойства. Умелым и старательным хозяйкам она даже покровительствует: убаюкивает по ночам маленьких ребят, невидимо перемывает кринки и оказывает разные другие услуги по хозяйству, так что при ее содействии и тесто хорошо взойдет, и пироги будут хорошо выпечены, и пр. Наоборот, ленивых баб кикимора ненавидит: она щекочет малых ребят так, что те целые ночи режут благим матом, пугает подростков, высывая свою голову с блестящими, навывате глазами и с козьими рожками, и вообще всячески вредит. Так что нерадивой бабе, у которой не спорится дело, остается одно средство: бежать в лес, отыскать папоротник, выкопать его горький корень, настоять на воде и перемыть все горшки и кринки – кикимора очень любит папоротник и за такое угождение может оставить в покое.

Но единственно верным и вполне могущественным средством против этой нечисти

¹ Головном уборе – волоснике.

служит святой крест. Не возьмет чужой прялки кикимора, не расклопочет на ней кудели, не спутает ниток у пряжи и не оборвет начатого плетения у кружевниц, если они с молитвой положили на место и прялки с веретенами, и кутузы с коклюхами.

На Сяможенских полях (Вологодская губерния, Кадниковский уезд) в летнее время особая кикимора сторожит гороховища. Она ходит по ним, держа в руках каленую добела железную сковороду огромных размеров. Кого поймают на чужом поле, того и изжарит.

Мифы о кикиморе принадлежат к числу наименее характерных, и народная фантазия, отличающаяся таким богатством красок, в данном случае не отлилась в определенную форму и не создала законченного образа. Это можно видеть уже из того, что имя кикиморы, сделавшееся бранным словом, употребляется в самых разнообразных случаях и по самым разнообразным поводам. Кикиморой охотно зовут и нелюдимого домоседа, и женщину, которая очень прилежно занимается пряжей. Имя шишиморы свободно пристегивается ко всякому плуту и обманщику (курянами), ко всякому невзрачному по виду человеку (смолянами и калужанами), к скряге и гольшу (тверичами), прилежному, но кропотливому рабочему (костромичами), переносчику вестей и наушнику в старинном смысле слова, когда "шиши" были лазутчиками и соглядатаями и когда "для шишиморства" (как писали в актах) давались (как, например, при Шуйских), сверх окладов, поместья за услуги, оказанные шпионством.

Леший

"Стоят леса темные от земли и до неба", — поют слепые старцы по ярмаркам, восхваляя подвиги могучих русских богатырей и борьбу их с силами природы. И в самом деле: неодолимой плотной стеной кажутся синеющие вдали роскошные хвойные леса, нет через них ни прохода, ни проезда. Только птицам под стать и под силу труппы еловых и сосновых боров, эти темные "сюземы" или "раменья", как их зовут на севере. А человеку если и удастся сюда войти, то не удастся выйти. В этой части останавливаются и глохнут даже огненные моря лесных пожаров. Сюземы тем уже страшны, что здесь на каждом шагу, рядом с молодой жизнью свежих порослей, стоят тут же деревья, приговоренные к смерти, и валяются уже окончательно сгнившие и покрытые, как гробовой доской, моховым покровом. Но еще страшнее сюземы тем, что в них господствует вечный мрак и постоянная влажная прохлада среди жаркого лета. Всякое движение здесь, кажется, замерло; всякий крик пугает до дрожи и мурашек в теле. Колеблемые ветром древесные стволы трутся один о другой и скрипят с такой силой, что вызывают у наблюдателя острую, ноющую боль под сердцем. Здесь чувство тягостного одиночества и непобедимого ужаса постигает всякого, какие бы усилия он над собой ни делал. Здесь всякий ужасается своего ничтожества и бессилия. Здесь родилась мрачная безнадежная вера дикарей и сложилась в форму шаманства со злыми, немилостивыми богами. В этих труппах поселяется и издревле живет тот черт, с которым до сих пор еще не может разлучиться напуганное воображение русского православного люда. Среди деревьев с нависшими лишаями, украшающими их наподобие бород, в народных сказках и в религиозном культе первобытных племен, издревле помещены жилища богов и лесных духов. В еловых лесах, предпочтительно перед сосновыми, селится и леший, или, как называют его также, лесовик, лешак. В этих лесах наиболее чувствуется живой трепет, и леший является его олицетворенным представителем.

В ярославском Пошехонье лешего называют даже просто "мужичок", а в вологодском полесовье лешему даны даже приметы: красный кушак, левая пола кафтана обыкновенно запахнута за правую, а не наоборот, как все носят. Обувь перепутана: правый лапоть надет на левую ногу, левый — на правую. Глаза у лешего

зеленые и горят, как угли. Как бы он тщательно ни скрывал своего нечистого происхождения, ему не удастся это сделать, если посмотреть на него через правое ухо лошади.

Леший. Русский лубок XVIII века.

Леший отличается от прочих духов особыми свойствами, присущими ему одному: если он идет лесом, то ростом равняется с самыми высокими деревьями. Но в то же время он обладает способностью и умяляться. Так, выходя для прогулок, забав и шуток на лесные опушки, он ходит там (когда ему предстоит в том нужда) малой былинкой, ниже травы, свободно укрываясь под любым ягодным листочком. Но на луга, собственно, он выходит редко, строго соблюдая права соседа, называемого полевиком или "полевым". Не заходит леший и в деревни, чтобы не ссориться с домовыми и баенниками, — особенно в те, где поют совсем черные петухи, живут при избах "двуглазые" собаки (с пятнами над глазами в виде вторых глаз) и трехшерстные кошки. Зато в лесу леший является полноправным и неограниченным хозяином: все звери и птицы находятся в его ведении и повинуются ему безответно. Особенно подчинены ему зайцы. Они у него на полном крепостном праве, по крайней мере, он даже имеет власть проигрывать их в карты соседнему лешему. Не освобождены от такой зависимости и беличьи стада, и если они, переселяясь несметными полчищами и забывая всякий страх перед человеком, забегают в большие сибирские города, причем скачут по крышам, обрываются в печные трубы и прыгают даже в окна, — то дело ясное: значит, лешие целой артелью вели азартную игру, и побежденная сторона гнала проигрыш во владения счастливого соперника. По рассказам старожилов, одна из таких грандиозных игр велась в 1859 году между русскими и сибирскими лешими, причем победили русские, а проигравшие сибиряки гнали затем из тайги свой проигрыш через Тобольск на Уральские горы, в печерскую и мезенскую тайболы. Кроме большой игры артелями, лешие охотно ведут и малую, между собой, с ближайшими соседями, и перегоняют зайцев и белок из колка в колок почти ежедневно. А то случается и так, что нагонят в эти колки зайцев и угонят мышей и т.д.

У леших же в подчинении находятся и птицы и в полной зависимости от них все охотники: любимцам своим они стоняют пернатых чуть не под самое дуло. Кого же

задумают наказать за непочтение к себе, — у тех всегда осечка.

Кому удавалось видеть лешего, хотя бы и через лошадиное ухо, те рассказывают, что у него человеческий образ. Так, например, в Новгородчине видали лешего в образе распясанного старика в белой одежде и белой большой шляпе. Олончане же настолько искусились в опознавании всей лесной нечисти, что умеют отличать настоящих леших в целых толпах их от тех "заклятых" людей, которые обречены нечистой силе в недобрый час лихим проклятьем. Леший отлиывает синеватым цветом, так как кровь у него синяя, а у заклятых на лицах румянец, так как живая кровь не перестает играть на их щеках. Орловский леший — пучеглазый, с густыми бровями, длинной зеленой бородой; волосы у него ниже плеч и длиннее, чем у попов. Но, впрочем, в черноземной Орловской губернии лешие стали редки, за истреблением их жилищ (т.е. лесов), а потому за наиболее достоверными сведениями об этой нечисти следует обращаться к жителям севера. Здесь эта нечисть сохраняется местами в неизменном старозаветном виде (например, в Вятской и Вологодской губерниях).

Настоящий леший нем, но голосист; умеет петь без слов и подбодряет себя хлопаньем в ладоши. Поет он иногда во все горло (с такой же силой, как шумит лес в бурю) почти с вечера до полуночи, но не любит пения петуха и с первым выкриком его немедленно замолкает. Носится леший по своим лесам как угорелый, с чрезвычайной быстротой и всегда без шапки. Бровей и ресниц у него не видно, но можно ясно разглядеть, что он карноухий (правого уха нет), что волосы на голове у него зачесаны налево. Это удастся заметить, когда он иногда подходит к теплинам дроворубов погреться, хотя в этих случаях он имеет обыкновение прятать свою рожу. Владея, как и прочая нечисть, способностью переворачиваться, леший часто прикидывается прохожим человеком с котомкой за плечами. При этом некоторым удавалось различать, что он востроголовый, как все черти. С последним показанием, однако, сведущие люди не соглашались, признавая в лешем, как и в домовом, нечисть, приближающуюся к человеческой природе, а многие прямо-таки видят в нем "оборотня", т.е. человека, обращенного в лешего.

Лешие умеют хохотать, аукаться, свистать и плакать по-людски, и, если они делаются бессловесными, то только при встрече с настоящими живыми людьми. Во Владимирской губернии, где леших крестьяне называют "гаркунами", прямо уверены в том, что эта нежить произошла от связи женщин с нечистой силой и отличается от человека только тем, что не имеет тени.

Лешие не столько вредят людям, сколько проказят и шутят и, в этом случае, вполне уподобляются своим родичам-домовым. Проказят они грубо, как это и прилично неуклюжим лесным жителям, и шутят зло, потому что все-таки они не свой брат, крещеный человек. Самые обычные приемы проказ и шуток леших заключаются в том, что они обходят человека, т.е. всякого, углубившегося в чащу, с целью собирать грибы или ягоды, они либо "заведут" в такое место, из которого никак не выбраться, либо напустят в глаза такого тумана, что совсем собьют с толку, и заблудившийся человек долго будет кружить по лесу на одном и том же месте. Но зато, выбравшись кое-как из чащи, натерпевшийся страху искатель грибов непременно потом будет рассказывать (и, может быть, вполне чистосердечно), что он видел лешего живым, слышал его свист, его ауканья и хлопанье в ладоши.

Однако во всех таких приключениях, нередких в деревенской жизни (особенно после гулянок со сватами и пиров с кумовьями), шаловливый и сам гульливый, леший все-таки не ведет людей на прямую погибель, как делает это настоящий дьявол. Притом же от проказ лесного можно легко отчураться, — конечно, прежде всего, молитвой и крестным знаменем, а затем при помощи известных приемов, которым учат с малолетства, по заповедям отцов и прадедов. Так заблудившемуся рекомендуется присесть на первой колоде, снять с себя и вывернуть наизнанку носильное платье и затем, в таком виде, надеть на себя. Обязательно при этом также левый лапоть надеть на правую ногу или правую рукавицу на левую руку.

Если же в беду попало двое или трое, то им следует всем перемениться одеждой, предварительно выверотив ее наизнанку (в этом случае рекомендуется подражать обычаю того же лешего, у которого все навыворот и наизнанку). Можно точно так же вызволиться из беды, проговорив любимую поговорку лешего, которую удачливые люди успели подслушать у него издали: "Шел, нашел, потерял". А кто спохватится закричать: "Овечья морда, овечья шерсть", перед тем леший исчезает с криком: "А, догадался!".

Бывают, впрочем, случаи, когда все способы борьбы с лешими оказываются бессильными. Это случается раз в год, в тот заповедный день, когда лешие бесятся (4 октября). В этот день знающие крестьяне в лес не ходят.

На Ерофея-мученика указано лешим пропадать или замирать. Перед этим они учиняют неистовые драки, ломают с треском деревья, зря гоняют зверей и, наконец, проваливаются сквозь землю, чтобы явиться на ней вновь, когда она отойдет или оттаает весной, и начать снова свои проказы все в одном и том же роде.

Вообще, побаиваясь злых и неожиданных затей лешего, лесной народ не прочь над ним посмеяться, а пользоваться его именем как ругательным словом вся крещеная Русь считает первым удовольствием ("иди к лешему", "леший бы тебя задавил" и т.п.).

Существование "лесовых" внесло в жизнь и быт лесных обитателей своеобразные верования, не лишённые некоторых нравственных правил, так что миф о леших не даром просуществовал на земле тысячелетия. По народным воззрениям, леший служит как бы бессознательным орудием наказания за вольные или невольные грехи человека. Так, помимо того, что он заставляет бесконечно блуждать по лесу рассеянных людей, забывших осенить себя крестным знаменiem при входе в глухие тущобы, — он же является мстителем и во многих других случаях. В Никольском уезде (Вологодской губернии), например, леший на виду у всех унес в лес мужика за то, что тот, идя на колокольню, ругался непотребным словом. Еще сильнее карает леший за произнесение проклятий, и если случится, например, что роженница, потерявши в муках родов всякое терпение, проклянет себя и ребенка, то ребенок считается собственностью лешего с того момента, как только замер последний звук произнесенного проклятия. Обещанного ему ребенка леший уносит в лес тотчас по рождении, подкладывая вместо него "лесное детище" — больное и беспокойное. В случае же, если каким-нибудь чудом зачатого ребенка успеют окрестить ранее, так что взять его сразу нельзя, то леший ждет до семи лет отрочества и тогда сманивает его в лес. (Лешему дана одна минута в сутки, когда он может сманить человека). В лесу проклятые живут обыкновенно недолго и скоро умирают. А если и случится, что кто-нибудь, по усиленным молитвам матери, выживет, то находят его в самом жалком виде: ходит он одичалым, не помнит, что с ним было, и сохраняет полнейшее равнодушие ко всему, что его может ожидать при совместной жизни с людьми.

Деревенские слухи очень настойчиво приписывают, между прочим, лешим страсть к женщинам и обвиняют их в нередких похищениях девушек. Кое-где рассказывают об этих связях с мельчайшими подробностями и уверяют, что похищенные девушки никогда не рожают детей. В Тульской губернии (в Одоевском уезде) указывают на окрестности села Анастасова и уверяют, что в старину, когда около села были большие леса, девушки сами убегали к лешим, жили с ними года два-три и затем возвращались домой с кучей денег и т.п. Едва ли, впрочем, во всех подобных рассказах лешие не смешиваются с заведомо сладострастными чертями дьявольской породы. Лешим также навязывают жен одинаковой с ними породы (лешачиха, лешуха) и детенышей ("лешеня"), но в этих духах отчасти подозревают живущих в камышах русалок из некрещенных младенцев, отчасти проклятых людей, которые, в ожидании светопреставления, от безделья также проказят (отчего и зовутся, между прочим, "шутихами").

Одна белозерская вдова рассказывает у колодца соседке:

— Жила я у Алены на Горке. Пропали коровы,
— я и пошла их искать. Вдруг такой ветер хватил с поля, что Господи Боже мой! Оглянулась я — вижу: стоит кто-то в белом, да так и дует, да так и дует, да еще и присвистнет. Я и про коров забыла, и скорее домой, а Алена мне и рассказывает:

— Коли в белом видела, значит, полевой это.

У орловских и новгородских знающих людей наоборот, этот дух, приставленный охранять хлебные поля, имеет тело черное, как земля; глаза у него разноцветные; вместо волос, голова покрыта длинной зеленой травой; шапки и одежды нет никакой.

— На свете их много (толкуют там): на каждую деревню дадено по четыре полевики.

Это и понятно, потому что в черноземных местах полей много, и мудрено одному полевику поспевать повсюду. Зато лесные жители, менее прозорливые, но не менее трусливые, видали "полевых" очень редко, хотя часто слышали их голос. Те же, кто видел, уверяли, что полевик являлся им в виде уродливого, маленького человечка, обладающего способностью говорить. Вот что рассказывала на этот счет одна новгородская баба.

— Шла я мимо стога. Вдруг "он" и выскочил, что пупырь, и кричит: "Дорожика, скажи кутихе, что сторожихонька померла". Прибежала я домой — ни жива ни мертва, залезла к мужу на полати, да и говорю: "Ондрей, что я такое слышала?" Только я проговорила ему, как в подызбице что-то застонало: "Ой, сторожихонька, ой, сторожихонька". Потом вышло что-то черное, опять словно маленький человечек, бросило новину полотна и вон пошло: двери из избы ему сами отворились. А оно все воет: "Ой, сторожихонька". Мы изомлели: сидим с хозяином словно к смерти приговоренными. Так и ушло.

Относительно доброго, но проказливого нрава, полевик имеет много общего с домовым, но по характеру самих проказ он напоминает лешего: так же сбивает с дороги, заводит в болото, и в особенности потешается над пьяными пахарями.

С полевиком особенно часто можно встретиться у межевых ям. Спать, например, на таких местах совсем нельзя, потому что детки полевиков ("межевчики" и "луговики") бегают по межам и ловят птиц родителям в пищу. Если же они найдут здесь лежащего человека, то наваливаются на него и душат.

Как все нечистые духи, полевики взяточники, гордецы и капризники. И с этими свойствами их крестьяне вынуждены считаться. Так, например, орловские землемасы раз в году, под Духов день, идут глухой ночью куда-нибудь подальше от проезжей дороги и от деревни, к какому-нибудь рву и несут пару яиц и краденого у добрых соседей старого и безголосого петуха — несут в дар полевику, и притом так, чтобы никто не видел, иначе полевик рассердится и истребит в поле весь хлеб.

У полевиков, в отличие от прочей нечисти, любимое время — полдень, когда избранным счастливым удастся его видеть наяву. Впрочем, очевидцы эти больше хвастают, чем объясняют, больше путают, чем говорят правду. Так что, в конце концов, внешний облик полевика, как равно и его характер, выясняются очень мало, и во всей народной мифологии это едва ли не самый смутный образ. Известно только, что полевик зол, и что подчас он любит сыграть с человеком недобрую шутку.

В Зарайском уезде, например, со слов крестьян записана такая бывальщина:

"Сговорили мы замуж сестру свою Анну за ловецкого крестьянина Родиона Курова. Вот на свадьбе-то, как водится, подвыпили порядком, а потом сваты в ночное время поехали в свое село Ловцы, что находится от нас недалеко. Вот сва-

ты-то ехали-ехали, да вдруг и вздумал над ними подшутить полевик, — попали в речку обе подводы с лошадьми. Кое-как лошадей и одну телегу выручили и уехали домой, а иные и пешком пошли. Когда же домой явились, то сватьи, матери-то жениховой, и не нашли. Кинулись к речке, где оставили телегу, подняли ее, а под телегой-то и нашли сватью совсем окоченелю".

Водяной

Мечется и плачет, как дитя больное
В беспокойной люльке, озеро лесное.

В этом двестишье говорится о небольшом озере, берега которого все на виду и настолько отлоги, что разбушевавшийся ветер гонит две волны, нагонную и отбивную, разводя опасное волнение, так называемую толчею. В бурю оно неприступно для рыбацких челнов, хотя именно в эту пору обещает более богатую добычу. Но и во всякое другое время, как вообще все озера круглой формы, оно пользуется недоброй славой бурного и беспокойного: самые малые ветры заставляют его колыхаться как бы от тревожных движений какой-то невидимой чудовищной силы, покоящейся на дне его. И достаточно одного случая неудачного выезда в заподозренное озеро, окончившегося гибелью человека, чтоб в окольности, где всякий на счету и каждого жалко, прослыло оно "проклятым". Пройдут года, забудется имя несчастного, но случай останется в памяти с наслойкою придатков небывалого: простой случай превращается в легенду на устрашение или поучение грядущим векам. Одна из таких легенд связывается с именем суздальского князя Андрея Боголюбского, устроителя Залесской страны, памятного также по своим благочестивым деяниям. В темную ночь, на 29 июня 1174 г., коварные царедворцы, в заговоре с шурьями и женою князя, изменнически убили его. Брат князя, Михаил, свалил казненных убийц в короба и бросил в озеро, которое с того времени до сих пор в роковую ночь волнуется. Короба с негниющими, проклятыми телами убитых, в виде мшистых зеленых кочек, колыхаются между берегами, и слышится унылый стон: это мучаются злобные Кучковичи. Коварная и малодушная сестра их брошена, с тяжелым жерновым камнем на шее, в темную глубь другого, более глубокого озера Поганого.

На всем пространстве Великой России попали в сильное подозрение и приобрели добрую и худую славу, в особенности, небольшие, но глубокие озера, нередко в уровень наполненные темной водой, окрашенной железною закисью. Они изобилуют подземными ключами и теми углублениями дна, в форме воронки, которые образуют пучины, где выбиваются воды из бездны, или поглощаются ею. Темными ночами, в одиночестве, к таким водоемам никто не решается подходить. Многим чудится тут и громкое хлопанье, точно в ладоши, и задавленный хохот, подобно совиному, и вообще, признаки пребывания неведомых живых существ, рисующихся напуганному воображению в виде туманных призраков. А так как этому воображению не указано предельных рамок, то и те светлые озера, которые очаровывают своими красивыми отлогими или обсыпчатыми крутыми берегами, привлекательные веселым и ласкающим видом, не избавлены также от поклевов и не освобождены, в народном представлении, от подозрений.

Во многих из них все, начиная от чрезвычайных глубин, от разнообразной игры в переливах света и причудливых отражений на ясной зеркальной поверхности, — настраивает послушное воображение на представление картин в виде следов исчезнувших селений и целых городов, церквей и монастырей. С образца и примера четырех библейских городов, погребенных за содомские грехи в соленых водах Мертвого моря, народная фантазия создала несколько подобных легенд о наших русских озерах. И у нас, как и у других народов, оказались такие же подземные церкви и подводные города. Так что в этом отношении французская Бретань ничем

не отличается от Литвы. Во французской Бретани, в незапамятные времена, поглощен морем город Ис, и рыбаки, во время бури, видят в волнах шпицы церквей, а в тихую погоду слышится им как бы исходящий из глубины звон городских колоколов, возвещающих утреннюю молитву. "Мне часто кажется, что в глубине моего сердца (пишет Эрнест Ренан) находится город Ис, настойчиво звонящий колоколами, приглашающими к священной службе верующих, которые уже не слышат. Иногда я останавливаюсь, прислушиваясь к этим дрожащим звукам, и мне представляются они исходящими из бесконечной глубины, словно голоса из другого мира. В особенности с приближением старости мне приятно, во время летнего отдыха, представлять себе эти далекие отголоски исчезнувшей Атлантиды".

В тридцати верстах от гродненского Новогрудка разлилось небольшое озеро (версты на две в диаметре) по имени Свитязь – круглое, с крутыми береговыми скалами, поглотившее город того же имени за грехи жителей, нарушивших общеславянскую заповедь и добродетель гостеприимства (они не принимали путников, и ни один из таковых в их городе не ночевал). Поэт Адам Мицкевич вызвал из недр этого озера поэтический образ женщины ("Свитезянки"), превратившейся, подобно жене Лота, в камень за такое же нарушение обещания не оглядываться назад после выхода из города, обреченного на гибель. Еще в 50-х годах XVIII в. виден был в этом озере камень, издали похожий на женщину с ребенком, но теперь он затоплен водой и рвет у неосторожных рыбаков сети.

В Керженских заволжских лесах, некогда знаменитых в истории нашего раскола, в сорока верстах от города Семенова, близ села Люнды (оно же и Владимирское), расположилось озеро "Светлоярое", на берега которого в заветные дни (на праздники Вознесения, Троицы, Сретения и чествования имени Владимирской Божьей Матери, с 22 на 23 июня) стекается великое множество богомольного люда (особенно на последнюю из указанных ночь). Напившись святой водицы из озера, которое неустанно колышется, и отдохнув от пешего хождения, верующие идут с домашними образами, со старопечатными требниками и новыми псалтирями, молиться к тому холму (угору), который возвышается на юго-западном берегу озера. Разделившись в молитве на отдельные кучки, молятся тут до тех пор, пока не одолеет дремота и не склонит ко сну. На зыбких болотистых берегах вкушают все сладкий сон, – с верою, что здешняя трясина убаюкивает, как малых детей в люльке, и с надеждою, что если приложить к земле на угоре ухо, то послышится торжественный благовест и ликующий звон подземных колоколов. Достойные могут даже видеть огни зажженных свеч, а на лучах восходящего солнца отражение тени церковных крестов. Холм и вода скрывают исчезнувший православный город "Большой Китеж", построенный несчастным героем Верхнего Поволжья, русским князем Георгием Всеволодовичем, убитым (в 1238 г.) татарами в роковой битве на реке Сити, укрепившей Русь татарам. Когда, по народному преданию, безбожный царь Батый с татарскими полчищами разбил князя, скрывавшегося в Большом Китеже, и убил его (4 февраля), Божья сила непустила лихого татарина овладеть городом: как был и стоял этот город со всем православным народом, так и скрылся под землю и стал невидимым, и так и будет он стоять до скончания века.

Еще более странными верованиями, ввиду редких и любопытных явлений природы, поражает громадная страна, занявшая весь северо-запад России и известная под именем "Озерной области".

Здесь непокоренная, дикая и своевольная природа представляет такие поражающие и устрашающие явления, объяснение которых не только не под силу младенческому уму, но которые заставляют довольствоваться догадками и предположениями даже развитой и просвещенный ум. Среди олонекских озер существуют, например, такие, которые временно исчезают, иногда на долгие сроки, но всегда с возвратом всей вылившейся воды в старую обсохшую котловину. В одном озере (Шим-озере, в 10 кв. верст величины, и до 4 саженей глубины) вся вода исчеза-

ет так, что по пустынному полю, бывшему дном, извивается только небольшой ручей, продолжающий течь и подо льдом. Пучина другого озера (Долгого) никогда не усыхает окончательно, как в первом, но вода и здесь убывает значительно; к Рождеству лед садится прямо на дно, образуя холмы, ямы и трещины; весной вода наполняет озеро, переполняет его и затем начинает показывать новое чудо – течение обратное. Вода третьего озера (Кушт-озера), высыхая, уводила с собой куда то и рыбу, доходящую в озере до баснословных размеров. Рыба снова возвращалась сюда, когда с проливными осенними дождями озеро снова наполнялось водой в уровень с высокими берегами, а иногда и выше, до горной гряды, окаймляющей озерную котловину. Четвертое озеро (Каинское) высыхало так, что дно его казалось дикой степью: люди ходили здесь как по суше. Однажды, два года кряду, крестьяне косили здесь сено и довольно удачно сеяли овес.

Эти, в высшей степени любопытные, явления, несомненно, ждут еще научного объяснения, хотя и теперь известно, что они зависят от строения известковых горных пород, господствующих в этом краю, – и от существования подземных рек, следы которых ясно уловлены, и скрытое подземное течение ясно доказано. Видимые следы их обнаружены через те провалы, которые зачастую здесь появляются, и известны под именем "глазников" или "окон". Сверх того, скрытое под землей, пребывание этих рек доказывается тем, что на тех местах, где, выщелачиваясь, оседает земля и образует пустоты, выступают на поверхность маленькие озера. В других случаях та же река выходит в виде огромных размеров родника (до десяти саженей в диаметре), никогда не замерзающего, а вода бьет струей, напоминающей клубы дыма из большой паровой трубы.

Как же объяснить подобные загадочные явления темному уму, воспитанному на суевериях, если не призвать на помощь нечистую силу? И народ наш так и делает.

В Олонецком краю, богатом до чрезмерного избытка бесконечной цепью озер, имеются такие, где, заведомо всем окрестным жителям, поселился водяной. И слышно его хлопанье в ладоши, и следы свои на мокрой траве он оставляет въяве, а кое-кто видал его воочию и рассказывал о том шепотком и не к ночи. Тихими лунными ночами водяной забавляется тем, что хлопает ладонями по воде гораздо звончее всякого человека, а когда рассердится, то и пойдет разрывать плотины и ломать мельницы: обмотается тинной (он всегда голый), подпоясается тинной же, наденет на острую голову шапку из куги (есть такое безлистное болотное растение, которое идет на плетушки разного рода и сиденья в стульях), сядет на корягу и поплывет проказить. Вздумается ему оседлать быка или корову, или добрую лошадь, считай их за ним: они либо в озерных берегах завязнут, либо в озерной воде потонут. Водяному всякая из них годится в пищу. Один олонецкий водяной так разыгрался и разбушевался, что осмелился и над людьми вышучивать свои злые проказы: вздумает кто в его озере искупаться – он схватит за ногу и тащит к себе в глубь омута на самое дно. Здесь сам он привычно сидит целыми днями (наверх выходит лишь по ночам) и придумывает разные пакости и шалости.

Жил он, как и все его голые и мокрые родичи, целой семьей, которая у этого олонецкого водяного была очень большая, а потому он, как полагают, больше всех товарищей своих и нуждался в свежих мертвых телах. Стал окрестный народ очень побаиваться, перестал из того озера воду брать, а, наконец, и подходить близко к нему, даже днем. Думали-гадали, как избавиться, и ничего не изобрели. Однако нашелся один мудрый человек из стариков-отшельников, живших в лесной келейке неподалеку. Он и подал добрый совет: "Надо, говорит, иконы поднять, на том берегу Миколы-угоднику помолиться, водосвятной молебен заказать и той святой водой побрызгать в озерную воду с кропила". Послушались мужички: зазвонили и запели. Впереди понесли церковный фонарь и побежали мальчишки, а сзади потянулся длинный хвост из баб, и рядом с ними поплелись старики с клю-

ками. Поднялся бурный ветер, всколыхнулось тихое озеро, помутилась вода – и всем стало понятно, что собрался водяной хозяин вон выходить. А куда ему бежать? Если на восход солнца, в реку Шокшу (и путь недалгий – всего версты две), то как ему быть с водой, которая непременно потечет за ним следом, как ее поднять: на пути стоит гора крутая и высокая? Кинуться ему на север, в Оранжевое озеро, – так опять надо промывать насквозь или совсем взрывать гору: водяной черт, как сосед и малобывалый, перескакивать через горы не умеет, не выучился. Думал было он пуститься (всего сподручнее) в Гончинское озеро по соседству, так оттуда именно теперь и народ валит, и иконы несут, и ладаном чадят, и крест на солнышке играет, сверкая лучами: страшно ему и взглянуть в ту сторону. "Если (думает он) пуститься смаху и во всю силу на реку Оять (к югу), – до нее всего девять верст, – так опять же и туда дорога идет по значительному возвышению: сидя на речной колоде, тут не перегребешь". Думал-думал водяной, хлопал голыми руками по голым бедрам (все это слышали) и порешил на том, что пустился в реку Шокшу. И что этот черт понаделал! Он плывет, а за ним из озера целый поток уцепился, и вода помчалась, как птица полетела, по стоячим лесам и по зыбучим болотам, с шумом и треском (сделался исток из озера в реку Шокшу). Плывет себе водяной тихо и молча, и вдруг услышали все молещики окрик: "Зыбку забыл, зыбку забыл!". И в самом деле – увидели в одном куту (углу) озера небольшой продолговатый островок (его до сих пор зовут "зыбкой водяного"). Пробираясь вдаль по реке Шокше, водяной зацепился за остров, сорвал его с места, тащил за собой около пяти верст и успел сбросить с ноги лишь посередине реки. Сам ринулся дальше, но куда – неизвестно. Полагают, что этот водяной ушел в Ладожское озеро, где всем водяным чертям жить просторно повсюду и не повадно только в двух местах, около святых островов Коневецкого и Валаамского. Тот же остров, что стащил водяной со старого места, и сейчас не смывает, и всякий его покажет в шести верстах от Виницкого погоста, а в память о реке Шокше его зовут Шокш-островом. С уходом того водяного, стал его прежний притон всем доступен. Несмотря на большую глубину озера, до сих пор в нем никто еще не утонул, и называли это озеро Крестным (Крест-озером) и ручей тот, проведенный водяной силой, Крестным.

Водяной находится в непримиримо враждебных отношениях с дедушкой домовым, с которым, при случайных встречах, неукоснительно вступает в драку. С добряками домовыми водяные не схожи характером, оставаясь злобными духами, а потому всеми и повсюду причисляются к настоящим чертям.

Людам приносят они один лишь вред и радостно встречают в своих владениях всех оплошавших, случайных и намеренных утопленников (самоубийц). На утопленниках они женятся, а еще охотнее на тех девицах, которые прокляты родителями.

В выборе мест для жительства водяные неразборчивы и, вместо чистых и прозрачных озерных пучин, охотно селятся в реках, причем из рек предпочитают те, которые прорезаются сквозь непроницаемые чащи еловых боров и тихо, медленно пробираются в низменностях и впадинах. Сюда, сквозь сеть сплетшихся корней, никогда не проникают солнечные лучи; здесь опрокинутые в воду деревья бурелома никем не прибираются и никому не нужны. Они или образуют естественные мосты, или – самородные плотины, а между ними получают те глубокие, обрывистые омуты, какие намеренно устраиваются около мельниц. Тут любят водиться крупные щуки и нередко приселяются речные богатыри, придорожные разбойники, усачи-сомы. Не брезгуя ни лесными, ни мельничными омутами, водяные духи предпочитают, однако, "пади" под мельницами, где быстрина мутит воду и вымывает ямины. Под мельничными колесами они будто бы обыкновенно любят собираться на ночлег. В это-то время ловкие и зоркие мельники видали духов в человеческом образе с длинными пальцами на ногах, с лапами вместо рук, с двумя, изрядной длины, рогами на голове, с хвостом назади и с глазами, горящими подобно раскаленным угольям (это в Смоленской губернии). Во Владимирской губернии водяного знают

седым стариком; в Новгородской (Череповецкого уезда) видали его в виде голой бабы, которая, сидя на коряге, расчесывала гребнем волосы, из которых бежала неудержимой струей вода. У вологжан (например, Никольского уезда) водяные духи, имея человеческий вид, обросли травой и мхом и росту бывают очень высокого, а в Грязовецком уезде они черные, глаза у них красные, большие, в человеческую ладонь, нос величиной с рыбацкий сапог; в Кадниковском видали духа в виде толстого бревна, с небольшими крыльями у переднего конца, летящим над самой водою. У орловского водяного борода зеленого цвета, и только на исходе луны — белая, седая; волосы точно так же длинные и зеленые. Из воды, в этих местах, он показывается только по пояс и очень редко выставляется и выходит весь. Ярославский водяной (в Пошехонье) любит гулять по берегу, наряжаться в красную рубаху; уломский водяной (Новгородская губерния) несколько раз уличен был самовидцами в том, что прикидывался иногда свиньей. В вологодских реках водяной принимает иногда вид и образ громадной рыбы (пудовой щуки), одетой моховым покровом, которая, в отличие от всех рыбных пород, при плавании держит морду обычно не против течения, а по воде. Раз видели такую рыбу крылатой (в Двинской волости), видели все до единого, и ни один человек не дерзал к этой реке подходить. Нашелся, однако, смельчак, который и разобрал, в чем дело: оказалось, что ястреб вонзился когтями в огромную щуку и столь глубоко и крепко, что не мог их вытащить из рыбьей спины в то время, когда погружался в воду. Там он захлебнулся и погиб, а затем, мертвым телом, с распростертыми в предсмертных судорогах крыльями, заоченел и стал появляться таким образом на щуке под водою и над водою. В Тульской губернии (в Одоевском уезде) в зарослях реки Упы (около села Анастасова) поселилась птица, водяной бык, или выпь, невиданная здесь до тех пор и неслыханная. Не было сил разуверить крестьян в том, что этот ночной рев, похожий на рев коровы, не производит водяной черт, а издает птица во время сидки на яйцах...

Недоброжелательство водяного к людям и злобный характер этого беса выражаются в том, что он неустанно сторожит за каждым человеком, являющимся, по разным надобностям, в его сырых и мокрых владениях. Он уносит в свои подземные комнаты, на безвозвратное житье, всех, кто вздумает летней порой купаться в реках и озерах после солнечного заката, или в самый полдень, или в самую полночь. (Эти "дневные уповоды" считает он преимущественно любимыми и удобными для проявления своей недоброй и мощной силы). Кроме того, на всем пространстве громадной Великороссии он хватает цепкими лапами и с быстротой молнии увлекает вглубь всех забывших, при погружении в воду, осенить себя крестным знаменем. С особенным торжеством и удовольствием он топит таких, которые вовсе не носят тельных крестов, забывают их дома или снимают с шеи перед купанием. Под водой он обращает эту добычу в кабальных рабочих, заставляет их переливать воду, таскать и перемывать песок и т.д. Сверх того, водяной замучивает и производит свои злые шутки с проходящими, забывшими перекреститься во время прохода нечистых мест, где он имеет обычай селиться и из водных глубин зорко следить за оплошавшими. Таких "поганных" мест много в лесистых местностях северной России, и почти все они известны там наперечет.

Кровоподтеки, в виде синяков на теле, раны и царапины, замечаемые на трупах вынутых из воды утопленников, служат наглядным свидетельством, что эти несчастные побывали в лапах водяного. Трупы людей он возвращает не всегда, руководясь личными капризами и соображениями, но трупы животных почти всегда оставляет для семейного продовольствия.

Хорошо осведомленные люди привычно не едят раков и голых рыб (вроде налимов и угрей), как любимых блюд на столе водяного, а также и сомовину за то, что на сомах, как на лошади, ездят под водой эти черти.

Как и вся бесовская сила, водяные любят задавать пиры и на них угощать родичей из ближних и дальних омутов, и вести сильные азартные игры. Так, извес-

тен рассказ о том, как куштозерский водяной князь связался на азартной игре в кости с могучим царем таких больших владений, как озеро Онего. Для этого богача и риск был нипочем, и в игре он был искуснее, и потому захоластный царек-князек проигрывался всякий раз, как только снимался играть с могучим царем на крупных ставках. Все такие ставки обыкновенно кончались тем, что проигрывал он и воду, и рыбу, а затем и себя самого кабалил. Проигравшись в пух, он и уходит к царю Онегу зарабатывать проигрыш и живет у него в батраках, пока не очистится. Когда же исполнится договорный срок, он возвращается в свое логовище с водой и обзаводится новой рыбой.

По известиям из черноземных мест Великороссии (губерний Калужской, Рязанской, Тульской и др.), водяные для своих пиров имеют хрустальные палаты. Орловцы прибавляют еще, к прочим украшениям хрустального дворца, золото и серебро из потонувших судов и камень "самоцвет", ярче солнца освещающий морское дно.

Никогда не умирая, водяные цари, тем не менее, на переменах луны изменяются: на молодике они и сами молоды, на ущербе превращаются в стариков. Около Орла поговаривают о библейских фараонах, потопленных в Черном море; им тоже указано жить в воде, но, в отличие от бесов, они должны умирать, а при жизни неизменно оставаться в одном и том же образе: в человеческом туловище, но с рыбьим хвостом вместо ног. Наоборот, водяные северных холодных лесов, чумазы и рогатые, вместо всяких хрустальных палат с серебряными полами и золотыми потолками, довольствуются песчаным полом обширных водоемов.

Подобно тому как плотникам не мешает дружба с домовым, а для охотников обязательна связь с лешими, — с водяным также приходится людям входить в ближайшие сношения, находиться в подчинении у них и заискивать.

От водяных чертей доводится терпеть и всего больше страдать, конечно, мельникам, хотя шутки шутят они и над рыбаками, и над пчеловодами. Привычные всю свою жизнь иметь дело с водой, мельники достигают таких удобств, что не только не боятся этих злых духов, но вступают с ними в дружеские отношения. Они живут между собой согласно, на обоюдных угождениях, руководясь установленными приемами и условленными правилами.

Пословица говорит, что "водой мельница стоит, да от воды и погибает", а потому-то все помыслы и хлопоты мельника сосредоточены на плотине, которую размывает и прорывает не иначе, как по воле и силами водяного черта. Оттого всякий день мельник, хоть дела нет, а из рук топора не выпускает и, сверх того, старается всякими способами ублажить водяного по заветам прадедов. Так, например, упорно держится повсюду слух, что водяной требует жертв живыми существами, особенно от тех, которые строят новые мельницы. С этой целью в недалекую старину сталкивали в омут какого-нибудь запоздалого путника, а в настоящее время бросают дохлых животных (непременно в шкуре). Вообще, в нынешние времена умиротворение сердитых духов стало дешевле: водяные, например, довольствуются и мукой с водой в хлебной чашке, и крошками хлеба, скопившимися на столе во время обеда, и т.п. Только по праздникам они любят, чтобы их побаловали водочкой. Сверх этих обычных приемов задабривания водяных, многие мельники носят при себе шерсть черного козла, как животного, особенно любезного водяному черту. Осторожные и запасливые хозяева при постройке мельницы под бревно, где будет дверь, зарывали живым черного петуха и три "супорыжки", т.е. стебля ржи, случайно выросших с двумя колосьями; теперь с таким же успехом обходятся лошадиным черепом, брошенным в воду с приговором. В тех же целях на мельницах все еще бережно воспитываются все животные черной шерсти (в особенности петухи и кошки). Это — на тот случай, когда водяной начнет озлобленно срывать свой гнев на хозяев, прорывая запруды и приводя в негодность жернова: пойдет жернов, застучит, зашепчет да и остановится, словно за что-нибудь задевает.

Удачи рыболовов также находятся во власти водяных. Старики до сих пор держатся двух главных правил: навязывают себе на шейный крест траву Петров крест¹, чтобы не "изурочилось", т.е. не появился бы злой дух и не испортил всего дела, и из первого улова часть его, или первую рыбу кидают обратно в воду, как дань и жертву. Идя на ловлю, бывалый рыбак никогда не ответит на вопрос встречного, что он идет ловить рыбу, так как водяной любит секреты и уважает тех людей, которые умеют хранить тайны. Некоторые старики-рыболовы доводят свои угождения водному хозяину до того, что бросают ему щепотки табака ("на тебе, водяной, табаку: давай мне рыбку") и, с тою же целью подкупа, подкуривают снасть богородской травкой и т.д.

А затем и у рыбаков, как и у охотников, сохраняется множество рассказов о неудачных встречах с водяными, о шутках, проказах этих духов и т.п.

Пчеловоды поставили свое чистое дело – уход за прославленной "Божьей угодницей" пчелкой – также в зависимость от водяного и исстари придерживаются обычая кормить его свежим медом и дарить воском, понемногу из каждого улья, накануне Спасова дня (Преображения Господня), ночью, до петухов. Точно так же об ту же пору пчеловод несет первый рой или "первак" в пруд или болото, и там его топят. При этом он судит так, что, когда водяному станет в воде душно, – он ломает лед, вода прибывает, делается разлив. Такой разлив, хотя, быть может, и не затопит пчельника, да худо уже то, что накапливается в воздухе излишняя сырость, а она-то и составляет для пчелок сущую погибель, неустранимое несчастье: ко всему выносливо божье созданище, но нескольких капель косого дождя достаточно для того, чтобы погиб целый улей. Опасливые суеверы из пчеловодов не задумываются бросать водяному сот с медом первой нарезки фунтов по 5-10 за раз. В награду за такие подарки водяной дает кукушку и приказывает хозяину пчел посадить эту птицу в отдельный улей, и поставить его где-нибудь в сторонке, чтобы никто не видал и не открывал. Если кто этот улей откроет, то птица улетит, а за нею улетят и все пчелы. При этом знающие люди толкуют, что мед от таких пчел, которых напускает водяной, будет плохой на вкус и не столь сладкий, и соты не такие, как у настоящих пчел: у этих луночки в сотах выходят крестиками, а пчелы водяного строят соты кружочками.

Кроме услуг профессионального характера, водяные бывают полезны и в некоторых других случаях. Так, например, для того чтобы отыскать местонахождение тела утопленника и исхитить его из объятий водяного, достаточно пустить на воду деревянную чашку с тремя восковыми свечами, прикрепленными по краям: погружившись, она останавливается – и всякий раз над тем местом, где лежит утопленник. Это поверье лишний раз доказывает, насколько еще существенна и жива в народе вера в водяного и могуществен беспричинный страх, порожаемый этой верой. Водяной, подобно всем духам из нечисти, не только "дедушко", как привычно зовут его, но и подлинный "пращур", каковым имеет он бесспорное право считаться.

Впрочем, подобно тому, как с истреблением лесов ослабевает вера в леших и за сведениями о них приходится обращаться уже на далекие окраины, в темные вологодские сюземы и непролазные костромские раменья, – так и с высыханием рек и осушением болот постепенно тускнеет образ водяного: начавшиеся среди водяных предсмертные беспокойства выражаются пока в переселениях, или переплывах из святых озер в поганые. Но для них все же еще много остается приволья и простора в громадной озерной олонецкой стране и в тех неодолимых болотах, которые разлеглись во множестве мест громадными площадями, составляющими целые страны, подобно белорусскому Полесью, вятскому Зюздинскому краю, и т.д. Здесь, в удобных местах, живут не по одному, а даже по несколько водяных вместе. Кругом же и около, вблизи и вдали, остаются все те же мыслящие живые лю-

¹ Петров крест – он же Заячий горошек.

ди, неспособные в своих верованиях отрешиться от тех вещественных и материальных образов, которые рисует им воображение, ограниченное лишь пятью чувствами.

Русалки

Поэтический образ фантастических жилищ надземных вод, вдохновлявший поэтов всех стран и соблазнявший художников всех родов изящных искусств, еще живет в народном представлении, несмотря на истекшие многие сотни лет. В качестве наследства от языческих предков славян, принесенного с берегов тихого Дуная на многоводные реки славянского востока и на его глубокие и светлые озера, этот миф значительно изменился в Великороссии. Из веселых, шаловливых и увлекательных созданий западных славян и наших малороссов, русалки, в стране угрюмых хвойных лесов, превратились в злых и мстительных существ, наравне с дедушкой водяным и его сожительницами, вроде "шутовок" и "берегинь". Таким образом, между малороссийскими "мавками или майками" и "лешачихами" лесной России образовалась большая пропасть, отделяющая древние первобытные верования от извращенных позднейших. Русалок, поющих веселые песни восхитительными и заманчивыми голосами, заменили на лесных реках растрепы и нечесы: бледнолицые, с зелеными глазами и такими же волосами, всегда голые и всегда готовые завлекать к себе только для того, чтобы без всякой особой вины зашекотать до смерти и потопить. При этом следует заметить, что в Великороссии даже не всегда про них знают. В редких местностях вообще о них вспоминают и рассказывают как о существах живых и действующих подобно прочей злой и уродливой нечисти. Но зато повсеместно сохранилась так называемая "русальная неделя" и "русалкино заговенье" (на Петровки, или апостольский пост).

И эти празднества ясно показывают, насколько северная лесная русалка не похожа на ту, которая пленяла и вдохновляла, между прочим, и наших великих поэтов.

Русалка в традиционном славянском представлении.

Уже одно то, что русалка изображается (например, в приволжских местах) в виде соломенного чучела, а кое-где даже в виде взнузданного лошадиного черепа, укрепленного на шесте, — показывает, как потускнел и вылинял в Великорос-

сии поэтический миф о грациозной красавице-русалке. Только в слабых и постепенно смолкающих песенных отголосках еще мелькает образ этих красивых существ, и сберегаются о них слабеющие воспоминания. Но зато тут успели уже войти в обычай иные чествования, именно чествования кукушки – весенней вестницы. Девушки крестят ее в лесу, кумятся между собой и завивают венки на березе (завивают на семик в четверг, а развивают на следующее воскресенье, приходящееся в Троицын день). Тем не менее, на десятой неделе по Святой Пасхе, сохранившей древнее народное название "русальной", или "русальской", ни одна деревенская девушка не решится пойти в лес без товаров, именно из боязни "злых русалок", которые, по народному представлению, на это время переселяются из речных и озерных омутов в леса. В ту же самую пору мужики принимаются "русальничать", т.е. гулять на все лады и пить целую всесвятскую неделю до самого заговенья.

Вот почему за точными справками о русалках необходимо обращаться на юг – к малороссам. В Великороссии же более подробные сведения о русалках получаются, главным образом, из губерний Тульской, Орловской, Калужской и Пензенской. Но и здесь веселый образ русалки омрачается недобрыми, злыми свойствами.

Оставляя с Троицына дня воды и рассыпаясь, вплоть до осени, по полям, перелескам и рощам, русалки выбирают себе развесистую, склонившуюся над водой иву или плакучую березу, где и живут. Ночью, при луне, которая для них ярче обычного светит, они качаются на ветвях, аукаются между собой и водят веселые хороводы с песнями, играми и плясками. Где они бегали и резвились, там трава растет гуще и зеленее, там и хлеб родится обильнее. Тем не менее, от русалок не столько пользы, сколько вреда: когда они плещутся в воде и играют с бегущими волнами, или прыгают на мельничные колеса и вертятся вместе с ними, то все-таки не забывают спутывать у рыбаков сети, а у мельников портить жернова и плотины. Они могут насыпать на поля сокрушительные бури, проливные дожди, разрушительный град; похищают у заснувших без молитвы женщин нитки, холсты и полотна, разостланные на траве для беленья; украденную пряжу, качаясь на древесных ветвях, разматывают и подпевают себе под нос хвастливые песни. В таких случаях находятся разнообразные средства и способы для борьбы с затеями лихих русалок, чтобы делать их безвредными для деревенского домашнего хозяйства.

Кроме церковного ладана (незаменимого средства против всякой нечистой силы), против чар и козней русалок отыскалось еще снадобье, равносильное священной вербе и свечам Страстной недели, – это "полынь, трава окаянная, бесколенная". Надо только пользоваться ее силой и применять ее на деле умеючи. Уходя после Троицына дня в лес, надо брать эту траву с собой. Русалка непременно подбежит и спросит:

– Что у тебя в руках: полынь или петрушка?

– Полынь.

– Прячься под тын, – громко выкрикнет она и быстро пробежит мимо. Вот в это-то время и надо успеть бросить эту траву прямо русалке в глаза. Если же сказать "петрушка", то русалка ответит:

– Ах, ты моя душка, – и примется щекотать до тех пор, пока не пойдет у человека изо рта пена и не повалится он, как мертвый, ничком.

Хотя во Владимирской губернии и помнят еще древних русалок и признают даже два их вида (водяных и домашних), но ни те, ни другие не отмечаются такими нежными, привлекательными чертами, как южные их сестры. Поверья северян и южан связаны между собой лишь в том общем убеждении, что русалки – людские дети, умершие некрещеными, либо потонувшие или утопившиеся девушки. Во многих местах думают, что это – дети, обмененные в то время, когда роженицу оставляют одну в бане, и она лежит без креста, а ребенок подле нее спит некрещенным.

Всем русалкам разрешается выходить из воды еще на Светлое Воскресенье, когда обносят кругом церкви плащаницу. И потому в это время надо запира́ть двери

в храм как можно крепче, из опасения, как бы не набежали русалки.

В этом поверии, на первый взгляд несколько странном, можно различить следы древнеславянского почитания душ умерших: весной, когда вся природа оживает, по верованию древних славян, оживали и души умерших и бродили по земле.

Эта связь между природой и душами умерших привлекала к себе внимание многих ученых, которые делают в этом направлении настолько остроумные сближения, что на них необходимо остановиться хоть на короткое время.

Души умерших, т.е. русалки, суть представители царства смерти, тьмы и холода, поэтому-то, с наступлением весны, хотя они и оживают, но обитают все-таки в темных недрах земных вод, еще холодных весной. С Троицына дня русалки оставляют воды и живут в лесах на деревьях.

Но вот наступает время купальских дней. Солнце, купаясь в водах, освещает эти воды и оживотворяет. Уместно ли русалкам, представительницам смерти, обитать в водах, освященных купанием живоносного солнечного божества? И вот, по тому же народному поверью, они оставляют воды и лезут на зеленые деревья, служившие, по верованию древних славян, жилищем мертвецов.

Так, между прочим, объясняет русальские праздники исследователь А.В. Балов, доставивший самые интересные данные по великорусской демонологии из Пошехонского уезда (Ярославская губерния).

Оборотни

От русалок прямой переход к "оборотням" – таким же мнимым существам, почти однородного происхождения. Чтобы стать настоящей русалкой, т.е. потерять навсегда право и возможность возвратиться в первобытное состояние, по народным толкам, необходимо четыре года. Только девушкам-самоубийцам возврата назад нет.

Точно так же не закрыт путь для обратного превращения в людей всякого сорта оборотням, не исключая даже волколаков, крепче других зачурованных.

Эти "волкодлаки", по старинному, или "волколаки", по современному произношению малороссов и белоруссов, суть всего чаще люди, обращенные в волка, который, затем, может оборачиваться в собаку, кошку, в куст, пеня и проч. (Ведьмы также обращаются в волколаков и обращают других). Несмотря на то, что это поверье свойственно всем европейским народам (франц. *Loup garou*, нем. *Wehrwolf* и проч.), но наибольшей распространенностью и устойчивостью оно пользуется на юге и на западе. Так, например, в то время как в Великороссии вера в волколаков привилась чрезвычайно слабо, – в среде белоруссов и малороссов она является самой законченной, полной живых образов и совершенно искренней. У них стоит лишь найти в лесу гладко срубленный пеня, воткнуть в него с приговорами нож и перекувырнуться через него – станешь вовкудлаком. Порыскав волком, надо забежать с противной стороны пня и перекувырнуться обратно; если же нож кем-нибудь похищен, то придется остаться перевертышом на век волком. Так объясняет это поверье Даль в Толковом словаре великорусского языка.

Что касается великорусских воззрений на волколаков и оборотней, то, не навязывая доказательств, почерпнутых из личных наблюдений, мы имеем в настоящем случае возможность представить подкрепление в сообщениях, полученных нами от многочисленных корреспондентов из лесных и подмосковных (южных черноземных) губерний. Так, например, из Смоленской губернии (из Дорогобужского уезда) исследователь Гринев пишет: "Вера в оборотней среди народа существует и теперь, хотя далеко и не в такой степени, как это было сравнительно немного времени тому назад".

Из Новгородской губернии (Череповецкого уезда) сообщают: "В настоящее время в оборотней редко кто верит: есть несколько стариков, которые говорят, что

оборотни есть".

Из Вологодской губернии (Тотемского уезда): "Людей оборачивали в волка или медведя когда-то очень давно, когда были сильные колдуны; впрочем, есть вера, что и ныне "в зырянах" еще есть такие колдуны, что могут человека пустить волком.

Из Вятской губернии (Сарапульского уезда): "Раньше, в старые годы, были такие колдуны, что целые свадьбы могли оборачивать в волков. Едет свадьба под венец, или из-под венца, - и всю свадьбу сделают волками; навсегда так и бегает. Теперь этого нет, не слышал вовсе".

Таковы на выдержку известия с севера, а вот из Рязанской губернии (Скопинский уезд): "В оборотней крестьяне верят и боятся встречи с ними". Из Саратовской губернии (Хвалынский уезд): "В оборотней народ верит и представляет их в виде свиньи, коровы, собаки, козла или вообще чудовища. Люди в оборотней обращаются сами собой, для чего надо воткнуть два ножа в рот, прочитать заклинание и три раза перекувырнуться".

Из Калужской губернии (Мещовского уезда): "Узнать оборотней легко можно по тому, что у них задние ноги имеют колена вперед, как у человека, а не назад, как у волка. Людям они вреда не делают, кроме тех, кто их испортил; те не должны им попадаться навстречу". Из той же губернии (Медынского уезда): "В существование оборотней верят, но волколаков не знают. Оборотнями делаются колдуны: скидываются чаще всего в свиней, скидываются кошками, собаками, даже петухами или сорокой".

Из Пензенской губернии пишут: "При въезде в село Шигонь, Инсарского уезда, в восточной стороне находится пересохший ручей, называемый Юр. Из-под моста по ночам выходят гусь и свинья, происхождение которых неизвестно, и нападают на проходящих, особенно на пьяных. По мнению народа, эти животные - оборотни и колдуны", и т.д.

Сопоставляя все эти противоречивые рассказы об оборотнях, нельзя не прийти к заключению, что вера в них значительно ослабла и рассыпалась на множество осколков, из которых с трудом можно составить себе цельное представление об этой нечистой силе. Даже в северных лесных трущобах, считающихся колыбелью всяких суеверий, миф об оборотнях не вылился в законченную форму. Оборотни здесь - существа временные, а не постоянные, являющиеся таковыми на ту лишь пору, когда требуют различные обстоятельства (например, желание отомстить и даже подшутить и тому подобное). В таких случаях оборотнями "скидываются на время" сами колдуны или, как называют их в вологодских краях, "опасные". Здесь "оборачивают" некрещенных младенцев, девушек, лишивших себя жизни, - и в настоящих оборотней, и в обменок, и в русалок без всякого различия. Сами колдуны обращаются в таковых же после смерти, в тех случаях, "если колдун продал свою душу черту". Избавить его можно лишь в том случае, если перед смертью перерезать ему на ногах стигматические пяточные сухожилия. Тогда он уже теряет возможность ходить или шататься по земле. "Оборотни (пишут из Кадниковского уезда) бывали еще на нашей памяти (т.е. в памяти живущего поколения), когда целые свадебные поезда, прямо из-за стола, колдуны пускали волками..."

Колдун-чародей

Прошло то доброе старое время, когда, под шумок веретена, охотно слушались повести о героических подвигах могучих богатырей - на нашей памяти наступают иные времена, когда, под стук швейных машин, на устах присяжных сказочников-портных, стала уже смолкать сказка-складка. Но колдун-чародей все еще не забыт и все еще властен и крепок, несмотря на свое почтенное долголетие. Он точно тот старый дуб, у которого давно гниет сердцевина, но которого не сва-

лила буря, благодаря лишь тому, что его корень так глубоко проник в землю, как ни у одного из прочих лесных деревьев. Самая внешность колдуна, строгая и внушительная, очень напоминает старый дуб. Вспомните обсыпанную снегом фигуру чародея, который стоит на переднем плане превосходной картины нашего жанриста (В. М. Максимова). Внезапно этот чародей явился на свадебный пир и всех напугал не на шутку; молодые вскочили с места и остоленели от страха, батюшка-поп находится в тревоге, а все остальные настолько испуганы, что на лицах их одновременно можно читать выражение и страха, и раскаяния: забыли, дескать, позвать колдуна – жди теперь беды; он оскорблен, он отомстит, и запоздалым угощением его теперь не задобрить.

Картина Василия Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу».

Суеверный страх перед колдунами покоится на общенародном убеждении, что все они состоят в самых близких отношениях с нечистой силой, и что черти не только исполняют все их поручения, но даже надоедают, требуя для себя все новой и новой работы. Что ни придумают чародеи – все чертям нипочем, одна забава; выдумал один колдун заставить их овин молотить – в одну ночь измолотили так, что и соломы обирать не надо: осталась одна мякина. Дал другой меру овса и меру льняного семени, велел обе смешать и отобрать по зернышку, каждое в отдельное место: думал, что над льняными зернами, скользкими и увертливыми, черти надсалятся, а они в полчаса всю работу прикончили. Пошлют иные колдуны на елке хвою считать, каждую иголку перебрать, чтобы бесы искололи себе лапы, изошли кровью от укулов, а они сказывают верным счетом да еще самодовольно ухмыляются. Другие затейники на осину им указывают: сосчитайте, мол, листья (а осиновый лист, как известно, неподатлив: без ветру изгибается, без устали шевелится, ухватить себя лапами не дается). Долго черти с ними бьются: пот с них льется градом, несмотря на то, что на осине листьев меньше, чем иголок на елке, однако и глазом заказчик не успеет мигнуть, как работа у чертей окончена. Опять ослабили они зубы, опять навязываются на работу. Вбил один колдун в озеро кол и оставил конец над водой: "Заливайте, говорит, кол". – Стали черти заливать – не могут. "Теперь не скоро явятся, – думает колдун, – дня два промучаются, а я тем временем отдохну от них". Однако колдун ошибся: хотя он наказал носить воду решето, да забыл его "зааминить", сделать по молитве таким, чтобы они не могли навести свои чары – превратить решето в лукошко. Вот черти и залили кол. Снова пришли, расхохотались: давай им что-нибудь потруднее. Тогда колдун озлился: "Вот вам чурбан из того проклятого дерева, ко-

торое вы любите за то, что на нем удавился Иуда, и под корою которого видна кровь (кора под кожицей красновата); чурбан я вырубил во весь свой рост, да с одного конца отсек от него поларшина. Надо вытянуть кряж так, чтобы стал по мерке снова вровень с ростом". Тянули черти три дня целых – ничего у них не вышло. Пришли покаяться и опять просить работы, хотя бы еще поскучнее, например, песок с берега перетаскать в реку, по песчинке, или еще мудренее: развеять куль муки по ветру да и собрать его по порошок.

Колдуны бывают природные и добровольные, но разницы между ними никакой, кроме того, что последних труднее распознать в толпе и не так легко уберечься от них. Природный колдун, по воззрениям народа, имеет свою генеалогию: девка родит девку, эта вторая принесет третью, и родившийся от третьей мальчик делается на возрасте колдуном, а девочка ведьмой. Впрочем, помимо этих двух категорий колдунов, существуют, хотя и очень редко, колдуны невольные. Дело в том, что всякий колдун перед смертью старается навязать кому-нибудь свою волшебную силу, иначе ему придется долго мучиться, да и мать-сыра земля его не примет. Поэтому знающие и осторожные люди тщательно избегают брать у него из рук какую-нибудь вещь, даже самые близкие родные стараются держаться подальше, и если больной попросит пить, то не дадут из рук, а поставят ковшик так, чтобы он сам мог до него дотянуться. Рассказывают, что один колдун позвал девку и говорит: "На тебе!" – Та догадалась: "Отдай тому, у кого взял". Застонал он, заскрипел зубами, посинел весь, глаза налились кровью. В это время пришла проведать его племянница; он и к ней: "На, говорит, тебе на память!" Та спроста приняла пустую руку, – захохотал он и начал кончаться.

Для "невольного" колдуна возможно покаяние и спасение: их отчитывают священники и отмаливают в монастырях, для "вольных" же нет ни того, ни другого.

Посвящения в колдуны, в общем, сопровождаются однородными обрядами, смысл которых повсюду сводится к одному – к отречению от Бога и Царствия Небесного и затем к продаже души своей черту. Для первого довольно снять с шеи крест и спрятать его под правую пятку, или положить икону на землю вниз ликом и встать на нее ногами, чтобы затем в таком положении говорить богохульные клятвы, произносить заклинания и выслушивать все руководящие наставления сатаны. Лучшим временем для этого, конечно, считается глубокая полночь, а наиболее удобным местом перекрестки дорог как излюбленное место нечистой силы. Удобны также для сделок с чертом бани, к которым, как известно, приставлены особые духи. При заключении договоров иные черти доверяют клятвам на слово, другие от грамотных требуют расписки кровью, а неграмотным велят кувыркаться ведомое число раз через столько-то ножей, воткнутых в землю. Когда все обряды благополучно окончены, к посвященному на всю жизнь его приставляются для услуг мелкие, бойкие чертенята.

Для изобличения колдунов в некоторых местах (например в Пензенской губернии) знают три средства: вербную свечу, осиновые дрова и рябиновый прут. Если зажечь умеючи приготовленную свечу, то колдуны и колдуньи покажутся вверх ногами. Равным образом, стоит истопить в Великий четверг осиновыми дровами печь, как тотчас все колдуны придут просить золы. Рябиновая же палочка помогает опознать этих недоброхотов во время светлой заутрени: они стоят задом к иконостасу. Это повсюду считается самым верным средством, и если встречаются разноречия, то лишь в указании времени (например, в Орловской и Саратовской губерниях полагают более удобным моментом для наблюдений – пение Херувимской за пасхальной обедней, причем советуют надеть на себя все чистое и новое до последней ниточки). В Новгородской же губернии колдунов опознают несколько иначе. Для этого советуют взять в руки первое яйцо молодой курицы и, во время светлой заутрени, стоять на таком месте, откуда видно было бы всех молящихся; тогда у колдунов удастся заметить даже рога на голове. В Калужской губернии колдуны узнаются по тому, что на Святую Пасху приходят в чужую избу огня про-

силь и т.п. Наконец, есть и еще несколько способов, отличающихся большой странностью; в числе их один, например, такого рода: надо положить нож острием кверху и прочитать воскресную молитву (Да воскреснет Бог) с конца – тогда колдун либо заревет, либо начнет скверно ругаться. В Сарапульском уезде Вятской губернии указывают еще на "сорокообеденный ладан" (пролежавший на престоле во время сорокоуста). Если такой ладан растереть в порошок и всыпать в вино, пиво и дать подозрительному человеку выпить, то он начнет ходить по избе с одного угла на другой и дверей не найдет. Этот способ тем хорош, что, если в это время дать колдуну напиться поганой воды, хотя бы из лоханки, он охотно выпьет и затем потеряет всю силу.

Все эти заботы о приискании предохранительных средств против колдунов вытекают непосредственно из неколебимой народной веры "в порчу". Здесь, в этой порче, и сосредоточена собственно вся деятельность чародеев, и ею же объясняется их влиятельное значение в деревенской среде, наружное уважение к ним, почетные поклоны при всякой встрече и угощения водкой в виде отступного. Тем не менее, под наружными признаками заискивающего почтения скрытно таятся зародыши глубокой ненависти, которая и вспыхивает всякий раз, как только отыскивается смельчак-обличитель, который выведет на свежую воду все чародейские штуки. Над опростоволосившимся колдуном охотно смеются, причем вслед за насмешками быстро наступает утрата всякого доверия к нему, полное равнодушие и невнимание. Это на лучший конец. В тех же случаях, когда озлобление скопилось долгое время и вызвалось неудачей злобных выходок чародея, – общее негодование сопровождается жестокими побоями, напоминающими расправы с конокрадами. Но есть способ и единолично расправиться с колдуном. Для этого достаточно бывает ударить его наотмашь левой рукой, не оборачиваясь назад. Если при этом прольется кровь, то чародей уже испортился и в колдуны больше не годится. Он перестает быть опасным и затем, конечно, теряется в самых задних рядах, пребывая в полном презрении и совершенном отчуждении.

Темное дело "порчи", – в какой бы истерической форме она не выражалась: в форме ли кликушества, омерячения¹, падучей, беснования и даже пляски св. Витта, – производится "сглазом", заговорами, "напуском" и "относом". Наговаривают на хлеб, соль, воду и проч., напускают по ветру и по следу, посылают порчу на "относ", т.е. подкидывают наговоренные вещи, и кто их поднимет, тот и захворает. Примеров такого рода порчи рассказывают бесконечное множество: нашла баба наговоренное яйцо у колодца и начала на голоса кричать; подняла другая на дороге узелочек с рубахой, крестом, поясом, цепочкой и угольками – и лишилась еды, тоска напала, все не мило стали; отнесла назад туда, где нашла, и начала поправляться.

Приемы, к которым прибегают, насылая порчу, очень разнообразны. Сильному колдуну довольно взглянуть своим недобрим косым взглядом, чтобы заставить чахнуть. Колдуну послабее нужен заклятый порошок, чтобы бросить его на назначенную жертву по ветру: дело сделано, если хоть одна порошинка попадет на человека или скотину. Вынутый след, т.е. щепотка или горсточка земли из-под ног обреченного, в мешочке подвешивается в чело печи, а в трубе замазываются глиной волосы его; начнет земля и глина сохнуть – сухотка обуяет и того человека. Через наговоренную сильным колдуном вещь достаточно перешагнуть, на зачурованное место стоит сесть, чтобы захворать. Иной колдун только лишь слегка ударит по плечу, а н смотришь – человек испорчен.

¹ Эмирячение (мерячение) – состояние, характеризующееся подражанием словам, жестам и действиям окружающих, неудержимым желанием исполнить их приказы, а так же другими проявлениями. Иногда носит массовый характер. Наблюдалось в начале XX века как в среде аборигенов Сибири, так и среди проживавшего там русского населения. В связи с этим появляется термин «психическая зараза».

Тот колдун, который причинил порчу, снять ее уже не в силах, — надо искать другого, хотя бы и слабенького. И наоборот: если свой колдун успел обезопасить от всяких чар, то чужому тут нечего делать. Последнее всего виднее замечается на свадьбах, около которых преимущественно и сосредоточивается деятельность колдунов.

Чтобы избавить молодых от порчи, колдунов, обыкновенно, зовут на свадьбы в качестве почетных гостей, причем приглашенного еще в дверях избы встречает сам хозяин низким поклоном, со стаканчиком водки. Вторую чарку колдун попросит сам и затем уже смело начинает кудесить с доброй целью предупредить возможность порчи: берет из рук хозяйки поднесенные хлеб и соль, разламывает хлеб на кусочки, круто посыпает солью и разбрасывает по сторонам. Плюнув три раза на восток, входит он в избу, осматривает все углы, дует в них и плюет, потом в одном сыплет рожь, в другом свою траву, в остальных двух золу: рожь против порчи, траву на здоровье молодых. Оглядит пристально пол: не набросано ли желтого порошка — ведомого, опасного зелья; заглянет в печь: не кинуты ли на загнетку с угольями такие травы, от которых смрад дурманит у всех головы, а у иных баб вызывает рвоту (бывали случаи, когда поезжане из-за этого смрада покидали избу и свадьбу отсрочивали). Затем колдун выходит на двор и три раза обходит лошадей, назначенных для поезда под жениха и невесту. Заглядывает под хомут: не подложил ли какой-либо недобрехот репейника или иных колючек. В избе обсыпает молодых рожью, заставляет проходить через разостланный под ноги черный полушубок и этим вконец изводит навеянную порчу. Провожая до церкви, он на каждом перекрестке и под каждым воротами (которые считаются самыми опасными местами), шепчет заклинания. Из-под венца велит ехать другой дорогой. На свадебном пиру принимает первые чарки и напивается прежде всех до полного бесчувствия. Тогда только его увозят домой с выговоренными подарками, сверх денег: холстом и расшитыми в узор, но не в кресты, полотенцами.

В лесных захолустьях еще живы рассказы о том, как целые свадебные поезда лихие люди оборачивали в волков, как один неприглашенный колдун высунул в окно голову и кричал ехавшему по селу поезду: "Дорога на лес!", — а колдун приглашенный отчуровывался своим словом: "Дорога на поле!", — и с соперником сделалось то, что у него выросли такие рога, что он не мог высвободить головы из окна, пока на обратном пути не простили его и не высвободили. Другой раз под ноги передней лошади колдун бросил рукавицу на волчьем меху, и лошадь зафыркала, остановилась как вкопанная и задержала весь поезд, который должен совершить свой путь без помех и препятствий. Против всех этих козней колдунов придумано бесчисленное множество самых разнообразных, хотя и малодейственных средств: тут и лук, и чеснок, и янтарь, и ладан, столь ненавистные чародеям, и крест, нашитый на головной платок невесте, и монета, положенная ей с наговором в чулки, и иголки без ушек, зашитые в подоле платья, и льняное семя, насыпанное в обувь. Все эти меры предосторожности обыкновенно составляют заботу свахи, хотя у колдуна, в свою очередь, припасен гороховый стручок о девяти горошинах — средство, перед которым ничто не устоит.

Колдуны, большею частью, — люди старые, с длинными седыми волосами и нечесанными бородами, с длинными неостриженными ногтями. В большинстве случаев, они люди безродные и всегда холостые, заручившиеся, однако, любовницами, которые к таким сильным и почетным людям очень прилипчивы. Избенки колдунов, в одно окошечко, маленькие и сбоченившиеся, ютятся на самом краю деревень, и двери в них всегда на запоре. Днем колдуны спят, а по ночам выходят с длинными палками, у которых на конце железный крюк. Как летом, так и зимой надевают они все один и тот же овчинный полушубок, подпоясанный кушаком. По наружному виду они всегда внушительны и строги, так как этим рассчитывают поддерживать в окружающих то подавляющее впечатление, которое требуется их исключительным мастерством и знанием темной науки чернокнижия. В то же время они воздержива-

ются быть разговорчивыми, держат себя в стороне, ни с кем не ведут дружбы и даже ходят всегда насупившись, не поднимая глаз и утраивая тем взглядом исподлобья, который называется "волчьим взглядом". Даже и любовниц своих они не любят и часто меняют их. В церковь они почти никогда не ходят и только, страха ради иудейска, заглядывают туда по самым большим праздникам. Все это, взятое вместе, с одной стороны, совершенно поработает напуганное воображение захолустных обитателей, а с другой придает самим колдунам необыкновенную уверенность в своих силах. Вот характерный рассказ, показывающий, как велико обаяние колдунов в народной массе и как самоуверенны в своей "работе" эти темные люди.

— Уворовали у нас деньги, — передавал один крестьянин, нуждающийся в помощи колдуна, — пятнадцать целковых у отца из полушубка вынули. — Ступай, говорят, в Танеевку к колдуну: он тебе и вора укажет, и наговорит на воду али на церковные свечи, а не то так и корней наговоренных даст. Сам к тебе вор потом придет и добро ваше принесет. Приезжаем. Колдун сидит в избе, а около него баба с парнишком — значит, лечить привела. Помолились мы Богу, говорим: "Здорово живете!". А он на нас, как пугливая лошадь, покосился и слова не молвил, а только на лавку рукой показал: садитесь, мол! Мы сели. Глянь, промеж ног у него стеклянный горшок стоит с водой. Он глядит в горшок и говорит невесть что. Потом плюнул сначала вперед, потом назад и опять начал бормотать по-своему. Потом плюнул направо, потом налево, на нас (чуть отцу в харю не попал), и начало его корчить да передергивать. А вода та в горшке так и ходит, так и плещет, а ему харю-то так и косит. Меня дрожь берет. Потом как вскочит, хватить у бабы мальчишку, да и ну его пихать в горшок-то! Потом отдал бабе и в бутылку воды налил: велел двенадцать зорь умывать и пить давать, а потом велел бабе уходить.

— Ну, — говорит нам, — и вы пришли. Знаю, знаю, я вас ждал. Говори, как дело было. Я так и ахнул: угадал, нечистый! Тятка говорит: так и так, а он опять:

— Знаю, знаю! С вами хлопот много!

Отец его просит, а он все ломается, потом говорит:

— Ну, ладно: разыщем, только не скупись.

Отец вынул из кармана полштоф на стол. Колдун взял, глотнул прямо из горла раза три, а отцу говорит:

— Тебе нельзя! — и унес в чулан вино. Выходит из чулана, сел за стол и отца посадил. Начал в карты гадать. Долго гадал и все мурлыкал, потом содвинул карты вместе и говорит:

— Взял твои деньги парень белый (а кто в наших деревнях, и по волосам и по лицу, не белый?). Потом встал из-за стола и пошел в чулан. Выносит оттуда котел. Поставил его посередине избы, налил воды, вымыл руки и опять ушел в чулан. Несет оттуда две церковные (восковые) свечи; взял отца за рукав и повел на двор. Я за ними. Привел под сарай, поставил позади себя, перегнулся вперед и свечи как-то перевернул, перевернул. Одну дал отцу, одну у себя оставил и стал чего-то бормотать. Потом взял у отца свечу, сложил обе вместе, взял за концы руками, а посреди уцепил зубами и как перекосятся — я чуть не убежал! Гляжу на тятку — на нем лица нет. А колдун тем временем ну шипеть, ну реветь, зубами, как волк, скрежещет. А рыло-то страшное. Глаза кровью налились, и ну кричать: "Согни его судорогой, вверх тормашками, вверх ногами! Переверни его на запад, на восток, расшиби его на 777 кусочков! Вытани у него жилу живота, растяни его на 33 сажени. И еще чего-то много говорил. Затем пошли в избу, а он свечи те в зубах несет. Остановил отца у порога, а сам-то головой в печь, — только ноги одни остались, и ну мычать там, как корова ревет. Потом вылез, дал отцу свечи и говорит:

Как подъедешь к дому, подойди к воротному столбу, зажги свечу и попали

столб, а потом принеси в избу и прилепи к косяку: пускай до половины сгорит. И как догорит, то смотри, не потуши просто, а то худо будет, а возьми большим и четвертым (безымянным) пальцем и потуши: другими пальцами не бери, а то сожжешь совсем и пальцы отпадут.

И так он велел сжечь свечи в три раза. Приехали мы с отцом домой и сделали, как велел колдун. А ден через пять приходит к нам Митька – грох отцу в ноги: так и так – моя вина! И денег пять целковых отдал, а за десять шубу оставил, говорит:

– Сил моих нет, тоска одолела. Я знаю, это все Танеевский колдун наделал.

Таковы те приемы, при помощи которых колдуны поддерживают в народе свое обаяние. Но в то же время они твердо знают, что внешнее почтение быстро сменяется ненавистью, когда чары переступят меру и начнут наносить обиды. Правда, случаи резких самосудов уголовного характера стали замечательно редки, но о случаях презрения к колдунам неудачникам, связанного с потерей всякого уважения к ним, еще поговаривают во всех захолустьях как лесных, так и черноземных губерний. Здесь еще возможны случаи публичных состязаний двух соперников на почве хвастливого преимущества.

На этот счет в южных великорусских лесных захолустьях (например, в карачевских и брянских местах) существует ходячий рассказ такого содержания.

– В старые времена на конце одного села жила-была старуха. Нос у ней был синий, большой. Как ночь, старуха то свиньей, то собакой скидывается, и все белогористой. Скинется – и ну по селу ходить: где солдатке под ноги подкатится и сведет бабенку с пути чистого, а где мужа с женой норовит разлучить. Грызть не грызет, а только под ноги подкатывается. А на другом конце села жил колдун. И невзлюбил тот колдун старуху, начал он ее изводить и на селе похвляться: я-де ее доконаю! Вот как настала ночь и старуха, скинувшись свиньей, пустилась по селу, колдун встал посередь села и говорит: "Стой, – говорит, – у меня двенадцать сил, а у тебя и всего-то пять!". Завизжала свинья и сделалась вдруг бабой. Тут народ и давай ее кольями бить: "Откажись, – говорят, – окаянная сила!" – С неделю после того она с печи не сходила, чтобы синяков не показывать, а там отдыхалась и опять за свое. И вздумала она раз на метлу сесть: "На метле, – говорит, – он меня не уловит". Но только это она на середину села выехала, как он и почуял, почуял да на одном колесе в погоню за ней как пустится, сшиб ее с метлы, да тут и заповедал ей больше этим ремеслом не заниматься.

В северных лесных местах, – именно в Тотемских краях, – общеизвестен между прочим такой случай.

На одну свадьбу, для предохранения молодых от порчи, приглашен был колдун. Когда молодые отправились в церковь, то заметили около своего дома неподвижно стоящего человека. Возвращаясь назад, увидели его опять в том же положении, словно пригвожденным к месту. Когда свадебный колдун приблизился к нему, то все слышали, как тот просил: "Отпусти ты меня – не держи, сделай милость". – "Я и не держу тебя – ступай". Тогда стоявший сорвался с места и бегом, во все лопатки, пустился прочь. Всем стало понятно, что то был колдун, подсланный для порчи: его узнал защитник и чарами своими заставил его простоять на одном месте во все время венчанья и не вредить.

Но если вера в колдунов еще очень сильна в отдаленных местах, захолустьях, то в местностях, прилегающих к крупным центрам, она стала значительно ослабевать. Из подмосковных фабричных мест, например, компетентный свидетель, с полною уверенностью, сообщает, что там "колдунов теперь очень мало, сравнительно с недавним прошлым" (Владимирская губерния, Шуйский уезд). Случалось, говорят бабы, их штук по пяти на одну деревню приходилось. Всех баб, бывало, перепортят. Бывало, все кликали, а нынче на целую волость пяти-то не наберешь, лекарок больше теперь. Сообразно с такой переменой, и рассказы о колду-

нах из центрального района получают совсем в другом роде. Вот, например, рассказ о столкновении колдуна с солдатом.

Вернулся домой солдат и попал прямо на свадьбу к богатому крестьянину. Все за столом сидят, а на почетном месте, в переднем углу, сидит, развалившись, и чванится Савка-колдун. Не стерпел солдат, задумал с ним поговорить: начал "прокатываться" на его счет, смешки подпускать. Не вытерпел и Савка-колдун, ударил по столу кулаком, зарычал:

— Эй, кто там крупно разговаривает? Кажись, солдат тот уж больно "дочий". Погодь, я его достану, в самое нутро достану.

Сватья и свахи повалились в ноги, стали умолять:

— Савелий Федорович, кормилец, прости его: во век твоей милостью будем довольны!

— Ладно, выгоните только этого солдатишку, а то я и сидеть у вас больше не стану. Заговорил и солдат:

— Ты, Савелий Федорович, не больно на меня наступай, лучше давай-ко потолкуем с тобой, а потом поворожим и поглядим, кто скорее уйдет отсюда.

— Ну, давай ворожить!

Взяли оба по стакану с водкой. Колдун стал нашептывать в свой, положил какой-то корешок, песочку присыпал и дал солдату выпить. Тот перекрестился и сразу выпил, так что все не успели даже глазом мигнуть. Ухмыляется солдат, да еще и спрашивает:

— Что вы на меня выпучили глаза? Ничего со мной не случится. Глядите лучше на Савелия Федоровича.

Над своим стаканом солдат не шептал, а прямо высыпал свой порошок:

— Прими-ка, Савелий Федорович, выпей и ты на здоровье.

Проговорил Савка отворотные слова и выпил. А солдат велел припереть дверь и дружкам наказал не выпускать колдуна из-за стола.

Начало Савку прохватывать, стал он с почетного места проталкиваться. До середины избы не доскочил, как все повалились со смеху.

С той поры побежденный колдун заперся в своей хате, никуда не выходил и к себе никого не впускал. Вера в него поколебалась навсегда, хотя бабы приняли за колдуна и солдата.

Пользоваться помощью колдуна, как равно и верить в его сверхъестественные силы, наш народ считает за грех, хотя и полагает, что за этот грех на том свете не угрожает большое наказание. Но за то самих чародеев, за все их деяния, обязательно постигнет лютая, мучительная смерть, а за гробом ждет суд праведный и беспощадный. (Здешний суд для них не годится, по крайней мере, не только жалоб на колдунов не поступает в правительственные суды, но, ввиду явных обид, не приглашаются для разбирательства даже волостные и земские власти).

Самая смерть колдунов имеет много особенностей. Прежде всего, колдуны заранее знают о смертном часе (за три дня), и кроме того, все они умирают приблизительно на один манер. Так, например, пензенских чародеев бьют судороги и настолько сильно, что они не умирают на лавке или на полатах, а непременно около порога или под печкой. Если над таким колдуном станут читать псалтырь, то в полночь он вскакивает и ловит посиневшего от страху чтеца. Вологодские колдуны, перед смертными страданиями, успевают дать родным словесное завещание: если умрет в поле — не вносить в избу, умрет в избе — выносить не ногами вперед, по обычаю всех православных, а головой, и у первой реки заблаговременно остановиться, перевернуть в гробу навзничь и подрезать пятки или подколенные жилы. От смоленских колдунов не требуется и подобных завещаний: все там твердо знают, что необходимо тотчас же, как только зароят могилу колдуна, вбить в нее осиновый кол, с целью помешать этому покойнику подыматься из гро-

ба, бродить по белому свету и пугать живых людей¹. Умирают колдуны непременно очень долго, так как им указано мучиться сверх положенного. Одна орловская колдунья, например, умирала целых шесть дней: к вечеру совсем умрет – затихнет, положат ее на стол, а наутро она опять залезет в подполье и снова жива. Вытащат ее оттуда, а она опять начнет мучиться: корежит ее и ломает, вся она посинеет, высунет раздутый язык наружу и не может спрятать. Дивуется народ, а не догадается снять конек (верх крыши), или хотя бы одну жердочку, чтобы облегчить предсмертные страдания². Короче сказать, все рассказчики, рисующие ужасы предсмертных страданий колдунов, не находят слов для выражения этих мук. Иные из колдунов доходят до того, что бьются головой об стенку, стараясь расколоть себе череп, рвут себе язык на куски и т.п. Один из них не велел жене подходить к нему и смотреть на его лицо, а когда она, бабьим обычаем, не послушалась, то после смерти мужа шесть недель лежала неподвижно, как полоумная, и все время смотрела в одну точку. Сами похороны колдунов – вещь далеко не безопасная и, зарывая их в землю, надо смотреть в оба, чтобы не случилось какой-нибудь беды. Так, на похоронах одного колдуна (Орловская губерния, Брянский уезд) крестьяне не заметили, как дочь его, повинувшись слепо воле умершего, положила в могилу свежей сжатой ржи. Сейчас же после этого грянул гром, нашла грозовая туча с градом, и выбило все полевые посевы. С тех пор каждый год, в день похорон этого колдуна, стало постигать "Божье наказание" (и в самом деле, в течение трех лет подряд град при грозе побивал хлеб лишь в одной этой деревне), так что крестьяне, наконец, решили миром разрыть могилу, вынуть гнилой сноп, и только тогда успокоились (выпито при этом было видимо-невидимо).

Подводя итоги злой деятельности колдунов, можно с уверенностью сказать, что почти все деревенские напасти имеют прямую или косвенную связь с кознями чародеев. Эта нечисть вредит человеку, вредит скотине и переносит свою ненависть даже на растения. Вред, приносимый человеку, всего чаще выражается в форме болезней. Колдуны, например, "насаживают килы" на людей, т.е. устраивают так, что здоровый человек заболевает грыжей или злокачественными темносиними нарывами, сопровождаемыми невыносимой болью и необъяснимой тоской: человек просто на стену лезет. Запой также насылаются колдунами, когда несчастный бросает семью, уходит куда глаза глядят, иногда налагает на себя руки. Колдуны же отнимают у человека разум, делают его припадочным, возбуждают у мужа отвращение к жене и обратно, и вообще нагоняют все те болезни, от которых бедняков отчитывают, а людей достаточных возят по монастырям, к святым мощам. Что касается растений и животных, то, как выше было сказано, колдуны, уступая настойчивым требованиям нечистой силы, вынуждены обращать свою деятельность и на них³, причем эта деятельность поддерживает среди темного населения постоянную нервную напряженность, проистекающую от непрерывного ожидания нечаянных несчастий и непредусмотренных бед. Дело доходит до того, что крестьяне, например, купив новую скотину, стараются укрывать ее подальше от недобрых глаз ведомого колдуна: стоит ему провести рукой по спине коровы,

¹ Вбивают кол, обыкновенно по общественному приговору, в тех случаях, когда родные не позволяют при погребении положить в могилу осиновой палки.

² В других местах северных лесных губерний с тою же целью, чтобы дать душе простор выйти вон из тела и из избы, снимают целые крыши, веруя, однако, при этом, что черти могут вылететь и привычным своим путем – в трубу.

³ Есть, однако, растения, животные и даже вещи, которые помогают волшебству: филины, совы, черные, без всякого пятнышка, кошки, лягушки, змеи и всякие пресмыкающиеся гады безразлично; 12 железных ножей, – для превращений в оборотней, осиновая зола, добытая у соседей в Великий четверг; сажа из церковной печи, травы: разрыв-трава, люб-жа, Иван-да-Марья и др.

чтобы отнять у нее молоко, или по спине лошади, чтобы посадить ее на задние ноги. Над лошадьми – особенно в свадебных поездах, – влияние колдунов безгранично: захочет – не пойдут с места, или падут на пути во время движения поезда в церковь. Повальные падежи скота относятся также к работе колдунов.

Из растений колдуны всего более вредят хлебу, отлично понимая, что, уничтожая крестьянские поля, они причиняют величайшее несчастье не только отдельным лицам, но целым крестьянским обществам. Чаще всего чародеи прибегают к так называемому "залому" или "закруткам" (иначе "куклы").

Залом представляет собою очень спутанный пучок стеблей еще не сжатого хлеба, надломленных в правую и левую сторону, закрученных в узел вместе с золой и присыпанных у корней солью, землей с кладбища, яичной скорлупой и распаренными старыми зернами. Если зола взята из печи одного хозяина, то залом сделан с расчетом нанести вред ему одному, предвещая различные бедствия: пожар, падеж скота и даже смерть. Так думают южные великороссы черноземной полосы и придесненские жители (Брянский уезд), северные же (например, в Пошехонье) боятся заломов еще больше, твердо веруя, что последствием таких закруток неизбежно является полный неурожай на всем поле. Крестьяне этих мест убеждены, что если они и успеют предупредить или ослабить козни колдунов на испорченных полосах, то все-таки выросший хлеб не будет "спориться", т.е. его будет расходоваться в семье гораздо больше обычного среднего количества, так что придется раньше времени покупать хлеб на стороне. Сверх того, с зачурованной десятины зерно получается легковесное и по количеству наполовину не сравняется с соседними. Такой хлеб ни один хозяин поля не решится пустить для домашнего потребления, а постарается поскорее продать его на сторону. Кроме дурного качества зерна, залом имеет еще ту особенность, что с ним чрезвычайно трудно бороться: что бы ни делали хозяева зачурованного поля, как бы ни вырывали и ни жгли залома, но загаданная беда непременно сбудется, если не отслужить молебна с водосвятием и не попросить самого священника вырвать крестом всю закрутку с корнем. Правда, кроме священника, во многих местах хлебородных губерний возлагают еще надежды на опытных стариков и даже на ловких знахарей. В Карачевском уезде, например в селе Ячном, жил 75-летний старик, которого всюду возили "развязывать" заломы старинным и очень мудреным способом. Старик этот приносил с собой на загон изломанное колесо, срезанный залом клал в ступицу и сжигал на глазах хозяев, от которых требовал лишь посильного угощения на дому. Не таков был мещанин из Малоархангельска, тоже специалист по части заломов. Этот брал дорого и выезжал на места неохотно. Зато он уж вполне, бывало, обнадежит и успокоит не только самого потерпевшего, но и всех соседей. Приезжал он обыкновенно с книжкой и по ней читал молитвы (требник Петра Могилы¹): "Мне, – говорит, – его московский митрополит дал и сказал: кормись и поминай меня!". Самое чтение он обставлял очень торжественно. "Залом-залом, взвейся под огнем, рассыпся пеплом по земле, не делай вреда никому! Огонь очищает, болезнь прогоняет!" – так говорил он в поле, и притом обыкновенно поднимал руки кверху, держа ладони обращенными к огню, который наказывал при-

¹ Митрополит Петр (1596-1597) – епископ Константинопольской православной церкви, Митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси, экзарх Константинопольского трона, представитель боярского рода Могила. Благодаря трудам Могилы возобновилась православная жизнь в древних киевских храмах, включая Софийский собор. «В 1632 добился у польского короля Владислава IV признания независимого от униатов существования православной церкви». (С 1362 года по 1569 год Киев входит в состав Великого княжества Литовского, с 1569 года по 1654 год он входит в состав Речи Посполитой. В 1654 году в городе происходит антипольское и антилитовское восстание и Киев переходит «под руку московского царя».) При его участии был основан крупнейший на Украине центр просвещения – Киево-Могилянская академия.

готовить к его приходу. Затем дул на все четыре стороны и говорил какие-то таинственные слова. Куда сам он не ездил, туда посылал либо три палочки (две сложит крестом, третьей прикроет и велит ими поднимать залом), либо давал записку с заклинательными словами, которую приказывал сжечь вместе с заломом, а пепел привезти к нему, для окончательного отговора. Мужики при этом удивлялись тому, что откуда бы ветер ни был, но пламя тянуло прямо на него.

Кроме заломов, равносильным и едва ли даже не большим несчастьем следует считать так называемые "прожины" (или прорезы). Это не недочет в пах или копнах, а та дорожка во ржи, в вершок шириною, которая проходит с одного края загона до другого и по которой все колосья срезаны. Срезают их жучки и черви в то время, когда рожь в цвету, и потому, конечно, никаких следов человеческих ног по сторонам никогда не замечается, а напротив, стенки ржи бывают даже приметно гуще, чем в других местах той же хлебной полосы. Но крестьяне объясняют это явление тем, что колдун, делая прожин, стоит в это время обеими ногами на двух иконах, как на лыжах, и ведет дорожку, как колесо катит.

Когда опытные хозяева замечают прожин, то зовут священника и поднимают иконы, придавая между ними большое значение "Святцам" (иконе 12-ти праздников с Воскресением в середине). Священник идет по прожину с крестом и кропит по сторонам святою водою. Если же эти меры предосторожности не будут приняты, то результаты прожина скажутся и надежды на урожай не оправдаются: на корню по всему полю рожь как будто бы хороша, т.е. соломой велика и зерном прибыльна, но как только сжали ее, привезли на гумно и начали молотить, то сейчас же стали замечать, что, вместо пяти или четырех мер с копны вышло лишь по две, а то и по одной чистого зерна. Одни при этом толкуют, что затем колдуны и прожин делают, чтобы переливать зерно в свои закрома (пятое со всего поля), другие объясняют беспричинной злобой и желанием всем хозяевам полного недорода.

Ведьма

В духовном стихе, записанном А.В. Валовым в Пошехонье Ярославской губернии, душа ведьмы, уже завершившей свое земное существование, следующим образом кается в своих грехах:

"От коровушек молочко отдаивала,
Промеж межи полоску прожиновала,
От хлебушка спорынью отымывала".

В этом стихе дается полная характеристика злой деятельности ведьмы, так как эти три деяния составляют специальные занятия женщин, решившихся продать свою душу чертям. Впрочем, если внимательно всмотреться в облик ведьмы, в том виде, в каком он рисуется воображению жителей северной лесной половины России, то в глаза невольно бросится существенное различие между великорусской ведьмой и родоначальницей ее – малорусской. Если в малорусских степях среди ведьм очень нередко молодые вдовы и притом, по выражению нашего великого поэта, такие, что "не жаль отдать души за взгляд красотки чернобровой", то в суровых хвойных лесах, которые сами поют не иначе как в минорном тоне, шаловливые и красивые малороссийские ведьмы превратились в безобразных старух. Их приравнивали здесь к сказочным бабам-ягам, живущим в избушках на курьих ножках, где они, по олонцекому сказанию, вечно кудель прядут и в то же время "глазами в поле гусей пасут, а носом (вместо кочерги и ухватов) в печи поваруют". Великорусских ведьм обыкновенно смешивают с колдуньями и представляют себе не иначе как в виде старых, иногда толстых, как кадушка, баб с растрепанными, седыми космами, костлявыми руками и с огромными синими носами. (По этим коренным чертам во многих местностях самое имя ведьмы сделалось ругательным).

Ведьмы, по общему мнению, отличаются от всех прочих женщин тем, что имеют хвост (маленький) и владеют способностью летать по воздуху на помеле, кочергах, в ступах и т.п. Отправляются они на темные дела из своих жилищ непременно через печные трубы и, как все чародеи, могут оборачиваться в разных животных, чаще всего в сорок, свиней, собак и желтых кошек. Одну такую свинью (в Брянских местах) били чем ни попало, но кочерги и ухваты отскакивали от нее, как мячик, пока не запели петухи. В случаях других превращений, побои также считаются полезною мерою, только советуют бить тележной осью и не иначе, как повторяя при каждом ударе слово "раз" (сказать "два" значит себя стубить, так как ведьма того человека изломает). Этот ритуал избияния, определяющий, как и чем надо бить, показывает, что кровавые расправы с ведьмами практикуются весьма широко. И действительно, их бьют и донныне, и современная деревня не перестает поставлять материал для уголовных хроник. Чаще всего ведьмы подвергаются истязаниям за выдаивание чужих коров. Зная повсеместный деревенский обычай давать коровам клички сообразно с теми днями недели, когда они родились, а равно и привычку их оборачиваться на зов, — ведьмы легко пользуются всем этим. Подманивая "авторок" и "субботок", они выдаивают их до последней капли, так что коровы после того приходят с поля такими, как будто совсем потеряли молоко. Обиженные крестьяне утешают себя возможностью поймать злодейку на месте преступления и изуродовать, отрезав ей ухо, нос, или сломав ногу. (После того в деревне обыкновенно не замедлит обнаружиться баба с подвязанной щекой, или прихрамывающая на ту или другую ногу). Многочисленные опыты в этом роде производятся повсеместно, так как крестьяне до сих пор сохранили уверенность, что их коровы выдаиваются не голодными соседками, не знающими, чем накормить ребят, а именно ведьмами. Притом же крестьяне, по-видимому, не допускают и мысли, что коровы могут потерять молоко от болезненных причин, или что это молоко может быть высосано чужадыными животными.

Примерно так изображали ведьму (бабу Ягу) на старинных лубках. На этом лубке ведьма носит старинный эстонский наряд.

Ведьмы имеют чрезвычайно много общего с колдунами и, если подбирать выдающиеся черты в образе действий тех и других, то придется повторяться. Они также находятся между собою в постоянном общении и стачке (вот для этих-то совещаний и изобретены "лысые" горы и шумные игры шаловливых вдов с веселыми и страстными чертями), точно так же тяжело умирают, мучаясь в страшных судоро-

гах, вызываемых желанием передать кому-нибудь свою науку, и у них точно так же после смерти высовывается изо рта язык, необычно длинный и совсем похожий на лошадиный. Но этим не ограничивается сходство, так как затем начинаются беспокойные ночные хождения из свежих могил на старое пепелище (на лучший случай – отведать блинов, выставляемых за окно до законного сорокового дня, на худший – выместить запоздавшую и неостывшую злобу и свести непоконченные при жизни расчеты с немилыми соседями). Наконец, успокаивает их точно так же осиновый кол, вбитый в могилу. Словом, бесполезно разыскивать резкие границы, отделяющие волхвов от колдунов, так же точно, как ведьм от колдуний. Даже история тех и других имеет много общего: ее кровавые страницы уходят в глубь веков, и кажется, что они потеряли свое начало – до такой степени укоренился в народе обычай жестокой расправы с колдунами и ведьмами. Правда, против этого обычая еще в Средние века выступали наиболее просвещенные отцы церкви, но в ту суровую эпоху проповедь кротости и незлобия имела мало успеха. Так, в первой половине XV в., одновременно с тем, как в Пскове, во время моровой язвы, сожгли живьем двенадцать ведьм, – в Суздали епископ Серапион вооружается уже против привычки приписывать общественные бедствия ведьмам и губить их за это: "Вы все еще держитесь поганского обычая волхования, – говорил святой отец, – веруете и сожигаете невинных людей. В каких книгах, в каких писаниях слышали вы, что голода бывают на земле от волхования? Если вы этому верите, то зачем же вы пожигаете волхвов? Умоляете, почитаете их, дары им приносите, чтобы не устраивали мор, дождь ниспускали, тепло приводили, земле велели быть плодоносною? Чародеи и чародейки действуют силою бесовскою над теми, кто их боится, а кто веру твердую держит к Богу, над теми они не имеют власти. Скорблю о вашем безумии, умоляю вас, отступите от дел поганских. Правила божественные повелевают осуждать человека на смерть по выслушании многих свидетелей, а вы в свидетели поставили воду, говорите: "Если начнет тонуть – невинна, если же поплывет – то ведьма". Но разве дьявол, видя ваше маловерие, не может поддержать ее, чтобы не тонула, и этим ввести вас в душегубство?". Однако гласом в пустыне прозвучали эти слова убеждения, исполненные высочайших чувств христианского милосердия: через двести лет, при царе Алексее, старицу Олену сжигают в срубе как еретицу, с чародейскими бумагами и кореньями, после того как она сама созналась, что портила людей и некоторых из них учила ведовству. В Перми крестьянина Талева огнем жгли и на пытке дали ему три встряски по наговору, что он напускает на людей икоту. В Тотье в 1674 г. сожжена была в срубе, при многочисленных свидетелях, женщина Федосья по оговору в порче и т.д. Когда (в 1632 г.) из Литвы дошли вести, что какая-то баба наговаривает на хмель, чтобы навести моровое поветрие, – то тотчас, под страхом смертной казни, тот хмель запретили покупать. Спустя еще целое столетие (в 1730 г.) сенат счел нужным напомнить указом, что за волшебство закон определяет сожжение, а через сорок лет после того (1779 г.) епископ Устюжский доносит о появлении колдунов и волшебников из крестьян мужского и женского пола, которые не только отвращают других от правоверия, но и многих заражают разными болезнями посредством червей. Колдунов отправили в сенат как повинившихся в том, что отреклись от веры и имели свидание с чертом, который приносил им червей. Тот же сенат, узнав из расспросов колдунов, что их не раз нещадно били и этими побоями принудили виниться в том, в чем они вовсе не виноваты, распорядился воеводу с товарищем отрешить от должности, мнимых чародеев освободить и отпустить, а архиереям и прочим духовным особам запретить вступать в следственные дела о чародействах и волшебствах, ибо эти дела считаются подлежащими гражданскому суду. И вот с тех пор, как блеснул впервые в непроглядном мраке животворный луч света, – накануне XX столетия мы получаем нижеследующие известия все по тому же чародейскому вопросу о ведьмах: "Недавно (пишет корреспондент наш из Орла), в начале 1899 г., чуть было не убили одну женщину

(по имени Татьяна), которую все считают за ведьму. Татьяна поругалась с другой женщиной и пригрозила ей, что испортит ее. И вот что произошло потом из-за уличной бабьей перебранки: когда на крики сошлись мужики и обратились к Татьяне со строгим запросом, она им обещала превратить всех в собак. Один из мужиков подошел к ней с кулаком и сказал: "Ты вот ведьма, а заговори мой кулак так, чтобы он тебя не ударил". И ударил ее по затылку. Татьяна упала, на нее, как по сигналу, напали остальные мужики и начали бить. Решено было осмотреть бабу, найти у ней хвост и оторвать. Баба кричала благим матом и защищалась настолько отчаянно, что у многих оказались исцарапаны лица, у других покусаны были руки. Хвоста, однако, не нашли. На крик Татьяны прибежал ее муж и стал защищать, но мужики стали бить и его. Наконец, сильно избитую, но не перестававшую угрожать женщину связали, отвезли в волость (Рябинскую) и посадили в холодную. В волости им сказали, что за такие дела всем мужикам попадет от земского начальника, так как-де теперь в колдунов и ведьм верить не велят. Вернувшись же домой, мужики объявили мужу Татьяны, Антипу, что жену его, должно быть, порешат послать в Сибирь, и что они на это согласны будут дать свой приговор, если он не выставит ведра водки всему обществу. За выпивкой Антип божился и клялся, что не только не видал, но ни разу в жизни даже не заметил никакого хвоста у Татьяны. При этом, однако, он не скрыл, что жена угрожает оборотить его в жеребца всякий раз, когда он захочет ее побить. На другой день пришла из волости Татьяна, и все мужики явились к ней договариваться о том, чтобы она в своей деревне не колдовала, никого не портила и не отымала у коров молока. За вчерашние же побои просили великодушно прощения. Она побожилась, что исполнит просьбу, а через неделю из волости получился приказ, в котором было сказано, чтобы впредь таких глупостей не было, а если что подобное повторится, то виновные за это будут наказаны по закону, и, кроме того, об этом будет доводиться до сведения земского начальника. Выслушали крестьяне приказ и порешили всем миром, что наверняка ведьма околдовала начальство, и что поэтому впредь не следует доходить до него, а нужно расправляться своим судом".

В деревне Теребенево (Жиздринский уезд, Калужская губерния) семилетняя девочка Саша говорила матери, что она с теткой Марьей, у которой жила в няньках, каждую ночь летала на "лысую гору".

— Когда все заснут, погасят огни, тетка Марья прилетит сорокой и застрекочет. Я выскочу, а она бросит мне сорочью шкуру, надену я ее — и полетим. На горе скинем шкуру, разложим костры, варим зелье, чтобы людей поить. Слетается баб много: и старых, и молодых. Марье весело — свищет да пляшет со всеми, а мне скучно в сторонке, потому что все большие, а я одна маленькая.

То же самое Саша рассказала отцу, а этот бросился прямо к Марье:

— Безбожница, зачем ты мне дочь испортила?

Заступился Марьин муж: вытолкнул дурака за порог и дверь за ним затворил. Но тот не унялся и к старосте. Подумал, подумал староста и говорит:

— Нет, я тут действовать не могу, — иди к попу и в волость.

Думал, думал отец и надумал сводить свою дочку в церковь, исповедать ее, причастить и попытаться, не возьмется ли священник ее отчитать. От исповеди, однако, девочка сама отказалась.

— Ведьмы не молятся и не исповедуются!

И в церкви повернулась к иконостасу спиной. Священник отчитывать отказался и посоветовал девчонку хорошенько выпороть.

— Какой сорокой она скидывалась, куда летала? И ты, дурак, веришь болтовне ребенка? Между тем у избы встревоженного отца толпа мужиков и баб не расходится, и девчонка продолжает болтать свой вздор.

В волости жалобщику поверили и Марью признали за колдунью. Порылся писарь в законах и оповестил:

– Нет, брат, против черта ничего не поделаешь: никакой статьи противу его я не подыскал. Пало на Марью подозрение, и слава ведьмы стала расти. Стали соседки следить за каждым ее шагом, припоминать и подмечать всякие мелочи. Одна рассказывала, что видела, как Марья умывалась, перегнувшись через порог на улицу; другая – что Марья черпала воду на сутоках, третья – что Марья в ночь на Ивана Купалу собирала травы и т.п. Каждый шаг несчастной женщины стали перетолковывать в дурную сторону. Мальчишки из-за угла начали в нее камнями бросать. Ни ей, ни мужу нельзя стало на улице показываться – чуть в глаза не плюют.

– Хоть бы ты, батюшка, вступился за нас! – умолял Марьин муж священника. Священник пробовал убеждать толпу и успокаивать Марью, но ничто не помогало, и в конце концов невинная и кроткая Марья умерла в чахотке.

С того времени прошло лет пятнадцать. Саша уже давно выросла, давно уверяет, что рассказ ее – чистая выдумка, но теперь ей уже никто не верит: вошла девка в полный смысл и поняла, что этого рассказывать не следует. Девка она хорошая, но ни один жених за нее не сватается: никому нет охоты жениться на ведьме.

Придется, вероятно, и ей, сидя в старых девках, обратиться к промыслу ворожеи, тем более, что такие занятия почти не опасны и очень выгодны. Мимо ворожеи не пройдут ни удалые молодцы, ни красные девицы, ни обманутые мужья, ни ревнивые жены, потому что и нынче, как и в старину, живет в людях вера в "присуху". Не надо ни "лысых гор", ни придорожных росстаний, достаточно и деревенских заваленок, чтобы, узнавая сокровенные тайны, усердно заниматься приворотами и отворотами любящих и охладевших сердец: и себе на руку, и посторонним в помощь. В таких делах для ловких людей еще много простора, как бы ни назывались эти ловкачи: ведьмами или ворожеями, гадалками или знахарками, бабками или шептуньями. Вот несколько примеров из практики современных ведьм и гадалок.

Один крестьянин Орловской губернии тяжко провинился перед новобрачной женой и, чтобы как-нибудь поправить дело, обратился за советом к хваленной старухе-знахарке, о которой шла молва как о заведомой ведьме. Знахарка посоветовала своему пациенту пойти в луга и отыскать между стожарами¹ три штуки таких, которые простояли вбитыми в землю не менее трех лет; затем наскоблить с каждой стожары стружек, заварить их в горшке и пить.

А вот еще случай из практики ворожей.

– От суседей нет мне промытой воды, – жаловалась также известной калужской ведьме одна девушка, служившая у богатого купца, – обещал взять замуж да и обманул. Все смеются, даже малые ребята.

– Ты только принеси мне лоскут от его рубахи, – обнадеживала ее ведьма, – я отдам церковному сторожу, чтобы он, как станет звонить, навязал на веревку этот клоч, тогда купец от тоски не будет знать, куда деться, и сам к тебе придет, а ты посмейся ему: я, мол, не звала тебя, зачем пришел?...

Жаловалась и другая бедная девушка, пожелавшая выйти за богатого крестьянина, которому она не нравилась.

– Ты, если можно, достань его чулки с ног, – присоветовала ведьма. – Я отстираю их и наговорю воду ночью, и дам тебе три зерна: одно бросишь против его дома, а другое ему под ноги, когда будет ехать, третье когда он придет...

Случаев таких в практике деревенских ведьм бесконечно много, но замечательно, что знахарки и ведьмы воистину неистощимы в разнообразии своих рецептов. Вот еще несколько образчиков. Любит мужик чужую бабу. Жена просит совета.

– Посматривай на двор, где петухи дерутся, – рекомендует ведьма, – возьми на том месте земельки горсточку и посыпь ее на постель твоей разлучницы. Ста-

¹ Колья, на которых крепятся стога сена.

нет она с мужем твоим вздорить – и опять полюбит он свой "закон" (т.е. жену).

Для присухи девиц советуют вынашивать под левой мышкой в течение нескольких дней баранки или пряники и яблоки, конечно, прежде всего снабженные наговорами, в которых и заключена главнейшая, тайно действующая сила.

Только знающие и избранные ведьмы болтают не на ветер заговорные слова, а закладывают в наговоренные вещи именно то, что потом будет врачевать, успокаивать и утешать, по желанию. Точно самым целебным зельем наполняется наболевшее сердце, когда слышат уши о пожелании, чтобы тоска, давившая до сих пор, уходила прочь "ни в пенье, ни в коренье, ни в грязи топучи, ни в ключи кипучи", а именно в того человека, который оскорбил, разлюбил или обманул обещаниями и т.п. Для влюбленных ведьмы знают такие слова, что, кажется, лучше и слаще их и придумать никому нельзя. Они посылают присуху "в ретивые сердца, в тело белое, в печень черную, в грудь горячую, в голову буйную, в серединную жилу и во все семьдесят жил, и во все семьдесят суставов, в самую любовную кость. Пусть эта самая присуха зажгла бы ретивое сердце и вскипятила горячую кровь, да так, чтобы нельзя было ни в питье ее запить, ни в еде заесть, сном не заспать, водой не смывать, гульбой не загулять, слезами не заплакать" и т.п.

Только исходя из уст ведьм, слова эти имеют силу "печатать" чужое сердце и запирают его на замок, но и то лишь в том случае, когда при этом имеются в руках: наговорные коренья, волосы любимого человека, клочок его одежды и т.п. Всякому обещанию верят и всякое приказание исполняют: подкладывают молодым ребятам голик под сани, если желают, чтобы кто-нибудь из них в текущем году не женился, сжигают его волосы, чтобы он целый год ходил как потерянный. Если же выпачкать ему поддевку или шубу бараньей кровью, то и вовсе его никто любить не будет.

Но самое действительное средство в любовных делах – это таинственный талисман, который добывается из черной кошки или из лягушек. Из первой, разваренной до последней степени, получается "косточка-невидимка", делающая человека, который ею владеет, невидимкой. Косточка равносильна сапогам-самоходам, ковру-самолету, суме-хлебосолке и шапке-невидимке. Из лягушки достают две "косточки-счастливики", с одинаковым успехом служащие, как для приворотов, так и отворотов, возбуждающих любовь или вызывающих отвращение. Об этих кошачьих и лягушечьих косточках отзываются и в сказках с полной верой в их чародейство. Добываются эти косточки очень легко: стоит выварить в котелке совершенно черную кошку – и получатся "крючок и вилочка", или стоит посадить в муравейник двух лягушек, чтобы получить "крючок и лопатку". Крючком задевают ту, которую желают привлечь к себе (или незаметно прицепляют ей на платье). Вилочкой или лопаткой отталкивают от себя ее же, когда успеет она надоесть или совсем опостылит. Немного при этом требуется обрядов и не особенно трудна подготовка. От муравьиной кучи надо уходить задом наперед, чтобы леший не мог догнать, когда пойдет искать следов; тогда оба следа будут вести в лес, а из лесу следа не будет. В иных случаях советуют по двенадцати ночей кряду ходить к тому муравейнику и обходить его молча три раза, только на тринадцатую ночь дается в руки подобное сокровище. Впрочем, можно обходиться и без этих подходов. Неудача постигает лишь в том случае, когда пристегнутый к платью крючок отмеченная девица не проносит на себе три недели кряду и т.п.

По всем приведенным данным можно заключить, что некогда влиятельная и страшная власть ведьм, устремленная, главным образом, на любовные дела, теперь замыкается в пределах бабьего царства. В этом, конечно, надо видеть большое счастье и несомненный успех просвещения. Уже из многих мест, и притом славящихся своим суеверием, доносятся, например, такие отрадные вести:

- В старину ведьм много водилось, а нынче что-то не слышать.
- Теперешняя ведьма чаще всего сводня. Так что ведьмы не только обмирают,

по старому обычаю, на Силу и Силуяна (30 июля), опившись краденого молока от чужих коров, но, по многим несомненным признакам, при новых порядках и вовсе приготовились к настоящей смерти.

Кликуши

В деревенской Руси чрезвычайно распространен особый вид нервных женских болезней, известных под именем "кликушества". Эта болезнь проявляется в форме припадков, более шумных, чем опасных, и поражает однообразием поводов и выбором мест для своего временного проявления. Та часть литургии верных, которая предшествует пению Херувимской и великому выходу со Святыми Дарами, в далеких глухих селах оглашается криками этих несчастных. Крики несутся в такой странной разноголосице, что на всякого свежего человека способны произвести потрясающее впечатление не одною только своею неожиданностью или неуместною дерзостью. При этом не требуется особенной сосредоточенности внимания, чтобы заметить, насколько быстро сменяется мирное молитвенное настроение присутствующих. На всех лицах появляется выражение болезненной тоски и вместе сердечного участия и сострадания к несчастной. Ни малейшего намека на резкий протест, ни одного требования удалить "одержимую" из храма. Все стоят молча, и только в группе женщин, окружающих больную, заметно некоторое движение: они стараются успокоить "порченую" и облегчить ей возможность выстоять всю обедню, вплоть до того времени, когда с выносом Святых Даров обязательно исчезнет или смолкнет вся нечистая сила. Это мягкое и сердечное отношение к кликушам покоится на том предположении, что не человек, пришедший в храм помолиться, нарушает церковное благочиние и вводит в соблазн, но тот злой дух, который вселился в него и овладел всем его существом. Злой дух смущает молящихся нечеловеческими воплями и разными выкриками на голоса всех домашних животных: собачий лай и кошачье мяуканье сменяются петушиным пением, лошадиным ржанием и тому подобное. Чтобы прекратить этот соблазн, четыре-пять самых сильных мужчин охотно выделяются из толпы и ведут больного до царских врат к причастию, искренно веруя при этом, что борются не с упрямством слабой женщины, а с нечеловеческими силами сидящего в ней нечистого. Когда кликуша начинает успокаиваться, ее бережно выводят из церкви, кладут на землю и стараются укрыть белым покрывалом, для чего сердобольные женщины спешат принести ту скатерть, которою накрыт был пасхальный стол с разговеньем, или ту, в которой носили на пасхальную заутреню для освящения яйца, кулич и пасху. Иные не скупятся поить сбереженной богоявленской водой, несмотря на то, что эта вода и самим дорога, на непредвиденные несчастные случаи. Знающие и опытные люди при этом берут больную за мизинец левой руки и терпеливо читают молитву Господню, воскресную и Богородичную до тех пор, пока кликуша не очнется. Кроме молитв, иногда произносятся особые заговоры, которыми велют выходить нечистой силе "из белого тела, из нутра, из костей, суставов, из ребер и из жил, и уходить в ключи-болота, где птица не летает и скот не бывает, идти по ветрам, по вихорям, чтобы снесли они злую силу в черные грязи топучие и оттуда бы ее ни ветром не вынесло, ни вихорем бы не выдуло", и тому подобное.

С такой же заботой и лаской относятся к кликушам и в домашней жизни, считая их за людей больных и трудноизлечимых. От тяжелого труда их освобождают и дают поблажку даже в страдную пору, при скоплении утомительных работ: они обыкновенно редко жнут, а в иных местах и не молотят. (Если же иногда, во время припадков, и применяются кое-какие суровые меры, подчас похожие на истязания, то все это делается из прямого усердия, в простоте сердца). Когда, после удачных опытов домашнего врачевания, больная совершенно успокоится, и семейные убедятся в том, что злой дух вышел из ее тела, ей целую неделю не дают работать, кормят, по возможности, лучшею едою, стараются не сердить, чтобы не

дать ей возможности выругаться "черным словом" и не начать, таким образом, снова кликушничать. У некоторых истерические припадки обостряются до такой степени, что становится жутко всем окружающим: "порченная" падает на землю и начинает биться и метаться по сторонам с такою неудержимою силою, что шестеро взрослых мужиков не в состоянии предохранить ее от синяков и увечий. Из рта показывается пена, глаза становятся мутными, и, вся растрепанная, кликуша в самом деле на вид делается настолько страшной, что всякие резкие меры, предпринимаемые в этих случаях, становятся отчасти понятными. При усмирении расходившейся в припадках больной обыкновенно принимают участие все досужие соседи, так что набирается полная изба сострадательного народа: кто курит ладаном около лежащей, обходя ее с трех сторон и оставляя четвертую (к дверям) свободною, кто читает "Да воскреснет Бог", чтобы разозлившегося беса вытравить наружу и затем выгнать на улицу.

Общепринятый способ для успокоения кликуш во время припадков заключается в том, что на них надевают пахотный хомут, причем предпочтение отдается такому, который снят с потной лошади. По мнению крестьян, баба, лежа в хомуте, охотнее укажет, кто ее испортил, и ответит на обычный в таких случаях вопрос: "Кто твой отец?". В некоторых местах (Меленковский уезд, Владимирская губерния), надевая на больную хомут, вместе с тем привязывают еще к ногам ее лошадиные подковы, а иногда прижигают пятки раскаленным железом. Об "отце" спрашивают кликушу (около Пензы) через раскрытую дверь посторонние женщины, когда больную с хомутом на шее подводят к порогу, причем спрашивающие стараются убедить, что открытием тайны она не обидит сидящего в ней "батьюшки" (отвечают кликуши во время припадка всегда в мужском роде). В Жиздринском уезде (Калужская губерния) кликуш выводят на двор и запрягают в соху, двое волокут больную, а двое тянут соху и т.д. Около Орла, хотя и знают про этот способ, но предпочитают ладан, собранный из двенадцати церквей и двенадцать раз в одно утро вскипяченный в чугуне и по ложечке слитый в штофы: этот настой дают пить больной. В Волховском уезде (той же губернии) в одном селе продают подобный ладан под названием "жерувимского" (им кадят в киевских пещерах во время жерувимской песни), причем "одну росинку дают на тринку" (одну крупинку за копейку).

Кроме ладана и богоявленской воды признается еще целебною и даже имеющею решающее действие на перелом болезни и изгнание беса крещенская вода, освящаемая в прорубях рек и озер, а за неимением таковых – в колодцах и чанах. В Вологодской губернии кликуш, раздетых до рубашки, несмотря на трескучие морозы, макают в прорубь, опуская в воду ногами, лишь только успеют унести кресты и хоругви. В Орловской губернии одному свидетелю удалось видеть, как к колодцу и кадушке с водой, приготовленной к освящению (реки нет), привели бабу-кликушу в валенках и тулупе с головой, накрытой шерстяным платком, как потом раздели ее, оставив в одной рубашке, и как двое мужиков ведрами лили на нее с головы холодную воду и, не внимая ее крикам, ознобили ее до дрожи во всем теле. После этого те же мужики накинули ей на плечи тулуп и, отведя в караулку, надели там на нее сухое и чистое белье, отвели домой и потом хвастались долгое время, что с этой поры баба перестала выкликать и совсем выздоровела.

Не менее действительною помощью при пользовании кликуш признается также "отчитывание". Берутся за это дело те старые девицы, полумонашенки, полумирыянки, которые известны всюду под именем "черничек". Впрочем, участие их считается малодействительным, и приглашаются они большею частью, что называется, для очистки совести. Чаще же всего отчитывание производит старичок-священник, из тех, которые сами опростели до неузнаваемости и утратили даже многие внешние признаки, усвоенные духовными лицами. Из таких священников особенно дороги и близки народу те, которым удалось запасть редкостною и ценною книгою большого требника Петра Могилы (впрочем, за неимением требника, отчитывают и

по Евангелию). Про таких целителей ходят дальние слухи; на них охотно указывают, к ним смело отправляются, как к тому "попу Егору", о котором сообщают из Орловской губернии: "Отчитывает даже хорошо, в церкви, над головою кликуши, семь Евангелий по семи раз читает, и унимает крик сразу". В местности, где живет этот поп Егор, и народ подобрался болезненный, с большой склонностью к кликушеству. Вот что рассказывала на этот счет одна крестьянка: "Баба сорок бегут по деревне, кто куда. Сами простоволосы (а нешто это можно – сама Божья Матерь, и та покрывала волосы), а они еще без понев, так что почитай все у них наруже, и кричат во всю глотку всякая свое: "Где она? Где колдунья? Мы сейчас разорвем ее на куски!" – "Дала свояку напиться, а он-от (злой дух) у нее сидел, а теперь у меня в животе". Другая рассказывает: "Дала мне колдунья вина, пей-пей, – говорит, – зелено вино – здоровее будешь, а только я выпила, и стал у меня в животе кто-то сперва аукать, а из живота в рот перешел и стал выражать плохие слова, непотребно ругаться". От третьей бабы соседи слышат: "Молочка кисленького принесла, говорит, – у тебя нетути, да вот к чему и призвала". Мужики, глядя, что их бабы орут без конца, собрались все, вызвали колдунью и пригрозили: "Если да ежели ты еще что нашкодишь, живую зароем в землю и осиновый кол в глотку забьем..."

Совсем иного характера получают вести из тех местностей, где старые порядки наталкиваются на новые приемы молодого поколения. Например, в одном селе при старом священнике жила только одна старуха-кликуша, которой он не верил, хотя и не предпринимал против нее никаких строгих мер. Вскоре, однако, стала выкликать ее дочь, а следом за ней заголосила другая молодая женщина (конечно, замужняя, так как кликушество исключительно болезнь бабья, не девичья). И еще залаяла молоденькая бабенка к тому времени, когда старик-поп передал место своему молодому сыну. Последний во всеуслышание поспешил объявить в храме, что если хоть одна крикунья осмелится нарушить церковную тишину, так он с места отправит ее в губернскую больницу и, если ее там признают притворщицей, то передаст властям, чтобы они поступили с нею по всей строгости законов. Бабы замолкли и стоят теперь во время служб смирнехонько.

Смолкли кликуши и у другого священника (а было их много), когда одну из них он заставлял ходить говеть постом по две, по три недели, приказывая становиться перед аналоем и молиться отдельно от прочих и вслух. В другом месте выписали в церковь снимок с одной чудотворной иконы Божией Матери. Деревенские попросили у себя отслужить Владычице всенародный молебен и, как только икона показалась на краю селения, одну молодую бабу схватило: начала она ломаться, корчиться и визжать. Подхватили ее два мужика, чтобы не дать ей упасть в невылазную грязь (дело было после сильного дождя), но священник велел мужикам отойти от кликуши. "Кормилец, перепачкается, упадет!" – "Пускай падает, а если не отойдете – позову сотского". Баба не упала, хотя и продолжала визжать, пока не дождалась строгого внушения от священника, который пристыдил ее при всем народе. Тогда она кричать перестала и все время смирно и молча ходила за иконой. Когда же поднесли св. икону к крайней избе, около которой стояли уже все и ждали, то вдруг хозяин этой избы, мужик лет под пятьдесят, ни с того ни с сего принялся изображать из себя кликушу: ломался, кривлялся, но не визжал, как первая баба – поросенком, а мычал коровой. Эта неожиданность так всех поразила, что раздался общий, неудержимый, раскатистый хохот, и, когда священник устрашал сотским, виноватый начал умильно просить прощения и отпущения.

Исходя из того убеждения, что непритворные кликуши издали чувствуют приближение священника, и наглазно убеждаясь в том, что "сидящий" (т.е. бес) не допускает прикладываться к св. иконам и преклоняться под них на крестных ходах, все, радеющие этим больным женщинам с особенным старанием и настойчивостью ищут помощи у духовных лиц и в монастырях у прославленных мощей и чудотворных

икон. Киевские Пещеры, Михайловский монастырь с мощами великомученицы Варвары, даже те церкви, в которых имеются изображения Богоматери "Нечаянной Радости", а также целителя Пантелеимона, чаще других оглашаются воплями кликуш и являются, так сказать, излюбленными лечебницами. Неудачи, испытанные в одних местах, нисколько не охлаждают надежды искать помощи в других, хотя бы и отдаленных, но также прославленных. Эта вера в помощь святыни, именно по отношению к этому виду людской порчи, настолько сильна в народе, что даже волхвующие колдуны вынуждены делать уступку столь твердо установившимся верованиям: наиболее сметливые из них и ревнивые к своей славе и общественному положению, прежде чем приступить к волшебным действиям, обыкновенно зажигают перед иконами в избах лампадки, держат в руках зажженные восковые свечи, ставят на стол чашку с водой и опускают туда медный крест, снятый с божницы, уголек и щепотку соли. Над водой читают молитвы. Больная пьет эту воду по три зори и выздоравливает, но не совсем: кричать перестает, но по временам продолжает чувствовать в теле ломоту и судороги. Всезнающие старухи в таких случаях успокаивают тем, что порча сделана на железе — на замке, оттого-де она и крепка, и просидит до самой смерти.

Вообще, темные люди с большим трудом разбираются в этой бабьей болезни, которая у нас на Руси очень распространена и временами вспыхивает в той или другой местности в виде эпидемии. Путаются и теряются именно в тех случаях, когда является надобность отличать истинных страдалец от притворщиц. Из показаний самих больных, как бы ни были искренни, подробны и точны эти показания, правды не узнаешь: она скрывается под личиною самообмана, который настолько велик, что даже мнимые кликуши привыкли говорить твердым голосом и в спокойно-уверенном тоне. Здесь почти нет возможности уловить фальшивую нотку, а тем менее заподозрить лукавое намерение обмануть и ввести в заблуждение слушателя. Заученное притворство в приемах и словах можно уловить лишь в таких случаях, когда на оплошавшую нападет, что называется, дока. Да и то не всегда, потому что семейный гнет, требующий изворотливости и научающий самоохране, — умудряет даже слепцов. Недаром сложилась пословица, что "все золовки хитры на уловки". Иной молодой бабе разом выпадут на долю все невзгоды безобразных и несогласных семей: объявится и свекровь — змея лютая, подберутся и золовки-колотовки, и деверья-кобели, и ото всех за все про все посыплется "невестке в отместку", да так, что и белый свет станет не мил. Для бездомной сироты, у которой нет выхода, так как и сбежать-то ей некуда, нервное расстройство на несомненной истерической почве являлось, в таких случаях, прямым и законным следствием роковой домашней неурядицы. Кликушество является единственным спасением и для тех молодух, которых приняла новая незнакомая семья в ежовые рукавицы после воли и холи в родительском доме: когда искренние слезы не помогают и семейные мучители не унимаются, на сцену является тот же протест, но в усиленной форме кликушества, с выкриками и с обвинениями в порче, насланной кем-либо из наличных членов новой семьи (чаще всего обвинение падает на свекровь). Такой протест — все равно, ловко ли подучилась от умелых кликуш эта новая порченная всем штукам или самостоятельно измыслила свои — производит уже потрясающее впечатление, и новоявленная кликуша, в глазах всех, является обреченною жертвою, не столько наводящею страх, сколько внушающею чувство сострадания. Здесь действует общее убеждение, что кликуша не сама по себе кричит и мучается, а кричит сидящий в ней злой дух, который и начинает бушевать, лишь только попадет в неприятную обстановку чужой семьи. Злой дух требует пребывания в родной семье: там он успокаивается и возвращается затем в чужую, уже в умиротворенном состоянии, и молчит до новых благоприятных поводов. Такая форма искусственного кликушества зачастую практиковалась в тех местах, где еще тверды были основы старорусской семьи, с большухой во главе, со старшими и младшими снохами.

Сверх семейного гнета, на устойчивость кликушества в далеких захолустьях имела также влияние и слепая вера, что одержимые бесом владеют даром прорицания. Принимая на себя эту личину мнимых ворожей, притворные кликуши более или менее удачно работают на этой почве уже с явными спекулятивными целями. Но хитрость и лукавство, конечно, удаются до первого промаха, который и решает дело полным исцелением. Ослаблению кликушества, в его искренних или лживых формах, в значительной степени помогли также преобразования последних времен, содействовавшие, между прочим, улучшению социального положения женщин в семье. Установился обычай "разделов", получивший широкое применение после манифеста 19 февраля¹, в форме дележа женатых братьев по смерти отца. Облегчились "отделы", когда почин дележа с отцом предоставлен сыну, и "отходы", когда отходящий сын требует выдела, хотя бы без всякого вознаграждения, и идет на сторону лишь по тому побуждению, что "не желает работать на чужие рты" (холостой брат на женатого). К этим новым основам семейно-хозяйственной жизни крестьян присоединились и другие, выразившиеся в стремлениях земства к увеличению школ и развитию рациональной медицины, в корень колеблющих веру в колдунов и успокаивающих кликуш возможностью подвергнуться исследованиям и лечению в земских больницах. В настоящее время уже из многих местностей, и притом таких далеких и глухих, как Вологодская и Олонецкая губернии, получают сведения в таком роде: "Ныне год от году число случаев поражения этою нервною болезнью постепенно уменьшается. Так, например, в Двиницкой и Сямженской волостях (Кадниковского уезда Вологодской губернии) таких кликуш не более двух-трех, тогда как ранее они считались повсюду десятками", и т.д.

Клады

Безграничная в суеверных измышлениях и неудержимая в поисках чудесного народная фантазия сумела изобрести особых духов, которые охраняют зарытые в земле сокровища и ценности, известные под именем кладов. В южных окраинах Великороссии этот дух зовется "кладовиком", а подручные его – "кладенцами", и только в Севском уезде Орловской губернии главный дух, по недоразумению, носит имя Кудиара. На севере же его иногда попросту зовут "кладовым" и признают, что эти сторожа действуют всегда вдвоем: один из них – "лаюн", прозван так за то, что обращается в собачку-лайку, при первом покушении на похищение клада, другой – "щекотун", оберегающий клад в виде белобокой птицы сороки-щекотухи. В Белоруссии этот дух превратился в маленького бога – Копшу, которого просят указать место кладов и помочь их отрыть, а при удаче благодарят, оставляя в его пользу известную часть добычи. Уже по этому последнему признаку видно, насколько древен народный обычай зарывания кладов и насколько устойчива вера в их существование. Обычай этот создали тяжкие условия быта, в которых складывался исторический строй жизни русского земледельческого народа. Близкое соседство с кочевыми ордами диких племен, живших опустошительными и внезапными набегами, и желание оградить интересы потомков-наследников указало этот странный путь охранения имущества, нажитого тяжелым трудом. Со времени первых печенежских и половецких набегов, вплоть до татарских погромов, когда мирная жизнь земледельцев очутилась на краю гибели, русские люди неутомимо придумывали всевозможные меры самозащиты личной и охраны имущественной. Но в те трудные времена ни на кого нельзя было положиться, и потому люди доверяли свое имущество только «матери-сырой земле». Этот обычай не утратил своего глубокого практического значения и в последующее время, когда в народную жизнь ворвались новые враждебные элементы в сопровождении всяких внутренних неурядиц в виде разбоев, казачества и крепостного права. Разнузданное

¹ Манифест 19 февраля 1861 г. – манифест об отмене крепостного права.

своеволие, не знавшее меры и предела и приученное к легкой наживе путем грабежа или собирания оброков, устремило всю свою алчность на чужие плоды трудовых сбережений и повергло народ в совершенную нищету, возможную только в дни истинного лихолетья. От этих насилий люди вынуждены были бежать в неоглядную даль, искать новых земель и там, запасаясь новыми сбережениями, покинуть старый обычай зарывания добра в землю.

На прежних же местах, как например у исконных земледельцев – белорусов, и до нынешнего дня обмолоченный хлеб зарывается в ямы, и притом тем же способом, как и в те времена, когда войска¹ Карла XII шли на соединение с Мазепой.

У великороссов точно так же еще жива любимая святочная игра "хоронить золото и чисто серебро".

По всему громадному северу России, от финляндских до сибирских границ и от Соловецкого монастыря до Троице-Сергиевской лавры, в народе живет память о тех грабительских временах, которые известны под общим именем "панщины". Это имя несомненно указывает на ту эпоху, когда шайки разноязычного и разноплеменного народа опустошали Русь в тяжелую годину междуцарствия. "Панами" для олонецких озерных местностей и беломорского поморья были и отряды шведских войск, и примешавшийся к ним всякий бездомный сброд, вроде того, который, отбиваясь от польских войск Лисовского и Сапеги, грабил народ от Волги до Северной Двины и Пинеги включительно. Это были небольшие горсти людей, умевшие нападать врасплох и беспощадно грабить мелкие и разобщенные селения лесных местностей, – шайки, подобные тем, которых в костромских лесах заморозил Сусанин, а олонецкая баба истребляла, обливая горячим овсяным киселем. Атаманам этих разбойничьих шаек приписываются великие богатства, которые они, в случае полных неудач, спешили зарывать в землю. Вот образчик подобных преданий, записанный в Кадниковском уезде Вологодской губернии, могущий служить прототипом однородных рассказов.

"Выбрали себе паны притон в одном месте и стали из него наезжать и грабить, всего чаще по праздникам, когда народ расходился по церквам и на базары. Заберут паны что получше, а деревню зажгут. Этим они вывели народ из всякого терпения. И вот согласились против них три волости и окружили притон так, что разбойникам некуда было деться. Стали они награбленное добро зарывать в землю в большой кадке, и неспроста, а с приговором, чтобы то добро никому не досталось. Атаман ударился о землю, сделался черным вороном и улетел. Товарищей же его всех захватили и "покоренили"²

Разбои, принявшие, благодаря полному неустройству управления обширные размеры, отчасти обязаны были своими чрезвычайными успехами еще тому, что народ не переставал видеть в руководителях шаек чародеев, спознавших с нечистой силою. В этом убеждены были не только все члены шайки, но и сами атаманы, которые выделялись из толпы природным умом, пылким воображением, исключительною телесною силою и даже увлекательным даром слова. Разину, например, этому поволжскому богатырю-чародею, сам Илья Муромец годился только в есаулы. И неудивительно, конечно, что, обладая такой сверхъестественной силой, Разин обогащался и окупам с проходящих торговых судов, и даже царскою казною с разграбленного и сожженного им первого русского корабля "Орла". Неудивительно

¹ Известно, что шведские солдаты, выходя на поля перед солнечным восходом, разрывали ямы, наполненные рожью, узнавая эти места по отсутствию росы, которую высушивала скрытая теплота зарытого зерна.

² Особый вид старинной казни разбойников, сохранившийся в преданиях Вологодского края. Он состоял в том, что у большого дерева обрубали с одной стороны корни, для чего немного поднимали его рычагами и накренивали, чтобы образовалась пустота и можно было в нее просунуть человека. Затем дерево опускали на свое место и таким образом "подкоренивали" под ним живых людей, как бы накрывая их колпаком.

также, если тревожная жизнь среди поисков новой добычи и преследований со стороны правительственных властей вынуждала Стеньку зарывать в землю награбленные сокровища. По крайней мере, народ верит в это, и все длинное побережье, от Симбирска до Астрахани, все эти лесистые Жигулевские горы и песчаные голые бугры Стеньки Разина – в народном воображении до сих пор считаются местами, где зарыты бесчисленные клады: там лодка с серебром затерта илом на песках, здесь, в Жигулях, у Разина дупла – сундук полон платья, а сверху как жар горит икона, и заклета та поклажа на триста лет; там в полугоре, у спуска к Волге, зарыто двенадцать нош¹ серебра в чугунах, покрытом железным листом, здесь в Шиловской шишке (горе близ села Сентилея) подвал, а в нем на цепях четыре бочки золота, охраняемого большим медведем. Замечательно, что народ определяет ценность клада с большой точностью. Так в селе Шатранах (Буинского уезда Симбирской губернии) лежит, по преданию, казны десять мер (пудов) золота, два сундука жемчуга и четыре пуда меди. Это сокровище принадлежало брату Степана Разина Ивану, и тот, кому достанется клад, должен медные деньги раздать нищим, по прямому смыслу залога. Кроме Степана Разина, составляющего центральную фигуру во всей истории поволжской вольницы, наш народ знает еще бесконечное множество более мелких удалцов и просто разбойников, обладавших сверхъестественной силой и зарывавших в землю богатые клады.

Так, в Двиницкой волости (Вологодская губерния, Кадниковский уезд) разбойник-атаман, прозванный за свою неуловимость "Блохой", приставил к своему кладу целую свору злых рыжих собак. Кузьма Рошин, грабивший в Муромских лесах купеческие караваны, оставил после себя множество кладов в так называемом Рожновом бору. Это предание настолько свежо, что некоторые старожилы называют даже по именам его сподвижников и укрывателей. В Брянских лесах и вообще в южной лесной части Орловской губернии также называют много мест, где скрыты клады, зарытые полумифическим разбойником Кудеяром. Говорят, что над камнями, прикрывающими эти сокровища, не только вспыхивают огоньки, но два раза в неделю, в двенадцать часов ночи, слышен бывает даже жалобный плач ребенка. Этот Кудеяр (время деятельности его с достоверностью не указывается) на всем пространстве великорусской Украины, от Саратовского Поволжья вплоть до устьев Десны, до некоторой степени предвосхищает славу самого Степана Разина. Сверх вышеупомянутых орловских местностей, в семи уездах Воронежской губернии существуют урочища, носящие его имя. Указывают, например, его "лог", памятный ставками многочисленных табунов украденных им лошадей, его лошину – "мертвушу" – притон шайки, "городище" среди Усманского громаднейшего казенного леса, окруженное высоким валом и обрытое широкою канавою, даже со следами въездных ворот, и затем множество ям и курганов его имени, в которых находили человеческие кости, кинжалы, пики, бердыши, кольчуги, кольца, перстни, татарские монеты и проч. Вот почему не уменьшается страсть к отысканию кладов в Усманской даче, внушающей своим мрачным величием невольный страх и порождающей в народе смутные рассказы о том, что здесь заметны даже следы канавы, по которой намеревались некогда спустить целое озеро, называют "Чистым", чтобы достать со дна его, из огромных выходов и погребов, бочки золота и серебра, сундуки с дорогими камнями и мехами, даже целую старинную карету, сплошь наполненную деньгами, и т.п. Страсть к легкой наживе повсюду расплодила множество кладоискателей, которые до такой степени увлекаются идеей быстрого обогащения, что зачастую кончают однопредметным помешательством. Эти несчастные маньяки вызывают бесконечные насмешки и, сплошь и рядом, делаются жертвами обмана. За дорогую цену им продаются особые "записки кладов", к их услугам находятся руководители, заведомо приводящие на пустое место, заранее прославленное и искусно обставленное всеми признаками таинственного урочища и т.д.

¹ Ноша – мера того, сколько может унести на себе сильный бурлак или крючник.

Вот несколько образчиков таких помешанных фанатиков.

Один из известных симбирских кладоискателей занес в свою "запись" о кладях следующий эпизод: "А вот нищий Василий Семеныч доподлинно взял поклажу в селе Красная Поляна, а научил его, как взять, заштатный дьякон: все больше молитвами отчитывал из требника Петра Могилы. За тем требником ездили мы три раза в Ливу (село Корсунского уезда), да дорого просят: сто рублей, да еще надул подлец-лубянишные глаза Евсейка, а денег обобрал много. На что был богат Филипп Чистяков - четыре расшивы имел - да и те все прожил в клады. - Одначе Бог поможет (заключает свою запись неисправимый фанатик-кладокопатель), весной возьмет малу толику. Есть у целовальника под горой книга "Немая строка": по ней вызывать можно".

И умирая, не поживившись ни единым кладом, этот старик закончил свою запись следующим завещанием, напоминающим бред умалишенного:

"А как Бог велит, - поучает он своих детей, - отчитываем Разину поклажу, только первее наперво сто рублей, как помру, отошлите дедушке в Божью церковь, ко Владимирской Божией Матери. А мать чтобы не знала: все в питейный угодит. А золото, куда положу - шепну опосля, смотрите только, как бы обменяли: чай все крестовики. А если уж менять, так из-под виду, а для казны места немного. А святую икону, что на поклаже лежит, освятить доведется".

В воронежской уkraine прославился другой убежденный чудака, исходивший весь тот край вдоль и поперек, разыскивая клады Кудеяра, между которыми один состоял из шестидесяти парных воловьих подвод серебра, десяти пудов золота и целого лотка драгоценных камней. Около этого помешанного образовалась целая толпа плутоватых пособников из мещан и отставных солдат, являвшихся с предложениями заговоров и записей, таинственных талисманов, завернутых в грязные тряпицы, вроде комка глины, добытой в полночь с могилы удушенника, помогающего, как известно, добыче кладов.

При содействии тех же кладоискателей образовалась целая своеобразная наука о различных способах отрывать и находить клады. Для получения клада надо, прежде всего, знать зарок, с которым он положен, а эти заклатья настолько капризны, что без записей или подсказов знающих людей невозможно и приступить к делу. Так, например, на большой дороге между почтовой и казенной просекой зарыт клад: чтобы найти его, надо спеть двенадцати песен, но таких, чтобы ни в одной не было сказано ни про друга, ни про недруга, ни про милого, ни про немилую. Лежит другой клад под сосной: чтобы получить его, нужно влезть на эту сосну вверх ногами и спуститься назад точно так же, вниз головой. Разбойники обычно зарывали свои сокровища "на сто голов человеческих", но значение этого заклатья мудрено отгадать: сотому ли дураку приходить, чтобы дались те деньги на голодные зубы, или следует самому быть разбойником, чтобы загубить сто человек, прежде чем взяться за заступ.

Бывают на клады и такие мудреные заклатья: "Попадайся клад доброму человеку в пользу, а худому на гибель", или еще: "Тому это добро достанется, кто после моей смерти тотчас же голым пропляшет"; зарывают и на человека определенного имени, - это, если можно так выразиться, "именные" клады.

Для заурядных искателей чужого зарытого добра исстари существуют могущественные средства, при помощи которых можно одновременно узнать и место нахождения клада, и способ добычи его. Беда только в том, что эти средства даются нелегко. Таковы цвет папоротника, разрыв-трава, шапка-невидимка и косточка-счастливка. Первый, хотя и принадлежит к числу бесцветковых растений, но в ночь на Ивана Купалу, когда, по народному убеждению, все цветы на земле достигают наивысшей силы расцвета, - горит несколько мгновений огненно-красным отливом. Вот этот-то момент и должен уловить кладоискатель, чтобы обеспечить за собой успех. Нечистая сила, охраняющая клад, очень хорошо знает таинственные свойства папоротника и, со своей стороны, принимает все меры, чтобы нико-

му не позволить овладеть цветком. Она преследует смельчаков диким хохотом и исступленными воплями, наводящими ужас даже на человека неробкого десятка. Однако на все эти острастки нечистой силы всероссийское предание советует не обращать внимания, хотя, как говорят, не было еще случая, чтобы самый хладнокровный смельчак остался равнодушным ко всем этим ужасам. Но зато бывали случаи, когда папоротник сам собой попадал некоторым счастливым в лапоть, задевавшим его нечаянно ногою. С той поры такие избранники все узнавали и видели, замечали даже место, где зарыт клад, но лишь только, придя домой, разувались и роняли цветок, как все знания исчезали и счастье переставало улыбаться им. Некоторые думают даже, что стоит положить цветок за щеку в рот, чтобы стать невидимкой. Впрочем, для последней операции придумана особая косточка, которую находят в разваренной черной кошке.

Разрыв-трава также отыскивается в ночь на Ивана Купалу. С ее помощью можно ломать все замки, сокрушать все препоны и разрушать все преграды. Но так как и она, подобно папоротнику, держит цвет не дольше того времени, которое полагается для прочтения Символа веры и молитв Господней и Богородичной, то имеется, следовательно, достаточное основание считать ее просто сказочным зельем.

Сверх таинственных обрядов и сложных приемов, из которых ни одного нельзя позабыть, — для искателей кладов придуманы еще заговоры и даже молитвы. Те и другие сотканы из гнилого прядева пустых слов: "Пойду в чистое поле, в леса дремучие, за черные грязи, через океан-море". А здесь "стоит столб, а на нем сидит Спас-Пресвятая Богородица". "За болотом немного положено — мне придется взять. Отойди же ты, нечистая сила, не вами положено, не вам и стеречь".

При розыске таинственных сказочных цветков главная мольба заключается в том, чтобы "черт поиграл им да опять отдал и не шутил бы, не глумился над рабом Божиим". В самодельных же молитвах, придуманных для раскрытия клада, рассчитывают на то, чтобы силою слов и знаменем креста сокрушить нечистую силу, приставленную сторожить клад и "отчитывать" самый клад. Впрочем, прямой нужды в этом отчитывании не имеется, но требуются особые благочестивые приемы в тех случаях, когда над кладом находится или часовня, или поставлен крест, или висит на золотой цепи икона Богородицы в золотой ризе, или же, наконец, подвешена одна лампадка. И то, и другое, и третье знаменует присутствие такого клада, который спрятан с таким зарокom, чтобы нашедший его построил церковь, или часть приобретенного разделит нищим, или разнес по чтимым монастырям. Народное воображение — даже надкладами великого чародея и беспримерного богача Стеньки Разина поставило в некоторых местах иконы Богоматери и перед ними повесило неугасимые лампы.

Когда, при помощи папоротника, клад будет найден, то кладоискатель еще не может считать свое дело оконченным, так как мало найти клад, но нужно еще уметь взять его. Иным счастливым не надо ни молитв, ни заклинаний, ни вызывных книг, ни руководителей — к ним сами клады напрашиваются, а у иных неудачников уже найденные, отрытые — из рук уходят, не даются. Чтобы взять клад, надо знать известную сноровку. Если клад, выходя из-под земли, превращается в какое-либо животное, или даже в живого человека, то надо его ударить наотмашь левой рукой со словами "аминь-аминь, рассыпсья". Без этого кладом не овладеешь. К одной калужской нищенке, в то время, как она шаталась по селу, приставал петух, теребил ее за подол, совался под ноги: ударила его старуха палкой — и рассыпался петух деньгами. Один уломский старик-гвоздарь шел как-то из деревни в город. Дело было под вечер. Вдруг среди поля что-то захлопотало. Оглянулся — катится бочка, а со стороны кричит чей-то голос: "Перекрести дорогу!". Старик испугался, отскочил в сторону — покатила бочка мимо, а в ней ясно слышен звон серебряных денег. В той же Уломе (Новгородская губерния) де-

ревенские ребята пошли искать клад и по пути позвали с собой одинокого старика, жившего на краю села в избушке. Старик отказался: "Зачем идти искать – коли Бог захочет, так и в окошко подаст". Долго искали клад ребята, но ничего не нашли. На обратном пути увидали под кустом мертвого барана. – "Давай подкинем его старику в окошко". Утром увидел у себя старик мертвого барана, взял, благословясь, его за ноги, чтобы выбросить на двор, а баран и рассыпался по избе червонцами. Одному пензенскому дьякону каждый полдень являлся неведомый мужик со всклокоченными волосами и бородой, в синей изорванной рубахе и таких же портках. Появится – убежит в сарай и пропадет, и все на одном и том же месте. Смекнул дьякон, в чем дело, и стал рыть в том месте землю. Вырыл яму в сажень глубиной и наткнулся на пивной котел, прикрытый сковородкой. Хотел было его вытаскивать, да вдруг услышал чей-то грубый голос: "А что ты тут, добрый человек, делаешь?"

– "А тебе какого черта нужно?" – ответил дьякон и тотчас же услышал, как в руках его дрыгнул котел и затем медленно и тяжело начал погружаться в землю. Догадайся дьякон позвать того человека на помощь – и стал бы богачом. У других, неудачников случается и по-иному. Роят двое, стоворившись поделить поровну, да стоит одному подумать про себя, как бы нарушить договор, – и тотчас же полуотрытый клад загремит и провалится. Иные даже домой принесут отрытое с намерением исполнить зарок, предписывающий сделать какое-нибудь пожертвование, но, залюбовавшись сокровищем, спрячут до доброго случая, а потом раздумают: у таких, вместо денег, оказываются либо черепки разбитого горшка, либо стекольные вершки от бутылки.

Знахари-шептуны

Всякий человек, умудренный опытом и заручившийся каким-либо знанием, выделяющим его из среды заурядных людей, получает право на название знатока, или, что одно и то же по корню слова, – знахаря. Житейская практика показала, однако, некоторую разницу в бытовом применении этих двух слов. Первое из них присваивается тем, кто знает толк в оценке всякого рода вещей, умеет верно определять доброту, качество и свойство предметов – словом, кого обычно называют иностранным именем "эксперт". Всякий же знахарь, пользующийся общим уважением за выдающиеся знания, приобретенные личным трудом, и за природное дарование, собственно есть не кто иной, как самоучка – деревенский лекарь, умеющий врачевать недуги и облегчать телесные страдания не только людей, но и животных.

Строго говоря, мы не имели бы никакого права причислять этих людей, промышляющих лечением болезней, к категории тех, которые знают с нечистой силой, если бы суеверные, основанные на предрассудках понятия еще не господствовали властно в народной среде. В деревенском же быту продолжают смешивать знахарей и ворожбитов, знахарок и ворожей с чародеями, т.е. колдунами и колдуньями. Это делается по вековой привычке во всем необычном подозревать сверхъестественное и по простодушной вере, что во всем не поддающемся нашему разумению, несомненно, должно быть участие и работа таинственных сил, хотя бы и не злобных. Сами знахари своими приемами врачевания и требованием при этом особенной или странной обстановки поддерживают это заблуждение, не столько в видах корысти, сколько по глубокому убеждению, что иначе действовать нельзя, что так повелось искони, и что очень мудроно довериться силе целебных снадобий, если они не наговорены заранее или не нашептаны тут же на глазах больного, так как главная сила врачевания заключается в словах заговора, а снадобья служат лишь успокоительным и воспособляющим средством. Поэтому-то и зовут знахарей "шептунами", именно за те "заговоры" или таинственные слова, которые шепчутся над больным или над снадобьем. Заговоры воспринимаются или устно от учителей, или

из письменных записей, в изобилии распространенных среди грамотного сельского населения под названием "цветников", "травников" и "лечебников". Произносятся они полупшепотом, с целью, чтобы не услышал непосвященный человек (иначе заговоры не имеют никакого значения) и чтобы остались они неотъемлемой собственностью одних только знахарей. Сопровождаются заговоры различными движениями рук и губ для того, чтобы удержать силу слов, или, как говорится, "запечатать замок". Знахари, даже искренне убежденные, тоже проделывают это, хотя они во многом отличаются от колдунов, между которыми так много плутов, принявших на себя личину притворства ради явного корыстного обмана. В этом особенно часто обвиняют тех мастеров, которые бродят по деревням и известны под именем "коновалов". Они собственно лекари-знахари, избравшие своею специальностью лечение лошадей, но дерзающие лечить и других животных и даже людей. Некоторые из них, вроде ладожан и егорьевцев (из Рязанской губернии) давно уже отнесены в число несомненных колдунов, чему способствует и внешний наряд их, состоящий, как у самоедских и сибирских шаманов, из разнообразных ремешков, колечек, сумочек, бляшек и т.п. В довершение сходства ладожане и егорьевцы вечно похваляются своими связями с нечистой силой.

Главное отличие между колдунами и знахарями состоит в том, что первые скрываются от людей и стараются окутать свое ремесло непроницаемой тайной, вторые же работают в открытую и без креста и молитвы не приступают к делу: даже целебные заговоры их, в основе своей, состоят из молитвенных обращений к Богу и св. угодникам как целителям. Правда, знахари тоже нашептывают тайно, вполголоса, но зато открыто и смело действуют: "Встанет раб Божий благословясь и перекрестясь, умоется свежей водой, утрется чистым полотном, выйдет из избы к дверям, из ворот к воротам, выступит под восточную сторону, где стоит храм Введения Пресвятой Богородицы, подойдет поближе, поклонится пониже, попросит смотреть лестно, и повсеместно, и повсечасно". Колдун действует зачастую по вдохновению: разрешает себе выдумку своих приемов и средств, лишь бы они казались внушительными и даже устрашали. Он выжидает и ищет случаев показать себя в возможно импонирующей обстановке, хотя бы и с растрепанными волосами и со всклокоченной бородой. На свадьбы и за праздничные столы он является незванным и старается прийти неожиданно, словно из-под земли вырасти, и т.п. Знахарь же идет торной дорожкой и боится оступить: он говорит по-ученому как по писаному, придерживаясь "цветника", или как наставлял его покойничек-батюшка. Знахаря не надо разыскивать по кабакам и не придется заставить полупьяным, выслушивать грубости, смотреть, как он ломается, вымогает плату, угрожает и застрашивает своим косым медвежьим взглядом и посулом несчастий впереди. У знахаря — не "черное слово", рассчитанное всегда на зло и беду, а везде "крест-креститель, крест-красота церковная, крест вселенный — "дьяволу устрашение, человеку спасение". (Крест опускают даже в воду перед тем, как задумают наговаривать ее таинственными словами заговора, и, таким образом, вводят в нее могущественную целебную силу). У знахаря на дверях замка не висит; входная дверь открывается свободно; теплая и чистая изба, с выскобленными стенами, отдает запахом сушеных трав, которыми увешаны стены и обложен палатный брус; все на виду, и лишь только перед тем, как начать пользоваться, знахарь уходит за перегородку Богу помолиться, снадобье приготовить: и тогда оттуда доносятся шепоты и вздохи. Выговаривая себе всегда малую плату (копеек пятьдесят), знахарь говорит, что берет деньги Богу на свечку, а чаще довольствуется тем количеством яиц от домашних кур, какое принесут, а то так и ничего не возьмет и, отказываясь, скажет: "Дело божеское — за что тут брать?" Впрочем, плата, даваемая знахарям, не считается зазорной — главным образом потому, что ею оценивается лишь знание и искусство, а не волшебство или чародейство. К тому же знахарь немало трудится около своих пациентов, так как крестьяне не обращаются к нему по пустякам, а лишь в серьезных случаях. Преж-

де чем больной пришел за советом, он уже попользовался домашними средствами: ложился на горячую печь животом, накрывали его с головой всем, что находили под рукой теплого и овчинного; водили в баню и на полке околачивали вениками до голых прутьев, натирали тертой редькой, дегтем, салом, скипидаром, поили квасом с солью, словом – все делали и теперь пришли к знахарю, догадавшись, что приключилась болезнь не от простой "притки", то есть легкого нечаянного припадка, а прямо-таки от "уроков", лихой порчи или злого насыла, напуска, наговора и чар. Теперь и надо раскинуть умом, потрудиться отгадать, откуда взялась эта порча и каким путем вошла в белое тело, в ретивое сердце?

Входит в человека порча в следующих случаях:

Сглазу; или, что одно и то же, от призору. Бывают глаза у людей хорошие, добрые, счастливые и наоборот – дурные: "Черный глаз, карий глаз, минуй нас!". "Озевает" человек своим нехорошим взглядом встречного и испортит. От "недоброго часа" сглаз приходится отчитывать три зори, а от "худого часа" и порчи надо отчитывать двенадцать зорь.

По следу: злые люди вынут земли из-под ступни проходящего человека и бросят ту землю на дерево, отчего хворь не пройдет до тех пор, пока дерево не засохнет, а с ним вместе и порченный человек не помрет. Освободить от несчастья в таких случаях может лишь самый опытный знахарь. Но если бросить землю на воду, то знахарь помочь не в силах, как бы ни старался. Он только скажет: "Сделано крепко и завязано туго – мне не совладать; одна теперь тебе надежда на спасение, если была в сапогах соломенная подстилка".

От притки, которая считается много привязчивее сглаза и трудно распознается, отличаясь самыми многосложными и запутанными признаками. В них мудрено разобраться: то ли это припадок, вызванный старым внутренним повреждением, внезапно и неожиданно обострившимся, то ли, наконец, хворь, прикинувшаяся в бане.

От изурочья, или, что то же, от уроков. Под этим именем разумеется заочная посылка порчи. Лиходеи посылают порчу всякими путями и способами: в пищу, по воде, по ветру. Как пулей из ружья, поражают они ударом по пояснице вроде "утина", напуском жестокого колотья в грудь и болей в живот, да таких, что приходится криком кричать и кататься по земле от невыносимого страдания.

От кладки, которую чародеи зашивают новобрачным в подушки или перины. Это женский волос, спутанный комком, косточка, взятая на кладбище, три лучинки, опаленные с двух концов и несколько ягод егодки (волчьих ягод). Знахарь устраняет от молодых порчу тем, что опалает кладь на огне, уносит на речку и спускает на воду. Пекут также для кладки лепешки с разными снадобьями и угощают ими или подкидывают, чтобы сами приговоренные нашли и съели.

От удара или щипка привязывается порча, когда сильный колдун, проходя мимо бабы, как бы ненароком щипнет ее спереди, или хлопнет сзади, да еще и прихватит: "Какая ты, шут, гладкая!".

От оговора – когда "не в час молвится".

Рассказывают, например, такой случай: вышла баба после родов рано на улицу, к ней подошла соседка и сказала: "Сидела бы лучше дома". Баба испугалась, заболела, у ней разлилось молоко, и в конце концов она умерла.

Относом портят не умышленно и не по злости, а ненароком: делано было на другого, а подвернулся посторонний и неповинный человек. Отхаживают в таких случаях тоже знахари, но необходимо, чтобы они были сильнее тех, которые наслали порчу. Самый способ лечения отличается большой простотой: знахарь должен пойти на распутье, где скрещиваются дороги, и бросить там узелок с зашитыми в нем золой, углем и кусочком глины от печного чела. Таким относом отводится порча от того больного, к которому знахарь был позван. Но относ имеет свою опасную сторону, так как всякий, кто первым наткнется на отнесенный узелок, непременно будет испорчен. А это, в свою очередь, влечет дурные послед-

ствия для первого больного, уже излечившегося от порчи при помощи узелка: однако, когда его душа, в свой смертный час, станет выходить из тела, сатана скажет ангелу Божию: "Эта душа моя, она зналась со мною, приносила мне на распутье хлеб-соль".

От какой бы из перечисленных причин ни приключилась болезнь человеку, знахарь, как и весь деревенский русский мир, глубоко убежден, что всякая болезнь есть живое существо. С нею можно разговаривать, обращаться к ней с просьбами или приказаниями о выходе вон, спрашивать, требовать ответов (не говоря уже о таких, например, болезнях, как кликушество, когда сидящий внутри женщины бес не находит даже надобности скрываться и, еще не видя приближающегося крестного хода или проходящего мимо священника, начинает волноваться и выкрикивать женским языком мужские непристойные ругательства и кабацкие сквернословия). Бывают случаи, когда болезни даже олицетворяются. Так, самый распространенный недуг, сопровождающийся ознобом и жаром и известный под общим именем лихорадки, есть не что иное, как одна из двенадцати дочерей библейского царя Ирода (а по другим сведениям, из четырнадцати). Знахарь умеет распознать, какая именно в данном случае овладела его пациентом: одна ли, например, ломовая или трепуха, или две вместе. Он определяет, которая из них послабее, положим, знобуха или гнетучка, чтобы именно с такою-то и начать борьбу. Больной и сам умеет подсказать, гноевая ли это (если лихорадка напала в то время, когда свозили навоз на поле), или подтынница (если болезнь началась, когда усталым он свалился под изгородь в лугах и заснул на мокрой траве). В том же случае, когда объявились сильные боли в крестце или разломило в пояснице так, что не продохнешь, – всякий знахарь понимает, что это "утин", и что в этом случае надо положить больного животом на порог избы, взять тупой косарь в руки, на-секать им спину и вступить с этим утином в переговоры, спрашивая его и выслушивая ответы: "Что рублю? – Утин секу. – Руби гораздо, чтобы век не было", и т. п.

Деревенский знахарь (художник Мясоедов Г.Г.).

Бесконечное разнообразие знахарских приемов и способов врачевания, составляющее целую науку народной медицины, сводится, в конце концов, к лечению травами. Как лечат знахари – это составляет предмет особого исследования, предоставленного врачу-специалисту. Нам же остается досказать о том положении, какое занимают знахари и знахарки в деревенской среде, в качестве людей, лишь заподозренных в сношениях с нечистой силою, но отнюдь не продавших ей свою душу. Хотя житейская мудрость и велит не обвинять никого без улики, но житейская практика показывает другое, и на обвинение знахарей деревенский люд не скупится. Так, например, ночью знахарям нельзя даже зажечь огонь в избе или продержат его дольше других без того, чтобы соседи не подумали, что знахарь готовит зелье, а нечистый ему помогает. Но, живя на положении подозреваемых, знахари, тем не менее, пользуются большим уважением в своей среде. Объясняется это тем, что знахарями делаются люди, преимущественно старые, одинокие холостяки или старушки-вдовы¹ и престарелые девицы, не сделавшиеся черничками потому, что захотели быть лекарками и ворожеями. Положение подозреваемых невольно делает знахарей слегка суровыми и очень самолюбивыми и самоуверенными. Да и подбирается сюда не только народ смысленный, но и положительно стоящий выше других на целую голову. Оттого у знахарей не выходит с соседями ни особенно близкой дружбы, ни хлебосоля, ни откровенных бесед: тайна пуще всего им на руку. Но в то же время их интересуют чужие беседы, деревенские новости, взаимные соседские отношения. Зайдет знахарь в трактир или харчевенку, сядет незаметно в сторонку и прислушивается: у кого украли лошадь, увели корову, на кого падает подозрение и на ком оно, после галденья и общих споров, остановится. Как умный человек, подбирая в запас мелкие крохи, он сумеет потом в них разобраться, а глупая деревня думает, что если мужик умеет лечить, дает умные и добрые советы, то должен же он и колдовать, и ворожить, и отгадывать. Если он умеет лечить скотину, – рассуждает деревенский люд, – то почему ему не пользоваться и людей? Помог от одной болезни, стало быть, должен пособить ото всех? При таком положении вещей не мудрено, что все врачебное дело в деревне держится на знахаре. Впрочем, наряду со знахарем пользуется больных и бабка-лекарка. Она, так сказать, дополняет знахаря по той причине, что бывают по женской части такие дела, в которые мужчине никак не проникнуть. Бабки-повитухи работают вполне независимо, на свой страх и ответ, причем в некоторых случаях им даже отдается предпочтение перед мужчиной-знахарем, так как бывают такие болезни, где только женская рука, нежная и мягкая, может принести действительную пользу. Так, например, все воспаления глаз всегда и повсюду доверяются лечению исключительно одних знахарок: никто лучше их не сдувает бельма, никому так ловко не вдунуть в глаз квасцов, смешанных с яичным белком. Сверх того, бабка усерднее знахаря: она забежит к своему больному раза три на день. В лечении детских болезней точно так же нет равных знахаркам, хотя и по "сердечным" делам они не утратили заслуженно добытую славу. Они охотно берутся "снимать тоску" с того человека, который лишился любви, но заставить полюбить не могут, так как "присуха" – дело греховное и дается только колдунам. В этом, собственно, и заключается существенная разница между колдунами и знахарями: то, что наколдуют чародеи, – знахари и знахарки снимают и поправят. И слава их в этом отношении так велика, что к ним со всех концов стекаются деревенские люди за помощью. Но еще чаще обращаются к ним в самых обыденных житейских случаях. Вот несколько примеров: молодая баба, на третий день после свадьбы, ушла от мужа; родные пытались ее вернуть, советовались со знахаркой и получили в ответ, что от насильной любви баба мо-

¹ Неизвестно, как сейчас, но еще во второй половине XX века в сибирских деревнях знахарство было в ходу – лечили и травами и не травами, сопровождая лечение наговорами.

жет умереть. Сама баба почувствовала однажды жалость к мужу и просила колдуна внушить ей любовь к нему. Этот взялся, но предупредил, что "все равно любовь эта будет через окаянного". Ходят к знахарям в случае беды и с целью поворожить и погадать, хотя это и не составляет прямой профессии знахарей: вор объявился, лошадь увели, корова из поля домой не приходила – все к знахарю или к бабке-ведунье. Бабушка-ведунья сейчас все расскажет и беду как руками разведет. Иная, чтобы не потерять уважения и поддержать к себе веру, бобы разводит, раскидывает карты, на воду пускает восковой шарик, шепчет и вдумчиво смотрит, в какую сторону укажет шарик, какой мужик в воде покажется ей: черный или белый. Сметливая баба из расспросов уже раньше кое-что поняла. Если не укажет она прямо, то поведет около, а соседские воры все на счету и у всех на примете. А если и не скажет она правды, не поможет на недобрый час, то ведь все-таки это не ее прямое дело. Так все и понимают: спасибо ей и за то, что старалась пособить и не отказалась утешить в тяжелое время умелым сердечным советом. Знать, обманули ее карты, надо быть, замутилась вода. Во всяком случае – знахарь не чародей, ворожея – не ведьма.

При всем почете, какой выпадает в удел знахарям, им, однако, приходится считаться с современными веяниями, а подчас и отвечать перед начальством. Вот что поведал на этот счет один из известных знахарей, возле двора которого "подвод больше десятка каждый день стояло".

"Нашлись у меня завистники и донесли попу и уряднику, что я черной магией занимаюсь. Я ничего не знаю, сижу дома – глядь: ко мне в хату приходят поп с урядником, а избу понятые окружили. Наперво поп обратился ко мне:

– Ты, Михайло, сказывают, лечишь народ по книжкам от всяких болезней, так покажи нам свои книги?

А я ему наоборот говорю:

– Лечу, папаша; это правда. И разные у меня корни и травы есть, и книга тоже есть: по ней я разбираю, каких корней от какой хвори дать, и с молитвою творю это. А вреда никакого я не делал людям.

Урядник как крикнет на меня:

– Ты не разговаривай с нами, а подавай твои книги и корни, а мы их становому представим. Тебя за Сибирь загонит он за это лечение.

Я не испугался его. Открыл укладочку, где лежала книга моя и корни, и говорю:

– Извольте брать к себе всю укладку: тут все лечение мое. Только прошу вас, не растеряйте листков из книги да корешков не трусите: джо трудно собирать их.

Урядник отвез укладочку мою к становому, а тот книгу и корни к доктору отправил. А доктор посмотрел мою книгу и сказал:

– Это безвредная книга: травник называется. Так все и отдали мне назад".

Плотники
и печники

О плотниках и печниках распространены в народе многочисленные рассказы, свидетельствующие о том, насколько мстительны и недоброжелательны эти люди в тех случаях, когда им не доплачивают условленной суммы хозяева и подрядчики. Особенно дурной славой пользуются те из плотников, которые известны своим искусством, вроде костромских галичан, знаменитых издревле владимирских "аргуннов", вологодских, вохомских и т.д. Так как, по известному присловию, их "топор одевает, топор обувает, да он же и кормит", то мастерство свое они умели довести до замечательного искусства и даже до шаловливых фокусов, которыми успевают они "морочить глаза" темных суеверных людей. А если отводят глаза, да при этом еще застрашивают и похваляются мекстью, то чем и объяснить все

это, как не уверенностью их в помощи нечистой силы, с которою они, несомненно, знают?

Про вохомских плотников (в Вологодской губернии Грязовского уезда) известен такой рассказ. Однажды они не получили, сверх расчета, обычного угощения пивом и водкой, и, когда ушли, хозяин послал сына посмотреть новую избу. Вернулся тот перепуганным и рассказал отцу про такое диво, что тот сам пошел проверять и увидел то же самое. Только что вошел он, как выскочила маленькая мышь, за ней другая, побольше, и еще больше, а последние стали выбегать ростом в сытую кошку. "Запрягай, сынок, поскорее лошадь, поезжай за тем мастером, зови его на влазины, а в Петрецове захвати четверть водки!". Приняли плотника с хлебом-солью и низкими поклонами в новом доме. Выскочила маленькая мышь, а мастер только и сказал ей: "Скажи в стаде, чтобы сейчас убирались вон". Не успели они выпить по второй, как большие и маленькие мыши труском и вприскок выбежали из избы мимо них в двери и в поле.

Около села Кубенского (в тридцати верстах от Вологды) по сей день стоит ветряная мельница, совершенно новая, но больше десяти лет не употреблявшаяся в дело. Тем же вохомским плотникам не доплатил мельник трех рублей, и с первого же дня помола всякий раз его отбрасывало от жерновов с такой силой, что он навзничь валился на пол. Приводил он на свою ветрянку и священника с молитвой, но это не помогло. Плотники советовали купить мельницу другому мужику и обещали ему, что она будет хорошо работать, но тот купить побоялся, а за ним и все прочие опасаются.

В Орловской губернии (под самым городом) подслушали бабы, как владимирские плотники, достраивая хату, приговаривали: "Дому не стоянье, дому не житье, кто поживет, тот и помрет", и подсмотрели, что бревна тесали они не вдоль, а поперек, а потом напустили червей. Стали черви точить стены, и, едва успел хозяин помереть, как развалилась и хата его.

В Сарапульском уезде (Вятской губернии) построили плотники новый дом. Пришли они попрощаться, да и сказали хозяйке: "Ну, тетка, тебе не спасибо, вовек будешь помнить, как ты нас поила-кормила". И вот за то, что она докучала им попреками, укоряя, что много у ней выпили и еще того больше съели, — они посадили ей кикимору: никого не видно, а человеческий голос стонет. Как ни сядут за стол, сейчас же кто-то и скажет: "Убирайся-ка ты из-за стола-то!". А не послушают — начнет швырять с печи шубами или с полатей бросаться подушками. Так и выжила кикимора хозяев из дому. Сказывали знающие люди о причинах этого происшествия, но разное: одни говорили, что-либо на стоянке, либо под матицу плотники подложили свиной щетины, отчего и завелись в доме черти. Другие предполагали, что под домом зарыт был когда-то неотпетый покойник или удушенник, и что плотники знали про то и намеренно надвинули к тому месту первые венцы, когда ставили сруб.

Точно так же нельзя было жить в одной избе в Скопинском уезде Рязанской губернии по той причине, что, как только сядет семья за стол, так и летят чашки с печи и с полатей лапти, онучи и пр. И иконы поднимали — не помогло.

В Пошехонской деревне (Ярославской губернии) мышкинские плотники сделали так, что как придет вечер, так на повети и начнет плакаться жалобный голос: "Падаю, падаю — упаду". Придут посмотреть — никого нет. Бились и мучились так до той поры, когда пришел в избу свой же пошехонский швец, ведомый знахарь. "Помоги!" — просят его хозяева. — "Ничего, — говорит, — не горюйте!". Вышел потом портной ночью, услышал слово "падаю", прошептал свое, какое знал, да и крикнул: "Коли хочешь валиться, то падай на хлеб!". — Вслед за тем что-то со страшным треском упало, а после этого в избе уже не "дикувалось".

В Белозерском уезде (Новгородская губерния) в деревне Иглине, у крестьянина Андрея Богомола, плотники так наколдовали, что кто из его семьи ни войдет в новую избу, всякий в переднем углу видит покойника, а если войдут с кем-

нибудь чужим – не видят. В первую же ночь сына Михаила сбросило с лавки на пол. Решили сломать избу эту и поставить новую. Стали ломать – и нашли в переднем углу, под лавкой, вбитым гвоздь от гроба.

Такая же недобрая слава установилась и за печниками и каменщиками. Последние в особенности прославились злыми штуками, и притом на всю св. Русь. Найдется ли на ее широком раздолье хотя один такой счастливый город, в котором не указали бы на заброшенный нежилой дом, покинутый и заколоченный наглухо? В таких запустелых домах поселяются черти, и по ночам возятся на чердаках и швыряют чем попало и куда попало. В городе Сарапуле (Вятской губернии) в 1861 г. пишущему эти строки указывали на соборной площади подобный таинственный дом, а три года тому назад об этом же самом доме сообщали, что верх так и стоит необитаемым уже много лет. Рассказывали, что, как только кто-нибудь поселится в этом доме, в первую же ночь слышится голос: "А, окошки вставили! Двери сделали!" И поднимется вслед за тем шум, а наутро оказывается, что все стекла в окнах и дверях выбиты. Лет шесть тому назад этот дом так и стоял с разбитыми стеклами. Теперь окна заколочены досками.

В смысле чертовщины за обширную Белокаменную тоже никто не поручится, а в Петербурге на нашей памяти, на Фонтанке, близ Калинкина моста, существовал беспокойный дом с зелеными колоннами. Лет 10-15 тому назад на такой же дом на Литейной (или Моховой) указывали все газеты, и толпы любопытных собирались к нему в таком множестве, что вмешалась полиция.

– Один каменщик (пишет корреспондент из Сарапула) из крестьян села Мостового передавал следующее: "Когда трубу кладем, так артути в перушко гусиное ли-нешь, плотный-то конец оставишь на волю, а другой замажешь. Как затопят после того печку – она и застонет, а хозяева боятся: "Смотри-ка, мол, каменщик какую штуку удрал". О такой же приблизительно штуке сообщает и орловский сотрудник: "Плотники просверлят дыру и вставят в нее бутылочное горлышко, – ветер дует в это незаметное для глаз отверстие, причем происходит завывание, а хозяин думает, что в его жилище поселили лешего".

Грязовецкие вологжане рассказывают о своих плотниках, что они кладут в один из срубов избы деревянную куклу для того, чтобы "наводило" временами на хозяина страх. А делают это так: по три зори подрядчик спрашивает рабочего, находящегося на срубе: "Что стукаешь?" – Рабочий отвечает: "Лень на шабаш". – Подрядчик говорит: "Лешему строить шалаш".

Из Шуйского уезда (Владимирской губернии) пишут: сговорились плотники с печниками и вмазали в трубу две пустые незаткнутые бутылки по самые горлышки. Стали говорить хозяева: "Все бы хорошо, да кто-то свистит в трубе – страшно жить". Пригласили других печников. "Поправить, – говорят, – можно, только меньше десятки не возьмем". Взялись сделать, но вместо бутылок положили гусиных перьев, потому что не получили полного расчета. Свист прекратился, но кто-то стал охать да вздыхать. Опять обратился хозяин к плотникам, отдал уго-ворные деньги на руки вперед, и все успокоилось.

Погрубее и попроще месть обсчитанных печников заключается в том, что один кирпич в трубе закладывается так, что печь начинает постоянно дымить, а плотники засовывают в пазах между венцами во мху щепочки, которые мешают плотной осадке. В этих местах всегда будет продувать и промерзать. Точно так же иногда между концами бревен, в углу, кладут в коробочку камни: не вынув их, нельзя плотно проконопатить, а затем и избы натопить. Под коньком на крыше тоже прилаживается из мести длинный ящичек без передней стенки, набитый бере-стой: благодаря ему, в ветреную погоду слышится такой плач и вой, вздохи и вскрики, что простодушные хозяева предполагают тут что-либо одно из двух: ли-бо завелись черти-дьяволы, либо из старого дома ходит, сжившийся с семьей, доброжелатель-домовой и подвывает – просится он в новый дом, напоминает о се-бе в тех случаях, когда не почтили его перезовом на новое пепелище, а обзаве-

лись его соперником.

Всех этих остросток совершенно достаточно для того, чтобы новоселья обязательно справлялись с таким же торжеством, как свадьбы: с посторонними гостями и подарками, с приносом хлеба-соли и с самыми задушевными пожеланиями. Плотников задабривают еще далеко загодя: когда стоворятся насчет условий – пьют заручное, когда положат первый ряд основных бревен – пьют "обложейное", когда заготовленный сруб перенесут и поставят на указанное место – опять пьют или "мшат" хату. Точно так же пьют при установке матицы¹. Матицу "поднимают" и "обсевают" в полной обрядовой обстановке, повсеместно одинаковой, как завет седой старины. Вот как это делается: хозяин ставит в красном углу зеленую веточку березки, а затем из среды плотников выступает такой, который половчее прочих и полегче на ногу. Это – "севец", как бы жрец какой, отгонитель всякого врага и нечистого супостата. Он и начинает священнодействовать: обходит самое верхнее бревно или "черепной венец" и рассеивает по сторонам хлебные зерна и хмель. Хозяева же все это время молятся Богу. Затем севец-жрец переступает на матицу, где по самой середине ее привязана лычком овчинная шуба, а в карманах ее положены: хлеб, соль, кусок жареного мяса, кочан капусты и в стеклянной посудине зелено вино (у бедняков горшок с кашей, укутанный в полушубок). Лычко перерубается топором, шуба подхватывается внизу на руки, содержимое в карманах выпивается и поедается. Весь этот обряд имеет, разумеется, символическое значение: зеленые веточки березки, которую хозяин, предварительно обряда ставит в переднем углу вместе с иконой, и зажигает перед ними свечку – служат символом здоровья хозяина и семьи; шуба и овечья шерсть, вместе с ладаном заложенная под матицу, обозначает изобилие всего съедобного и тепло в избе.

Пастухи

Крестьяне обыкновенно выбирают в пастухи человека безземельного, неспособного, по слабости здоровья или по иным причинам, к полевым работам. Но при этом принимается в соображение, что если пастух и немощен телом, то, взамен того, он владеет особой, необъяснимой и таинственной силой, при помощи которой влияет на стадо и спасает его от всяких бед и напастей. Таких необычайных пастухов очень много в лесных местностях. Здесь верят, что они (по словам пастушьего заговора) оберегают скотину от "лютого зверя черного, от широколапого медведя, от пережожего пакостника-волка, рыскуны-волчицы, от рыси и росомахи, от змеи и всякого зверя, и гада, и от злого и лихого человека". Эти заговоры пастухи обязаны знать прежде всего, так как крестьяне придают этому большое значение: если в прежние времена не слышать было на пастухов жалоб, то, стало быть, и заговорные слова говорились ими не на ветер, стало быть, они действительно владели той силой, которая не каждому дается. Нет явных следов, чтобы пастухи знали с лешими или луговыми и прибегали к их помощи, но людская молва и в этих знахарях не прочь подозревать связь с чародеями, а пожалуй, и с самими лешими. По крайней мере, в Олонецкой губернии (Каргопольский уезд) уверены, что для удачной пастьбы опытные пастухи обещают лешему корову или две, так как волков и медведей напускает на стада эта лесная нежить.

От леших, между прочим, запасаются пастухи "спуском", т.е. особым заговором, при помощи которого колдуны отыскивают потерявшееся животное, и сами этими чарами руководствуются.

Когда придет время спускать скот на пастьбу, пастух у всякой скотины промеж

¹ Это тот брус, или балка, который кладется поперек всей избы, и на нем настиляется накат и укрепляется потолок.

ушей и с крестца состригает клочок шерсти и закатывает его в чистый воск¹. Этот шарик он впоследствии прячет под камень, около того места, куда обычно ходит стадо на водопой, и предварительно читает длинный заговор, причем шарик этот держит в одной руке, а в другую берет висячий замок. И сам пастух, и все хозяева крепко верят в охранительную силу этого заговора и настойчиво уверяют, что медведь боится его и перестает давить коров. Кроме этого заговора, перед первым выгоном скота на пастбище производится еще особый обряд "обхода", необходимый для того, чтобы стадо не расходилось летом и не блуждало бы по лесам. Закljučается этот обряд в том, что пастух обходит стадо со свечой, с которой стояли Светлую заутреню. Часть этой свечи он заделывает в свой берестяной рожок и уверен, что на звук такого рожка скот станет сходиться скорее и охотнее, а хищные звери быстрее убежать прочь.

Таким образом, питаюсь лишь кое-какими крохами, оставшимися от трапезы старого язычества, пастушеский быт, в самом корне своем, давно уже подчинился христианским верованиям и обычаям. С того самого времени, когда первые проповедники христианства, увлекшись дешевым созвучием, подменили языческого бога Белеса мучеником греческой церкви Власием, – последний стал защитником рогатого скота подобно тому, как другие мученики римской церкви, Флор и Лавр, считаются покровителями лошадей. На краю городов, непременно у самых выгонов, кое-где и теперь сохраняются древние церкви, освященные обязательно во имя священикомученика Власия. Эти церкви встречаются преимущественно в северных городах, начиная с Холмогор и Вологды, продолжая Костромой, Ярославлем, Псковом и Новгородом и оканчивая самой Москвой и старыми подмосковными большими городами.

Впрочем, по нынешним временам, уже и в глухих местах Пошехонья перестают верить в разные таинственные и загадочные приемы пастухов. Теперь, пожалуй, не только забыли, но и совсем не знают, что для розыска заблудившегося животного надо положить на перекрестке крест из лучинок или палочек, сделанный не руками, а губами, и т.п. Но зато теперь начинают понимать, что магическая сила пастухов, позволяющая им, по желанию, собирать скот в одно место, имеет очень простое объяснение: не жалея нескольких фунтов соли, нынешние пастухи рассыпают ее на одном месте, на какой-нибудь уединенной лужайке и, таким образом, приучают скот не разбивать стада и собираться на указанном месте, при первом же звуке рожка, пощипать вкусной соленой травы.

Неведомая сила

Царь-огонь

Древнее почитание огня, основанное на величайших его заслугах перед человечеством, и в настоящее время не совсем изгладилось из народной памяти. Хотя это теперь лишь обрывки чего-то целого, разбитые и не скрепленные в одну непрерывную цепь, но и по ним с полным основанием можно заключить, что эти обрывки бывшего мирозерцания представляют собой не что иное, как остаток древнего богочитания. Стихия, дающая тепло и свет, снизошла с неба, чтобы разделить свою власть над человеческим родом лишь с другой, столь же могучей стихией – водою, которая ниспадает в виде дождя и снега, образуя на земле родники, ручьи, реки и озера, а в смеси с солями, и моря. Эти последние оказались прямыми и облегченными путями для заселения земного шара, огонь же пришел на помощь для повсеместного распространения и закрепления оседлости

¹ В некоторых местах эту шерсть запекают в хлеб и, накануне выгона, кормят этим хлебом скотину для того, чтобы она ходила вместе, дружным стадом.

человеческого рода на материках. Многоводные русские реки привели первых насельников на обширные, глубокие озера, на берегах которых основались самые первые опорные пункты, послужившие средоточием политической жизни и прикрытиями дальнейшего ее разветвления по междуречьям, в дремучих лесах. Топор и огниво проложили дороги и отвоевали места, удобные для земледелия, а стало быть, и для оседлой жизни. На срубленном и спаленном лесе объявились огнища или пожоги, они же новины, или кулиги – места, пригодные для распашки. Народился на русской земле, в самое первое время ее истории, особый класс поселян-огнищан или "житых людей", хозяев-землевладельцев, крестьян-пахарей; выработался особенный вид крестьянского хозяйства, огневого или кулижного, общего для всей северной лесной России, доживший от времен Рюрика до наших дней¹.

Но, составляя основу человеческой культуры на земле, огонь, вместе с тем, является и истребителем ее: при неудачном и несчастливом применении, он временами проявляет могучую и страшную силу, которая сметает с лица земли все, что попадает ей на пути, и которая заставляла первобытных людей в благоговейном трепете поклоняться огню и умиловать его молитвами и жертвами. Та же сила поддерживает и в современном поколении неизбывное тревожное состояние души, и в этом отношении лесная и деревянная Русь находится даже в особенном, исключительном положении перед прочими странами: она представляет собой как бы неугасимый костер, который, никогда не потухая совершенно, то ослабевает, то разгорается с такой чудовищной силой, что пропадает самая мысль о возможности борьбы с ним; целое море пламени каждый год огненным вихрем проносится из конца в конец по нашей многострадальной земле и без остатка истребляет леса, засеянные поля, деревни, села, города. Выросшие под угрозой этих вечных пожаров, русские люди воспитали в себе наследственный страх перед силой огня; они целыми веками живут под его грозной властью, почти не помышляя о борьбе и только цепenea от ужаса. Впрочем, и то сказать, – русские пожары так грандиозны, что хоть кого приведут в панический страх. Пишущему эти строки приходилось наблюдать один из таких колоссальных пожаров в 1839 г. в Костромской губернии. Это было поистине нечто потрясающее. Потускнело солнце на безоблачном небе в знойную июльскую пору, называемую верхушкой лета, и в самый полдень стало так темно, что надо было зажигать огни.

Прозрачный воздух превратился в закопченное стекло, сквозь которое яркий диск жгучего светила казался кружком, вырезанным из красной фольги, позволявшим безопасно смотреть на себя: не переломляются лучи, не льется животворный свет и не исходит живительная теплота.

То был год страшных местных пожаров. В ста верстах от пожарища чувствовалась ужасающая сила огня-царя и его сокрушительное господство над дремучими лесами. Ясно видны были и трофеи его несомненных побед: дым в подветренной стороне до того сгустился, что перед полуднем начали изменяться цвета предметов; трава казалась зеленовато-голубой, красные цвета стали желтыми. Пепел, а с ним перегорелые листья, затлевший мох, еловые и сосновые иглы переносились через стоверстное расстояние, и дождевые капли, пролетая по воздуху, наполненному пеплом, принимали красноватый оттенок. Народ говорил: "Идет кровавый дождь", и был уверен, что начинается светопреставление. И действительно, в иной день в воздухе, наполненном дымом, трудно было дышать: домашний скот искал спасения в воде и только там получал некоторое облегчение. Люди в страхе

¹ Тот же огонь, который пособил земледелию укорениться в лесах, содействовал в степных местах развитию скотоводства "напуском палов", или искусственных пожаров, осенью или ранней весной выжигающих все луга, пастбища и покосы, чтобы старая трава – ветошь не мешала расти молодой и чтобы попутно сторали зародыши вредных насекомых, до саранчи включительно.

толпились по улицам и боялись входить в дома. Некоторые молитвою и покаянием приготавливались к смерти и встрече антихриста. По лесным деревням мужчины надевали на себя чистое белье, женщины спешили шить себе саваны.

Ужас, повсюду распространившийся и охвативший не только людей, но и домашних животных, в некоторых местах достигал наивысшего предела, где раскаленная огненная стена надвигалась, как плотная военная рать с метким огненным боем. При вое урагана в одном месте вспыхнуло – это порыв ветра перебросил галку (горящую головню) или огненный шар (свившуюся, скрученную жаром пылающую лапу, оторванную бурей от ели), – вспыхнуло, стало быть, загорелось свежее место; примолкло – значит разгорается, дунул новый порыв ветра – раздул огонь в пламя. Оно своим треском, шипеньем, свистом и визгом дает знать о том, что вошло в полную силу и стало неудержимым. Теперь оно понесется все вперед и вперед, на громадных расстояниях сметет с лица земли все, что попадется навстречу. Один очевидец пробовал описать это поразительное зрелище, и мы с его слов постараемся дополнить картину лесного пожара.

Лесной пожар.

"При грозе, в сухие годы, жарким днем в глухом чапыжнике или на бору, заваленном валежником, вид обширного лесного пожара бывает поразительно величествен. Напирающая по ветру грозная стихия сплошным пламенем пожирает на пути своем весь сухой вереск, валежник от ветроломов и разных лесных промыслов, сухой мох, торф, стоячие сухары и самые сучья свежих деревьев. Сплошное пламя взлетает по ним, как истинный Змей Горыныч, с неимоверною быстротою. Этому способствует раскаленная атмосфера, предшествующая пожару и иссушающая хвою и листья зеленых деревьев от макушки до половины дерева гораздо раньше, чем пламя подступит под пни корчащихся, трещащих и обливающихся смолой сучьев. Прибавьте к этому вой урагана, завывание волков и других зверей, спасающихся от гибели, раскаты грома, блеск молнии, озаряющей мглу небесную. Стонут падающие исполины, пламенными радиусами рассекающие воздух. Дым клубится мгlistыми, багряно-синими, кроваво-красными волнами. Кипят и пылают смоляные фонтаны, тончайшими струйками бьющие из каждого излома лопнувшей коры огромных хвойных мачтовиков. Пожирает громадные ребра необъятных костров (ветроломов), нагроможденных в хаотическом беспорядке исполинскими грудками в десяток и более сажен вышиною, в несколько десятков верст протяжения и в сотню сажен поперечника. И не в пожар костры эти могут привести ночного путника в содрогание, представляя нередко самые фантастические образы фосфорическим светом

своим, но в это время они просто ужасны".

Этот лесной пожар (того же 1839 г.), охвативший девять уездов двух смежных губерний (Костромской и Нижегородской), начавшийся 29 июля, потух лишь 5 сентября, когда выпал глубокий снег. В некоторых местностях удалось ослабить свирепость огня, а в иных и вовсе остановить яростный напор его искусственными мерами: зажигали "встречный пожар" из заранее приготовленного горючего материала, сваленного около проездных дорог и нарочно вырытых канав. Их оберегали рабочие, вооруженные метелками из свеженарубленных длинных березок. Ползучий огонек в подготовленных небольших кострах из сухого мха, лапок и шишек сначала бессилен, но затем начинает шириться против ветра и ползет навстречу коренному пожару. На пути своем намеренно вызванное пламя уничтожает все то, что могло бы служить пищею грозно наступающему врагу. "По мере расширения своего, — говорит один из очевидцев, принимавших участие в тушении пожара в заволжских лесных чащобах Макарьевского уезда (Нижегородская губерния), — и по мере согревания атмосферы, искусственный огонь становится сильнее и сильнее. Пройдя несколько десятков сажен, он сам уже делается пожаром и стремится все быстрее и быстрее навстречу противнику, несмотря на противодействие ветра, который лишь определяет направление отрываемых горящих лап и путь коренного пожара, идущего по свежим, не отоженным местам. Ветер, вызванный движением пожара, не может помешать медленному расширению встречного пламени, ползущего с травки на травку, и только лишь замедляет его в наступательном действии. Наконец, искусственный пожар вступает в палящую огнедышащую атмосферу гонимого ветром настоящего пожара и яростно бросается навстречу ему. Бой по всей линии оглашает окрестность по мере скопления противных сил. Эти мгновения бывают торжественны! Тут чудятся и артиллерийские залпы, и взрывы, и пламенные, зубчатые строи лесных великанов, напирающих друг на друга и борющихся всеми крутыми жаром, переплетенными своими ветвями. Пламя вздымается стена на стену и, при страшных порывах, проявляет мгновенно исчезающие смерчи или столбы клубящегося огня, винтом взвивающегося к небу. После этой общей схватки, где рухнул не один величавый титан, презиравший ярость всех ураганов, — все затихает. Пламя садится, и смрад, не сжигаемый им, покрывает окрестность, чадит, ест глаза и стелется низом во мраке: одни необъятные груды ветроломных костров долго пламенеют еще в смрадном чаду и, от времени до времени садясь и рушась, извергают миллионы искр, исполинскими фейерверочными снопами рассыпающихся над пожарищем." Картина из грозно-величественной делается грустною, тяжелой и печальною, как после битвы. В особенности грустны, тяжелы и печальны последствия таких роковых явлений, когда им предшествует засуха, и сопровождает их подъем из болот вредных испарений, от которых начинаются падежи скота и повальные болезни на людях. В таких случаях суеверные пророчества о новых предстоящих бедствиях обыкновенно усиливают сердечную тоску и душевные тревоги среди обездоленных и угнетенных. Естественно, что под влиянием подобных устрашительных явлений природы мог свободно укрепиться культ почитания огня; этот культ выразился у славян в поклонении Перуну, а у соплеменной Литвы — в почитании Знича. Но начало его восходит ко временам доисторическим, когда древний человек, пораженный зрелищем молнии и грома, обоготворил это явление природы и тем положил начало поклонению огню, которое сохранилось и до наших дней. В Вильне и теперь могут указать то место, где горел вечный огонь и жил жрец, его охранявший, а по всему северо-западному краю великорусская "моланья", молатка (молния) зовется не иначе, как "Перуном" (ударение на первом слогѣ). Это мгновенное освещение тучи и неба огненною струею повсюду среди славянских племен признается небесным огнем и издревле называется священным, причем если гром ударит в человека или в строение, то никто не станет их спасать, считая это сопротивлением воле Божией. Предрассудок этот распространен как в целой Литве, так и в Белоруссии, и понятно, что он порожден ве-

рою в Перуна. Тот же предрассудок можно наблюдать и в Великороссии: если молния зажжет строение, то крестьяне считают это Божиим наказанием, ниспосланным свыше. Противиться ему невозможно, но надо воспринимать с чувством умиления и благоговейной покорности; точно так же людей, убитых молнией, многие считают святыми.

Между прочим, из Ярославской губернии были получены такие сведения: "Кто умоется водой во время первой грозы, тот в течение целого года не будет хворать никакой болезнью". Средством, предохраняющим человека и его имущество от губительного действия молнии, является тот же огонь: следует держать в доме голую с пожара, происшедшего от молнии, но когда молния опять причинит пожар, то пламя можно тушить не иначе, как исключительно одним молоком. Последний предрассудок еще настолько распространен, что его можно считать общим для всего женского населения России. Не хватает молока – заливают квасом, но отнюдь не водой. От воды-де такой огонь только больше разгорается. Существует и другой предрассудок (вполне, впрочем, невинный), к которому точно так же прибегают при тушении пожаров, происшедших от молнии: в костер пожара бросают яйцо, так называемое "первохрестное" (им первым привелось похристосоваться), в предположении, что только им одним можно затушить пламя (верят также, что если бросить яйцо против ветра, то можно отклонить в ту сторону направление пламени).

Когда в христианской Руси этот небесный огонь из глиняных рук Перуна передан был в незримую длань библейского пророка Илии и подковы копыт огневидных коней его, вместе с огненными колесами пламенной колесницы, начали выбивать искры и производить гром, – явилось верование, что властная рука всехвального пророка мечет на землю молниеносные стрелы, чтобы разить насмерть злых духов, враждебных человеку. Ведая про то, злые, но трусливые бесы в неописуемом смятении мечутся по земле, отыскивая себе надежные места для защиты. Обыкновенно скрываются они в жилых и нежилых строениях, вскакивая через открытые двери и окна и влетая через печные трубы и всякого рода отверстия. Столь же нередко спешат они укрыться в густой хвое, в тени развесистых листьев деревьев, за всяким подходящим прикрытием. В числе последних самыми надежными, вполне безопасными считаются в блудливом бесовском сонме живые люди, застигнутые под открытым небом на лошади или в телеге, так как небесная огненная стрела находит виноватого всюду и разит без разбора, убивая из-за бесов и людей (бесы вполне безопасны от ударов молнии лишь в чистом поле на межах). Илья, впрочем, знает невинность того человека, которого избрал дьявол себе для защиты, и жалеет Божье создание, хотя в то же время твердо убежден, что все равно тот человек, в которого успел вселиться дьявол, погиб бы, так как злодей не покинет своей жертвы уже во всю жизнь и, рано или поздно, заставит потонуть или повеситься. Илья – усердный Божий помощник в борьбе с нечистой силой – не только не враг человеческому роду, но радетель и старатель за православный люд; убивает он избранного как случайную жертву, в уверенности, что Бог милует и приемлет таких несчастных, удаляя их Царства Небесного, так как они явно сослужили полезную службу людям своей смертью, которая, вместе с тем, вызвала одновременно и смерть злого духа. Вот почему для заграждения себя от дьявола, кроме общепринятого обычая крестить рот при зевоте, издревле установилось благочестивое правило налагать на себя крестное знамение и при всякой вспышке молнии со словами самой простой молитвы: "Свят, свят, свят".

Осторожные хозяева в деревнях предусмотрительно соблюдают все, что указывается вековыми обычаями, зародившимися в глухие и давние времена безверия, чтобы обезопаситься от беса, не допустить его прятаться в избе и тем подвергать ее в грозное время опасности пожара.

С этой целью опытные, пожилые деревенские хозяйки советуют: "Во время грозы нельзя быть с растрепанными волосами, в подоткнутом платье – много места тут

укрывать анчутке-беспятому (бесу). Всякую посуду в избе надо опрокинуть, если она пустая, налитую следует поспешно закрестить. Не надо в голове искать: не одну такую бабу стрела забила насмерть, других же оглушила". Полезно также держать на чердаке громовую стрелу или чертов палец (белемнит, скипевшийся или вообще сплавленный ударом молнии песок). В последнее средство слепо веруют все поголовно, и, найденный на песчаных берегах речек, этот конусообразный камень в виде пальца бережно прячут и тщательно хранят. Но всего полезнее держать пост, особенно в Ильинскую пятницу, или мазать молоком косяки дверей и окон; полезно также вывешивать за окно полотенце с покойника. Если же бес не побоится ни того, ни другого, то, наверное, не устоит он перед горячей свечкой, с которой молились в Страстной четверг на "стояниях", когда читались 12 евангелий Господних Страстей. Хороши и пасхальные, а того лучше богоявленские свечи, — уверяют богомольные деревенские люди, не раз применявшие этот способ на деле с видимым успехом.

— Громовых стрел два сорта; от огненных происходят пожары, а каменные или чугунные убивают людей, расщепляют деревья, — толкуют словоохотливые деревенские старушки, и каждая из них, на случай грозы, припасает ладан, чтобы посыпать его на уголья в печной загнетке или на раскаленную сковородку, так как "черт ладану боится".

Кроме "небесного" огня, великую силу имеет также тот сорт огня, который обычно называется "живым".

Крутили мужики около палки веревку: веревка загорелась. Приняли огонь на сухую смоленую спицу — развели костер. Разобрали огонь по домам и старались его долго поддерживать. Очень его ценили и почитали, потому что это был именно "живой огонь", из дерева вытертый, свободный, чистый и природный. Вологодские мужики сняли колосники (жерди) с овина, изрубили их на части и также терли, пока те не загорелись; огнем таким разожгли они костры: один на улице, другой в скотском прогоне, третий в начале поскотины и четвертый в середине деревни. Через второй костер перегнали они весь скот, чем и воевали с сибирской язвой.

Вообще, как мера борьбы с болезнями, живой огонь в большом употреблении. В одной деревне, например, умирал народ от тифозной горячки, и крестьяне, чтобы избавиться от нее, задумали установить праздник, положив чествовать Николу Угодника. Собрались они всей деревней, от мала до велика, и положили тушить в избах все огни до последнего уголька, для чего залили все горнушки (печурка, загнетка, бабурка и проч.). При этом мужики строго-настрого наказывали бабам не сметь топить печей, пока не будет приказано, а сами притащили к часовне два сухих бревна, прикрепили к одному рукоятку, как у пилы, и стали тереть одно бревно о другое. Но на этот раз как ни бились, ничего не вышло: бревна нагрелись, даже обуглились, а огня не появилось. "Значит, — заключили крестьяне, — не указ: Богу не угодно. Надо попробовать в другое время!" И порешили устроить праздник в третье воскресенье после Пасхи. Снова принялись за бревна — огня добывать. На этот раз промеж бревнами, в щели, вспыхнулось как бы малое-малое пламя и огонек обозначился. Подхватили его на сернички¹, подложили огонь под костер, разожгли, — стали через огонь прыгать по-козлиному, а стариков и малых детей на руках перетаскивали. Разнесли потом огонь по домам; затопили печи; напекли-нажарили. Затем подняли иконы, позвали священника, пригласили всех духовных: стали молиться. За молебном начали пировать, безобразить в пьяном виде на улицах и бесчинствовать до уголовщины: соседку помещицу за то, что она не послушалась мирского приговора и затопила печи, не

¹ Первые спички были тонкими щепочками с кончиками, пропитанными обыкновенной чистой серой. Зажигались они не путём чирканья, а путём соприкосновения с тлеющим трупом, и служили для облегчения процесса разжигания огня с помощью трута и огнива.

дождавшись общественного огня, наказали тем, что выжгли всю ее усадьбу — с домом, службами, хлебными и всякими запасами.

Все подобные священнодействия, переданные народу по прадедовскому завещанию, предпринимаются, главным образом, ввиду защиты себя и домашнего скота от повальных болезней. Там, где эти падежи часты, как, например, в Новгородской губернии, для вытирания живого огня устраивается даже постоянное приспособление в виде машины, так называемый "вертушок". Два столба врыты в землю и наверху скреплены перекладиной. В середине ее лежит брус, концы которого просунуты в верхние отверстия столбов таким способом, что могут свободно вращаться, не перемещая точки опоры. К поперечному брусу, одна против другой, приделаны две ручки, а к ним привязаны крепкие веревки. За веревки хватаются все миром и среди всеобщего упорного молчания (что составляет неременное условие для чистоты и точности обряда) вертят брус до тех пор, пока не вспыхнет огонь в отверстиях столбов. От него зажигают хворостины и подпаливают ими костер. Как только последний разгорится, все бросаются к стаду, которое еще накануне священного дня было сбито в табун и выгнано в поле к ручью, и затем, не пропустив ни одной животины, перегоняют всех через огонь. А чтобы вера в очистительную силу этого огня стояла в деревне крепче, по обеим сторонам костра выкапывают две ямы: в одну зарывают живую кошку, в другую собаку, — этим отнимают у чумных оборотней силу бегать по дворам кошками и собаками и душить скотину. Этот обычай окуривания практикуется и в Олонецкой губернии (например, в Петрозаводском и Лодейнопольском уездах), где он является в форме строго обязательного карантинного обряда, с тем различием, что в одних местах костры зажигаются обыкновенными спичками, в других стараются добыть из бруска живой огонь¹.

Вертушок для добывания огня.

Уверовав в скрытую, таинственную силу живого огня, крестьяне, вместе с тем, не теряют благоговейной веры в мощь и влияние всякого огня, каким бы способом он ни был добыт. Коренной русский человек, с малых лет приглядывающийся к родным обычаям и привыкший их почитать, не осмелится залить или плюнуть в огонь, хотя бы он убедился на чужих примерах, что за это не косит на сторону рот и виноватые в этих поступках не чахнут и не сохнут. Точно так же те, которые придерживаются старых отеческих и прадедовских правил, не бросят в затопленную печь волос (чтобы не болела голова), не перешагнут через костер, не сожгут в нем экскрементов человеческих (из боязни корчей и судороги тем людям). Почтение к огню во многих местностях Великороссии (а в Белоруссии по-

¹ Маленький брус кладется на порог избы. Пять человек берутся за другой, больший, и начинают пилить как пилой; добытый огонь принимают на трут, а с него уже на сернички.

всюду) доведено до того, что считают великим грехом тушить костер на полях, теплыни на ночном и т.п., предоставляя самому огню изнывать в бессилии и тухнуть. Оберегая огонь от набросов нечистот, сжигают в печах сметенный сор и не выносят его вон, не выбрасывают через порог, чтобы не разнесло ветром и чтобы недобрый человек по нему, как по следу, не наслал порчи. При наступлении сумерек огонь зажигается всегда с молитвой, и если при этом иногда начнут ссориться между собою невестки, то свекровь говорит:

- Полно вам браниться, удержите язык, аль не видите, что огонь зажигают? И ссора прекращается, перебранка смолкает.

- Огонь грех гневить - как раз случится несчастье, - говорят крестьяне, вспоминая известную легенду, предостерегающую от перебранок при зажигании огня. Вот эта легенда, или, вернее, нравоучение: "Зажглись на чужом дворе два огня и стали между собою разговаривать:

- Ох, брат, погуляю я на той неделе! - говорит один.

- А разве тебе плохо?

- Чего хорошего: печь затапливают - ругаются, вечерние огни затепливаются - опять бранятся...

- Ну, гуляй, если надумал, только моего колеса не трогай. Мои хозяева хорошие: зажгут с молитвой и погасят с молитвой.

Не прошло недели, как один двор сторел, а чужое колесо, которое валялось на том дворе, осталось целым".

Когда на Руси появилось христианство, оно хотя и ломало коренные народные обычаи, но в то же время зорко присматривалось к наиболее упрочившимся пред-рассудкам и старалось осторожно обходить их. Поэтому и огонь, издревле почитаемый русскими людьми, оно приняло под свое священное покровительство. Провозвестники нового учения оценили в огненной стихии ее очистительное начало и, угождая всеобщим верованиям, признали в нем освящающую силу. В таком смысле внесли слово "огонь" и в молитвенные возношения, поставив его, с изумительным дерзновением, неизмеримо высоко: наравне с дарами Св. Духа. Несколько веков стояло это слово в церковных требниках не на своем месте и произносилось в возгласах при освящении воды в навечерие Богоявления: "Сам и ныне Владыко, святив воду сию Духом Твоим Святым и огнем", пока не догадались, что это явная и грубая ошибка, противная коренному смыслу христианского вероучения. Так было до 1626 г., когда духовному люду привелось твердо убедиться в том, что этого придатка нет в тех греческих богослужебных книгах, с которыми приведены все "обиходы" церковные. Поэтому в богатых церквях велено было отобрать те требники и заменить их исправленными, а в бедные приходы, которым было не по силам покупать новые и дорогие книги, приказано было ехать поповским старостам (нынешним благочинным) и то предательское слово зачернить, замазать, заклеить бумажкой. Самим же священникам указом предписано этого "прилога не говорить". Указ был исполнен в точности, без всякого прекословия, и только не налаживалось дело у стариков священников, которые по закоренелой привычке продолжали говорить это слово и, спохватившись, оправлялись и досадовали на себя, делая беспокойные телодвижения. Кончилось тем, что на эти случаи свидетели поповских неудач приладили к старой поговорке новый "прилог" - стали говорить: "Грех да беда на кого не живет - огонь и попа жжет". И, кроме того, шулки ради, стали укорять виноватых в обмолвках попов при честном народе: "На воду глядит, а про огонь говорит". Справедливость требует, однако, заметить, что далеко не везде исправление священных книг окончилось столь мирным и безобидным образом. В центре России оно вызвало недовольство, и в Москве, например, исключение из молитвы лишнего слова произвело неожиданное смятение. Из скромных келий монастырских дело книжных справщиков вынесено было на шумные городские площади и попало на суд и осуждение всякого праздного сброда. За старое и ненужное слово заступились убежденные суеверные люди, ко-

торые населяли окрестные городские слободы, занимаясь ремеслами, и те, которые торговали в самом центре города. К ним пристала и беспокойная голытьба, шатавшаяся без дела по площадям и улицам. И вот в базарной толпе пронесся страшный слух: "Появились-де на Москве еретики, которые хотят огонь из мира вывести". Известием этим особенно встревожились ремесленники, более прочих нуждающиеся в огне для работ.

– Выйдет указ, по еретическому наущению, погасить огни – и погасят, – уверенно говорили бывалые люди из кузнецов, оружейников, серебрянников, царских поваров и проч.

Наколдует еретик своим дьявольским наваждением – и самые огни на земле погаснут, – толковали промеж себя наиболее суеверные.

А в торговых рядах и на площадях им поддакивали:

– Огонь, как и вода, очищает всякую скверну. В огне Сам Господь являлся людям и говорил с ними. Огонь нисшел с небеси: кто такой дерзкий осмелился его уничтожить?

Первым заметил в книгах ошибку и первым решился исправить ее знаменитый архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий, незадолго перед тем содействовавший убедительными воззваниями своими ко всему православному русскому люду – спасению отечества от внутренних смут и нашествия чужеземцев. Ему поручено было исправление книг, испорченных неграмотными переписчиками и невежественными справщиками, но один из них сделал на архимандрита донос, весь смысл которого сводился к тому, что архимандрит-де подлинный еретик, не исповедующий Духа Святого, "яко огонь есть". Крутицкий митрополит Иона, человек ума невысокого, образования малого, характера слабого, управлявший церковными делами за отсутствием патриарха Филарета, еще томившегося в плену у поляков, – доносу поверил. Когда слух о мнимом еретичестве троцкого архимандрита достиг до келий Вознесенского монастыря, где жила инокиней мать царя, начали суд и дело. В царицыных кельях допрашивали заподозренного с двумя его товарищами-справщиками. На допрос главного виновника старались водить через весь город, среди враждебно настроенной, грубой и дерзкой толпы. Водили Дионисия на посмеище, хотя и в монашеском одеянии, но в рубище и цепях, а чтобы еще резче выделить его из толпы, иногда сажали на клячу без седла. Суеверы из невежественных ремесленников и торговцев с нескрываемою злобою бросались наносить ему всякие оскорбления: иной швырял палкой, другой подбегал вплотную и плевал в лицо. На людных местах летели в него комья грязи и кала, сыпался песок, выливались помои. Праведный старец, убежденный в своей правоте и людском неведении и заблуждениях, все оскорбления переносил без ропота и жалоб. Если замечал в озлобленной толпе знакомые лица, то ласково им улыбался. Когда грозили ему заточением, ссылкой в дальние Соловки, требуя отречения от исправы слова, он кротко отвечал судьям: "То мне и жизнь! Я этому рад!".

Тем временем (в 1619 г.) вернулся царский родитель, Филарет Никитич¹, и взял все это дело в свои мощные руки. Между прочим, он спрашивал Иерусалимского патриарха, приехавшего в то время в Москву за милостыней:

Есть ли в ваших греческих книгах прибавление – "и огнем"?

– Нет. И у вас быть тому не пригоже!

Списался Филарет с прочими вселенскими патриархами и получил ответ. Тогда Дионисий был оправдан и вместе с товарищами возвратился в монастырь, сохранив за собой прежнее звание настоятеля.

Кроме живого огня, русские люди придают большое значение так называемому "освященному огню". Это огонь, вынесенный из церкви после великих священно-

¹ Отец Михаила Фёдоровича Романова (1596–1645) – первого русского царя из династии Романовых. Был возведен в сан патриарха Московского с титулом «великого государя», правил вместе с сыном вплоть до своей смерти в 1633 г.

действий и в это время как бы получивший особенную силу и исключительную благодать. В Великий четверг, после чтения Страстей, благочестивые люди несут из церкви зажженные свечи, с которыми стояли в торжественные моменты важнейших богослужений. Причем важное значение придается не только огню, но даже свечам. Так, "венчальная свеча" зажигается при трудных родах и иногда ставится в изголовье умирающих, в расчете на то, чтобы скорее кончились страдания. "Пасхальная свеча", по влиянию и благодати равносильная с прочими, имеет громадное значение для пастухов, у которых будет сохранно стадо, если в рожок закатан будет воск от этой свечи. "Богоявленская и четверговая свечи", кроме защиты во время грозы, имеют еще особые свойства: первая, как и венчальная свеча, помогает в родах и при смерти, вторая владеет могучею силою уничтожать чары колдунов и лечит лихорадки; ею выжигают на косяках дверей и окон кресты, чтобы злые духи не посещали жилище. Затем, всякая свеча, побывавшая в храме и там купленная, обладает магическою силою при разных случаях, перечисление которых, по многочисленности, было бы утомительно.

Признавая за огнем целебную и предохранительную силу, наш народ, в то же время, сохранил уверенность, что священный огонь имеет и множество других, полезных для человека, свойств: чем, например, наказать непойманного вора, ловко ускользнувшего и сгоронившего концы? Для этого надо взять восковую церковную свечу, известную всюду под именем "обидящей" ("за обидящего"), и прилепить перед образом оборотным концом для того, чтобы, подобно свечке, стоящей нижним концом вверх, Господь, таким образом, поворотил душу врага, навел на неизвестного вора такую тоску, чтобы тот раскаялся и возвратил украденное. Еще дальше пошли те суеверные фанатики, которые приготавливают свечи из человеческого жира, в расчете, что такая свеча делает обладателя ее невидимым. Вера в эту свечу-невидимку до сих пор так велика, что люди добровольно обрекают себя на законную кару за разрытие могил. Не менее суеверен и другой обычай – "отогревание покойников". По некоторым сведениям, он состоит в том, что тело усопшего, накрытое простыней и положенное на железную решетку, подогревается снизу костром из березовых дров (отнюдь не сосновых и не осиновых, так как на осине Иуда задавился). Обычай этот соблюдается лишь раскольниками и притом тайно и непременно ночью.

Последние два обстоятельства: тайна, не поддающаяся проверке, и указание на раскольников как на виновных в такого рода суеверии – дают право глядеть на это сообщение как на злую сплетню, так как на раскольников, как на мертвых, привыкли взваливать все, что угодно. Но с другой стороны, способы поминания усопших родителей чрезвычайно разнообразны, и один из них действительно называется "греть родителей". Практикуется он во многих местах (между прочим, в Тамбовской и Орловской губерниях) и состоит в том, что в первый день Рождества среди дворов сваливается и зажигается воз соломы, в той слепой уверенности, что умершие в это время встают из могил и приходят греться. Все домашние при этом обряде стоят кругом в глубоком молчании и сосредоточенном молитвенном настроении. Зато в других местах около этих костров, взявшись за руки, весело кружатся, как в хороводе на Радунице (во вторник на Фоминой неделе).

В массе суеверий, не поддающихся никаким влияниям и внушениям и уживающихся рядом с христианскими верованиями, выделяется одно, где огонь также играет влиятельную роль и где поразительна именно живучесть обмана и его повсеместное распространение. Это бабьи рассказы о "Летучем" (он же и "Налетник" или "Огненный Змей"), являющемся в виде сказочного чудовища – достойного соперника храбрых и могучих богатырей, "Змея Горыныча", превратившегося в удалого доброго молодца – женского любовника.

Многие женщины, особенно в местах, живущих отхожими промыслами, передают священникам на исповеди, что их отсутствующие, а часто и умершие мужья являются к ним въяве и спят с ними, т.е. вступают в половое сношение. Сплошь и

рядом не только вдовы, но и замужние женщины, войдя в доверие с любознательными школьными учительницами, охотливо рассказывают им о своих похождениях подобного рода со всеми мелкими подробностями. Изучающим деревенский быт или наблюдающим его по обязанности соседства часто доводится получать указания даже на те избы, куда летят огненные змеи, и на тех женщин, с которыми они находятся в плотском сожитии.

Рассказы подобного рода чрезвычайно распространены, причем бросается в глаза удивительное однообразие частностей этого явления и его печальных, нередко трагических последствий.

Хотя самая основа этого стойкого поверья лежит, несомненно, в существовании того явления природы, которое называется "огненными метеорами", но в глазах темного люда оно получило вид и характер верования в нечистую и злую силу. Иконография успела даже закрепить в представлении молящихся этих уродливых крылатых и хвостатых чудовищ, изображая их в виде змеев, дышащих пламенем и несущих на своих хребтах женщин, обреченных на гибель или влекомых на соблазн.

Изображение огнедышащего змея в иконографии.

У огненного змея голова шаром, спина корытом и длинный-предлинный хвост — иногда до пяти сажен. Прилетая на свое место, он рассыпается искрами, которые вылетают как бы из решета, а летает он так низко, что бывает виден от земли не свыше сажени. Посещает он исключительно таких только женщин, которые долго и сильно тоскуют об отсутствующих или умерших мужьях. Самое же посещение, по словам одной простодушной орловской бабы, происходит следующим образом: "Умер у меня старик, а я и давай тосковать: места себе не нахожу. Так вот и хожу, как оголтелая. Вот ночью сижу у окна и тоскую. Вдруг как осветит: подумала я пожар — вышла на двор. Гляжу, а старик-покойник стоит передо мной: шляпа черная, высокая, что носил всегда по праздникам, сапоги новые, армяк длинный и кушаком подпоясан. С той поры и начал ходить".

Самого посетителя сторонним людям не видно, но в избе слышен его голос: он и на вопросы отвечает, и сам говорить начинает. Сверх того, посещения его за-

метны и потому, что возлюбленные его начинают богатеть на глазах у людей, хотя в то же время всякая баба, к которой повадился змей, непременно начинает худеть и чахнуть (говорят: "полуночник напущен"), а иная изводится до того, что помирает или кончает самоубийством (все случаи женских самоубийств приписываются змею). Есть, впрочем, средства избавиться от посещения змея. Состливая и стыдливая баба спохватится и обратится к колдуньям за советом, а уж те укажут, как узнать, кто по ночам приходит: настоящий ли муж, или сам нечистый. Для этого они велят в то время, как избранница сидит за столом с огненным змеем и угощается всем, что он приносит и выставляет, уронить со стола какую-нибудь вещь и затем, поднимая ее, наклониться и поглядеть; не копытами ли ноги, не видать ли между ними кончика хвоста? Если затем окажется, что прилетевший змей подлинно черт, то, чтобы избавиться от него, надо сесть на пороге, очертиться кругом, расчесать волосы и в то же время есть коноплю. Когда же змей спросит: "Что ешь?" — надо отвечать: "Вши". Это ему столь не по нутру, что он "попихнет в бок или больно ударит, но с того случая больше летать не станет"¹.

Ходят повсеместно слухи о том, что от огненных змеев женщины рожают детей, но, большей частью, недолговечных ("как родился, так и ушел под пол") или прямо мертвых. Рождение уродов, точно так же, приписывается участию змея, причем бабки-повитухи, которые ходили принимать таких детей, зачатых от нечистой силы, рассказывают, что дети рождаются "черненькие, легонькие, с коротеньким хвостиком и маленькими рожками". На помощь и как бы в поощрение таким верованиям прибегают и шатающиеся по деревням странники. Они, от всех подобных проказ нечистой силы в образе огненных змеев, пишут на бумажках сорок раз псалом "Да воскреснет Бог" и велят надеть на крест и носить не снимая.

Устойчивость верований в огненных змеев, а тем более живое и наглядное олицетворение их, несомненно, находится в связи с тем представлением, какое существует вообще о происхождении самого огня. Здесь разнообразие народных воззрений, резко расходящихся между собою, явно свидетельствует о том, что к первобытным понятиям уже успели примешаться те новые, которым довелось вступить в открытую борьбу с языческой стариной. Но победа еще далеко впереди, а пока на боевом поле обе враждующие стороны обнаруживают достаточно сил и стойкости.

Наиболее господствующее убеждение заключается в том, что первый огонь изобрели бесы в то самое время, когда они были изгнаны с неба. При этом рассказывается легенда о том, как Бог со св. Петром и Павлом ходил по земле и неожиданно увидел костер, разведенный и охраняемый бесами. Бог приложил палочку, и, когда она загорелась, бесы вздумали ее отнимать. Тогда Господь ударил этой палочкой о камень, полетели искры, и с той поры люди узнали, как добывать огонь из камня. Так думают в Малороссии, где эта легенда общеизвестна. В решительном противоречии с ней находится великорусская легенда, свидетельствующая, что огонь дан людям Самим Богом, который ниспослал его с небес на помощь первому человеку, по изгнании его из рая, когда человек очутился в безвыходном положении и не знал, как готовить себе пищу. Бог послал молнию, которая расколола и зажгла дерево, и таким образом показал способ добывания столь чтимого и признаваемого святым "живого огня". Другие легенды стараются

¹ Слепая вера в существование огненного змея, приносящего золото и вообще доставляющего богатства, доведена до того, что существует даже способ добычи этого змея вживе. Для этого следует достать "спорышок", т.е. маленькое уродливое яичко, суеверно признаваемое за петушиное (в нем один желток и нет белка), и носить его шесть недель под левой под мышкой и, когда вылупится змей, то надо на ночь лечь спать в нежилой избе (например, в бане). Во сне черт передаст этого змея в услуги смельчаку на определенный срок и при известных условиях. Тогда отогретый змей начнет носить деньги.

примирить оба начала, признавая два огня: адский и небесный, а одна из легенд говорит, что до первого греха первых людей огня на земле не было. После же грехопадения отворились адские ворота, и пламя вырвалось оттуда и появилось на земле, чтобы причинять людям вред пожарами, обманывать вспышками на местах кладов, смущать огневидным появлением на воздухе самих бесов в виде крылатых змеев и т.п. Кроме адского огня, был послан с неба и тот огонь, которым зажигались жертвы, приносимые Богу, и устранялись многочисленные бедствия в виде различных болезней, от которых страдали люди и домашние животные. Теперь (свидетельствует один из наших корреспондентов, со слов верующих) тот и другой огонь смешались вместе, и их не различишь. Но несомненным считается лишь то, что на болотах огни зажигают водяные, чтобы заманивать и топить неосторожных путников; на кладбищах огонь горит над могилами праведных людей; на местах кладов зажигают огонь для обмана легковверных охранители зарытых сокровищ "духи-кладовики". И все-таки остаются неразрешенными вопросы: каким огнем сжигается Масленица, через какой огонь прыгают в Купальскую ночь? И здесь, несомненно, лишь одно, что в Святую ночь, называемую также и светлую, по всему громадному пространству св. Руси около храмов зажигаются костры, а в окнах жилищ лишние свечи, во славу Воскресшего Господа, показавшего нам свет.

Вода-царица

Еще на заре человеческой истории люди отчетливо сознавали великое значение водной стихии. Это подтверждает и мифология всех стран и всех народов, и позднейшие философские системы древних, которые при всей их наивности все-таки успели установить один незыблемый принцип: как без огня нет культуры, так без воды нет и не может быть жизни.

Сообразно с таким пониманием мировой роли воды, языческие народы всех времен неизменно обоготворяли эту стихию как неиссякаемый источник жизни, как вечно живой родник, при помощи которого оплодотворялась другая великая стихия — земля.

Позднее, с распространением христианства, вера в божественное происхождение воды хотя и умерла, но на обломках ее выросло убеждение в святости и в чудодейственной силе этой стихии. Замечательно при этом, что убеждение в целительных свойствах воды разделяется, наряду с христианскими народами, и магометанами, и евреями, и почти всеми представителями современного язычества.

Пишущему эти строки привелось как-то посетить один из крымских монастырей, привлекавший тысячные толпы богомольцев. Монастырь славился своим бассейном-купальней, погружаясь в который больные, по словам монахов, получали исцеление.

Эта разделенная на две половины, мужскую и женскую, купальня достаточно просторна была для того, чтобы в ней одновременно могли погружаться в воду около десяти человек. Она наполнялась водою из того родника, который подле выбивался из-под отрога Яйлы.

При самом выходе из скалы целебного родника, под часовенным навесом, находится колодец, из которого запасаются водой для домашнего пользования. Над ним служат молебны, и здесь же даже мусульмане у выручки покупают восковые свечи и поручают передавать их в церковь. В другой раз пишущему эти строки случилось побывать в урочище, называемом "Черный Ручей" (в верстах 2-3 от Мстиславны Могилевской губернии). Сюда некогда, во времена борьбы православных братств с униатами, устраивался крестный ход братчиков, теперь оставленный. Ближе ручья, почти в самом городе, находится родник, называемый "Здоровец", с отличной ключевой водою, почитаемой целебной. "Черным" назван ручей за то, что в нем накапливается и оседает достаточное количество грязи, которою больные мажут себе глаза, получая облегчение. К такому средству прибегают

не только окрестные православные и католики, но едва ли не чаще и охотнее прочих евреи, часто страдающие всякими глазными болезнями.

Если перенесем наши наблюдения выше, на север, то и здесь найдем немало таких же прославленных родников, привлекающих толпы богомольцев. Например, в 5-7 верстах от реки Меты, возле погоста, называемого "Пятницей", из-под пригорка бьет сильный родник, скапливающий в колодезном срубе воды столько, что можно тут искупаться. Родник этот прославился бесчисленными случаями чудесного исцеления больных, и ежегодно, в 10-ю пятницу после Пасхи, здесь устраиваются крестные ходы. Высоко над толпою вздымаются носилки с большою киотою, в которую поставлено деревянное изваяние иконы св. Параскевы-Пятницы, несомое над головами народной толпы, длинной цепью склонившейся на коленях. Пелена, висящая на иконе, признается также лечебною, и ею обтирают лица и глаза. (Торговля удачно приладилась и здесь, по крайней мере, ярмарка из года в год с нетерпением ожидается не только окрестными жителями из Боровичского уезда, но и отдаленного Тихвинского).

Довольствуясь на этот раз тремя указаниями, почерпнутыми из личных наблюдений, мы оставляем в стороне другие сообщения, доставленные из каждой губернии, главным образом потому, что они однородны и слишком многочисленны. При том же и в этих трех указаниях достаточно ярко выражается древняя, присущая не одному православному люду слепая вера в родники и почтение к ним, не как к источникам больших рек-кормилиц, а именно как к хранителям и раздавателям таинственных целебных сил. Это одно из наследств седой старины, но из разряда таких, которые наиболее усердно оберегаются и, несмотря ни на какие соблазны, не исчезают. Если в доисторические времена, вместо храмов, посвящали богам ручьи и колодцы, а христианство взяло под свое покровительство наиболее выдающиеся из них, — то все-таки осталось еще много таких, которые, сохраняя за собою общее древнее название "прощей", не признаны церковью, но признаются народом за святые, и к которым народ сходится в известные дни на богомолье. В то же время эти родники, или криницы, представляют собой несомненные памятники седой старины, когда младенческий ум подозревал в них явное, хотя бы и незримое присутствие и, во всяком случае, близкое участие высших существ. Милостивым заботам этих существ и поручались такие места. Здесь попечительная мать-сыра земля устроила так, что, ключом бьющая из нее водяная жила и сильна, и непрерывна. Народившийся поток обилен чудесной водою, зимою не поддающейся даже лютым морозам, а летней порой, в палящий зной, холодной, как лед, чистой и прозрачной, как хрусталь, и при всем том обладающей особенным вкусом, резко отличающим ее от воды прочих источников. Достаточно одних этих свойств, чтобы сделать подобные урочища заветными и назвать их "прощами" — словом, самый корень которого свидетельствует о древности происхождения. Действительно, здесь издревле искали прощения и отпущения, т.е. духовного и телесного освобождения от внутренней душевной тяготы и от внешних телесных повреждений, и именем "прощеника" до сих пор зовется всякий, чудесно выздоровевший или исцеленный на святом месте. Хотя в Великороссии лишь по некоторым местам сохранилось это слово в живом языке (по всей вероятности, вследствие стремления духовенства, а в особенности монастырей, к искоренению языческих обычаев и верований) — но зато в Белоруссии оно употребляется повсеместно. Название "проща" присвоено и тому Черному Ручью, о котором выше упомянуто, и тем криницам, которые, подобно находящимся в местечках Лукомле (Могилевская губерния), Дивине (Гродненская губерния) и др., выбрасывают из недр земли на ее поверхность воду с целебными свойствами, подкрепленными верою многих десятков поколений. Эта вера сохранилась и в настоящем поколении, привлекая к прощам в урочные дни огромные толпы народа, так что эти многолетние сборища вошли даже в поговорку. Когда собирается много народа на ярмарку, или Торжок, на обычное гулянье и пр., говорят: "Идут, как на прощу"; к радушному хозяину

охотно собираются гости также "как на какую-нибудь прощу" и т.д. В довершение полного сходства, при этих прощах, кроме обычных кермашей, или красных торгов, устраиваются еще и игрища молодежи с песнями и хороводами. По народным представлениям, прощи находятся под особым покровительством св. "Пятницы" – не той св. мученицы греческой церкви, пострадавшей за Христа при Диоклетиане в Иконии, в 282 г., которую вспоминает церковь православная 28 октября под именем Параскевы, нареченная Пятница, а иной, особенной, своей, и поныне обретающейся в живых и действующей. Эта "Пятница" всеми тремя главными русскими племенами согласно чествуется в определенный день недели, именно в пятый, считая с понедельника, и кроме того, в виде исключения, в девятую, либо десятую пятницу по Пасхе и в грозную Ильинскую – последнюю перед 20 июля – днем св. Пророка Ильи. В преимущество перед всеми святыми православной церкви, за исключением Николая Чудотворца (так называемого Николы Можайского), сохранился обычай изображать ее в виде изваяния из дерева. Обычай такой, несомненно, уцелел с тех времен, когда обращение в христианство было большей частью внешним и пользовалось готовыми формами старой веры, более или менее удачно видоизменяя или приспособлявая к ним обрядовую часть церковного чина. Лишь впоследствии новое учение стало понемногу входить в плоть и кровь, отступая, однако, перед тем, что успело уже слишком глубоко проникнуть в народную жизнь и составило коренную и незыблемую основу верований. К числу таковых, между прочим, относится почитание Пятницы именно в связи с занимающим нас вопросом.

Деревянная скульптура славянской Параскевы. Конец XVII – начало XVIII вв.

Начиная с крайних границ болотистой Белоруссии, от берегов Десны и Киева до далеких окраин Великороссии и Белого моря поклонение образу Параскевы-Пятницы, в виде изваяния, остается до сих пор неизменным и всенародным. Точно

таким же образом всюду на этом громадном пространстве земли, населенной православным людом, целебные родники-криницы и святые колодцы поручены особому покровительству святой Пятницы. Эта связь имени Пятницы с источниками текучих вод не ограничивает силы народных верований в нее как в защитницу вообще воды, в самом широком значении этого слова. Это вытекает, между прочим, из того, что в старинных городах, укрепившихся на высоких берегах больших рек, подобно Киеву, Брянску и другим, пятницкие храмы построены на низменностях, у самой воды – древний обычный прием, который, помимо Великого Новгорода и Торжка с их пятницкими концами, наблюдается и близ Москвы, в Троице-Сергиевской лавре. Кроме того, во многих местах, а в особенности в Белоруссии, сохраняется обычай молиться о дождях, потребных в весеннее время для всходов и в летнее для урожаев, обязательно святой Пятнице, и непременно с некоторыми суеверными приемами: молитвы возносятся в таинственной ночной обстановке и состоят из таких прошений, самодельная форма которых указывает также на давность их сочинения.

Иконы Пятницы, охраняющие св. колодцы, признаются (за малыми исключениями) явленными, а стало быть, и чудотворными, причем преимущество отдается скульптурным изображениям этой святой, но скульптура эта, разумеется, младенческая, она составляет древнейшую форму русского искусства, существовавшую еще во время язычества и в наши дни имеющую археологическое значение. Это изделия тех времен, когда мастера не дерзали еще слишком удаляться от плоской резьбы для изображения естественных округлых фигур, и грубый резец, в форме долота, направляемый младенческою рукою, был в состоянии лишь намечать признаки лицевых органов. Но невзыскательные молеельщики равнодушно относятся к явным неудачам первобытных художников.

За грехи наши (говорят орловские богомолки, при виде нераспознаваемого почернелого изваяния Пятницы, находящегося в г. Брянске в Петровском женском монастыре) обрызгали матушку золой наши бабы-грешницы, что по пятницам белье бучили (т.е. при стирке обычно пересыпали белье золой для щелока).

– Истыкали наши беспутные женки нашу святую иголками, когда шили рубахи свои по пятницам, – толкуют архангельские поморы в селе Шуе, объясняя точки и полосы червоточины на такой же темной и очень старинной иконе Пятницы, представленной также в виде грубого изваяния.

Не столько бревенчатые стены и дощатые крыши охраняют святые колодцы, сколько именно эти изображения Пятницы, в том или другом виде, и от их присутствия зависит и самая святость, и целебность воды. А чтобы не иссякала спасающая и врачующая благодать, приносятся к подножию иконы посильные жертвы: рыбьей чешуйкой серебрятся на дне колодцев серебряные гривенники и пятиалтынные, через головы толпы, предстоящей и молящейся, передаются или прямо бросаются разные изделия женского досужества, часто с громким заявлением о прямой цели жертвования: сшитое белье в виде рубахи, полотенца на украшение венчика и лика, вычесанная льняная кудель или выпряденные готовые нитки, а также волна¹ ("Угоднице на чулочки!" – "Матушке-Пятнице на передничек!" – кричат в таких случаях бабы). Все это – в благодарность за полученные щедроты и в ожидании будущих милостей: чтобы, не умаляясь и не иссякая, текли дары невещественной благодати, как текут холодные светлые струи живого источника. Эти вещественные приношения образу поступают обыкновенно в пользу ближайших жителей, причем предполагается, что последние примут на себя заботу по охране святыни от засорения и осквернения. В селе Овстуге (Брянский уезд, Орловская губерния) в святом колодце иссякла вода оттого, что одна женщина выполоскала в нем свое грязное белье; в другом месте вода иссякла по той причине, что нечистая женщина дерзнула в источнике выкупаться. В первом случае многие слыша-

¹ Овечья шерсть.

ли, в течение целых трех недель, подземный шум уходящего в Киев (в Днепр) источника, на месте которого, под старою деревянною церковью во имя св. Параскевы, остался только обвалившийся погнивший сруб. То было давно, и сведение о событии сохранилось в памяти старожилов как смутное предание. Но в Муромском уезде (Владимирская губерния), в селе Спас-Сечен, рассказывают о случае, относящемся приблизительно к 1881-82 гг., по поводу явления новой чудотворной иконы Параскевы Пятницы. Один крестьянин, проездом мимо суглинистого холма, вблизи села, заметил вновь пробившийся ключ. Подивился он и забыл. Но напомнил о том тайный голос, говоривший во сне одной богомольной старушке: "Иди к горе, увидишь у подножия ключик, а в нем на дне чудотворную икону. Вынь ее и вели мужичкам строить тут часовню". Народ старухи не послушался, а икона, поставленная в церкви священником, — "ушла" и вновь, как была, с ликом св. мученицы Параскевы в серебряном окладе, оказалась на дне источника. Так повторялось до трех раз, пока над родником не построили часовню и не списали копию с иконы, которую тут же и повесили (подлинник поставили в церкви). Случилось, однако, так, что в первый же год по явлении одна баба, бывшая "с придурью", вздумала взять из колодца воды для стирки белья. Тотчас же вода в нем пропала, а через несколько дней источник пробился в другом месте, позади часовни. Новый колодец существует до сих пор, считаясь целебным, а иконе еще недавно молились в церкви всей деревней как чудотворной о прекращении падежа на скот.

Ввиду такого повсеместно распространенного почитания воды, — первые просветители темных людей и последующие за ними основатели монастырей, святые отшельники, одною из главных забот ставили себе рытье колодцев. Послужив хозяйственным нуждам в тех случаях, когда на высоких берегах, но далеко от воды, строилась первая келья и первый деревянный храм, эти колодцы, ископанные работавшими без усталы руками подвижников, стали почитаться святыми. Они сделались местами особого почитания, как видимые следы благочестивых подвигов на земле святых просветителей и молитвенников. В настоящее время трудно припомнить хотя бы один из старинных нагорных монастырей, который не обеспечился бы на подгорном подоле часовенным строением, укрывающим родник, обделанный обычно каменной кладкой или заключенный в деревянный сруб. Все такие колодцы народными преданиями обязательно приписываются трудам подвижников, просиявших благочестием на ближние и дальние страны. Так, между прочим, преподобному Сергию, уроженцу г. Ростова, просветителю ростовской страны и защитнику всей земли Русской, приписываются все те святые колодцы, которые почитаются целебными и находятся в окрестностях этого древнего русского города. Таков один из трех, находящийся вблизи села Поречье. С происхождением его предание соединяет благоговейную память и о совершившемся чуде. Когда преподобный возымел мысль ископать колодец, у него в руках не оказалось необходимых орудий. Он обратил взгляд к ростовскому Авраамиеву монастырю и стал молиться преподобному Авраамии, первому по времени и самому ревностному борцу с языческой Мерью, чтобы тот помог ему: тотчас, по его молитве, явился и заступ, чтобы вырыть яму, и топор, чтобы укрепить бока бревенчатым срубом. Другой колодец (в версте от г. Петровска), окруженный болотом, через которое путь идет по мосткам, выделяется и зеленоватым цветом, и сернистым цветом воды, действию которой предание приписывает то обстоятельство, что бывшая при Екатерине II моровая язва не коснулась этого ярославского городка. Вблизи Ростова и того места, где, согласно преданию, апостол Иоанн Богослов вручил преп. Авраамии жезл для сокрушения идола Белеса, сохраняется как памятник каменная часовня над неглубоким колодцем, снабженная ведром и ковшом. Не остается без внимания прохожих и другой, более скромный родник без прикрытия, с маленьким самодельным из бересты ковшиком, пробившийся из-под березки. В летнюю пору эта березка всегда обвешана разноцветными ленточками, а в источник набросаны медные деньги.

В народном представлении, таким образом, становятся священными не только

колодцы, ископанные святыми подвижниками, но также и те, появление которых вызвано каким-либо чрезвычайным случаем, как, например, так называемые "громовые" ключи, бьющие из-под камня и происшедшие, по народному поверью, от удара молнии. Подле таких ключей всегда спешат поставить часовенку и повесить образа, по нынешним обычаям – Богоматери. В двух (известных нам) случаях в число святых колодцев записаны те родники, которые вызваны были падением тяжелых колоколов, свалившихся с колоколен на улицу во время церковных пожаров и т.п. В этих неожиданных явлениях природы, принимаемых за знамения особой милости Божией, ищут наглядных проявлений тайных и скрытых сил, не утрачивая сильной веры в эти силы и их целебное свойство и при неудачах. Последние объясняются личным недостойнством, греховностью, недостатком веры и разнообразными мелкими упущениями подготовительного и обрядового характера, со стороны самих прибегающих к помощи. От этих же причин, между прочим, зависит и то, что и так называемая "спорная вода" не всегда и не везде проявляет издревле присущую ей чудесную силу. Эта вода, взятая из того места, где соединяется течение двух рек, имеет таинственную способность решить вопрос об участии труднобольных, не вставших долгое время с постели: к животу или смерти ведет их теперь таинственная судьба. Собственно же, как устья всех рек, так и источники главнейших из них, не отличены особенными знаками народного почтения и признательности, хотя эти реки и величаются иногда "кормилицами". Даже исток такой величайшей благодетельницы русского народа, препетой и превознесенной, какова есть Волга, остается без всякого внимания, в полном пренебрежении. Вместо величественного сооружения над истоком Волги высится часовня в виде сторожевой будки, сооруженная окольным людом. Конечно, местные жители бессильны, по ограниченности своего кругозора, понять весь смысл мирового значения нарождающейся тут реки, и к тому же они не знают, что вода источника владеет целебною силою и заслуживает, не менее всех прочих, украшения богатым иконостасом.

За нашими главными и за некоторыми из второстепенных рек сохранились, в виде легенд, следы олицетворения их как живых существ богатырского склада. Это остаток древнего мифического представления, родившегося в ту эпоху, когда первые две реки (Западный и Южный Буг), указавшие славянам путь переселения из-за Карпат, прямо названы были Богом. Наиболее известен рассказ о споре Волги с Вазузой по поводу старейшинства. Эти две реки порешили окончить свой спор таким образом: обе должны лечь спать, и та, которая встанет раньше и скорее добежит до Хвалынского моря, будет первенствовать. Ночью Вазуза встала раньше и неслышно, прямым и ближним путем потекла вперед. Проснувшаяся Волга пошла ни тихо, ни скоро, а как надо. Но в Зубцове она догнала Вазузу, причем была в таком грозном виде, что соперница испугалась, назвалась меньшей сестрой и просила Волгу принять ее к себе на руки и донести до Хвалынского моря.

Другая сказка менее известна, но не менее замечательна. Волга оказывается любимой дочерью слепого отца и сестрой Сожи и Днепра. Отец задумал их выделить и объявил о том только обеим дочерям (Сожи и Волге), а от непокорного сына Днепра скрыл о своем намерении. Днепр, однако, подслушал, как обещал отец наградить Волгу красивыми городами, Сожи подарить лучшие места, а Днепру уделить мхи и болота. Первою проснулась Волга, прибежала к отцу со словами: "Батюшка, пора уходить". Слепой отец велел ей подойти поближе, ощупал ее и, убедившись, что это действительно Волга, так как тело у нее, как вообще у всех счастливых, обросло волосами, благословил ее идти красивыми местами, селениями и городами. Загремела Волга и ушла. Проснулся Днепр и, увидев, что Сожь еще спит, и решившись обмануть отца, обернул руки паклей, так как тело у него было гладкое, и, подражая голосу сестры, сказался отцу Сожью. Слепой ощупал и поверил. Днепр бросился бежать, сколько набралось у него сил, разрывал горы, изгибался коленами – спешил, чтобы сестра тем временем не успела

проснуться. Проснулась Сожь: бежит к отцу, сказывается своим именем, но старику пришлось награждать ее лишь теми местами, которые остались у него в запасе, т.е. мхами и болотами.

Этот же Днепр в олонечких былинах является в виде женщины, под именем "Непры Королевичны". На этот раз она вступает в богатырский спор на пиру князя киевского с Доном Ивановичем. В единоборстве она осталась побежденной. Дон убил ее каленой стрелой, и сам, в отчаянии, пал на ножище-кинжалище. Вот от этой-то крови и потекла "Непра-река": "во глубину двадцати сажен, в ширину река сорока сажен".

Олицетворение реки на этих примерах, однако, не остановилось, в народной памяти сохраняются такие же рассказы относительно рек: Десны, Западной Двины, Шачи и Красивой Мечи. И хотя время уже успело стереть краски с этих мифических сказаний, тем не менее, русский народ продолжает проявлять на время скрытые, но вечно живые верования.

Относительно прочих больших водоемов, каковыми являются озера, дело обстоит несколько иначе. Одновременно с расширением новгородской колонизации по русскому лесному северу, озерам суждено было занять одно из видных мест как в истории самого заселения, так, в особенности, в истории распространения христианства. Начиная с первых опытов основания монастырей на озерных островах в окрестностях самого Новгорода (Кириллова на реке Волхове и Липенского на острове озера Ильмень, в середине XIII в.), — большие и малые озера, которыми изобилует весь северо-запад новгородской области, служили приманкою для людей, искавших пустынного жития. Острова на них, дикие и пустынные, представляли многие удобства, как для созерцательной жизни, так и для благочестивых подвигов тех отшельников, которые искали полного уединения. Во всей громадной стране, известной под именем Озерной области, не много найдется таких больших и малых озер, на островах которых не было бы основано обителей, лишь бы только представлялась возможность устроиться на них малым хозяйством. На самом большом из озер всего света, притом наиболее негостеприимном, — Ладожском, на пустынной скале, в начале XIV столетия стоял монастырь Валаамский, давший происхождение трем другим монастырям на том же озере: Коневскому, Свирскому на реке Свири, и на дальних островах Белого моря Соловецкому. Тем же путем взаимного влияния и братской связи возникли, в течение того же столетия, но еще в большем числе, монастыри на островах другого обширного озера — Онежского (числом до шести). Последовательно, заметим, на островах озер Черемецкого, Кубенского, Белоозера и на берегах всех прочих озер явились отшельники, трудами рук своих прочищавшие дремучие леса, ставившие малые деревянные церкви и подле них утлые кельи, выраставшие потом в многолюдные обители. Из последних многие приобрели огромное значение и влияние. В народной жизни они имеют глубокий исторический смысл как образцы прочных хозяйств и пособников в заселении громадных стран, до тех пор неизвестных и совершенно диких. Озера здесь стали заветными местами для молитвенных посещений богомольного люда. Святыми эти озера не были названы, хотя они и были таковыми в истинном смысле этого великого слова. Однако за некоторыми из них оставлены кое-какие исключительные преимущества, вроде сохранения на поверхности воды следов того праведника, который к месту водворения проходил как посуху, отчего сохранилась как бы тропа, в виде струи, выделяющейся особым цветом. Не стесненная в старых формах олицетворения природы, народная фантазия и в применении к христианским порядкам не знает ни границ, ни удержу. Так, по народным представлениям, в светлый день Христова Воскресения "играет солнце", в полночь, предшествующую дню Крещения Господня, колышется вода в реках и озерах, трепетно разделяя праздничную радость всех слепо верующих и прочих.

Святыми названы народом другие небольшие озера, во множестве разбросанные по лесной России, и притом не только те, которые оказались в соседстве с мо-

настырями. С некоторыми из таких святых озер соединены поэтические легенды о потонувших городах и церквях. Из глубины этих озер благочестивым верующим людям слышатся звон колоколов, церковное пение и видятся кресты и купола затонувших храмов. Таковы из наиболее известных и выдающихся: в северозападной Руси – озеро Свитязь близ гродненского Новгорода (Новгородка), воспетое Мицкевичем, и Светлоярое в Керженских заволжских лесах близ города Семенова. Последнее до сих пор привлекает на свои берега тысячи народа, верующего, что в светлых струях пустынного лесного озера сохраняется чудесным образом исчезнувший, во времена нашествия Батыя, город Большой Китеж.

При погружении Св. и Животворящего креста в воду, из нее, силою и наитием Святого Духа, изгоняется дьявольская скверна, и потому вода становится безукоризненно чистой и непременно святою, т.е. снабженною благодатью врачевания не только недугов телесных, но и душевных. "Богоявленской воде" в этом отношении всюду придается первенствующее значение, и она, как святыня наивысшего разряда, вместе с благовещенскою просфорою и четверговою свечою, поставляется на самое главное место в жилищах, в передний правый угол к иконам. Освященная по особому чину в навечерие Крещения Господня, эта святая вода перед прочею, освящаемою в иное время, имеет то преимущество, что на случай смерти, при полной невозможности приобщиться Святых Тайн, она может заменить их и, во всяком случае, умиротворить беспокоящуюся совесть умирающего и близких его. В обыкновенное время, при нужде, пьют эту воду не иначе как натошак. При этом существует повсеместное непоколебимое верование, что эта вода, сберегаемая круглый год до новой, никогда не портится (не затхнет и не мутится), а если и случится что-нибудь подобное, то это объясняется прикосновением к сосуду чьей-либо нечистой руки. Точно так же повсюду сохраняется суеверное убеждение, что в верхних слоях освященной в чанах воды заключается наиболее благодатной силы, устраняющей недуги и врачующей болезни. Поэтому всякий спешит зачерпнуть воды прежде других, вследствие чего нарушается церковное благочиние, криками и перебранкой, невообразимой суетней и толкотней, как на любом базаре.

Что касается неосвященной воды, то и к ней наш народ относится с большим почтением: вода, находящаяся в реках и озерах, имеющих истоки, безразлично почитается чистою, и притом в такой степени, что исключительно ей одной поручается, например, охранение тех св. икон, которые, за ветхостью, приходят в негодность и теряют изображение ликов. Такие иконы благочестивая ревность не позволяет предавать огню, а обязывает "пускать на воду", не иначе как с краткою молитвою, оправдывающую вынужденный прием. Охрана чистоты воды доведена в некоторых местах до таких крайностей, что никто из верующих не решится плевать в воду, а тем более производить в ней испражнения и т.п. Стихийная природная чистота воды, сделавшая ее единственным, верным и легким очистительным средством, потребовала, в самые глухие времена язычества, особого себе чествования, выразившегося в торжественном празднике Купалы. Как предшественники этого главного праздника, во многих местах еще сохраняются определенные дни, когда производится обязательное "обливание водой" – обычаи, в некоторых случаях успевшие пристроиться к христианским праздникам. Обливают холодной водой всех, проспавших одну из заутрень на неделе Святой Пасхи (эти заутрени, как известно, совершаются согласно уставу, "порану"). В некоторых местах, как например в г. Весьегонске (Тверская губерния), этот обычай превратился в самостоятельное празднество. Вечером, в день заговенья на Петровский пост, здесь разрешается всякого проходящего по улице обливать из окон водой вполне безнаказанно, и если осмотрительный и догадается ходить по середине улицы, то все-таки и здесь он подвергается опасности: из-за ближнего угла на него налетает кучка молодежи с ведрами, наполненными, на лучший случай, колодезною водою, а то и квасом, и даже квасной гущей. Крики, беготня и смех прекращаются

только с закатом солнца. Ради тех же забав, но исключительно направленных молодыми ребятами против девушек, последних обливают водой (в Пошехонском уезде) на каждый второй день весенних и летних праздников, в первый день Петровского поста (Моршанский уезд Тамбовская губерния), когда не спасают хозяев в избах даже запертые двери, в Чистый понедельник и в день Преполовления. Обычай обливания водой носит совершенно другой характер в тех случаях, когда он получает название "мокриды": в этой форме он сохраняет явные осколки цельных языческих праздников, устраивавшихся в предупреждение бездождия и сопровождавшихся песнями и плясками на краях прудов и берегах рек.

В настоящее время в Черноземной полосе России этот обычай состоит в следующем: мужики тайно стовариваются между собой и, когда бабы соберутся купаться, отправляются, крадучись, за ними "строить мокриду". Улучив время, они внезапно бросаются на купальщиц и, прежде чем те успевают раздеться, спихивают всех в воду с криками: "Дождь, дождь, приди к нам". При этом предполагается несомненный успех опыта, если все бабы примут его за невинную шутку и ни одна из них не изругается, не рассердится даже на детей, которые тоже стараются брызгаться, набрав воды либо в рот, либо в пригоршни. Во многих местах (в Орловской губернии и уездах) за то же дело "вызова дождя" берутся сами бабы: стоворится их три или четыре и начнут с конца деревни "незазнама" обливать водой, т.е. всякого, кто ни попадетсся навстречу, при этом каждый облитый, почитая обычай священным, не обижается и лишь шутя и добродушно выругается. Для пущей торжественности и придачи шуткам наибольшего оживления, иных баб по несколько раз спихивают в реку, а за неимением реки мочат в колодцах. В Пензенской губернии стараются обливать лиц из духовного звания и непременно с головы, чем вернее достигается цель прекращения чар колдуний, удерживающих дождь. В Рязанской губернии (в глухом Егорьевском уезде) девицы и непорочные вдовы, пребывающие во вдовстве более десяти лет, в белых рубахах, тайно от всех, ходят на ближний родник, расчищают его и молятся Богу. Во Владимирской губернии (в Меленковском уезде) такие же девицы, выйдя ночью в поле, читают акафист, потом пашут болото, а старухи расстилают на огородах рубахи, и если на них осядет роса, то это считают добрым признаком: будет дождь.

Прибегая к таким чрезвычайным мерам для вызова дождя, наш народ в то же время очень чтит дождевую воду. Выбегая на улицы босыми, с непокрытыми головами, деревенский и городской люд становится под благодатные небесные потоки первого весеннего дождя, пригоршнями набирает воду, чтобы вымыть лицо три раза: выносит чашки, собирая целебную влагу, и в крепко закупоренных бутылках сохраняет ее круглый год, до нового такого же дождя. Точь-в-точь так же чтит народ и речную воду, когда пройдет весенний лед и реки вскроются. Вот что пишет на этот счет известный знаток народного быта Ф.Д. Нефедов из г. Костромы: "Едва пройдет весною лед по рекам и ручьям, только что очистится вода, как все дети, взрослые и старики бегут на берег: зачерпывают пригоршнями воды и умывают три раза лицо, голову и руки. Обычай этот исполняется не в одних деревнях и селах, но и по всем городам, не исключая губернского - Костромы".

Эти обычаи приводят нас к целому ряду суеверных гаданий, где воде предоставлено главное место, подобно так называемым "отчерпыванью воды" и "прощению у воды". В первом случае (например в Углицком уезде Ярославской губернии, близ границы Ростовской), при болезни домашних животных или ввиду какой-либо неприятности, окачивают водою крест, или медный образок, стараясь спускать эту воду на уголья, облепленные воском и ранее опрыснутые богоявленскою водою; в то же время читают про себя самодельные молитвы и кропят и поят тех, кто нуждается во врачебной помощи. "Прощение у воды" испрашивается больным и обездоленным. Обычай этот покоится на том убеждении, что вода мстит за нанесенные ей оскорбления, насылая на людей болезни. Поэтому, чтобы избавиться от таких болезней, на воду опускают кусочек хлеба с низким поклоном: "Пришел-де

я к тебе, матушка-вода, с повислой да с повинной головой – прости меня, простите и вы меня, водяные деды и прадеды!" – Отступая по одному шагу назад, до трех раз повторяют этот приговор с поклоном и во все время заклинаний стараются ни с кем не разговаривать, не оборачиваться и ни одного раза, конечно, не налагать на себя крестного знамения. В Вологодских краях верование в чары воды, без участия церковного ее освящения, приурочивается даже к Великому четвергу, когда большуха-хозяйка, почерпнув воды из колодца, святит ее тем, что опускает в ведро "серебрушку" (неприменно серебряную монету) и умывает ею ребят своих для здоровья. Тогда же девицы с этой водой бегут на хмельники "до вороны" (пока эта зловещая птица не закаркала), умываются и молятся приговором: "Пусть и меня так же любят молодцы, как любят хмель добры люди". На Святках повсеместно при гаданьях девицы смотрят в воду, чтобы увидеть суженого-ряженого, а ворожеи – ворога, причинившего кому-нибудь вред. Колдуны на воду нашептывают, чтобы наслать беду на недруга, и вообще, редкое гаданье обходится без того, чтобы вода не играла в нем существенной роли. Так что выработался даже целый кодекс обрядов, которые несмотря на самые неблагоприятные географические условия для обмена и заимствований, все-таки поражают своим сходством: сопоставленные рядом в целой группе, они ясно свидетельствуют о существовании всеобщей старой веры и являются в настоящее время не чем иным, как ее обломками. На развалинах этой старой веры, разрушенной христианством, наш народ и строит свое мирозерцание, причем одной рукой он держится за старую веру, а другой – за христианство. Эта обычная путаница старых и новых понятий приводит к поразительной неустойчивости народного мировоззрения: веруя, например, в гаданья, наш народ в то же время верит, что есть несчастья, которых не устранишь гаданьями. "Воде и огню Бог волю дал", – говорит он в утешение и успокоение на те случаи, когда нарушается в природе равновесие и вода, в меру питавшая землю, из явной благотворительницы временно превращается в лютого врага, наводящего страх отчаяния. "Где много воды – там жди беды", "Хороши в батраках огонь да вода, а не дай им Бог своим умом зажить". Никакими гаданьями таких бед не предусмотреть, никакими заговорами не устранить – остается одна надежда на молитву о Божьей помощи не только в то время, когда стряслось несчастье, но, главным образом, когда оно только что собирается и посещение его только возможно. Впрочем, в наше время, когда обмелели реки и вырублены леса, народ страдает не столько от изобилия, сколько от недостатка воды, и редкий год проходит без того, чтобы в любом русском селе или деревне православные не молились о ниспослании дождя. Выработаны даже своеобразные подготовительные приемы для такого рода коллективных молебствий.

Созвал староста сходку, – и не обсказывал зачем потревожил, а прямо приступил к тому, чтобы порешили старички, сколько собирать с каждого двора пятаков на молебен и когда поднимать иконы. Поднялась вся деревня на ноги как один человек; засуетились и заспорили промеж себя бабы, как принимать иконы, чем ублаготворять духовных: надо печь пироги – на голодное их не примешь. Запрягли мужички лошадей в телеги – ехать за вином да сладкой наливкой. Двое выборных ушли позвать на мольбу батюшку-священника со всем причтом, посулили плату за общий молебен, да в особину, по гривне с дома; пообещали прислать за духовными подводу.

В назначенный день поднялись ранехонько: еще и звону в селе не было слышно. Натощак (не только никто ничего не ел, а даже воды не пил) отправились все, конечно одетыми во все лучшее и чистое, отстаивать заутреню и обедню. После нее станут вынимать те иконы, которые укажет батюшка. Церковный фонарь принимает Старостин сын; больших херувимов (хоругви) берут молодые ребята, на очередь промеж собою. Иконы нести охотятся все бабы, а потому надо устанавливать порядок: наиболее чтимую икону понесет та девица, которая побойчее всех и по-красовитее; остальные иконы, по двое на каждую, принимают на руки, обернутые

платками или полотенцами, другие бабы и несут, приложивши одним краем к плечам. Никаких разговоров богоносцам на все это время не допускается, и даже сельские колокола мешают тому, не переставая звонить вовсю, пока крестный ход можно видеть с колокольни.

В деревне, на площадке около колодца, уже все приготовлено и место изложено: вынесен стол, покрытый чистой скатертью, и поставлено на нем блюдо под святую воду; подставлены чистые скамейки под иконы. Учительница наладила умелых девиц, к ним пристали чернички – составился хор. Когда во время водосвятного молебна запели из канона: "Дождь, дождь земле жаждущей, Спасе!" – все пали на колена и на лицах молящихся, как в зеркале, отразилась вся гнетущая тоска от напряженных и несбывающихся надежд на благодатные теплые дождички.

С деревенской площадки иконы несут в поле "на зеленя" и, если попадается по дороге родник или хотя бы и высохший колодец, тут останавливаются и снова поют молебен, как бы вызывая иссякшую воду на знакомое старое место. Отдельные, частные молебны продолжаются по особым приглашениям в домах и, когда все они окончатся, – в более просторной избе начинается подкрепление сил и затем полное угощение в складчину досыта и допьяна, чтобы искреннею, от души, выговорила благодарность: "За хлеб, за соль, за лапшу, за кашу, за милость вашу". Во всяком случае, главная цель достигнута: пришли на мольбу в благоговейном настроении, – разошлись успокоенными, с надеждою на милость Божию.

Мать-сыра земля

Третья, по старинному счету, мировая стихия – земля – почтена наивысшим хвалебным эпитетом: с незапамятных времен она называлась "матерью", и у всех народов, а в том числе и у нас, русских, была возведена на степень божества. Впрочем, в наши дни от бывшего почета остались лишь обезличенные признаки и потусклые следы древнего богопочтения, да и то в приметно меньшем количестве, чем по отношению к огню и воде. Но, тем не менее, по народному убеждению, и самая святость целебных родников и колодцев, главным образом, зависит от того, что исходят они непосредственно из благодатных и неисчерпаемо богатых недр матери-сырой земли. По всеобщему верованию, самая стихия эта настолько свята и чиста, что не держит в себе ничего нечистого и в особенности враждебного людям. Лихих недоброхотов, в виде ведьм и колдунов, земля "не принимает", и до сих пор требуются особые обряды, чтобы прекратить выход из могил этого сорта покойников и посещение ими живых людей и заветных мест. Даже тот умерший, труп которого долгое время не разлагается, – по народным понятиям, несомненно, был при жизни великим грешником, потому что он "не изготавливается к погребению в сырой земле". И напротив, если новорожденный ребенок выделяется весом тела от прочих детей, то он не жилец на Божьем свете, его "тянет" к себе земля. Вся нечистая дьявольская сила от крестного знамения и "воскресной" молитвы проваливается не иначе, как "сквозь землю", не оскверняя святости земных недр, и т.п.

Связь человека с землей устанавливается и Священным Писанием: "Всяк человек – земля есть, и в землю отойдет". Ту же мысль выражает и пословица: "Сверх земли не положить даже нищего и бездомного". Саженку вдоль да полсаженки поперек – для каждого полагается обязательным. А затем, вся та земля, куда скоронены кровные и близкие, называется родительскою и считается священной: она могущественна до такой степени, что горсточка ее, взятая с семи могил, укрывающих заведомо добродетельных людей, спасает всех родичей, оставшихся в живых, от всяких бед и напастей. Почти такой же силой обладает и вообще родная земля. Вот что свидетельствует на этот счет наш орловский корреспондент:

"2 августа 1897 года, из села Яковлева (Орловский уезд) отправились на пе-

реселение в Томскую губернию 24 семейства, и каждая семья взяла с собой несколько горстей родной земли.

— Может случиться, — говорил один из переселенцев, — что на новом месте мы попадем на такую воду, которая для питья не годится, — так мы положим в воду нашу землю, вода и станет вкусной".

Сверх того, родную землю зашивают в сумочку с ладаном (называется вообще "ладанкой") и носят с шейным крестиком, в уверенности, что этим способом можно избавиться от тоски по родине. Но вера в целебное свойство родной земли почти повсюду исчезла, сохранившись только у тяжелых на подъем вологжан и олончан, живущих в глухих окраинах северных губерний. Приезжая на чужбину, эти люди (особенно в тех случаях, когда прибывший намеревается остаться здесь на более или менее продолжительное время) высыплют на землю горсть родного песка и, ступая по нему, приговаривают: "По своей земле хожу". При этом они твердо верят, что, "если захватишь с собой родной земли, тебе заздоровится, не будешь болеть и скучать по родине". В этих глухих местах уверенность в силе родной земли настолько велика, что к подобного рода приемам прибегают даже богомольцы, отправляющиеся к киевским или соловецким угодникам: доведется помереть — товарка не откажет закрыть глаза и посыпать на них "родимой землицы". У матерей нет большего горя, как известие, что их сыновья, умершие на чужбине, не запаслись родной землицей и похоронены без нее¹. У таких людей до сих пор нет страшнее заклęcia: "Не видать мне сырой земли", и вернее врачебного средства — как "прощанье" с землей на том самом месте, где случилась какая-нибудь беда или внезапная болезнь, например, вроде болезненного припадка от неведомой причины, известного под неопределенным названием "притки". На то место, где притекла притка, ходят "прощаться" на девяти вечерних и девяти утренних зорях. Становятся лицом на восток и говорят заклęcie, причем, так как "притка" является наказанием за какую-нибудь вину, то и самое заклęcie носит характер извинения: "Прости, мать-сыра земля, в чем я тебе досадил!" После каждого причета дуют и плюют через правое плечо и кланяются в землю. Но плюют только "примерно", так как в тех местах, где "прощаются", плевать на землю вообще считается большим грехом. Если попритчится скотине, то хозяева сами "прощаются" за хворое животное на повети или сеновале, так как твердо верят, что власть родной земли распространяется и на животных. В иных местах эта вера заходит так далеко, что создались даже своеобразные обряды. Так, в Ветлуге (Костромская губерния), если покупают скотину в другом селе и желают, чтобы она не тосковала по своему стаду, то среди поля оборачивают ее головой в ту сторону, где она куплена; затем берут из-под передней левой ноги ее комок земли и натирают морду, а другой комок завязывают под яслями, думая, что ни корова, ни лошадь не уйдут уже дальше того места, откуда взята земля. Саратовцы (Хвалынский уезд) подобным же способом, при переходе в новую избу, переманивают старого домового: из-под печки старой избы они насыпают в лапоть горсть земли и высыплют ее под печку новой.

Особенное отношение нашего народа к матери-сырой земле выражается, между прочим, в так называемых земных поклонах. В старину русские люди, при встречах с наиболее уважаемыми лицами, кланялись до самой земли, касаясь до нее лбом, или, взамен того, ударяя оземь шапкой. Эта форма, приличная теперь лишь людям низкопоклонным, не уважающим себя, была обычна в старой Руси как законное установление и перестала действовать лишь в недавние времена во всех слоях и сословиях народа. Но все-таки, по отношению не к лицу властному, а к самой матери-сырой земле, этот обычай упрямо отстаивается во многих местностях. Так, например, весной (в Орловской губернии и уезде), при ударе первого грома

¹ Указан даже и состав земли, зашиваемой в ладанку: берут щепоть из-под печки, прибивают такую же с росстаней дорог и из-под приворотной верей.

все бабы, перекрестившись, кланяются в землю и целуют ее. В тех же местах сын, дерзнувший оскорбить на миру родную мать или отца, обязательно целует землю после того, как произнесет клятву, смотря на небо и перекрестясь троекратно. Точно так же заподозренный в каком-либо мирском несчастии, вроде поджога, кражи и т.п., целованием земли вполне удовлетворяет и успокаивает своих односельцев. Самое же важное значение земли исстари признавалось в межевых спорах при разделе земельных участков. Межевые знаки, до изобретения мензул и астролябий, были не точны по той причине, что намечались по живым урочищам, подвергающимся, под влиянием стихий, всевозможным изменениям.

Пограничные споры соседних владельцев были бесконечны, особенно в тех случаях, когда не оказывалось налицо письменных записей: дожди смывали последние признаки граней, а старческая память старожилов была ненадежна. Но так как неудобства чересполосицы все-таки требовали решительного ответа в ту или другую сторону, то кое-где, в глухих местах, были придуманы особые приемы для полюбовных размежеваний. Так, в Олонецкой губернии Каргопольского уезда на нашей памяти еще соблюдался обычай класть на голову вырезанный из спорной земли кусок дерна. С ним доказывающий свое или чужое право на землю шел по той меже, которую признавал правильною, законною. При генеральном межевании 1744 г. этот обычай применялся в смысле бесспорного и вполне законного доказательства. Например, в Ярославской губернии старший чин, заведовавший этим делом, приглашал, по общему приговору, того старика, который признавался наиболее знающим и памятливым, вырезал из земли дерновый крест и клал его на голову свидетеля. Этот прием кое-где сохранился и до наших дней, а лет 40-50 тому назад он практиковался весьма широко. Так, например, в Пошехонском уезде при наделе крестьян помещиками, по объявлении указа об уничтожении крепостного права, некоторые общества не позволили переделывать своих полос на том основании, что их отцы либо деды обходили эту полосу с землей на голове. Из Череповецкого уезда сообщают, что в земельных спорах в виде клятвы и теперь берут землю в рот, кладут на голову, на спину, за пазуху. В знаменитой кустарным железным производством Уломе произошел в 1896 г. такой случай: спорили о меже на покосе два крестьянина двух соседних деревень (Чаева и Миндюкина) одной волости (Колоденской). Настоящей межи никто не помнит, землемера взять негде: как быть? Долго галдели, переругиваясь, и вдруг все смолкли, когда один чаевский старик взял "кочку" земли и со словами: "Пуцай эта земля задавит меня, если я пойду неладно" — пошел по "воображаемой" меже таким твердым и уверенным шагом, что с того времени стала та межа фактической, бесспорною. Подобный же спор был решен несколько лет тому назад между крестьянами той же Уломской волости, деревни Коротова и крестьянами деревни Карпова, Дмитриевской волости. Так как пословица недаром говорит, что "межи да грани — ссоры да брани", то, чтобы уничтожить или, по крайней мере, ослабить эти ссоры, в старину, когда делали пропашкой межевую борозду, всегда стогнали сюда ребятишек, клали на эти грани и секли с наказом и приговором, чтобы каждый помнил отцовский участок. Так, между прочим, бывало и у казаков на Дону, так водилось и в Новгородчине, где часто слышалось выражение: "Ты меня не учи, ты мне не рассказывай: я на межевой яме сечен". Теперь, когда на межах перестали сечь, но все еще решают межевые споры божбой и клятвами, вместо дерна, кладут на голову святую икону. В одном случае (в Ярославской губернии) около Ростова спорщики удовлетворились, когда один из присутствующих, довольно ветхий старик, вспомнил и сообщил о том, что ему привелось быть свидетелем, как дед нынешнего владельца обходил этот самый клин земли с большим куском вырезанного из нее дерна, положенного на голову.

Глотание сырой земли суеверными людьми точно так же не ушло еще в область предания: вести об этом обычае доходят из разных местностей. Так, например, орловский корреспондент сообщает о следующем случае. Однажды под г. Орлом,

через овраг, удобный для нападений лихих людей на задремавших или оплошавших проезжих, темной ночью возвращался домой крестьянин Талызенков. Как из земли, выросли перед ним три человека с дубинами. Подбежали к нему, схватили лошадей под уздцы – остановили.

– Стой, – говорят, – подавай деньги!

– У меня, братцы, денег нет: в городе все потратил.

По голосу грабители узнали своего односельца – соседа по избам, узнал и он старых приятелей. У грабителей и руки опустились. Один из них спохватился и говорит:

– Что же нам теперь, Алексей Осипыч, делать? Куда нам себя определить? Нас три души живых – твоя одна. Пустить тебя целым – ты скажешь про нас: тогда живым нам не быть.

Талызенков был мужик торговый, денежный, цену себе ставил высокую. Собрался он с духом и отвечает:

– Не скажу я про вас никому. Умрет это дело на этом самом месте. Чем хотите, тем и поклянусь.

– Съешь, – говорят, – комок земли, тогда поверим.

Он съел, и его отпустили. И только после смерти всех трех мужиков рассказал Талызенков об этом случае своему соседу Афанасию Чувакину.

– Отчего же, – спрашивал рассказчика наш корреспондент, – ты раньше не рассказал об этом?

Боялся, что убьют, да и нельзя рассказывать, коли съел земли.

– Почему нельзя?

– Да уж нельзя! Нельзя потому, что можно большое несчастье произнести (т.е. перенести).

Крестьянка деревни Пушкина (в той же Орловской губернии) рассказала, как одного непокорного сына мать выгнала из своего дома, и как он, поступив с женой на барский двор, повел такую тяжелую и скорбную жизнь, что стало ему невтерпех и довело до раскаяния. Стал этот сын (Григорий Сухоруков) просить старосту заступиться за него у матери.

Приходит Любава (мать) на барский двор, просит непокорный сын у нее прощения: кланяется и божится. Мать не сдается, не верит ему и говорит:

– Если хочешь, чтобы я тебе простила, съешь вот этакую глыбину земли.

– Ты меня, мать, подавишь.

– Коли не съешь, меня, значит, не почтишь, и я не прощу, а коли съешь – иди опять жить домой.

Григорий послушался, съел и стал после того жить так, что никому лучше того не придумать.

А вот еще указания на тот же прием клятвы, основанной на мотивах совершенно иного характера. В "Неделе" было сделано указание на распространяющийся в Холмском уезде Псковской губернии гражданский брак среди крестьян. Мотивы этого брака вызваны экономическими причинами и юридическими особенностями быта, а самый брак сопровождался тем же древнейшим обрядом богопочитания матери-сырой земли. Пока девица живет в семье с отцом, она покойна за его спиной, будучи обеспечена отцовским наделом. Но после смерти его, надел числится за нею только до ее замужества, а затем, по местному обычному праву, отходит в общее мирское пользование. И вот, чтобы избежать беды, девицы и выдумали внебрачное сожительство. Гражданский брак заключается с некоторою торжественностью: родственники сговариваются, берут икону, зажигают перед ней свечи, перед которыми жених и невеста, разодетые по-свадебному, "кусают землю", т.е. берут пястку земли и глотают ее в знак любви и верности до гроба. Обходя церковный брак из-за земельных выгод, молодые, конечно, не думают в это время о том, что будущие дети их зачтутся незаконнорожденными и прав на дедушкин надел не будут иметь никаких.

Особенность народных воззрений на мать-сыру землю дала основание чародеям и здесь воспользоваться, для своих недобрых целей, тайными, могучими свойствами этой стихии.

Применение земли в чарах чрезвычайно разнообразно. Взять хотя бы всем известное "вынимание следа", состоящее в том, что на месте, где стоял обреченный человек, вырезают ножом часть дерна или из-под ступни его соскабливают пол и над этими следами колдуют.

Впрочем, чародейственной силой земли пользуются не только колдуны, но и обыкновенные люди, прибегающие, на случай беды, к заступничеству и покровительству своей "кормилицы". Это видно, между прочим, из обычая опахивать деревни. Обычай опахиванья является уже своего рода священнодействием со всею мистическою обстановкою, которая вообще приличествует всякому древнему обряду и которая рассчитана на то, чтобы самый обряд сделать внушительным и страшным. Толпа женщин с распущенными волосами, в одних белых рубахах, в глухом сумраке ночи, возбужденная всей внешней обстановкой и условными околичностями обрядового чина, становится опасной для всякого случайного свидетеля этого религиозного "действия". Совершение его преимущественно предоставляется женщинам того селения, которому угрожает занос чумы на скот, тифа на людей и т.п., и которое необходимо оградить со всех сторон таинственным, заколдованным поясом земли, вырезанным сохой в ширину сошника и глубиной не менее трех вершков.

Почин самого обряда всюду предоставлен старухам, крепче верующим и более осведомленным в порядке совершения чина "опахиванья". Они и выбирают подходящую полночь, и оповещают женское население шепотком, чтобы не знали и не слышали мужчины. Для того чтобы таинственная цель была достигнута, считается необходимым участие в обряде, по меньшей мере, девяти девок и трех вдов (как и высказывается это в обрядовых припевах). Оповещенные старухами с вечера, все девицы и бабы прокрадываются за околицу и, выйдя в поле, снимают с себя одежду до рубахи, причем иные повязывают голову белыми платками, а девицы развязывают косы и распускают волосы наподобие русалок. На одну вдову, по общему выбору и приговору, надевают тайком унесенный хомут и впрягают ее в оглобли (обжи) сохи, также припрятанной заранее. Другая вдова берется за рукоятку, и обе начинают косым лемехом разрывать и бороздить землю, намечая тот "продох", из которого предполагается подъем и выход земляной силы, невидимой, непонятной, но целебной и устрашающей самую смерть. А в это же время все остальные девицы и вдовы (замужние не всегда допускаются, как не подходящие, нечистые) идут за сохой с кольями и палками, со сковородами, заслонками и чугунами. У девяти девиц девять кос, в которые они и производят непрерывный звон. Звонят, кричат и поют с неистовым рвением, которое прямо указывает на главную цель — запугать и прогнать смерть. Ей и грозят в обрядовых песнях и причетах: "Смерть, выйди вон, выйди с нашего села, изо всякого двора! Мы идем, девять девок, три вдовы. Мы огнем тебя сожжем, кочергой загребем, помелом заметем, чтобы ты, смерть, не ходила, людей не морила. Устрашись — посмотри: где же это видано, что девушки косят, а вдовушки пахут?" Обойдя околицу по огородам и гуменникам, вся эта женская ватага врывается на улицу, настолько уже взволнованная, с таким подъемом нервного настроения, что ничего не замечает по сторонам и ничего не хочет видеть, кроме спасительной сохи. Все, что попутно обратит на себя общее внимание, вроде, например, выскочившей из подворотни собаки, спрыгнувшей с подоконника кошки — все принимается за несомненного оборотня, в которого перевернулась эта самая злодейка, "скотья смерть", черная чума, огневая горячка. С гамом и ревом бросается вся сопровождающая соху свита на этих собак и кошек и бьет их насмерть. Разбуженные мужики выглянут осторожно из окошка, да и спрячутся за косяк, чтобы не заметили бабы: потому что последние не задумаются напасть на встречного мужчину, признавая в нем

необлыжного оборотня. Притом же мужчина самим появлением своим оскверняет священнодействие и, стало быть, мешает благополучному завершению таинства. В деревне Юшиной (Орловского уезда и губернии) задумали бабы опаживаться. Узнали про это парни из соседней деревни и решили пошутить: с вечера забрались в соседние ракиты и в них притаились. Но когда процессия подошла к тому месту, шутники заревели медвежьими голосами. Однако женщины не испугались, они сбились в одну кучу и все как одна начали швырять в засевших парней камнями, палками. Видя же, что это не берет, они натаскали затем к дереву, на котором засели ребята, охапки соломы и подожгли. Шутники, как майские жуки, свалились на землю и начали сказываться своими именами, но женщины не только не поверили им, но пришли уже в полное остервенение. С теми же криками: "Бейте коровью смерть" они продолжали бросать грязь и камни, пока не устали и пока шалуны-парни не были избиты в кровь.

Сохраняя такой внушительный, устрашающий характер, обряд опаживанья дожил до наших дней, вероятно, по той причине, что в распоряжении крестьян не имеется иных предупредительных мер против занесения эпидемических болезней. Притом же этот обряд, перешедший к нам от темных времен глубокой старины, считается надежным уже по той причине, что распространен повсюду, и притом нередко выполняется с участием христианских святынь, которые как бы закрепляют обычай и узаконивают приемы.

В некоторых случаях обряд из временного, вызываемого первыми признаками надвигающейся беды, становится обязательным и совершается ежегодно в условное время. Например, в Калужской губернии каждый год, под праздник Преполовения, собирается ночью огромная ватага девиц, сопровождаемых парнями, из которых один, самый молодой и пригожий, правит сохою, запряженною несколькими парами девушек. Впереди этого шествия (рассчитанного на то, чтобы избавить деревню не от одного мора, но и от всякого рода напастей), идет вдова и несет икону. И опять беда тому, кто попадется навстречу этому ночному шествию. В Волховском уезде (Орловская губерния) "гоняют смерть" обычно после Петрова дня и об избранной ночи извещают мужчин, требуя их согласия и невмешательства. К принадлежностям обряда присоединяются также икона (на этот раз Богоматери), восковая свеча и дегтярница с помазком: дегтем намечают крест на каждом воротах и такой же крест честная вдова вырезает сохою на бугре за деревней. На этом месте раскладывается затем костер, и все женщины прыгают через него для завершения обряда. Дегтем мажут также тех, кто нечаянно встретится на пути. В других деревнях носят образ св. мученика Власия, признаваемого по всей св. Руси покровителем домашнего скота, и к свечам прибавляют еще ладан. В деревнях Нижнеломовского уезда Пензенской губернии во главе подобного шествия видели старуху с иконами Спасителя, Успения Богоматери и медного Распятия на груди, и слышали, вместо стихов заклития, пение молитв Богородичной и Господней. В этом случае в обряде "опаживанья" принимали участие все жители деревни, без различия возраста и пола. К внешней церковной окраске прибавляется еще суеверное требование, чтобы, расходясь по домам, не оглядываться ни на зов, ни на вой, ни на угрозы, если не хочешь, чтобы не осталась шея искривленной и нечистая сила не сгладила ту черту, которую провела соха вокруг деревни.

В ночь на 1 июня 1897 г. восемнадцать крестьянок деревни Полонской Весьегонского уезда (Тверской губернии), чтобы не допустить занесения в свою деревню сыпного тифа, валившего людей в соседней волости, "опажали" свою деревню: одна из женщин шла впереди с иконою в руках, за нею следовала другая верхом на помеле, потом третья с кочергой и черепом какого-то животного. За этим авангардом шествовали две бабы, запряженные в соху, которою управляла третья баба, и, наконец, все остальные, гурьбой, с шумом, криками и бранью замыкали процессию. (За нарушение тишины и порядка все участницы этой процессии были

привлечены к уголовной ответственности по 38-й статье Устава о наказании, налагаемого мировыми судьями).

Хотя таким образом уголовный суд и решился выступить на помощь усилиям духовенства и, в замену церковных назиданий, прибег к законной каре, тем не менее, вера в мать-сыру землю все-таки сохраняется незыблемо. Даже и там, где, по-видимому, Христово учение успело уже войти в плоть и кровь, стоит снять с языческих обрядов наложенные тонким слоем христианские краски, чтобы обнаружилась черта древних языческих верований.

В Духов день (в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии и по Вятке), в день Успения Богоматери (в Тихвинском уезде Новгородской губернии), на Симона Зилота -10 мая (без различия местностей), по православным деревням обязательно служатся всенародные молебны. Народ собирается к часовням, толпится на площадях и окропляется святою водою не потому, что в эти дни совершаются молебствия по случаю избавления от бед, а потому что в эти дни мать-сыра земля бывает именинница. Хотя праздник именинного чествования земли существует далеко не повсеместно, но в то же время на всей Руси великой крестьяне строго придерживаются правила, чтобы в эти дни никто не смел ни копать, ни рыть ямы, ни пахать полей. Делается это для того, чтобы не обидеть кормилицу-землю и чтобы не осерчала она, и без того своенравная и капризная, тугая на подъем и скупая на милости. В некоторых местах наших лесных северных губерний уважение к кормилице-земле (здесь очень суровой и неласковой) сопровождается даже некоторым заискиванием: в Успенъев день, в теплую погоду, считается большим грехом ходить босиком. За соблюдением такого обычая следят очень внимательно, не позволяя малым ребятам ходить разувшись.

Умилостивление земли и способы испрошения ее милостей и щедрот настолько многочисленны и разнообразны, что в среде опытных хозяев существует на этот счет целая наука. Попробуем взять из этих способов только те, где под новыми наслоениями всего заметнее сохранились следы седой старины.

Поставлен в поле стол, покрытый чистой скатертью. На нем серебрится на солнышке водосвятная чаша, желтеют свечи, и сереет коврига печеного хлеба. Перед столом, полукругом, стоят бородачи с иконами в руках, закрытыми полотенцами. Против них поместился священник с причтом, а за ними и весь этот народ, от чрева матери обреченный в поте лица своего снести хлеб свой. Молебен отпели: толпа зашевелилась и загудела, как пчелиный рой. Подали священнику севалку - лукошко с веревочкой, чтобы ловко было перекинуть ее через плечо - берет он из нее горсть сборной ржи от каждого двора и ловко, привычной рукой разметывает зерна по пашне. Затем идет он краем поля, поперек всех загонов, и кропит все полосы святой водою. И чью полосу окропляет, тот хозяин крестится, а иной еще, сверх того, шепчет про себя, какую знает, молитву. Иконы относят в церковь; попа с дьячком зовут в избу и предлагают посильное угощение, в полную сыть.

Кроме священника, крестьяне еще чаще поручают делать засев какому-нибудь ветхому, преклонному старику, который сам и указывает, в какой день начинать засев. Такой старик считается первым человеком на селе. Рука у него легкая, удачливая, а с легкой руки - если не куль муки, то, во всяком случае - почин дорог. Этих стариков обыкновенно стаскивают с печи, чтобы они шли священнодействовать. У иного голова на плечах не держится, руками он не владеет, зерно в горсть с трудом загребает и зря рассыпает. Его выведут на зеленя под руки, пособят и рукой потрясти. Он же, зная свое дело и ожидая, что его позовут, успел уже с вечера сходить в баню и надеть чистое белье, а днем засева (обходя тяжелые дни среду и пятницу) назначил Благовещение. Выходит он сеять натошак, а разбрасывая по полосам зерна, шепчет молитву: "Зароди на все души грешные, на всякого проходящего и заходящего, на калек и нищих, на братию имущую и неимущую" и пр.

Это – тот же почетный старец Белой Руси, который в первый день Рождества (на "Калядах") в черной рубашке садится на печной столб, гадает об урожае и говорит затверженные непонятные слова, которые в наши дни надо переводить на живую речь и толковать. Так, например, он кличет: "Иди, мороз, кутью есть на чугунную борону с железным кнутом", т.е. если придешь, то было бы что положить на сковороду (чугунную борону), было бы что вынуть сковородником (железным кнутом) из печи и поставить на стол.

В некоторых местах (даже под самым г. Орлом) когда выходит засевальщик в поле, то, сняв шапку, молится на восток: "Батюшка Илья, благослови семена в землю бросать. Ты напой мать-сыру землю студеной росой, чтобы принесла она зерно, всколыхала его, возвратила его мне большим колосом".

Или кличут так: "Кузьма-Демьян – матушка полевая заступница, иди к нам, помоги нам работать!"

При посевах всяких сортов хлеба великую роль играет так называемая "благовещенская" просфора, которую крестьяне или получают кусочком из рук священника при раздаче в конце обедни антидора, или сами подают за евхаристией, чтобы вынули части за здравие живущих и за упокой умерших. Просфору эту или кладут в сусеки, чтобы увеличить силу плодородия зерен, или на дно лукошка-севалки и в мешки с зерном. По окончании же сева просфору делят между семейными и съедают. На вопрос священника о значении этого обычая, подмосковные крестьяне отвечали, что так-де поступали и завещали делать отцы и деды. Самый же обычай этот укрепился до такой степени, что, например, под Орлом просфоры пекут дома, разной величины, от обыкновенной до полуфунтовой; по форме они схожи с церковными, но лишь с оттиском на верхней половинке обыкновенного шейного креста. В Тамбовской губернии стараются напечь просфор столько, чтобы на каждого члена семьи пришлось по одной. В некоторых местностях (например, в Боровичах) значение благовещенской просфоры отчасти оспаривается силою и действием хлеба-"крестовика", какие обычно пекут во всей Православной России, на Средокрестной (четвертой) неделе Великого поста. Печенье этих "крестовиков" связывается обыкновенно с суеверными гаданьями о том, кому доведется в тот год сеять и какие сорта хлеба. Счастье выпадает тому, кому достается крестовик с запеченными в нем заметками: одни для мужчин, другие для женщин. Если хлебец достанется ребенку, то по обычаю, например, крестьян Ковровского уезда (Владимирская губерния), ребенка ведут или несут в поле и дают ему взять горсть семян (если же ребенок грудной, то за него разрешается исполнить святую обязанность матери).

Следом за окончанием сева начинается самое мучительное в трудовой деревенской жизни время, когда по мелким и случайным признакам настоящего, доводится судить о темном будущем. До сих пор с ранней осени, с посева озимей, прибегали к гаданьям, вопрошая небо, насколько оно будет милостиво к землекормилице; в какую силу-меру станет отвечать ее насущным нуждам и помогать ее силам в тех случаях, когда они окажутся утомленными или истощенными. По заветам древнейших предков, в зимнюю пору то прибегают к церковным молитвам, то к суеверным заговорам и разнообразным причетам, служат и молебны в церквях и домах, и втихомолку задабривают ласковым словом и обетными приносами того нечистого, который зовется "полевиком". Гадают об урожаях отдельно для всякого хлебного злака, а попутно и на огородные овощи, причем соблюдают урочные для каждого из них сроки, намеченные еще в старину: и на христианские праздники из двенадцатых, и на простые дни, не чествуемые св. церковью, но избранные всенародным почитанием. Доискиваются прямых указаний – по блеску звезд на Параскеву-Пятницу, на день Рождества Христова, на Якова-апостола и на последние сутки Масленицы, – и по облакам, и по ущербам луны, и по солнцу. Принимается в расчет и то, насколько космата изморозь на деревьях и сколь силен иней, велик мороз, ясны утренники, черны тропинки и прохожие дороги. Ка-

кой день на Масляной неделе выдался ясным, тот день стараются запомнить, чтобы в соименный ему начать сеять. В родительскую субботу все спешат вывозить навоз на поля: на Вербной неделе в Новгородской губернии для урожая желают мороза; в Ярославской в то же время молят об ясных днях. На Вознесенев день в иных местах в поле не работают, в других стараются запахать пашню, в прямом расчете умиловать кормилицу-землю и порадоваться за нее, когда снизойдет великая небесная милость и на вешнего Николу польет хороший и теплый дождик, и т.д.

Призывая на помощь небесные силы для ответов на мучительные вопросы об урожае, вопрошают и саму виновницу бесчисленных тревог и бесконечных забот – мать-сыру землю.

Вопрошают ее в иных случаях с тем детским простодушием которое вообще свойственно всем первобытным верованиям, и которое в таком изобилии разлито во всех народных предрассудках и суеверных обрядах. Так, например, выселенцы из старой и коренной Руси на южные окраины московского царства унесли с собою и сохранили до сего дня, между прочим, такой обычай (подмеченный в Тамбовской губернии): в Васильев вечер, во вторую кутью накануне нового гражданского года, крестьяне, пришедшие от заутрени, идут на перекрестки, где вычерчивают на земле перстом или палкою крест, прилегают к тому месту ухом и слушают, что скажет земля. Послышатся звуки, похожие на то, что едут сани с грузом, – будет год хлебородный, если пустые – неурожайный.

По народным воззрениям, земля не только отвечает на все вопросы о будущем урожае, но и сама дает указания, когда пахать, сеять и пр. Развернулся дубовый лист, стало быть, земля вошла в полную силу и принялась за роды: "Коли на дубу макушка с опушкой, будешь мерять овес кадушкой". Березовый лист стал уже величиной с полушку – значит, земля показывает время, когда следует запахать пашню, и на Егорья (23 апреля) выезжает даже "ленивая соха". Когда сама земля мокра, то любит, чтобы в это время доверяли ей овсяное зерно ("Сей овес в грязь – будешь князь"). Зато рожь надо сеять в сухую землю ("Сей рожь в золу да в пору", – советуют исконные земледельцы). Вообще, на это время земля из своих пор выпускает лягушек, которые скачут и квачат: "Пора сеять" ("Лягушка квачет, овес скачет"). Раннее яровое в черноземных губерниях сеют, когда земля совсем стонит весеннюю воду, и если цвет ягоды калины будет в кругу, то такой сев считается поздним. Впрочем, для глаз опытных хозяев имеются и другие приметы; советуют, например, наблюдать за известным кустарником, называемым "волчье лыко": зацвели ягоды на нем сверху (а цвести начинают они тотчас, как стаёт снег), – лучше начать посев ранний; цветут с середины – средний, снизу пошли – поздний. Начнет цвести козелец (он же и лютик) желтыми цветами – земля приказывает сеять овес; зацветает черемуха пришла пора пшеницы, расцветет можжевельник – время сева ячменя. Когда яблони в полном цвету – сажают картофель, когда земляничные кустики словно бы спрыснули молоком – пришла пора сеять гречиху. Лист полон – и сеять полно. Когда на Ивана Купалу собирают росу, отрывают в муравейниках масло и рвут целебные травы, то в это время говорят: "Земля-мати, благослови меня травы брати, твою плоду рвать: твоя плода ко всему пригодна", и т.д. По обилию шишек на ели судят о хорошем урожае на все яровые хлеба; если же такое обилие замечается на соснах, то это предвещает хороший урожай одного ячменя. Сильный цвет на рябине предсказывает хороший урожай льна, обилие орехов обещает яровой хлебород на будущий год (оба урожая на один и тот же год никогда не сходятся). И нет сомненья в той святой истине, какая исповедуется всем русским миром, что "земля любит навоз, как лошадь овес, как судья принос". "Для того и кладут навоз, чтобы больше хлеба родилось, а полбу, чтобы людям годилось". "Где лишняя навозу колышка, там лишняя хлеба коврижка", "Какова земля, таков и хлеб". О даровании же хлеба насущного на худых и холодных землях молят в умилении сердца и преклонив

колена в церквах, в избах и на зеленых полях – на последних, когда показалась веселая и радостно улыбающаяся зелень всходов. Широко и размашисто кладутся крестные знамена и во всю трудовую спину поясные поклоны. Звонко, с восторгом разливаются голоса поющих молебен. Искреннее увлечение всех предстоящих очевидно: все настроены благоговейно. Но в то же время кто может поручиться за то, что если бы была своя воля действовать, то не вырвались бы толпой бойкие бабы, не сбили бы священника с ног и не начали катать его по зеленым, а сами кувиркаться рядом, пожалуй, даже и с приговором: "Нивка-нивка, отдай твою силку, пусть уродится долог колос, как у нашего батюшки-попа волос".

Священные рощи

В Ильешах, столь известных петербургским православным жителям, тысячами отправляющимся туда на Ильинскую пятницу по Балтийской дороге, наблюдается следующая поразительная картина: над опущенными долу головами коленопреклоненных богомольцев проносится, высоко поднятая на носилках, тяжелая киота с деревянным изваянием явленного образа Пятницы. С трудом продвигаясь вперед, счастливая и восторженная группа богоносцев, лишь благодаря ловкости, приобретенной долгим опытом, никого не увечит в этой цепи неловко распластавшихся по земле людей. Замедляемый всякими помехами, крестный ход из храма "Великого Николы" (с приделами пророка Илии и мученицы Параскевы) направляется к часовне, находящейся в полутора верстах от него, т.е. от места "поставления" чудотворной иконы к месту ее "явления".

Здесь, подле самой часовни, стоит развесистая старая береза, служащая, как священная, предметом благоговейного почитания. В кору ее, на некоторой высоте от земли, врос булыжный камень так глубоко, что теперь едва приметен. По легенде, это – тот самый камень, который был брошен озлобленным, сладострастным дьяволом в убегавшую от его соблазнов Пятницу, спасавшуюся на этом дереве. А подле дерева, у самого корня, есть другой камень, который привлекает главное внимание всех богомольцев. Это – тот камень, на который уперлась стопой Пятница, чтобы быстро вскочить на дерево, и оставила тут глубокий след стопы своей. Вода, скопляющаяся здесь, признается народом за слезы праведницы, плачущей о людских прегрешениях. Эта вода врачует от всяких болезней и преимущественно глазных, точно так же, как и песок и мелкие камушки, рассыпанные на этом святом месте, и как церковный колокол, под который, во время благовеста, становятся глухие в надежде исцеления.

Наше внимание в настоящем случае главнейшим образом останавливает этот след человеческой ноги, почитаемый таковым в силу слепого фанатизма, но на самом деле не имеющий ни малейшего сходства с обыкновенным следом человека, уже ввиду своей чрезмерной величины. Замечательно, что подобного рода камни, существующие во множестве, пользуются благоговейным почитанием не только среди православного населения, но и в католическом мире, причем суеверное воображение народа создает целые легенды о происхождении этих камней, окружая их ореолом святости. Так, например, подобного рода камень указывают в Почаевской Успенской лавре, близ австрийской границы. Такой же камень, называемый "стопой", с изображением креста и славянской надписью, в течение не одного столетия усердно лобызают поклонники в местечке Лукомле (Сенненского уезда Могилевской губернии). В церковь, охраняющую изваяние Пятницы, во вторую пятницу после Пасхи собирается до трех тысяч богомольцев из трех соседних губерний (Могилевской, Витебской и Смоленской) и находящийся здесь камень-стопа, о котором не сохранилось даже легенды и на котором уже нельзя разобрать вконец истершуюся надпись, чтут не менее самого образа. В 3-4 верстах от г. Пошехонья (Ярославская губерния) около часовни-прощи, близ села Федоровского, лежит

камень с круглыми углублениями, собирающими дождевую воду. Эта вода также считается целебной и ежегодно (11 сентября) привлекает массу богомольцев. На месте, где стоит часовня, спал некогда благочестивый человек, которому явилась во сне преподобная Федора Александрийская и повелела построить на том месте часовню. Проснувшись, благочестивый человек святой жены не видал, но заметил на камне следы ее ног. Также на камне следы ног оставил Зосима Соловецкий, в сорока верстах от с. Белого, на Мете, в Боровичском уезде Новгородской губернии, отдыхавший здесь на пути в Новгород, куда он шел для исхода-тайствования у веча владельческой записи на свой пустынный остров (27 сентября ходят сюда к "Камню" для поклонения). Коневецкий монастырь, стоящий на одном из островов Ладожского озера, сберегает внушительной величины скалу, одиноко стоящую и называемую "Конь-камень", давший свое имя и острову, и обители. До прибытия сюда преп. Арсения, жители, боготворившие этот камень, ежегодно оставляли здесь в жертву богам лошадь. Св. Арсений приступил к камню с молитвой, окропил его св. водой и на вершине водрузил крест. Боги-духи, в виде черных воронов, улетели, а воздвигнутая наверху часовня, сделавшись предметом почитания, наглядно показывает тот прием, каким пользовались пустынники при борьбе с языческими суевериями. Таково однообразие верований, при поражающем различии народного характера, расового происхождения, при полнейшей политической и географической отчужденности. Не исчезает это изумительное сходство и в дальнейшей последовательности, хотя бы ввиду той связи, которая существует между обоготворением воды и почитанием осеняющих родники деревьев.

Наши "заповедные рощи", по своему происхождению и по своей идее, несомненно имеют много общего со священными пущами глубокой древности: и там и здесь "заповедь" преследует одну цель — охрану деревьев. Несомненно точно так же, что охрана, опиравшаяся на страх и совесть каждого, была более деятельна и спасительна, чем нынешняя усердная и бдительная стража и больно бьющие по дырявым карманам денежные штрафы. Нельзя и предположить себе, чтобы могли быть допущены такие хищнические набеги беспощадного топора, какие возможны теперь, под властным влиянием подкупа и под защитой корыстолюбивых властей. Только один огонь да острые зубы времени могли тут хозяйничать и оставаться без наказания: но и против них существовали препоны в виде различных предохранительных мер, каковые отчасти можно наблюдать и теперь. Опасение навлечь на себя тяжкий грех и в настоящее время служит главною уздой для тех нарушителей не писаного, но гласного закона, которых не коснулась еще городская цивилизация и куда не дошел еще купец-съемщик и подрядчик. В Грязовецком уезде (Вологодская губерния) грешит тяжело даже тот, кто решается срубить всякое старое дерево, отнимая, таким образом, у него заслуженное право на ветровал, т.е. на естественную, стихийную смерть. Такой грешник либо сходит с ума, либо ломает себе руку или ногу, либо сам в одночасье (скоропостижно) помирает. Та же участь (по убеждениям тотемских лесовиков) постигает и того, кто решится срубить дерево, посаженное руками человека и взлелеянное им. В Орловской губернии считаются неприкосновенными рощи, выросшие на церковных местах старых церквей: "Все равно, что в церковь залезть (говорят тамошние жители), что бревно вырубить", а потому, при нужде, эти деревья могут идти лишь на постройку новой церкви или на поправку старой часовни. В Вологодской губернии (Николаевский уезд) нарушителей целостности заповедных рощ непременно должна убить молния, как убила она одного крестьянина тотчас после того, как он подсек, без всякой надобности, огромную пихту, росшую в том лесу, который, видимо для всех, был не только заповедным, но и спасительным, так как корнями своих деревьев он скреплял почву обсыпчивого песчаного берега реки Вохмы, на высоком и почти отвесном берегу которой сберегалась издревле Тихоновская церковь. В селе Бруснеце (Тотемский уезд) до сих пор цела священная сосна; под ней некоторые благочестивые люди ежегодно видят, во время пасхальной заутре-

ни, горящую пудовую восковую свечу. Не выходя из тех же вологодских лесов, еще достаточно сохранившихся, наталкиваемся на подобную заповедную рощу в Кадниковском уезде (при деревне Глебова), замечательную по необыкновенно старым деревьям. Об одном из них – высокой сосне, сложилось даже предание, что она не поддается никаким человеческим усилиям: вместо отброса щепы мечет искры, неисправимо тупит лезвие топора, а сам смельчак, дерзнувший рубить эту сосну, непременно надорвется нутром, начнет чахнуть и недолге помрет. Другая же ель (при деревне Середней), спасается местным предрассудком, что будто с уничтожением ее постигнет неожиданное большое общее несчастье. В тех же местах толстые дуплистые деревья находятся в безопасности потому, что в дуплах нашли себе приют совы и филины, испускающие странные, пугающие звуки, показывающие, что тут живет сам леший и "глумится". Большую роль, в смысле охраны деревьев, играет и то внушительное впечатление, какое производят леса, в особенности хвойные, одним своим внешним видом. Их вечное спокойное однообразие сильно повлияло на умственное и нравственное развитие не только младенческих племен инородцев, но и пришлых насельников севера славянской расы. Постоянный мрак хвойных лесов не мог не произвести на всех живых существ самого подавляющего влияния. Среди лесных ужасов сложились верования первобытных племен: в высоких, почти недоступных горных борах, а равно и в красивых рощах поселились высшие силы, народные божества; они-то и наложили строгие заповеди охранения таких мест. Самые деревья, отдельные от прочих и выделяющиеся из ряда других массивностью и долголетием, способные возбуждать трепетное душевное настроение даже в городских жителях и цивилизованных людях, в глазах дикарей оказались стоящими под нравственной защитой особых существ. В ветлужских лесах прославилась всеобщим богопочтением береза, разделенная на восемнадцать больших ветвей, имеющих как бы восемьдесят четыре вершины. Когда буря сломала одну из них и сбросила на засеянное поле – хозяин последнего принял это за гнев незримого охранителя и оставил весь хлеб необранным в пользу Бога. У таких вероисповедников всякое дерево в заповедных рощах, поваленное бурей, считается признаком несчастья для ближайшего окольного люда. Деревья в них с нависшими ягелями, украшающими их наподобие висячих бород, тоже попали, в качестве избранных, в религиозный культ и воспламенили воображение сказочников. Подобного рода деревьями, покрытыми до самой вершины мхом и в самом деле оживляющими угрюмые хвойные леса, придавая им в то же время внушительный вид долговечности и обилия, украшаются жилища и владения богов и их избранных и любимцев – храбрых и могучих богатырей. Той же участи удостоилась в особенности ель, вообще стоящая, по своим внутренним качествам, ниже сосны, но наружным видом выражающая высшую степень строгости, спокойствия и торжественности. Впрочем, среди православного русского люда место ели, по необъяснимым причинам и едва ли не по простой случайности, заступили другие деревья и преимущественно сосна. Практическому великорусскому племени пришлось по вкусу сухие сосновые боры как наиболее удобные места для жительства. Поэтому и выбор священных деревьев естественным образом стал падать на сосны. От постройки часовен с постановкою в них образов зависело то обстоятельство, что известные участки сосновых лесов становились через то священными, в смысле недозволенных к вырубке, обязательных к охранению, заповедных. От явлений св. икон (исключительно Богоматери) на ветвях, или у корней деревьев, подобно Костромской, Федоровской и Курской Коренной, самые деревья признавались святыми, но уже не в охранительном смысле заповедных, а таких, из которых сооружались престолы алтарей, создаваемые на местах явлений. В южной части Череповецкого уезда обращает на себя внимание обилие таких сосновых рощ, где часовни являются показателями полного запрещения рубок, и в трех волостях заповедь эта усилена еще тем, что здесь не дозволяются хороводы и всякие сходки для каких-либо веселых развлечений. За срубленное дерево или осквернение чем-нибудь

всей рощи предполагается скорое и несомненное возмездие, в виде слепоты и иных болезней, и даже смерти. Около деревни Острова сберегается сосновая роща, в которой устроено теперь несколько ям-"морянок" для пережигания угля, но первый крестьянин, дерзнувший положить почин этому лесному промыслу, ослеп.

Тем же страхом болезни и смерти оберегаются избранные деревья, отмеченные каким-либо чрезвычайным или чудесным событием и признанные священными, а равным образом и те, которых игра природы выделила какими-либо отметами в росте, направлении ветвей, уродливостями ствола, сплетениями корней и проч. (подобно березам ветлужской и ильешевской). Сюда причислены дуплистые сосны с особенностями в расположении пустот выгнившего нутра, чем, при лечении детских болезней, пользуются суеверные женщины. Если священник не соглашается "пронять" больного ребенка сквозь ризу или поставить под престол на несколько часов кувшин с водой, чтобы потом окачивать из него больных, то на такие случаи имеются общедоступные дупла, испытанные в дарах исцеления: через отверстие их "пронимают", т.е. протаскивают несколько раз детей, а иногда пролезают и сами взрослые с одного бока целебной сосны на другой. Конечно, наибольшим почтением и известностью пользуются те деревья, на которых отразилась игра природы, и раздвоившийся ствол оставляет свободным широкое отверстие, удобное для проемов и пролазов (так называемые "воротца"). Таких деревьев не особенно много, и они все на счету, но почитание их еще настолько же действительно, насколько и почтено по своей древности. Так в житии Адриана, пошехонского чудотворца (ум. в 1550 г.), записано: "Бысть некогда в пошехонском пределе, при реках Ияре и Уломе, церковь св. пророка Илии и тамо растяще древо, зовомое рябиною. Прихождаху же и священники из близ лежащих весей и приносяху образ святыя мученицы Параскевы, нареченныя Пятницы, молебная пения совершающе. Люди же, для получения здравия, сквозь оное древо пронимаху дети своя, инии же, совершенного возраста, и сами пролазаху и получаху исцеления".

В сообщении из Пензенской губернии имеется указание на такое дерево, около которого целостно сохранился полный обряд довольно сложного священнодействия, очень поучительный в том смысле, что наглядно объясняет происхождение старого обычая почитания прощей. Около заштатного города Троицка, бывшего в начале заселения этой окраины крепостью, и конечно окруженного в свое время громадным лесом (липовым), до наших дней сохранились три липы, прославившиеся на все окрестности. Они выросли из одного корня, но получили общее название "Исколена", объясняемое легендой. В те далекие времена, на это место ходила из крепости, для уединенной молитвы, некая "простасвята" девка (а по другим сведениям, три "простысвяты" девки). Сладострастный прохожий, желавший одну из них изнасиловать, встретил отчаянное сопротивление и за то убил ее. "Из колен" убитой и выросли эти три липы, потребовавшие вскоре часовенку с образом и охрану в виде плетня и наложения клятвенного устрашительного запрета, закрепленного в соседях недавним живым случаем: местный священник, при помощи станового, поревновал успеху "Исколены", забравшейся на самую вершину горы и выстаивающей на ней третью сотню лет, и пожелал срубить ее. Но пригнанный сюда народ с топорами не сдался ни на какие увещания, требования и угрозы – и рубить святое дерево не пожелал. Тогда принялись сами подстрекатели, но при первом же ударе топора из дерева брызнула кровь и ослепила дерзновенных. понадобился совет знающих старушек, чтобы обоим ослепленным испросить прощения у дерева и получить исцеление. Исцеление, впрочем, испрашивается и до сих пор, при соблюдении следующей обстановки. Стараются приехать к дереву до солнечного восхода, конечно, с тою целью, чтобы чужой посторонний человек не сглазил. Больной, если в силах, ползет на коленях, что делает также и провожающая его старуха. С молитвой: "Дай Бог в добрый час" она крестится, отплевывается на все четыре стороны, зажигает четыре восковых свечи, из которых одну прилепляет к иконе, а остальные – к каждому из деревьев. Больного она

раздевает донага и кладет на землю так, чтобы головой он касался до корней (в полтора-два обхвата), обсыпает пшеном и опутывает нитками, а в заключение обливает водой и одевает в новое или чистое белье (старое поступает в жертву дереву вместе с нитками, которые вешаются на ветви). Больной и жрица кланяются дереву земным поклоном, с молитвою: "Прости, матушка-сыра земля, и свято дерево, отпусти!" Зажженные свечи тушатся, и больной со старухой выползают задом из ограды с тем, чтобы тут же приняться за трапезу вместе с прочими провожатыми родными, которые до того времени стояли за оградой и молились. Едят также не просто, а старуха прежде всего берет каравай хлеба и щепотку соли и относит их, вместе с бельем больного, к дереву. Это предназначается в пользу бедных, которые первыми придут на горячие следы жертвоприношения. "В спасительную и целительную силу этого дерева крестьяне так сильно верят (свидетельствует корреспондент г. Лентовский в сообщении от 15 мая 1899 г.), что разубедить их нет никакой возможности и даже, пожалуй, опасно: сочтут за богохульство. Я однажды сломал несколько сучьев этой липы и бросил их с целью узнать: будут ли по этим сучьям ездить. И действительно, через три дня увидел, что сучья не тронуты, а вправо, в объезд, был проложен новый след, по которому и стали ездить".

Благодатная сила избранных священных деревьев далеко не ограничивается указанными приемами: не только кора и щепка от стволов, но и мочки корней обладают силою врачевания и от зубных болей, и от других болезней. Помогают и в сыром виде, и в настоях, и в виде талисмана, зашитого в нагрудных ладанках и в тряпичках, завязанных узлом и подвешенных в избах под матицу, чтобы не посещали те дома черти. В темной Уломе настойкой из коры деревьев, расщепленных молнией, лечат лихорадку. В Леушинском женском монастыре люди, страдающие зубной болью, изглодали с заповедной и врачебной сосны всю кору и успокоились только тогда, когда чудесные свойства иссохшего дерева перешли на другую сосну. К таким целителям приносятся посильные дары из числа тех, которые пригодны на потребу их сберегателям, а там, где сберегателей (как близ родников в лесах) не полагается, целительные деревья и соседние с ними украшаются ленточками, разноцветными лоскутками и пр.

Простодушные верования и в данном случае, конечно, доходят до крайностей, объяснимых лишь устойчивостью доверия к прадедовским преданиям. Так, например, между священными и обыкновенными попадаются деревья проклятые. Во главе их стоит общеизвестная, с трепещущими листьями, осина, проклятая самим Христом за то, что на ней удавился Иуда, и потому неудобная к посадке вблизи жилища. В некоторых местах находятся в сильном подозрении даже ели и сосны. Их также избегают присаживать к прочим деревьям в садах и огородах (например, в Меленковском уезде Владимирской губернии) за то, что они не послушались Спасителя, когда Он молился в саду Гефсиманском и сказал им, чтобы они не шумели и не мешали Ему. Священным считается всякое "божье" дерево (кустарниковое с пахучими листьями камфорного масла, артемизия), за то, что, по уверению орловских пахарей, его сам Бог насадил в раю прежде всех других деревьев, и потом священную вербу. Ими никогда не топят печей, а освященные пучки вербы, которыми выгоняют в Егорьев день скотину в поле, истребляют не иначе, как бросая их не в печной огонь, а на речную воду.

Кроме проклятой осины в сосновых и еловых лесах вырастают еще такие деревья, которые носят название "буйных" (Череповецкий уезд). Им приписываются особые свойства — именно разрушительная сила, скрытая и тайная, угадать и указать которую могут лишь одни колдуны. Такое дерево, с корня срубленное и попавшее между другими бревнами в стены избы, без всяких причин рушит все строение и обломками давит насмерть неопытных и недогадливых хозяев. Даже щепка от таких бревен, подложенная со зла лихим знающим человеком, ломает и разрушает целые мельницы. Знающие люди во время грозы никогда не садятся под со-

сну и ель, всегда предпочитая им березу, если уже выпал неизбежный повод к укрытию.

В Череповецком уезде (в Горской волости) кустарниковое растение – можжевельник, редко достигающее величины дерева, изумляет своими необычными размерами, которые тем более удивительны, что растет этот можжевельник на рыхлом голом песке. Ясно, что дерево как будто стоит под особым покровительством какого-то таинственного существа, и за то, вероятно, этот можжевельник сплошь увешивается тряпками и даже полотенцами, на которых нашиты красные или черные крестики.

Хотя в этом сообщении, полученном прямо с места, не указано явных поводов к таинственным приношениям, тем не менее, и в данном случае несомненны следы признательности за благодатные дары, получаемые здесь от необыкновенного дерева. Более странными могут почитаться искания врачебной помощи у деревьев, давно умерших и даже успевших предаться, в известной степени, гниению. Например, тех же маленьких детей, страдающих бессонницей, сердобольные матери стучат пятками об стенки нежилых строений. Точно так же человек, наломавший на работах до таких болей, от которых, что называется, некуда деваться, старается ослабить жгучие страдания тем, что трется обнаженной спиной о подпорки заборов или бежит к овину и на средней стенке его проделывает то же.

МИР МИКРОБОВ

БИОСИНТЕЗ У МИКРООРГАНИЗМОВ (продолжение)

СИНТЕЗ БЕЛКОВ

Все продукты транскрипции — мРНК, тРНК и рРНК — участвуют в синтезе белка. рРНК является компонентом рибосом, где происходит синтез белка. Функционально активная форма рибосомы прокариот, имеющая константу седиментации 70S, может обратимо диссоциировать на 30S- и 50S-субчастицы при изменении в буфере концентрации Mg^{2+} . Молекулярный состав рибосом прокариот показан на рис. 47. Рассмотрим биохимические стадии синтеза белка по отдельности.

Активация аминокислот

Активированная форма аминокислот, которая используется при Полимеризации

белков, представляет собой аминоксил-тРНК. Она синтезируется в две стадии, катализируемые ферментом из группы аминоксил-тРНК-синтетаз. Существует 20 таких ферментов, каждый из них специфичен для определенной аминокислоты и определенной молекулы тРНК¹. Аминокислота реагирует с АТФ и образует связанный с ферментом интермедиат — аминоксиладениловую кислоту; затем аминоксилная группа переносится на свободную гидроксильную группу концевой остатка АМФ, который содержат все молекулы тРНК (рис. 48).

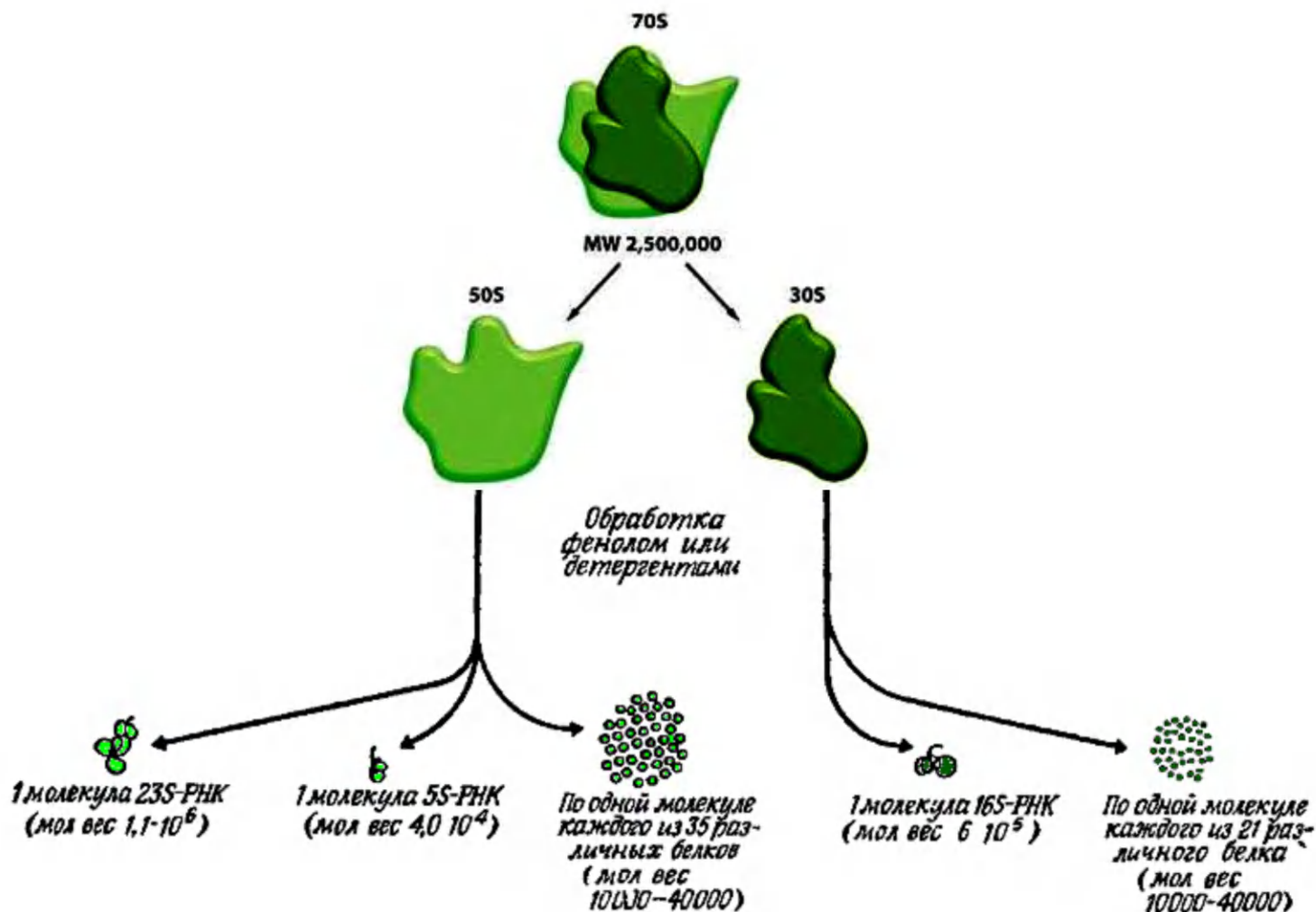

Рис. 47. Состав рибосом прокариот (50S- и 30S- суб- частицы не содержат общих белков).

Инициация трансляции

Рибосомная 30S-субчастица вместе с особой аминоксил-тРНК (одной из метионил-тРНК, к аминоксилной группе которой присоединен формильный остаток) соединяется со специфическим участком в молекуле мРНК, образуя комплекс инициации. Затем к комплексу присоединяется рибосомная 50S-субчастица и образуется 70S-рибосома, которая осуществляет полимеризацию. В данной реакции принимают участие три вспомогательных белка (они называются факторами инициации IF_1 , IF_2 и IF_3); этот процесс требует затраты одной высокоэнергетической связи ГТФ.

¹ В клетке имеется более 20 различных сортов тРНК, так как в некоторых случаях одну и ту же аминокислоту могут акцептировать несколько различных молекул тРНК.

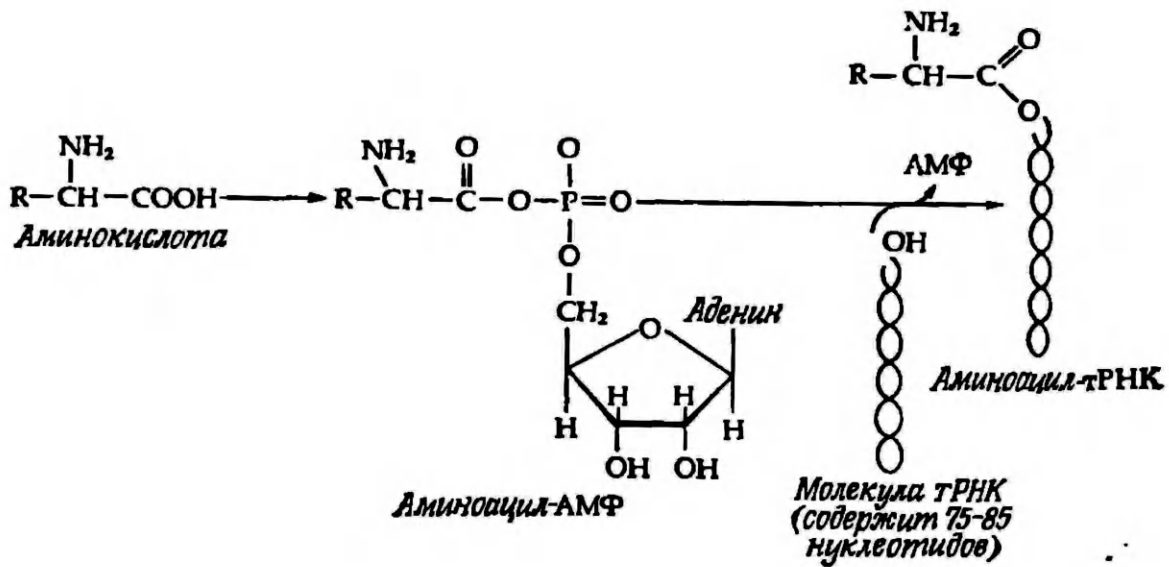

Рис. 48. Процесс активации аминокислот, в ходе которого аминокислота прикрепляется к определенной молекуле тРНК.

Полимеризация аминокислот с образованием белка

Присоединение каждой аминокислоты в процессе полимеризации состоит из следующей последовательности событий (рис. 49):

1. Узнавание. Молекула аминоацил-тРНК присоединяется к определенному участку 70S-рибосомы, который называется аминоацильным участком (А-участком) и в котором расположена последовательность трех оснований (кодон) молекулы мРНК. Чтобы могла произойти полимеризация, эти основания должны быть комплементарны трем основаниям (антикодону) в дистальном конце молекулы аминоацил-тРНК. Поскольку антикодон в тРНК соответствует аминокислоте, прикрепленной к молекуле, кодон в А-участке определяет, какая именно аминокислота будет присоединена к растущему пептиду, который связан с другой молекулой тРНК, расположенной в другом месте рибосомы — пептидильном участке (П-участке). В стадии узнавания участвуют еще два вспомогательных белка (они называются факторами элонгации, T_U и T_S) и одна молекула ГТФ превращается в ГДФ.
2. Перенос пептидильного остатка. Затем пептидильный остаток переносится на аминокислоту, прикрепленную к молекуле тРНК в А-участке; при этом образуется новая пептидная связь, и пептидная цепь удлиняется таким образом на один аминокислотный остаток. Перенос пептидильного остатка катализируется самой 50S-субчастицей рибосомы и не требует никаких дополнительных белков.
3. Транслокация. После переноса пептидильного остатка тРНК, к которой он присоединен, перемещается в П-участок вместе с мРНК. Таким образом, свободная молекула тРНК вытесняется и в А-участок попадает следующий кодон. В транслокации участвует один вспомогательный белок (он называется фактором G), и гидролизуется еще одна молекула ГТФ.
4. Терминация цепи. Благодаря повторяющимся актам узнавания, переноса пептидильного остатка и транслокации к пептидной цепи последовательно присоединяются остатки аминокислот в порядке, кодируемом последовательностью кодонов в молекуле мРНК. Этот процесс продолжается до тех пор, пока в А-участок не попадает один из кодонов (УАГ, УАА или УГА), вызывающих освобо-

ждение готового пептида с 70S-рибосомы. Этот процесс требует участия высвобождающего фактора (фактор R). Затем под действием фактора IF₃ 70S-рибосома диссоциирует на 30S- и 50S-субчастицы.

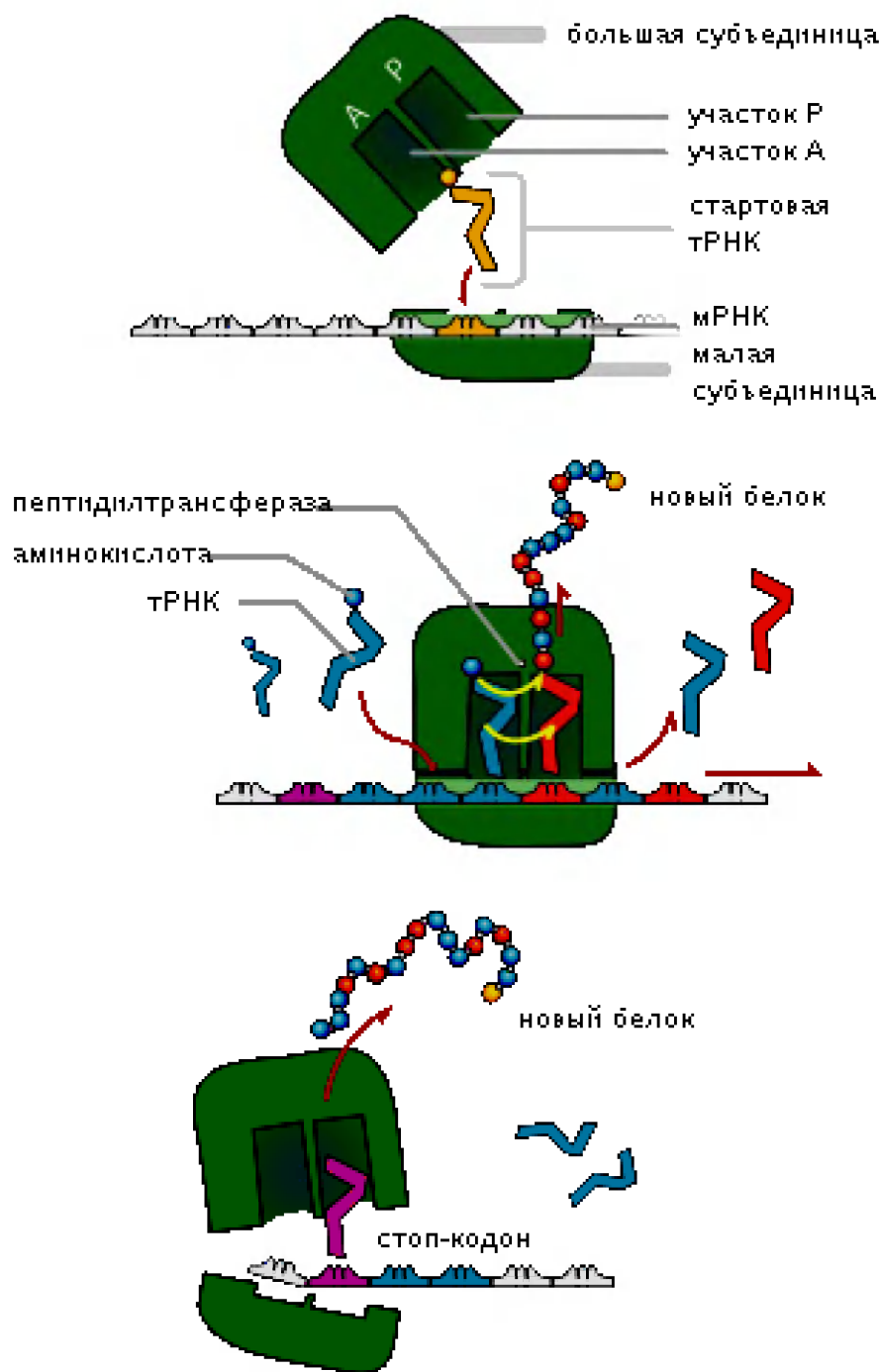

Рис. 49. Схема синтеза белка рибосомой.

В клетке трансляция молекулы мРНК начинается до того, как завершается ее синтез; в трансляции участвует одновременно большое число 70S-рибосом, равномерно распределенных по всей молекуле мРНК. Молекула мРНК вместе с прикрепленными к ней рибосомами называется полисомой. Были получены превосходные электронные микрофотографии, на которых видно, что транскрипция, трансляция и формирование полисом идут одновременно (рис. 50).

В настоящее время полностью известен генетический код, представляющий собой правило соответствия между кодонами в мРНК и аминокислотами, которые включаются в белок. Для всех живых организмов код универсален (табл. 9). Расшифров-

ка генетического кода, выполненная в результате работы группы исследователей в течение поразительно короткого промежутка времени – примерно за 5 лет, – расценивается как крупнейшее достижение биологии и всей науки.

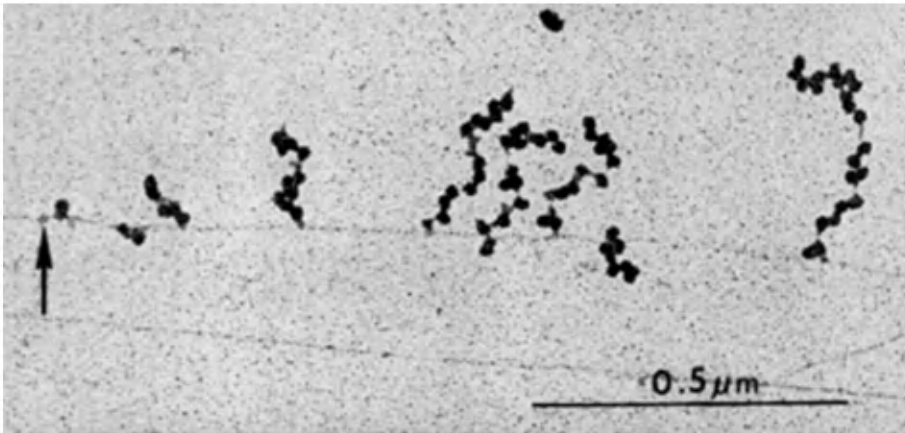

Рис. 50. Электронная микрофотография участка хромосомы *E. coli*, на котором происходит одновременно транскрипция и трансляция. Горизонтальная линия в середине – ДНК. Отходящие от нее волнистые линии – молекулы мРНК с прикрепленными к ним многочисленными рибосомами (полисомами). Постепенное увеличение длины мРНК на рисунке слева направо показывает, что в этом направлении идет транскрипция под действием ДНК-зависимой РНК-полимеразы (ее молекулы едва заметны в месте соединения РНК и ДНК) и что транскрипция начинается вблизи левого края фотографии.

Таблица 9. Генетический код

		ВТОРАЯ БУКВА					
		U	C	A	G		
ПЕРВАЯ БУКВА	U	UUU UUC UUA UUG Фенил-аланин F Лейцин L	UCU UCC UCA UCG Серин S	UAU UAC UAA UAG Тирозин Y Стоп-кодон Стоп-кодон	UGU UGC UGA UGG Цистеин C Стоп-кодон Триптофан W	U	C
	C	CUU CUC CUA CUG Лейцин L	CCU CCC CCA CCG Пролин P	CAU CAC CAA CAG Гистидин H Глутамин Q	CGU CGC CGA CGG Аргинин R	U	C
	A	AUU AUC AUA AUG Изолейцин I Метионин M Метионин старт-кодон	ACU ACC ACA ACG Треонин T	AAU AAC AAA AAG Аспарагин N Лизин K	AGU AGC AGA AGG Серин S Аргинин R	U	C
	G	GUU GUC GUA GUG Валин V	GCU GCC GCA GCG Аланин A	GAU GAC GAA GAG Аспарагиновая кислота D Глутаминовая кислота E	GGU GGC GGA GGG Глицин G	U	C
		ТРЕТЬЯ БУКВА					

Вторичная и третичная структура белков

Еще до того, как новообразованная полипептидная цепь отделяется от рибосомы, она начинает складываться в компактную трехмерную структуру. Сначала участки полипептида скручиваются в регулярную спиральную структуру, которая называется α -спиралью: она представляет собой вторичную структуру белка. Затем вся молекула, включая участки, имеющие α -спиральную конфигурацию, складывается сама на себя и принимает характерную трехмерную форму, которая называется третичной структурой белка.

Вторичная и третичная структура белка определяются только, его первичной структурой; полипептид с определенной последовательностью аминокислот может принять только одну, вполне определенную конфигурацию, представляющую собой его наиболее устойчивое состояние. Это можно доказать экспериментально. Если какой-либо белок, например фермент, денатурировать (т. е. заставить развернуться) в особых условиях, то после удаления денатурирующего агента белок снова сложится и перейдет в нативное состояние; при этом его ферментативная активность полностью восстанавливается.

Доля молекулы, которая находится в α -спиральной конфигурации, варьирует в различных белках от 0 до почти 100%. α -Спираль поддерживается водородными связями между кислородом бывшей карбоксильной группы одной пептидной связи и амидным азотом другой пептидной связи, расположенной через три остатка дальше по цепи. В результате конфигурация цепи представляет собой спираль, которая делает один виток (360°) на каждые 3,6 аминокислотных остатков.

Третичная структура нескольких белков была полностью установлена с помощью дифракции рентгеновских лучей. Первыми такими белками были миоглобин (гемопротейд – переносчик кислорода в мышцах) и гемоглобин (гемопротейд – переносчик кислорода в крови). Полное установление этих структур потребовало многих лет работы. После этого были установлены трехмерные структуры двух ферментов, лизоцима и рибонуклеазы. Модель структуры рибонуклеазы показана на рис. 51.

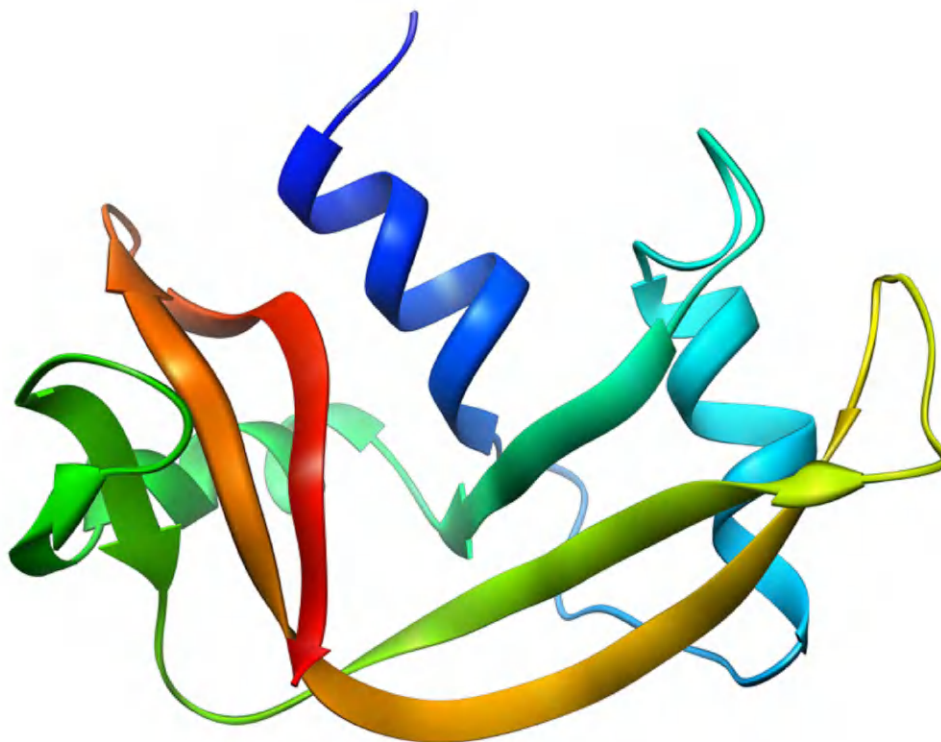
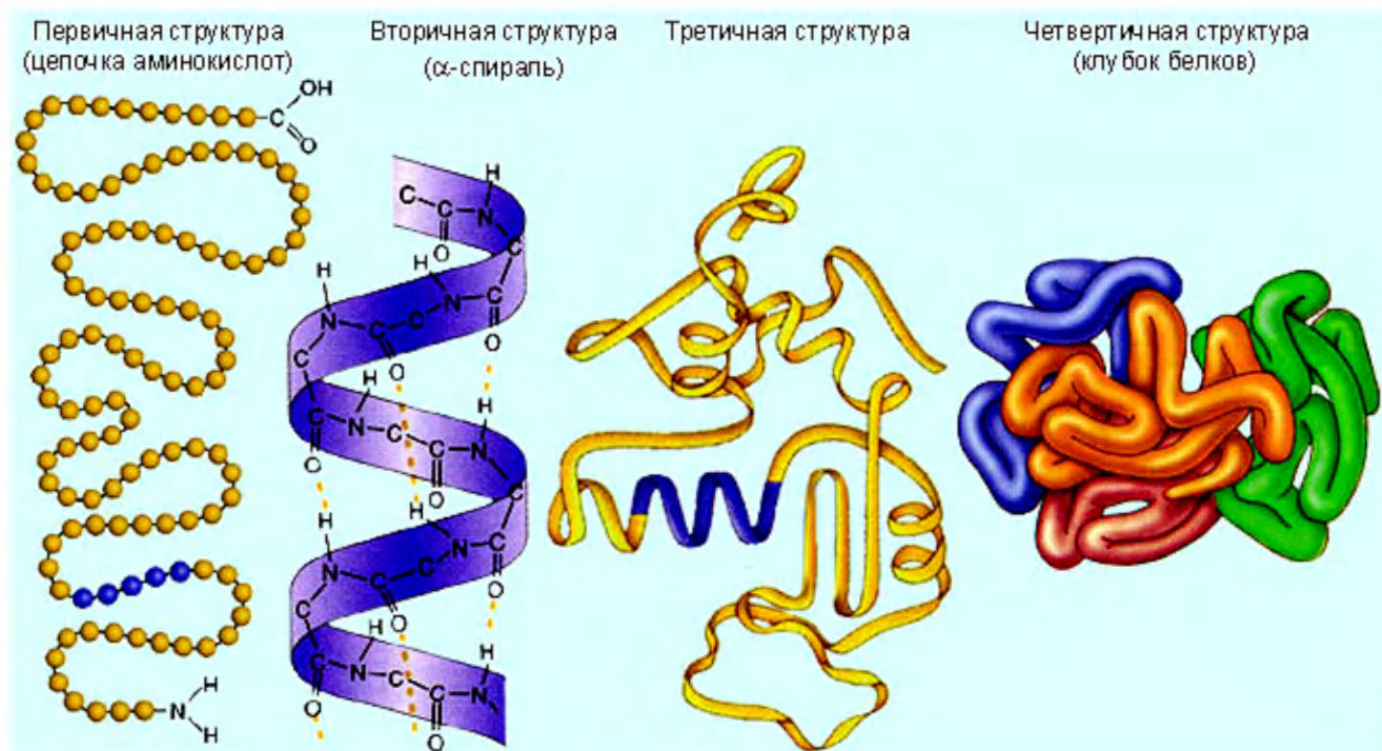

Рис. 51. Модель структуры рибонуклеазы.

гуляции эффекторами, небольшими молекулами, которые не имеют сходства с субстратами этих ферментов. Такие ферменты являются аллостерическими белками: помимо каталитического центра, все они обладают одним или несколькими центрами связывания специфических эффекторов. Связывание эффектора с аллостерическим ферментом изменяет сродство последнего к субстрату, так что его каталитическое действие стимулируется или ингибируется. Этот вопрос будет подробно обсуждаться позже.

СИНТЕЗ ПОЛИСАХАРИДОВ

Таблица 10. Системы синтеза полисахаридов

Полисахарид	Повторяющаяся единица	Предшественник
Гликоген	α -D-глюкоза (1→4)	УДФ-глюкоза (у животных) АДФ-глюкоза (у бактерий)
Целлюлоза	β -D-глюкоза (1→4)	ГДФ-глюкоза
Ксилан	β -D-ксилоза (1→4)	УДФ-ксилоза
Капсульный полисахарид пневмококка типа III	β -D-глюкуроновая кислота (1→4)	УДФ-глюкуроновая кислота
	β -D-глюкоза (1→3)	УДФ-глюкоза

Свойства некоторых систем синтеза полисахаридов описаны в табл. 10. Характерной особенностью синтеза полисахаридов, как и в случае синтеза ДНК, является необходимость затравки. В случае синтеза полисахаридов это короткий сегмент того же полисахарида, который будет синтезироваться; он служит акцептором новых мономерных фрагментов. Функция затравки была подробно изучена в случае синтеза гликогена; оказалось, что для того, чтобы затравка эффективно функционировала, она должна содержать более четырех сахарных остатков (рис. 53). Ветвление молекулы, характерное для гликогена, осуществляет особый фермент, который отщепляет мелкие фрагменты с конца линейной полисахаридной цепи, связанной 1,4-связями, и присоединяет их в другом месте 1,6-связью.

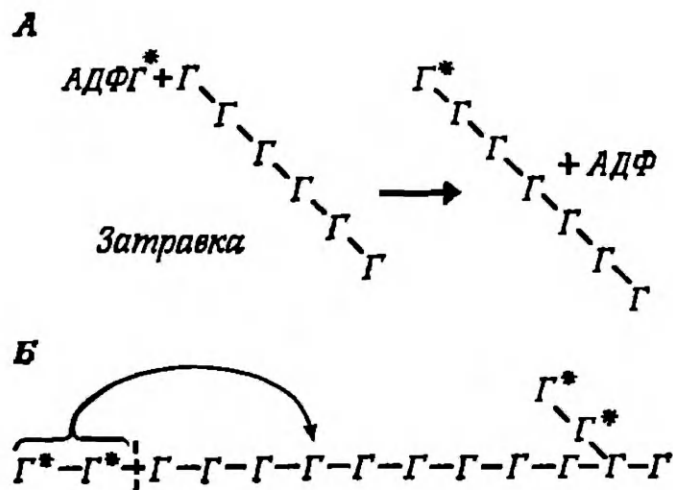

Рис. 53. Элонгация и ветвление цепи при ферментативном синтезе полисахарида гликогена; буквой Г обозначены остатки глюкозы. А. Перенос остатка глюкозы с АДФГ на молекулу затравки синтеза гликогена. Б. Реакция, катализируемая ферментом ветвления гликогена.

СИНТЕЗ КОМПОНЕНТОВ КЛЕТОЧНОЙ СТЕНКИ

Синтез компонентов клеточной стенки занимает особое место среди биополимеров, так как полимеризация происходит снаружи от клеточной мембраны, где нет АТФ (единственного источника энергии для образования любых активированных мономеров). Наглядным примером того, как полимеры способны синтезироваться снаружи от мембраны, служит биосинтез пептидогликанового слоя стенки.

Синтез пептидогликана

Повторяющиеся элементы пептидогликана синтезируются в цитоплазме, будучи связанными с нуклеотидом УДФ. Затем они соединяются с липидным переносчиком, который облегчает их прохождение через мембрану. Наконец, полимеризация в пептидогликан происходит снаружи от мембраны под действием ферментов, расположенных на ее внешней поверхности.

Пептидогликан отличается от всех обсуждавшихся до сих пор биополимеров тем, что он представляет собой двумерную сеть, а не нить из молекул и окружает клетку подобно мешку. Поэтому необходимо, чтобы в результате синтеза его повторяющиеся единицы химически связывались в двух направлениях (рис. 54). Химический состав пептидогликанового мешка сходен у всех прокариот; он отличается только по аминокислотному составу тетрапептидной цепи, частоте образования связей между тетрапептидными цепями и характеру этих связей.

Этапы биосинтеза пептидогликана у *E. coli* и места клетки, где они протекают, приведены на рис. 55. N-ацетилмурамовая кислота синтезируется постепенно в цитоплазме, оставаясь прикрепленной к УДФ. Затем она переносится на C₅₅-полиизопреновый липид (бактопренол), функционирующий как переносчик в мембране. Здесь к ней присоединяется остаток N-ацетилглюкозамина, завершая образование мономерной единицы пептидогликана. Единица, прикрепленная к липиду с длинной цепью, может пройти через мембрану, выйти на ее наружную поверхность и присоединиться 1,4-гликозидной связью к точке роста пептидогликанового мешка. Наконец, если новая мономерная единица должна участвовать в поперечном связывании между пептидными остатками, фермент, расположенный в наружной час-

ти мембраны, катализирует реакцию транспептидации; при этом расщепляется пептидная связь между двумя концевыми D-аланиновыми остатками и образуется пептидная связь между предпоследним остатком D-аланина и свободной аминогруппой диаминопимелиновой кислоты соседней пептидной цепи. Если пептид новой мономерной единицы не должен участвовать в поперечном связывании, тот же фермент удаляет концевую группу D-аланина и новая пептидная связь не образуется.

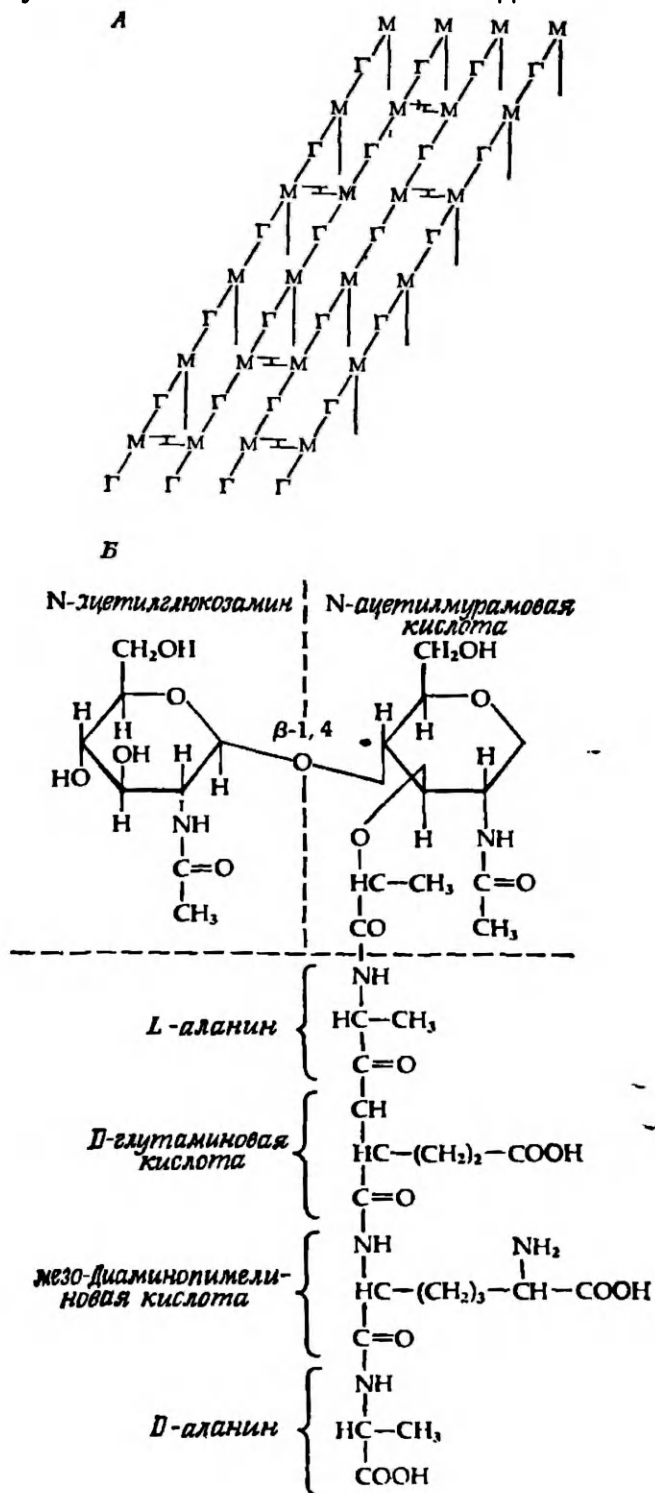

Рис. 54. А. Схематическое изображение организации интактного пептидогликанового мешка у *E. coli*; Г и М — остатки N-ацетил-глюкозамина и N-ацетил-муравовой кислоты соответственно. Линии, отходящие от М — тетрапептиды, прикрепленные к остаткам муравовой кислоты. Б. Повторяющиеся субъединицы полимеризуются в одном направлении с помощью β-1,4-гликозидных связей, а в другом — с помощью пептидных связей между карбоксильной группой D-аланинового остатка одного тетрапептида и ε-аминогруппой другого тетрапептида, однако не все пары тетрапептидов соединены подобным образом.

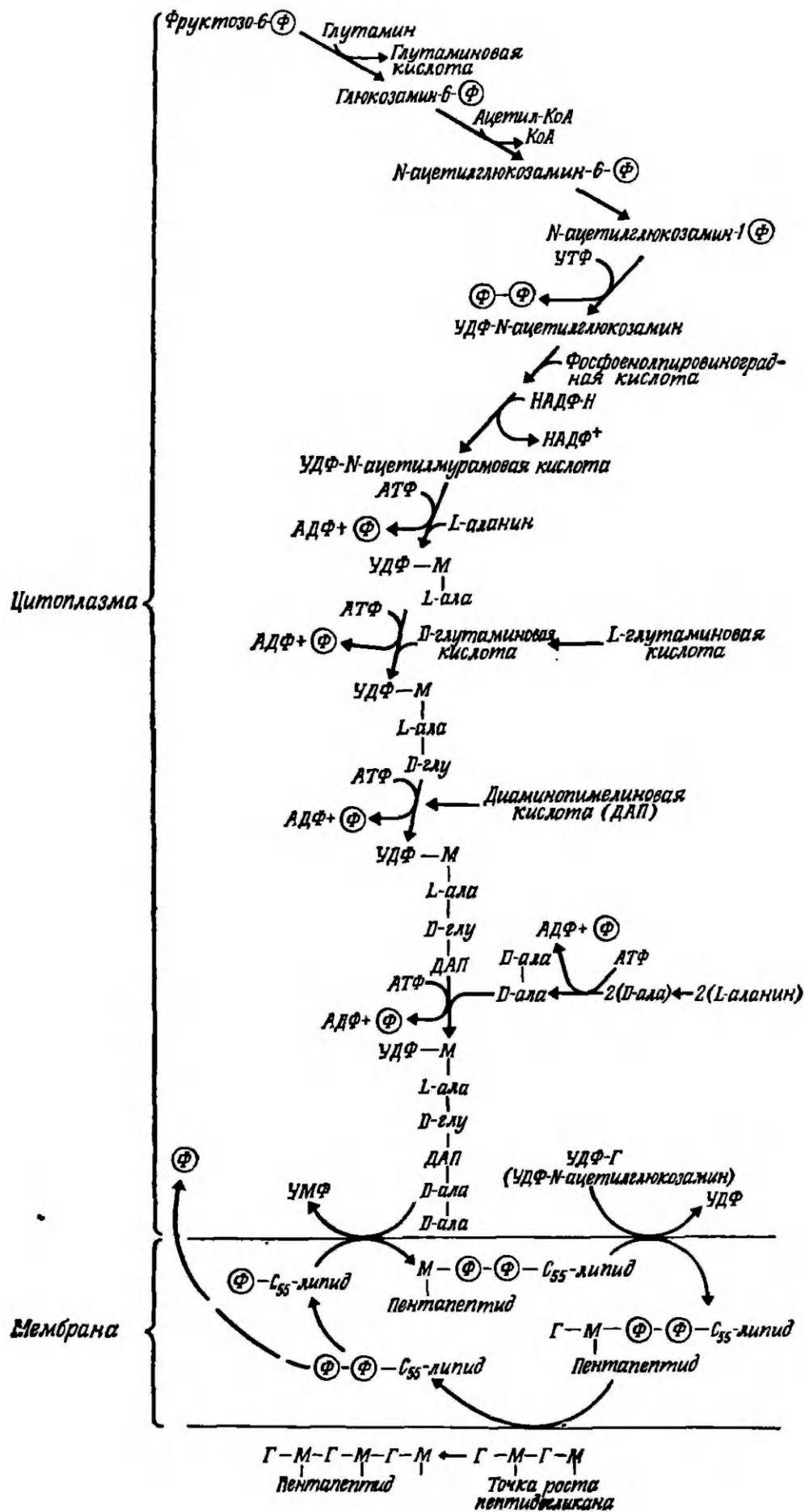

Рис. 55. Путь синтеза пептидогликана у *E.coli*.

Поскольку слой пептидогликана обеспечивает структурную жесткость, сдерживающую внутреннее осмотическое давление, которое обычно имеется у бактерий почти в любой среде, этот слой, пока клетка растет, должен оставаться интактным. Слой пептидогликана можно уподобить сити. Повреждение сита в одном месте не снижает в заметной степени его общую прочность. Во время роста пептидогликановый мешок под действием строго регулируемых ферментов автолиза в отдельных точках разрывается, и благодаря этому он способен увеличиваться путем вставки новых мономерных единиц,

Липополисахариды

Внешний слой стенки грамотрицательных бактерий на электронных микрофотографиях тонких срезов похож на клеточную мембрану. Однако по химической структуре они совершенно различны (рис. 56). Стенка содержит сложное липидное вещество – липид А, который состоит из остатков глюкозамина с заместителями – жирными кислотами с длинной цепью и фосфатом (рис. 56). Липид А прикреплен к сложному углеводу (базисный полисахарид), который состоит из различных сахаров, в том числе 2-кето-3-дезоксиктоновой кислоты (КДО); последняя встречается только в липополисахаридном слое. Наконец, на внешней поверхности слоя расположены полисахаридные нити, выступающие в среду; это так называемые О-специфические цепи, сообщающие штаммоспецифические антигенные свойства некоторым грамотрицательным бактериям.

К настоящему времени путь синтеза О-специфической цепи изучен довольно подробно. Он несколько напоминает синтез пептидогликана, так как в данном случае во время синтеза цепь также прикрепляется к C_{55} -изопреновому липиду. Однако отличие состоит в том, что О-специфическая цепь прикреплена к C_{55} -липиду на протяжении всего синтеза.

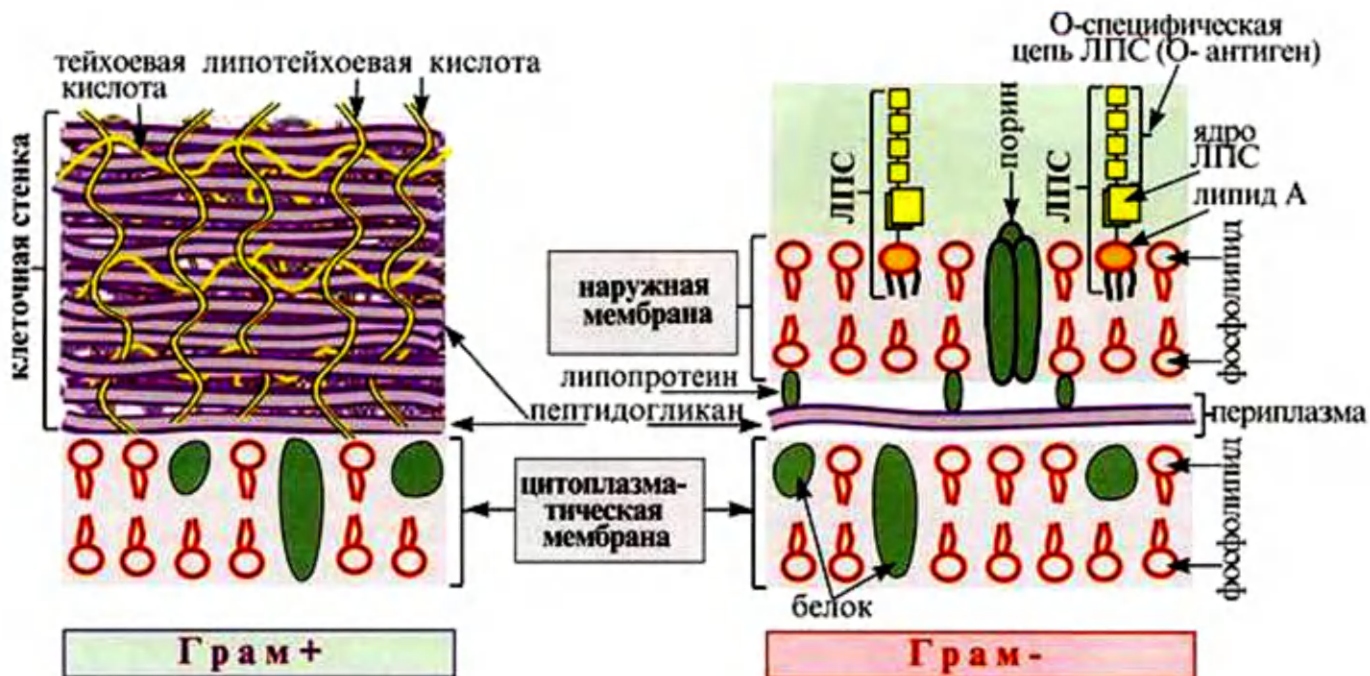

Рис. 56. Возможная укладка наружного слоя бактерий.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

ОСВАИВАЕМ СТАТИСТИКУ

Бродский Я.С.

СЛУЧАЙНЫЕ СОБЫТИЯ

Ранее было рассмотрено достаточное количество примеров реальных явлений и ситуаций, исход которых зависит от случая. Мир, в котором мы живем, очень сложен. Присущие каждому явлению закономерности прокладывают себе путь через хаос случайностей. Для многих явлений влияние случая настолько существенно, что их изучение и практическое использование невозможны без исследования и количественной оценки этого влияния.

Человеку необходимо уметь разбираться в случайных ситуациях, по крайней мере, настолько, насколько это возможно. По всей видимости, мы никогда не сможем «совершенно точно» сказать, что случится в будущем. Однако те, кто осознают, что одни возможности являются более правдоподобными, чем другие, и умеют количественно описывать эти отношения, имеют преимущества по сравнению с теми, кто полагается лишь на свои ощущения, не имея для этого объективных предпосылок. Лучше объединять понимание вероятностей со всеми доступными знаниями и опытом.

Цель этого раздела — научиться количественно измерять случайность. Случайность будет измеряться подобно тому, как измеряется длина, угол, площадь, скорость, сила и т. д. Мерой случайности является вероятность. Интуитивно часто можно ответить на вопрос, какова вероятность того или иного события. Значительно трудней ответить на вопрос о том, что же такое вероятность. И это не случайно — физическую или геометрическую величину легче измерить, чем объ-

яснить, а что же такое длина, площадь, скорость, сила тока и т. д.

Исследование случайных событий начнется с тщательного определения и ограничения ситуации. Результатом такого определения является понятие случайного опыта. При этом составляют перечень всех возможных результатов – выборочное пространство, или пространство элементарных исходов. Выделяют ряд особых случаев, которые следует рассмотреть и которые либо будут наблюдаться, либо нет; их называют событиями. Правдоподобие наступления события характеризуют конкретным числом, которое называют вероятностью.

Итак, далее рассматриваются три основные понятия теории вероятностей – случайный опыт, случайное событие и вероятность. Будут строиться математические модели явлений, позволяющие учитывать влияние случая. Умение создавать математические, в частности вероятностные, модели реальных явлений и процессов составляет важный аспект математической культуры современного человека. Будут рассмотрены различные источники получения вероятностей событий, различные подходы к определению этого понятия. Это могут быть и статистические данные, и комбинаторные знания, и суждение эксперта.

При этом может возникнуть потребность объединить информацию о более чем одном событии (операции над событиями и соответствующие теоремы сложения и умножения вероятностей), необходимость с течением времени обновлять имеющиеся значения вероятностей с помощью так называемых условных вероятностей, отражающих доступную информацию. При исследовании случайных явлений будет установлена зависимость между некоторыми из них.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ

Случайный опыт

Для многих процессов, происходящих в экономике, в природе, на производстве и в повседневной жизни, невозможно заведомо с уверенностью предсказать исход того или иного явления. Для подтверждения этого приведем примеры таких сфер деятельности, где наблюдаются подобные процессы:

- страховое дело;
- инвестиционная деятельность банков;
- грузовые работы в морском порту;
- игра в рулетку;
- распространение эпидемий;
- контроль качества продукции;
- оказание скорой медицинской помощи.

Этот перечень можно продолжать сколько угодно. Но и этих примеров достаточно для того, чтобы увидеть, что общего в таких сферах деятельности. Во-первых, соответствующие действия можно повторять многократно, примерно в одинаковых условиях (застраховать человека; вложить средства в определенный проект; разгружать судна одного класса; играть в рулетку; распространять инфекционное заболевание; проверять качество изделий, изготовленных на одном станке; принимать заявки на оказание скорой медицинской помощи). Во-вторых, исходы этих действий нельзя предсказать однозначно (страхование может закончиться тем, что произойдет или не произойдет событие, от которого страхуется человек; вложенные средства могут быть возвращены или не возвращены; различно время разгрузки судов; инфекционное заболевание может быть локализовано быстро или эпидемия продлится длительное время; деталь может оказаться бракованной или удовлетворяющей стандарту; различно время поездки машины «скорой по-

мощи» к больному).

Все приведенные в этих примерах явления имеют между собой нечто общее, а именно: результат отдельных испытаний здесь предсказать невозможно. Поэтому их называют случайными.

Под случайным опытом, или случайным испытанием, будем понимать любое действие, которое можно повторить большое количество раз в приблизительно одинаковых условиях и результаты которого предсказать невозможно.

Приведем еще несколько примеров случайных опытов: одноразовое или двукратное подбрасывания монеты; приобретение лотерейного билета; стрельба по мишеням.

В дальнейшем будут использоваться как синонимы следующие термины: случайный опыт, случайный эксперимент и случайное испытание.

Проанализируем требования к случайным испытаниям. Во-первых, их можно проводить многократно. Так, можно много раз покупать лотерейный билет, много раз бросать игральный кубик, много раз извлекать шары из ящика, стрелять по мишеням. Однако к таким испытаниям нельзя отнести, например, войну между двумя государствами. Вряд ли она будет происходить много раз. Многократно нельзя повторить запуск космического корабля: это очень дорогое мероприятие. Эти испытания не относят к случайным.

Во-вторых, случайные испытания проходят примерно в одинаковых условиях. Не меняется центр тяжести кубика при повторных его бросках. В одной и той же лотерее заранее определено число выигрышей, и оно не меняется по мере распространения билетов до проведения тиража. По мишени стреляет один и тот же стрелок из одного и того же оружия, положение мишени не меняется. В отличие от них, повторные футбольные матчи между двумя командами могут проходить при измененных условиях: может измениться степень готовности той или иной команды к игре, могут измениться погодные условия, состояние футбольного поля и т. п. Меняются условия, при которых один и тот же ученик пишет контрольные работы по математике в течение учебного года: может измениться сложность заданий, их количество, готовность ученика к выполнению контрольной работы. Последние два испытания не относят к случайным.

В-третьих, исходы случайных испытаний неоднозначны. Так, при бросании игрального кубика заранее неизвестно, какое число очков выпадет. При покупке лотерейного билета заранее неизвестно, выпадет или не выпадет на него выигрыш, а если выпадет, то какой. При извлечении шара из ящика неизвестно, какого цвета шар будет извлечен. Однако есть такие испытания, исходы которых заранее известны. Так, заранее можно сказать, что при нагревании воды в чайнике при 100°C она закипит. Точно также заранее известно, что на смену дню приходит ночь, после лета наступает осень. При ходьбе человек после шага левой ногой обязательно делает шаг правой. Нагревание воды, смену дня и ночи, ходьбу не считают случайными испытаниями.

Обратите внимание на то, что только наличие всех трех условий делает испытание случайным. Например, результаты олимпийских игр по спортивной гимнастике мы не можем предсказать однозначно, многое зависит от случая. Однажды во время выступления претендентки на первое место развалились брусья. Могут быть неожиданные травмы, болезни, кто-то не обрел еще свою лучшую форму. И все же олимпийские игры не являются случайными испытаниями: их нельзя повторять многократно в одних и тех же условиях.

Таким образом, случайный эксперимент — это четко определенная процедура, результат которой можно наблюдать, но невозможно точно предсказать заранее. Каждый случайный эксперимент характеризуется выборочным пространством, представляющим собой перечень всех возможных результатов этого эксперимента, описанных заранее, без знания того, что действительно произойдет в ходе эксперимента. Такой подход позволяет сделать случайную ситуацию более определенной и

часто помогает также прояснить свое представление о ней. Приведем ряд примеров.

Пример 1. Планируется исследование доходов семей, проживающих вблизи места, где предполагается открыть новый супермаркет. Случайным образом выбирают телефонный номер, по которому звонят в семью и записывают ее доход с точностью до 10 денежных единиц. В случае, если никто не ответил на звонок или если собеседник не захотел ответить на заданный вопрос о доходе, выбирают новый номер и звонки повторяют до тех пор, пока не будет получен конкретный ответ о размере дохода. Выборочное пространство представляет собой список возможных значений дохода: 0, 10, 20, 30, ..., 150 000, 150 010, ...

Пример 2. Исследуется вопрос о скорости чтения выпускника начальной школы, т.е. о количестве слов, прочитываемых учащимся за минуту. Выборочное пространство представляет собой перечень целых неотрицательных чисел от 0 до 300.

Пример 3. В финале конкурса «Мисс Европа» участвуют 10 девушек, из которых победительницей будет только одна. Выборочное пространство состоит из 10 участниц финала: А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К.

Пример 4. Качество пяти бизнес-проектов оценивается по четырехбалльной системе целым числом от 1 до 4. Выборочное пространство представляет собой набор всех возможных вариантов оценок качества. Это набор $4^5 = 1024$ списков, каждый из которых содержит пять чисел: (1, 1, 1, 1, 1), (1, 1, 1, 1, 2), (1, 1, 1, 1, 3), (1, 1, 1, 1, 4), ..., (4, 4, 4, 4, 4).

Случайное событие

Выше мы показали, что каждый случайный опыт может закончиться различными исходами. Эти исходы могут указываться описательно или с помощью элементов выборочного пространства.

Рассмотрим, например, опыт, состоящий в однократном бросании игрального кубика. Его исходами является выпадение любого числа очков от 1 до 6. Вместе с тем этот опыт может закончиться выпадением четного или нечетного числа очков, его результатом можно считать выпадение числа очков, меньшего 3, или большего 2, кратного 3, являющегося простым или составным числом. Все эти исходы будем считать случайными событиями.

Любой исход случайного опыта назовем случайным событием.

В результате такого опыта случайное событие может или произойти, или не произойти. Случайные события будем обозначать прописными латинскими буквами А, В, С, ... Случайными событиями являются, например, «выпадение двух гербов» при подбрасывании двух монет, «попадание в цель» при выстреле, «выигрыш» при приобретении лотерейного билета.

Итак, каждый раз выполнение случайного эксперимента дает ровно один результат из возможных элементов выборочного пространства. Поскольку выборочное пространство содержит все возможные результаты, то не должно быть никаких неожиданностей: результат эксперимента должен содержаться в выборочном пространстве. Вот результаты одного выполнения каждого из рассмотренных в примерах 1–4 случайных экспериментов:

1. в исследовании дохода семьи после одного звонка, в результате которого был получен ответ «это вас не касается», удалось дозвониться до человека, который назвал доход семьи 15 300;

2. при изучении скорости чтения был получен результат 115 слов в минуту;
3. в конкурсе «Мисс Европа» победила участница 3;
4. при исследовании качества бизнес-проектов был получен список оценок качества для каждого из пяти оцененных проектов (3, 2, 1, 4, 2).

Относительная частота события

Если много раз повторять случайный эксперимент, то одни события при этом будут происходить чаще других. Поэтому при одноразовом проведении эксперимента с большим основанием можно надеяться на появление первых событий, чем вторых. Так, для отличного стрелка ожидать попадания при одном выстреле можно с большим основанием, чем промаха.

Предположим, что при неизменных условиях проведено n случайных опытов и в $n(A)$ из них произошло событие A . Число $n(A)$ называют частотой события A . Отношение $n(A)/n$ называют относительной частотой события A . (Сравните эти понятия с частотой и относительной частотой, с которыми встречается в вариационном ряде та или иная варианта.) Например, если в некотором тексте из 2000 знаков буква O встретилась 182 раза, то частота и относительная частота события «встретилась буква O » составляет соответственно 182 и $182/2000 = 0,091$.

Относительную частоту события иногда выражают в процентах: $100 \cdot n(A)/n \%$. В нашем примере она равна 0,091, или $0,091 \cdot 100\% = 9,1\%$.

Относительная частота является короткой и содержательной характеристикой рассматриваемой информации. Например, если баскетболист за игру сделал 40 бросков мячом в корзину, 30 из которых оказались результативными, то относительная частота события «баскетболист при броске попал в корзину» (она равняется в этом примере 0,75) является показателем результативности этого спортсмена. Полное описание всех бросков со всеми обстоятельствами, которые сопровождали каждый бросок, заняло бы много страниц текста. Относительная частота попаданий в мишень для стрелка описывает его мастерство. Относительная частота бракованных деталей в некоторой партии оценивает качество продукции.

Если для некоторого стрелка относительная частота попадания в мишень равна, например, 93%, то с уверенностью мы можем сказать, что это хороший стрелок. Если в некоторой партии электрических лампочек, выпущенных предприятием, 1,6% бракованных, то с таким качеством продукции смириться можно.

Статистическая устойчивость опытов

Относительная частота события, вообще говоря, изменяется, если изменяется количество опытов или выполняется другая серия из такого же количества опытов. Известны результаты эксперимента с подбрасыванием монеты, проведенного исследователем Дж. Э. Керрихом. Он провел 10 серий, каждая из которых состояла из 1000 подбрасываний. Результаты эксперимента приведены в таблице 1.

Видно, что от серии к серии относительная частота рассматриваемого события изменяется. Но она колеблется вокруг числа 0,5, хотя ни одно ее значение не равняется в точности 0,5.

Итак, есть немало случайных опытов, в которых относительная частота события при повторении серии из достаточно большого количества опытов колеблется около одного и того же числа. Такие опыты называют статистически устойчивыми.

Классическими примерами статистически устойчивых опытов являются эксперименты, связанные с подбрасыванием монеты. Их результаты приведены в таблице 2.

Таблица 1

№ серии	1	2	3	4	5
Число выпадений герба	502	511	497	529	504
Относительная частота события «выпал герб»	0,502	0,511	0,497	0,529	0,504
№ серии	6	7	8	9	10
Число выпадений герба	476	507	528	504	529
Относительная частота события «выпал герб»	0,476	0,507	0,528	0,504	0,529

Таблица 2

Исследователь	Число подбрасываний монеты	Число выпадений герба (событие А)	Относительная частота события А
Ж. Бюффон	4040	2048	0,5069
Де Морган	4092	2048	0,5005
К. Пирсон	12 000	6019	0,5016
В. Феллер	10 000	4979	0,4979
К. Пирсон	24 000	12 012	0,5005
В. Романовский	80 640	40 151	0,4979

Эти данные показывают, что предположение о равенстве 0,5 относительной частоты появления любой стороны монеты хорошо согласуется с опытом.

Еще в XVIII веке было замечено, что среди обычной корреспонденции письма без адреса обладают определенной устойчивостью. Данные, приведенные в таблице 3, собранные по результатам русской почтовой статистики¹, свидетельствуют о том, что на протяжении нескольких лет на каждый миллион писем приходилось в среднем 25–27 писем без адреса.

Таблица 3

Год	Число писем	Число писем без адреса	Относительная частота писем без адреса
1906	983 000 000	26 112	0,0000266
1907	1 076 000 000	26 977	0,0000251
1908	1 214 000 000	33 515	0,0000276
1909	1 357 000 000	33 643	0,0000248
1910	1 507 000 000	40 101	0,0000266
Всего	6 137 000 000	160 348	0,0000261

Приведенные данные свидетельствуют о том, что относительные частоты события «случайно взятое письмо не содержит адреса» ежегодно колебалось около числа 0,0000261.

Случайным испытанием, имеющим статистически устойчивый характер, является рождение ребенка. Ниже в таблице 4 приведены данные о распределении пола детей², родившихся в Швеции в 1935 г.

Можно утверждать, что относительные частоты рождения мальчиков в Швеции в 1935 г. ежемесячно колебались вокруг числа 0,518.

Устойчивую частоту имеют метеорологические явления. Так, наблюдения над числом солнечных дней на протяжении года в Саратове³ дают следующие результа-

¹ Данные взяты из книги: А. Н. Колмогоров, И. Г. Журбенко, А. В. Прохоров. Введение в теорию вероятностей. — М.: Наука, 1982.

² Данные взяты из книги: Г. Крамер. Математические методы статистики. — М.: Мир, 1975.

³ Данные взяты из книги: Г. П. Боев. Теория вероятностей. — М.-Л.: Гостехиздат, 1950.

ты (табл. 5).

Видно, что относительные частоты события «день солнечный» колеблются вокруг числа 0,583.

Таблица 4

Месяц	Общее число детей	Мальчики		Девочки	
		Число	Относительная частота	Число	Относительная частота
1	7280	3743	0,514	3537	0,486
2	6957	3550	0,510	3407	0,490
3	7883	4017	0,510	3866	0,490
4	7884	4173	0,529	3711	0,471
5	7892	4117	0,522	3775	0,478
6	7609	3944	0,518	3665	0,482
7	7585	3964	0,523	3621	0,477
8	7393	3797	0,514	3596	0,486
9	7203	3712	0,515	3491	0,485
10	6903	3512	0,509	3391	0,491
11	6552	3392	0,518	3160	0,482
12	7132	3761	0,527	3371	0,473
Всего	88 273	45 682	0,518	42 591	0,482

Таблица 5

Год	1920	1921	1922	1923	1924
Число солнечных дней	203	215	243	194	210
Относительная частота события «день солнечный»	0,555	0,589	0,666	0,522	0,574

Статистически устойчивыми опытами являются эксперименты Г. Менделя. По теории Менделя при скрещивании желтого гороха с зеленым примерно в одном случае из четырех получают зеленый горох. Для проверки этой теории опыт по скрещиванию желтого гороха с желтым был проведен 34 153 раза. В 8506 случаях получали зеленый горох. Относительная частота события «появление зеленого гороха» в проведенной серии экспериментов равна $8506/34153 \approx 0,25$. Подобные опыты повторялись неоднократно, и каждый раз, когда их количество было достаточно большим, относительная частота события «появление зеленого гороха» мало отличалась⁴ от 0,25.

Исследования различных произведений русской литературы позволили сделать выводы об относительных частотах употребления различных букв русского алфавита. Эти данные⁵ представлены в таблице 6 (тире в ней означает пробел).

Таким образом, исследования показывают, что в среднем из 1000 наудачу выбранных в тексте пробелов и букв на трех местах будет стоять буква «э», на тридцати пяти — буква «л», на девяноста — буква «о».

Оказывается, что у каждого автора имеется своя таблица распределения относительных частот использования букв, слов, словосочетаний и предлогов. По этим таблицам можно установить автора примерно так же точно, как и преступни-

⁴ Результаты Менделя в свое время проверял статистик Р. Фишер (Fisher R.A. Has Mendel's work been rediscovered? // Annals of Science - 1936 - V.1. - P. 115 - 137). Данные Менделя были слишком близки к теоретическому распределению, что на практике бывает крайне редко. Несомненно, что Мендель или его помощники отбрасывали опыты с слишком большими различиями. Впрочем, сам Мендель приводил примеры «крайних» случаев, но неизвестно сколько их было.

⁵ Данные взяты из книги: А. М. Яглом, И. М. Яглом. Вероятность и информация. — М.: Наука, 1973.

ка по отпечаткам пальцев.

Таблица 6

Буква	–	о	е, ё	а	и	т	н	с
Относительная частота	0,175	0,090	0,072	0,062	0,062	0,053	0,053	0,045
Буква	р	в	л	к	м	д	п	у
Относительная частота	0,040	0,038	0,035	0,028	0,026	0,025	0,023	0,021
Буква	я	ы	з	ь, ъ	б	г	ч	й
Относительная частота	0,018	0,016	0,016	0,014	0,014	0,013	0,012	0,010
Буква	х	ж	ю	ш	ц	щ	э	ф
Относительная частота	0,009	0,007	0,006	0,006	0,004	0,003	0,003	0,002

Рассмотренные и подобные опыты позволяют сделать вывод о том, что относительная частота событий, подсчитанная по результатам статистически устойчивых опытов, мало отличается от некоторого числа. И чем больше число испытаний, тем реже встречаются значительные отклонения относительной частоты события от этого числа.

Число, около которого колеблется относительная частота события в сериях из достаточно большого количества статистически устойчивых опытов, называют вероятностью этого события.

Приведенное определение вероятности часто называют статистическим, а саму вероятность – статистической. Вероятность события А будем обозначать символом $P(A)$ (от латинского слова *probabilitas* – «вероятность»).

Итак, статистическую вероятность находят с помощью большого числа опытов. Проводя опыты и наблюдения, мы принимаем относительную частоту за приближенное значение вероятности. При большом числе статистически устойчивых опытов это приближение вполне достаточно для оценивания риска и шансов. Кстати, и большинство физических величин измеряется приближенно.

Во многих физических, астрономических и других естественнонаучных задачах число выполняемых испытаний очень велико, и опыт может дать значение вероятности события с довольно высокой точностью. Например, для распада радия, где число испытаний огромно – равно числу атомов в испытуемом образце и составляет примерно 10^{23} – 10^{24} , – можно утверждать, что вероятность распада атома радия за 100 лет равна 0,04184.

При статистической оценке вероятности события необходимо, чтобы условия испытаний не менялись. Если, например, вероятность выдачи конвейером бракованной детали определяется при помощи относительной частоты бракованных изделий на протяжении ряда лет, то нужно иметь в виду, что, несмотря на кажущееся сохранение условий эксперимента, на самом деле они будут меняться: отдельные части конвейера со временем изнашиваются, меняются условия обработки детали. В этом случае нельзя говорить о статистической устойчивости частот, вероятность появления бракованной детали будет меняться со временем⁶.

Наличие у события при определенных условиях вероятности, равной p , проявляется в том, что почти в каждой достаточно длинной серии опытов относительная частота события приближенно равна p .

⁶ ВАЖНО: Это случайный процесс и у него своя теория. Применение к нему нижеследующей теории приведет к ошибочным выводам.

На рис. 16 изображен график зависимости относительной частоты $n(\Gamma)/n$ появления герба при 12 подбрасываниях монеты с результатами ГГЦГЦГГГЦЦГ (Г – появление герба, Ц – появление цифры) от числа подбрасываний n . При $n > 10$ относительная частота колеблется около числа 0,5, которое и принимают в качестве вероятности события «выпадение герба при одном подбрасывании монеты».

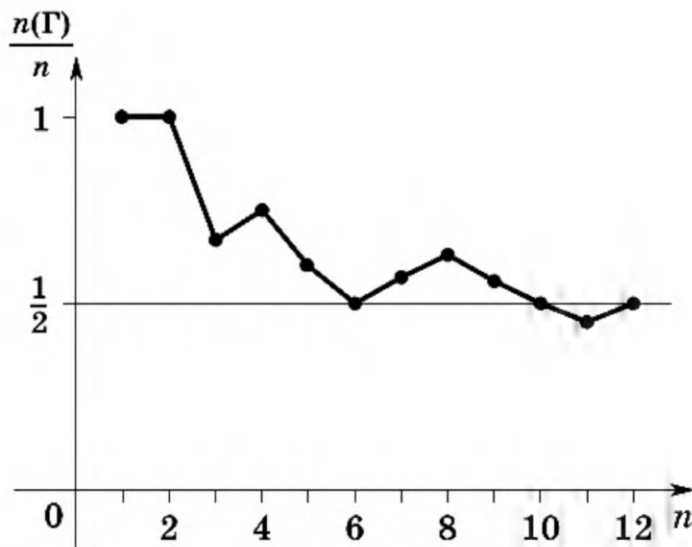

Рис. 16.

Итак, если говорят, что вероятность некоторого события равна, например, 0,82, то это практически означает, что в среднем в каждых 100 опытах, проведенных примерно в одинаковых условиях, это событие происходит примерно 82 раза.

Таким образом, каждому событию соответствует число от 0 до 1, называемое вероятностью и описывающее, насколько правдоподобно наступление данного события при каждом выполнении случайного эксперимента.

Применение статистической вероятности

Статистическое определение вероятности может быть использовано для получения практически важных выводов.

Пример 5. Некоторое предприятие производит массовую продукцию. Если изделие, поступившее в продажу, выходит из строя на протяжении одного года, то его заменяют запасным. Сколько запасных изделий необходимо изготовить, если в течение года продается N изделий? Для упрощения предположим, что выход из строя запасного изделия невозможен.

Будем считать, что событие A – «отказ изделия» – имеет некоторую вероятность p . Пусть в течение года вышло из строя m изделий. Тогда m/N – относительная частота события A . Если N – достаточно большое число, то $m/N \approx p$. Отсюда $m \approx Np$. На практике довольно часто вероятность p неизвестна. Для ее оценки (приближенного вычисления) в течение года проводят некоторое число n испытаний изделий. Если за это время откажет k изделий, то k/n – относительная частота события A . При достаточно большом значении n можем считать, что $k/n \approx p$. Тогда $m \approx Nk/n$.

Всемирно известный математик, наш соотечественник А. А. Марков (1856–1922) исследовал чередование гласных и согласных букв в последовательности, содержащей 20 000 букв из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. Оказалось, что относительная частота появления гласной буквы после гласной равна 0,128, гласной буквы после согласной – 0,663. Эти относительные частоты можно принять в качестве вероятностей соответствующих событий для произведений А. С. Пушкина.

В качестве примера рассмотрим страхование жизни. Представим себе, что некий мужчина в возрасте 55 лет хочет застраховать свою жизнь, например, на 10 лет. Чтобы знать, какой взнос потребовать от застрахованного и какую сумму выплатить родственникам в случае его смерти, надо рассчитать, сколько мужчин в возрасте 55 лет останется в живых через 10 лет и сколько из них умрет в течение этого срока. Кажется, что здесь ничего нельзя предвидеть – ведь никто не знает, когда он умрет. Но оказывается, что при рассмотрении большого числа случаев можно уверенно предсказать то число мужчин, которое останется в живых после 65 лет. Для этого изучается так называемая статистика смертности, и предсказание тем точнее, чем большее количество людей охвачено страхованием.

Аналогично этому можно заранее рассчитать необходимое в данном городе число пожарных команд или предсказать запасы зерна, которые надо иметь на случай неурожая.

Мы уже отмечали, что рождение детей является статистически устойчивым испытанием. Во всех странах и среди всех народов всегда на 1000 родившихся в среднем приходится 515 мальчиков и 485 девочек. Это поразительное постоянство рождений мальчиков и девочек отмечалось многими учеными, среди которых был и один из основателей теории вероятностей – французский математик Симон Лаплас (1749–1827). Поэтому в тех случаях, когда нас интересует число мальчиков среди очень большого числа новорожденных, мы можем уверенно предсказать это число с большой степенью точности: ведь эти числа 0,515 и 0,485 принимаются в качестве вероятностей рождения мальчика и девочки соответственно. Просматривая в свое время списки рождений по городу Парижу за 1745–1784 годы, С. Лаплас обнаружил, что отношение числа мальчиков к общему числу рождений здесь оказалось равным 0,510, т. е. чуть меньше, чем 0,515. Несмотря на то, что разница была очень мала, Лаплас заключил, что должна быть какая-то специальная причина, увеличивающая число девочек: ведь число рождений в Париже за 39 лет и в те годы было уже довольно большим; поэтому даже такое малое отклонение от обычного отношения нельзя было объяснить только действием случая. И действительно, Лаплас обнаружил причину отклонения: она заключалась в том, что в число детей, рожденных в Париже, включались также и дети, подкинутые в специальный приют – единственный на всю Францию. Так как французские крестьяне ценили в сыновьях будущих работников, то они чаще подкидывали девочек, чем мальчиков. Исключив подкидышей из числа родившихся (многие из них на самом деле родились не в Париже), Лаплас получил обычное отношение числа мальчиков к числу девочек⁷.

Задачи и проблемы, существенно повлиявшие на зарождение и первичное развитие теории вероятностей, возникали при обработке статистических данных и результатов наблюдений в разных науках, из практики страховых компаний, в связи с анализом азартных игр. Первые морские страховые компании возникают в XI столетии в Италии и Нидерландах. В этих компаниях подсчитывали шансы аварий, поскольку при большом риске собирались большие страховые взносы. В связи с бурным развитием естествознания в эпоху Возрождения, в связи с тем, что увеличивалась роль наблюдений и эксперимента, возник вопрос о методах обработки результатов наблюдений, в частности об оценивании случайных ошибок, которые возникают при наблюдениях. Статистические закономерности исторически впервые

⁷ Детская энциклопедия, т. 3. АПН РСФСР, 1959.

привлекли внимание ученых, старавшихся выяснить суть азартных игр – таких как игра в кости, «орлянку» и т. п. Эти наблюдения проложили путь к статистическому подходу при числовом определении вероятности.

Статистические закономерности в демографических процессах были открыты в XVIII столетии при изучении статистики рождаемости, смертности, несчастных случаев и т. п. В конце XIX – начале XX столетия были выявлены новые статистические закономерности в физике, химии, биологии, экономике и других науках. Все это стимулировало развитие теории вероятностей. Довольно удачное объяснение статистическому понятию вероятности дал Я. Бернулли (1654–1705) в своей книге «Искусство предположений», опубликованной в 1713 г.

КЛАССИЧЕСКАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ

Наличие вероятности у некоторого события до сих пор мы связывали с существованием статистически устойчивых опытов. Проведение массовых экспериментов в некоторых случаях или невозможно, или чрезвычайно трудоемко. В таких случаях иногда целесообразно использовать для характеристики шансов наступления события так называемую классическую вероятность. Фактически на ней базируется доэкспериментальный расчет вероятностей.

Равновозможность

Этот подход к подсчету вероятностей базируется на понятии равновозможности, или равновероятности, исходов некоторого опыта. Интуитивно эти термины понятны.

Пример 1. При подбрасывании монеты разумно предположить, что монета «одинаково» может упасть вверх гербом или цифрой; эти два исхода опыта – герб и цифра – рассматриваются как равновозможные. Иначе говоря, мы считаем, что выпадение герба имеет такие же шансы осуществиться, как и выпадение цифры.

Пример 2. Большинство людей считают достаточно разумным представление о том, что при бросании игрального кубика (рис. 18) выпадение одной грани столь же возможно, как и выпадение другой. Поэтому опыт с бросанием игрального кубика имеет шесть равновозможных исходов: на верхней грани выпадает одно очко, два очка, три очка и т. д. Говорят, что для осуществления каждого из этих исходов имеется один шанс из шести.

Рис. 18.

Пример 3. В колоде из 36 игральных карт все карты таковы, что невозможно отличить одну из них от другой, если смотреть на них с тыльной стороны. Предположим, что из тщательно перетасованной колоды вытаскивают наугад одну карту. Говорят, что каждая карта имеет такие же шансы быть вытянутой, как и любая другая, — один шанс из тридцати шести.

Пример 4. Предположим, что 15 имеющих одинаковую квалификацию человек подали заявление на некоторую вакансию. Если в этой группе выбор при приеме на работу осуществляют случайным образом, то каждый из претендентов имеет одинаковый шанс быть принятым на работу — один из пятнадцати.

Пример 5. Представим себе, что на складе имеется 74 коробки передач, из них одна имеет дефект. Наудачу выбирают одну коробку передач для потребителя. Дефектная коробка имеет такой же шанс попасть к потребителю, как и любая другая — один из семидесяти четырех.

Равновозможность исходов означает по существу сохранение «равноправия» одного исхода по отношению к другому. Она является проявлением симметрии исходов опыта. Симметрия в природе — это и геометрическая симметрия, и различного рода однородность, например однородность материала. На вопрос о том, какие исходы считать равновозможными, математика ответа не дает. Если монета изготовлена из однородного материала, если она не сточена, если она непредвзято брошена, то мы вправе считать исходы «выпадение герба» и «выпадение цифры» равновозможными. Точно так же при бросании «правильного» игрового кубика все шесть исходов данного опыта естественно считать равновозможными. Если из ящика с шарами наугад, наудачу, случайным образом извлекают шар, причем после каждого извлечения шар возвращают в ящик, содержимое ящика тщательно перемешивают, а потом извлекают следующий шар, то исходы этого эксперимента мы вправе считать равновозможными.

Заметим, что на практике процедура перемешивания, особенно при большом числе шаров, не всегда является эффективной. Тщательно перемешать не так просто, как это кажется. И об этом хорошо знает каждый, кто, например, занимался перемешиванием теста, составлением кулинарных смесей и т. д. А вот для «неправильного» кубика (например, на одну грань прикрепили кусочек пластилина) исходы опыта не равновозможные. Точно так же нельзя считать равновозможными исходы подбрасывания кнопки, или пуговицы несимметричной формы, или «неправильной» монеты. Если в ящике шары различаются по весу, то при перемешивании, по видимому, более тяжелые шары окажутся внизу ящика, и исходы опыта с извлечением шара вряд ли можно будет считать равновозможными.

Вероятность события

Рассмотрим несколько примеров, связанных с подбрасыванием монет, на подсчет шансов наступления тех или иных исходов.

Пример 6. Подброшена монета. Каковы шансы того, что она упадет гербом вверх?

Давайте подумаем, сколько может быть вариантов того, что монета упадет вверх гербом или цифрой, если считать невозможным, что монета встала на ребро. У монеты две стороны. И если она симметрична, то шансы того, что она упадет на любую из сторон одинаковы. Итак, шансы равны $1/2$, т. е. составляют 50% от числа всех возможных результатов подбрасывания монеты.

Пример 7. Подброшены две монеты. Каковы шансы того, что обе монеты упадут гербом вверх?

Здесь уже сложнее перебрать все варианты. Попробуем сделать это, воспользовавшись таблицей 7.

Таблица 7

№ варианта	Первая монета	Вторая монета
1	Герб	Герб
2	Герб	Цифра
3	Цифра	Герб
4	Цифра	Цифра

Всего существует 4 варианта. И только при одном из них обе монеты упадут гербом вверх. Если монета не деформирована, то у нас нет оснований считать, что какой-то из этих вариантов предпочтительней остальных. Другими словами, они имеют равные шансы. Мы будем говорить, что вероятность того, что обе монеты упадут гербом вверх, можно считать равной $1/4$, или 25%.

Продолжим рассматривать примеры на подсчет шансов, постепенно усложняя рассмотренную выше ситуацию.

Пример 8. Подброшены три монеты. Какова вероятность того, что все три монеты упадут гербом вверх?

Снова попробуем перебрать все возможные варианты. Будем, для краткости, выпадение монеты гербом вверх обозначать буквой Г, а цифрой вверх – буквой Ц (табл. 8).

Таблица 8

№ варианта	1	2	3	4	5	6	7	8
Первая монета	Г	Г	Г	Г	Ц	Ц	Ц	Ц
Вторая монета	Г	Г	Ц	Ц	Г	Г	Ц	Ц
Третья монета	Г	Ц	Г	Ц	Г	Ц	Г	Ц

Всего 8 вариантов. Все они имеют равные шансы. И только при одном из них все три монеты упадут гербом вверх. Итак, вероятность того, что все три монеты упадут гербом вверх, равна $1/8$.

Продолжим усложнять задачу.

Пример 9. Подброшены четыре монеты. Какова вероятность того, что все четыре монеты окажутся гербом вверх?

Таблица 9

№ варианта	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Первая монета	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Ц	Ц	Ц	Ц	Ц	Ц	Ц	Ц
Вторая монета	Г	Г	Г	Г	Ц	Ц	Ц	Ц	Г	Г	Г	Г	Ц	Ц	Ц	Ц
Третья монета	Г	Г	Ц	Ц	Г	Г	Ц	Ц	Г	Г	Ц	Ц	Г	Г	Ц	Ц
Четвертая монета	Г	Ц	Г	Ц	Г	Ц	Г	Ц	Г	Ц	Г	Ц	Г	Ц	Г	Ц

Аналогично предыдущему примеру получим, что вероятность того, что все четыре монеты упадут гербом вверх, равна $1/16$.

Теперь вам нетрудно будет подсчитать, какова вероятность того, что из пяти и шести подброшенных монет все окажутся упавшими гербом вверх.

Примеры, которые мы рассмотрели, подсказывают нам определенный метод количественного определения шансов наступления некоторого исхода опыта. Рассмотрим, например, подбрасывание монеты. Мы ранее на повседневном языке говорили, что осуществление выпадения герба имеет «один шанс из двух»; на математическом языке говорят, что «вероятность выпадения герба равна $1/2$ ». Символически это записывают так:

$$P(\text{герб}) = 1/2.$$

Точно так же при бросании игрального кубика грань, на которой изображено 5 точек, имеет один шанс из шести оказаться наверху; поэтому мы скажем, что «вероятность выпадения пяти очков равна $1/6$ ». Символически это записывают так:

$$P(\text{пять очков}) = 1/6.$$

Аналогично при вытягивании из колоды в 36 карт одной карты есть только один шанс из 36 вытянуть пикового туза. Говорят, что «вероятность появления пикового туза равна $1/36$ » и записывают:

$$P(\text{пиковый туз}) = 1/36.$$

Рассмотрим еще несколько примеров.

Пример 10. Из колоды в 36 карт наугад вынимают одну карту. Какова вероятность того, что будет извлечен: а) пиковый туз; б) туз? На первый вопрос ответ мы получили выше: $P(\text{пиковый туз}) = 1/36$.

А извлечь туз безразлично какой масти можно с большими шансами, ведь в колоде 4 туза, т. е. при вытягивании карты извлеченным может оказаться туз любой из четырех мастей, шансы увеличиваются в 4 раза. Поэтому $P(\text{туз}) = 4/36 = 1/9$.

Пример 11. В классе внеочередной дежурный определяется жребием среди 10 человек, еще не дежуривших в этом месяце. На 10 карточках пишутся имена претендентов, после чего все карточки тщательно перемешиваются в коробке и одну карточку вынимают наугад. Тот, чье имя написано на этой карточке, назначается дежурным. Если имя «Сергей» написано на одной карточке, то шансы Сергею быть дежурным равны 1 из 10, так как все исходы жеребьевки можно считать равновероятными. Поэтому $P(\text{дежурить будет Сергей}) = 1/10$.

Представьте себе, что кто-то имя «Сергей» вписал на трех карточках. Тогда его шансы дежурить были бы равны 3 из 10, и $P(\text{дежурить будет Сергей}) = 3/10$.

Обратите внимание на то, что в знаменателе, как и в предыдущем примере, стоит общее число исходов рассматриваемого опыта (вытягивание одной карты из 36 или одной карточки из 10), а в числителе — число тех исходов, при которых происходит интересующее нас событие (извлечен туз, дежурить будет Сергей). Так как карточки, по условию, вытягивались наугад, после тщательного перемешивания, то можно считать исходы опыта равновероятными.

Итак, для нахождения вероятности рассматриваемого события (дежурить будет Сергей) нужно из всех равновероятных исходов выделить так называемые «благоприятствующие исходы». Затем вероятность рассматриваемого события вычисляется по следующему правилу:

$$P(\text{события}) = \frac{\text{число благоприятствующих исходов}}{\text{число всех равновозможных исходов}}$$

Пример 12. Игральный кубик бросают один раз. Чему равна вероятность того, что на верхней грани кубика окажется: а) четное число очков; б) число очков, большее 2?

а) Выпадения всех шести граней равновозможны. Четное число очков на трех гранях: 2, 4, 6. Поэтому вероятность выпадения четного числа очков равна $P(\text{четное число очков}) = 3/6 = 1/2$.

б) Число очков, большее 2, имеется на четырех гранях: 3, 4, 5, 6. Поэтому $P(\text{число очков больше 2}) = 4/6 = 2/3$.

Пример 13. Подбрасывают две монеты. Какова вероятность того, что: а) обе они упадут вверх гербом; б) одна упадет вверх гербом, а другая – вверх цифрой?

Всего возможны четыре исхода: ГГ, ГЦ, ЦГ, ЦЦ. Все они равновозможны. Обе монеты упадут гербом вверх при одном исходе ГГ.

Поэтому $P(\text{ГГ}) = 1/4$. Этот результат мы ранее получили в примере 7.

Одна монета упадет гербом вверх, а другая – вверх цифрой при двух исходах ГЦ или ЦГ. $P(\text{ГЦ или ЦГ}) = 2/4 = 1/2$.

Пример 14. В классе учатся 15 мальчиков и 10 девочек. По жребию выбирают одного ученика для выполнения поручения классного руководителя. Какова вероятность того, что выбранным окажется мальчик.

Всего 25 исходов, так как выбранным может оказаться любой учащийся в классе. Все исходы равновозможны. Мальчик окажется выбранным при любом из 15 исходов. Поэтому $P(\text{мальчик}) = 15/25 = 3/5$.

Пример 15. Пусть в примере 4 о приеме на работу из 15 человек, подавших заявление, 6 претендентов – женщины. Какова вероятность того, что предпочтение будет отдано женщине?

Всего 15 исходов, так как на работу могут принять любого из 15 человек, подавших заявление. Все исходы равновозможны (выбор осуществляется случайным образом). Женщина окажется выбранной при любом из 6 исходов. Поэтому $P(\text{женщина}) = 6/15 = 2/5$.

Вероятностью события называют отношение числа исходов опыта, благоприятствующих событию, к общему числу равновозможных исходов опыта.

Если эксперимент может привести к любому из N различных равновозможных исходов и если в точности $N(A)$ из этих исходов соответствуют событию A , то вероятность события A равна $N(A)/N$.

На вопрос, какие исходы опыта считать равновозможными, как мы отмечали выше, математика ответа не дает. Проверить предположение о равновозможности исходов опыта можно экспериментально, проведя довольно большое число опытов.

Говорят, что известный французский математик Д'Аламбер (1717–1783) при решении задачи о вероятности выпадения двух гербов при подбрасывании двух монет рассуждал так: при подбрасывании двух монет есть три возможных исхода опыта:

- 1) «выпало два герба»;
- 2) «выпали один герб и одна цифра»;
- 3) «выпали две цифры».

Он думал, что ни один из исходов не имеет по сравнению с другими больше

шансов наступить, и поэтому каждый из этих исходов наступает с вероятностью $1/3$. Если бы это было верно, то каждый из этих исходов встречался бы примерно в $1/3$ всех проведенных опытов с подбрасыванием двух монет. Для проверки опыт с подбрасыванием двух монет был проведен 300 раз. Оказалось, что дважды герб выпал 86 раз, один герб и одна цифра – 141 раз, две цифры – 73 раза. Эти результаты свидетельствуют в пользу решения, приведенного при решении примера 7, согласно которому мы вправе были ожидать, что выпадение одного герба и одной цифры встретится приблизительно в два раза чаще, чем выпадение двух гербов или двух цифр.

Известны и другие примеры, когда неравновозможные исходы принимались за равновозможные, вследствие чего получали неправильные результаты⁸.

Один богатый джентльмен – предположительно Великий герцог Тосканский – пожаловался Галилею (1564–1642), что игральные кости не всегда ведут себя, как бы это следовало согласно логике. Он знал по опыту (а это, по-видимому, был достаточно богатый опыт), что при игре тремя кубиками легче получить 10, чем 9, т. е. при бросании трех игровых кубиков чаще выпадает 10 очков по сравнению с 9 очками. Это его удивляло, так как, по его мнению, имеется ровно столько же возможностей получить сумму 9, как и сумму 10. Он составил из трех игровых кубиков шесть комбинаций, каждая из которых давала в сумме по 9 очков, и шесть других комбинаций, составляющих каждая по 10 очков. Эти комбинации представлены в таблице 10.

Таблица 10

Комбинации, которые дают 9 очков	Комбинации, которые дают 10 очков
6 + 2 + 1	6 + 3 + 1
5 + 3 + 1	6 + 2 + 2
5 + 2 + 2	5 + 4 + 1
4 + 4 + 1	5 + 3 + 2
4 + 3 + 2	4 + 4 + 2
3 + 3 + 3	4 + 3 + 3

В чем же заключается, спросил Великий герцог Галилея, нарушение правильности хода действий. Галилей указал ему на ошибку. Давайте вместе разберемся в этой ошибке.

Сначала рассмотрим опыт с бросанием двух игровых кубиков. При этом можно получить любую сумму очков от 2 до 12. Можно было бы думать, что в задаче имеется 11 возможных случаев и вероятность появления каждого из них равна $1/11$. Но это не так.

Опыт показывает, что, например, сумма 7 появляется много чаще, чем сумма 12. Это и понятно, так как 12 можно получить только в виде: $6 + 6 = 12$, а 7 – многими способами: $1 + 6 = 2 + 5 = 3 + 4 = 4 + 3 = 5 + 2 = 6 + 1 = 7$. Первым записано число очков на первом кубике, а вторым – на втором. Так что 11 названных случаев нельзя считать равновозможными. Для подсчета вероятностей появления любой суммы очков приходится исходами опыта считать пары чисел, первое из которых характеризуется определенным числом очков, выпавших на первом кубике, второе – определенным числом очков, выпавших на втором кубике. Все исходы представлены в таблице 11.

Естественно, эти 36 случаев считать равновозможными. Опыт показывает, что в случае правильных кубиков, сделанных из однородного материала, не налитых, например свинцом, и надлежащих приемов бросания (например, после встряхивания в стаканчике) эти $6 \cdot 6 = 36$ случаев появляются при большом числе бросков при-

⁸ См. книгу: С. Дайменд. Мир вероятностей. – М.: Статистика, 1970.

мерно одинаково часто. Для сумм очков на двух кубиках получаем следующие вероятности (табл. 12). Обратите внимание на то, что исходы, благоприятствующие каждой сумме очков, расположены вдоль диагоналей в таблице:

$$2 = 1 + 1;$$

$$3 = 1 + 2 = 2 + 1;$$

$$4 = 1 + 3 = 2 + 2 = 3 + 1;$$

$$9 = 3 + 6 = 4 + 5 = 5 + 4 = 6 + 3$$

и т.д.

Таблица 11

Число очков на 1-м кубике	Число очков на 2-м кубике					
	1	2	3	4	5	6
1	(1, 1)	(1, 2)	(1, 3)	(1, 4)	(1, 5)	(1, 6)
2	(2, 1)	(2, 2)	(2, 3)	(2, 4)	(2, 5)	(2, 6)
3	(3, 1)	(3, 2)	(3, 3)	(3, 4)	(3, 5)	(3, 6)
4	(4, 1)	(4, 2)	(4, 3)	(4, 4)	(4, 5)	(4, 6)
5	(5, 1)	(5, 2)	(5, 3)	(5, 4)	(5, 5)	(5, 6)
6	(6, 1)	(6, 2)	(6, 3)	(6, 4)	(6, 5)	(6, 6)

Таблица 12

Сумма	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Число благоприятствующих случаев	1	2	3	4	5	6	5	4	3	2	1
Вероятность	1/36	2/36	3/36	4/36	5/36	6/36	5/36	4/36	3/36	2/36	1/36

Обратите внимание на то, что в таблицах 11 и 12 представлены все исходы опыта, состоящего в бросании двух игральных кубиков. Из них можно выделить исходы, благоприятствующие, например, следующим событиям:

А - «сумма очков на кубиках меньше 5»;

В - «сумма очков на кубиках кратна 3».

Однако исходы, при которых наступают, например, события:

С - «на первом кубике выпало вдвое больше очков, чем на втором»;

Д - «на кубиках выпало одинаковое число очков» можно выделить из исходов, представленных в таблице 11, и нельзя выделить из исходов, представленных в таблице 12: ведь по сумме очков нельзя определить, какое число очков выпало на каждом кубике. Говорят, что исходы в таблице 11 «мельче» по сравнению с исходами в таблице 12. Чем «мельче» описаны исходы опыта, тем больше событий можно выразить через них, т. е. выделить те исходы, которые благоприятствуют им.

Более «мелкие» исходы чаще, по сравнению с «крупными», оказываются равно-возможными.

В задаче с бросанием трех игральных кубиков исходами опыта будем считать тройки чисел, первое из которых характеризуется числом очков, выпавших на первом кубике, второе - числом очков, выпавших на втором кубике, третье - числом очков, выпавших на третьем кубике. Ясно, что всего имеется $6 \cdot 6 \cdot 6 = 216$ равновозможных случаев. Галилей заметил, что любая комбинация из трех различных чисел, например $6 + 2 + 1$, встречается в 6 исходах:

$$6 + 2 + 1,$$

$$6 + 1 + 2,$$

$$2 + 6 + 1,$$

$$2 + 1 + 6,$$

$$1 + 6 + 2,$$

$$1 + 2 + 6.$$

Комбинация, в которую входит только два различных числа, например $4 + 4 + 1$, встречается при трех исходах:

$4 + 4 + 1$,
 $4 + 1 + 4$,
 $1 + 4 + 4$.

А комбинация, в которой все числа одинаковые, например $3 + 3 + 3$, встречается только в одном исходе. Другими словами, комбинации, представленные в таблице 10, не являются равновозможными. Используя вышеприведенные рассуждения, дополним эту таблицу (табл. 13).

Таблица 13

Комбинации, которые дают 9 очков	Число случаев, в которых встречается комбинация	Комбинации, которые дают 10 очков	Число случаев, в которых встречается комбинация
$6 + 2 + 1$	6	$6 + 3 + 1$	6
$5 + 3 + 1$	6	$6 + 2 + 2$	3
$5 + 2 + 2$	3	$5 + 4 + 1$	6
$4 + 4 + 1$	3	$5 + 3 + 2$	6
$4 + 3 + 2$	6	$4 + 4 + 2$	3
$3 + 3 + 3$	1	$4 + 3 + 3$	3
Всего	25	Всего	27

Следовательно, вероятность выпадения суммы 9 равна $25/216$, а вероятность выпадения суммы 10 равна $27/216$. Теперь понятно, почему при игре тремя кубиками число 9 у Великого герцога появлялось реже, чем 10.

Иногда, чтобы получить удовлетворительные результаты для опытов, исходы которых, как мы знаем заранее, не являются равновозможными, можно допустить их равновозможность. Например, несмотря на то, что известно, что вероятности рождения мальчика и девочки соответственно равны 0,515 и 0,485, часто допускают, что новорожденный имеет одинаковые шансы оказаться мальчиком или девочкой. И для многих практических задач такое допущение вполне приемлемо.

Вплотную к классическому определению вероятности через отношение количеств равновозможных событий подошел Д. Кардано (1501-1576) в XVI столетии. Он сформулировал правило для подсчета размера ставок, которое было близким к этому определению. Фактически классическим определением пользовались в своих работах Г. Галилей (1564-1642), Б. Паскаль (1623-1662), П. Ферма (1601-1665), Х. Гюйгенс (1629-1695), Я. Бернулли (1654-1705), Т. Бейес (1702-1761) и другие ученые. Классическое определение вероятности в современном виде предложил П. Лаплас (1749-1827) в начале XIX столетия. Его используют в том случае, если существует возможность предсказания вероятности на основе симметрии условий, при которых происходит опыт.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

УЧЕБНЫЕ ОПЫТЫ ПО ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ

Цветков Л.Л.

УГЛЕВОДЫ

ГЛЮКОЗА

Реакции спиртовых групп глюкозы

Исходя из наличия большого количества атомов кислорода в молекуле глюкозы $C_6H_{12}O_6$, можно высказать предположение о принадлежности глюкозы к многоатомным спиртам, и проверить это предположение реакцией с гидратом окиси меди.

Так как едкий натр при этой реакции должен быть в избытке, то опыт лучше проводить в следующем порядке.

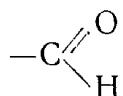
В демонстрационной пробирке или в стакане к 50 мл 10-процентного раствора глюкозы приливают около 15 мл раствора NaOH и по каплям добавляют раствор медного купороса. При взбалтывании смеси наблюдают образование темно-синей окраски как результат взаимодействия гидрата окиси меди с глюкозой (образование глицерата меди).

Реакции альдегидной группы

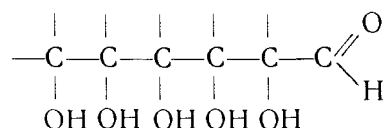
Реакция серебряного зеркала

В хорошо вымытую (щёлочью, а затем хромовой смесью и водой) колбочку наливают 20 мл аммиачного раствора окиси серебра и прибавляют 10 мл 10-процентного раствора глюкозы. Смесь слегка нагревают, держа колбочку над пламенем спиртовки или поместив её в стакан с горячей водой. Быстро образуется очень ровный блестящий слой серебра. При приливании раствора глюкозы к аммиачному раствору окиси серебра вначале может образоваться тёмный осадок. Он не мешает появлению зеркала при нагревании смеси.

Опыт с несомненностью устанавливает наличие альдегидной группы атомов в молекуле глюкозы:

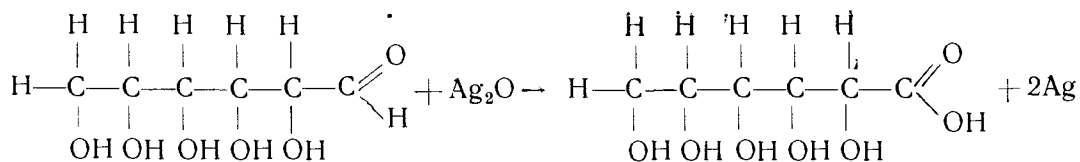

Если принять теперь во внимание, что атомы углерода составляют прямую цепь, то расшифрованную часть молекулы можно будет изобразить в виде:

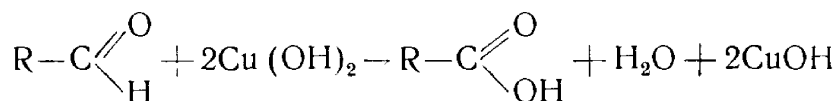
Оставшиеся 6 атомов водорода присоединены, очевидно, за счёт неиспользованных валентностей атомов углерода.

После этого можно написать уравнение реакции восстановления окиси серебра и превращения глюкозы в глюконовую кислоту:

Реакция с гидратом окиси меди

При нагревании альдегидов с гидратом окиси меди прежде всего образуется жёлтый осадок гидрата закиси меди:

Гидрат закиси при дальнейшем нагревании превращается в красную закись меди:

В демонстрационной пробирке к 10–15 мл 10-процентного раствора глюкозы приливают равный объём разбавленной щёлочи и 1 мл разбавленного раствора медного купороса. Нагревают в пламени спиртовки образовавшийся темно-синий раствор.

Наблюдают образование жёлтого, а затем красного осадка.

Чтобы образование красного осадка было отчётливым, не следует пользоваться концентрированными растворами щёлочи и медного купороса и нельзя приливать медного купороса слишком много (должен быть избыток щёлочи). При несоблюдении этих условий вместо красного осадка иногда образуется жёлтый или бурый осадок (вследствие частичного образования чёрной окиси меди).

Брожение глюкозы

В плоскодонную колбу (рис. 1) наливают раствор 20 г глюкозы в 100 г воды. Туда же вносят 3–4 г растёртых с водой дрожжей (хорошо взять пивные дрожжи). Процесс брожения идёт быстрее при подкормке дрожжей минеральными солями. Поэтому к приготовленной смеси можно добавить питательный раствор, состоящий из 50 мл воды, 1 г KNO_3 , 0,5 г MgCl_2 , 0,5 г $\text{Ca}(\text{NO}_3)_2$ и 0,5 г K_2HPO_4 .

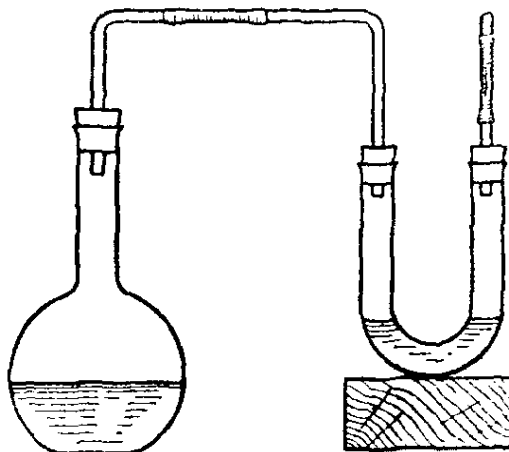

Рис. 1. Брожение глюкозы.

Колбу закрывают пробкой с отводной трубкой, соединённой в свою очередь с U-образной трубкой, содержащей прозрачную (свежепрофильтрованную) известковую или баритовую воду¹. К второму колену U-образной трубки присоединяют хлоркальцевую трубку с натронной известью или каучуковый клапан, чтобы углекислый газ воздуха не имел доступа к известковой воде. Каучуковый клапан представляет собой небольшой кусочек резиновой трубки, прорезанной вдоль на 2 см. Одним концом его надевают на стеклянную трубку, другой конец закрывают кусочком стеклянной палочки. Через такой клапан газ может легко выходить из прибора, но атмосферный воздух в прибор проникнуть не может, так как в случае падения давления газа в приборе атмосферное давление сожмет резиновую трубку и щель клапана закроется.

Колбу подогревают на водяной бане до 30–35°. Начинается процесс брожения, о котором судят по выделению пузырьков газа и помутнению раствора в U-образной трубке – это показывает образование углекислого газа при брожении. Чтобы в растворе образовалось значительное количество спирта, прибор оставляют в тёплом месте (например, вблизи батареи отопления или печки) на несколько дней. Перегрев отрицательно сказывается на процессе брожения, поэтому не следует допускать повышения температуры выше указанной.

После того как выделение углекислого газа прекратится и, следовательно, брожение закончится, к колбе присоединяют холодильник (можно воздушный) и от-

¹ Насыщенный водный раствор гидроксида бария $\text{Ba}(\text{OH})_2$.

гоняют небольшое количество жидкости. В дистилляте доказывают наличие спирта по горючести и йодоформенной реакцией.

Можно сделать полную отгонку жидкости (в интервале 75–85°) и затем повторную перегонку с дефлегматором для получения более чистого продукта – этилового спирта.

U-образную трубку промывают раствором соляной кислоты от осадка карбоната.

САХАРОЗА

Обнаружение гидроксильных групп в сахаре

С гидратами окислов металлов сахар как вещество богатое гидросильными группами даёт сахараты. С гидратом окиси кальция образуются растворимые в воде сахараты (например, $C_{12}H_{22}O_{11} \cdot CaO$), дающие при нагревании осадок трисахарата $C_{12}H_{22}O_{11} \cdot 3CaO$ и разрушающиеся при пропускании углекислого газа. Образование растворимых сахаратов и разрушение их углекислым газом лежит в основе технического извлечения сахара из свёклы.

К 20-процентному раствору сахара прибавляют постепенно известковое молоко (не известковую воду!), постоянно перемешивая жидкость. Гидрат окиси кальция при этом растворяется.

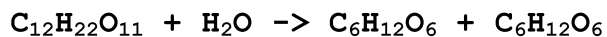
После того как растворение извести в растворе сахара прекратится, сливают прозрачный раствор (при необходимости фильтруют) и делят его на две части. Одну часть нагревают до кипения. Образующийся трёхкальциевый сахарат выпадает в осадок.

Во вторую часть раствора пропускают углекислый газ. Образуется осадок углекислого кальция $CaCO_3$.

Опыт можно провести более быстро, если к раствору сахара сразу прилить избыток известкового молока, отфильтровать раствор сахарата, разделить его на 2 части и затем поступить, как указано выше.

Гидролиз сахарозы

Известно, что в обычных условиях гидролиз сахарозы идёт очень медленно. Скорость его сильно возрастает при каталитическом действии специфических ферментов и кислот. Продуктами гидролиза сахарозы являются глюкоза и фруктоза²:

В две демонстрационные пробирки помещают по кусочку пилёного сахара, растворяют сахар в равных объёмах воды (примерно в 15 мл). В одну из пробирок добавляют 1 мл раствора соляной кислоты. Содержимое обеих пробирок кипятят в течение 3–5 минут. После этого нейтрализуют кислоту щёлочью, и оба раствора испытывают на реакцию восстановления гидрата окиси меди.

Раствор, где кипячение производилось в присутствии кислоты, восстанавливает $Cu(OH)_2$ в Cu_2O . В нём, следовательно, прошёл гидролиз с образованием моносахаридов. Кипячение же без катализатора оказалось недостаточным для гидролиза.

Гидролизом сахарозы с кислотой можно получить искусственный мёд, так как мёд представляет собой в основном смесь тех же продуктов (глюкозы и фрукто-

² Фруктоза – изомер глюкозы.

зы), которые получаются и при гидролизе сахарозы.

Пять кусочков сахара растворяют в небольшом количестве воды, добавляют 0,5–1 мл разбавленной химически чистой серной кислоты и нагревают на водяной бане в течение часа. Затем раствор охлаждают, нейтрализуют кислоту мелом (при нейтрализации щёлочью в растворе осталась бы соль), добавляя его порошок мелкими порциями, пока не перестанет выделяться углекислый газ, и отфильтровывают осадок сернокислого кальция. Раствор упаривают на водяной бане до состояния сиропа, не давая ему при этом подгорать. Пробуют на вкус.

В опыте не следует брать много кислоты, так как каталитическое действие её от этого почти не увеличивается, а в то же время избыток её разрушает фруктозу. Операцию удаления кислоты можно не производить, если для опыта воспользоваться лимонной кислотой (0,5–1 г) вместо серной.

Получение сахара из свёклы

Промывают хорошо 400–500 г сахарной свёклы и нарезают её в виде мелкой стружки или истирают на тёрке. Свёклу помещают в большой химический стакан, добавляют к ней равное количество горячей воды и смесь нагревают полчаса до 70–80°. Полученный раствор сливают, а к свёкле добавляют новую порцию горячей воды и снова нагревают. Через тот же промежуток времени образовавшийся раствор прибавляют к ранее полученному и ту же операцию проделывают в третий раз. Так, применяя всякий раз чистую воду, удаётся полнее извлечь сахар из свёклы, чем при однократной обработке свёклы большим количеством воды.

Полученный сок фильтруют от посторонних примесей через ткань. Готовят известковое молоко из 15 г окиси кальция и добавляют его к свекловичному соку. Смесь нагревают в течение 15–20 минут (на водяной бане). При этом процессе, называемом дефекацией, под действием извести осаждаются органические кислоты, белковые и другие органические вещества, а сахар остаётся в виде сахарата в растворе.

Раствор после дефекации фильтруют в другую колбу и подвергают сатурации — пропускают в него углекислый газ. При этом сахарат разлагается: известь в виде карбоната выпадает в осадок, а сахар в свободном виде остаётся в растворе. Пропускание углекислого газа продолжают с таким расчётом, чтобы раствор остался слабощелочным (при нанесении капли раствора на фильтровальную бумажку, смоченную фенолфталеином, бумажка должна окраситься в бледно-розовый цвет). Это даёт гарантию, что несахаристые вещества, находящиеся в соединении с известью, при этом не будут разложены.

Раствор снова фильтруют и производят повторную дефекацию меньшим количеством извести, добиваясь тем самым более полного осаждения примесей. После этого проводят повторную сатурацию углекислым газом: отфильтрованный раствор на этот раз насыщают углекислым газом до полного осаждения извести.

Полученный раствор, содержащий иногда до 10% сахара, имеет желтоватый цвет. Обесцвечивают его фильтрованием через свежeproкалённый (лучше животный) уголь.

Пробу раствора подвергают гидролизу (кипячение с небольшим количеством H_2SO_4) и открывают моносахариды реакцией с гидратом окиси меди.

После этого раствор упаривают на водяной бане (желательно в вакууме, чтобы не было подгорания сахара) до уменьшения объёма примерно в 5 раз и оставляют кристаллизоваться. Для затравки можно бросить в раствор несколько крупинок сахарного песка.

Чтобы получить наиболее чистый продукт, выделившийся сахар следует перекристаллизовать. Для этого его отделяют от патоки, кристаллы растворяют в очень

небольшом количестве горячей воды и оставляют в кристаллизаторе на пару дней, или осторожно выпаривают до образования кристаллов, не доводя при этом раствор до полного обезвоживания.

Работу можно выполнить быстрее при однократной дефекации и сатурации. Однако при этом сахар может оказаться недостаточно очищенным, и примеси могут помешать его выделению в кристаллическом виде. В таком случае будет получена патока.

Так как в данной работе приходится часто прибегать к фильтрованию значительных количеств жидкости, то лучше эту операцию производить с отсасыванием (см. рис. 2), в крайнем случае, фильтрование производить параллельно через несколько воронок с бумажными (складчатыми) фильтрами.

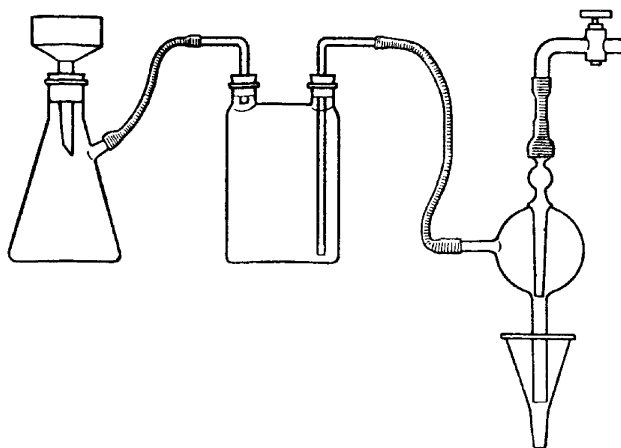

Рис. 2. Фильтровальная установка.

Принцип конструирования «производственной установки» заключается в том, чтобы не переливать в работе растворы из одной колбы в другую, а так последовательно соединить ряд колб, чтобы растворы можно было перекачивать из одного сосуда в другой с помощью пульверизационной груши (пуская их, в случае необходимости, предварительно на фильтр).

Таким же способом можно составить батарею диффузоров: стружки свёклы поместить в несколько колб (например, в 3) и, подогревая их на водяных банях, последовательно пропускать через колбы воду, что поведёт ко всё большему насыщению раствора сахаром.

КРАХМАЛ³

Приготовление крахмального клейстера

Крахмал плохо растворяется в холодной воде. Для растворения крахмала в горячей воде неудобно нагревать его смесь с водой, так как оседающий на дне плотный слой крахмала вызывает перегрев стекла, вследствие чего пробирка может лопнуть. Поэтому опыт ставят по одному из следующих вариантов:

а) В ступке или фарфоровой чашке растирают немного крахмала с небольшим ко-

³ Крахмал $(C_6H_{10}O_5)_n$ — полисахариды амилозы и амилопектина, мономером которых является альфа-глюкоза. Крахмал, синтезируемый разными растениями в хлоропластах, является их резервным питательным веществом. В желудочном тракте человека и животного крахмал поддается гидролизу и превращается в глюкозу, которая усваивается организмом. Промежуточными продуктами гидролиза крахмала являются декстрины.

личеством воды, переносят смесь в пробирку, разбавляют водой и нагревают до кипения при постоянном взбалтывании.

б) В 4–5 мл воды в пробирке взмучивают небольшую щепотку крахмала и образующуюся суспензию понемногу выливают в другую пробирку или стаканчик с кипящей водой. Образующийся раствор при этом постоянно взбалтывают.

В этом случае крахмал не осаждается на дно пробирки. Он образует коллоидный раствор – крахмальный клейстер.

Реакция крахмала с йодом

Крахмал даёт с раствором йода характерное синее окрашивание. С помощью йода удаётся открывать самые незначительные количества крахмала.

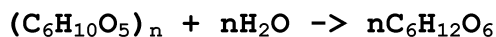
Так как йод почти не растворим в воде, то для опытов пользуются раствором его в спирте или в водном растворе йодистого калия (с которым он даёт комплексное соединение). В первом случае можно воспользоваться йодной тинктурой (приобретённой в аптеке), разбавив её водой примерно в 20 раз (йод в присутствии спирта останется в растворе). Во втором случае готовят раствор из расчёта 100 мл воды, 2–3 г йодистого калия и 1 г йода⁴.

1. В демонстрационный цилиндр наливают 3–5 мл полученного в предыдущем опыте клейстера, разбавляют его водой (1:20) и добавляют немного раствора йода. Наблюдают появление синей окраски (белый фон!).

Часть синего раствора наливают в демонстрационную пробирку и нагревают. При нагревании синяя окраска исчезает, так как образующееся соединение крахмала с йодом является неустойчивым.

Гидролиз крахмала

Гидролиз крахмала идёт через образование целого ряда промежуточных продуктов. Конечным продуктом гидролиза является глюкоза. Итоговое уравнение реакции:

Чтобы для обнаружения глюкозы не получать гидрат окиси меди в каждом опыте, пользуются фелинговым раствором.

Фелингова жидкость представляет собой в основном гидрат окиси меди, но он находится здесь, благодаря присутствию сегнетовой соли, в растворённом состоянии, вследствие чего при нагревании не образуется окись меди, загрязняющая осадок.

Уравнение реакции фелингового раствора с альдегидами пишется, как и для гидрата окиси меди, согласно схеме:

Приготовление фелинговой жидкости:

1. в 100 мл воды растворяют 3,5 г медного купороса (крист.);
2. в 100 мл воды растворяют 17,3 г сегнетовой соли (крист.) и 6 г едкого натра.

⁴ В аптеках чаще всего готовят раствор Люголя водный: йода 1 г, калия йодида 2 г, воды до 20 мл.

Растворы хранят отдельно. Перед применением получают нужное количество жидкости, смешивая равные объёмы растворов.

Чтобы в дальнейших опытах раствор крахмала до гидролиза не дал реакции с фелинговой жидкостью, крахмал предварительно следует промыть на фильтре водой.

1. В химическом стаканчике разбавляют 5–8 мл крахмального клейстера тройным объёмом воды и прибавляют 1–2 мл раствора серной кислоты.

На небольших пробах убеждаются, что раствор содержит крахмал (реакция с йодом) и не содержит глюкозы (отсутствие реакции с фелинговой жидкостью после нейтрализации кислоты щёлочью).

Кипятят раствор в стаканчике на спиртовке через асбестированную сетку в течение 5 минут, отбирают пробу, нейтрализуют её щёлочью и нагревают с фелинговым раствором. Образование красной закиси меди указывает на появление глюкозы. Реакцией с йодом проверяют, прошёл ли полностью гидролиз крахмала. Если крахмал обнаруживается, то при наличии времени продолжают кипятить раствор до тех пор, пока проба его перестанет давать синюю окраску с йодом. Чтобы не тратить времени на охлаждение каждой пробы, можно несколько капель его вносить в значительный объём раствора йода.

2. Споласкивают рот 2–3 раза водой. Раствор слюны каждый раз переносят в небольшой стаканчик. Приливают туда же равный объём крахмального клейстера, затем фелинговой жидкости, и смесь нагревают. Образуется красная закись меди. Параллельно можно убедиться, что ни крахмал, ни слюна при нагревании с фелинговым раствором в отдельности не образуют закиси меди.

Строго говоря, при действии фермента слюны — птиалина — крахмал гидролизуется не до глюкозы, а до мальтозы⁵, являющейся дисахаридом. Однако мальтоза подобно глюкозе восстанавливает гидрат окиси меди.

3. Заготавливают в штативе 6 пробирок с раствором йода. В химическом стакане готовят смесь крахмального клейстера, воды и серной кислоты, как указано выше в п. 1. Две-три капли смеси переносят пипеткой в первую пробирку с раствором йода. Затем начинают кипятить смесь в стаканчике и отбирают пробы через каждые две-три минуты, внося их в следующие пробирки. В пробирках образуется гамма окрасок: синяя, фиолетовая, краснобурая; в последней пробирке (или в последних) окраска раствора не изменяется. Полученные окраски соответствуют различным декстринам, образующимся в процессе постепенного гидролиза крахмала. Наиболее простые декстрины, так же как мальтоза и глюкоза, вовсе не окрашиваются йодом.

С помощью фелингова раствора убеждаются, что жидкость, остающаяся после отбора вышеуказанных проб, содержит глюкозу.

4. Подобным же способом можно проследить последовательность гидролиза крахмала под действием птиалина слюны. В химическом стаканчике смешивают немного слюны с крахмальным клейстером и через каждые одну-две минуты (без нагревания) вносят пробы этой смеси в раствор йода. Наблюдают аналогичный результат.

Получение патоки и глюкозы из крахмала

Эта работа состоит как бы из двух частей — из гидролиза крахмала, что отра-

⁵ Таким образом (жуя растения) некоторые дикие народы получают мальтозо-содержащую пасту, которая сбраживается для получения алкогольных напитков.

ботано по существу в предыдущих опытах, и из извлечения образующейся глюкозы в виде патоки или кристаллического продукта. Предлагаемый опыт довольно полно воспроизводит классическую работу адъюнкта Российской академии наук Константина Кирхгофа, открывшего гидролиз крахмала в 1811 г., и вместе с тем иллюстрирует промышленный способ получения патоки и глюкозы.

В круглодонную колбу ёмкостью 500–1000 мл наливают 100 мл воды и 2 мл концентрированной серной кислоты. Нагревают раствор кислоты до кипения и к нему очень медленно, следя за тем, чтобы не прерывалось кипение, приливают взмученную смесь 25 г крахмала с небольшим количеством воды. В колбе образуется крахмальный клейстер. Колбу закрывают пробкой с вертикальной холодильной трубкой и кипятят смесь около часа. После того как проба жидкости из колбы не будет давать никакой окраски с раствором йода, процесс гидролиза можно считать законченным.

Чтобы выделить глюкозу из раствора, следует предварительно удалить примесь серной кислоты. Для этого к охлаждённому раствору добавляют небольшими порциями тонко измельчённый мел (CaCO_3) до прекращения выделения углекислого газа, сильно взбалтывая всякий раз смесь веществ. Когда при добавлении новой порции мела не будет слышно характерного «шипения», серная кислота оказывается нейтрализованной. Для нейтрализации кислоты удобно воспользоваться также известковым молоком.

Отделяют осадок CaSO_4 фильтрованием через складчатый фильтр или на воронке с отсасыванием и упаривают раствор глюкозы в фарфоровой чашке на водяной бане. При концентрировании раствора может снова выпасть осадок гипса. Осадок снова отфильтровывают и продолжают упаривание раствора до густоты сиропа. Образовавшийся густой сироп – патоку можно попробовать на вкус и испытать феллинговым раствором и раствором йода.

Патоку оставляют стоять в течение нескольких дней. При этом выкристаллизуется глюкоза. Более быструю кристаллизацию можно наблюдать, если капли патоки нанести на стеклянные пластинки и поместить в них «затравку» – крупинки глюкозы.

Полученную глюкозу можно подвергнуть брожению⁶.

При проведении опыта необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Кислоты в качестве катализатора нельзя брать слишком много, иначе долго не будет достигнут момент нейтрализации, и обильный осадок гипса вызовет потери глюкозы. Однако нельзя брать и слишком мало кислоты.

Следует по возможности точно уловить момент нейтрализации (контроль лакмусовой бумажкой), чтобы по тем же соображениям избежать по возможности избытка мела. Упаривать раствор следует осторожно, чтобы не вызвать разложения сахара.

Если имеют в виду получить патоку, а не глюкозу, гидролиз не доводят до конца: патока – это смесь простых декстринов с глюкозой.

Получение крахмала из картофеля

Несколько клубней картофеля тщательно отмывают от грязи, очищают от кожицы (не обязательно) и стирают на тёрке в небольшой миске. При истирании картофеля зёрна крахмала освобождаются от заключающих их клеточных оболочек. Образовавшуюся кашку тщательно перемешивают с двойным объёмом воды и процеживают

⁶ А затем отогнать этиловый спирт. В промышленности кислотному гидролизу в основном подвергают полимер бета-глюкозы – целлюлозу древесины (это более дешёвое сырьё). Получившийся спирт называют гидролизным – он имеет другой характерный состав примесей.

через тонкое сито или марлю. Крахмальные зёрна в виде «крахмального молока» при этом отделяются от оболочек клеток и других веществ. Остаток на сите или в марле промывают водой с целью более полной отмытки крахмала (до тех пор, пока начнёт проходить почти чистая вода).

Из «крахмального молока» примерно в течение часа отстаивается осадок крахмала. Декантируют с осадка водный раствор и крахмал дважды промывают чистой водой, всякий раз тщательно перемешивая и давая осесть крахмалу.

Промывку крахмала следует делать потому, что остающиеся в нём примеси темнеют на воздухе и окрашивают его в грязный цвет.

Наконец крахмал отделяют от воды (декантацией или фильтрованием) и сушат на воздухе. Проверяют его на хруст, растирая между пальцами, готовят немного крахмального клейстера и испытывают раствором йода.

Получение спирта из крахмала

Промышленный процесс получения спирта из крахмалсодержащих продуктов делится на две основные стадии. В первой стадии под действием фермента диастаза⁷, содержащегося в солоде (проросших зёрнах ячменя и других злаков), крахмал гидролизуют до низших сахаров (мальтозы), после этого в других аппаратах сахар под действием ферментов, содержащихся в дрожжах, сбраживают в спирт⁸. Первый процесс идёт при температуре около 60°, второй при температуре около 30°.

Солод для опыта готовят упрощённо следующим способом.

В стакане замачивают в течение 2–3 суток горсть отборных промытых зёрен ячменя, воду в стакане сменяют 2–3 раза в день. Затем зёрна проращивают. Для этого их помещают в виде равномерного тонкого слоя в кристаллизатор или тарелку и накрывают влажной тряпочкой. Проращивание ведут в тёмном месте в течение нескольких суток, пока длина корешков будет примерно в 1,5 раза больше длины зёрен. В процессе прорастания зёрен ячменя и образуется диастаз. Проросшие зёрна затем истирают в ступке.

Для получения спирта из крахмала берут несколько клубней картофеля (общим весом около 200 г), отмывают их от грязи и разваривают в воде. Разваренный картофель измельчают и образовавшуюся кашу переносят в литровую колбу. Туда же прибавляют ещё небольшое количество воды и горсть солода. Колбу со всем содержимым нагревают на водяной бане при температуре около 60° (термометр!) в течение 1,5–2 часов при постоянном помешивании. Крахмал при этом осахаривается в декстрин и далее в мальтозу. Осахаривание крахмала закончилось, если проба жидкости не даёт окрашивания с раствором йода.

После того как сладкий «затор» остынет до комнатной температуры, к нему добавляют 10–15 г свежих, растёртых с водой дрожжей. Хорошо перемешивают жидкость и оставляют стоять в тёплом месте (температура 25–30°) на несколько суток. Вначале процесс брожения идёт медленно, затем он ускоряется, что видно

⁷ Другое название – амилаза или альфа-амилаза. Его основная функция – расщепление сложных углеводов (крахмала) до простых (глюкозы). Этот фермент также образуется в поджелудочной железе и слюнных железах.

⁸ Это довольно сложный процесс (брожение – fermentation), цель которого – получение энергии для жизнедеятельности (запасаемой в виде АТФ) в бескислородной среде. В кислородной среде дрожжами осуществляется другой процесс – дыхание, он даёт больше энергии, но на его выходе этиловый спирт уже практически нет. Впрочем, при больших концентрациях глюкозы (сахаров) в кислородной среде, дрожжи также переключаются на брожение.

по обильному образованию пены (углекислый газ), затем он вновь ослабевает и, наконец, совсем прекращается.

Образовавшуюся бражку фильтруют от осадка дрожжей и других примесей. Полученный раствор кроме воды и этилового спирта содержит сивушное масло (спирты с большим молекулярным весом), альдегиды, глицерин и некоторые другие растворимые органические вещества.

Раствор переносят в колбу для перегонки и отгоняют фракцию в интервале температур 70–85° в приёмник с поташом. Спирт собирается в верхнем слое. Убеждаются в присутствии спирта по запаху (что, однако, мало убедительно ввиду наличия сивушных масел), по горючести его паров при нагревании раствора (в железной ложечке), по йодоформной реакции.

Для получения более чистого этилового спирта делают повторную перегонку (с дефлегматором), отбирая фракцию вблизи температуры кипения спирта.

КЛЕТЧАТКА⁹

Гидролиз клетчатки до глюкозы

Одним из характерных и практически важных свойств клетчатки как представителя полисахаридов является её гидролиз до более простых продуктов.

Конечным продуктом гидролиза клетчатки, как и крахмала, является глюкоза:

Гидролиз клетчатки также в сильной степени катализируется минеральными кислотами.

В настоящее время гидролизом клетчатки (древесины как наиболее доступной разновидности её) готовят глюкозу, идущую на корм скоту, а сбраживанием глюкозы получают этиловый спирт и другие продукты.

Опыты по гидролизу могут ставиться с различной полнотой: от констатации наличия глюкозы в гидролизате до извлечения глюкозы в твёрдом виде.

1. В ступке смачивают кусочек чистой фильтровальной бумаги или ваты концентрированной серной кислотой и растирают пестиком. Полученный раствор переносят в демонстрационную пробирку или химический стакан с небольшим количеством воды (2–3 мл) и кипятят в течение 5 мин. После этого часть раствора нейтрализуют щёлочью и нагревают с фелинговой жидкостью. Образование красной закиси меди указывает на появление глюкозы.

Параллельно можно провести контрольный опыт: кипятить столько же времени фильтровальную бумагу или вату с водой без кислоты. При последующем нагревании этой жидкости с фелинговым раствором осадок закиси меди не образуется.

2. Для демонстрации процесса гидролиза клетчатки можно воспользоваться древесными опилками.

Один-два грамма древесных опилок смачивают в химическом стакане водой, прибавляют 2–3 мл концентрированной H_2SO_4 , затем 30–50 мл воды и кипятят 5–10 минут. После этого часть ещё горячего раствора фильтруют через складчатый фильтр, фильтрат нейтрализуют щёлочью и нагревают с фелинговым раствором. Образуется закись меди. Параллельно может быть поставлен опыт нагревания опилок

⁹ Оболочки растительной клетки. В основном состоят из целлюлозы, гемицеллюлозы и лигнина. Здесь и далее под клетчаткой имеется в виду целлюлоза.

с водой без кислоты. Получающийся в этом случае раствор не даёт с фелинговой жидкостью закиси меди.

3. Наиболее распространённым в промышленности способом осахаривания древесины является нагревание её с очень разбавленной серной кислотой (0,5%) под давлением до 10 атм. Естественно, мы не можем поставить опыт с применением давления, но в этом и нет особой необходимости, так как мы не ставим задачу получения максимально возможного выхода глюкозы. Зато мы сможем несколько повысить концентрацию серной кислоты, чтобы ускорить процесс.

1–1,5 г древесных опилок в колбе обливают 14 мл серной кислоты (6 мл воды и 8 мл концентрированной H_2SO_4). Взбалтывают смесь примерно в течение 10 минут, одновременно прогревая её немного в пламени спиртовки. Затем приливают к смеси 150–200 мл воды, закрывают колбу пробкой с вертикальной трубкой и кипятят в течение 10–15 минут.

Для большего выхода продукта следует более продолжительное время обрабатывать опилки мало разбавленной кислотой (от 2 часов до суток) и длительное время кипятить их с сильно разбавленной кислотой (до 2 часов).

Раствор фильтруют в большую коническую колбу и к фильтрату добавляют небольшими порциями тонко измельченный мел, всё время энергично взбалтывая смесь круговыми движениями колбы, до тех пор пока не прекратится выделение углекислого газа (шипение) и лакмусовая бумажка не покажет, что серная кислота нейтрализована:

Вместо мела можно применить известковое молоко или баритовую воду.

Раствор фильтруют от обильного осадка сернокислого кальция через воронку с отсасыванием. С помощью фелингова раствора убеждаются в наличии глюкозы в фильтрате. Упаривают раствор в фарфоровой чашке на водяной бане до небольшого объёма жидкости.

Сконцентрированный раствор глюкозы выпаривают в фарфоровой чашке на водяной бане. При этом следят за тем, чтобы выделяющийся сахар по возможности не подгорал. На дне чашки по испарении воды образуется немного глюкозы, обычно светло-жёлтого цвета (вследствие частичного разложения её и органических примесей). Ощущается запах горелого сахара, так как при выпаривании без вакуума не удаётся избежать частичного разложения продукта. Полученный продукт можно испробовать на вкус. Растворив полученный продукт в воде и добавив дрожжей, в соответствующих условиях можно наблюдать реакцию брожения (по выделению углекислого газа), что подтверждает образование сахара из древесины.

Гидролиз клетчатки до амилоида¹⁰

Одним из промежуточных продуктов гидролиза клетчатки является амилоид.

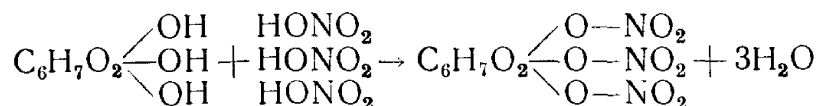
На клейщем свойстве амилоида основано приготовление растительного пергамента.

¹⁰ Это устаревший термин. В данном случае амилоид (химия) – вещество, близкое по свойствам к крахмалу, полисахарид, образующийся при неполном гидролизе целлюлозы. Это синее от йода вещество, близкое к крахмалу, находящееся в клетках некоторых грибов, лишайников, а также в семенах некоторых высших растений, а иногда в растущих вегетативных органах. Иногда амилоид называют "грибным крахмалом" или амилоидом Шлейдена. Правильнее его называть гемицеллюлозой.

В блюдечко или фарфоровую чашку наливают слегка разбавленную серную кислоту (8 мл концентрированной серной кислоты и 2 мл воды). Погружают в кислоту секунд на 10–15 листок фильтровальной бумаги и затем его быстро переносят в стакан с большим количеством воды или промывают в проточной воде, чтобы прекратить действие кислоты. После этого промывают бумажку в слабом растворе аммиака и подсушивают высоко над пламенем. У получившегося пергамента поверхность более гладкая, чем у взятой бумаги, и пергамент значительно прочнее её на разрыв.

Нитрование клетчатки

В зависимости от концентрации применяемой азотной кислоты и времени нитрования получаются различные продукты. Для полного нитрования клетчатки в соответствии с уравнением

нужна дымящая азотная кислота уд. в. 1,52.

В случае применения азотной кислоты уд. в. 1,4 нитрование обычно не доходит до образования тринитроклетчатки. Однако с полученным продуктом удаётся проделать все необходимые опыты, иллюстрирующие свойства нитроклетчатки.

В химическом стаканчике готовят смесь 5 мл концентрированной азотной кислоты (уд. в. 1,4) и концентрированной серной кислоты (уд. в. 1,84). После того как смесь примет комнатную температуру, в неё погружают минут на 6–8 комочек ваты, перемешивая его с кислотами стеклянной палочкой. Затем вату промывают водой в большом химическом стакане и в струе под водопроводным краном. После этого нитроклетчатку отжимают и полностью высушивают в листах фильтровальной бумаги, неоднократно меняя их и разрыхляя каждый раз вату.

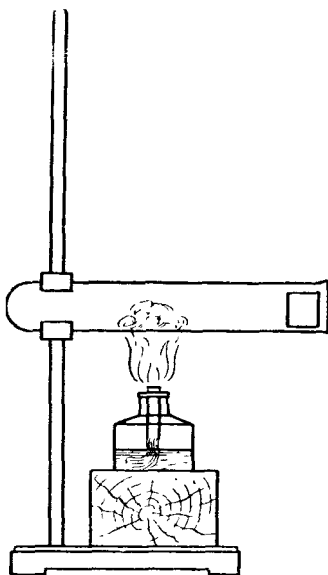

Рис. 3. Взрывание нитрованной ваты.

В пламени спиртовки поджигают одновременно небольшой комочек ваты и полученного нитропродукта (взятые в щипцы). Первый образец горит медленно, второй сгорает моментально.

Головку одной спички обёртывают ватой, другой спички — нитроклетчаткой. Вату и нитроклетчатку поджигают. Вслед за горением ваты спичка вспыхивает, нитроклетчатка же сгорает настолько быстро, что спичка не успевает воспламениться.

Небольшой комочек нитроклетчатки поджигают спичкой или лучинкой на ладони руки. Нитроклетчатка быстро сгорает, не причиняя ожога. Параллельный опыт с ватой, разумеется, не проводят.

В укреплённую горизонтально пробирку, как показано на рисунке 3, помещают очень небольшой комочек нитрованной ваты. В отверстие пробирки, обращенное в сторону, кладут небольшую пробку или горошину. При нагревании на спиртовке средней части пробирки, пробка или горошина силой взрыва выбрасывается из пробирки.

Опыт нитрования можно повторить, нитруя клетчатку более продолжительное время (до 30 минут) с тем, чтобы затем сравнить полученные в том и другом случае нитропродукты по характеру горения и взрыва.

Получение бездымного пороха

Немного нитроклетчатки в стакане смачивают уксусно-этиловым эфиром или ацетоном до образования студенистой массы. После высыхания образуется бездымный порошок. Извлекают часть его и поджигают. Горение происходит менее интенсивно.

Получение коллодия

Нитрованную вату растворяют при взбалтывании в конической колбочке в смеси 2 мл спирта и 6 мл диэтилового (серного) эфира. Полученный раствор, если нужно, фильтруют через стеклянную вату и выливают на стеклянные пластинки. По испарении растворителя наблюдают образование плёнки коллоксилина. Плёнку можно легко отделить от стекла и сжечь.

Получение искусственного волокна

Наиболее доступным опытом, как с точки зрения расходуемых реактивов, так и с точки зрения техники выполнения является получение медно-аммиачного шёлка. Однако этот опыт иллюстрирует устаревший, а не современный способ получения искусственного шёлка. Тем не менее, медно-аммиачный шёлк изготавливается в промышленности и по ряду показателей он превосходит распространённый вискозный шёлк (по тонкости нити, блеску и прочности).

Опыт может быть поставлен в двух вариантах: с выделением клетчатки из медно-аммиачного раствора в виде хлопьевидной массы и с выделением её в виде нити.

В упрощённом виде опыт демонстрируют следующим образом. Готовят гидрат окиси меди. Для этого к раствору медного купороса приливают раствор едкого натра, избегая его избытка (едкий натр должен быть чистый). Осадок промывают декантацией и отфильтровывают. В коническую колбочку с 10–20 мл концентрированного (25-процентного) аммиака вносят небольшими порциями гидрат окиси меди до образования темно-синего мало просвечивающего раствора, постоянно взбалтывая при этом жидкость.

В полученный раствор помещают комочек гигроскопической ваты и продолжают встряхивать. Вата при этом набухает, а затем образует коллоидный раствор. В случае, если бы оказалось, что ваты помещено так много, что она не сможет раствориться в медно-аммиачном растворе, раствор фильтруют через стеклянную вату, положенную в обычную воронку.

Приливая этот раствор в пробирку или стаканчик с разбавленной серной кислотой, они наблюдают выделение клетчатки в виде хлопьев.

Опыт, иллюстрирующий не только химизм, но в какой-то мере и технологию производства шёлка, может быть осуществлён в следующем виде.

Готовят, как и в предыдущем случае, гидрат окиси меди. Для этого к 100 мл 5-процентного раствора медного купороса прибавляют постепенно раствор едкого натра, следя за тем, чтобы не было избытка щёлочи, т. е. не доводя реакцию до полного осаждения. (Для этого может быть произведен предварительный расчёт необходимого количества реактивов.) Дают осадку отстояться, декантируют, добавляют воды и фильтруют с отсасыванием, затем осадок тщательно промывают на фильтре до исчезновения сульфат-иона в промывных водах.

Опыт начинают с получения медно-аммиачного раствора. Этот раствор должен быть получен более тщательно, чем в предыдущем опыте.

В коническую колбочку с 50 мл концентрированного аммиака вносят небольшими порциями 3 г гидрата окиси меди. Если при этом окажется, что не весь гидрат окиси меди растворится, фильтруют раствор через стеклянную вату (фильтровальная бумага разрушится щёлочью) в другую такую же колбочку или же добавляют немного аммиака.

Затем в медно-аммиачный раствор вносят 1,5–2 г медицинской ваты и перемешивают её стеклянной палочкой с каучуковой насадкой, добиваясь по возможности полного растворения. Для предотвращения потери аммиака колбу при этом закрывают ватным тампоном. Через 10–15 минут фильтруют раствор от избытка ваты через стеклянный фильтр. Фильтрат готов для «прядения» медно-аммиачного шёлка.

Коагуляцию коллоидного раствора клетчатки с целью получения ровной, прочной и гибкой нити лучше производить не раствором кислоты (серной или соляной), а крепким (30-процентным) раствором едкого натра.

Приспособления для выдавливания раствора в осадительную ванну могут быть разнообразные (рис. 4). Очень удобно воспользоваться для этой цели медицинским шприцем (рис. 4А). В шприц набирают раствор и, медленно надавливая на поршень, вносят конец иглы в ванну (фотографическую кюветку, тарелку) с 30-процентным раствором щёлочи. Первые же капли, появляющиеся из отверстия иглы, коагулируют в растворе, их захватывают пинцетом (не руками!) и медленно проводят в жидкости через всю ванну, продолжая при этом равномерно давить другой рукой на поршень шприца. Так можно получить нить такой длины, какую допускает размах рук.

Чтобы получить более длинную нить, её надо одновременно наматывать на катушку. Для этого на уровне ванночки укрепляют горизонтально металлический стержень и на него надевают стеклянную трубку длиной 12–15 см так, чтобы она свободно вращалась (рис. 4Б). Конец нити после выхода из раствора щёлочи наматывают на эту трубку, затем откладывают пинцет, и освободившейся рукой вращают стеклянную трубку, продолжая другой рукой выдавливать раствор в ванну.

Так удаётся без обрывов уложить на трубку много витков нити. В случае обрыва нити снова захватывают пинцетом образующееся у иглы волокно и продолжают наматывать его на трубку.

Для уничтожения синей окраски волокна трубку помещают на непродолжительное время в пробирку или ванночку с разбавленной уксусной или серной кислотой (например, 3–5-процентной). Затем шёлк промывают в стакане с водой. Получаются тонкие, белые, блестящие нити.

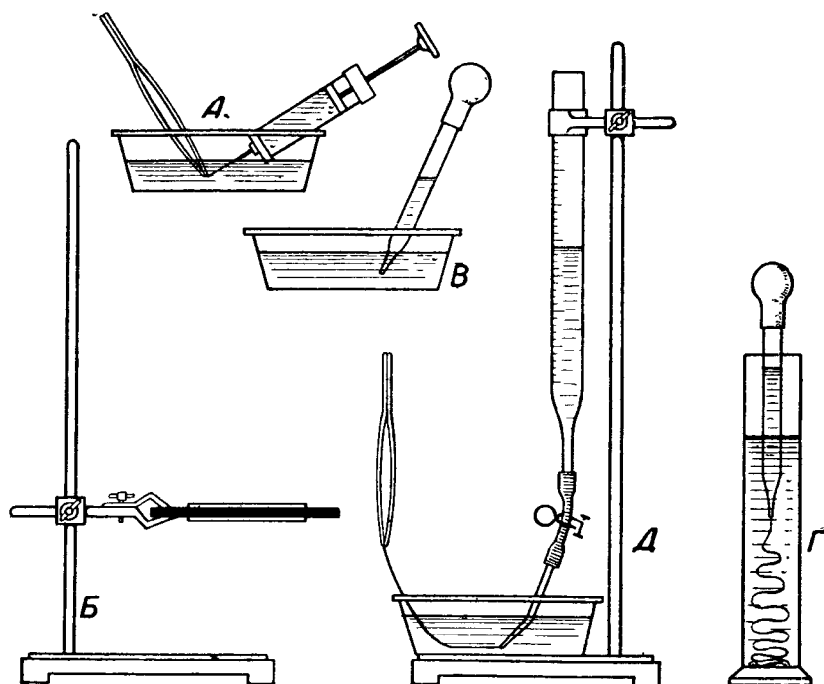

Рис. 4. Получение нитей медно-аммиачного волокна.

Главная трудность здесь заключается в координации действий правой и левой руки.

Для опыта можно воспользоваться самодельным шприцем — пипеткой (рис. 4В). Оттягивают стеклянную трубку в капилляр с просветом 0,1–0,4 мм и на другой конец её насаживают плотно резиновый колпачок. Набирают в такую пипетку медно-аммиачный раствор клетчатки и, осторожно сжимая колпачок, выдавливают раствор в осадительную ванну. При таком приспособлении, однако, раствор идёт менее равномерно, и нить получается неровная. Из такой пипетки раствор можно выдавливать в цилиндр со щёлочью (рис. 4Г) и получить нить без наматывания на катушку.

Более простым в обращении оказывается следующее приспособление (рис. 4Д). К бюретке без крана присоединяют на каучуке с винтовым зажимом стеклянную трубочку с капилляром, отогнутым в сторону. В бюретку наливают раствор клетчатки и открывают винтовой зажим настолько, чтобы жидкость медленно выходила из капилляра (15–20 капель в минуту). Подставляют под капилляр ванну (отверстие капилляра должно быть в растворе щёлочи) и далее поступают, как было описано выше.

Можно внести много усовершенствований в «технология» этого опыта, например, сконструировать удобное приспособление (насос и фильеру) для выдавливания раствора клетчатки в осадительную ванну и «автоматизировать» производство так, чтобы нить из щелочной ванны сразу шла на отмывку и затем наматывалась на катушку.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЛЕР

Николайчук .О

ВВЕДЕНИЕ

Развитие современных технологий производства измерительной техники, техники научных исследований и бытовой техники немыслимо без использования микроконтроллеров, которые применяются в различных устройствах – от наручных электронных часов до сложных вычислительных систем. Наиболее сложные микроконтроллерные системы используются в технологических системах и технике научных исследований. Те из них, которые предназначены для автоматизации производственных процессов или научных исследований, принято называть технологическими микроконтроллерами.

Рассмотрим факторы, оказывающие наибольшее влияние на развитие современных технологических микроконтроллерных систем (ТМКС). К ним относятся:

1. Научная проработка архитектуры и схемотехники распределенных микроконтроллерных систем, разработка и промышленный выпуск многих периферийных узлов в интегральном исполнении, развитие средств и приемов программирования и отладки;
2. Быстрое снижение цен на персональные компьютеры (ПК) при значительном по-

- вышении их вычислительной мощности и надежности. Это позволяет включать ПК в состав различных ТМКС в качестве мощных систем хранения, документирования и визуализации информации на самом верхнем уровне управления;
3. Значительное расширение номенклатуры микроконтроллеров при постоянном снижении их стоимости, которая приближается к стоимости обычных цифровых микросхем. При этом многие из микроконтроллеров характеризуются достаточно высокой производительностью, соизмеримой с производительностью i386 компьютеров, и малыми потребляемыми токами при достаточно больших токах нагрузки. Часть из них имеет встроенную электрически программируемую Flash-память программ и энергонезависимую память данных, последовательные высокоскоростные каналы передачи данных, несколько таймеров и развитую систему прерываний. В некоторые микроконтроллеры встроены 10...16-разрядные АЦП и ЦАП, аналоговые компараторы, развитая система защиты от зависаний WDT и другие полезные возможности;
 4. Глобальная тенденция к реструктуризации крупных производственных и научных учреждений и созданию на их основе малых производственных фирм и научно-исследовательских центров. Одновременно с этим отмечается снижение или полное прекращение объемов централизованного финансирования автоматизации производства и научных исследований. Все это приводит к еще большему ускорению процессов автоматизации, так как автоматизированные производства снижают конечную стоимость продукции (или экспериментов). В тоже время, стремление к снижению затрат на автоматизацию побуждает к использованию универсальных ТМКС, которые могут быть перенастроены на новые задачи быстро и с минимальными затратами;
 5. Дороговизна и моральное старение универсальных систем автоматизации производства и научных исследований (CAMAC, MULTIBUS-II, VME-BUS) [1].

Основные понятия и тенденции развития ТМКС

Практически во всех работах, посвященных архитектуре современных ТМКС для малых систем автоматизации производства и научных исследований, отмечаются некоторые основные понятия и вытекающие из них требования.

Современное понятие децентрализации системы предполагает территориальное рассредоточение вычислительной системы и разделение функций системы (измерений, первичной обработки и управления) на ряд слабосвязанных функций, а также их распределение между несколькими децентрализованными вычислителями [1-3]. Таким образом, современные децентрализованные системы являются системами с множеством потоков команд и данных (MIMD — Multiply Instruction Multiply Data). Территориально рассредоточенные децентрализованные системы принято называть локальными вычислительными сетями LAN, а отдельные автономные элементы сети — станциями (Station). С другой стороны, каждая из станций может также выполнять несколько слабосвязанных функций одновременно и состоять из нескольких слабосвязанных вычислителей, то есть быть мультимикропроцессорной (ММР). На практике это означает, что сложные технологические микроконтроллерные системы могут состоять из ряда автономных станций (микроконтроллеров), которые работают по различным программам и расположены в различных местах управляемого объекта. Связь между станциями осуществляется посредством LAN. В некоторых случаях, обычно, когда производительности одного микроконтроллера не хватает для решения определенного набора задач или когда задачи кардинально различаются, в одной станции могут находиться не один, а несколько микроконтроллеров, решающих свои задачи. Следовательно, каждая станция должна иметь как минимум один, а лучше несколько современных сетевых интерфейсов. Кроме того, сложные станции должны обеспечивать возможность совместной и не-

зависимой работы нескольких микроконтроллеров на общие ресурсы (интерфейсы связи с LAN, память, периферию и т. д.).

Суть требования минимальной стоимости очевидна, однако само это требование неразрывно связано с такими понятиями, как максимальная эффективность и минимальная избыточность. Под понятием максимальной эффективности понимают соотношение производительность/цена, однако в последнее время его часто объединяют с понятием минимальной избыточности системы, подразумевая как аппаратную избыточность (неиспользуемые узлы аппаратуры или излишние сигналы управления), так и временную (например, передача излишней информации по сетям). Из этого следует, что разработчики ТМКС должны решить две противоречивые задачи – с одной стороны, обеспечение минимальной избыточности (что подразумевает наличие в станции только тех функциональных узлов, которые необходимы для решения конкретной задачи), с другой – обеспечение максимальной эффективности (получение при минимальной цене контроллера максимальных функциональных возможностей или по-другому возможность наращивания системы). Эти задачи решаются при выполнении двух условий:

- установка необязательных функциональных узлов (выполненных, как правило, в виде отдельных специализированных микросхем) должна осуществляться на сокет (панельки);
- станции ТМКС должны строиться по принципу модульности.

Модульность – свойство территориально сосредоточенных элементов системы, означающее конструктивное выполнение всех узлов в виде набора функционально законченных автономных модулей (плат), имеющих одинаковые конструктивный и электрический интерфейсы с магистралью [4, 5]. Отсюда следует, что в модульной ТМКС все узлы должны иметь одинаковые разъемы, а все контакты разъемов (за исключением особых случаев) должны быть соединены параллельно в так называемую магистраль или шину.

Все сеансы обмена по магистрали должны подчиняться определенным правилам, т. е. иметь определенные временные диаграммы обмена, номенклатуру и электрические уровни сигналов и т. д. Эти правила обычно называются стандартами магистрали. В настоящее время в ТМКС часто используются модифицированные стандарты (с усеченным набором линий).

Кроме отмеченных выше преимуществ, модульные системы имеют еще целый ряд полезных свойств:

- Легкость замены вышедших из строя модулей на рабочие, что повышает ремонтнопригодность системы;
- Гибкость модульных систем – возможность легко изменять структуру изделий за счет различного сочетания модулей, а также возможность модернизации системы за счет независимого обновления (модернизации) каждого из модулей. Это облегчает разработку новых систем и увеличивает срок морального старения за счет применения комбинации новых и уже существующих модулей, повышает регулярность структуры и, как следствие, контрольно-диагностические качества, обеспечивает простоту переориентации системы на другой объект регулирования или исследования;
- Наращиваемость. Это свойство означает, что первоначально для модульной системы разрабатывается ядро (или центральный микроконтроллерный модуль с важнейшими функциональными узлами – ЦММ), а дальнейшее увеличение количества функциональных возможностей достигается за счет увеличения количества периферийных модулей с дополнительными функциональными возможностями.
- Многофункциональность – свойство модульных ТМКС, означающее, что система не имеет жесткой специализации и привязки к объекту регулирования или исследования и, соответственно, может выполнять разные функции;
- Конструктивное единство. Доминирующим стандартом в настоящее время является

ся EUROCARD (IEC48D, 1980), позволяющий создавать ряд вариантов плат как комбинацию размеров ширины (160 и 220 мм) и высоты (100 и 233,53 мм). Наиболее часто используются платы с размерами 220x233,53 мм² (MULTIBUS-II), 100x220 мм² (EUROBUS, ESONE) и 100x160 мм². Это позволяет использовать корпуса, выпускаемые различными производителями, и крейты — многоплатные конструктивы для магистрально-модульных систем.

Развитие магистрально-модульных систем предполагает обеспечение принципа максимальной универсализации, состоящего в том, что каждый вводимый в систему модуль должен обеспечивать построение системы, пригодной для максимального числа применений.

Магистрально-модульные ТМКС должны удовлетворять требованиям простоты установки и эксплуатации, а также обеспечивать достаточно простую модернизацию.

Современные ТМКС имеют свойство интеллектуальности. Это связано с наличием в них микроконтроллеров или микропроцессоров, работающих по своей индивидуальной программе. Уровень интеллектуальности можно легко увеличивать в уже работающей системе путем модификации программного обеспечения модулей.

Многие сложные ТМКС обладают свойством мультимагистральности, означающим использование в одной станции одновременно несколько различных магистралей. Такое техническое решение широко используется и в современных ПК, и во многих магистрально-модульных системах. Наиболее широкое распространение получили двухшинные системы. На каждой из магистралей расположены слабосвязанные микропроцессоры и микроконтроллеры различной мощности и разрядности, причем магистрали связаны через общий двухходовый ресурс, чаще всего — через оперативную память [3, 4, 6, 7].

В более простых и в сетевых ТМКС понятие мультимагистральности часто трансформируется в понятие мультиинтерфейсности, которое подразумевает, что ядро (главный модуль ТМКС) оснащается с максимально возможным количеством интерфейсов (RS-232C, RS-485, CAN, магистральный интерфейс, параллельные оптически развязанные регистры, интерфейсы интеллектуальных жидкокристаллических индикаторов LCD, и т. п.).

Безусловным принципом при построении проблемно-ориентированных систем является принцип достаточности производительности. Его достижение обеспечивается, как правило, созданием многоконтроллерных систем в одной станции, причем кроме обеспечения достаточной производительности за счет параллельного выполнения независимых задач или частей одной задачи достигается повышение надежности путем обеспечения свойства постепенной деградации системы при отказах отдельных контроллеров за счет перераспределения задач, что увеличивает также и гибкость системы.

Важным и очевидным принципом построения магистральных систем является принцип асинхронности и минимальности количества сигналов управления. Его соблюдение упрощает протокол обмена между модулями, повышает надежность связи и быстроедействие обмена.

Важнейшим понятием, используемым при разработке современных ТМКС является понятие совместимости или преемственности. При разработке ТМКС рассматриваются понятия архитектурной, программной и выводной совместимости. При анализе архитектурной совместимости рассматривается архитектура различных семейств микросхем микроконтроллеров, которые используются или могут быть использованы в создаваемой ТМКС или семействе ТМКС. Единство архитектуры используемых микросхем микроконтроллеров или незначительные отличия в ней существенно повышают эксплуатационные и потребительские качества создаваемой системы. Под программной совместимостью подразумевается, что различные семейства микросхем микроконтроллеров, которые используются в создаваемой ТМКС, имеют очень близкую систему команд и по идеологии, и по мнемонике. Зачастую при разработке ТМКС разрабатывается только базовое программное обеспечение (ПО) или прототип

ПО, а собственно рабочие программы для конкретных приложений дорабатывают пользователи системы. При этом фактор "привычки" для пользователя выходит на первое место по значимости при выборе той или иной ТМКС. Под выводной совместимостью понимается, что у различных семейств микросхем микроконтроллеров, которые используются в создаваемой системе функциональное назначение выводов микроконтроллеров совпадает и/или отличается очень незначительно.

К концу прошлого столетия в мире было создано несколько десятков тысяч различных микроконтроллеров. Около 70% из них — узкоспециальные микроконтроллеры, ориентированные на решение специальных задач. Около 10% микроконтроллеров морально устарели. Около 15% — новые малоизвестные или избыточно мощные микроконтроллеры, для которых разработаны принципиально новые языки программирования, малодоступны документация, системы разработки и отладки ПО, программаторы и т. д. И только около 5% микроконтроллеров и микропроцессоров являются широко распространенными и известными. Из них выделяются и по сей день успешно работают в большинстве ТМКС семейства микропроцессоров и микроконтроллеров фирмы Intel (MCS-51, MCS-96, MCS-80/85, MCS-86/88 и др.) и многих других фирм, использующих архитектуру этих семейств для своих микросхем. В последние годы наибольшей популярностью пользуются микроконтроллеры фирмы Atmel семейства x51, оснащенные Flash-памятью, и, конечно, новые микроконтроллеры AVR.

Микроконтроллеры семейства x51 выпускаются в двух наиболее популярных и удобных для установки на сокет корпусах DIP20 (AT89C1051/2051/4051) и DIP40 (AT89C51 /52/53/55/8252) [9]. Кроме того, при соответствующей разводке печатной платы, возможна установка на одной плате обоих типов микроконтроллеров на выбор (сокет DIP20 устанавливается внутри сокета DIP40). Существует выводная совместимость этих микроконтроллеров с микроконтроллерами AVR в корпусах DIP20 (AT90S2313) и DIP40 (AT90S4414/8515), а между указанными выше типами существует также достаточно большая программная совместимость, особенно на языке C.

Имеющиеся архитектурные отличия семейств x51 и AVR сосредоточены на уровне ядра микроконтроллера и для разработчика ТМКС практически недоступны.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что семейства микроконтроллеров x51 и AVR идеально подходят для ТМКС.

Как уже отмечалось выше, современные ТМКС используются в распределенных в пространстве системах и наиболее часто — в составе командно-информационных сетей CI LAN [10-13]. В них единственный ПК, включенный в LAN, играет роль генератора заданий и получателя данных, осуществляет вторичную обработку, систематизацию, хранение и визуализацию данных. Периферийные станции осуществляют съем аналоговой и дискретной информации с различных датчиков, ее предварительную обработку, управляют различными внешними объектами, производят тестирование своих подсистем и передают полученную информацию в ПК.

Функционирование ТМКС в составе распределенных технологических систем и локальных сетей означает территориальное разнесение станций. При гальванической связи между контроллерами возможно возникновение паразитных токов по цепям питания и различного рода помех. Для исключения этих явлений необходимо обеспечить гальваническую (чаще всего, оптическую) развязку сетевых интерфейсов.

Технологические контроллеры работают в условиях сильных электромагнитных и электростатических полей, представляющих собой помехи, которые могут привести к сбоям программы и зависаниям ТМКС. Кроме того, работа в составе LAN накладывает определенные требования на включение/выключение отдельных станций сети. При включении должен обеспечиваться гарантированный сброс и инициализация станции. При выключении станция не должна нарушать работоспособность остальных станций и сети в целом. Из сказанного следует, что станции ТМКС должны иметь специальные цепи сброса питания — супервизоры (Power Supervisory) и схемы защиты от зависаний (WDT).

Технологические системы работают в реальном времени. Это обстоятельство предъявляет ряд требований к схемотехнике и элементной базе ТМКС:

- станции ТМКС желательно оснастить таймерами реального времени (RTC), работающими независимо от наличия питания, для временной привязки к реальным событиям и процессам;
- элементная база ТМКС должна иметь максимально возможное быстродействие (минимальное время переключения);
- функциональные узлы (например, оперативная память), наиболее интенсивно используемые в вычислениях, должны иметь высокое быстродействие и параллельный интерфейс;
- объем оперативной памяти должен быть достаточным для проведения первичной обработки и буферизации данных для снижения потерь времени на их передачу за счет снижения интенсивности и объема передач.

Кроме дискретного управления технологическими объектами, ТМКС часто производят измерения аналоговых величин и выдают аналоговые управляющие сигналы. Следовательно, в состав ядра ТМКС должен быть включен АЦП с входным коммутатором среднего быстродействия, с максимально доступной разрядностью при разумно низкой стоимости.

АЦП с высоким быстродействием обычно включаются в состав плат расширения.

Кроме того, в состав ядра ТМКС должны быть включены несколько ЦАП для аналогового управления различными устройствами.

К энергопотреблению элементной базы ТМКС также предъявляются высокие требования. Использование элементной базы с низким потреблением снижает уровень помех, улучшает массогабаритные характеристики источников питания, снижает общую температуру элементов, повышает надежность функционирования системы.

Станции современных распределенных ТМКС могут быть разнесены в пространстве на значительные расстояния. При этом наличие в них локальных устройств визуализации значительно облегчает настройку и диагностику системы, снижает информационные потоки по сети, увеличивает эксплуатационные качества. В качестве локальных устройств визуализации обычно используются либо интеллектуальные жидкокристаллические (LCD) или светодиодные (LED) индикаторы, либо устройства отображения информации на телевизионных индикаторах. LCD индикаторы более предпочтительны, поскольку они более экономичны в плане энергопотребления. LED индикаторы обычно используют, если ТМКС ориентирована на работу в условиях ухудшенной видимости. TV индикаторы используют в случае необходимости локального отображения больших динамически изменяющихся массивов информации. Из этого следует, что в состав ядра ТМКС должен быть включен LCD (LED) интерфейс.

Узел связи ядра микроконтроллера с магистралью должен быть оснащен средствами расширения адресного пространства для работы с памятью внешнего TV индикатора. Такие узлы расширения называют диспетчерами памяти.

Технические требования к ЦММ ТМКС

Анализ приведенных выше понятий и тенденций развития позволяет сформулировать требования к составу функциональных модулей и конструктивному исполнению центрального микроконтроллерного модуля ТМКС:

1. Центральный микроконтроллерный модуль (ядро) ТМКС должен иметь возможность работать под управлением одного из следующих микроконтроллеров: AT89C51 /52 /53 /55 /8252 и AT90S4414/8515 в корпусе DIP40 или AT89C1051/2051/4051 и AT90S2313 в корпусе DIP20. В последнем случае до-

пускается усечение функциональных возможностей модуля.

2. Ядро должно иметь супервизор питания и сторожевой таймер (WDT) для защиты от зависаний.
3. Ядро должно содержать быстродействующую оперативную память (ОЗУ) с параллельным доступом достаточно большого объема
4. Ядро должно содержать таймер реального времени (RTC), желательно с параллельным доступом и встроенной энергонезависимой памятью.
5. В состав ядра необходимо включить АЦП среднего быстродействия с разрядностью 14-16 двоичных разрядов и несколько ЦАП. Желательно, чтобы они были подключены через отдельный дополнительный интерфейс, например, последовательный приборный интерфейс SPI (в качестве основного считается интерфейс с магистралью, ОЗУ и RTC). При этом и основной, и дополнительный интерфейсы должны быть выведены на магистральный разъем. В качестве основного магистрального интерфейса ядра (с учетом выбранных типов микроконтроллеров) наиболее подходит усеченный модифицированный интерфейс I41 (MULTIBAS-I). Он должен иметь достаточное количество адресных линий (адресное пространство) для подключения дополнительных модулей ТМКС, высокое быстродействие и минимальное количество сигналов управления.
6. Центральный модуль должен иметь максимально возможное количество регистров ввода и вывода информации, и часть из них должна иметь гальваническую развязку.
7. Ядро ТМКС должно иметь максимально возможное количество последовательных интерфейсов (RS-232C, RS-485, CAN, SPI и т. д.) для работы в составе CI LAN, и все или часть из них должны иметь оптическую развязку.
8. Поскольку ядро ориентировано на работу в составе CI LAN, в его состав должен быть включен модификатор (переключки или переключатели) сетевого адреса.
9. Ядро ТМКС желательно оснастить интерфейсом для подключения интеллектуальных LCD или LED локальных индикаторов.
10. Элементная база ядра должна иметь достаточно высокое быстродействие и низкое энергопотребление.
11. Вся ТМКС должна быть выполнена в соответствии с магистрально-модульными принципами, то есть все модули, включая ядро, должны иметь одинаковые размеры (100x220 мм² или 100x160 мм²) и магистральный разъем (СНП-59/96 или С-96).

Обобщенная функциональная схема ЦММ

Вышеперечисленные основные требования позволяют составить обобщенную функциональную схему центрального микроконтроллерного модуля ТМКС, представленную на рис. 1.

Функциональная схема содержит следующие основные узлы:

1. сокет для установки одного из следующих микроконтроллеров: AT89C51/52/53/55/8252 и AT90S4414/ 8515 в корпусе DIP40 или AT89C1051/2051/4051 и AT90S2313 в корпусе DIP20;
2. супервизор питания со схемой защиты от зависаний WDT. Выход супервизора соединен с входом RST микроконтроллера. Следует отметить, что полярность сигналов RST различна для микроконтроллеров серии x51 и AVR. Следовательно, супервизор должен обеспечивать выдачу сигналов сброса обеих полярностей и возможность выбора одной из них. Один из входов супервизора соединен с интерфейсом RS-232C с целью обеспечения возможности сброса ядра по этому интерфейсу. На вход WDT должны периодически пода-

ваться импульсы запуска от микроконтроллера;

3. интерфейс RS-232C;
4. интерфейс RS-485;
5. логика управления интерфейсами с оптической развязкой одного или обоих из них. Связана с интерфейсами 3 и 4 и микроконтроллером 1. Количество связей с микроконтроллером должно быть минимальным, при этом функциональные возможности управления интерфейсами желательно иметь максимальными;
6. шинный формирователь данных магистрали;
7. регистр защелки младшего байта адреса;
8. дешифратор адреса;
9. регистр ввода значений модификатора XC2. Модификатор XC2 (и все остальные разъемы, кроме XC1) должен быть выполнен в виде штыревого разъема типа PLD. Это позволяет устанавливать на него перемычки для установки адреса, а если модификатор адреса не используется или используется не полностью, на разъем можно установить плоский кабель и неиспользованные входы разъема задействовать для других целей;
10. регистр вывода гальванически связанных данных через штыревой разъем XC3;
11. регистр вывода гальванически связанных данных через штыревой разъем XC4 или оптически изолированных данных через узел оптронов 12 и штыревой разъем XC4. На четные контакты штыревого разъема XC4 данные поступают непосредственно с выходов регистра 11, на нечетные — через узел оптронов 12. Такое решение позволяет при необходимости выбирать произвольную комбинацию изолированных и неизолированных сигналов;
12. узел оптронов;
13. регистр управления функциями входного аналогового коммутатора 16 и конфигурируемого операционного усилителя 17;
14. быстродействующая оперативная память с параллельным доступом;
15. таймер реального времени с параллельным доступом и встроенной энергонезависимой оперативной памятью;
16. входной аналоговый мультиплексор для коммутации входных сигналов АЦП (ADC18);
17. конфигурируемый операционный усилитель с возможностью выбора полярности сигнала и коэффициента усиления;
18. среднескоростной АЦП (ADC) с разрядностью 14-16 двоичных разрядов и связью по последовательному каналу SPI;
19. вдвоенный или строенный ЦАП (DAC) с разрядностью 10-8 двоичных разрядов и связью по последовательному каналу SPI.

Кроме перечисленных функциональных узлов на функциональной схеме показаны разъемы:

XC1 — разъем магистрали, может быть в метрическом (СНП-59/96) или дюймовом (С-96) исполнении;

XC2 — штыревой разъем PLD-16, используемый как модификатор адреса, или для подачи внешних входных сигналов;

XC3 — штыревой разъем PLD-16, используемый для выдачи выходных оптически не развязанных сигналов;

XC4 — штыревой разъем PLD-20, используемый для выдачи выходных оптически не развязанных или развязанных сигналов;

XC5 — штыревой разъем PLD-6, используемый для выдачи выходных аналоговых сигналов с DAC 19;

XC6 — штыревой разъем PLD-16, используемый для выдачи выходных сигналов регистра 13 в случае, если мультиплексоры 16 и конфигурируемый операционный усилитель 17 не используются;

XC7 — штыревой разъем PLD-16, используемый для подачи входных аналоговых сигналов на ADC 18 через мультиплексор 16 и конфигурируемый операционный усилитель 17;

XC8 и XC9 — два параллельно соединенных штыревых разъема PLD-10, используемые для подключения к интерфейсам RS-232C и RS-485.

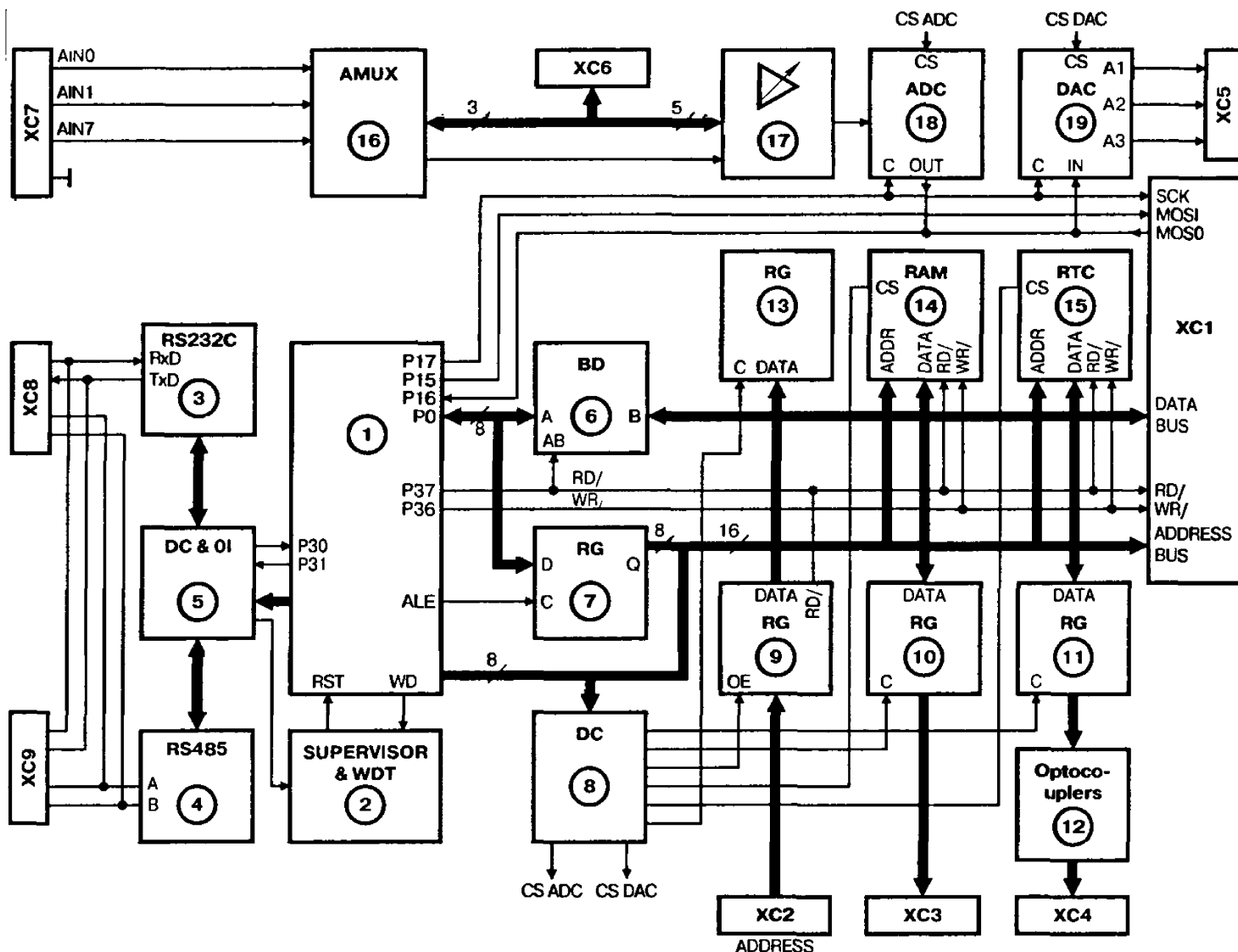

Рис. 1.

Следует отметить, что ряд сигналов управления на обобщенной схеме не указан, поскольку их окончательное назначение и источник их выдачи будут определены после выбора типов и схем включения всех узлов функциональной схемы (например, не указаны оптически развязанные входы, входы прерываний, сигналы управления интерфейсами и т. д.). Таким образом, обобщенная функциональная схема, в некотором смысле, является информацией к размышлению.

Литература

1. International symposium on computer architecture (21st; 1994; Chicago (II)). Proceedings the 21st annual international symposium on computer architecture, Apr. 18–21, 1994tChicago(11). — Washington (DC) et al: IEEE computer soc. press, 1994, XII, — 394 p.: ill.

2. High-performance computing and networking: Intern, conf. and exhibition, Brussels, Apr.15–19,1996; ProcJ HPCN Europe 1996; Ed. H.Uddell. – Berlin etai: Springer, 1996, XXV, – 1040 p.
3. Nicolaiciuc O.t Gutuleac E., Cheibas V. The main principles of small systems development for manufactarin and research automation //Computer Science Journal of Moldova, 1999, vol. 7, №2(20), p. 237–246.
4. В И. Виноградов. Информационно-вычислительные системы: Распределенные модульные системы автоматизации. – М., Энергоатомиздат, 1986, с. 336: ил.
5. Вопросы кибернетики. Архитектура магистрально-модульных компьютеров специального назначения: Сб. ст./Рос. АН. Науч. совет по комплекс, проблеме "Кибернетика", НИИ систем. исслед. //Под ред. В. Б. Бетелина. –М., 1997, с. 141:ил.
6. Р. Трехцинский. Актуальное состояние разработок системы И42 (MMCMULTIBUS-II) в ПНР в рамках проблемы 2.2.2//Международный семинар по проблеме реализации комплексной программы научно-технического прогресса стран-членов СЭВ до 2000 года. Международный семинар – показ КАМАК – оборудования КАМАК-87" (Кишинев, 13–17 апреля 1987) : докл. – Варшава, 1987, с. 9.
7. С. Г. Басиладзе. Анализ предложений новых стандартов для систем автоматизации эксперимента (обзор). Приборы и техника эксперимента. 1986, №3, с. 7–32.
8. А. Фрунзе. Рабы своих семейств, или почему разработчики микроконтроллерной техники не очень охотно меняют базу для своих разработок. Компоненты и Технологии № 3/2000.
9. <http://www.atmel.rut> <http://www.atmel.com>
10. О. Николайчук Командно-информационные сети. // Домашняя лаборатория, №11, 2015.
11. Nicolaiciuc O., Gutouleac E., Cheibae V. The Small LAN "SISNET" // The International Symposium On System Theory "SINTES-10", ^-Edition, 25-26 May, 2000, Craiova, ROMANIA, p. 14– 16.
12. Nicolaiciuc O., The Station of Command Information LAN "MISNET"// Proceeding of the 5th International Conference on "Development and Application Systems", DAS2000,18-20 May, 2000 Suceava, ROMANIA, p. 298–300.
13. А. А. Мячев и др. Интерфейсы сетей обработки данных: Справочник /Под ред. А. А. Мячева. – М.: Радио и связь, 1989.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

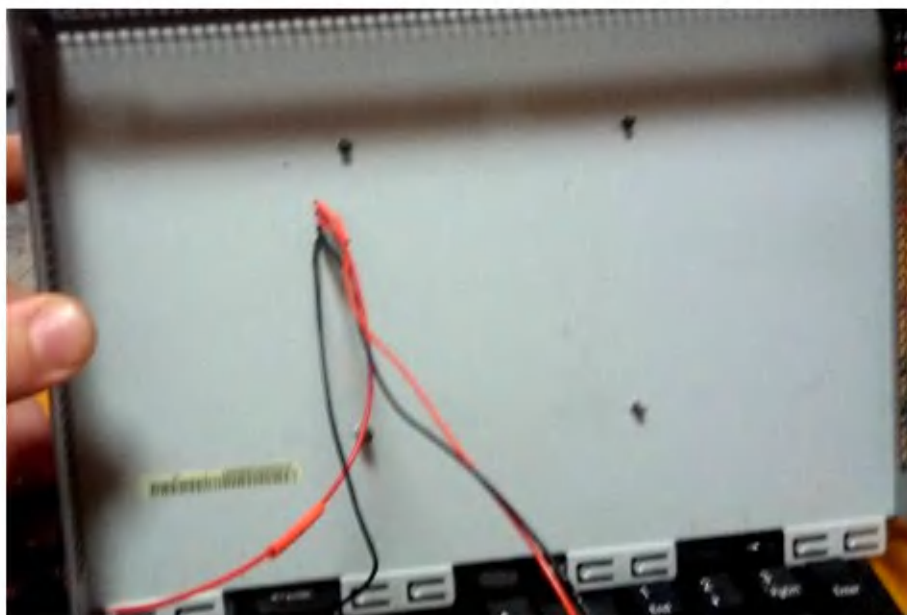

МАГНИТНАЯ МЕШАЛКА

И так, сначала нужны компоненты. Это мотор (куллер от блока питания компьютера) и сами магниты (разобрал 2 жестких диска доисторических). Обламываем лепестки куллера и клеим на термоклей магниты сверху.

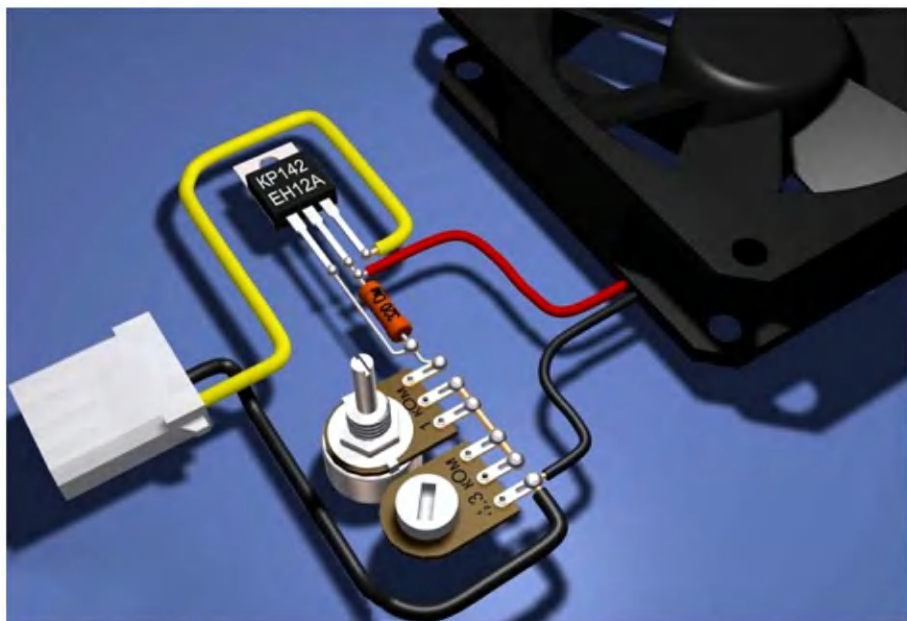
Корпус сделан из старого медиаконвертера. Внутри оказался блок питания как раз на 12 вольт. Нужно разобрать корпус и вынуть лишнее. Оставляем только блок питания.

Куллер закрепил саморезами к верхней крышке и просверлил дырки под провода подсветки и питания куллера.

Нужно поставить кнопку включения и регулятор оборотов. Сверла не было под рукой, просто выломал в решетке кусачками ячейки и подправил гравером. Кнопку ставим на место, фиксируем и припаиваем к ней провода питания.

Находим в интернете простенькую схему регулятора оборотов. Это самое простое что есть.

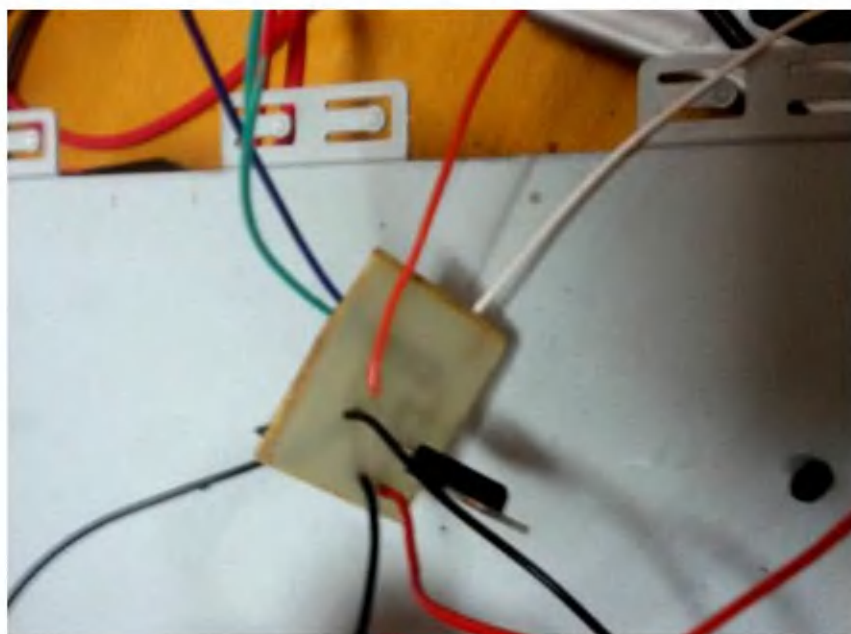
Навесным монтажом делать не хочется, поэтому будем травить платку. Для начала отрисуем ее и распечатаем.

Переносим на текстолит методом ЛУТ¹. Напечатанное на лазерном принтере кладем на текстолит, и минуты две давим горячим утюгом на плату, чтобы тонер перенесло на медь. Медную сторону, для начала шкурим, чтобы убрать окислы. Утюг старый, специально для таких дел.

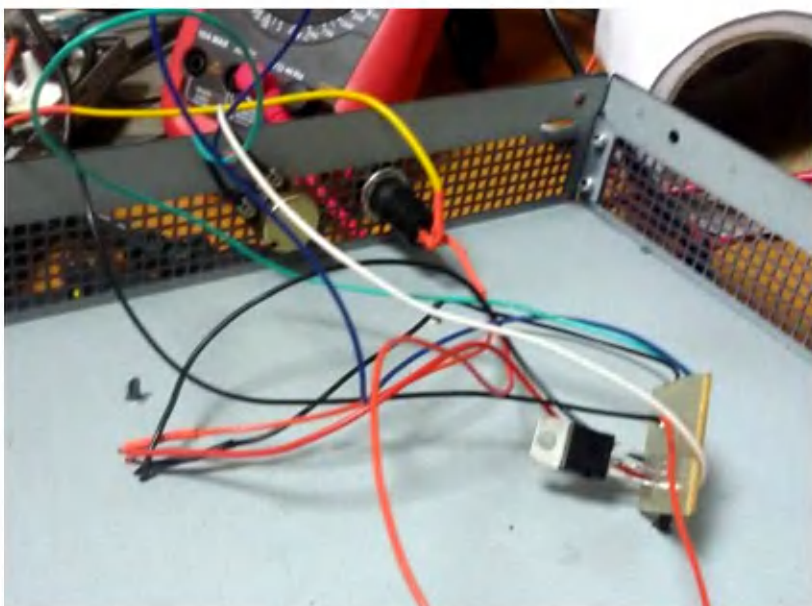
После переноса, кладем в воду и даем набухнуть бумаге. Затем аккуратно трем верхний слой, чтобы бумага скаталась. Старемся не повредить тонер. После этого делаем раствор хлорного железа (с ним аккуратнее, железо разъедает и оставляет рыжие пятна).

Через минут сорок получаем протравленную плату. Убираем тонер ацетоном и лудим паяльником дорожки. Качество фото плохое, но дорожки пропечатались нормально.

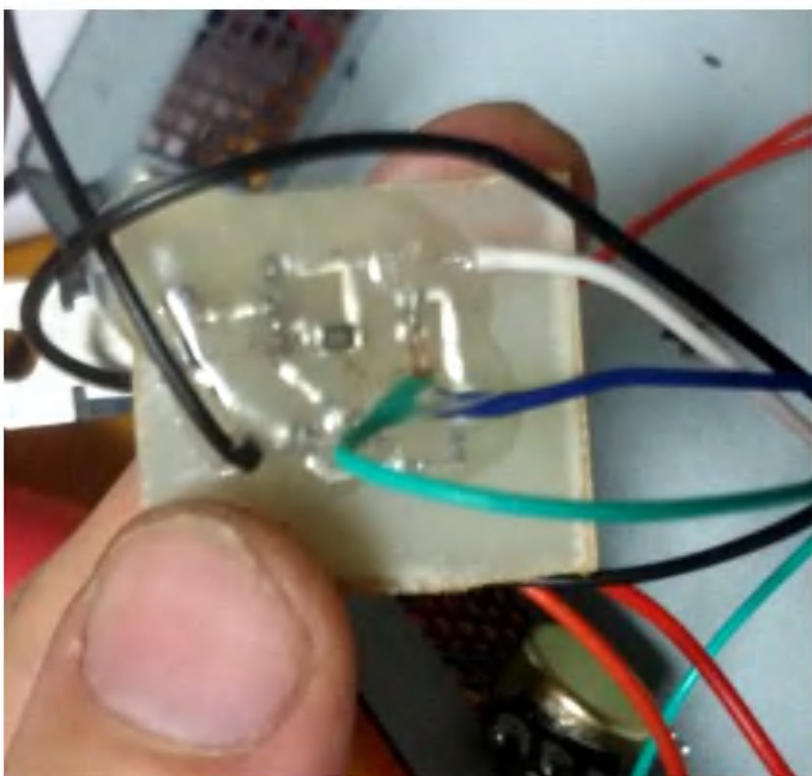

Припаиваем все наши компоненты и провода на схему. Все концы сажаем на термоусадку.

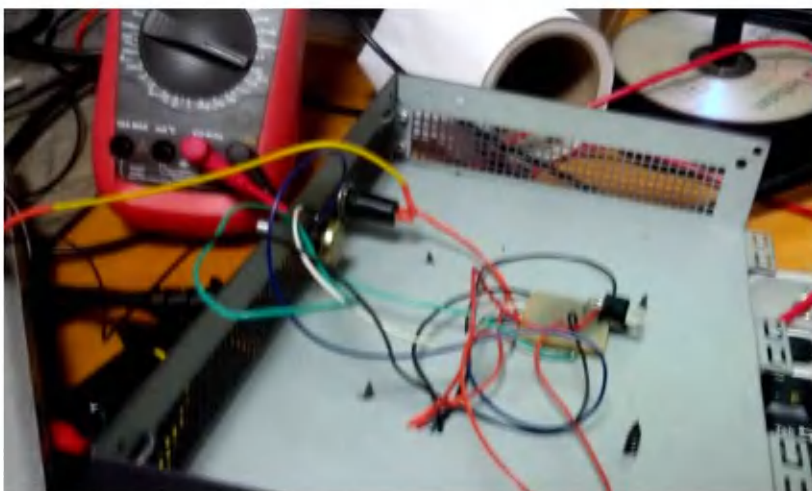
¹ Лазерно-Утюжная Технология

Подпаиваем платку.

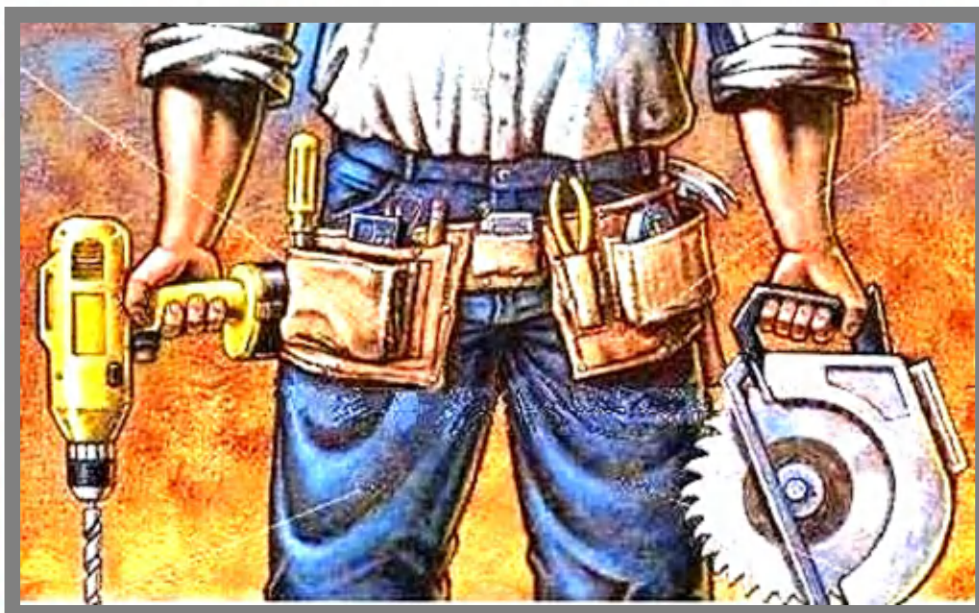
Все места дорожек и пайки залил на термоклей для изоляции на случай попадания жидкостей.

Фиксируем плату на корпусе термоклеем.

Ну и собираем все воедино.

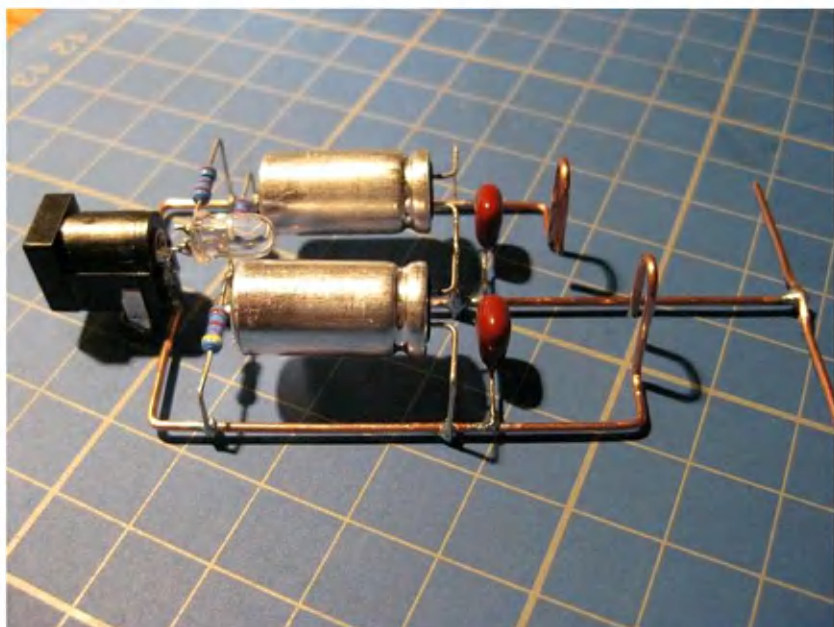

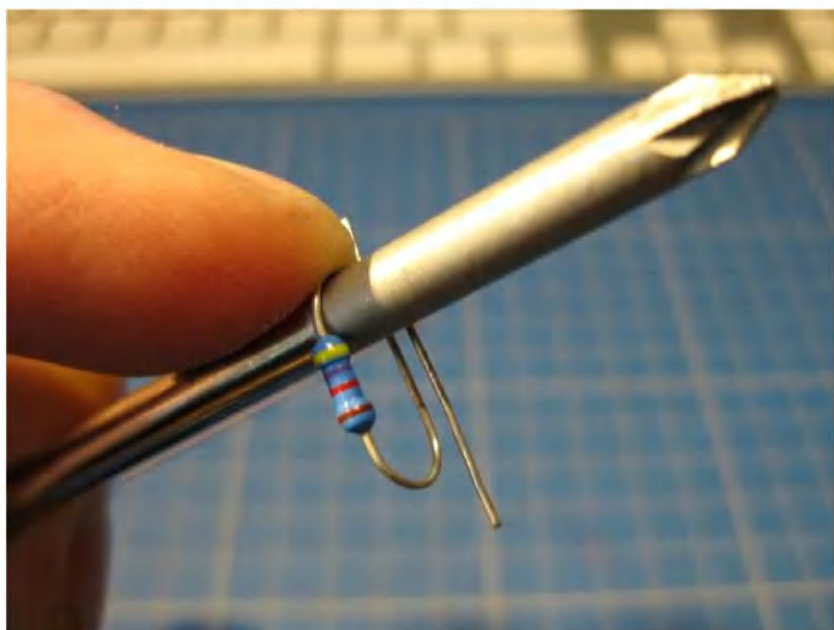
НАВЕСНОЙ МОНТАЖ

Сначала нужно сделать скелет схемы. Для его создания использовались медные жилы провода для электрической разводки в домах.

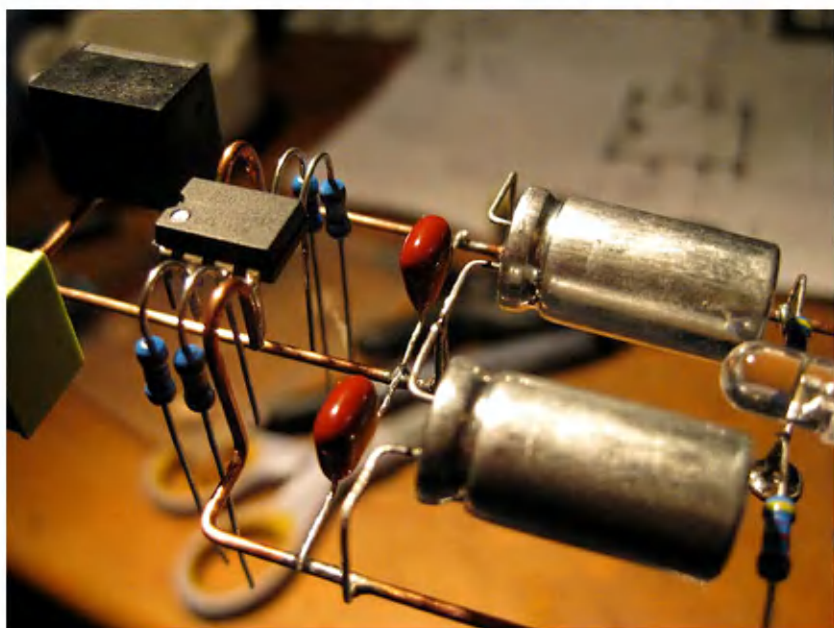

Скелет схемы выглядит как-то так.

Чтобы получить хорошие воспроизводимые стыбы выводов можно использовать отвертки разного диаметра для меньших или больших радиусов изгибов.

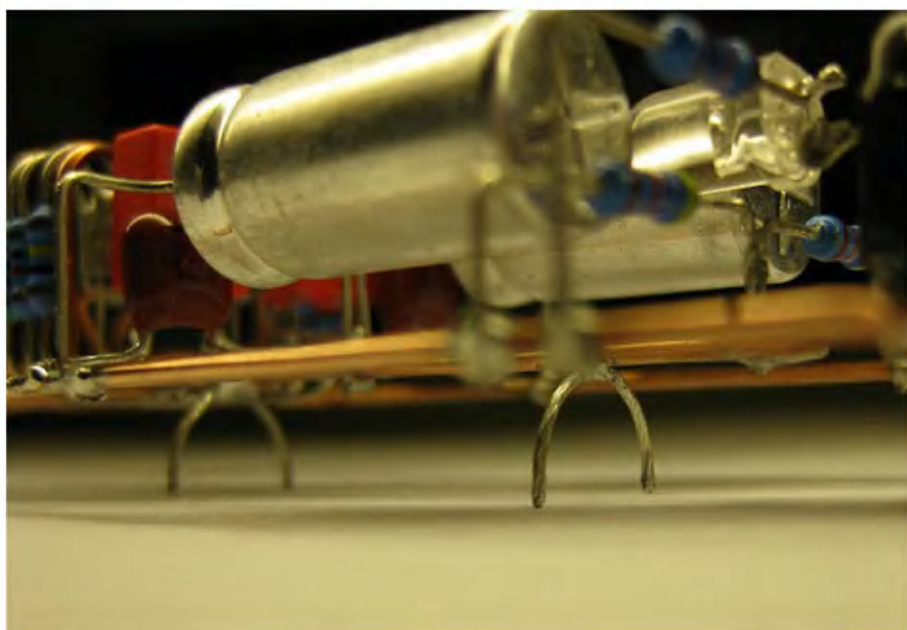
Далее на скелет напаиваются остальные детали.

Обязательная проверка работы схемы.

Далее будет заливка смолы, поэтому, все необходимые отверстия должны быть заделаны чем-то вроде пластилина и залеплены клейкой лентой (скотчем). Кроме того, все штыревые разъемы должны быть загерметизированы, чтобы внутрь не попала смола и не нарушила их функционирование.

Чтобы схема оказалась внутри заливки – снизу подпаиваем ножки из тонкого провода.

Создание формы для заливки. Использовался листовой пластик, толщиной 1,5 мм (пластиковые карточки). Соединение деталей – клеем.

Чтобы выяснить, сколько нужно смолы – в форму была уложена пленка и залита вода. Затем вода была перелита в мерный цилиндр – это дало потребный объем смолы с некоторым избытком.

Использовалась полиэфирная прозрачная смола (Polycraft DSM Synolite Water Clear Casting Resin) и MEKP отвердитель (1-2%). Смола с отвердителем была быстро перемешана и сразу залита, чтобы избежать пузырьков. На снимке видно, что смола залита «с куполом» – это для дальнейшей усадки.

Процесс отверждения идет с выделением тепла – 8 минут и форма становится горячей. Форму нужно накрыть, чтобы пыль не садилась, и оставить на сутки для окончательного отверждения.

Далее удаляем форму и зашлифовываем поверхности на ленточно-шлифовальном станке. Чтобы выдержать прямые углы он был зажат в тисках.

фаски на ребрах срезаем роу-
тером – иначе они могут за-
зубриваться при эксплуатации
конструкции.

Осталось сделать полировку.
Сначала наждачной шкуркой
зернистостью 600, затем
1200. Сначала сухой шкуркой,
затем смоченной водой.

Вот и все - схема готова:

РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ «БРИГАДА» (продолжение¹)

Взаимодействие бригадира с офисом

Для того чтобы передавать бригаде команды и получать от нее данные нам потребуется какая-то программа, но специализированная программа – это дело будущего. Пока же, в стадии разработки, желательно иметь какой-то простой механизм общения. Такой механизм оказался «под рукой». Это язык скриптов QSL².

QSL (Quick Script Language) – это просто небольшой диалект языка PERL, немного более близкий к языку «С», чем сам PERL. Интерпретатор QSL был сделан

¹ Начало см. в Домашняя лаборатория №12 за 2015 г.

² «УЧИМСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ QSL» – Домашняя лаборатория № 5 за 2007 г.

из интерпретатора PERL. QSL оптимизирован для манипулирования данными в среде операционной системы Microsoft Windows. QSL, также как и PERL, является легким, нежестким языком программирования. Строгих правил и деклараций переменных нет. Писать программы (скрипты) на нем можно так, как вам больше нравится, корректируя их по результатам их работы или по выдаваемым сообщениям об ошибках. Интерпретатор QSL независим от периферийных устройств компьютера, команды языка используют доступ к устройствам и файлам, предоставляемый операционной системой. Такими устройствами могут являться, например, параллельный, последовательный порт и т.п. QSL поддерживает только текстовую консоль.

Создавать скрипты для QSL можно с помощью любого текстового редактора.

Для наших задач этот интерпретатор был слегка модернизирован – было удалено кое-что лишнее, в том числе и механизм DDE. Непосредственное открытие последовательного порта было включено в сам интерпретатор. Параметры открытия стандартные – 9600 бод, 8 бит, нет проверки четности, один стоповый бит. Конечно, такие параметры должны быть установлены для USB в Arduino, хотя там можно менять только скорость коммуникации.

Последовательный порт нам потребовался потому, что Windows (по крайней мере, Windows XP) при подключении Arduino Uno через USB устанавливает для USB виртуальный драйвер последовательного порта (COM3), который впрочем, идентичен стандартному порту COM1. В случае необходимости этот драйвер можно скачать у фирмы³ FTDI.

Сам интерпретатор можно скачать здесь:

<ftp://homelab.homelinuxserver.org/pub/arhiv/2016-04-al.rar>

Там же включены все источники (язык Си) для желающих что-то изменить или исправить баги.

Полное описание QSL приведено в приложении.

Договоримся использовать для файлов с QSL скриптами расширение «.qsl». Для того чтобы было удобно вызывать скрипт на выполнение можно поместить qsl.exe (точнее QSL v.2, то есть модернизированный) в какую-нибудь директорию, например, Program Files, Windows или любую записанную в переменной path окружения. Кликнув первый раз по файлу с расширением «.qsl», можно задать вызов qsl.exe для всех файлов с расширением «.qsl» (с помощью кнопки «Other...» в возникшем диалоге «Open With»). Этот способ вызова, к сожалению, срабатывает не на всех системах. Так, например, в Windows 7 он отказался работать, хотя в этой системе вызов через ярлыки (shortcuts) функционирует нормально (в ярлыке надо прописать что-то вида «c:\windows\sql.exe c:\work\test.sql»). Это не очень удобно, потому что нужно иметь по ярлыку для каждого скрипта. Другой путь – просто вызвать sql.exe и в диалоге открыть файл со скриптом.

Если не будет особых возражений, то можно принять следующие форматы фреймов обмена данными.

Формат фрейма запроса/команды:

- байт 0 – номер получателя
- байт 1 – номер отправителя
- байт 2 – функция или данные
- байт 3 – данные

Длина фрейма фиксированная. Номер офиса – 0, бригадира – 1, для рабочих следующие номера.

Формат фрейма ответа:

- байт 0 – номер получателя при обмене между модулями, номер отправителя данных, если фрейм уходит в офис.

³ <http://www.ftdichip.com/FTDrivers.htm>

- байт 1 - шестнадцатеричное число 0-3
- байт 2 - шестнадцатеричное 0-ff
- байт 3 - шестнадцатеричное 0-ff

Длина фрейма не фиксированная. Конечно, если бригадир передает фрейм запроса рабочему модулю, то он должен запомнить номер этого модуля, чтобы потом, при получении ответа от рабочего, переправить этот ответ в офис, сказав от кого он поступил.

Обмен по последовательному интерфейсу (USB) осуществляется символами, согласно кодировке ASCII. Иначе некоторые байты могут быть восприняты как управляющие команды. АЦП Arduino Uno 10-разрядный, то есть на его выходе получается число от 0 до 1023. Передача такого числа в десятичном формате требует максимум 4 бита (4 символа), тогда как в шестнадцатеричном - максимум 3 символа (0 - 3ff). Таким образом, фрейм ответа по длине не будет превышать фрейм запроса.

Начнем с «бригадира». Ниже приведен текст программы, иллюстрирующий обмен с офисом. Программа написана в программной среде Arduino. В этой программе данные измерения симулированы с помощью функции random().

```
-----

// Номер модуля
#define module '1'

// Массив для поступающего фрейма
char frame[4];

// Обязательная часть программы - выполняется только раз при запуске

void setup() {

    // Цифровой вывод на 13 контакт - на нем LED индикатор.
    pinMode(13, OUTPUT);

    // Старт USB коммуникации на скорости 9600 бод
    Serial.begin(9600);
}

Подпрограмма включения LED - для контроля
void blink() {

    digitalWrite(led, HIGH); // включить LED (сигнал 5 В)
    delay(500);              // ждать 0,5 сек
    digitalWrite(led, LOW);  // выключить LED (сигнал 0 В)
}

// Обязательная часть программы - бесконечный цикл
void loop() {

    int izm;                // измеренная величина
```

```

int bytes = 0; // число байтов в полученном фрейме

// Выполнить если на USB есть данные
while (Serial.available() > 0) {

    bytes = Serial.readBytes(frame, 4); // читать данные во frame

    // Выполнить если пришло 4 байта для бригадира
    if((bytes == 4) && (frame[0] == '1')) {

        // Выяснить какую функцию затребовал офис
        switch(frame[2]) {

            // Это функция измерения величины
            case '1':
                // Симуляция измерения
                izm = 500 + random(100);

                // Отвечаем: от кого
                Serial.write(module);

                // Отвечаем: шестнадцатеричные данные
                Serial.print(izm, HEX);

                blink(); // подмигнули LED-ом - все послали.
                break;   // конец выполнения функции

            // Здесь должны быть остальные функции

        }
    }
}

```

Компилируем и загружаем программу в Arduino через COM3 (загрузчик).

Далее текст скрипта на офисе. Полученные данные выводятся на консоль.

```

# Открываем порт COM3 в дескриптор ARD для чтения и записи (+)
open(ARD, "+#COM3");

# Фрейм: бригадиру от офиса - выполнить функцию №1
@fr = (1,0,1,0);

# Бесконечный цикл
while (1) {

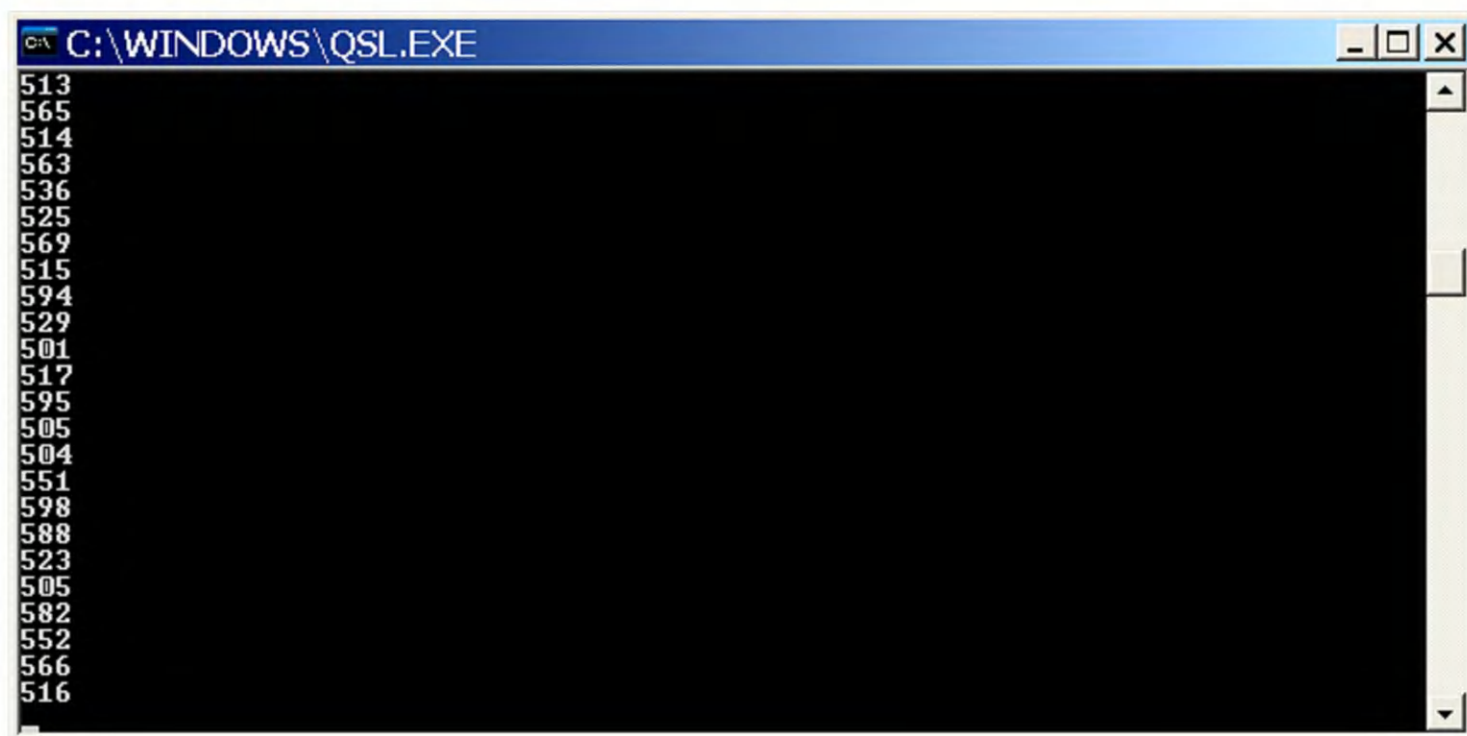
    # Посылаем фрейм
    print ARD $fr[0], $fr[1], $fr[2], $fr[3];

    # Символьная переменная для ответа

```

```
$data = '';  
  
# Читаем ответ - 4 байта  
read(ARD, $data, 4);  
  
# Выделяем число в символах  
$hex = substr($data, 1);  
# Выводим данные на консоль в десятичном формате  
print hex($hex), "\n";  
  
# Ждем 4,5 сек (итого 5 сек)  
sleep(4500);  
}
```

Выполнение скрипта можно прервать Ctrl-C или закрытием консоли.


```
C:\WINDOWS\QSL.EXE  
513  
565  
514  
563  
536  
525  
569  
515  
594  
529  
501  
517  
595  
505  
504  
551  
598  
588  
523  
505  
582  
552  
566  
516
```

Вывод данных бригадира на консоль.

ОПИСАНИЕ QSL

СКРИПТ

Скрипт может состоять из инструкций с модификаторами и комментариев. Инструкции описывают, какие действия должны быть выполнены. Инструкция может быть командой, функцией или оператором (операцией).

Все команды, операторы и функции работают с переменными, массивами переменных и данными.

Скрипт может быть разбит на блоки и подпрограммы, которые выполняются как инструкции.

Пробелы и специальные символы игнорируются (за исключением внутри строки). Символ ';' используется в качестве разделителя инструкций.

Все инструкции должны быть в нижнем регистре. Остальные имена (подпрограмм, переменных, массивов, дескрипторов файлов и меток) чувствительны к регистру, то есть COM, Com и com являются разными именами.

Каждый элемент QSL имеет свое собственное именное пространство. Вы можете, не опасаясь конфликта, использовать то же имя для переменной, массива, ассоциативного массива, дескриптора файла, имени подпрограммы и метки.

Комментарии

Комментарий обозначается символом #, и продолжается до конца строки. Пример:

```
# Это комментарий
```

Переменные и массивы переменных

QSL использует переменные для хранения и изменения данных. QSL создает переменные в памяти при первой записи данных в переменную скриптом. Переменные обозначаются символом '\$'. Переменные различаются именами. Допустимые символы для имени являются буквы, цифры и символ подчеркивания, но первый символ должен быть буквой. Имена переменных чувствительны к регистру (например, \$Data и \$data являются разными переменными). Каждая переменная может хранить различные типы данных.

QSL использует два типа массивов: обычные массивы переменных и ассоциативные массивы переменных. Обычные массивы (просто массивы) индексируются по номеру (в []), а ассоциативные массивы по словам (в {}). Многомерные массивы не поддерживаются напрямую. Целые массивы обозначаются '@' а целые ассоциативные массивы обозначаются '%'. Таким образом:

```
$days      # переменная
@days      # массив days[]
%days      # ассоциативный массив days{}
```

Элемент массива является переменной, то есть:

```

$days[28]      # 29-й элемент массива @days
$days{'Feb'}   # значение из ассоциативного массива %days
Часть массива (слой массива) также обозначается '@', например:
@days[3,4,5]   # это ($days[3], $days[4], $days[5])
@days{'a','c'} # это ($days{'a'}, $days{'c'})

```

Так как переменные и массивы всегда начинаются с '\$', '@', или '%', то в них допустимо использование "зарезервированных слов", но в именах меток и дескрипторов файлов "зарезервированные слова" использовать нельзя.

Предопределенные переменные

	Описание	Мнемоника
\$ _	Содержит последние считанные из файла данные (строку). Можно менять содержимое.	Что-то над курсором в файле.
\$.	Содержит номер последней считанной строки из файла. Можно только читать.	Номер строки в этой точке файла.
\$!	Если из нее берется число, то это номер последней системной ошибки. Если из нее используется строка, то это краткое описание той же ошибки. Эта переменная изменяется такими файловыми функциями, как open, aopen, read, write, getc, mkdir, print, tell, seek, <>.	Где ошибка – там и восклицание.
\$?	То же самое, но для msc системы.	Мы спрашивали (?) msc что-то сделать, это ответ.
\$ "	Разделитель данных, когда массив преобразуют в строку, заключенную в двойные кавычки (или в аналогичную). По умолчанию – пробел. В эту переменную можно только записывать.	Двойные кавычки строки.
\$;	Разделитель данных в эмуляции многомерного ассоциативного массива. Если вы записываете элемент ассоциативного массива как \$foo{\$a,\$b,\$c}, то на самом деле это записывается как \$foo{join(\$;, \$a, \$b, \$c)}. По умолчанию 0x1c. В эту переменную можно только записывать.	Если запятая – разделитель при перечислении данных в массиве, то точка с запятой – разделитель в эмуляции многомерного массива.
\$ >	Текущий атрибут (цвета) при выводе на консоль. Запись любого числа в эту переменную откроет консоль. Поддерживаются следующие коды цвета: текст синий текст зеленый текст красный текст яркий фон синий фон зеленый фон красный фон яркий – – – – – – – – 0x01 0x02 0x04 0x08 0x10 0x20 0x40 0x80 Остальные цвета формируются суммой кодов. По умолчанию: белый на черном – 0x07.	">" часто используется как символ вывода.
\$ <	Скорость коммуникации последовательного порта,	"<" часто используется

	бод. По умолчанию: 9600.	как символ ввода.
\$^	Если в ней не нулевое значение, то mci уведомляет об окончании действия (или DDE сообщение пришло). Нуль значит ожидание.	Что там, наверху?

Данные

Данные могут быть числовые, строковые и для массивов (списки).

Числовые данные задаются в любом из обычных с плавающей запятой или целочисленных форматов:

```
12345
-12345.67
.23E-10
0xffff      # шестнадцатеричное
0377        # восьмеричное
```

Строковые данные (STR) выделяются одинарными или двойными кавычками. В строках с двойными кавычками осуществляется автоматическая замена входящих в них переменных и массивов их содержимым и замена специальных символов (обозначенных '\') их кодом. В строках с одинарными кавычками такие замены не делаются.

Специальные символы следующие:

Символ	Код	Назначение
\a	0x07	звонок
\b	0x08	стирание влево
\e	0x1b	ESC
\f	0x0c	прогон страницы
\n	0x0a	новая строка
\r	0x0d	возврат каретки
\s	0x20	пробел
\t	0x09	горизонтальная табуляция
\\	0x5c	обратная косая черта, поскольку "\" используется для файлов
\"	0x22	двойная кавычка
\'	0x27	одинарная кавычка
\\$	0x24	символ доллара
\@	0x40	символ адреса
\%	0x25	символ процента
\l		следующая буква в низком регистре
\u		следующая буква в высоком регистре
\L		далее в низком регистре до \E
\U		далее в высоком регистре до \E
\E		конец смены регистра
\ci		управляющий символ (Ctrl-i, где i - ANSI символ)
\0ii		восьмеричный символ (i - это восьмеричная цифра)
\xii		шестнадцатеричный символ (i - это шестнадцатеричная цифра)

Подстановка (замена) переменных и массивов в строке имеет некоторые ограничения - она делается для идентификаторов начинающихся с \$ и с @ (в том числе с последующими фигурными скобками, то есть для слоя массива). Следующий скрипт выведет на консоль "The price is \$100."

```
$Price = '$100';           # нет подстановки
print "The price is $Price.\n"; # подстановка
warn " ";                  # задержка консоли
```

Заметим, что фигурные скобки вокруг идентификатора отделят его от последующих буквенно-численных символов. Следующий скрипт выведет на консоль "The price is \$1001."

```
$var = '$100';
$var1 = ' ';
print "The price is ${var}1\n";      # 1001, без пробела.
warn $var1;
```

Подстановка массива осуществляется преобразованием его в строку с двойными кавычками и разделителем из "\$" (по умолчанию пробел).

Пример:

```
$" = '-';
$days[0] = "Mon";
$days[1] = "Fri";
print "The working days: @days."; # The working days: Mon-Fri.
warn " ";
```

Данные массивов, или другими словами – список данных – (LIST), записываются в круглых скобках и разделяются запятой, например: ('ss', '-E', \$bar). Так список данных (@foo, @bar, &SomeSub) содержит все элементы @foo, за которыми идут все элементы @bar, и затем все элементы, возвращенные подпрограммой с именем SomeSub. Заметим что некоторые команды и функции могут принимать (LIST) как параметр или аргумент, например:

```
print $one;
print ($one);
print ($one, $two, $tree);
```

В логическом смысле величина интерпретируется как TRUE (верно) если она не нулевая строка (null) или не 0, иначе как FALSE (неверно).

Операции с переменными и массивами

Общий формат операций с переменными и массивами есть

```
var op par,
```

где var – это переменная или массив, op – это операция и par – данные, функция, переменная, массив или выражение из них. Что угодно может быть записано в переменную (делая ее определенной – defined) применением операции '=', например:

```
$days = 'Friday';
$days = 5;
```

Но если в переменную попытаться записать данные массива, то запишется только последний элемент данных, например, следующая операция запишет в массив `foo` все данные массива (`LIST`):

```
@foo = ('cc', '-E', $bar);
```

но в случае переменной в `foo` запишется только значение переменной `$bar`

```
$foo = ('cc', '-E', $bar);
```

Заметим, что действительная величина массива – это его размер (длина). Следующий пример присвоит переменной `$foo` число 3.

```
@foo = ('cc', '-E', $bar);  
$foo = @foo; # $foo равно 3
```

Вы можете уменьшить размер массива до нуля присвоением ему нулевого массива данных (списка данных):

```
@days = ();
```

Список данных может также индексироваться как обычный массив:

```
$digit = ('a','b','c','d','e','f')[$digit-10];
```

Одному списку данных может быть присвоен другой, но только если все элементы левого списка допускают присвоение (`lvalue`):

```
($a, $b, $c) = (1, 2, 3);  
($map{'red'}, $map{'blue'}, $map{'green'}) = (0x00f, 0x0f0, 0xf00);
```

Последним элементом списка в этом случае может быть как массив, так и ассоциативный массив:

```
($a, $b, @rest) = split;  
local($a, $b, %rest) = @_;
```

Конечно, вы можете поместить массив в любом месте левого списка, но первый массив в этом списке может заполучить все значения из правого списка, так что остальным в левом списке достанутся только пустые значения.

Список данных для ассоциативного массива должен содержать пары значений, которые интерпретируются как индекс и значение:

```
# то же самое как присвоение map в предыдущем примере  
%map = ('red',0x00f,'blue',0x0f0,'green',0xf00);
```

В следующем примере при присвоении массива переменной будет присвоено количество элементов получившихся после операции в правой части:

```
$x = (($foo, $bar) = (7,6,5)); # $x равна 3, не 2
```

Числовое содержание переменной может быть изменено следующими операциями:

Операция	Действие
+=	добавление (увеличение)
-=	вычитание (уменьшение)
*=	умножение
/=	деление
**=	возведение в степень
%=	взятие модуля
++	самоувеличение на единицу
--	самоуменьшение на единицу
<<=	сдвиг числа влево
>>=	сдвиг числа вправо
&=	побитовое И (AND)
 =	побитовое ИЛИ (OR)
^=	побитовое исключающее ИЛИ (XOR)

Примеры:

```
$num = 5;
$num += 2;
$num++;      # результат: num равно 8;
```

Строковое содержание переменной может быть изменено операциями:

Операция	Действие
.=	присоединения
x=	повторения

Например, следующий скрипт

```
$sep = '=';
$sep .= '*';
$sep x= 10;
print $sep;
warn " ";
```

выведет на консоль: **==*==*==*==*==*==*==***

Команда **undef** может быть использована для очистки переменной или целого массива. Она всегда возвращает неопределенную величину.

Примеры:

```
undef $foo;
undef $bar{'blurfl'};
undef @ary;
undef %assoc;
return undef;
```

Выражения

Выражениями (EXPR) в QSL могут быть созданы комбинированием данных, функций, переменных и/или массивов с последующими операциями круглыми скобками, там, где необходимо. Используются следующие операции:

Операция	Действие
+	прибавление
-	вычитание
*	умножение
/	деление
**	возведение в степень
%	взятие модуля
&	побитовое И (AND)
	побитовое ИЛИ (OR)
^	побитовое исключающее ИЛИ (XOR)
<<	побитовый сдвиг влево
>>	побитовый сдвиг вправо
==	логическое равно
!=	логическое неравно
>	логическое больше чем
>=	логическое больше чем или равно
<	логическое меньше чем
<=	логическое меньше чем или равно
<=>	логическое сравнение, возвращает -1, 0, или 1
&&	логическое И (AND)
	логическое ИЛИ (OR)

Например:

```
$num = ($idx << 3) + ($x % 5);
$des = $x >= $y || $z == 5;
open(DATA, "\temp\data.txt") || die "Can not open file";
```

Также в QSL включены специальные строковые операторы (операции) для создания выражений:

Операция	Действие
.	соединение двух строк
x	повторения строки

Операция повторения строки повторяет содержимое левого операнда столько раз, сколько показывает содержимое правого операнда. В случае списка данных в круглых скобках – повторяется весь список:

```
print '-' x 80;           # выводит строку тире
print '-' x80;           # ошибочно, x80 является идентификатором
@ones = (5) x @ones;      # присваивает 5 всем элементам
```

```
eq - логически строки равны
ne - логически строки не равны
gt - логически строка больше чем
ge - логически строка больше чем или равна
lt - логически строка меньше чем
le - логически строка меньше чем или равна
cmp - сравнение строк, возвращает -1, 0, or 1.
```

Например:

```
$des = $str1 eq "exit" || $str2 eq "kill";  
$out = $cmd . "\n";
```

Числовые данные и числовое содержимое переменных может быть инвертировано в выражениях следующими операциями:

Операция	Действие
~	побитовое инвертирование
!	логическое инвертирование

Пример:

```
$zero = !1;  
print $zero; # выводит на консоль '0'  
warn " ";
```

Также следующие специальные операторы очень полезны для создания выражений.

?

Условный оператор. Возвращает одно из двух значений в зависимости от значения логического выражения. Его общий формат:

Логическое выражение ? значение1 : значение2

Значение 1 возвращается, если логическое выражение верно. В противном случае возвращается значение2.

Например:

```
$cnt = ($x > 5)? 11 : 0;  
$cnt > 0 ? print "no errors" : die "error in script";
```

..

Оператор диапазона возвращает массив значений считая от левой величины до правой. Он полезен для написания циклов типа "for (1..10)" и для выполнения операций над слоями массива. Оператор диапазона использует алгоритм автоматического приращения, если минимальный и максимальный параметры являются строками.

Примеры:

```
@alphabet = ('A' .. 'Z');  
@x = ('1', '2', '3', '4', '5');  
@y = @x[2..4];  
print "@y";      # вывод: 3 4 5  
print @alphabet;  
warn " ";
```

-z

Оператор проверки файла. Этот оператор берет в качестве аргумента, или имя файла или дескриптор файла, чтобы получить некоторую информацию о файле. Если аргумент опущен, используется \$_. Он возвращает '1' если «да» (TRUE) и ''

если «нет», или же неопределенную величину, если файл не существует или не может быть проверен. Если аргумент дескриптор, то проверяется только файл открытый для чтения. Оператор может использоваться в одной из следующих форм:

- e файл существует (exist).
- z файл имеет нулевой размер (zero).
- s файл имеет ненулевой размер (size), возвращает размер.
- f файл является обычным (file).
- d файл является директорией (directory).

Если в качестве аргумента используется специальный дескриптор файла, состоящий из одиночного подчеркивания, то стат структура предыдущего теста файла используется.

Пример:

```
print -e "test.qsl" ? "exist\n" : "not exist\n";
print "size=", -s _;
warn " ";
```

defined(EXPR)
defined EXPR

Возвращает логическую величину (TRUE или FALSE) сообщаящую о том, что EXPR определено или нет (lvalue), то есть, записано ли в EXPR реальное значение.

Многие операторы (операции) возвращают неопределенное значение в исключительных условиях, например, конец файла, неинициализированные переменные, системные ошибки и тому подобное.

Эта функция позволяет различать неопределенную нулевую строку и определенную нулевую строку (то есть нулевой длины) в операциях, которые могут возвращать реальную строку с нулевым символом, в частности, при ссылке на какой-либо элемент массива. Вы также можете проверить реальность массива.

Например:

```
$str = 'abcd';
print defined($str) ? "$str\n" : '$str not exist';           # abcd
undef $str;
print defined($str) ? "$str\n" : '$str not exist';           # $str not exist
warn " ";
```

QSL имеет следующий приоритет для выполнения действий (от низкого к высокому). Приоритет некоторых действий зависит от того слева или справа от выражения или идентификатора стоит действие:

```
print printf sort reverse die return
слева      ,
справа     = += -= *= etc.
справа     ?:
..
слева      ||
слева      &&
слева      | ^
слева      &
== != <=> eq ne cmp
< > <= >= lt gt le ge
```

```

exit reset sleep rand etc
-e -z -f etc.
слева      << >>
слева      + - .
слева      * / % x
справа     ! ~ - (одиночный)
справа     **
++ --
слева      ' ('

```

Если в списке аргументов в какой-либо команды или функции (print, например) имеется левая скобка на той же строке, то аргументы взятые в скобки, обладают наивысшим приоритетом, так же, как при обычном вызове функции.

Например:

```

rand 10 * 20;           # rand (10 * 20)
rand(10) * 20;          # (rand 10) * 20
rand (10) * 20;         # (rand 10) * 20
rand +(10) * 20;        # rand (10 * 20)

```

КОМАНДЫ И ФУНКЦИИ

Ввода-вывода

Эти команды и функции используют специальный идентификатор - дескриптор файла (FILEHANDLE) для доступа к файлам и портам.

Дескриптор файла CONSOLE уже предопределен. Консоль в основном используется для отладки скриптов. Другие дескрипторы могут быть созданы командой open. Рекомендуется для дескрипторов использовать верхний регистр, поскольку это улучшает читабельность скриптов и помогает избегать конфликтов с зарезервированными словами, то есть лучше писать open(LOG, 'logfile') чем open(log, 'logfile').

```

open(FILEHANDLE,EXPR)
open(FILEHANDLE)
open FILEHANDLE

```

Открывает файл с именем EXPR, и ассоциирует его с FILEHANDLE.

Если в EXPR есть начальный и/или конечный пробел - они будут удалены.

Если FILEHANDLE является выражением, то его значение является именем нужного дескриптора.

Если EXPR опущено, то значит, имя файла одновременно является и именем дескриптора.

Если впереди имени файла стоит "<" или ничего нет, то файл будет открыт для чтения.

Если впереди имени файла стоит ">", то файл будет открыт для записи.

Если впереди имени файла стоит ">>", то файл будет открыт для добавления (продолжения).

Вы можете поставить '+' впереди '>' или '<' чтобы показать, что вы желаете открыть файл как для чтения, так и для записи.

Если кроме упомянутых модификаторов ничего больше нет, то CONSOLE будет открыта как FILEHANDLE.

Имя файла может быть именем последовательного порта ("COM1", "COM2" и т.д.,

но об этом см. специальный параграф в конце описания QSL) или именем параллельного порта ("LPT1").

Команда возвращает ненулевое значение в случае успешного открытия, в противном случае – неопределенную величину.

Примеры:

```
$console = "+";
open console;
warn "console opened";

open(LOG, ' >> \temp\log.txt') || die "Can not open log file";
close LOG;

$file = "log.txt";
open(DATA, "\\temp\\$file") || die "Can not open $file";
warn "$file opened";
close DATA;

open(LPT, ">LPT1") || die "";
print LPT "Hello, world !\r";
close LPT;
```

Вы также можете использовать имя файла, начинающегося с & – в этом случае последующая часть строки будет интерпретироваться как имя уже открытого дескриптора (QSL его просто скопирует).

Вы можете использовать & после >, >>, <, +>, +>> и +<, но запрошенные модификаторы должны соответствовать тем, что есть у уже открытого дескриптора.

Пример:

```
$file = 'log.txt';
open (FIRST, ">>\\temp\\$file") || die '';
open(SECOND, ">&FIRST");
print SECOND "test for appending\r\n";
close SECOND;
warn " ";
```

aopen(FILEHANDLE,EXPR)

То же самое как open(FILEHANDLE,EXPR), но пользователь может изменить имя файла в процессе диалога с QSL.

Пример:

```
aopen(DATA, "") || die "Can not open or user cancel";
warn " ";
close DATA;
```

select(FILEHANDLE) select

Когда открыто несколько дескрипторов (CONSOLE всегда открыта), делает FILEHANDLE текущим.

Без аргумента возвращает тот, что является в данный момент текущим.

Это, во-первых, приводит к тому, что команды print и printf без упоминания дескриптора будут по умолчанию выводить в текущий. Во-вторых, команда gets

без упоминания дескриптора будут по умолчанию читать из текущего. FILEHANDLE может быть выражением, которое даст имя реального дескриптора.

Пример:

```
open (TEMP, ">>\\temp\\temp.txt") || die "";
select(TEMP);
print CONSOLE select; # TEMP
warn " ";

close(FILEHANDLE)
close FILEHANDLE
close
```

Закрывает файл ассоциированный с FILEHANDLE. Вы можете закрыть файл, если вы хотите открыть другой файл с тем же самым FILEHANDLE. FILEHANDLE может быть выражением, которое даст реальное имя дескриптора. Если FILEHANDLE опущен, будет использован текущий дескриптор.

Пример:

```
close(TEMP);

read(FILEHANDLE, SCALAR, LENGTH, OFFSET)
read(FILEHANDLE, SCALAR, LENGTH)
```

Пытается прочитать LENGTH байтов данных в переменную SCALAR из дескриптора файла FILEHANDLE. Возвращает число байтов действительно прочитанных, или неопределенную величину, если там была ошибка. SCALAR будет увеличиваться или уменьшаться в соответствии с числом действительно прочитанных байтов. OFFSET используется если нужно начать чтение с другого места, нежели начало файла. Если FILEHANDLE есть CONSOLE, то он будет открыт автоматически.

Пример:

```
open(DATA, '\\temp\\log.txt') || die '';
$x = '';
read( DATA, $x, 10);
print "$x: $!\n";
close DATA;
warn " ";

write(FILEHANDLE, SCALAR, LENGTH, OFFSET)
write(FILEHANDLE, SCALAR, LENGTH)
```

Пытается записать LENGTH байтов данных из переменной SCALAR в дескриптор файла FILEHANDLE. Возвращает число байтов действительно записанных, или неопределенную величину, если там была ошибка. OFFSET используется если нужно начать запись с другого места, нежели начало файла. Если FILEHANDLE есть CONSOLE, то он будет открыт автоматически.

Пример:

```
open(DATA, '>>\\temp\\data.txt') || die '';
$x = '4114554';
write( DATA, $x, 3, 1); # 114
close DATA;
warn " ";
```



```
tell(FILEHANDLE)
tell FILEHANDLE
```

Возвращает текущую позицию указателя файла в FILEHANDLE (или -1 если ошибка), открытом для чтения. Это должно использоваться только с командой "read". FILEHANDLE может быть выражением, которое даст реальное имя дескриптора. (см. пример далее).

```
seek(FILEHANDLE, POSITION, WHENCE)
```

Устанавливает позицию указателя файла относительно WHENCE в FILEHANDLE, открытом для чтения. Это должно использоваться только с командой "read". FILEHANDLE может быть выражением, которое даст реальное имя дескриптора. Возвращает 1 при успехе и 0 в противном случае. Параметр WHENCE может быть одной из следующих величин:

- 0 - начало файла.
- 1 - текущая величина указателя файла.
- 2 - конец файла.

Пример:

```
open(DATA, '\temp\data.txt') || die '';
$x = '';
read(DATA, $x, 7);
$pos = tell DATA;
read(DATA, $x, 7);
print "$x\n";
read(DATA, $x, 7);
seek(DATA, $pos, 0);
read(DATA, $x, 7); # повторное чтение данных с позиции 7
print "$x\n";
close DATA;
warn " ";
```

```
print(FILEHANDLE LIST)
print(LIST)
print FILEHANDLE LIST
print LIST
print
```

Выводит строку или список строк (LIST). Возвращает ненулевую величину при успехе. FILEHANDLE может быть именем переменной, если переменная содержит имя дескриптора. Если FILEHANDLE опущен, вывод будет осуществляться в текущий дескриптор (по умолчанию). Если по умолчанию текущий дескриптор есть CONSOLE, он будет открыт автоматически. Если LIST тоже опущен, будет выведено содержимое \$_ в дескриптор по умолчанию.

```
printf(FILEHANDLE LIST)
printf(LIST)
printf FILEHANDLE LIST
printf LIST
```

Эквивалентно "print FILEHANDLE sprintf(LIST)".

```
getc(FILEHANDLE)
getc FILEHANDLE
getc
```

Возвращает следующий байт из открытого для чтения файла в FILEHANDLE, или нулевую строку, если достигнут конец файла (EOF). Если FILEHANDLE опущен, то читает из дескриптора по умолчанию. Если текущий дескриптор по умолчанию является CONSOLE, он будет открыт автоматически.

Пример:

```
open(DATA, '\temp\data.txt');
$x = getc DATA;
print "$x\n";
$y = getc DATA;
print "$y\n";
close DATA;
warn " ";
```

<FILEHANDLE>

Читает следующую строку из дескриптора файла в угловых скобках. Если достигнут конец файла, то возвращается неопределенное значение. Кроме того, меняет значение "\$_".

Пример:

```
open(DATA, '\temp\data.txt') || die '';
$x = <DATA>;
print "line $.: $x\n";
close DATA;
warn " ";
```

Обычно необходимо присвоить считанную строку переменной, но есть одна ситуация, когда происходит автоматическое присвоение. Если (и только если) этот оператор является единственным внутри условного или "while" цикла, прочитанная строка автоматически присваивается переменной "\$_".

Специальный случай, когда нет дескриптора внутри <>. В этом случае чтение осуществляется из дескриптора по умолчанию (текущего). Если текущий дескриптор по умолчанию является CONSOLE, он будет открыт автоматически.

Пример:

```
$x = <>;
print $x;
warn " ";
```

Если внутри угловых скобок стоит переменная (типа <\$foo>), тогда эта переменная должна содержать имя дескриптора из которого осуществляется ввод.

Пример:

```
open (DATA, '\temp\data.txt');
$file = DATA;
$x = <$file>;
print $x;
warn " ";
```

Интерфейс пользователя

die(LIST)
die LIST

Закрывает программу с кодом 0 (нормальный выход с кодом 1) и показывает диалоговое окно с сообщениями из списка LIST. Если LIST просто пустая строка, то сообщение будет системной ошибкой из переменной \$!.

Примеры:

```
mkdir('\temp\test') || die '';  
mkdir('\temp\test') || die 'Can not make new directory';
```

warn(LIST)
warn LIST

Аналогично "die", но пользователь будет иметь возможность принять решение (YES – продолжить программу, NO – выход из программы). Если решение пользователя будет NO, то выход из программы будет с кодом 0 (нормальный выход с кодом 1). Если вместо LIST будет пустая строка, сообщение будет "Something wrong!" («Что-то нет так, выходим?»).

Пример:

```
warn "Please check out output\n";
```

ask(LIST)
ask LIST

Показывает диалоговое окно с сообщениями из списка LIST, возвращает строку ответа пользователя. Если вместо LIST пустая строка, то сообщение будет "QSL".

Пример:

```
$answer = ask "Message?";  
print $answer;  
warn " ";
```

sleep(EXPR)
sleep EXPR

Погружает скрипт в сон (пауза) на EXPR миллисекунд. Возвращает 1. Если EXPR < 0 то показывает диалоговое окно для решения пользователя и возвращает 1 если YES и 0 если NO.

Примеры:

```
sleep 500;  
sleep -1;
```

Числовые функции

atan2(Y,X)

Возвращает арктангенс от Y/X в диапазоне от $-\pi$ до π .

Пример:

```
print atan2(1,2);  
warn " ";
```

```
sin(EXPR)  
sin EXPR  
sin
```

Возвращает синус от EXPR (выражение в радианах). Если EXPR опущено - возвращает синус от $\$_$.

Пример:

```
print sin(0.5);  
warn " ";
```

```
cos(EXPR)  
cos EXPR  
cos
```

Возвращает косинус от EXPR (выражение в радианах). Если EXPR опущено - возвращает косинус от $\$_$.

Пример:

```
print cos(0.5);  
warn " ";
```

```
exp(EXPR)  
exp EXPR  
exp
```

Возвращает константу «e» в степени EXPR. Если EXPR опущено - возвращает $\exp(\$_)$.

Пример:

```
print exp(2);  
warn " ";
```

```
log(EXPR)  
log EXPR  
log
```

Возвращает логарифм (по основанию «e») от EXPR. Если EXPR опущено - возвращает $\log(\$_)$.

Пример:

```
print log(10);  
warn " ";
```

```
sqrt(EXPR)  
sqrt EXPR  
sqrt
```

Возвращает квадратный корень от `EXPR`. Если `EXPR` опущено – возвращает квадратный корень от `$_`.

Пример:

```
print sqrt(9);  
warn " ";
```

```
int(EXPR)  
int EXPR  
int
```

Возвращает целую часть `EXPR` со знаком. Если `EXPR` опущено – используется `$_`.

Пример:

```
print int(-125.432); # -125  
warn " ";
```

```
cents(EXPR)  
cents EXPR  
cents
```

Возвращает дробную часть `EXPR`, умноженную на 100 и округленную до целого, без знака. Если `EXPR` опущено – используется `$_`.

Пример:

```
print cents(-125.432); # 43  
warn " ";
```

```
abs(EXPR)  
abs EXPR  
abs
```

Возвращает величину `EXPR` без знака. Если `EXPR` опущено – используется `$_`.

Пример:

```
print abs(int(-125.432)); # 125  
warn " ";
```

```
time
```

Возвращает количество секунд прошедших с 00:00:00, 1 января, 1970 г. Используется как аргумент `date()`.

Пример:

```
print time;  
warn " ";
```

```
srand(EXPR)  
srand EXPR  
srand
```

Инициализирует генератор псевдослучайных чисел по `EXPR`. Если `EXPR` опущено – делает `srand(time)`.

```
rand(EXPR)
rand EXPR
rand
```

Возвращает случайное дробное число в диапазоне от 0 до EXPR. Если EXPR опущено – возвращает число между 0 и 1.

Пример:

```
srand;
$x = rand(10);
print rand(10);
warn " ";
```

Анализ
строк

```
index(STR, SUBSTR, POSITION)
index(STR, SUBSTR)
```

Возвращает позицию первого положения подстроки (SUBSTR) в строке (STR) или первого положения после позиции POSITION, если оно присутствует. Счет позиций начинается с 0. Если подстрока не найдена, то возвращает что-нибудь меньшее нуля, обычно -1.

Пример:

```
$str = 'sadabcdefabcd';
$sub = 'abc';
print index($str,$sub);
print index($str,$sub, 6); # вывод 39
warn " ";
```

```
rindex(STR, SUBSTR, POSITION)
rindex(STR, SUBSTR)
```

Работает аналогично index за исключением того, что возвращает позицию последнего положения подстроки в строке. Если POSITION указано, то возвращает последнее положение подстроки до POSITION.

Пример:

```
$str = 'sadabcdefabcd';
$sub = 'abc';
print rindex($str,$sub);
print rindex($str,$sub, 6); # вывод 93
warn " ";
```

```
ord(EXPR)
ord EXPR
ord
```

Возвращает десятичную величину (ASCII код) первого символа EXPR. Если EXPR опущено – используется \$_.

Пример:

```
print ord('0377'); # вывод 48
```



```
warn " ";
```

chr(STR, POSITION)

Возвращает десятичную величину (ASCII код) символа строки (STR) в положении POSITION. Если POSITION вне строки, то возвращает 0.

Пример:

```
print chr("abcd", 2); # 99
warn " ";
```

oct(EXPR)

oct EXPR

oct

Возвращает десятичное значение EXPR интерпретируемого как восьмеричная строка. (Если EXPR начинается с «0x», то будет интерпретироваться как шестнадцатеричная строка). Если EXPR опущено – используется \$_.

Пример:

```
print oct('0377'); # вывод 255
print "\n";
print oct('0x377'); # вывод 887
warn " ";
```

hex(EXPR)

hex EXPR

hex

Возвращает десятичное значение EXPR интерпретируемого как шестнадцатеричная строка. Если EXPR опущено – используется \$_.

Пример:

```
print hex('1f'); # вывод 31
warn " ";
```

dec(EXPR)

dec EXPR

dec

Возвращает десятичное значение EXPR интерпретируемого как десятичная строка. Если EXPR опущено – используется \$_.

Пример:

```
$x = dec("-125.34");
$x += 120;
print $x; # -5.34
warn " ";
```

length(EXPR)

length EXPR

length

Возвращает длину строки EXPR (число символов). Если EXPR опущено – воз-

возвращает длину строки в \$_.
Пример:

```
print length('sadabcdefabc');    # 12
warn " ";
```

Преобразование строк

sprintf(FORMAT,LIST)

Возвращает форматированную строку. Спецификация формата, которая состоит из обязательных и необязательных полей, имеет следующий вид:

%[флаг][ширина][.точность]тип

Простейшая спецификация формата состоит только из знака процента и символа типа:

Тип	Описание
%c	одиночный символ
%d	десятичное целое
%i	десятичное целое
%o	восьмеричное целое
%x	шестнадцатеричное целое, использует "abcdef"
%X	шестнадцатеричное целое, использует "ABCDEF"
%e	величина имеет вид [-]d.dddd e [-]ddd
%f	величина имеет вид [-]dddd.dddd
%g	величина выводится в %f или %e формате, в котором наиболее компактна
%s	строка

Дополнительные поля, которые стоят до символа типа, управляют другими аспектами форматирования, а именно:

- **ширина** – число символов в выводе строки (%s); число цифр в выводе числа с предшествующими нулями слева;
- **точность** – число цифр после десятичной точки (%e, %f).
- **флаг** – выравнивает вывод и добавляет символ, улучшающий читаемость:

флаг	Описание
#	добавляет слева 0, 0x, или 0X (%o, %x, %X соответственно)
0	добавляет 0 слева от числа до нужной ширины вывода (те же форматы)
+	добавляет слева знак (+ или -) если выводимая величина знаковая
' '	добавляет слева пробел, если выводимая величина знаковая
-	выравнивает по левому краю, если указана ширина

В спецификации формата можно использовать несколько флагов.

Пример:

```
$x = sin(0.5);
$x1 = sprintf("%.2f", $x);
$y = time;
$y1 = sprintf("%016d", $y);
print $x1, "\n", $y1;
warn " ";
```

pack (TEMPLATE, LIST)

Берет массив или список значений и упаковывает его в бинарную структуру, возвращая строку, содержащую эту структуру. TEMPLATE представляет собой последовательность символов, которые дают порядок и тип значений, следующим образом:

Символ	Действие
A	ASCII строка, пустые места дополняются пробелами
a	ASCII строка, пустые места дополняются нулями
c	Одиночный знаковый байт
C	Одиночный беззнаковый байт
s	Знаковое короткое целое
S	Беззнаковое короткое целое
i	Знаковое целое
I	Беззнаковое целое
l	Знаковое длинное целое
L	Беззнаковое длинное целое
n	Короткое целое в "network" порядке
N	Длинное целое в "network" порядке
f	С плавающей точкой, одиночной точности в естественном формате
d	С плавающей точкой, двойной точности в естественном формате
p	Указатель на строку
x	Нулевой байт
X	Перевернутый байт
@	Заполнение нулями по адресу
u	Закодированная строка (uencode)
b	Битовая строка (порядок битов по возрастанию)
B	Битовая строка (порядок битов по убыванию)
h	Шестнадцатеричная строка (младший полубайт первым)
H	Шестнадцатеричная строка (старший полубайт первым)

Каждая буква может сопровождаться числом, которое указывает количество повторов. Символ * вместо количества повторов означает использование до самого последнего символа строки.

Все типы, кроме "a", "A", "B", "b", "h" и "H" могут взять всю строку.

Типы "a" и "A" берут столько символов из строки, сколько указано повторов, дополняя нулями или пробелами в случае необходимости. Аналогично, "b" и "B" в отношении числа битов. Типы "h" и "H" берут количество полубайт, указанных числом повторов.

Примеры:

```
$foo = pack("cccc", 65, 66, 67, 68);      # foo равно "ABCD"
$foo = pack("c4", 65, 66, 67, 68);        # то же самое
$foo = pack("ccxxcc", 65, 66, 67, 68);    # foo равно "AB\0\0CD"
$foo = pack("a4", "abcd", "x", "y", "z"); # "abcd"
$foo = pack("aaaa", "abcd", "x", "y", "z"); # "axyz"
$foo = pack("a14", "abcdefg");            # "abcdefg\0\0\0\0\0\0\0"
```

reverse (LIST)

reverse LIST

Меняет порядок символов в строке на противоположный (переворачивает стро-

ку) .

Пример:

```
$orig = 'abcdef';  
print "$orig\n";      # abcdef  
$rev = reverse $orig;  
print "$rev\n";      # fedcba  
warn " ";
```

```
chop (LIST)  
chop (VARIABLE)  
chop VARIABLE  
chop
```

Отрезает последний символ строки и возвращает его, как строку. Используется в первую очередь, чтобы удалить \r (MS-DOS и MS Windows текстовые файлы) или \n (консоль) от конца прочитанной или введенной строки (см. <FILEHANDLE>). Если параметр пропущен, используется \$_. Если воздействует на список (LIST), каждый элемент списка обрезается, но только значение последнего обрезанного возвращается.

Пример:

```
open(DAT, '\temp\data.txt');  
$x = <DAT>;  
chop $x;  
print $x;  
print 'more';  
close DAT;  
warn " ";
```

```
trim (LIST)  
trim (VARIABLE)  
trim VARIABLE  
trim
```

Удаляет пробелы в начале и конце строки, возвращает длину укороченной строки. Если параметр пропущен, используется \$_. Если воздействует на список (LIST), каждый элемент списка обрезается, но только длина последней обрезанной строки возвращается.

Пример:

```
$s = ' test ';  
$n = trim($s);  
print "$n:$s!";      # 4:test!  
warn " ";
```

```
join (EXPR, LIST)  
join (EXPR, ARRAY)
```

Соединяет отдельные строки списка (LIST) или массива (ARRAY) в одну строку с разделителем EXPR, и возвращает строку.

Пример:

```
$drive = 'c:';
```

```
$dir = 'temp';
$file = 'data.txt';
$path = join("\\", $drive,$dir,$file); # c:\temp\data.txt
print $path;
warn " ";
```

```
substr(STR,OFFSET,LEN)
substr(STR,OFFSET)
```

Возвращает подстроку из строки STR начиная с позиции OFFSET (счет позиций с 0) и длиной LEN или до конца строки, если LEN не указано. Если OFFSET за концом строки, то возвращается нулевая строка.

Пример:

```
$str = 'abcdefgh';
$sub = substr($str, 3, 3);
print $sub; # def
warn " ";
```

```
replace(STR,SUBSTR,POSITION)
replace(STR,SUBSTR)
```

Заменяет часть строки STR начиная с позиции POSITION (или с 0, если позиция не указана) подстрокой SUBSTR. Возвращает длину новой строки STR или 0, если позиция POSITION за концом строки STR.

Пример:

```
$s1 = 'abcdef';
$s2 = 'efghij';
$len = replace($s1,$s2,4);
print "$len:$s1"; #10:abcdefghij
warn " ";
```

Преобразование массивов

```
date(EXPR)
date EXPR
date
```

Конвертирует количество секунд, полученное функцией time в 9-элементный массив с учетом временного пояса. Обычно используется как:

```
($sec,$min,$hour,$mday,$mon,$year,$yday,$isdst) = date(time);
```

Все элементы массива числовые, \$mon (месяц) в диапазоне 0..11 и \$yday (день недели) в диапазоне 0..6. Если EXPR опущено, выполняет date(time) самостоятельно.

Пример:

```
($sec,$min,$hour,$mday,$mon) = date;
printf("Today is %d of %d month", $mday, $mon+1);
warn " ";
```

unpack (TEMPLATE, EXPR)

Эта команда является обратной команде pack: она берет строку, содержащую структуру, и распаковывает ее в массив величин, который возвращает. TEMPLATE использует тот же самый формат, что и pack.

Пример:

```
$foo = pack("ссххсс", 65, 66, 67, 68);  
print "$foo\n";  
@y = unpack("ссххсс", $foo);  
print "y = @y"; # y= 65 66 67 68  
warn " ";
```

reverse (LIST)

reverse LIST

Возвращает массив, сформированный в обратном порядке из элементов LIST.

Пример:

```
$x[0] = '12';  
$x[1] = '34';  
$x[2] = '56';  
$x[3] = '78';  
@y = reverse @x;  
print "y= @y";           # y= 78 56 34 12  
warn " ";
```

sort (LIST)

sort LIST

Сортирует список LIST (в порядке сравнения строк) и возвращает отсортированный массив. Несуществующие элементы массива отбрасываются.

Пример:

```
@x = ('56', '34', '78', '12');  
@y = sort @x;  
print "x= @x\n";           # x= 56 34 78 12  
print "y= @y\n";           # y= 12 34 56 78  
warn " ";
```

split (STR, DELIM, LIMIT)

split (STR, DELIM)

split (STR)

split

Разбивает строку STR на массив подстрок по разделителям из строки DELIM, и возвращает его. Если возврат присваивается переменной, не массиву, то записывается число полученных подстрок. Если DELIM опущен, то считается что он состоит из пробела и табуляции " \t". Если STR также опущено, то разбивается строка из \$_. Если LIMIT указан, то возвращается массив с количеством элементов не более LIMIT.

Пример:

```
$path = 'c:\temp\data.txt';
```



```
$tok = "\\\";
($drive,$dir,$file) = split($path,$tok);
print $dir;    # temp
warn " ";
```

grep (SUBSTR,LIST)

Возвращает массив, состоящий из строк содержащих подстроку SUBSTR. Если возврат присваивается переменной, то записывается число найденных строк.

Пример:

```
$x[0] = '123456';
$x[1] = '789012';
$x[2] = '653421';
$x[3] = '210987';
$z = '34';
@y = grep($z, @x);
print @y;                # 123456653421
warn " ";
```

splice (ARRAY,OFFSET,LENGTH,LIST)

splice (ARRAY,OFFSET,LENGTH)

splice (ARRAY,OFFSET)

Удаляет элементы массива ARRAY начиная с позиции OFFSET и в количестве LENGTH и возвращает их. Если список LIST имеется, то вместо удаленных элементов подставляются из списка LIST (при этом массив растет или уменьшается как необходимо). Если LENGTH опущена, то удаляется все начиная с позиции OFFSET.

Пример:

```
$x[0] = '12';
$x[1] = '34';
$x[2] = '56';
$x[3] = '78';
$z = '00';
@y = splice(@x, 1, 2, $z, $z);
print "x= @x\n";        # x= 12 00 00 78
print "y= @y\n";        # y= 34 56
warn " ";
```

pop (ARRAY)

pop ARRAY

Удаляет и возвращает последний элемент массива ARRAY (то есть, укорачивая его на 1). Если в массиве нет элементов, то возвращается неопределенная величина.

Пример:

```
@x = ('12', '34', '56', '78');
$y = pop @x;
print "y= $y\n";        # y= 78
print "x= @x\n";        # x= 12 34 56
warn " ";
```

push (ARRAY, LIST)

Добавляет элементы из списка LIST в конец массива ARRAY. Размер массива ARRAY увеличивается на длину LIST.

Пример:

```
@x = ('12', '34');
@y = ('56', '78');
push(@x, @y);
print "x= @x\n";    # x= 12 34 56 78
warn " ";
```

shift (ARRAY)

shift ARRAY

Сдвигает массив ARRAY влево на 1. Возвращает удаленный левый элемент. Если элементов в массиве нет, то возвращает неопределенную величину.

Пример:

```
@x = ('12', '34', '56', '78');
$y = shift @x;
print "y= $y\n";          # y= 12
print "x= @x\n";          # x= 34 56 78
warn " ";
```

unshift (ARRAY, LIST)

Добавляет элементы из списка LIST в начало массива ARRAY и возвращает число элементов в новом массиве.

Пример:

```
@x = ('34', '56', '78');
$n = unshift(@x, '12');
print "array of $n = @x\n";    # array of 4 = 12 34 56 78
warn " ";
```

Преобразование

ассоциативных

массивов

each (ASSOC_ARRAY)

each ASSOC_ARRAY

Читает в случайном порядке ассоциативный массив и возвращает прочитанный индекс и соответствующее ему значение. Когда массив полностью прочитан, возвращается пустой массив (который при присваивании выдает FALSE). Следующий вызов после этого снова начнет итерацию. Итератор можно сбросить только путем считывания всех элементов из массива. Вы не должны изменить массив во время прохода по нему.

Пример:

```
%map = ('red', 0x00f, 'blue', 0x0f0, 'green', 0xf00);
@x = each %map;
print "x= @x\n";          # x= red 15
```

```
@x = each %map;
print "x= @x\n";          # x= blue 240
warn " ";
```

```
keys (ASSOC_ARRAY)
keys ASSOC_ARRAY
```

Возвращает обычный массив состоящий из всех индексов указанного ассоциативного массива. Индексы возвращаются в случайном порядке, но это тот же порядок, что использует функция `each()` при условии, что данный ассоциативный массив не был изменен.

Пример:

```
%map = ('red',0x00f,'blue',0x0f0,'green',0xf00);
@x = keys %map;
print "x= @x\n";          # x= red blue green
warn " ";
```

```
values (ASSOC_ARRAY)
values ASSOC_ARRAY
```

Возвращает обычный массив состоящий из всех значений указанного ассоциативного массива. Значения возвращаются в случайном порядке, но это тот же порядок, что используют функции `keys()` и `each()` на том же самом ассоциативном массиве.

Пример:

```
%map = ('red',0x00f,'blue',0x0f0,'green',0xf00);
@x = values %map;
print "x= @x\n";          # x= 15 240 3840
warn " ";
```

```
delete $ASSOC{KEY}
```

Удаляет элемент ассоциативного массива `ASSOC` по индексу `KEY` и возвращает его или неопределенную величину, если такого элемента не было.

Пример:

```
%map = ('red',0x00f,'blue',0x0f0,'green',0xf00);
$key = 'blue';
print "$map{$key}\n";     # 240
delete $map{$key};
print "$map{$key}\n";     #
warn " ";
```

```
use (EXPR)
use EXPR
use
```

Открывает dbf файл (*.dbf) с именем `EXPR` для использования с ассоциативными массивами. Возвращает число записей в этом dbf файле. Закрывает ранее открытый dbf файл. Если `EXPR` опущен, то просто закрывает ранее открытый dbf файл.

```
dbf (EXPR)
dbf
```

Конвертирует запись номер EXPR (счет от 0) dbf файла (см. use) в (ассоциативный) массив строк и возвращает его. Если присваивается переменной, не массиву, то возвращается число найденных и разделенных полей в @_ массиве. Если EXPR опущено, используется \$_.
Пример:

```
$rec = use 'test.dbf';
$db = dbf(0);
$size = dbf(0);
print "rec = $rec, size = $size\n";
@x = keys %db;
print "keys= @x\n";
@x = values %db;
print "values= @x\n";
use;
warn " ";
```

БЛОКИ И ПОДПРОГРАММЫ

В QSL последовательность инструкций можно рассматривать как одну команду (BLOCK), заключив их в фигурные скобки. Блок может иметь имя (в этом случае он называется подпрограммой) в виде:

```
sub SUBROUTINE BLOCK
```

где SUBROUTINE – это имя для BLOCK. Следующие команды предназначены для использования с блоками и подпрограммами.

```
do BLOCK
```

Возвращает значение последней функции (команды) в последовательности инструкций, обозначенных блоком BLOCK.

Пример:

```
print do { $x = 5; $y = $x + 4; }; # 9
warn " ";
```

```
do SUBROUTINE (LIST)
```

Выполняет подпрограмму SUBROUTINE и возвращает значение последнего вычисленного выражения в ней. SUBROUTINE может быть переменной, в этом случае переменная должна содержать имя подпрограммы для выполнения. Круглые скобки обязательны. Подпрограммы могут вызываться рекурсивно (то есть вызывать изнутри саму себя).

Пример:

```
sub test {
  $x = 5;
  $y = $x + 4;
}
print(do test()); # 9
warn " ";
```

Все аргументы переданные в подпрограмму, поступают в нее как массив `@_`, то есть `$_[0]`, `$_[1]`, ...). Массив `@_` является локальным (существует только внутри подпрограммы), но его значениями являются ссылки на фактические значения параметров.

Пример:

```
sub test {  
  $x = $_[0];  
  $y = $x + 4;  
}  
print(do test(5));      # 9  
warn " ";
```

`&SUBROUTINE (LIST)`

`&SUBROUTINE`

В качестве альтернативной формы, вы можете вызвать подпрограмму, предваряя имя амперсантом: `&Foo(@args)`. Если вы не передаете подпрограмме никаких аргументов, то не должны использовать круглые скобки. Если опустить скобки, то массив `@_` не передается в подпрограмму. Эта форма также используется для использования подпрограммы с `"defined"` и `"undef"`.

Пример:

```
sub test {  
  $x = 5;  
  $y = $x + 4;  
}  
print(&test); # 9  
warn " ";
```

`local (LIST)`

Перечисленные переменные в `LIST` будут локальными по отношению к блоку или подпрограмме, содержащими эту команду. Это означает, что только они будут использоваться в этой подпрограмме, даже если вне нее есть переменные с такими же именами (глобальные). Все перечисленные элементы должны допускать присвоение данных (`lvalue`). Обычно это используется для перечисления параметров подпрограммы.

Пример:

```
sub test {  
  local($num) = $_[0];  
  $num += 4;  
}  
$num = 5;  
do test($num);  
print "num = $num"; # num = 5  
warn " ";
```

`return LIST`

Возвращает из подпрограммы указанные величины из `LIST`.

Пример:

```

sub test {
local($num) = $_[0];
$num += 4;
return 0;
}
$num = 5;
$num = &test($num);
print "num = $num";      # num = 0
warn " ";

```

```

sort(SUBROUTINE LIST)
sort SUBROUTINE LIST

```

Команда `sort` может использовать внешнюю подпрограмму `SUBROUTINE`, для сравнения сортируемых элементов массива, вместо своего встроенного алгоритма. Подпрограмма должна возвращать целое число меньше нуля, равное нулю или больше нуля в зависимости от того, как элементы массива должны быть отсортированы.

В интересах эффективности нормальный механизм вызова обходится: аргументы передаются не через `@_`, а как `$a` и `$b`. Они передаются по ссылке, так что изменять их нельзя. Подпрограмма не должна быть рекурсивной.

Вместо `SUBROUTINE` может быть имя переменной - в этом случае содержимое переменной должно давать имя подпрограммы.

Пример:

```

sub reverse {
$a lt $b ? 1 : $a gt $b ? -1 : 0;
}
@harry = ('dog', 'cat', 'x', 'Cain', 'Abel');
print sort @harry; # AbelCaincatdogx
print "\n";
print sort reverse @harry; # xdogcatCainAbel
warn " ";

```

МОДИФИКАТОРЫ

Выполнение любого оператора (инструкции) может быть изменено с помощью модификаторов, поставленных перед точкой с запятой завершающей инструкцию. Возможные модификаторы: `if`, `unless`, `while`, `until`.

```

STATEMENT if EXPR
STATEMENT unless EXPR

```

Оператор `STATEMENT` выполняется, если значением выражения `EXPR` является `TRUE` для модификатора `"if"` или `FALSE` для модификатора `"unless"`.

Пример:

```

$x = 5;
print "$x" if($x > 0);      # 5
($x++, print "$x") if $x > 0;      # 6
do {$x--; print $x;} unless($x == 0); # 5
warn " ";

```



```
STATEMENT while EXPR
STATEMENT until EXPR
```

Оператор STATEMENT выполняется до тех пор пока значение выражения EXPR является TRUE для модификатора "while" или FALSE для модификатора "until".

Пример:

```
$x = 5;
do {print $x; $x--;} while ($x > 0); # 54321
print "\n";
($x++, print $x) until $x==5;      # 12345
warn " ";
```

ОПЕРАТОРЫ ВЫПОЛНЕНИЯ

Блок инструкций BLOCK будет выполняться или нет в зависимости от логических значений выражений EXPR.

```
if (EXPR) BLOCK
if (EXPR) BLOCK else BLOCK
unless (EXPR) BLOCK
unless (EXPR) BLOCK else BLOCK
if (EXPR) BLOCK elsif (EXPR) BLOCK ... else BLOCK
```

Оператор if прост, так как BLOCK всегда ограничен фигурными скобками, там никогда не бывает двусмысленности насчет if (если) и else (иначе). Если вы используете unless вместо if, смысл теста меняется на обратный. Вместо elsif можно использовать более понятное elseif (иначе если).

Пример:

```
$x = 5;
if($x>0)
{print "x > 0\n";}      # x > 0
elseif($x < 0)
{print "x < 0\n";}
else
{print "x = 0\n";}
unless($x==0) {print "x = $x\n";} # x = 5
warn " ";
```

```
while (EXPR) BLOCK
until (EXPR) BLOCK
```

Оператор "while" выполняет блок BLOCK до тех пор, пока значением выражения EXPR является TRUE (то есть не нулевая строка или не 0). Если вместо оператора while используется оператор until, то смысл теста заменяется на противоположный. В любом случае тест EXPR проводится до выполнения блока BLOCK.

Пример:

```
$x = 5;
while($x) {print $x--;} # 54321
print "\n";
until($x==5) {print ++$x;}; # 12345
```

```
warn " ";
```

for (EXPR; EXPR; EXPR) BLOCK

Оператор цикла **for** работает точно так же как оператор **while**:

```
for ($i = 1; $i < 10; $i++) {  
  ...  
}
```

это то же самое как

```
$i = 1;  
while ($i < 10) {  
  ...  
  $i++;  
}
```

Пример:

```
for($i=1; $i <= 5; $i++) {  
  print $i;  
}                               # 12345  
warn " ";
```

foreach VAR (ARRAY) BLOCK

Оператор цикла **foreach** выполняет блок **BLOCK** для каждого элемента массива **ARRAY**. Для этого он присваивает поочередно значение каждого элемента локальной (для него) переменной **VAR**. Исходное значение переменной восстанавливается по завершении цикла. Если **VAR** опущена, то **\$_** используется вместо нее. Если массив **ARRAY** является действительным массивом (то есть не содержит ссылки на другой массив), то вы можете изменить каждый элемент массива путем изменения **VAR** внутри цикла.

Пример:

```
@x = ('12', '34', '56', '78');  
foreach $y(@x) {  
  print "$y ";  
}                               # 12; 34; 56; 78;  
print "\n";  
foreach(@x) {  
  print;  
}                               # 12345678  
warn " ";
```

КОМАНДЫ

УПРАВЛЕНИЯ

continue

Команда **continue** вызывает выполнение следующей итерации цикла, в котором она применена.

Пример:

```

for($i=1; $i <= 10; $i++) {
print $i;
continue if $i < 3;
$i++;
}          # 123579
warn " ";

```

break

Команда break произведет немедленный выход из цикла, в котором она применяется.

Пример:

```

$i = 1;
while(1) {
print $i++;
break if $i==6;
}          # 12345
warn " ";

```

exit(EXPR)

exit EXPR

exit

Оценивает выражение EXPR и немедленно выходит из скрипта с этой величиной в качестве кода выхода. Если EXPR опущено, выход осуществляется с кодом 1 (нормальный).

Пример:

```

print 'Hello, world!';
exit($! == 0);

```

debug(EXPR)

debug EXPR

debug

Оценивает выражение EXPR и если оно TRUE начинает процесс отладки, иначе его прекращает. Возвращает величину EXPR. При отладке QSL будет останавливаться перед каждой выполняемой инструкцией и спрашивать хотим ли мы продолжить выполнение скрипта, хотим ли выйти из него (с кодом 0) или же хотим закончить процесс отладки. Если EXPR опущено, то просто начинается процесс отладки.

Пример:

```

@x = ('12', '34', '56', '78');
foreach $y(@x) {
print "$y ";
}          # 12; 34; 56; 78;
debug;
print "\n";
foreach(@x) {
print;
}          # 12345678
debug 0;

```

```
warn " ";
```

goto LABEL

Находит инструкцию с меткой по имени LABEL (метка имеет на конце двоеточие) и передает выполнение этой инструкции. Эта команда не рекомендуется для использования (может все спутать), но, тем не менее, может быть использована внутри простых скриптов без блоков и подпрограмм, или же только внутри блоков.

Пример:

```
$i = 1;  
loop: print $i++; # 12345  
goto loop if $i <= 5;  
warn " ";
```

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПОРТА

Для взаимодействия с внешними устройствами (типа Arduino/Genuino) через последовательный порт он, прежде всего, должен быть открыт как файл для записи и/или чтения.

open (FILEHANDLE, EXPR)
open (FILEHANDLE)
open FILEHANDLE

Имя порта (COM1, COM2, COM3...) должно предваряться символом #. В этом случае произойдет инициализация порта с параметрами (9600, 8, N, 1). До открытия порта скорость коммуникации может быть изменена в переменной \$<. В остальном работа с портом аналогична работе с обычным файлом.

Пример:

```
open(ARD, "+#COM3") || die "";  
@fr = (1,0,1,0);  
while (1) {  
print ARD $fr[0], $fr[1], $fr[2], $fr[3];  
$data = '';  
read(ARD, $data, 4);  
$hex = substr($data, 1);  
print hex($hex), "\n";  
sleep(1000);  
}
```

Если имя порта не предваряется символом #, то порт может быть открыт только для чтения или только для записи, но не для обеих операций одновременно. Будут использованы параметры порта определенные (или измененные) в «Диспетчере устройств» операционной системы.

РАБОТА С ОПЕРАЦИОННОЙ СИСТЕМОЙ

mkdir(FILENAME)

Создает директорию с именем FILENAME. В случае успеха возвращает 1, иначе возвращает 0.

Пример:

```
mkdir('\temp\test') || die '';
```

readdir(FILENAME)

Возвращает массив, состоящий из имен файлов в директории или неопределенную величину, если прочитать директорию не удалось. В возвращенном списке имена директорий будут предваряться символом *. Если директория пуста – возвращает пустую строку.

Пример:

```
@files = readdir('c:\temp');  
foreach(@files) {  
    print;  
    print "\n";  
}  
warn " ";
```

call(PROGRAM, PARAMETERS, WAIT)

call(PROGRAM, PARAMETERS)

Вызывает на выполнение программу PROGRAM с командной строкой PARAMETERS и ждет ее завершения указанное время WAIT (мсек). Если время ожидания не указано, то ждать бесконечно. Возвращает 1 при успехе и 0 в противном случае.

Пример:

```
$ret = call('c:\windows\notepad.exe', "");  
print "Program return = $ret\n";  
warn " ";
```

=====

(ПРОДОЛЖЕНИЕ ЕСЛИ И БУДЕТ, ТО НЕ СКОРО)

I – O

Саймон Логан

Призма

Я обнаружил ее в моей мастерской. Конструкция из осколков, обломков и фрагментов. Куски фар, лобовых стекол, часовых циферблатов. Все вместе они – все это нагромождение стекляшек – образовывали фигуру, ничего подобного которой я никогда не видел. Потому что, несмотря на то, что она состояла из сплошных граней, словно гигантский бриллиант, поверхность ее была в высшей степени гладкой – совсем не такой, как у большинства из нас.

Она была заключена в клубке металлолома, в переплетении жеваной стали. Моя работа состояла именно в том, чтобы распутывать подобные клубки.

Именно этим мы здесь и занимаемся – я и другие инженеры.

Из-за того, что мы такими появлялись на свет, – с конечностями и лицами, снабженными резаками и крошечными приспособлениями для шлифовки и полировки – в наши обязанности входило обработать и подготовить старое железо, чтобы его можно было соединить с новым. Бесконечный поток утиля проходил через наши клыки и когти, а затем его забирали гигантские грузовики, больше похожие на танки, и доставляли на следующий этап производства.

Из-за того, что мы такими появлялись на свет. Из-за того, что я таким появился на свет – слегка дефективный продукт сборочного конвейера матери-

природы, — мне приходилось существовать, влача прикрепленный к спине скобами ржавый кислородный баллон. Трубки, обвивавшие мое тело, подавали в него очищенный химический элемент, которым мое тело не могло снабдить себя самостоятельно. Толстая черная трубка выходила из баллона и разделялась на две трубки потоньше, одна из которых входила в мою шею ниже затылка, а вторая соединялась с пластиковой маской, закрывавшей мне рот и нос. Маска пожелтела от времени, и десятки вредных химических веществ просачивались через нее, так что воздух, которым я дышал, всегда сильно пахивал серной кислотой.

Из-за этой моей особенности я работал в одиночку во времянке, сложенной из ржавых листов железа и стоявшей на задах свалки металлолома — подальше от моих собратьев. Из-за этой моей особенности я только издалека прислушивался к их крикам и звукам, производимым их механизмами. Из-за этой моей особенности я никогда толком не спал, потому что дыхательный аппарат не позволял мне принять удобное положение. Из-за этой моей особенности я чувствовал себя счастливым, поскольку мое внешнее уродство удачно дополняло уродство внутреннее и вынуждало моих собратьев сторониться меня. Сторониться до поры до времени.

Поэтому, обнаружив ее внутри смятого комка металла, среди сплетения проводов, я извлек ее оттуда, словно алмаз из куска пустой породы, и ощутил прилив блаженства. Никто, кроме меня, не подозревал о ее существовании. Она не обладала никакими поддающимися описанию характерными чертами, поэтому составить представление о ней можно было только косвенно — по тому, как покрывавшие ее копоть и ржавчина, рядом с ней, сами начинали казаться прекрасными. К тому же она была покрыта машинным маслом и слоем молочно-серой твердой смазки, которую я тут же принялся поспешно удалять.

Ее блеск казался нереальным. Я никогда прежде не видел ничего подобного.

Завыла сирена, возвещающая конец смены, — она выла так громко, что дребезжали кучи ржавого металла, которыми была усеяна свалка. Я поспешно прикрыл мою находку куском брезента, пропустив крюки, вделанные в цементный пол, через металлические кольца в нем, чтобы обезопасить ее от чужих глаз.

Затем я приготовился к худшему.

Подойдя к окну времянки, я увидел, что мои собраты уже сбились в кучку неподалеку. Они выползали из-за составленных в пирамиды кузовов автомобилей, возникали из люков, ведущих в утробу свалки, словно опаленные дочерна огнем печей чудовищные фениксы, или же спускались с огромной высоты по лестницам-времянкам, уходившим в небо так высоко, что глаза теряли их из виду.

В том месте, где моя маска сочленялась со шлангом, слышалось какое-то бульканье: участившееся сердцебиение привело к увеличению расхода кислорода. Провода, отходившие от баллона, щекотали мою кожу.

Перед времянкой тем временем столпилось уже не менее двадцати пяти рабочих; все они слегка отличались друг от друга, но в целом разница между ними была невелика. Сплошные вариации на тему тех или иных дефектов сборки.

Некоторые частично сняли с себя одежду, выставив напоказ испещренную шрамами и наспигованную металлом плоть. Другие обильно поливали себя машинным маслом, обмениваясь шуточками с соседями. Они явно к чему-то готовились.

Затем я заметил, что трое из них направились ко мне, — эта троица давно была мне знакома, ее участники постоянно пытались втянуть меня в свои поединки. Я предполагаю, что им, наверное, до смерти хотелось посмотреть на то, как будет драться инвалид. Наверняка, они даже собирались делать ставки за и против меня. Судя по всему, они не теряли надежды, что рано или поздно я, наконец, соглашусь, — и если им не повезет заработать на самом бое, то хотя бы удастся выиграть пари на предмет моего участия в поединке.

Внезапно я вспомнил о том, что у меня за спиной лежит она — большая, завернутая в брезент и сверкающая так сильно, что блеск ее вот-вот просочится через грубое полотно. Я испуганно обернулся.

Они не должны найти ее ни в коем случае.

Поэтому, прежде чем они успели добраться до моей временки, я снял замки с цепей, отделявших меня от них, а их — от меня. Я распахнул дверь, когда они были от нее не более чем в трех шагах, посеяв в их рядах немалое смятение.

Волнение прокатилось по рядам рабочих, когда они поняли, что сегодня вечером в ритуале ожидаются непредвиденные изменения. Обычно они насмехались надо мной за толстой алюминиевой дверью или под одним из закопченных окон временки. Я и так-то нечасто покидал свое жилище — тем более при таком столпотворении вокруг.

Я смотрел через полуоткрытую дверь на неподвижно застывшую троицу.

В течение какого-то мгновения стояла абсолютная тишина, если не считать приглушенного шума работающих машин, доносившегося с соседних свалок. Рабочие смотрели на меня, на мое лицо, черты которого искажала маска.

Один из троицы обернулся и вопросительно посмотрел на собравшуюся толпу.

Я начал жалеть о том, что открыл дверь: я хотел удержать их подальше от моей находки, а добился того, что своим необычным поведением только возбудил их любопытство. Мы все были детьми конвейера — жизнь наша представляла собой постоянное и бесконечное повторение одинаковых ситуаций. Так мы существовали.

И вот повторение нарушилось.

— Пойдешь с нами сегодня? — спросил рабочий, возглавлявший трио, пытаюсь вернуть происходящее в рамки традиционного сценария. Его мускулистые плечи были обнажены, обе руки заканчивались парой мясистых клещей, усеянных мелкими металлическими зубчиками. Он стоял, широко расставив ноги, подошвы его башмаков глубоко ушли в мягкую пыль, покрывавшую землю на территории свалки.

Из пневматического клапана на боковой стороне моего дыхательного аппарата с шипением вырвалась струя пара.

Я покачал головой.

Последовала непродолжительная пауза, затем в задних рядах кто-то захохотал, затем смех, распространившись, словно эпидемия, охватил всю собравшуюся толпу. Они смеялись надо мной. Они смеялись над трусом, который отказывается драться, — и от облегчения, что восстановился привычный ход вещей.

Рабочий, который задал мне вопрос, угрожающе наклонил голову, продемонстрировав покрывавшую его череп свежую металлическую пластину — возможно, последствие вчерашнего поединка.

Я попытался взглянуть им в глаза, но, как всегда, не сумел и, отведя взгляд, принялся рассматривать землю у себя под ногами. Впрочем, краешком глаза я заметил, что троица поплелась восвояси и, как только послышались первые удары металла о металл, вернулся в свое жилище.

Очутившись внутри, я лишился сил. Мой дыхательный аппарат сердито свистел от избыточной нагрузки. Под его весом я рухнул на холодный пол и заснул в объятиях забвения — единственного существа, которое когда-либо разделяло со мной сон.

Через некоторое время я очнулся. В той части города, где расположена наша свалка, разница между ночью и днем не слишком заметна: густой черный дым, извергаемый нами, висит в небе такими густыми клубами, что становится для нас родным, словно материнские объятия. Поэтому наша работа служит для нас единственным способом следить за прохождением времени.

Хотя большинство вечером отправляется на площадку для боев, ремонтники возвращаются на рабочие места первыми, потому что обслуживание машин происходит именно в перерывах между сменами. Остальные же рабочие отдыхают в казармах, а затем ежедневный цикл, похожий на змею, вцепившуюся в собственный хвост, начинается снова, и настает время для работы.

Я никогда не сплю; по большей части я смотрю в единственное окно временки

на странные узоры, которые дым, вырывающийся из труб, рисует на бескрайнем, огромном черном небе, на котором звезды кажутся просто заклепками.

Но этой ночью, перед тем как начать смотреть в окно, я сначала проверил мою Призму — именно такое имя для нее бессознательно родилось в моем мозгу, — потому что меня терзал бессмысленный панический страх; я боялся, что она исчезнет, когда я проснусь. Я прикоснулся к брезентовому полотнищу, покрывавшему ее, почти уверенный в том, что обнаружу под ним пустоту.

Мои гидравлические легкие зашипели от облегчения, когда я нащупал Призму под полотном. Я откинул полотнище с того угла, где находилась выпуклость, которая, если бы речь шла о человеке, могла бы называться грудью. Словно зачарованный я смотрел на нее, а она сверкала в ответ, словно ведя со мной беседу при помощи бликов и отражений. У нее были тысяча граней, тысяча лиц, отражавших окружавшее нас убожество, но не повторявших его, а, напротив, каким-то волшебным образом делавших мир прекраснее и совершеннее. В одной из граней отражалось мое лицо, и черты его больше не были изуродованы дыхательным аппаратом; оно было ничем не хуже других, обычных лиц — даже лучше. Я пошевелил челюстью, и отражение повторило это движение вслед за мной.

Я почувствовал желание наклониться и прижаться губами к Призме, но тут мои глаза заметили еще одно отраженное лицо. Быстро обернувшись, я успел заметить тень, мелькнувшую в окне времянки. Торопливо я снова укрыл Призму полотнищем и, для большей надежности, загородил ее старым штамповочным станком, который некогда использовался для чеканки монет.

Выглянув, я увидел за стеклом несколько инженеров, бродивших среди металлолома, время от времени, пробуя на зуб ржавую стальную пластину или кусок колючей проволоки. Я чувствовал, что им очень хочется посмотреть в мою сторону; это было видно по тому, как отчаянно они делали вид, что этого им совсем не хочется. В их движениях было что-то от насекомых.

Я видел, как любопытство гложет их. Они знали, что я припрятал что-то интересное.

Я им никогда ее не отдам.

Так продолжалось изо дня в день.

Каждую минуту мне нестерпимо хотелось посмотреть на Призму, чтобы убедиться в том, что я действительно нашел ее, но с каждым днем я все больше и больше боялся сделать это, опасаясь, что, снedaемые любопытством, мои собраты ворвутся в этот миг в мою времянку. Не раз я заставлял кого-нибудь из них за подглядыванием в окно, и с каждым разом становилось все труднее удерживать их на расстоянии, когда приходило время поединков. Теперь мне начало казаться, что они вызывают меня на драку лишь для того, чтобы выманить наружу и получить ответ на основной волновавший их вопрос.

А именно — почему я веду себя так странно.

В одну из ночей они сумели выманить меня из времянки на большее расстояние, чем обычно, завладев моим вниманием, и тогда змееподобное существо, занимавшееся чисткой дымовых труб, чуть было не проскользнуло в дверь у меня за спиной. Я с силой захлопнул дверь, слегка прищемив при этом его чешуйчатую плоть, на что толпа отреагировала громкими криками и принялась швыряться в стены моей времянки чем ни попадя.

Вскоре после этого я заделал окно куском листового железа, намертво приклепав его к стенке времянки, — я больше не хотел их видеть.

На следующий вечер, когда они начали стучать в дверь, я им просто не ответил. И на второй вечер тоже.

Теперь я стал скрываться внутри, днем занимаясь, как обычно, работой, а вечерами прислушиваясь к отдаленным звукам драки. Лязг металла, стоны и крики

боли. Хруст, скрежет, треск рвущейся ткани. Пока они сражались, я нежно гладил Призму, лежавшую под ее грубым покровом, а вскоре я начал попросту заползать под брезент и прижиматься к ней в маслянистом ночном мраке.

Она научила меня красоте, о существовании которой я прежде не подозревал. В гранях ее лица отражались все возможности, все вариации. Виды живых существ: каждый столь же уникален, как и другой. Дали заоблачные. Она научила меня чуду существования.

В благодарность за это я драил ее и чистил. Я ласкал ее словно влюбленный и запоминал каждую ее грань. Я знал на ощупь ее форму: она научила меня самосовершенствованию.

Она искрилась для меня одного.

Затем все чаще и чаще стали выдаваться вечера, когда мои собратья вместо того, чтобы сражаться друг с другом на пыльной арене, вымещали свою ярость на моем вагончике. Они молотили куликами по его тонким металлическим стенам, кричали и вопили, скребли по ржавчине скрюченными пальцами. Крыша прогибалась под их весом, когда они забирались на нее. Они даже пробовали грызть лист стали, которым я заделал окно.

А меня все равно тянуло к беспредельному сиянию Призмы. Теперь я дерзко отваживался на несколько мгновений стянуть с нее покров, позволяя ей озарить своим сиянием времянку, чтобы уничтожить хотя бы малое количество мерзости, наполнявшей мое жилище. Возможно, я даже надеялся на то, что этот блеск отпугнет моих врагов или даже преобразит их так же, как преобразались их отражения в ее гранях. Но ни того, ни другого не произошло.

Хотя мне иногда казалось, что не понятно, кто из нас кого охраняет.

Но мне было отпущено немного времени: оно таяло у меня на глазах, расплывалось, словно пятно, перед моими подслеповатыми глазами. Воздух, которым я дышал, начинал отдавать ржавчиной: судя по всему, баллоны у меня за плечами были близки к истощению, и их вскоре следовало заменить. Мои собратья, очевидно, знали это не хуже меня, потому что баллоны заменяли и у меня и у других всегда в строгом соответствии с графиком, — именно поэтому вечерами они совсем перестали тревожить меня. Вместо этого они, словно шакалы, шастали вокруг времянки, так что я слышал только их перешептывание и осторожные шаги.

Поэтому и они, и я напряженно ждали наступления следующей смены, во время которой и должны были заменить баллоны. Тем вечером я нежно поцеловал Призму в каждую из ее граней.

Я предчувствовал этот миг на протяжении уже многих смен.

Я стоял за дверью моей времянки, слегка прижав уродливые ладони к ее холодной поверхности, и прислушивался к подозрительному затишью, наступившему снаружи. Я тщательно укрыл Призму и забаррикадировал подступы к ней тяжелыми предметами, прекрасно понимая, что все это не поможет. Три метра на три — вот и вся моя времянка; на такой площади вряд ли можно что-нибудь спрятать.

Я снял засовы и, выждав минуту, чуть-чуть приоткрыл дверь. Снаружи было довольно светло; резкий свет городских фонарей отражался от низких облаков. Ветер крутил по земле крошечные пылевые смерчи. Я внимательно огляделся вокруг, но повсюду, насколько хватало взгляда, не было и следа новых баллонов.

Я уже чувствовал покалывание в легких, виски ломило от плохого кровоснабжения. Все мои мышцы были вялыми и малоподвижными.

Я приоткрыл дверь пошире, увидел новый баллон, который лежал на утопанной пыли, и тут же заметил одного из моих противников, который сидел на корточках возле кучи старой арматуры. Баллон лежал прямо посреди их дурацкого ринга. Я даже видел, что вокруг моих новых лёгких валяются отдельные части тел, оторванные в ходе поединков. На земле виднелись следы — они тащили баллоны волоком, чтобы переместить их подальше от моего жилища.

Я не знал наверняка, в состоянии ли я преодолеть такое расстояние.

Я даже не был уверен, стоит ли пытаться сделать это.

Возможно, мне просто предстоит умереть, отражаясь в гранях Призмы. Возможно, я бессмертен, пока отражаюсь в них. Возможно, сам этот мир длится, только пока он отражается в ее гранях.

Затем я заметил какое-то движение, и на площадке появились остальные. Стекла в защитных очках, которые носят сварщики, бросали блики света.

Они готовились к этому моменту ничуть не меньше меня.

Они медленно выползали на открытое пространство — паукообразные, сверкающие металлическим блеском твари. Тщательно следя за моей реакцией. Некоторые из них пытливо вглядывались в темноту за дверью, пытаясь догадаться, что я прячу в своем жилище.

Им не суждено узнать, как совершенна Призма и как она опасна в своем совершенстве.

Я и сам не познал до конца все ее тайны. Наверняка, она отразила бы для меня еще много удивительных вещей, если бы у меня было больше времени. Возможно, мне даже удалось бы придумать, как вытащить ее из временки, чтобы она смогла отражать больше вещей. Она явно не исчерпала всех своих возможностей. Я закрыл дверь за собой и впервые за много дней оказался на открытом воздухе. Воздух этот, впрочем, был настолько загрязнен, что от контакта с ним чесалась кожа, а легкие корбились. Я откашлялся в литую пластмассовую маску, прикрывавшую мой рот, и почувствовал, что падаю в обморок, по все же удержался на ногах. Осторожно, сопровождаемый взглядами сотен глаз, я сделал первый шаг.

В ответ они тоже двинулись мне навстречу, подгибая свои мощные, как у сверчков, задние ноги, словно собирались одним прыжком преодолеть расстояние, отделявшее их от меня, от временки и от спрятанной в ней беспредельной красоты.

Я продолжал подбираться к баллону, глядя то на него, то на кучи мусора вокруг и на скрывавшихся за ними противников. Я чувствовал, как они копошатся у меня за спиной, но знал, что они еще не добрались до двери. Сделав еще несколько шагов, я почувствовал какую-то опасность у себя за спиной, и инстинктивно обернулся.

Сухой, колючий пар вырвался из моего дыхательного аппарата — это было последнее усилие, на которое он оказался способен. Ноги мои задрожали, подкосились, и я рухнул на землю. В рядах наступающих наступило оживление, которое прекратилось, как только я сумел подняться на колени. Они прятались за пределами моего поля зрения, так что я не слышал ничего, кроме ритмического лязга, который производили их изуродованные тела. Они вились вокруг меня, словно стервятники вокруг падали.

Нет, мне не удастся дойти до баллона.

Я попытался обернуться, потому что в тот момент я мог думать только о Призме — о том, что она осталась там, одинокая и беззащитная, но они уже спешили в мою сторону, так что я пополз к баллону на четвереньках, надеясь на то, что успею схватить его и присоединить к шлангу, прежде чем они доберутся до моего сокровища.

Пыль и песок вились вокруг, и я начал задыхаться от нехватки кислорода. В этот миг я понял, что мог бы сделать больше для нее, если бы не отсиживался за дверями в тупом бездействии. Возможно, мне удалось бы прорыть тоннель в мягкой почве под временкой и сбежать вместе с Призмой. Что-нибудь я бы обязательно да придумал.

Я лежал, распластанный на земле, протянув ноги к временке, а руки — к баллону, словно боязливо переплывал быстрый поток, опасаясь, что стоит мне отдалиться от берега, как стремнина унесет меня прочь. И тут я коснулся баллона руками, и надежда вновь ожила в моем сердце. Противники подползали все ближе

и ближе ко мне, по-прежнему не отваживаясь на штурм временки, хотя некоторые из них находились уже совсем неподалеку от ее дверей.

Я выдернул шланг из старого баллона за плечами трясущимися, бессильными руками и попытался присоединить его к новому. Разъем вошел в паз, раздался щелчок. Я ожидал, что сейчас мои легкие наполнит поток чистого, неразбавленного кислорода, который позволит мне встать и вернуться к Призме, но вместо этого в горло мое ворвалось что-то отвратительно пахнущее и жгучее, разрывающее каждую клетку моего тела, и я понял, что газ в баллоне был отравлен моими врагами.

К жизни меня вернул гул огромной турбины. Я очнулся и сплюнул стусток кроваво-черной слюны. Все мое тело болело так, словно его погрузили в чан с кислотой, словно яд сжег все мои сосуды, проник в голову и растворил мозг. Несмотря на туман в голове, я сообразил, что кто-то отсоединил меня от дыхательного аппарата и что теперь я дышал тем самым загазованным воздухом, который отвергал мой организм. Одновременно я вспомнил, что таким громким звуком на свалке обладала только турбина, приводившая в движение дробилку.

Слезы лились из моих глаз и тут чьи-то руки подхватили меня и перевернули на спину. Я увидел, что надо мной склонились несколько инженеров, и прочитал ненависть и ревность в их глазах. У меня над головой пронеслась стрела огромного пневматического крана, всегда работавшего в паре с дробилкой, и глаза мои ослепил блеск, который сам кран не мог произвести ни в коем случае. Так блестять могла только одна вещь на свете.

У меня за спиной я услышал скрежет металла. Это сносили мою временку

Я беззвучно завыл от боли, гнева и бессилия, в то время как они заставляли меня смотреть, как Призма медленно исчезает в утробе дробилки.

С конвейера она сошла и на конвейер вернулась.

Я слышал, как она раскалывалась на куски, с ужасом понимая, что звук, с которым она гибла, был похож на долгий, несмолкающий стон.

Только глубокой ночью (хотя настоящей ночи у нас никогда не бывает), когда клубы ядовитых газов слегка развеиваются, я выхожу на поверхность из ямы, в которой я сейчас работаю. Она накрыта крышкой с люком, через который я выбираюсь наружу. Они соорудили ее для меня из обломков моей временки.

Они, мои братья, больше не тревожат меня. Почему — я и сам не знаю.

Возможно, они поняли, что жестокость их поступка оказалась гораздо большей, чем они полагали вначале. Возможно, они до сих пор слышат ее стоны, раздающиеся, когда фонари зажигают свои огни.

Мое тело уже вполне оправилось от травмы, пережитой той ночью. Но мой раскусок оказался не столь крепким.

Теперь, когда я дышу, я чувствую шрамы на внутренней поверхности моих легких. Я знаю, что они сделали со мной и с нею.

Никем не стесняемый, я брожу глубокой ночью по протянувшейся на многие мили свалке.

Я ищу ее среди мусора, среди обломков, среди камней. Среди разбитых фар и расколотых лобовых стекол. Битых бутылок и оконных стекол. Хромированных пластин и колпаков от автомобильных колес.

Я вглядываюсь каждую ночь в тысячи пустых, одноцветных отражений.

Они пустили ее на переработку. Смешали с сырьем. Она существует теперь в иной форме.

Но они не в силах полностью разрушить ее.

Она где-то здесь, неподалеку. Она нарушает монотонную бесконечность потока продукции, которую мы укладываем в грузовики, которые доставляют наши изделия заказчикам. С гордостью я понимаю, что теперь она передает свое знание не только мне, но и тысячам других.

Но мне так ее не хватает.

Однажды я найду ее вновь, если только она не найдет меня раньше.

Коаксиальное существо

[там наверху]

Здесь на вершине опор ЛЭП я живу с постоянным треском статического разряда в ушах.

Сеть электрических подстанций и соединяющих их телеметрических линий и силовых кабелей раскинулась высоко в небе над городом, словно коаксиальная паутина, сплетенная гигантским механическим пауком. Если это так, то я и мои коллеги-инженеры – всего лишь мухи, попавшиеся в эту паутину.

Приближалось время очередного импульса перенапряжения (они производились в строгом соответствии с графиком по команде атомных часов, но большинство из нас в этом вопросе по-прежнему полагались на свое шестое чувство), поэтому нам полагалось свернуть все работы и направиться в ближайшее убежище-изолятор.

Система постоянно находилась под статическим напряжением, но от него мы были надежно защищены диэлектрическими костюмами и перчатками. Однако во время импульса, когда разряд в несколько сот тысяч вольт проносился по силовым проводам яростным и стремительным потоком, нам приходилось укрываться в шарах из вулканизированной резины, в каждом из которых помещалось по одному человеку. Шары эти были размещены примерно на равных расстояниях между опорами ЛЭП и телеметрическими вышками и походили на коконы из неприятно пахнущего латекса.

Телеметрические линии разбегались на десятки миль во всех направлениях, сплетение тончайших шин толщиной в лист бумаги, труб футового сечения и спиралей из покрытого пластиком стекловолокна, подвешенных к вышкам на металлических растяжках. В сотнях, а иногда и в тысячах футов под ними лежал Рейкьявик – скопление бетонных уродцев, многоэтажных домов, небоскребов, покрытых копотью и заразой, и жирных черных вен транспортных артерий, струящихся между ними. Мы же были так высоко, так близко к серому, как сталь, небу, что, казалось, стоит нам только пожелать – и мы коснемся рукой легких, как газ, облаков.

Я полз вдоль далеко протянувшегося щупальца из пучка металлических труб, пристегнувшись к нему тяжелой металлической цепью, соединенной с поясом. Это была простая предосторожность: мы, инженеры-высотники, почти никогда не теряем равновесия. Вдалеке виднелись мои коллеги, которые ползли по другим отрезкам разветвленной телеметрической сети ради минутного отдыха внутри вулканизированных маток.

Наконец я добрался до убежища-изолятора, расположенного в развилке телеметрической вышки на высоте восьмисот футов над землей, разодрал руками края лаза, словно открытую рану, и вполз внутрь, на ходу отстегивая страховочный пояс.

Только тут, в багровом полумраке резинового чрева, мы начинали понимать, при каком шуме нам постоянно приходилось работать. Высотные ветры скребли и царапали по металлу опор, гудели силовые провода, статические разряды стрекотали непрерывным белым шумом, – мы так привыкли ко всем этим звукам, что почти уже их не замечали. Пока, разумеется, не погружались в ватную тишину наших резиновых убежищ.

До импульса оставалось меньше минуты. Часто я находил внутри убежищ следы пребывания моих предшественников – недоеденную пищу, бутылки с водой, неисправный инструмент или мешочек с электрической арматурой, – но на этот раз в убежище было пусто. В углу мерцал экран маленького черно-белого телевизора,

который по непонятной причине имелся внутри каждого убежища. Я скинул рюкзак и открыл его. До импульса оставалось тридцать секунд. В этот момент всем полагалось уже находиться внутри. Каким-то образом мы всегда умудрялись находить вовремя пустой резиновый шар и никогда не укрывались в убежищах вдвоем — по крайней мере, я никогда не попадал в подобную ситуацию с тех пор, как семь лет назад покинул Низковольтье. Между нами существовала какая-то необычная связь, не нуждавшаяся ни в тренировке, ни в осознании и возникавшая, очевидно, вследствие совместного нахождения на этой высоте, и мы не нуждались в контакте в обычном понимании, чтобы сделать эту связь физически ощутимой или укрепить ее.

Из рюкзака я извлек устройство, которое мастерил уже на протяжении нескольких месяцев. У меня ушло немало времени на то, чтобы найти все необходимые детали в редких на этой высоте свалках механических отходов, так что я совсем недавно закончил работать над ним. Устройство это было плодом любопытства, которое терзало меня с первых дней работы на ЛЭП, и которое, как мне было известно, было иногда не чуждо и другим работникам...

Любопытство это питалось желанием увидеть провода и трубы в тот миг, когда импульс проходит по ним — увидеть мир Высоковольтья окутанным голубой вуалью электрического импульса в один и две десятых мегавольт.

Мы не могли выглянуть из убежища даже в щелочку, чтобы посмотреть на это собственными глазами. Стоило приоткрыть хотя бы чуть-чуть резиновый клапан убежища, как чудовищная энергия ворвалась бы внутрь. Я только однажды видел, чем кончаются подобные попытки, — это было, когда мы вынимали из убежища обугленную нижнюю половину человеческого тела. Верхняя половина, оставшаяся снаружи, превратилась в углеродную пыль и осыпалась на крыши домов в Низковольтье.

Вот почему я изготовил на основе сварочных очков это устройство. Надев его, я увидел размытое изображение окружающего мира сквозь толстые красные резиновые стенки убежища. Систему зеркал и Уф-преобразователей я встроил непосредственно в очки, а не поместившаяся внутрь электрическая схема болталась сбоку, прикрепленная к дужке куском изоляции. Это было грубо сработанное, неудобное изобретение — после нескольких минут пребывания в нем я практически слеп на пару часов, — но результат того стоил: дарованная немногим возможность лицезреть лики божеств и вирусов, явленные в белой короне статического разряда.

До импульса оставалось десять секунд, поэтому я поспешил надеть очки. Они все время сползали набок, так что мне приходилось придерживать их, одновременно уткнувшись лицом в красную резину. Мой пульс отсчитывал мгновения до импульса, кровь стучалась в виски ударами шаманского бубна.

И вот ураган энергии взорвался вулканическим извержением чистейшего белого-голубого пламени, однородного, с рваными краями, неистовство, которое опалило провода и изоляторы, перекаатилось через резиновые пузыри, внутри которых прятались мы, и на какие-то мгновения разорвало небо пополам. Я смотрел на все это словно через облако мутного тумана, достраивая в воображении красоту этого зрелища, и думал о том, как прекрасно, что именно статический разряд однажды спас меня в минуту, когда я усомнился в своем решении покинуть Низковольтье.

В сполохах света я видел очертания моих коллег, съездившихся в своих резиновых пузырях, видел далекие города в сотнях миль отсюда, видел сверкание статических разрядов, материализовавшееся в воздухе, словно облако конфетти из алюминиевой фольги. А потом в сумеречном свечении импульса перенапряжения я увидел, как нечто стремительно промчалось вдоль широкой металлической в нескольких сотнях метров от меня. Это нечто высветилось на миг в электрическом зареве, и мне удалось разглядеть что-то вроде окружающих его многочисленных

ножек, после чего внезапно наступили тишина и мрак.

Я остался на месте, оцепеневший, незрячий. Остаточное изображение того, что видели мои глаза, впечаталось в мою сетчатку, и я боялся пошевелиться именно потому, что мне казалось, оно может осыпаться от моих движений. Я прокручивал видение в мозгу снова и снова, пытаюсь понять, что оно могло бы значить.

Через несколько секунд лиловый отпечаток поблек, и я тяжело опустился на пол, бормоча себе под нос что-то бессвязное, пытаюсь разгадать явленную мне тайну

[низковольтье]

Мир-основа, Рейкьявик внизу. Плотные асфальтовые мостовые, проложенные по плотной земле. То, на что опираются здания, то, на что опираются пневматические амортизаторы, установленные в основах опор ЛЭП и телеметрических башен. Там атмосфера плотна, насыщена смогом и химикатами. Там люди передвигаются плотной, черной, вязкой, как желе, толпой. Там мертвы все чувства, кроме холодного и твердого, как броня, чувства отчуждения. Там яды, соки похоти и неглубокие могилы.

[высоковольтье]

В вышине среди макушек опор, среди проводов и электрических приборов. Где телевизионные передатчики излучают с такой мощностью, что при правильном освещении их излучение можно разглядеть невооруженным взглядом. Где никогда не веет тихий ветерок, а только дуют ураганные ветры. Где по высокочастотным шинам мчатся цифровые гармоники, и где царит мертвящий холод. Где можно скрыться от оцепенения человеческого общества и выйти на новый уровень существования.

Как-то ночью, когда небо было сплошь затянуто плотным слоем серых облаков и казалось пятнистым, в заплатках, бетонным колпаком, накрывшим весь мир, я вновь увидел коаксиальное существо. Со дня того импульса миновало четверо суток, и за это время я уже переместился на периферию телеметрической сети — туда, где кабели меньше в диаметре, а картинки на экранах телевизоров совсем размытые. В этот момент как раз шел повторный показ старой американской телеигры, но сопровождавший изображение звук полностью тонул в шуме ветра и в треске искр, летевших из моего сварочного аппарата. Пестрый пиджак ведущего казался помехой на черно-белом, пришедшем в смятение от такого количества цветов кинескопе, для передачи которых он не располагал подходящими средствами.

Я наблюдал за экраном с расстояния, занимаясь одновременно починкой поврежденного кабеля. Новый импульс медленно приближался к нам, возвещая о себе заполнившим воздух запахом горелых автомобильных покрышек. Я думал о страшной находке, сделанной нами той ночью, — о разорванном в клочья резиновом изоляторе, о теле, насаженном на острый разрядник, — и вновь укрепился в решении не рассказывать моим коллегам об увиденном.

В конце концов, я и сам толком не знаю, что мне удалось увидеть, — убеждал я сам себя.

Скорее всего, мое восприятие было искажено очками — вот к какому убеждению я постепенно пришел.

Потрескивание статики внезапно стихло; вокруг меня шумел только скребущий поверхность металла холодный высотный ветер. Я выключил сварочный аппарат и с трудом сдержал желание обернуться.

Стальные балки скрипели под собственным весом. Где-то лениво зашипел пнев-

матический клапан.

Я почувствовал какое-то движение и чуть не обернулся.

Но тут же мимолетное ощущение угасло, статические разряды застрекотали вновь, и я услышал голос ведущего телеигры и звонок, возвещавший о победе. На экране воздушные шарики посыпались на приплясывающую от счастья женщину. Ведущий улыбнулся в камеру, и его пиджак замельтешил павлиньим хвостом на экране.

Через полчаса я уже сидел внутри резинового пузыря. В последнее время инженеры забирались в них гораздо проворнее. Пршлым вечером я даже увидел стычку между двумя работниками, которые одновременно устремились к одному и тому же убежищу.

Я съезжился в уголке и принялся грызть рисовые крекеры. Очки соблазнительно лежали поверх моего рюкзака, и, жуя, я время от времени бросал на них взгляды.

Внезапно стенки резиновой утробы заколыхались, возвещая приближение импульса, и ушам стало больно от оглушительного рева. Молнии как бичи хлестали по оранжево-красным стенкам убежища; на этот раз они почему-то казались более опасными, чем обычно, более хищными.

Как только начался электрический шторм, я перестал жевать. Когда начинается такое, инстинктивно замираешь, посвящая всецело свое внимание происходящему.

И все же я заставил себя схватить очки, хотя в голове у меня в этот момент не вертелось ни единой осознанной мысли. Неловко я натянул их, зная, что электрический вал с мгновения на мгновение схлынет, и я упущу свой шанс снова увидеть... что именно?

Я поправил ремешок и замер в нерешительности в нескольких дюймах от стенки убежища. С той ночи я не видел ничего необычного. Никто из работников больше не пропадал, но нас здесь были сотни, и мы знали в лицо далеко не всех. Если мы не увидим мертвого тела, то мы даже и не заподозрим, что кто-то исчез. Откуда я, собственно говоря, знаю: может, среди нас уже не достает многих?

Я прижал лицо к резине и щелкнул рычажком, расположенным на дужке очков. Прибор включился с легким жужжанием. Линзы показывали мне наружный мир, слегка изменяя в нем все цвета и формы, так что у меня с первой же секунды начинало мутиться в голове от необычно гипертрофированного восприятия, причем с прошествием времени дурнота только усиливалась.

Я видел ярко-красные раны шаровых молний, парящие между опорами, словно бродячие светила, вырывая снопы искр из кабельных подвесок. Небо было подсвечено кроваво-лиловым, цвета мертвецкой крови заревом, словно задник китайского театра, на фоне которого плясали гигантские марионетки — переплетение стальных ферм, балок и тросов, лес мертвых металлоконструкций. И тут тень, паукообразная тень тридцати футов в диаметре, высвеченная на какую-то миллисекунду стробоскопическим светом молний, метнулась по высокочастотной шине, легко, словно паря в воздухе, перепрыгнула с одной опоры на другую, задержалась на мгновение, словно оглянувшись, — и тут же исчезла.

Снова дышать я начал только минутой позднее, когда импульс давно уже миновал.

Мы нашли еще два мертвых тела, и с этого все и началось.

Мы, которые, как предполагалось, не ведаем страха, обитая на высоте многих сотен футов над бетоном городов среди миллионов вольт электрической энергии, — мы испугались.

Я обнаружил, что мои коллеги начали собираться в маленькие группки, чтобы работать поближе друг к другу. Стоило кому-нибудь куда-то отлучиться, как все сразу же начинали беспокоиться, хотя раньше они просто решили бы, что исчез-

нувший перешел работать на новый участок. Начали анализировать и вспоминать прошлое, всех тех, кто пропал (как думали раньше — просто вернулся обратно в Низковольтье) или погиб (как думали раньше — неосторожно оставшись снаружи во время импульса).

«Как давно оно среди нас? — вопрошали они. — Что ему от нас нужно?»

Я по-прежнему никому не рассказывал о том, что видел, о том, что знал. Я держался особняком от коллег под предлогом большой загруженности, особенно когда они собирались, чтобы побеседовать на эти темы, нарочно затягивая свою работу подольше.

В отличие от меня они даже не знали, как оно выглядит.

Они думали, что все дело в увеличившемся напряжении импульса или в каком-то злобном электронном вирусе-божестве, вырвавшемся на свободу, чтобы свести нас с ума. Они не подозревали о существовании огромной многоногой твари, которая сверкала и искрилась, стремительно и грациозно передвигаясь в рассеянном проводами небе, словно гигантский спрут, вынырнувший из темных глубин океана.

Я видел ее теперь повсюду.

Отчасти дело было в воображении, отчасти в поврежденной сетчатке, но существо видится мне в любом сплетении проводов и металла, на которое падает мой взгляд. Оно оборачивается то боковиной телеметрической вышки (три толстых черных кабеля — вместо конечностей, стоящая под углом балка — вместо тела), то бухтами кабеля забытой рабочими на площадке опоры. Оно — это та невнятная тень, что всегда таится в уголке твоего глаза.

Существо преследовало меня.

Как-то ночью мне приснилось, что я падаю, и я проснулся в холодном поту, не вполне понимая, что это — следствие испуга или восторга. Я падал, металлические поверхности проносились мимо меня со скоростью триста миль в час, а я летел в струях дождя словно бабочка, постепенно сужая круги, направляясь в Низковольтье — туда, где мчится поток машин, горят огни круглосуточных заправок и мерцающая неоновая эмблема первого исландского Макдоналдса.

Отстегивая страховочную цепь от распорки, к которой я пристегнулся часом раньше, я замечаю, как осторожно стали передвигаться мои коллеги, как они постоянно оглядываются, а время от времени даже пристально смотрят на меня — как будто догадываются.

Вероятно, они все-таки заметили, что все это время я не принимал участия в бурных обсуждениях странных происшествий. Может, они и впрямь подозревают, что я что-то знаю? Или хуже того — они полагают, что я каким-то образом связан со всеми этими странными смертями и исчезновениями?

Четыре работника уже вернулись в Низковольтье — событие неслыханное, если учесть, что срок их контракта еще не истек. Они попросту спустились вниз, перебираясь с опоры на опору, пока не превратились в такие же черные точки, как и все люди там, внизу.

Две ночи тому назад я заметил, как небольшая группа инженеров медленно приближается к моему рабочему месту. Я неспешно (чтобы они не подумали, будто я избегаю их общества) взобрался на самую верхушку башни, на которой я работал, затем заполз на какой-то пучок кабелей, прогнувшийся под моим весом, и сделал вид, что продолжаю работать. Какое-то время они наблюдали за мной с приличного расстояния, а затем убрались восвояси.

Не знаю уж, что они стали бы делать, если бы подошли ко мне ближе, но я внезапно начал сильно беспокоиться по поводу моей безопасности и безопасности моего рюкзака. Я боялся, что они найдут внутри рюкзака очки и сочтут их доказательствами моей вины; я даже намеревался выбросить их, но не решился.

Меня зачаровало зрелище пылающих небес, я был одержим отслеживавшим нас странным существом. Несмотря на риск, я все-таки не выбросил очки. Но иногда

я нуждался во сне. Со времени моего последнего отдыха уже прошло две недели, и я не мог больше ждать. Я забрался так далеко от остальных, как только смог, и решил заснуть на час (этого мне бы хватило еще на неделю бодрствования). Спать дольше было опасно — за это время меня могли выследить.

И тем не менее это случилось — случилось, когда я бодрствовал, в тот момент, когда я заменял магнит, установленный в одном из телеэкранов, которые они каким-то образом умудрились установить по соседству от меня. Они обступили меня кольцом, отчего мне сразу вспомнилась паутина — конструкция, состоящая, как известно, из сужающихся концентрических окружностей. А вспомнив о паутине, я тут же вспомнил и о существе.

Я попытался ускользнуть, но на этот раз они следовали за мной неотступно, постоянно сокращая дистанцию. Воздух той ночью был необычно теплым, он окутывал меня, мои руки в перчатках стали мокрыми и липкими. Тут я заметил, что еще одна группа спускается сверху, — и застыл на месте.

Было ясно, что они все продумали заранее. Я посмотрел вниз, через стальные переплетения, из которых состоял наш мир, на крохотный серо-черный город вдали, напоминавший унылую картину, нарисованную большим маниакально-депрессивным синдромом. Начал накрапывать легкий дождичек — россыпь серебряных капель-пуль, с каждой из которых можно было при желании проделать весь путь вниз, до самого бетона крыш.

Воспоминания о страхе перед падением в Низковольтье переполнили мой мозг, вздрогнувший за опухшими, покрасневшими глазными яблоками. Я моргнул, чтобы стряхнуть с ресниц слезу (глаза все время были у меня влажными — очевидно, в результате воздействия очков).

Тем временем их становилось все больше и больше. Они медленно приближались ко мне.

Сбросят ли они меня вниз, если решат, что я повинен в гибели их товарищей? Разумеется.

Я прислонился спиной к широкой трубе, чтобы не поскользнуться на влажной поверхности металла.

Я должен рассказать им, я должен рассказать им все, что я знаю.

Они резко остановились, когда от ближайшего из них меня отделяло уже не больше тридцати футов. Я почувствовал, что над головой у меня висит уже целый рой этих насекомообразных людей. Некоторые из них почему-то втягивали ноздрями воздух. Внезапно яркий сполох рассек воздух слева от меня, и я понял, почему они это делали.

От волнения я и не заметил, что приближается время очередного импульса.

На какое-то мгновение мои противники застыли в нерешительности, раздираемые между желанием наброситься на меня и инстинктом самосохранения, призывающим их укрыться в убежищах. Когда шел дождь, это приобретало особенное значение, потому что электропроводность влажного воздуха была намного выше, и импульс достигал нашего участка гораздо раньше.

Затем один за другим они попятились назад.

Но я знал, что в следующий раз мне вряд ли так подфартит.

Даже внутри убежища я чувствовал, что на этот раз импульс будет сильнее обычного. Теплый воздух, дождь — все это повышало проводимость.

Я уже больше не задавался вопросом, надевать мне очки или нет, — они были у меня на лице с того самого момента, как я закрыл за собой резиновый клапан, и мои глаза тут же радостно окунулись в привычное им изображение в инвертированном спектре. Сердце мое все еще часто билось после недавнего столкновения; я опасался, что после окончания электрической бури они повторят свою попытку.

Похоже, они убедили сами себя в том, что я опасен для них, и все же, несмотря ни на что, я не мог даже на миг допустить мысли, что выдам им мою тай-

ну. Я созерцал каждую ночь Многоцветие Рая — я не мог позволить им лишить меня этой возможности.

Электронное сирокко зашуршало по стенкам моего пузыря, молнии рассекали воздух, словно лезвия гильотин под звуки мощного техногенного гула, который становился все громче и громче с каждым миготом, словно отсчитывая время, оставшееся до светопреставления. Несмотря на то, что пузырь все время раскачивался, я неотступно вглядывался в ярящееся небо, смотрел, как голубые волны энергии прокатываются вдоль кабелей и труб, лаская и дразня их.

А затем черная тень коаксиального существа возникла на горизонте в нескольких милях от меня; мерцающий хищник стремительно мчался, словно гигантский ополоумевший краб, и я понял, что он мчится прямо на меня! У меня перехватило дыхание, я потерял его из виду и теперь отчаянно пытался отыскать его вновь среди теней и металлических хребтин телеметрических вышек.

Вот оно мелькнуло опять, ближе и правее, зависло над соседним убежищем.

Я увидел очертания его обитателя, беспокойно ворочающегося внутри.

Внезапно какая-то сила разорвала резиновый пузырь, который тут же судорожно заколыхался под воздействием ворвавшейся внутрь чудовищной энергии.

Затем тень существа скользнула туда, где сплетение кабелей было гуще, и исчезла из моего поля зрения. Я метнулся к другой стенке моего приюта, очки чуть было не свалились у меня с головы, и мне пришлось придерживать их в том месте, где порвалась стягивающая их изолянта.

Вспышка.

Мрак.

Вспышка.

Я пытался расшифровать то, что видел, но все сливалось в моих глазах в какое-то механическое спагетти, усеянное огненно-красными пустулами.

Вспышка.

Я засек его, я его увидел.

Совсем близко. И вновь далеко и намного выше, легко порхающее в воздухе с одного массива металлоконструкций на другой.

Вспышка.

Я следил за этим существом на протяжении нескольких недель, пытаюсь разгадать, в чье лицо мне удалось заглянуть — бога или безумия. Оно хватало нас одного за другим и низвергало нас обратно, вниз, в Низковольтье, потому что на небесах мы были чужаками, мы были захватчиками.

Я следил за ним...

А оно — оно сейчас следило за мной.

Вспышка.

Оно зависло над моим убежищем.

Черное паукообразное тело. Тонкие, как у креветки, конечности обвили мой пузырь, толстое, мясистое туловище легло прямо на вершину резиновой сферы.

Время остановилось для нас на какой-то миг.

В полумраке я видел, как шевелится его голова; существо склонило голову на сторону, не переставая все крепче и крепче обвивать эластичными, словно щупальца, конечностями резиновый шар.

Я слышал его дыхание, ровное и басовитое. Импульс приближался к завершению.

Я заглянул существу прямо в глаза.

Вскоре мои товарищи начнут вылезать из своих убежищ.

Мои глаза саднило от увиденного. Я ждал, что скоро стану добычей существа, потому что оно продолжало сдавливать мое убежище все сильнее и сильнее.

Затем вспышка прорезала воздух и раздался какой-то визг. Это был звук лопающейся резины — убежище лопнуло, и горячий влажный воздух ворвался внутрь, отбросив меня к дальней стенке. Я увидел восемь суставчатых конечностей, мелькнувших в воздухе, и сжался, ожидая испепеляющего электрического удара,

но все вокруг было спокойно. Воздух пах гарью. Прохождение импульса завершилось в положенное время.

Я лежал, прислонившись к ржавой трубе; с обеих сторон от меня разверзлась пропасть глубиной в восемьсот футов. Капли дождя и пота струились по моему лицу.

Я заглянул в глаза коаксиальному существу и понял, что никогда еще не был так близко к смерти, как сейчас. Существо шевелило жвалами, по обе стороны его морды торчали в стороны какие-то отростки, похожие не то на кости, не то на пневматические цилиндры. Кожа, обтягивавшая череп, потрескивала от бегающих по ней искр.

А затем оно бросилось на меня, широко разинув пасть, и мне ничего не оставалось, как только откинуться назад, слетев с трубы, и упасть в холодный, пустой, пронизанный статическими полями воздух.

Я помню лица некоторых моих товарищей, мимо которых я пролетал, задевая в падении растяжки, сворачивая на лету нерабочие разрядники, а коаксиальное существо гналось за мной, пока его конечности не застряли в решетчатой платформе, мимо которой я благополучно пролетел.

А еще я помню, как приятно чистый воздух охлаждал мне кожу.

Теперь я снова живу в Низковольтье, но легче мне не стало.

Я чувствовал себя чужим в этом месте перед тем, как отправился в Высоковольтье, и за время моего отсутствия более родным оно мне не стало. Я все никак не могу привыкнуть к земле под ногами.

Я по-прежнему ношу страховочный пояс. Цепь бесполезно болтается у меня между ног, когда я иду по улице. На заброшенном складе, который я приспособил себе под жилье, я пристегиваюсь к потолку на время сна и болтаюсь в десяти футах над полом.

Я хожу в толпе среди обывателей, постоянно болтающих с кем-то по мобильным телефонам, тащащихся куда-то с ноутбуками в руках, и мне кажется, что я проплываю сквозь этих людей, не задевая их. Я здесь чужой.

Когда бы я ни посмотрел на небо, оно мерцает, и я знаю — это потому, что там, в вышине, существует целый мир из металла, который некогда был моим домом. А время от времени я замечаю проносящуюся по небосводу тень — огромную, насекомообразную, — но не вижу того, кто ее отбрасывает, и понимаю, что здесь, на земле, я нахожусь в гораздо большей безопасности.

Я мечтаю о возвращении в Высоковольтье — но это только мечты.

Оно отвергло меня, как прежде отвергло меня Низковольтье, так что я обречен жить между двумя мирами.

Я наполнил склад телевизорами, чтобы они создавали привычный мне постоянный треск статических разрядов. Я сплю в подвешенном состоянии по часу раз в две недели. Большую часть времени я брожу по городу, собирая различный электронный лом и изготавливая из него кое-как работающие устройства или индустриальные скульптуры.

Как-то ночью я начал взбираться на опору ЛЭП, ведущую к коаксиальной сети, но, взобравшись всего лишь на сотню футов, оглянулся и остановился.

Я по-прежнему ношу сварочные очки.

И лик божества навсегда врезался в сетчатку моих глаз.

Нетадеталь

- > я художник
- > и в то же время механик
- > я рабочий
- > и в то же время раб

- > я мертв
- > и в то же время жив
- > я нетадеталь

Давным-давно я догадался, что повторяющийся орнамент, нанесенный на бесконечную металлическую ленту конвейера, скользящую у меня перед глазами, придуман для того, чтобы гипнотизировать. Когда конвейер движется, к его неприятному скрежету привыкаешь, и он перестает казаться таким уж неприятным — как грубые слова, сказанные шепотом, вовсе не кажутся грубыми.

Орнамент не действует, если смотришь прямо на него. Он колеблется перед твоим взором, заполняя визуальный хаос, возникающий в промежутках между загрузками, когда внезапно на какое-то время детали перестают поступать на линию. Но когда конвейер несет на себе свои влажные, мясистые дары, орнамент оживает. С мрачной настойчивостью, словно кровавый фонтан, брызжащий из перерубленной топором шеи, его пульсация окутывает тебя легким, как пух, мороком, и ты впадаешь в транс. Еще на один день.

Мы даже не замечаем, когда это случается с нами. Я пребывал бы в неведении, как и все остальные, если бы несколько месяцев назад у меня не случилась закупка сосуда.

- > бессмысленные проволочные сплетения, колючая проволока, протянутая
- > через мои артерии, затем кровотечение
- > отрывистые судороги, отторжение собственных биожидкостей
- > я упал замертво на фабричный пол
- > и пролежал там несколько часов
- > пока меня не обнаружил надзиратель, на планшете
- > прикрепленной к его груди — жирный крест
- > там, где на схеме — мое рабочее место

Я смутно помню свое возвращение к жизни, а также те монтажные столы и приборы, которые мои собратья использовали для того, чтобы спасти меня. Металлические спицы в моих ногах и набор гидравлических клапанов, прикрепленных к моим вискам для того, чтобы спускать пар, когда давление становилось слишком большим.

Мелкие модификации.

Время от времени им подвергается каждый из нас, но только теперь я начал задаваться вопросом, какая из них изменила меня сильнее — ржавая стальная маска, приваренная к моему лицу, или же то, что я успел увидеть за секунду до падения на пузырчатый бетонный пол — послание, зашифрованное в кажущемся случайным узором, выгравированном на металлической ленте.

Обычно изучение узора прерывает прибытие очередной заготовки: красного, влажного кома, из которого торчат несколько трубчатых выступов.

И тогда я, точно так же, как проделывал это уже тысячу восемьсот семьдесят шесть раз до этого, лезу в карман моего пластикового фартука, достаю оттуда маленькую полую трубку и приподнимаю на лежащей передо мной заготовке слой плоти, словно это какая-то странная луковица. Затем я засовываю трубку в образовавшуюся щель и отпускаю слой, который упруго возвращается на место.

Я не знаю, что случается с заготовкой на следующем этапе, не знаю и того, каким операциям она подвергается на предыдущих стадиях. С каждой стороны от меня возвышается металлическая переборка, так что мне не видно ничего, кроме глухой кирпичной стены по другую сторону конвейера и ржавого лестничного пролета у меня за спиной. Но я могу слышать других рабочих. Хотя их заглушают шипение пневматики и пронзительный скрип огромных смазанных маслом шестерней, приводящих в действие непостижимые для нас устройства, я все равно слышу их.

Они кричат.

Я смотрю на плывущую по конвейеру заготовку только что подвергнувшуюся модификации/ апгрейду/ обезличиванию. Она слегка задерживается перед тем, как нырнуть в отверстие с зазубренными краями, и я вижу, как она на мгновение вздрагивает.

Затем ее ухватывает какая-то ржавая клешня, высунувшаяся со стороны соседнего рабочего места, зазубренные пальцы плотно сжимают ее, так что на ленту из заготовки выдавливается какая-то жижа, а затем она исчезает вместе со своей добычей.

И вот снова ничто не отвлекает меня от рассматривания узора на ленте, и я равнодушно вглядываюсь в него.

Я слегка наклоняюсь вперед, чувствую какое-то дребезжание за глазами яблоками и как вскипает во мне кровь.

Я чувствую, как крохотные гидравлические насосы, пристроившиеся на моих висках, приходят в движение, неохотно, со скрипом, сдвигаются с места. Узор скользит у меня перед глазами, и я, как никогда прежде, уверен, что он распадается на отдельные символы.

Я прикасаюсь к ленте, провожу моими утомленными, покрытыми шрамами пальцами по его причудливым изгибам и гипнотическим завиткам и начинаю понимать их значение.

Пар внезапно вырывается из лотка слева от меня, и это застигает меня врасплох, хотя подача заготовок происходит с той же ритмической регулярностью, как и работа всех окружающих меня механизмов.

Я отдергиваю пальцы от ленты и протягиваю руку за следующей заготовкой, в то время как моя вторая рука уже извлекает очередную трубочку из покрытого пятнами и надорванного кармана на моем фартуке. Но из облака пара ничего не появляется.

Я пытаюсь нащупать заготовку, заранее предвкушая ее влажную теплоту, но когда облако пара развеивается, лента пуста.

Часы соскочили с ритма, на шестерне пробуксовал зубец.

Я снова протягиваю руку туда, где должна появиться заготовка, где она всегда появлялась раньше и всегда будет появляться, потому что я не умею делать ничего другого. Я умею делать только это.

Но опять не нахожу ничего, кроме пустоты.

Я утираю пот со лба и поворачиваюсь к металлической лестнице, которая ведет в мою комнату отдыха.

Детали машины, которые видны сквозь металлическое кружево стен, продолжают вращаться как ни в чем не бывало. То, что их движения всегда повторяются, внушает в меня уверенность, и я спрашиваю у них, моих повелителей, моих работодателей, что мне делать теперь.

Но они безмолвствуют.

Я поворачиваюсь обратно к конвейеру и обнаруживаю, что узор на нем уже не так хаотичен, как прежде.

Я снова тянусь к месту, где должна быть заготовка, но мои пальцы хватают горячий, липкий воздух.

В моей голове опять стучит все сильнее и сильнее. Клапаны сердито скребут мой череп.

Затем струя пара вновь вырывается из лотка точно в положенное время, и глухой удар возвещает о прибытии новой заготовки.

Не размышляя (потому что именно этому мы научены) я беру заготовку, извлекаю трубку из кармана, приподнимаю слой и помещаю туда трубку.

Затем на мгновение я замираю, изучая заготовку, но она ничем не отличается от тех, что я видел до нее, от тех, что я увижу после нее. И все же она совершенно другая.

Мгновение спустя я уже кладу заготовку обратно на ленту и наблюдаю, как механическая клешня появляется в проеме и хватает ее.

Ритм конвейера восстановлен.

Но даже сейчас я не могу забыть то, что заполняло пустоту на месте отсутствовавшей заготовки. Страх. Паника. Беспорядок. Надзиратели, мечущиеся как сумасшедшие, пытаюсь умиротворить машину, восстановить ее сердечный ритм.

Но только какое-то время спустя я понял, что именно это и было написано на металле конвейерной ленты.

Мой сон, такой же ритмичный, как волнообразный гул фабрики, из которого состоял весь мой мир, был прерван посторонним звуком — посторонним, потому что источником его была не машина, не сталь и не страдание.

Я открыл глаза, не пошевелив головой, и стал смотреть на детали машины, которые вращались и двигались на стенах фабрики, обеспечивая равномерность процесса производства. За скрежетом шестеренок я различил звук — тот самый звук, что разбудил меня. Мягкий, влажный — звук органического происхождения.

Я непроизвольно поджал губы и подумал о течи из лопнувших труб пневмосистемы. Я подумал об изложнице, с которой на бетонный пол, словно ядовитое молоко из материнской груди, капает зеленоватый конденсат. Я перебрал все простейшие объяснения существованию этого звука, не желая признавать очевидное — этот звук был для меня совершенно новым и незнакомым.

Звук повторился, громкий и влажный, и я понял, что он раздается из-под моей собственной кровати.

Схватившись за ржавый шест, который предохранял меня ночью от падения, я перегнулся через край и взгляделся в полоску темноты шириной в полфута. Там что-то поблескивало.

И снова я бросил взгляд на детали машины, пытаюсь добиться от них ответа или объяснения.

Зубчатые шестерни вращались. Клапаны спускали пар. Вентили извергали газ и молочно-белые струи пара.

Они не могли дать мне ответа.

Неуверенно вздохнув, я запустил руку под кровать и извлек оттуда что-то маленькое, теплое и влажное. Ухватив покрепче, я поднял это что-то поближе к тусклым лучам света, которые сочились сквозь решетку заменявшую мне потолок. Это была заготовка, идентичная тем, что прибывали ко мне по конвейеру. Такая же, как все те, что я получал до того, такая же, как все те, что я буду получать вечно.

Такая же — и в то же время совсем другая.

Внутри этой выпуклой красной массы ощущалось какое-то отличие, которое, как и рисунок на ленте конвейера, намекало мне на существование иных возможностей, хотя я не смог бы объяснить, в чем именно они заключались.

На альтернативу.

Я посмотрел вверх, на решетки, заменявшие потолок, сквозь которые я часто мог наблюдать толстые, как колонны, ноги надзирателей, важно расхаживавших с планшетами на груди, но теперь там было темно и пусто. Это, впрочем, меня даже несколько успокоило.

Из заготовки высывалась трубка — такая же, как те, что я прикреплял на своем рабочем месте, — но с крышечкой на конце и двумя крошечными поперечными перекладинами с каждой стороны. Я никогда прежде не видел ничего подобного.

Стоило мне закрыть глаза (может, я еще не вполне проснулся, а может быть, давали себя знать последствия закупорки сосуда), как я видел ползущую вдаль ленту конвейера, покрытую узором. Это была инфекция, и она стремительно распространялась.

Я повернул стоявшую передо мной заготовку, в то время как призрачный узор продолжал разворачиваться перед моим взором, и тут что-то произошло. Я изменил ход процесса, и хотя это (как и все, что происходило вокруг меня) было задумано не мной самим, я испытал некоторое удовлетворение, что обнаружил тайную связь между отдельными частями машины.

Я отполз по холодному полу в угол комнаты, где, как и везде на нашей фабрике, валялись куски металлического лома и детали различных механизмов, которые другие механизмы роняли в самых разных местах, словно ящерицы, отбрасывающие хвост, или живые существа, отторгающие больные ткани. Рабочие периодически сметали этот мусор в углы, откуда другие рабочие, которые занимались не самим производством, а обеспечением производства всем необходимым, время от времени скидывали их в гигантские мусорные баки. Но до ближайшего их визита в мою камеру еще оставалось три смены, а куча обломков в углу была уже довольно большой.

Кроме того, в последнее время беспорядок на фабрике был гораздо заметнее, чем обычно.

Я порылся в куче и извлек оттуда фрагмент маленькой шестеренки — полукруг, усеянный рядом маленьких острых зубчиков. Я удивился новизне своих переживаний.

В моей голове происходили вещи, которые явно не должны были происходить там, и я чувствовал, что не в моих силах остановить их. Очевидно, таково желание машин, решил я, потому что никаким другим способом мне не удавалось объяснить теплую волну, разлившуюся по моему затылку и задней части шеи.

Образы возникали у меня перед глазами. Основой для них служил рисунок на ленте, по-прежнему струившийся у меня перед глазами; мои руки немедленно воплощали эти образы в реальность, стыкуя металл с металлом, вставляя стержни в отверстия, совершенствуя заготовку, которая исчезла с ленты транспортера у меня на глазах за смену до этого, чтобы обнаружиться под моей кроватью среди мотков проволоки, оплавленных медных шариков и мятых полос алюминия.

В ушах у меня приглушенно звучал шум моего рабочего места на конвейере — шипение, скрежет, вибрация, стук капель, визг искр, — мои руки, подчиняясь этим звукам, включали их в процесс. В моей памяти всплывала кирпичная стена за конвейером, ненадежные ступеньки, ведущие вверх, тревожная тень решетки, заменявшей потолок, струи сжатого пара, вырывающиеся наружу, и сполохи красного пламени, скрытого ими. И эти инструкции тоже воспринимались моими руками и воплощались в металл.

Я дышал тяжело и часто. Я чувствовал себя абсолютно отделенным от своего тела, а клапаны, вделанные в мой череп, срабатывали через нерегулярные промежутки времени, снижая давление.

И вот в руках у меня оказалось что-то совершенно новое, что-то размером с небольшую человеческую голову, ошетилившееся выведенными наружу проводами, изогнутыми болтами и сломанным литьем. Кровь струилась из многочисленных порезов на моих пальцах. Пот лился рекой со лба.

Предмет, который я держал в руках, был практически шарообразным.

Детали, составлявшие его, образовывали нечто похожее на лицо, которое, казалось, ухмылялось мне.

Я вращал мое изделие в руках, потрясенный тем, что оно совершенно не походило на обычную продукцию нашей сборочной линии. Однако хорошо знакомая мне трубка, торчащая из-под слоя обугленной марли, была по-прежнему заметна, и ее измененная оконечность еще отчетливее бросалась в глаза.

С крышечкой на конце и двумя крошечными поперечными перекладинами с каждой стороны.

Я провел рукой по стене передо мной и через ярд или два наткнулся на маленькую щель, расположенную чуть-чуть выше уровня глаз. Я приблизил к ней

глаза и тщательно изучил ее. Затем поднял всю конструкцию и приложил ее к стене. Трубка идеально вошла в отверстие неправильной формы. Что-то щелкнуло, когда я повернул изделие, и перекладки совместились с соответствующими узлами, скрытыми внутри переполненной механикой стены.

Я оставил висеть изделие на стене и опустился на занемевшие от долгого стояния на цыпочках ноги.

Вокруг нас механизмы продолжали трудиться, как ни в чем не бывало.

Мое изделие, несмотря на всю свою нелепость, смотрелось так, словно ему всегда полагалось быть там. Некоторое время спустя оно начало вращаться — сначала неуверенно и рывками, но затем вращение его стало быстрым и ровным.

Оно вкручивалось в стену в такт с движениями всех остальных машин.

Озноб пробежал у меня по спине от того, чему я стал свидетелем, но тут я услышал отдаленный звук шагов, ступающих по решетке у меня над головой, поспешил обратно к своей кровати, лег и прикрылся ворохом грязных и рваных простыней. Я продолжал следить за тем, как новорожденный механизм интегрируется со стеной. Тем временем шаги приближались, и я почувствовал, что надзиратель уже совсем близко.

Устройство покачнулось, дернулось и растаяло внутри стены.

Оно исчезло в тот самый момент, когда тень надзирателя скользнула по моему лицу.

Я закрыл глаза и лежал так до тех пор, пока шаги надзирателя не затихли совсем, и еще некоторое время после этого, вслушиваясь в то, как мое творение прокладывает себе путь внутри сплетения механизмов, пока не уснул.

- > время в этом месте измеряется в сменах
- > потому что ими отмеряются наши жизни
- > блоки существования, расставленные так, чтобы сборочный конвейер
- > не останавливался ни на миг

Когда наступила моя следующая смена, мои глаза резко открылись, я встал и спустился по шатким ступенькам, ведущим к моему рабочему месту. И в тот же миг я понял, что что-то не в порядке. Металл вокруг меня был холоден и неподвижен, не встречал меня, как обычно, приветливым теплом, а его сочленения не скрипели под давлением сжатого воздуха в пневмосистеме. Лента конвейера двигалась как обычно, но она никогда и не останавливалась — независимо от того, находился ли я на своем рабочем месте или нет, потому что оно никогда не пустовало.

Я стоял в недоумении, не зная, что мне делать дальше.

И тут с ужасающим скрипом одна из секций решетки-потолка начала опускаться. Из-за ее ржавых прутьев появился надзиратель. Его необычайно длинные ноги дотянулись до самого пола, так что ему даже не пришлось спрыгивать. Удлинители берцовых костей убирались в то время, когда в них не было необходимости, в специальные гнезда, расположенные внутри его бедер. Коснувшись пола, надзиратель выпустил под углом два сверкающих цилиндра из нижней части спины. Полы длинной шинели обвивались вокруг его тела, словно крылья жужелицы, планшетка была прикреплена к груди несколькими неаккуратными швами, края которых загноились.

Его ротовое устройство шевелилось, и он показывал мне какой-то текст, прикрепленный к планшете.

Документ был напечатан очень мелким шрифтом, и я не смог его прочитать, но мне хватило крупного, жирного заголовка, чтобы все понять.

ПРИКАЗ О ПЕРЕВОДЕ

Надзиратель протянул руку ко мне, когтистые пальцы вцепились в мою робу, и он закинул меня к себе на широкий, с высоким хребтом загривок, чтобы поднять меня к отверстию в потолке, потому что другого пути наружу отсюда не было. Поднимаясь к потолку, я успел заметить, как другой рабочий в фартуке с кармашком, уже заполненным трубками, занимает мое место.

На вид он ничем не отличался от меня.

Меня провели по лазу, пролежавшему в перекрытиях между этажами, по которому обычно перемещались надзиратели. Я проходил над клетушками рабочих, и каждый поднимал вверх глаза, вглядываясь через прутья решетки и снова принимался за выполнение поставленной ему задачи, и я начал различать в их действиях последовательность, зашифрованную в символах, нанесенных на конвейерную ленту, понимать процесс, ради которого мы существовали.

Я заметил, что все то, что я видел, и все то, что я слышал, выстраивалось в последовательность, которая, как мне было известно, не предусматривалась программой. Я почувствовал, что начинаю сходиться с ума.

Прошло три смены на новом месте, а я так и не пытался выяснить, с чем связан мой перевод, потому что все равно знать это мне было не положено. Однако, стоя перед лентой, я теперь постоянно чувствовал, как у меня странно сосет под ложечкой. Переборка, отделявшая меня от остальных отсеков машины, была намного прочнее, чем на прежнем рабочем месте. Она была гладкой и сплошной, а стена по другую сторону ленты была сделана из того же самого материала, так что я был изолирован со всех сторон. И хотя звуки, издаваемые механикой и пневмосистемой, по-прежнему доносились из-за нее, они звучали приглушенно и невнятно, сплошным гулом, и это по какой-то непонятной причине очень огорчало меня. Судя по всему, такая конструкция больше подходила для выполняемой мной теперь задачи, поскольку никакой другой причины для подобных различий не приходило мне в голову.

В конечном итоге все служило исключительно целям производства.

Слева от меня отверстие в переборке закрывали три прикрепленных к переборке пластиковых щитка. Когда заготовка поступала на мой участок, они приподнимались, пропуская ее ко мне. Заготовки теперь были больше и чище, чем те алые обрубки, с которыми я работал раньше, у них было больше углов и изгибов, причем среди них не попадалось ни деформированных, ни уродливых экземпляров. Я не мог сказать, работаю ли я теперь на более позднем этапе производства, ближе к готовому изделию, или же, наоборот, в самом начале, когда демонтаж исходного сырья еще не зашел достаточно далеко.

Моя задача сводилась к отбору тех заготовок, которые вели себя пассивно.

Я должен был смотреть, как они проплывают мимо меня по транспортеру, и отбраковывать те, которые пытаются перевернуться на бок.

Этого, впрочем, никогда не случалось, потому что вес и форма заготовок были такими, что лежать на ленте они могли только в одной жестко определенной позиции, поэтому я просто хватался руками за отделявшую меня от ленты металлическую трубу и то сжимал, то разжимал пальцы — просто так, чтобы хоть чем-то занять себя. Пальцы у меня странно зудели от желания что-нибудь хватать, поворачивать и сминать. Сначала я подозревал, что это просто остатки предыдущей программы, но потом начал подозревать, что дело обстоит гораздо сложнее. Желание это, впрочем, в новой обстановке быстро начало слабеть, и я проводил время, в основном размышляя об устройстве, родившемся на свет в моих руках, гадая о том, что с ним могло случиться — было ли оно поглощено большой машиной, превратившись в одну из ее частей, или продолжало эволюционировать самостоятельно, постепенно усложняясь.

Я как и прежде изучал узор на ленте конвейера смена за сменой, но узор этот, казалось, тоже изменился, стал менее заметным и не таким сложным. Те-

перь он выглядел более спокойным, не таким агрессивным, а временами вообще казалось, что он не несет в себе никакой информации. Я терялся в догадках о том, что случилось. Может, со мною больше не хотят общаться? Может тех, кто посылал мне эти сообщения, заставили замолчать? Или же я только вообразил, что в символах на ленте содержатся какие-то сообщения, а сейчас, наконец, увидел все, как есть на самом деле?

Смены проходили одна за другой, и я почти совершенно забыл о той ночи, когда я был творцом, и вот внезапно вместо заготовки с привычной формой, которую я привык видеть каждый день у себя перед глазами, мое изделие вернулось ко мне. Теперь оно стало больше, к нему добавились несколько цепных колес и увесистый, витой механизм, окружавший и защищавший его со всех сторон, а также два каких-то выступа, похожих на конечности.

Мои руки, которые, казалось, уже совсем привыкли к тому, что отныне им придется ограничиться созерцанием, схватили устройство с конвейера, прежде чем лента унесла его в отверстие с противоположной стороны моего отсека.

Я переворачивал его со стороны на сторону, постепенно влюбляясь во все его грани, все его несовершенства, в грубость работы, в его промасленную простоту. Крошечные колесики вращались внутри него, сотни оборотов совершались одновременно. Мое сердце забилося сильнее, и, впервые за долгое время, клапаны в моем черепе сработали.

Шипение пневматики в мире, практически лишенном звуков, если не считать равномерного гула фабрики, застиг меня врасплох.

Я ощупывал устройство и с каждым новым прикосновением узнавал о нем что-то новое.

- > влажное холодное масло целует мои пальцы
- > невидимые глазом насечки, такие острые, что режут без боли
- > с легким щелчком зубец входит в зубец
- > гидравлика радостно отзывается на мои прикосновения

И внезапно сообщения на ленте конвейера снова стали мне понятны, они выскальзывали из-за разделительной перегородки с новой энергией, яркие, выразительные – такие, какими я никогда их не видел раньше.

Из-за пластиковой шторки выползла одна из этих новых для меня более законченных (или менее разобранных) заготовок и, недолго размышляя, я схватил мое устройство и со всей силы обрушил его на мягкую верхнюю плоскость заготовки. Две детали состыковались с громким звуком, невероятно похожим на крик, переходящий в визг, образовав новое тождество.

Внезапная вспышка, охватившая меня, погасла, после того как я вложил все свои силы в это последнее движение, соединившее две части в единое целое.

Клапаны отчаянно шипели сбоку от моих глазных впадин, в груди остро кололо от нехватки воздуха.

Я испытывал какое-то новое, небывалое переживание.

И как только конвейерная лента унесла устройство дальше по конвейеру, до меня начало доходить все многообразие возможностей и комбинаций, вытекающее из того, что я только что сделал. Одно простое соединение можно было заменить другим, и устройство приобретало совершенно иные свойства, становилось уникальным, каким бы незначительным ни было скрывающееся за этим отличие.

Мои руки пылали от стекавших по ним ручейков крови, изнывали от желания заполучить в свое распоряжение что-нибудь, что можно было бы насиловать и перекраивать.

Но, как только все эти грезы развеялись и растаяли в моей голове, я заметил пару глядящих на меня глаз, а ниже – шевелящееся ротовое устройство. Я заглянул во мрак за решетчатым потолком (пот струился по моему лицу, грудная клет-

ка беспорядочно вздымалась) и с деланным удивлением взглянул надзирателям прямо в глаза.

Свет сверкнул на металле их планшеток, и надзиратели тут же растворились в темноте.

Я остался наедине с уже несколько поблекшим, но все еще энергичным узором на ленте и серым тихим одиночеством моей клетушки.

Следующая заготовка прибыла в положенное время, и я проследил за ней, как и было предусмотрено моими обязанностями.

В моей голове промелькнула тень воспоминания о том, чем она могла бы стать.

В конце смены я спустился по рампе, которая теперь выполняла ту же функцию, что на моем прежнем рабочем месте выполняла металлическая лестница, и обернулся с головы до ног в одеяла.

Мне снилось, как я переплываю океаны ртути, преодолеваю изгороди из колючей проволоки, спускаюсь в печи, наполненные расплавленным свинцом.

Прежде я никогда не видел снов.

Вскоре я снова стоял на рабочем месте, весь дрожа от предвкушения того момента, когда появится первая заготовка, думая не о том, что сделаю с ней, а о том, что мог бы с ней сделать. Никогда мне не было так радостно и весело, как в тот день.

Я снова ухватился за протянутую передо мной трубу, постоянно сжимая и разжимая пальцы и не отрывая от конвейера широко открытых глаз.

Но что-то было не так.

Я слегка разжал хватку и наклонился вперед, поближе к ленте.

Символы продолжали скользить передо мной, но я видел, что они больны.

Они неуклюже струились тонкой струйкой, метались из стороны в сторону, гасли, исчезали прежде, чем я успевал понять, что они означают.

Я осторожно потрогал металл пальцем, и волна холода тут же прокатилась вверх по моей руке.

Я посмотрел на пластиковые шторки, осознав, что я стою здесь уже целую минуту, а ни одна заготовка так и не появилась. Первая должна была прибыть сорок пять секунд назад. Прежде я никогда не сталкивался с такими задержками.

Надо мной раздался такой звук, как будто потолок прогибался под воздействием тяжести.

Посмотрев вверх, я увидел столько надзирателей, сколько мне никогда еще не доводилось видеть за все смены вместе взятые. Склонившись так, что их планшеты образовывали нечто вроде пирамиды, они внимательно наблюдали за мной.

Я нанес оскорбление машине.

Я догадался об этом по движению их ротовых устройств.

В этот момент звук стал более отчетливым, и я понял, что это визг стальных сверл, пробуравливающих стены и пол сразу в нескольких местах; звук стал очень громким, когда показались сами сверла — металлические стержни трех дюймов в диаметре и на глазах выраставшие в длину. С их концов хлопьями летела ржавчина, они надвигались на меня, и тут до меня дошло, что бежать некуда. Схватившись за трубу, я склонился над лентой конвейера, и тут первое из них уткнулось мне в туловище ниже лопатки.

Затем с легким стрекотанием из сверл выдвинулись вращающиеся лезвия с различной формы зубцами; коленчатые соединения удерживали их на основаниях, предоставляя при этом полную свободу движения. Одно такое лезвие впилося в мою лодыжку, и я закрипел зубами от боли. Другое впилося в мое ахиллесово сухожилие и, разбрызгивая кровь во все стороны, перепилило его.

Предательство, совершенное мной по отношению к машине, было серьезным, и я уже и сам хотел, чтобы изобилие проектов сборки, рождавшихся в моей голове, наконец, иссякло, но было уже слишком поздно. Я не мог совладать с тем, что

выпустил на свободу. Пока меня демонтировали, я следил за теми, кто следил за мной сверху, и улыбнулся, потому что я понял, что они не знают, где находится мое устройство, и даже не знают, какими свойствами оно обладает, потому что его придумал я, а не они, — а разгадать мой замысел они не могли.

Я приходил в себя медленно и частями, потому что мое тело было разделено на фрагменты различного размера лезвиями, шипами, зазубренными ребрами и прочими приспособлениями, которые были привлечены в ту ночь к исполнению важной задачи — разборки меня на составные детали.

Поэтому последующее я помню отрывочно, и память моя залита потоками крови:

- > кусок за куском бросают на ленту конвейера (она тоже когда-то была наказана за свое предательство)
- > пластиковые шторки обвивают меня, затем уступают мне дорогу
- > огромные трубы тянутся надо мной
- > сотни одинаковых рабочих
- > место, уставленное чанами, в которые меня скидывают и растворяют
- > чаны, содержимое которых выливают на ленту конвейера
- > в них остаются огромные сгустки органики, которую также отправляют на переработку
- > добавляют к ней что-то
- > мутация
- > затем комплектация — так это у них называется

Именно тогда я постиг предназначение нашей фабрики и что представляет из себя продукция, которую мы все изготавливаем, не имея о ней ни малейшего понятия.

Мы изготавливали рабочих для работы на нашей фабрике.

Пока отдельные части меня еще подвергались растворению в чанах, другие уже ползли по конвейеру, где мои товарищи по цеху распинали меня на тестовых стендах или приваривали к моему остову гидравлику. Каждый из них присоединял ко мне что-нибудь новое, один полировал меня, другой зачищал мои грани, третий смазывал мои сочленения — пока, наконец, я не прошел через огромное, пустое помещение, другая часть которого терялась во мраке, и не вышел из него нагим, возрожденным к новой жизни и полностью укомплектованным, если не считать одной важной детали.

Дрожа от холода, я посмотрел вперед и увидел там ту же самую толпу надзирателей, которая дала фабрике команду подвергнуть меня повторной переработке — их ноги-опоры сплетались между собой, так что надзиратели казались единым многоголовым организмом.

На бетонном полу передо мной лежала одинокая блестящая трубка.

Недостающая деталь моего механизма.

Я прикоснулся к левой стороне груди и запустил палец под мышцу: она легко приподнялась, обнажив красное, влажное отверстие, на дне которого лежало мое неподвижное сердце. Я засунул трубку в отверстие, надавив на нее кончиком пальца. И мгновение спустя мое сердце уже билось в одном ритме с пульсом фабрики.

Затем я взял из рук надзирателей робу, надел поверх нее фартук, кармашек которого был заполнен маленькими трубками.

Толпа расступилась, пропуская меня к дверям, за которыми находилась лестница с шаткими металлическими ступеньками, ведущая к моему рабочему месту. Я услышал шипение пара, возвещающее о прибытии первой заготовки, и извлек из кармашка трубку.

Не оглядываясь назад, я спустился по лестнице и приступил к выполнению за-

дачи, осознавая теперь, что возможность помыслить о других возможностях была дана мне только для того, чтобы я осознал все их безумие. Машина была идеальной, она была такой с самого начала, производственная линия функционировала бесперебойно и безупречно. Она производила производителей, бесконечный поток серийных богов, которые являлись одновременно и своими собственными творцами, и своими собственными разрушителями.

Такому совершенству не требовалось ничего свыше.

Вокруг меня раздавался равномерный гул фабрики, в механизме которой все детали снова были на своем месте.

Вспышка

Когда мы впервые встретились, мои кожа и одежда блестели от керосина, которым я облил себя. В руке я держал металлическую трубу, готовый в любой момент высечь ею искру из бетонного пола и вспыхнуть как факел. В заброшенном доке стояла мертвая тишина, если не считать плеска ядовитых волн, разбивавшихся о стальные опоры пирса, да скрипа пары-другой оставленных без присмотра машин, работавших в автоматическом режиме.

Она выступила из теней, которые отбрасывали на цементный пол гигантские остовы складов, похожие на высохшие хитиновые каркасы. Одета она была — это я понял, только познакомившись с ней ближе, — в своем обычном стиле. Ботинки на толстой подошве, проношенной до металлической основы, темно-серый комбинезон, который был ей велик, как минимум, на три размера (от него она использовала только брюки — верхняя половина болталась вокруг пояса, словно не до конца лопнувшая оболочка куколки). Еще белая майка на черных, спадавших с плеч бретельках с надутым по трафарету оранжевым символом радиационной опасности. Черные жирные волосы были сколоты на затылке тремя стальными шпильками, непокорные пряди свисали, обрамляя угловатое лицо. И — это главное — на этом лице застыло то самое немного насмешливое и слегка заинтересованное выражение, за которое я возненавидел ее.

Она стояла, уставившись на меня, несколько минут. Никто из нас не решался пошевелиться или заговорить первым.

Мне не терпелось чиркнуть трубой о бетон, но я знал, что не смогу это сделать в ее присутствии. Самосожжение — дело интимное.

Она же тем временем всем своим видом показывала, что никуда не торопится. Напротив, она еще дальше вышла из тени под блеклый свет, испускаемый теми немногими прожекторами, в которых еще оставались лампы. Скрестив руки на груди, она приподняла брови и снова уставилась на меня.

— Не обращай на меня внимания, — сказала она медоточивым голосом, в котором так и слышалась скрытая угроза.

Я посмотрел на трубу, потом снова на нее. Мое тело жаждало спасительного огня, по онемевшие и бесполезные руки не слушались меня.

Керосин капал с кончиков моих волос, стекал по лицу, обжигал кожу там, где она была содрана.

Она приблизилась ко мне еще на шаг.

Мои пальцы вцепились в трубу, словно давая понять, что я не отступлюсь от своего намерения.

Ее глаза сузились, и она стала всматриваться в меня еще пристальнее. Вся ее поза говорила именно то, что она озвучила несколькими секундами позже.

«Ну, давай, валяй!».

Онемение, охватившее мою руку, распространилось на грудную клетку, ноги и голову. Она собралась мне все испортить! Взглядом я умолял ее поскорее убраться восвояси.

— Ну, давай, валяй! — сказала она, слегка ухмыльнувшись при этом.

Я прижал конец трубы к полу и слегка поскреб бетон.

Она наградила меня презрительным взглядом: разве это так делают?

И тогда я почувствовал, что мне бросили вызов. Слабо или не слабо мне довести дело до конца? Конечно, не слабо! Если я не боялся топиться, прыгать без парашюта с трехсот футов, стрелять себе в висок из строительного пистолета, не говоря уже о не единожды распоротых запястьях и шее, то что тут говорить о самосожжении.

И, тем не менее, я ничего не мог с собой поделать. Разница была в том, что теперь Шива вопросительно смотрела на меня. И этот ее взгляд почему-то убивал всю мою решимость. Вы скажете, конечно, что мне просто не доставало уверенности в себе...

Она приблизилась ко мне еще на шаг. Видно было, что пока мои попытки высечь искру не произвели на нее сильного впечатления.

Именно в этот миг, если я ничего не путаю, в руках у нее появилась зажигалка, похожая на миниатюрную паяльную лампу — древний инструмент, которым в наше время уже почти никто не пользуется.

Шива снова пристально посмотрела на меня и щелкнула кнопкой. На мгновение из раструба зажигалки показался язычок пламени, который тут же погас. Затем Шива передвинула какой-то рычажок на зажигалке, после чего пламя снова вспыхнуло и горело дальше уже самостоятельно, безо всяких усилий с ее стороны.

После некоторого колебания я чиркнул трубой с большей силой. Вылетело несколько искр, однако керосин не вспыхнул.

Я испугался: а вдруг керосин впитался слишком глубоко в кожу или просто высох, и моя затея с треском провалится. Вот будет позор!

Бледно-голубое пламя ее зажигалки угрожающе мерцало в ночном воздухе.

Она приблизилась ко мне еще на шаг. Удивительное дело, но я испугался. Она собиралась сделать именно то, зачем я сюда пришел, — чего же я боялся?

Может быть, дело было не столько в страхе, сколько в чувстве собственности. Мое тело принадлежало мне, и только я имел право его уничтожить.

В тот момент я даже не задавался вопросом, почему она хотела, чтобы я это сделал, и почему это было важно, сторит или не сторит у нее на глазах какой-то незнакомец.

Еще один шаг — и она уже в футе от меня. В нескольких дюймах от края керосиновой лужи. С горящей зажигалкой в руке.

Ухмылка появилась на ее лице, когда она заметила, как слабеет хватка моих пальцев, сжимающих трубу. Что такое она затеяла?

Не успел я задуматься об этом, как она швырнула зажигалку к моим ногам. Керосин вспыхнул, и я вспыхнул вместе с ним.

Я успел увидеть через потекший струями горячий воздух, окружавший охватившее меня адское пламя, как расширились от наслаждения ее зрачки.

Чуть позднее мы сидели вместе на корточках на низкой крыше хранилища в самом центре скопления производящих яды заводов, которое было известно всем как Чумная фабрика. Вокруг нас в непроглядной ночи вздымались абсурдные конструкции, лишенные всякой архитектурной логики и предназначенные исключительно для того, чтобы перекачивать токсичные газы и растворы от одного цеха к другому. Цехи напоминали компанию торчков, передающих по кругу шприц с отравой. Повсюду — на стенах, дверях, опорах и окнах — виднелись ржавые таблички с предупреждающими надписями.

«Опасно! Ядовитые вещества! Вход только в изолирующих противогазах!». «Вход в дневное время запрещен». «Только для персонала со спецпропусками». Большая часть этих табличек так сильно потрескалась и облупилась, что прочитать их было невозможно. Некоторые вообще болтались на последнем шурупе. Другие были густо покрыты граффити.

Шива сбросила рюкзак со спины и расстегнула на нем молнию. В воздухе вокруг нас повисло напряжение. Шива торжественно извлекла из рюкзака три устройства, над которыми она трудилась последние три дня.

Я осторожно заглянул за низкую стену, окружавшую крышу, и увидел, как двор пересекают двое рабочих в костюмах химзащиты и с усиленными противогазами. Рабочие толкали перед собой тележку на шинном ходу. На тележке покоилась приземистая металлическая бочка со знаком радиационной опасности на боку.

За день до того у меня снова начал барахлить желудок, и в тот момент я чувствовал себя так, словно проглотил рыбу-иглобрюха, которая уже раздулась у меня в животе до размеров густо покрытого шипами футбольного мяча. Мне хотелось сложиться пополам и орать от боли. Я подумал, что все наши с Шивой затеи за прошедший месяц так и не помогли мне справиться с этой болью — они только позволили мне на какое-то время от нее отвлечься.

— Вот, надень это, — сказала Шива, протягивая мне заранее сделанную сбрую, состоящую из нескольких солдатских ремней, спаянных пряжками и обхватывающих мои грудь, поясницу и шею. На сбруе располагались три крепления: две маленькие стальные корзинки размером с пинтовую бутылку на бедрах, и еще одна, побольше — на спине (она была изготовлена из переделанной стойки для кислородного баллона). Шива вставила устройства, которые она достала из рюкзака, в крепления одно за другим, повернув каждое до щелчка фиксатора.

Я на все сто убежден, что Шива считала свои упражнения в подрывном деле видом искусства. Она проводила долгие часы в своей мастерской над чертежами и диаграммами, в то время как я пытался унять боль в желудке, глотая подряд все наркотики, которые ей удавалось добыть. Блюя кровью в ее потрескавшийся унитаз, я слушал в ванной комнате доносившиеся из мастерской звуки: стрекотание дрели, шипение сварочного аппарата, скрежет стигбаемого металла. Шива трудилась над внешним видом своих адских машин не меньше, чем над их внутренним устройством, изготавливая для них гладкие элегантные оболочки из размягченных под высокой температурой полимеров. И когда я стал понимать ее лучше, я увидел, что она получала наслаждение, бесконечно совершенствуя эти механизмы. Она делала это не вопреки тому, что они были обречены на уничтожение, а по этой самой причине.

Шива заставила меня повернуться, чтобы проверить в последний раз, надежно ли вошла бомба в паз бывшей стойки для кислородного баллона, а затем повернула обратно, лицом к себе. Ее глаза сияли от счастья. Она извлекла из рюкзака небольшую связку гранат, прикрепила ее к застежке на ремне, пересекавшем мою грудь, а затем откинулась назад полюбоваться своей работой.

— Великолепно! — сказала она. — Ты готов?

Я кивнул, поморщившись от очередного приступа желудочной боли.

— Болит? — спросила она, и я уловил что-то вроде озабоченности в ее голосе. Она волновалась не за меня — боялась, что болезнь может помешать нам завершить нашу вылазку.

— Терпеть можно, — ответил я.

— Ну и отлично.

Она нажала кнопку на каждом устройстве, приведя в действие часовые механизмы. Затем застегнула молнию на рюкзаке и накинула его обратно себе на плечи.

— Дай мне пару минут, чтобы убраться отсюда, — сказала она, а затем улыбнулась улыбкой то ли откормленного хищника, созерцающего только что освежеванную для него свинью, то ли ценителя искусств, созерцающего подлинник Моне. Я затрудняюсь сказать, какой из этих вариантов был для меня более оскорбительным.

Затем Шива повернулась и быстро побежала по крыше прочь от меня. С неизменным кошачьим проворством она легко перемахнула через восьмифутовую щель между зданиями. Я следил за ней, пока она не достигла того места, где заграждение

из колючей проволоки с острыми, как бритва, шипами отмечало границу заводской территории. Но Шива все предусмотрела — она защитила свои драгоценные ручки толстыми перчатками вроде тех, что носят сварщики.

Когда Шива исчезла, все вокруг снова стало тихо и неподвижно — или, может быть, мне это просто казалось, потому что я мысленно уже предвкушал какофонию, которой вскоре предстояло разразиться. Я бросил взгляд на одну из набедренных бомб, на красный жидкокристаллический дисплей, цифры на котором неумолимо приближались к нулю.

2:06

Шива всегда сама активировала часовые механизмы, она никогда не позволяла сделать это мне. Я понял, что не властен над собственными жизнью и смертью, задолго до встречи с ней. Вероятно, теперь мне просто хотелось знать, властен ли над ними кто-нибудь еще.

Я наслаждался непродолжительным затишьем перед началом разрушения — затишья, во время которого, казалось, унималась даже боль в желудке. Впрочем, она всегда быстро возвращалась.

Я еще раз проверил часовые механизмы, затем поднялся на ноги и заглянул за низкий барьер на краю крыши. Во дворе было полно рабочих в защитных костюмах, занимавшихся своими делами. Я отстегнул одну гранату от нагрудного ремня и привычным движением большого пальца выдернул кольцо. Через мгновение после того, как один из рабочих поднял голову, услышав, как кольцо упало на землю, я бросил гранату и сам прыгнул вниз следом за ней.

Граната ударилась о стену противоположного здания; в мгновение ока помещавшийся в ладони шар из металла и взрывчатки превратился в колышущееся облако огня, дыма и раскаленных частиц. Взрывная волна застигла меня в падении и чуть было не отбросила обратно на крышу, но ей не хватило силы, так что она просто взяла и шмякнула мое тело о стену здания, с которого я спрыгнул. Я сполз по стене на землю, и только внизу очнулся и услышал крики.

За стеной огня я различил беспорядочную суету, неловкие движения искалеченных тел. Я с трудом встал на ноги и, пошатываясь, направился прямо в пламя. Один из рабочих метался, охваченный пламенем, и я бросил ему под ноги еще одну гранату, чтобы положить конец его мучениям. При этом я сам отпрыгнул в сторону, чтобы увернуться от взрывной волны, превратившей в обломки чуть ли не половину стены здания, возле которой находилась моя жертва. Я видел, как той же волной тело рабочего отбросило в осыпающуюся кучу бетонных обломков, и они тут же похоронили его под собой, превратив в месиво его голову, грудную клетку, лодыжки.

Перепрыгнув через пару валявшихся крест-накрест тел, я устремился к расположенному неподалеку зданию в форме купола. На ходу я выхватил еще одну гранату из моей импровизированной выкладки и выдернул кольцо. С ужасающим грохотом здание у меня за спиной обрушилось, увлекая за собой венчавшую его антенну. Внезапно завывла сирена, и повсюду вокруг меня замелькали голубые огни.

1:30

Все больше и больше работников завода выбегало наружу из лабораторий и подвалов. Часть из них была в защитных костюмах, но большинство — просто в белых халатах. Кое-кто замечал меня, безумного бомбиста, с головы до ног обвешанного взрывчаткой. Другие же видели только цепочку взрывов, выраставшую у меня за спиной.

Воздух быстро наполнился едкими газами и фиолетово-черным дымом.

Подбежав к куполу, я метнулся к срезанному его боку, выхватил одну из набедренных бомб и метнул ее в вентиляционный люк на крыше. У меня за спиной с неожиданной громкостью и высоким пламенем рванула цистерна с каким-то химикатом; меня тут же окатило осколками стекла, и взрывная волна швырнула меня на бетонную стену. Я почувствовал, что вывихнул плечо. Скрипя зубами, я снова

поднялся на ноги, швырнул наугад еще одну гранату и упал на землю. Граната взорвалась, разметав в воздухе белые тушки ученых, словно лепестки цветущей вишни.

В тот же миг завывание сирен смолкло, потому что питавший их генератор умер, придавленный весом огромной спутниковой тарелки, свалившейся с обрушившегося брандмауэра. Только мигающие голубые огни продолжали светиться, выхватывая время от времени, словно стробоскоп, отдельные кадры, отчего казалось, что все происходящее — не более чем снятая рапидом сцена.

Наверное, я был похож на привидение, когда мчался по территории завода в этом пульсирующем голубом свете. Еще две гранаты взорвались по обе стороны от меня, и я подпрыгнул в воздух как раз вовремя, чтобы оседлать ударную волну и помчаться на ней вперед со скоростью, в сотни раз превосходящей ту, которой я смог бы развить самостоятельно. Именно этому научила меня Шива и ее бомбы — не надо бояться разрушения, надо существовать в нем, стать его частью. Она говорила, что мы тоже в каком-то смысле взрыв, крошащий в порошок известку, сталь и стекло — люди-бомбы, от всплеск которых гибнет все вокруг.

Я метнулся к повалившейся антенне и воспользовался ею, словно лестницей, для того чтобы взобраться на залитую морем огня крышу высокого здания. Подбежав к помосту, протянутому вдоль всей его крыши и над двором, заполненным бочками и цилиндрами всех цветов и размеров, я оказался над складом химикатов и бросил вниз еще одну набедренную бомбу.

0:40

В этот момент железная рама помоста встала дыбом у меня под ногами, переломленная пополам глыбой цемента, которую подбросил в воздух небольшой взрыв где-то слева от меня, и тогда я перемахнул на крышу соседней лаборатории.

Время от времени сквозь грохот взрывов прорывались крики людей и звон разбитого стекла. Грохот оседающих на землю гигантских конструкций и скрежет рвущегося металла. Запахи горячей нефти и химических ядов наполняли мои ноздри, но иногда в них врывается иной, сладковатый аромат — аромат горячей плоти, может быть, моей, может, чьей-то еще. Я чувствовал невидимую рябь, которая пробегала по воздуху, словно отголоски землетрясения, а пламя кусало меня своим ядовитым жалом.

На дисплее было 0:15, когда я пересек всю заводскую территорию и оказался у противоположной стены. Нам с Шивой общими усилиями удалось создать настоящий хаос. Мир у меня за спиной превратился в огненный шар, в тучи цементной пыли и обломки железобетонных опор, и здесь, между двумя сараями из ржавого железа, в которых хранились бутылки со всеми мыслимыми и немыслимыми ядами, я встал на колени. Я преодолел полосу разрушений и очутился, наконец, в спокойном уголке, наполненном согретыми огнями пылающих в отдалении пожарниц воздухом.

0:08

Я чувствовал, как остающиеся секунды вытекают из дисплея последнего взрывного устройства так, словно они сами были жидкокристаллическими. Два других, от которых я избавился по дороге, были настроены на то же самое время и должны были сработать одновременно — коврая бомбардировка, после которой все предприятие должно было превратиться в груды пепла и обломков. Я сжался в комок, сделал глубокий вдох, ожидая взрыва прикрепленных к моей покрытой рубцами спине сорока трех фунтов взрывчатки с тайной надеждой, что хотя бы на этот раз он не только сметет все вокруг, но и отправит меня в огненный ад, где расщепляются молекулы и испепеляется материя.

0:00

Мы снова у Шивы дома, в ее мастерской. Это большая, практически пустая комната на единственном уцелевшем этаже заброшенного складского помещения в рай-

оне того дока, где я еще совсем недавно стоял, с ног до головы пропитанный керосином и ненавистью к себе. (Нет, все совсем не так! Ненависти к себе я никогда не испытывал. Мне просто было на себя наплевать. Можно ли это назвать равнодушием к себе?) Я лежал на грязных матрасах, заменявших Шиве постель, в углу ее «спальной комнаты», обозначенной только протянутым по периметру кордоном из колючей проволоки. Керосиновая лампа горела у нас в ногах.

Шива сидела на краю матраса, а я лежал у нее за спиной в эмбриональной позе, скорчившись от боли в желудке. Я чувствовал себя так, словно меня напиговали смесью гвоздей и битого стекла. Шива вытащила шпильки из своих азиатских волос, и теперь они стекали по ее спине густой черной волной до самой поясницы. От них пахло машинным маслом и солидолом — весь вечер Шива проработала в мастерской.

Она не прикасалась ко мне — мы никогда не прикасались друг к другу, — но сидела близко, словно пытаюсь утешить меня своей близостью. Я думаю, только к тому времени она начала по-настоящему понимать, как выматывают меня приступы — спустя месяцы после того, как я ей сам объяснил, что в тот вечер хотел сжечь себя (а до этого пытался покончить с собой другими способами) из-за этой непрекращающейся боли.

Шива протягивает мне осколок оконного стекла, на котором насыпана дорожка серого комковатого порошка: смесь украденных и добытых ею анальгетиков, которые она собственноручно истолкла для меня. Рядом с дорожкой – тонкая металлическая трубка, не больше сантиметра в диаметре, которую я использую, чтобы вдыхать лекарство. Дотянуться до стеклышка у меня получается не сразу, потому что мне трудно шевелиться.

Мои раны зажили так же быстро, как всегда; если они и причиняли мне какую-то боль, то она быстро забылась, потонув в жарких миазмах и нестерпимом жжении, наполнявших мой желудок, который, казалось, превращался в сгусток расплавленного металла. Поначалу лекарства, которые она давала мне, действовали на это пламя, словно пена огнетушителя, но теперь боль, похоже, просто не обращала на них никакого внимания. На самом деле, так плохо, как сейчас, мне не было никогда.

В тщетной надежде я втянул в ноздрю весь порошок до последней молекулы.

Я лежал и думал о том мире, с которым так плотно познакомился в последнее время, — о мире пламени. Я думал о голосах, которые часто слышались мне в его реве, а потом о Шиве, которая возникла среди дыма и разрушения, чтобы забрать меня и погрузить в свой пикап с таким видом, словно была то ли восхищена, то ли расстроена тем, что я снова выжил.

Я не думаю, чтобы она желала моей смерти. Ей было просто наплевать на меня.

Как и мне на нее — мы были два сапога пара.

[Небольшое отступление. В пламени, в огне, в пекле ничто не реально, все сводится к пылающему, как дуговой разряд, алмазному богоподобному огню, что вгрызается в твою плоть, высвечивая все ее раковые опухоли, дурные клетки, яды, разложение. Системы моего организма пребывают в напряжении, в истступлении; взрывы, происходящие вокруг меня, переворачивают, перекручивают, перелопачивают все у меня внутри, и я полностью в их власти, ничего не зависит от меня в этом огненном мире, через который я несусь в облаках напалмовой гари, легкий, словно тонкий листок кремния, на который еще не нанесли печатную схему. Я — большая влажная птица, а это — огнеопасные Небеса, я — падший ангел, и моя боль оправдана, потому что я лечу, лечу, лечу и пылаю, пылаю, пылаю, я никогда не чувствовал себя настолько мертвым, настолько чистым, настолько уродливым и настолько замечательным БЛИНННННННННННННННННННН!!!!!!! Конец]

Во время первой вылазки Шива обмотала все мое тело тринадцатью футами проч-

ной стальной проволоки, прикрепив к ней с интервалами в пять-шесть сантиметров кусочки пластита и какой-то еще пластиковой взрывчатки фиолетового оттенка. На шею мне она подвесила, словно соску, алюминиевую пластину, к которой было прикреплено устройство, приводившее в действие все прикрепленные ко мне взрыватели. Оно состояло из маленькой прозрачной трубочки, наполненной керосином, со стальным стерженьком, обмотанным спиралью, погруженным в жидкость. Спираль была припаяна к контактам электрической цепи.

В ту первую ночь я вошел в обветшавшую штаб-квартиру какой-то древней корпорации, которая некогда охватывала своими электронными щупальцами всю страну, но теперь лежала, свернувшись в хрупкий клубок, словно умирающий паук. Я накинул длинное пальто, чтобы в лучших традициях бомбистов-самоубийц скинуть его, войдя в приемную, и продемонстрировать всем мое вооружение.

А затем я просто прошел через все здание по коридору, мимо дверей кабинетов, хранивших следы былого величия, и перепуганных немногочисленных служащих, а заряды взрывались на мне один за другим. Иногда я падал, сбитый силой взрыва или обвалившимся куском кладки, и тогда я снова вставал на ноги. (Я переносил боль и увечья лучше, чем любой человек, когда-либо живший на земле, но земное притяжение по-прежнему на меня действовало.) К концу маршрута я перешел на бег, потому что пламя, следовавшее за мной по пятам, начало наступать на меня, загонять в тупик. Тогда я впервые, насколько мне помнится, почувствовал восторг. Я выпрыгнул из окна, как и проинструктировала меня Шива, в тот самый момент, когда взрыв вышиб раму и швырнул ее обломки следом за мной.

Наше сотрудничество началось на основе молчаливого соглашения.

Я думаю, Шива рассуждала примерно так: она спасла мне жизнь, следовательно, я был ей обязан (в то время она не вполне понимала мое состояние, хотя ей следовало бы задуматься над тем, что спасти жизнь самоубийцы — это не совсем то же, что спасти жизнь человека вообще). Мною же двигало чистое любопытство: если я не могу убить себя, вдруг это сможет сделать она, тем более что занималась она этим с гораздо большим пылом, чем я сам. Кроме того, она неизвестно где добывала для меня таблетки, которые хотя бы немного ослабляли терзавшую меня боль.

Сначала я не понимал намерений Шивы, не понимал, для чего ей было нужно все это разрушение.

В конце концов, она была анархисткой, поэтому какое-то время я думал, что разрушение ей нравится само по себе. Она питала особое пристрастие к организациям и всегда выбирала в качестве объектов атаки их, а не частных лиц, но я даже и не пытался понять, почему именно их она обрекала на уничтожение. Я даже начал задумываться над тем, не мое ли собственное уничтожение она планировала, выбор же мест, в которых оно должно было произойти, не имел ни малейшего значения. Затем я все-таки вычислил определенную закономерность в наших акциях — каждая следующая была намного рискованнее предыдущей. Трехсотфутовые опоры ЛЭП сменялись химическими лабораториями, химические лаборатории — заводами по переработке химических отходов. Казалось, она делает все, чтобы выяснить, насколько далеко простирается моя неуязвимость.

Лучше бы она спросила меня об этом напрямик.

Прошло несколько месяцев, прежде чем я решился сам задать ей вопрос. Мы сидели в ее мастерской.

— Зачем ты это делаешь?

Сначала она даже не подняла головы, погруженная в работу. В тот момент она как раз склонилась над аквариумом, наполненным раствором химикатов, на вид таким же прозрачным и чистым, как вода из горного ручья — такая льется в снах в твое горло, когда умираешь от жажды. С недавнего времени Шива начала все больше и больше интересоваться жидкими взрывчатыми веществами и теперь испы-

тивала различные составы, которыми намеревалась наполнить прикрепленные к моей коже прозрачные пластиковые трубки, чтобы иметь возможность детальнее контролировать процесс разрушения.

[Отступление. Шива часто ходила по тонкой грани, отделяющей спланированность от хаоса, прекрасно, на мой взгляд, контролируя ситуацию. Она могла потратить несколько недель на усовершенствование взрывного устройства, но в последнюю минуту добавляла какую-то неожиданную деталь, не имея ни малейшего представления о том, какое влияние окажет она на его эффективность. Не один раз мне приходилось беспомощно стоять посреди офиса или завода из-за того, что не сработала взрывчатка, — и не менее часто меня подбрасывало на пару-другую сотен футов в воздух взрывом, сила которого в несколько раз превышала наши скромные ожидания. Конец]

Она положила на стол лабораторную пипетку, стянула с лица защитные очки, они повисли у нее на шее на резинке. Ее кожа была белой, как вспышка молнии, и светилась светом, отраженным от кристального содержимого аквариума. В тот раз на ней была другая майка, не та, что обычно, — светло-серая, с изображением черепа со скрещенными костями. У черепа вместо глаз были иксы, отчего череп выглядел так, словно мертвец обкурился травой.

— Не знаю. А ты зачем это делаешь?

Она натянула обратно защитные очки и вновь принялась за работу, включив стоявший на верстаке старый громоздкий радиоприемник, который заполнил воздух бессмысленным шумом статического электричества. Я понял намек и не стал добиваться ответа.

Я дождался окончания нашей очередной вылазки, чтобы вернуться к этому вопросу, поскольку тогда настроение у нее обычно бывало получше. Я лежал на спине на нашем неудобном ложе рядом с остовами ржавых двигателей, которые она извлекала из выброшенных на свалку автомобилей, и пластиковыми мешками, набитыми радиодетальями. От меня несло дымом, и я был обожжен в этот раз сильнее обычного, к тому же сломал четыре кости в левой руке.

Она обтирала меня полотенцем, смоченным в растворе медикаментов.

Мы оба все еще не могли отдышаться после вылазки.

— Нет смысла разрушать то, что ненавидишь, — ответила Шива, когда я снова задал свой вопрос. Она вытащила кусок печатной платы из кармана, приложила его к моей сломанной руке в качестве шины и зафиксировала ее при помощи клейкой ленты. — Разрушай то, что любишь.

Затем в своем обычном стиле она разразилась длинными тирадами на тему бюрократии, хаоса и безразличия; все эти речи я уже слышал от нее в меньших дозах и раньше. Но первая ее фраза запомнилась мне — может быть, потому, что она еще никогда до этого не бывала так откровенна со мной.

(Да и после тоже.)

Разумеется, наши извращенные отношения именно к этому и сводились — к разрушению вещей.

Вещей вокруг нас. Вещей внутри нас. Друг друга. Какая разница.

Шива утверждала, что во вселенной не существует силы большей, чем сила разрушения. Это естественная сила, которой подчиняется весь космос, потому что еще не существовало ничего, что раньше или позже не было бы уничтожено. Только люди пытаются сопротивляться этому закону природы, стараясь сохранять вещи, но она отучит меня от этой привычки.

На химическом заводе, который мы взорвали за месяц до этого, и где я чуть не свернул себе шею, когда подо мной проломился помост, Шива работала старшим

техником. На эту работу ее устроили после выписки из психушки, где она провела некоторое время. Ей дали смысл жизни, деньги, свободу самовыражения и технического творчества — короче говоря, попытались заставить ее позабыть о бритве.

Судя по всему, она не могла выразить свою признательность тем, кто ей помог, иначе, как уничтожив их.

Во время первой акции, как я выяснил позже, мне предстояло уничтожить штаб-квартиру корпорации, которую возглавлял Роберт Рабинович — человек, который выделял Шиве содержание в период после ее пребывания в психушке. Он стал для нее чем-то вроде отца, хотя они ни разу не виделись и общались только по телефону. В отличие от большинства людей, занимающихся благотворительностью, Рабинович предпочитал оставаться в тени и не мешать своей подопечной жить собственной жизнью. Остальными жертвами Шивы стали сиделки, психиатры, коллеги-техники, сделавшие карьеру: она уничтожала их рабочие места или их жилища.

Ее список казался бесконечным, и я выполнял каждый его пункт.

Она методично сеяла смятение и разруху.

С той поправкой, что любая методичность сама по себе отрицает подлинную разруху, подлинный хаос. В игру неизбежно вторгается икс-фактор. Вот почему она начала добавлять яд к моей болеутоляющей желудочной смеси практически сразу, как стала давать ее мне.

Именно в силу этого самого икс-фактора я продолжал принимать смесь даже после того, как подглядел через скрюченные от боли пальцы, прижатые к глазам, как она тайно добавляет отраву. Из-за этого фактора я позволял ей разрушать дальше мой хрупкий желудок, несмотря на то, что боль стала уже непереносимой.

А может быть, именно поэтому.

Я позволял ей ставить очередной опыт надо мной.

А затем я решил поставить опыт над самим собой.

С улыбкой я взирал на то, как Шива трясется от холода рядом со мной. С неба той ночью накрапывал легкий дождь; каждая его капля отливала желтизной и слегка обжигала кожу, что указывало на высокую кислотность.

— Ты уверена, что не хочешь остановиться? — спросил я ее осторожно.

— На все сто, — сказала она и посмотрела на меня таким взглядом, каким мог бы обладать шаловливый демон. Ее подрезанные космы, свисавшие теперь набок, местами отсвечивали яркими красками. Она покрасила и подстригла их после того, как я сказал ей, какие они у нее красивые — прямые и черные, как смерть.

Я сам помог ей сделать это.

Мы висели, вцепившись в стальные балки и швеллера вышки, на вершину которой мы взбирались. Дождь набирал обороты. Это была релейная станция, использовавшаяся лечебницей, в которой когда-то лежала Шива, для того чтобы вызывать специализированную медицинскую бригаду к пациенту, жизни которого угрожала опасность. Такие бригады не раз вызывали к Шиве, чтобы они поработали над ней после того, как она хорошенько поработала над собой.

Бомбы, которые мы имели при себе, звякали друг о друга и о металл вышки. На этот раз это были обычные ручные гранаты — наполненные, правда, едкими кислотами. Мне кажется, мозг Шивы был настолько поглощен вопросом, как покончить со мной, что ни на что более изощренное его просто не хватило.

За неделю до этого я как-то заметил ей, что она не поймет, что есть хаос, если сама не поживет в нем. Использовать вместо себя манекена, прикрываться, словно щитом, другим живым существом, а затем наблюдать за тем, что с ним происходит, с безопасного расстояния, — все это не имеет ни малейшего отношения к анархии.

Во время этого разговора мы оба были пьяны и одурманены, но мое сознание

оставалось достаточно ясным, чтобы уловить здесь возможность для постановки моего собственного опыта, а Шива настолько ничего не соображала, что попала на мою удочку (хотя, как я подозреваю, она попала бы точно так же, будь она трезвой, как стеклышко). Иначе она просто не могла отреагировать на то, как я ставлю под сомнение ее преданность делу разрушения.

Вот почему она взбиралась на вышку вместе со мной, и я видел, как все ярче и сильнее блестят ее глаза, как страх уступал место возбуждению по мере того, как она неумолимо двигалась навстречу собственной смерти. Нет ничего более возвышающего, чем ощущение того, что ты можешь погибнуть в любое мгновение, но тебе на это совершенно наплевать.

Взбираться на высоту двухсот пятидесяти футов в крошечной тьме под порывами ветра в компании человека, который в любую секунду может отправить тебя в спиральный полет в бездну, до которой всего один шаг, — вот это настоящая жизнь!

— Мы можем сделать это прямо здесь, — сказала Шива, когда мы одолели уже три четверти пути вверх.

Я пристально посмотрел на нее. Мы оба старательно избегали мыслей о том, что случится, когда взорвется первый заряд, и вышка начнет складываться, словно детский конструктор, у нас под ногами.

Я снова полез вверх; после небольшой паузы она сначала нагнала меня, а затем и перегнала, поднимаясь по противоположной стороне, где швеллера отстояли друг от друга на меньшее расстояние. Покореженная и неработающая спутниковая тарелка на вершине вышки бесполезно раскачивалась под сильными порывами ветра.

И вот мы стоим на верхушке трехсотфутовой вышки, установленной, в свою очередь, на вершине шестидесятифутового бункера, окруженного заграждением из колючей проволоки, готовые взорвать все это к чертям собачьим. Наклонившись, я щелкнул тумблером на ее груди, который приводил в действие часовой механизм, связанный со всеми ее взрывными устройствами. Она щелкнула таким же тумблером на груди у меня.

0:10

В молчании мы смотрели друг на друга. Совместная смерть или ее угроза создают близость, не достижимую никаким другим способом. В последний миг твоей жизни можно успеть посмотреть в глаза только одному человеку.

0:07

— Пошла на хуй! — прошептал я Шиве одними губами.

0:04

— Пошел сам! — прошептала она мне в ответ, затем ухмыльнулась и огласила воздух ликующим и безумным криком радости.

0:01

Прозвучали первые взрывы — башня начала падать, и мы вместе с ней. Мы падали, падали вместе, словно выброшенный кем-то мусор, обломки металла проносились мимо нас, налетали на нас, а затем, окутанные облаком из пламени, стальных осколков и отравленного химией воздуха, мы врезались в землю.

Она чуть было не погибла той ночью. Железный прут пропорол ее тело в нескольких сантиметрах от левой почки.

С тех пор она сопровождала меня во всех моих вылазках.

[Отступление. На самом деле хаос представляет собой совокупность множества порядков, перемешанных и спутанных друг с другом. Порядок может существовать только в самых маленьких, базисных системах — стоит системе увеличиться в размере, как сразу становятся заметны трещины, тектонические сдвиги, иррациональные процессы. Хаос поглощает порядок, при этом не уничтожая его. Он по-

звонит порядку существовать, но запускает свои паучьи лапы в него таким образом, что один порядок перепутывается с другим, создавая конфликт, потому что одного лишь присутствия второго достаточно, чтобы поставить под сомнение совершенство первого.

Кристаллический йод, нашатырный спирт, иодид калия, тиосульфат натрия (известный у фотографов как гипосульфит), гранулированная взрывчатка, аммиачная селитра, керосин, медицинский спирт, поваренная соль, сахар, нефть, фиксирующие агенты, связывающие агенты, пластит, эпоксидная шпатлевка, электродная проволока, изоляционная лента, 90 мл, 120 мл, 4,3 грамма смешать с 0,8 грамма, растворы, йодистый аммоний, желатиновые капсулы, селитряная бумага, азид натрия, нитрат свинца, хлорат калия, алюминиевая пудра, ламповая сажа, глицерин, перекись натрия, гуммиарабик, я, Шива.

Смешать все вместе: рецепт хаоса. Конец]

Мы стали ходить на дело вместе, словно это что-то меняло.

С одной стороны — не так одиноко, с другой — ее присутствие выглядело как вторжение на мою территорию.

Да, мне порой бывало одиноко посреди взрывов, но одиночество никогда не было для меня главной проблемой. Когда я два года назад приставил пистолет к виску и нажал на спусковой крючок, я сделал это не из-за одиночества.

Я заметил, что поджигаю полоски пропитанной спиртом и острой, как бритва, пластиковой ленты, которыми она обмотала нас, только если Шива стоит рядом со мной. Я обнаружил, что стараюсь бросать гранаты как можно ближе к ней, чтобы ее могло задеть взрывом. Я поймал себя на том, что привожу в действие часовой механизм раньше, чем мы планировали, чтобы посмотреть, как она будет со всех ног улепetyвать от места взрыва. Я знал, что она очень хрупкая в сравнении со мной, и радовался этому.

Никогда прежде мы не чувствовали такого радостного возбуждения.

Вскоре (возможно, в ответ на мое всевозрастающее пренебрежение ее безопасностью) Шива всерьез занялась выяснением пределов моей неуязвимости: она закладывала все больше взрывчатых веществ, едких жидкостей, концентрированных кислот в укрепленные на мне устройства. (Потому что, хотя на дело мы ходили теперь вместе, все ее смертоносные игрушки по-прежнему таскал на себе я). И теперь речь уже шла точно не об уничтожении зданий и сооружений (я и раньше в это не очень-то верил): теперь выбор мишеней стал совершенно произвольным. Главным стала игра со смертью. Она перестала рассказывать мне, почему мы взрываем тот или иной объект, а я перестал спрашивать.

Она также повысила дозу яда, которую подмешивала в мое лекарство. Желудок мой к тому времени уже находился в таком жутком состоянии, что непонятно, как я все еще оставался в живых. Я не мог ни есть, ни пить, ни даже выносить запаха пищи. Дышать — и то было больно.

Как-то ночью я бросил Шиве новый вызов. Упавшая балка порвала ей подколенное сухожилие. Она наложила себе на ногу шину, а затем я предложил ей немного серо-зеленого порошка, который она давала мне. Мы обменялись взглядами, и я прочел в ее глазах, что ей известно: я знаю, что она подсыпает мне в лекарство яд. Я взял трубку и вдохнул через нее порошок; мне показалось, что в ноздри мне влили расплавленный асфальт. Затем я протянул трубку Шиве.

Черты ее лица, еще недавно перекошенного от боли, смягчились.

Она знала. Я знал. Мы оба знали.

Она втянула весь порошок до последней крупинки и даже бровью не повела.

Так мы и бежали бок о бок, забираясь все глубже и глубже в дебри нигилизма и забвения, продолжая ставить опыты друг над другом. Ненависть за ненависть, постукивание часовых механизмов, жидкое пламя запала, щелчок сработавшего

взрывателя, ее неистовство, мое неистовство, капища из стекла и стали, которые мы сравнивали с землей.

Мы стали близки, как две свернутые спирали ДНК.

Мы были под завязку нагружены взрывчаткой, мы могли разрушить все, что нам попало на глаза, — все, кроме единственной вещи, которую мы хотели разрушить.

Иногда я смотрел, как Шива спит.

Ее волосы снова отросли до плеч, но в них все еще просвечивали красные, синие и белые пряди, и они по-прежнему все свисали на одну сторону. Линия ее спины была идеальной параболой — именно по такой параболе летели брошенные мной гранаты. Я был уверен, что ее кожа благоухает полевыми цветами. Испещрявшие ее шрамы при свете зажженного фосфора (у нас к тому моменту уже не оставалось никакого приличного топлива) казались иероглифами на древнеегипетском папирусе, которыми записан какой-то бредовый текст. Что-то про богов, звезды и холодные синие океаны.

Интересно, как бы я жил без нее?

За время, которое мы провели вместе, я научился делать примитивные бомбы. Им было далеко до изделий Шивы, но все-таки это были бомбы. А если есть бомба, то мишень для нее всегда найдется.

Так что ни в ее умении, ни в ее грандиозных планах я уже не нуждался. Да и в ней самой я тоже не нуждался. Она сыграла свою роль. Я мог перерезать ей горло во сне или, что гораздо романтичнее, облить керосином и поджечь. Я мог бросить на бегу одну из ее бомб прямо в нее, вместо того чтобы бросить в другую сторону. Или, когда на часовом механизме останется только пять секунд до взрыва, оторвать ей гранатой ноги, так чтобы она лежала рядом со мной, когда взорвется основная бомба.

Но вместо этого я сидел и смотрел, как она спит.

Как-то ночью она внезапно открыла глаза и заметила, что я смотрю на нее.

В последнее время я слишком откровенно наблюдал за ней, привыкнув к тому, что она всегда спит как убитая. И теперь мне ничего не оставалось, как продолжать внимательно смотреть на нее.

Она заглянула мне в глаза и, очевидно, прочла в них главное.

Мы оба знали, что наш эксперимент подходит к концу.

Вскоре после этого Шива начала всерьез запасаться сырьем.

Ряд материалов она похищала из расположенных по соседству складов, но большую часть — с заводов и из мастерских, находившихся ближе к центру города. Я участвовал вместе с ней в этих мини-вылазках, замазывая трещины в стене взрывчатой шпатлевкой на основе нитрата аммония, а затем вручную приводил в действие взрыватель, чтобы разнести стену. После этого Шива проползала в брешь, брала внутри то, что нам было нужно, и мы грузили добычу в пикап.

Мы почти не разговаривали друг с другом.

Однажды ночью она пришла домой с самым большим пластиковым мешком, полным кристаллического йода, который я видел в жизни. Мне пришлось потом битый час протирать ее кожу раствором гипосульфита, чтобы удалить все пятна.

За мешком последовали динамитные шашки, автомобильные аккумуляторы, галлонные резервуары с концентрированным сульфатом аммония и перекисью водорода, мешки сухой штукатурки, слитки свинца и железа, которые предстояло переплавить, и прозрачные стеклянные бутылки с неизвестными мне кислотами. Она постоянно трудилась, и в ее движениях чувствовалась такая агрессия, что я немного нервничал, когда она обматывала чаны со смесью химикатов бикфордовым шнуром, моток которого постоянно носила с собой, или зажигала открытый огонь в каком-нибудь дюйме от небольших кучек магниевых смесей. Впрочем, это только делало

жизнь более интересной.

Все это время — а это был самый долгий перерыв в набегах с тех пор, как мы познакомились (если не считать таковыми экспедиции за материалами) — я сидел на матрасах, отодвинув в сторону ширму, и наблюдал за ней. К тому времени мне уже было трудно даже сидеть, потому что при любом движении в желудке вспыхивало жидкое пламя, и я боялся, что он может вообще лопнуть, если я буду слишком резко шевелиться, поэтому я скорее полулежал на боку, подперев голову рукой. Часто я терял сознание под стук стальных подошв ее башмаков или под шипение ее паяльной лампы.

Очертания ее нового изобретения начали вырисовываться к концу третьей недели. Оно обещало быть гигантским. Скелет его образовывали пересекающиеся толстые стальные штыри с насечками; вся конструкция начиналась в дальнем углу комнаты у закопченного окна, выходившего на доки, и дотягивалась, постоянно меняясь в форме и размерах, почти до самого лежбища из матрасов. Хребет чудовища состоял из цепочки соединенных сваркой конических баков, наполненных разноцветными жидкостями, которые перемешивали черные стержни.

Не прошло и нескольких дней, как вся эта система начала издавать гул и пощелкивать — она была и электрической, и механической одновременно.

Черная энергия окружала нас обоих, потрескивающая и уродливая, как заплеванная лампочка накаливания.

И пока Шива трудилась над своим монстром, я чувствовал, что, наконец, умираю. Я не ел уже больше месяца и стал похож на скелет, но — что еще хуже — я не посещал мир пламени и искр целых три недели. Боль в желудке затуманивала мое восприятие, и иногда мне чудилось, что растущее вокруг меня сооружение — это гигантское паукообразное, жадно присматривающееся ко мне.

Однажды вечером Шива под села ко мне и разложила вокруг двадцать небольших мин размером с теннисный мячик, которые выглядели, как могли бы выглядеть черные слезы кита-полосатика. Она молчала, но иногда посматривала в мою сторону. В ее глазах одновременно читались волнение, боль и гнев.

Каждые восемнадцать часов она вливала жидкий вариант своего отравленного лекарства мне в горло, потому что мне уже не хватало сил, чтобы вдыхать его, затем принимала его сама. Иногда я задавался вопросом, добавляла ли она туда в последнее время вообще что-нибудь, кроме яда (то, что она время от времени блевала кровью, а выглядела как живой мертвец, говорило в пользу моего предположения).

Химикаты в промышленных расфасовках стояли вдоль стен мастерской. Кабели толщиной в палец ныряли куда-то внутрь, а затем выныривали обратно. Все вокруг пропахло хлором. Как-то раз мне показалось, что я слышу плач Шивы, но потом это прошло. Отовсюду раздавалось какое-нибудь шипение — резкое и быстрое от пневматической системы, которой Шива снабдила свое сооружение, медленное и приглушенное от газовых клапанов в крышках бурлящих чанов с реагентами.

Наконец она снова присела на матрас со мной рядом.

К ее спине было прикреплено какое-то приспособление, которое выглядело словно останки выброшенного на свалку и порядком заржавевшего игрового автомата. С каждой стороны к нему было прикреплено по большой резиновой спирали; противоположные оконечности каждой спирали были подключены к разъемам на гигантском взрывном устройстве, сооруженном Шивой вокруг нас.

Она подняла меня и положила себе на колени. Это был первый и последний раз, когда она прикоснулась ко мне.

Затем она вынула из кармана два взрывателя. Они походили на две толстых зажигалки, на одном конце у которых находился обыкновенный тумблер, а из другого выходил провод, подключенный, судя по всему, к приспособлению на спине Шивы. Она вложила один взрыватель мне в руку, а второй взяла себе.

«Вот до чего ты нас довел», — читалось в ее глазах.

И еще, может быть: «Спасибо».

Все помещение было наполнено гулом, исходившим от гигантской бомбы. В горле у меня хлюпала кровавая мокрота, которую я не мог отхаркнуть. Я заметил, что Шива покрасила свои отросшие волосы обратно в угольно-черный цвет.

— Вместе, — тихо сказала она и положила палец на тумблер.

Я повторил вслед за ней ее движение, затем наступило несколько секунд странного томительного молчания, а потом мы одновременно нажали каждый на свой тумблер.

Прямо у меня перед глазами на стене вспыхнул ярко-зелеными цифрами жидкокристаллический дисплей размером один на четыре фута.

0:60

0:59

0:58

0:57

Я посмотрел ей прямо в глаза — в глаза Шивы, Разрушителя Миров, высшего существа индуистской троицы, Тримурти — но в них было столько всего написано, что мне не удалось расшифровать, что именно она чувствовала и думала в тот миг.

Неужели мы зашли так далеко? Неужели все кончится здесь, сейчас?

Мы находились в здании, набитом таким количеством взрывчатки, что его с лихвой хватило бы, чтобы стереть в пыль весь окружающий нас район складов, чтобы оглушить всю рыбу в заливе, если бы она не сдохла от загрязнения давным-давно.

Мне просто хотелось знать, что она ощущает в этот момент — злобу, боль или экстаз. Я хотел знать, значу ли я для нее так много, что из-за этого она собирается убить нас обоих, или я не значу для нее совсем ничего, и именно поэтому она поступает так.

Ах, да в любом случае убить нас обоих она не могла.

0:43

0:42

0:41

Я очнусь среди обломков и языков пламени, а ее не будет рядом, чтобы погрузить меня в пикап. Я буду вновь свободен от нее. Она просчиталась, просчиталась, она не может убить меня. Или же просчитался я. Просчитался еще тогда, в двенадцать лет, когда выпил флакон с аккумуляторной кислотой, украденный из отцовской машины, и только испортил себе навсегда желудок, так что с тех пор мне уже стало все равно, умру я двенадцатью годами раньше или позже.

0:32

«Ты жить хочешь?» — хотелось мне спросить у нее. «Зачем ты делаешь это? Потому, что ты не хочешь? Или потому, что я не хочу?»

0:22

Разумеется — иначе зачем еще?

0:13

А затем я прочитал в ее глазах, что она чувствовала на самом деле. И мне стало больнее, чем когда-либо за всю мою разнесчастную жизнь.

0:07

Я увидел в них безразличие.

0:04

Ей было насрать, будем мы жить или умрем.

0:01

И ничего страшнее этого нельзя было придумать.

0:00

Вспышка!

Зародышевые камеры

Они живут в баках с практически квадратным основанием размером 16 на 14 футов, выстроившихся рядами в подвале с высокими колоннами. Между колоннами натянута черная сетка, которая скрывает от взгляда необычно высокий потолок, а также задерживает голубиный помет, время от времени падающий со стропил. Сетка во многих местах провисает под тяжестью слежавшегося в тяжелые серо-белые комки гуано.

Баки изготовлены из листов стекла, стянутых блестящими стальными скобами, поэтому при желании их содержимое можно рассматривать. Как уже было сказано, баки установлены в ряд, и каждый из них представляет собой отдельную замкнутую биосферу.

В них залит раствор, состоящий из трех десятков различных химикатов; этот раствор извлекает генетический материал из помещенных в него тканей, после чего ДНК предоставлена самой себе. Каждые четыре часа через раствор пропускают электрические импульсы напряжением 50 000 вольт; это делается для того, чтобы вызвать перегруппировку генетического материала и возникновение новых и, как легко догадаться, чудовищных комбинаций.

Некоторые из плавающих в баках тварей напоминают оплавившихся под ярким солнцем собачек, складки кожи которых свисают, словно дряблые, неправильной формы крылья. Другие похожи как две капли воды на дельфинов-афалин, только в два раза меньше натуральной величины.

Сверху баки прикрыты решетчатыми крышками, сваренными из толстых металлических прутьев; они нужны для того, чтобы не дать обитателям баков выбраться наружу. Эти крышки и стальные скобы не только удерживают внутри мутантов, но и играют роль электродов, равномерно распределяющих 50 000-вольтные разряды в тот миг, когда я поворачиваю замыкающий цепь могучий рубильник.

Еще несколько месяцев назад меня не подпускали к нему, но с тех пор я стал Помощником Руководителя Проекта. Должность эта не так ответственна, как может показаться на первый взгляд — в нашем отделе из двадцати пяти человек — двенадцать ПРП, — но все же это прогресс по сравнению с тем, чем я занимался раньше: а раньше я подтирал разлитые жидкости и мыл стекла баков. Теперь же я поворачиваю рубильник, который порождает на свет новые формы жизни.

Мои коллеги, ПРП, собираются в комнате отдыха между сменами, сбиваясь в кучку, словно пытающиеся согреться уличные бродяги. Я же стою в дальнем углу с кружкой горячего витаминизированного напитка в руках и рассматриваю свои ботинки. Вряд ли они возьмут меня в свою компанию, если вспомнить, каким образом я получил повышение.

Время от времени нас навещает Руководитель Проекта. Она одновременно проводит около десятка различных экспериментов, лежащих в основе ее кандидатской. Наш отдел — всего лишь малая часть ее замысла.

Сначала она беседует с моими коллегами, просматривает результаты, нацарапанные на их планшетах, затем раскланивается с каждым в традиционной японской манере.

Затем она подходит ко мне, и я чувствую, что в этот момент за нами напряженно следят все. Она не разговаривает со мной, но часто ласково прикасается ко мне и делает какие-то записи в миниатюрном блокноте, закрепленном у нее на запястье. Гении — такие, как наша Руководитель Проекта, — находятся в состоянии постоянного вдохновения и размышления, поэтому не проходит и нескольких минут без того, чтобы она не записала какое-нибудь уравнение или комментарий в своем блокноте или на любой подвернувшейся поверхности.

Стены нашего научного центра испещрены ее граффити. Она пишет мелом, ручкой, фломастером, тюбиком с кетчупом; математические загадки и их решения,

философские размышления, отдельные слова на двух десятках языках, диаграммы, рисунки, бесконечные, неисчислимы.

Я часто замечаю сотрудников, которые рассматривают эти пометки, пытаюсь их расшифровать. Любой из них с радостью сверг бы, если мог, Руководителя Проекта с ее трона, выкинул бы ее на свалку, взгромоздился бы на ее место. Однажды я тоже попытался это сделать.

Но они не представляют себе, насколько она умна.

Иногда, как только на ночь выключают люминесцентные лампы, неотвязное и хаотическое жужжание которых действует на сердце, словно кардиостимулятор, она навещает меня в моей клетушке. Тихо-тихо, чтобы никто не услышал ее, хотя ей вряд ли что-то грозит, даже если ее застигнут за этим делом.

Она садится на край матраса, раздевается, затем раздевает меня, залазит ко мне под простыню и наши изуродованные тела идеально прилегают друг к другу, словно детали головоломки. Лежа в тишине, мы наслаждаемся теплом наших тел.

Поговаривали, что Руководитель Проекта полностью освоилась с одиночеством и способна существовать неограниченно долго без близости с другим человеческим существом. Я знал, что это правда, но я также знал, как трудно, почти невозможно, расстаться с ненавистной частью себя.

От самого себя не отречься.

Разумеется, всем им известно, что я не такой, как они, поскольку это видно невооруженным взглядом. Их ненависть вызывают в больше заметные отклонения (такие, как мой деформированный череп, мои черные глаза, моя нелепая походка и моя потрескавшаяся кожа), чем те, которые не так бросаются в глаза (мои длинные черные волосы и мои груди).

Но только один из них смотрит глубже, не обращая внимания на все эти поверхностные различия. В то время как остальные чешут свои лысые макушки и расставляют крестики и птички на формулярах, прикрепленных к их планшеткам, он старается не терять меня ни на миг из виду. На руках у него — перчатки из толстой резины, защищающие кожу, когда он заливает химикаты в зародышевые камеры, и он постоянно ловко вертит в пальцах пробирку, не сводя с меня испытующего взгляда.

Я поворачиваюсь к покрытой приборами стене, на которой смонтирован рубильник, и опускаю вниз тяжелый рычаг. Комнату заливает лилово-голубое сияние, и клубы пара стремительно поднимаются над баками; разряд длится строго установленный отрезок времени.

Голуби где-то под скрытым сеткой потолком мечутся как угорелые. Но и тогда он не сводит с меня глаз.

Я работаю в отделе уже почти три месяца, и за все это время он не рассказал о случившемся ни коллегам, ни Руководителю Проекта. И все равно я боюсь, однажды он проболтается кому-нибудь о том, что видел, как я выбирался из зародышевой камеры, выплескивая на пол раствор, которым он собственноручно наполнял баки с самого первого дня эксперимента.

Рычаг рубильника возвращается в исходную позицию чем-то вроде часового механизма. В положенный момент сияние мгновенно гаснет, и с ним стихает бульканье вскипающей в баках жидкости. С тихим шипением последние клубы пара вырываются из-под решеток, а затем слышны шаги младших научных сотрудников, направляющихся к зародышевым камерам, чтобы записать показания приборов.

На этом моя работа заканчивалась: я отворачивался от стены, чтобы вернуться к рубильнику, только когда вновь потребуется пропустить разряд. Но и тогда, усевшись на крышке бочки с химическими отходами, словно некая механическая горгулья, он продолжал буравить меня взглядом.

Лежа под Руководителем Проекта — раковая опухоль, которую она исторгла из

себя только для того, чтобы убедиться, что не мыслит без нее своего существования, — я слышу, как мы дышим в едином ритме. Она приподнимается на локте; прядь волос свисает с ее головы, скользит по шее, щекочет мои груди. Она по-матерински поглаживает мой живот, и когда наши бедра соприкасаются, судорога наслаждения пробегает по моему телу.

Она читает озабоченность в моих глазах, страх того, что породивший меня проект находится под угрозой, а вместе с ним, следовательно, и мое существование. Руководитель Проекта достает привязанную к запястью угольную палочку и пишет на стене уравнение, состоящее частично из греческих математических символов, частично из двоичного кода.

Она трудится над ним около минуты, затем внезапно останавливается, переписывает решение в блокнот на запястье, и снова ложится на меня.

На следующий день в комнате отдыха сотрудники нашего отдела готовятся к началу очередной смены. Я сижу на краю пластикового стула, согревая руки чашкой с горячим витаминизированным напитком, из которой не отпил ни глотка. У меня ужасно болит желудок, он утратил способность переваривать даже простейшую пищу.

Я чувствую себя еще более чужим, чем обычно, потому что в нашей команде появился новый сотрудник — Ответственный по Растворам, и, хотя он прибыл только сегодня утром, он уже оживленно болтает с работниками.

Мы быстро возвращаемся на рабочие места; я стою около рубильника и слушаю хлопанье птичьих крыльев над головой. Похоже, вчерашний разряд ускорил эволюцию наших мутантов в большей степени, чем ожидалось, поэтому я терпеливо жду, пока будут записаны все результаты. Воодушевление коллег позволяет мне слегка расслабиться; к тому же я замечаю, что никто не обратил внимания на физические и психологические странности нового Ответственного по Растворам.

Я украдкой рассматриваю, как он забирается на бочку с отходами и усаживается на ней. Его глаза — в отличие от глаз его предшественника — ничего не выражают. В них не читается ни обвинения, ни угрозы.

А в баках теперь плавают новые обитатели — маленькие черные рыбки, неизвестная прежде форма жизни, возникшая на свет благодаря знанию, которому лучше было бы так и оставаться тайным.

В какой-то момент в лабораторию посмотреть на наше новое достижение заходит Руководитель Проекта. Черные рыбки поворачивают к ней морды; кто-то обращает ее внимание на важность одновременного появления этой мутации во всех баках. Она кивает и записывает что-то сначала на стекле бака, а затем в блокнотике.

За все десять минут визита она только однажды достаивает меня взгляда.

Сотрудники вскоре расходятся, предоставив ей возможность изучить новую мутацию самостоятельно.

Я вижу, как она слегка прикасается кончиками пальцев к стеклу и смотрит, как черные рыбки вьются, словно игривые терьеры, вокруг других населяющих бак особей. Я пытаюсь догадаться, не вспоминает ли она в этот миг ту ночь, когда, вознамерившись положить конец своей безумной гениальности, она погрузилась в зародышевую камеру. Похоже, она догадывалась о воздействии, которое окажет на нее зародышевая жидкость, и надеялась, что ее интеллект, растворившись в ней, воплотится в какое-нибудь красивое и опасное создание, которое можно будет изолировать или убить.

Но вместо этого раствор поглотил другую, более темную и жуткую часть ее личности — дверь в подполье, где была заперта ее человечность, которая была причиной ее отчуждения от окружающих, а может быть, и самим этим отчуждением. Именно она была захвачена и извлечена раствором. Но без нее, без этой части, какой бы она ни была и какой бы природой ни обладала, она не могла жить.

И я обречен остаться навсегда частью породившего меня эксперимента и каждую

ночь лежать и ждать, когда Руководитель проекта придет и обнимет меня. Я позволяю ей делать это, потому что знаю, как ей необходим я, утраченная ею часть, хотя сам я при этом не испытываю никаких чувств.

Техника пульсирующего разряда

В конце времен посреди бескрайней механической пустыни осталось только два живых существа. Первое из них — это Он.

Кожа висит на Его изможденном исхудалом теле, словно плохо подогнанный комбинезон. Одинокий и неприметный, Он бредет по свалке, пробираясь между кучами старых автомобильных покрышек и списанных, но работающих телевизоров. Шипение эфира в их динамиках звучит как откровение какого-нибудь электронного бога. Подошвы рабочих башмаков на ногах Его изношены вплоть до вделанных в них стальных пластин, одежда на коленях и локтях местами протерлась до дыр, местами прожжена огнем. Очки сварщика болтаются у Него на шее, и в них отражаются далекие огни города, который Он покинул, чтобы найти Ее.

Второе живое существо — это Она.

Она — это законсервированный пульс, сердцебиение, пойманное в резервуар из оргстекла, наполненный хрустально-чистой водой, которая предохраняет от окончательной гибели то немного, что от Нее осталось. Она стала такой в результате научного эксперимента, объектом которого Она была. Цель эксперимента, как Ей казалось, заключалась в том, чтобы выделить то основное, в чем заключалась Ее суть, удалив весь налипший на эту суть мусор.

И вот Она стала голубой светящейся сферой размером не больше грецкого ореха, плавающей в резервуаре, установленном на вершине бочки с химическими отходами. Сбоку Ее подсвечивает телевизионный экран, и Она ритмически пульсирует в его свете. Она абсолютно беззащитна перед огромными черными тварями, которые парят в дымном небе, наполненном бессмысленными обрывками радиоволн, испускаемых передатчиками обезлюдевших радиостанций. Впервые в истории радиостанции не нуждаются в радиослушателях, способных понять смысл их передач.

Почва под Его ногами местами раскисла в жидкую грязь, поэтому Он передвигается, перескакивая с одного островка мусора на другой, переходит с балки на балку, бредет под осыпающимися сводами арок давно разрушившихся зданий, ступает, словно по камням, по колпакам от автомобильных колес и по диффузорам динамиков, спотыкаясь иногда о выступающие из потрескавшихся железобетонных стен куски арматуры, похожие на сломанные ребра.

Если не считать бессмысленного шипения телевизионного эфира, кругом царит абсолютная тишина. Это радует Его, если Он вообще еще способен чему-то радоваться.

Он уже не помнит, какую роль играл сам в том эксперименте, за демонтаж каких Ее частей он отвечал лично. Скорее всего, никто не разъяснил Ему, с какой целью Он совершает определенные операции. Он просто делал то, что Ему велели, — вот и все. Его функции были такими же четко определенными, как и у любого работника на конвейере, и такими же узкими. Он не знал ничего, кроме поставленной перед Ним задачи.

Все принимали равное участие в Ее демонтаже, но Он чувствовал себя так, словно был один во всем виноват.

Прошла неделя с тех пор, как все работы по проекту были завершены, но каждый день во время регулярных, словно биение сердца, интервалов между бесконечным исполнением однообразных действий, мысли о Ней посещали Его, словно регулярная ошибка, вторгшаяся в строки командного кода. Ее демонтаж стал тем вирусом, что переписал начисто всю Его программу, разрушив однообразие Его

существования, и рассыпал нули и единицы Его двоичной души по заводскому полу, куда немногим раньше сыпалась пыль того, что прежде было Ею.

Его переписанная заново личность, версия 2.0 Его сознания, приняла решение: предыдущей ночью Он выбрался за пределы лаборатории, перелез через изгородь из колючей проволоки и пошел по мощенной булыжником улице, которую время от времени пересекали разветвленные трубопроводы. Его каблуки громко простучали по асфальту окраинных кварталов, застроенных многоэтажками, и вот, наконец, Он вышел на раскинувшуюся за пределами города пустошь, куда отвозили умирать пришедшие в негодность машины. Стофутные опоры ЛЭП, похожие на остовы гигантских огородных пугал, возвышались на горизонте.

Он так и не узнал ответа на вопрос, с которым отправился в путь — удастся ли выполнить команду undo?

Удастся ли вновь укомплектовать Ее?

Впереди, в нескольких сотнях ярдов за каркасами нескольких сторевавших трансформаторов и автомобильным двигателем, Он заметил Ее. Он знал, что обнаружит Ее именно здесь, потому что сюда выбрасывали все отходы экспериментов, потому что в один прекрасный день, когда Его самого признают устаревшим, Он тоже очутится здесь.

И все же Он остановился за несколько шагов до нее.

Остановился, потому что заметил в земле вокруг Нее поблескивающие головки осколочных мин. Разумеется, их отдел не мог бросить Ее здесь просто так. Это был хлам, но это был их хлам, а врожденное чувство собственности не позволяло им отдавать безвозмездно никому даже то, в чем они сами не нуждались.

Мины были разбросаны вокруг, вдавлены в землю на различную глубину, из чего Он заключил, что есть и такие, которые совсем прикрыты землей, что, впрочем, не мешает сработать взрывателю, наступи Он на него.

Он скосил глаза на лежавший рядом монитор системы внутреннего наблюдения, наполовину ушедший в землю, так, словно это была еще одна мина, только и ждущая того, чтобы пронзить Его мозг зазубренными осколками Эм-Ти-Ви. В мельтешении белых и черных точек на экране Он увидел себя, перемолотого в крошево мяса и костей гвоздями и кусками дюрала, которыми были начинены мины. Ему послышалось, что Бог Машин промолвил: «Искупить вину можно, только принеся себя в жертву».

Она продолжала гипнотически мерцать. Небо искрилось электрическими разрядами; оно было настолько переполнено электричеством, что даже светило по краям.

И Он сделал первый шаг в направлении минного поля.

Раскисшая почва под Его ногами была так плотно напигована металлическим ломом и деталями механизмов, что легко выдерживала Его вес. Он нашел взглядом ближайшую мину, сделал глубокий вдох и наступил на нее.

Отчетливо, словно в кино, Он увидел, как спусковой механизм выбросил основной заряд на три с половиной фута в высоту, где тот угрожающе завис на какое-то мгновение, будто пытаясь осознать, что от него хотят, а затем взорвался, разбрасывая пучки пламени и фосфорических искр. Тысячи крошечных снарядов впились в Его плоть, пронзили ее, и Он рухнул на землю, оставив в воздухе руку, которая еще некоторое время висела там, словно, оставшись без хозяина, позабыла о существовании земного тяготения, и только потом упала рядом.

Судорога пробежала по Его телу, но Он тут же поднялся на ноги; туловище Его теперь кренилось набок, и Он был вынужден схватиться за бетонный блок, чтобы не упасть.

Молния вспыхнула в небе, и в ее свете Он разглядел, что резервуар из оргстекла упал и лежит на боку, крышка лопнула, а содержимое медленно вытекает на грязную землю. Она по-прежнему выглядела как пульсирующий огонек — но теперь огонек этот лежал в заботливой ладони худой, пронизанной голубоватыми

жилками руки, предплечье которой терялось в ночном мраке.

Вокруг приемники отчаянно сканировали эфир, переключаясь с одной умершей станции на другую, мертвый воздух гудел, словно въювшийся вокруг рой саранчи, то приближающийся, то удаляющийся. Списанные люминесцентные лампы слабо мерцали, а по жидкокристаллическим дисплеям струились бессмысленные колонки цифр.

Он сделал еще один шаг в Ее сторону, еще один шаг к Ее комплектации, и тут же вторая мина, словно вспугнутое насекомое, подскочила и повисла в воздухе рядом с ним, прежде чем осыпать его каскадом маленьких колючих поцелуев. Осколки разорвали на клочки Его правый башмак, куски металлической подошвы впились в стопу, и Он упал обратно на землю, приведя в действие еще несколько мин.

Телевизионная трубка по соседству взорвалась от перевозбуждения. Небо гудело.

А Она росла прямо на глазах, Ее тело фрагмент за фрагментом возникало из насыщенного статическим электричеством воздуха, восстанавливая свою комплектность.

Он не чувствовал боли — даже тогда, когда после взрыва очередной маленькой мины, установленной так, чтобы привести в действие положенный рядом с ней крупный фугас. Он лишился всех частей тела, от него остался лишь торс. Он просто-напросто переписал собственный код, заменил единицу на ноль в процедуре, отвечавшей за обмен данными с болевыми рецепторами. Он знал, как избавиться от страданий при помощи элементарной махинации с двоичным кодом.

Цепляясь за землю единственной уцелевшей рукой, Он пополз к ней. Антенны, торчавшие из куч выброшенных на свалку приборов, заинтересованно тянулись к Нему, словно усики гигантских тропических жуков.

По пути Он лишился еще нескольких фрагментов своего тела.

Когда Ее сборка достаточно продвинулась, Она перевалилась через край бочки с химическими отходами, вздрагивая всем корпусом каждый раз, когда к Ней присоединялась новая деталь. Она потребляла материю на все сто процентов, не теряя попусту ни атома в процессе регенерации плоти. Пульсация, которой Она некогда была, теперь тихо трепетала в глубине Ее грудной клетки.

К этому моменту Он уже полностью утратил способность самостоятельно передвигаться, но ударными волнами не смолкающих ни на минуту взрывов Его подталкивало все ближе и ближе к Ней, хотя за каждый пройденный дюйм Ему приходилось расплачиваться все новыми фрагментами своего организма.

Высоко в небе одна за другой вспыхивали молнии, вонзаясь в верхушки опор ЛЭП, словно перекидывая мост между этим миром и цифровым раем.

Бочка внезапно лопнула под тяжестью нового бытия, и Ее возрожденное тело упало в лужу загустевшего машинного масла, пронизанную светящимися жилами, которые тянулись к нему, словно питающая эмбрион пуповина. Она барахталась в этой луже, как новорожденный человеческий младенец.

В этот миг земля под тем немногим, что еще оставалось от Него, полыхнула, и струи бледного пламени озарили тьму, разбивая в стеклянную пыль экраны телевизоров и компьютерных мониторов. Существо Его практически сравнялось с нулем, обратившись в шестнадцатеричный аналог небытия. Он покатился в ее сторону, теряя по пути последние материальные фрагменты, и когда, наконец, остановился, то от Него осталась лишь небольшая, размером с грецкий орех, пульсирующая сфера, светящаяся голубым светом.

Это была Его сердцевина, Его сущность.

Он искупил свою вину.

Возрожденная, Она восстала из машинных вод, сверкая маслянистой оболочкой. Зубы и белки Ее глаз сверкали белизной, губы алели во мраке.

Небо успокоилось, гул статических разрядов в динамиках превратился в тихий

шорох.

Она осмотрела окружавшую ее свалку и встала на колени, подняла упавший на раскисшую почву резервуар, поставила его рядом с маленьким, нездешнего вида объектом, в который превратился Он, а затем запихала Его в резервуар.

Ей показалось, что теперь Он пульсировал с облегчением, хотя свечение Его по-прежнему оставалось печальным.

Она подняла с земли треснувшую крышку и накрыла ей резервуар.

— Теперь ты в безопасности, — прошептала она. Электрический разряд распорол черное, затянутое смогом небо, а за ним последовал низкий раскат грома, который воспринимался не столько слухом, сколько осязанием. Белый шум заполнил экраны телевизоров. По жидкокристаллическим экранам заструились бесконечные строки двоичного кода, быстро превратившиеся в поток сплошных нулей.

Она посмотрела на далекий силуэт города, вырисовывавшийся на горизонте, и воспоминания о жизни в предыдущем воплощении наполнили Ее память.

Затем она повернулась в противоположную сторону и окинула взглядом бесконечную пустошь, где не было ничего, кроме ржавого металла и мертвого воздуха. Прижав рукою к груди резервуар с любимым, она направилась туда, где Небо встречается с Землей, где сборочный конвейер, сбившись с ритма, останавливается раз и навсегда и где шипение статических разрядов звучит словно дикова-тая, но, тем не менее, погружающая в сон колыбельная.

Барокамера

Пряди ее жидких волос свисают с головы, словно спутанная пенька, правда, цветом они на пеньку совсем не похожи. Они черные, чернее тьмы ночной. Угловаты черты худощавого лица, зеленоватые кошачьи глаза бросают острые, как клинки, взгляды из-под бровей, скрывающих их в своей печальной тени.

Я наблюдаю ее через выпуклое окошечко в стенке барокамеры, в которую поместил ее. Я смотрю, как она спит, и воображаю, будто сплю с ней в обнимку, словно мы два вурдалака в одном гробу — образ, который, несомненно, мог бы родиться только в омерзительных фантазиях какого-нибудь Эдгара По. Я бы мечтал на самом деле очутиться вместе с ней, но мне туда не забраться. Я должен присматривать за ней и охранять ее.

Через несколько часов она вновь примется скулить и царапать когтями стены своей пневматической тюрьмы, но сейчас она — воплощенное спокойствие и апатия. Большие стальные поршни, которые дышат за нее, ритмично поднимаются и опускаются рядом с массивным устройством, злобно шипят и выпускают струи маслянистого пара в самых неожиданных направлениях. Ржавые шестерни вращаются, устало поскрипывая, выкрашивая друг из друга куски металла и искря. Разноцветные жидкости струятся по тонким медным жилам.

Я поцеловал поверхность стекла там, где с другой стороны были ее губы, и молча помолился за нее, а она тем временем едва заметно пошевелилась на своем белоснежном ложе.

В этом убежище, которое я построил для нас, сейчас три комнаты, каждая не больше шести шагов в длину и ширину.

Для одного человека этого более чем достаточно, поэтому я замуровал другое крыло нашего жилища, в котором находилось две комнаты. В мире, который находится над нашим пристанищем, слишком много места для всевозможных опасных тварей. Поэтому мы чувствуем себя лучше, когда находимся в тесных помещениях — и чем они теснее, тем лучше для нас.

Мы все начинаем жизнь в коконе диаметром в полтора фута — так распорядилась Природа. Она знала, что мы нуждаемся в защите от Верхнего Ужаса, и обеспечила ее нам точно так же, как я сейчас обеспечил ее себе и Лидии. Мы не созданы для того, чтобы расширять свой кругозор, исследовать окружающий мир и расши-

рять свою территорию. Напротив, мы постоянно сужаем ее, строя клетки и загоняя себя в них, разбивая темный бескрайний небосвод и мерцающие бесконечные пустыни на подвластные нам фрагменты, осколки психотических галлюцинаций.

Я забрался в самое маленькое из помещений — такое маленькое, что я с трудом в нем умещаюсь. Я сворачиваюсь в клубочек, и моя спина наглухо затыкает входное отверстие, чтобы даже самый маленький из хищников не смог пробраться внутрь.

Стены — смесь скальной породы, оранжевой от прожилок железной руды, и мягкой, полужидкой грязи.

Я укрепил их стальными прутьями, чтобы они не обваливались внутрь. Я стараюсь не думать о мириадах скребущихся, жующих падаль, извивающихся тварей, от которых нас отделяет не более нескольких дюймов, но это очень трудно, потому что я постоянно слышу производимые ими звуки. Я прислушиваюсь к поскрипыванию их хитина, к хрусту их тел, протискивающихся в толще земли. Я классифицирую их приглушенный клеткот, рычание и ворчание. Я внимаю тому, как в разноразличной стучат их сердца, и меня подташнивает. Но не их мы боимся, а Тех, Кто Выше. Я не знаю, насколько глубоко нам удалось закопаться, но, судя по всему, недостаточно, потому что я продолжаю слышать грохот их транспорта, проезжающего у нас над головой, или ощущать работу трубопроводов и электрических сетей, которые насыщают их так же, как трубки для внутривенного питания, которые я ввел Лидии, перед тем как поместить ее в барокамеру.

Иногда я чувствую, как один из них останавливается прямо над нами и смотрит вниз через трещины в асфальте, через черную грязь, через слой останков давно умершей жизни, которые лежат под их ногами, словно сброшенная змеиная кожа, — смотрит на меня и Лидию.

Я с ужасом ожидаю дня, когда они, наконец, доберутся до нас.

Я проснулся от радующего мой слух звука — это Лидия заскулила внутри барокамеры, — и сразу же метнулся к ней. Стекло смотрового окошечка запотело от ее выделений, и на нем отчетливо виднелся след от когтя. С наступлением ночи таких следов станет гораздо больше.

Я положил ладонь на металл камеры, теплый от постоянного трения ее механических частей, и начал говорить Лидии ласковые слова через дюймовую толщу стали. Я увидел ее расширенные зрачки за облачками учащенного от страха дыхания и попытался сделать так, чтобы она заметила меня и поняла, что я по-прежнему здесь и готов прийти к ней на помощь и что я никогда не покину ее.

Барокамера начала вибрировать: ее системы пытались совладать с резко активизировавшимся метаболизмом Лидии, сохранить искусственный симбиоз, в котором ее организм сосуществовал с машиной. Поршни с обеих сторон издали резкий хлопок, и струйки машинного масла брызнули из них на пол. Жизненные соки заструились по прозрачным жилам барокамеры, светясь от скорости, и в очередной раз я пришел в восхищение от того, насколько совершенно находящееся у меня перед глазами устройство.

Лидия заметалась внутри, но места для маневра не хватало, к тому же тело ее все еще было покрыто синяками и ссадинами, оставшимися после последней попытки вырваться наружу.

О, если бы мне только удалось объяснить ей, в какой безопасности она находится внутри барокамеры, и как бы легко ей жилось, если бы она смирилась с нежными объятиями ее толстых стенок! Прошло не так много времени с того дня, когда я вырвал ее из лап Верхнего Ужаса и поместил в наше убежище, поэтому всего, что могло бы отравить чистоту среды ее обитания, следовало избегать во что бы то ни стало. К сожалению, я не мог позволить себе приоткрыть крышку барокамеры даже на то короткое время, которое требовалось, чтобы утешить и

приласкать Лидию.

Вместо этого мне приходилось наблюдать со стороны, как паника охватывает все ее существо, и пламя безумия загорается в ее ямных глазах. Это несправедливо, что она вынуждена претерпевать все эти муки, притом, что я отчетливо осознавал необходимость принятых нами мер.

Наконец, чтобы показать ей, что не она одна страдает, я извлек маленькую канистру с грязной водой, которую собрал по каплям из трещинки в стенке проходившей в земле трубы, и выбрал три камня из кучи, лежавшей под дном барокамеры. Обычно я выбирал камни самой неправильной формы и клал их один за другим себе на язык. А затем заглатывал их, запивая водой, чтобы облегчить себе задачу.

Они скользили вниз по моему пищеводу, словно злобные зверушки, разрезая мягкую плоть и обдирая слизистую, так что я начинал захлебываться жгучим потоком собственной крови. Мое тело отозвалось судорогой на вторжение чужеродных элементов, кровь и флегма хлынули у меня изо рта, и я рухнул в беспамятстве на пол.

Я чувствовал, как камни завалили мой желудок, забили кишечник и остановили ток крови в моих жилах. Но я был благодарен им за то, что они помогли продемонстрировать Лидии мою преданность, мое единение с ней. Мы делили с ней на двоих всю боль, страдание, радость и любовь, каждый вздох.

С трудом я поднялся на ноги, чувствуя непривычную тяжесть внутри, и оперся всем весом на гудящую и вибрирующую барокамеру.

Лидия к тому времени перестала биться о стенки. Запотевшее окно снова обрело прозрачность, и я увидел, что она лежит, закопавшись в подушки, и плачет, вцепившись в них пальцами. Маленькие капли розовой крови поблескивали на ее коже там, где она поранилась.

О, как мне хотелось прикоснуться к ней!

Но ей было лучше оставаться там, где она была, там, где ничто не могло повредить ей...

Я улегся возле опор барокамеры — четырех бетонных столбов, густо смазанных твердой смазкой, чтобы ни одно существо не смогло взобраться по ним вверх, — и обвил один из них руками. Я представил себе, что обнимаю Лидию, и задремал под звуки ее приглушенных рыданий.

Когда Тот, Кто Прячется, засыпает, они начинают подбираться все ближе и ближе за слоем сетки, которым изнутри выложены стены. Они уже давно следят за ним через тонкий слой грязи, привлеченные, словно феромонами, исходящим от него запахом страха. Их глаза вращаются во мраке, всасывая в себя малейший лучик света. Верхний Ужас послал сюда их, маленьких черных посланцев, чтобы те передали ему, что прятаться бесполезно. Они найдут его везде.

Первыми придут те, у кого большие крепкие зубы и острые длинные когти; ими они разорвут в клочья стальную сетку, чтобы проложить путь второй и третьей волне и тем, у кого очень слишком ног и кто передвигается быстрым, легким, как перышко, вихляющим шагом.

Они спрыгнут с потолка и просочатся через щели в камнях, а затем в гнетущей, абсолютной тишине направятся к устройству. Они облепят его со всех сторон, а затем одна из этих тварей — жирная, похожая на личинку — прижмет свое липкое тело к смотровому окошечку и начнет прокладывать себе путь внутрь.

Мои глаза резко открылись от звука, похожего на шорох ветра пустыни в глазницах высохшего бычьего черепа. Я перевалился набок; камни внутри меня громыкали и больно бились о ребра.

Вокруг царило спокойствие, лампа, которую я регулярно заправлял маслом, вытекавшим из цилиндров барокамеры, ровно горела. Но я чувствовал близость хищников, их следящие за мной взгляды, полные жгучей ненависти.

Почему они не оставляют нас в покое?

Пневматическое сопение барокамеры слегка уняло мой учащенный пульс, и я встал, внимательно вглядываясь в каждую крошечную тень на стене, надеясь, что кто-нибудь из них отважится выбраться на свет. Выхватив из-за пояса рыжий от ржавчины гвоздодер, с которым я никогда не расставался, я угрожающе замахнулся им.

За одним из стальных прутьев у меня лежал свернутый в рулон отрезок металлической сетки, и я решил натянуть его поверх уже прикрепленных к стене слоев. Кроме того, я подумал, не пришло ли время заколотить проход и во второе крыло. Чем больше места у нас будет, тем больше у них шансов подобраться к нам.

Словно легкое дыхание — барокамера шикнула на меня, и я улыбнулся, коснувшись ее прохладного покрытия. Правда, улыбка улетучилась, стоило мне увидеть прозрачную жидкость, размазанную по стеклу, и окровавленные подушки, разбросанные по пустой камере. Мои шок и ужас были столь же оглушительно остры и безжалостны, как и стальной болт, который, подкравшись сзади, вонзила в мое плечо Лидия.

Мое тело выплеснуло горячую-горячую кровь, и, падая, я успел заметить, как вокруг меня сгущаются грузные темные тени, исходящие из стенок, и увидеть, как жалкая изуродованная фигурка Лидии склонилась надо мной, и взгляд ее был полон безумия.

Барокамера вокруг меня уютно жужжала, заскорузлые подушки хрустели при малейшем движении, легкие хлопья Лидиной крови порхали как перышки. От моего дыхания стекла запотевают, но лишь на мгновение. Она спокойно наблюдает за мной из другого конца помещения, ее череп просвечивает в тех местах, где она вырвала клочья волос. Кажется, что ее глубокие зеленые глаза совсем провалились вглубь, к затылку, оставив вместо себя пустые, черные дыры. Губы ее потрескались и распухли, вокруг ноздрей — спекшаяся кровь. Она шепчет ужасные слова, которые я изо всех сил стараюсь понять по губам, но в этом нет нужды. Злоба так и сквозит во всей ее повадке; о, если бы она осознала, что надела-ла!

Они доберутся до нее. Да, они освободили ее, но теперь, когда цель достигнута, они доберутся до нее. И я кричу и кричу в вонючем безвоздушном гробу, куда она меня бросила, ибо я знаю — они здесь, рядом со мной, в самых венах барокамеры, в ее трещинках и зазубринах, и скоро они придумают, как проникнуть в мои. Я не могу шевельнуть ни руками, ни ногами — места нет. Я едва могу дышать. Камни лежат тяжелым грузом в моей окровавленной груди. Они здесь, со мной.

Нет, мы с Лидией никогда не будем в полной безопасности.

Вроде насекомых

Сидя в уголке клуба, я гадала, отслеживают ли другие девицы из «Инициативы Электрической Дивы» ту же добычу, что и я. В первый же вечер, когда они приняли меня в свою тусовку, я сразу же опознала некоторых из них, хотя не могла точно вспомнить, где же я их видела — в городе столько клубов, закоулков, храмов и закулисных Зазеркалий, что быстро перестаешь различать.

Так же как и кумиров, ради которых, собственно говоря, я сюда и заявила. Я тащила от РедМеталла уже несколько недель; стандартное для меня время разминки. Я побывала на всех его выступлениях, вычислила, где он живет, чем занимается вне сцены, разузнала все про его прошлое (ничего интересного) и про его сексуальные привычки. Несколько последних вечеров я занималась тем, что (в знак особенной близости к предмету моего обожания) вырезала его имя ножом

на коже чуть-чуть повыше груди.

Мою кожу испещряло множество шрамов от других имен. Часть из них уже изрядно поблекла от времени.

Клуб находился в перестроенном бомбоубежище, состоявшем из четырех комнат и четырех коридоров; если на все сооружение можно было бы посмотреть сверху, то получилось бы что-то вроде свастики. В клубе не было сцены: РеДМеТаЛ скрывался где-то поблизости вместе со всей своей аппаратурой, а исполняемая им музыка транслировалась из динамиков прямо в помещения. Под ее звуки все выглядели в полумраке словно полуразложившиеся трупы, а сама музыка казалась кровью, вытекающей из вен РеДМеТаЛа.

Я видела орды поклонниц (не профессионалок, вроде меня, а так, балующихся в свободное от работы время), тусующихся вперемешку с настоящими фанатами — теми, кому и вправду не до балды РеДМеТаЛа и его музона, а не с теми, что просто западают на любое новое имя.

— Правда, круто? — спросил кто-то рядом со мной. — Он точно гений!

Этот кто-то оказался парнем, видок у которого был такой, словно чья-то умелая рука взяла кусок проволоки и сложила из нее человечка. Неподвижные, как у ящерицы, глаза парня запали на самое дно его черепа — сразу было видно, что он только и успевал затачиваться из ходивших по кругу кальянов со шмалью.

Я в ответ затаилась сигаретой, поскольку считала, что пусть лучше темнеет в легких, чем в мозгах, и наполнила клубами дыма пестрый от цветных вспышек стробоскопов воздух.

— Я на все его концерты ходил, — продолжил парень.

Конкурент?

— Как ты думаешь, он сегодня живьем выйдет? Я слышал, иногда он просто ставит какое-нибудь заранее записанное говно, а сам ходит по залу и смотрит, как кто слушает. Может, прямо сейчас рядом сидит! Да вообще, может, я — это он и есть! А может быть, он — это ты... нет, ты вряд ли, понятное дело, но, может быть, — воон тот парень.

Он кивнул в сторону здорового парня, который выглядел словно один сплошной черный водопад — густые прямые волосы цвета воронова крыла, длинный черный кожаный плащ, сутулая спина — короче говоря, Мэрилин Мэнсон в эпоху перед альбомом «Mechanical Animals», упакованный с ног до головы в латекс, и все тут. Я затаилась сигаретой, чтобы потянуть время.

Торопиться было ни к чему. Я все еще сомневалась, стоит ли с ним связываться. Профессиональная поклонница должна постоянно просчитывать, стоит ли овчинка выделки, а результат — потраченного времени. Если ты проваландаешься слишком долго, к тому же выяснится, что добыча и так уже по уши погрязла в блядстве, тогда успех невелик и хвастаться нечем. С другой стороны, если ты нанесешь удар слишком рано, прежде чем твой объект успел хоть чем-то прославиться, смысла тоже никакого. Трахнешь пустое место, только время зря потратишь и лишнюю мозоль на лобке натрешь.

— Мы с тобой вместе на «Мозолистой Спине» зависали, — произнес чей-то голос. Я даже не заметила, когда эта кудрявая блондиночка успела примоститься рядом с моим соседом. На ней было красное платье в обтяг, проклепанное явно самопальными заклепками, — Сейчас даже и вспомнить стыдно. Кстати, что с ними случилось?

— Да насрать мне, что с ними случилось! — отозвался парень, и оба захихикали типичным смешком укурков.

Я вроде бы еще ничего не сказала о том, какие отпадные ягодицы были у Алджери, вокалиста и лидер-гитариста «Мозолистой Спины»? Так вот, они двигались под кожей, словно танцевальный ансамбль, состоявший из хорошо накачанных слизней, когда мы с ним резвились в «позиции 69». А сперма у него была абсолютно безвкусной.

Стробоскоп погас одновременно с музыкой, вместо которой сразу же зазвучал монотонный индустриальный гул, который, скорее всего, был отсэмплирован прямо с саундтрека к оригинальной 110-минутной версии дэвидлинчевской «Головы-ластика». Вспыхнули ультрафиолетовые лампы, и все кругом превратилось в светящиеся фрагменты тел — в зависимости от того, что на ком было надето. Внезапно клуб оказался заполненным блуждающими торсами и ботинками, странными парящими в воздухе прическами и металлической фурнитурой. Я посмотрела на мои руки и улыбнулась, увидев, как пылают мои шрамы, словно щели, в которые виден Рай.

Я уже побывала на стольких выступлениях РеДМеТаЛа, что тут же догнала — сет подходит к концу. Именно это означал гул. Конец концерта — самое худшее время для отлова музыкантов, потому что все фанаты именно в этот момент их и поджигают. Не знаю уж, с чего я тормозила в тот вечер, но я явно упустила свой шанс.

Не проблема — время все еще было детское, а кумиров на этом свете хватает.

— Мы вроде насекомых, — сказала мне Марина как-то вечером вскоре после того, как я присоединилась к ее небольшой тусовке. — Мы ползаем по свежей падали и пытаемся получить от нее все, что можно, прежде чем она истлеет. Затем мы перебираемся на новый труп и так далее.

— А если исчезнут все трупы?

Марина улыбнулась:

— Трупы никогда не исчезнут, малышка.

Она всех нас называла малышками, хотя она была меня старше не больше чем на три года. Видно считала нас всех чем-то вроде своих детей.

Уже светало, и все вернулись на металлургический завод со своих ночных вылазок. Банка, стоявшая на скамье, была наполовину заполнена слоем густой, отливающей перламутром субстанции высотой в несколько дюймов, состоявшей из нескольких медленно перемешивающихся между собой фракций. Я наблюдала, как содержимое банки поблескивает в тусклом свете ламп.

На заводе уже давно не плавил сталь, рабочие покинули печи много лет назад. По какой-то не вполне понятной причине мы выбрали это место для наших шабашей. За огромными грязными окнами виднелась выжженная пустошь, а вдали — городские окраины Сиэтла. Высокие стены почернели за долгие годы от дыма и жара расплавленного металла. Их осыпающиеся поверхности поддерживались стальными крестовинами, похожими на проржавевший внешний скелет какого-то чудища. Здание было четырехэтажным, но мы в основном тусовались на первом — в огромном пустом зале, из которого вывезли все механизмы, какие только можно. Мы раскидали по полу красивые вышитые одеяла, чтобы валяться на них, а стены задрапировали полосами батика, так что в целом все это очень смахивало на турецкий бордель. На кирпичную кладку налепили звезд из золотой фольги, усыпали все блестками. В общем, постарались, чтобы сделать из этого сарая что-то вроде волшебного дворца.

Марина постоянно вдохновляла нас на то, чтобы, рассказывая о подвигах прошедшей ночи, мы одновременно чистили друг другу перышки, чтобы выглядеть совсем неотразимыми.

Я растянулась у Марины на коленях, позволив ей положить мою голову к себе на руку, и она расчесывала мне волосы инкрустированной бриллиантами расческой. Нас все еще перло от ангельской пыли, а многие не до конца остыли от ночных приключений. Даже удивительно, как погано мы себя чувствовали, если, вернувшись в наш дворец, не пахли случкой или на языке у нас не было привкуса спермы.

— У тебя есть какой-то секрет, — прошептала Марина, поглаживая меня по голове. — Иначе не понять, как тебе удалось за такое короткое время добиться

таких успехов.

Когда она в первый раз подошла ко мне и предложила пойти к ним в тусовку, я не стала врать и отчиталась обо всех своих победах в хронологическом порядке, иногда возвращаясь назад, если что-то вылетало у меня из памяти. Но только когда прозвучало имя Кобейна, все вокруг по-настоящему оживилось и скептически начали прислушиваться ко мне. Под конец я показала ей черепную кость. Это могла быть чья угодно кость, но Марина мне почему-то поверила. Она сказала мне, что я только что, судя по всему, убрала Кортни по полной программе.

— Так в чем же твой секрет?

Я пожала плечами: под наркотиками мне показалось, что от этого моего движения покачнулась вся Земля. Чувствуя, что не держусь на ногах, я оперлась на Маринино плечо. Воздух поблескивал вокруг нас от летающей в нем смеси мельчайших частиц Пи-Си-Пи и блесток, пригоршню которой кто-то вбросил в вентиляционную систему.

— Рано начала, — ответила я и ухмыльнулась. Она заглянула мне в глаза и ухмыльнулась в ответ.

Меняя одежду, меняешь внешность.

На следующий день я направилась в Вест-Сайд раньше обычного. Подруги все еще спали на расшитых одеялах, обвив друг друга словно змеи. На мне были самые тяжелые сапоги на платформе, какие только девочкам удалось раздобыть для меня, виниловая мини-юбка и латексный топ, поверх которого я накинула футболку с изображением пауков и паутины. Я соорудила на голове прическу из зеленых, голубых и алых «перьев» и вдела все колечки в дырки на губах и носовой перегородке.

Я шла решительной, агрессивной походкой по мощенной булыжником улице в той части Сиэтла, где все попытки модернизации с треском проваливались. В той, где эпидемии моровой язвы под названиями «Терстон Мур» и «Курт Кобейн» оставили след в виде многочисленных умерших и агонизирующих — разбросанных по маленьким скабрёзным ночным клубам и запущенным концертным залам, у многих из которых над входом не имелось даже вывески.

Я шла мимо них, мимо шаек, бродивших около покосившихся дверей, мимо ВИЧ-инфицированных вышибал с опухшими от вируса глазками, мимо шлюх и продавцов наркотиков. Две ночи назад я точно так же кралась по этим улицам, выслеживая Эстер.

Эстер была восхитительно высокой угловатой дивой; она пришла в Маринину тусовку одной из первых. Она недолюбливала меня из-за того, что Марина в последнее время почасту западала на меня, а у меня было правило: отвечать антипатией на антипатию. Я знала, что она охотится за самозванным механическим гуру по имени ПолуПлоть примерно с тех же времен, что и я, если не дольше. Я провела о нем еще задолго до того, как стала тусоваться с «Дивами», но типа передвинула на заднюю конфорку, когда на горизонте обозначились РеДМеТаЛ и еще несколько свежих имен. Парень этот нехило зашифровался, что делало охоту на него непростым делом, а еще было хорошим знаком: к тем, к кому можно было подобраться с пол-оборота, обычно вообще не стоило подбираться. С другой стороны, я обычно брала не качеством, а количеством. Ну и фиг! Разве не за это меня приняли в Орден?

Но времена — они-то меняются. Я хотела показать сестрам, что если уж на кого запала, то не отступлюсь ни за что.

Правда, я слегка отстала от жизни и не имела ни малейшего представления о том, где сейчас зависает ПолуПлоть. Только подслушав, как Эстер базарит об этом чуваке с другой дивой, я получила всю необходимую информацию. Эстер уже добилась личной встречи с ним в одном из его храмов-машин, а у нас в Ордене такая встреча означала только одно.

Я стояла у входа в подземку: в прошлый раз мне удалось выследить Эстер только досюда. Вход вел в ту часть метро, которой не пользовались уже несколько десятилетий, и был перегорожен желтыми полицейскими лентами и сломанными деревянными ограждениями. Истертые ступеньки были завалены кучами отбросов.

Я осторожно спустилась вниз.

Платформу покрывал мусор, вестибюль был освещен тусклым серым светом, лившимся через отверстие, пробитое в потолке над путями. Раньше я уже наблюдала, как Эстер забирается внутрь через эту дыру и сидит вместе с десятком других персонажей на пластиковых матах на полу помещения, которое когда-то было комнатой отдыха для копов (об этом свидетельствовали покрытые битой фаянсовой плиткой стены и перевернутые металлические шкафчики). Апостолы новой веры сидели, взирая на огромный телеэкран, на котором не было видно ничего, кроме ряби помех. Под экраном сидел человек, опутанный колючей проволокой. На его конечности были надеты змеевики, свернутые из труб, соединенные с каким-то самопального вида механизмом, висевшим над головой человека. Глаза его мерцали от проходившего через них электричества.

Извлеченные из его головы невнятные образы время от времени промелькивали на экране, и тогда вся паства принималась приглушенно бормотать молитву.

Я прыгнула с платформы на ржавые рельсы и направилась к отверстию. Посмотрев на часы, я ухмыльнулась — наркотик, который я подмешала в питье Эстер, будет действовать еще три-четыре часа, а через три-четыре часа ПолуПлоть уже будет моим, так что обе мы славно отсосем — каждая в своем роде, разумеется.

Я пролезла в дыру. Комната выглядела совершенно пустой, если не считать огромного телеэкрана, извергавшего мельтешение статических помех. Свернутые в рулоны пластиковые маты лежали около стены. Слева от меня был дверной проем, который я не заметила снаружи, завешенный шторкой из тонких металлических полосок.

Я отодвинула шторку и увидела его. Он сидел на электрическом стуле, его запястья и щиколотки были пристегнуты черными кожаными наручниками к тяжелым дубовым перекладинам. Из него торчали какие-то мерцавшие на стигах голубым и красным проводки, подключенные к установленным вокруг миниатюрным мониторам, похожим на стаю мальков установленного в первой комнате монстра. Стены комнаты были сплошь выложены этими мониторами, словно кирпичами. Некоторые были разбиты или просто не работали, большинство же показывали тот же самый статический шум.

— Ты не Эстер, — произнес ПолуПлоть. Точнее, окружавшие его мониторы.

Я скользнула к нему проворно, как змея, одним мигом превратившись в юркое существо, состоящее из одних только бедер. Правда, мои башмаки при этом громко простучали по бетонному полу. В этот миг я поверила на все сто в то, что он — не фальшивка. Как я ошибалась раньше, когда западала по молодости на механических мессий-самоучек вроде Дарио или Рубенса-Что-Пребудет-Вовеки, словно клиническая блондинка, но сейчас комната была наполнена такими энергиями, что...

Мне показалось, что сам Бог рассыпался в танце черных, белых и серых точек на экране.

— Ага, я не Эстер, — согласилась я, встав перед ним во весь рост.

Затем я опустилась на колени между его широко раздвинутыми ногами, откинула в сторону непослушную прядь волос и показала высший класс, на который я была способна.

Я, разумеется, не уверена, все ли прошло в соответствии с протоколом — учитывая то, как я обошлась с Эстер. Никто никогда не пытался обозначить правила, которыми должна руководствоваться девушка из «Инициативы Электрической

Дивы», но какие-то правила, бесспорно, должны быть. Увести добычу из-под носа у другой поклонницы — это одно, а накормить подругу наркотиком, чтобы занять ее законное место — это совсем другое.

Но, блин, девушка девушке — волк! Верно?

Почему-то дорога назад оказалась намного короче, чем мне казалось, так что я добралась до дворца в начале четвертого, когда большинство див были еще на охоте. По цеху между украшенными останками машин бродило штук пять девиц, включая китайку по имени Анна и, понятное дело, Эстер — которая все еще валялась в отключке под пурпурно-золотым одеялом.

У меня уже челюсть устала держать маленькое сокровище, которое я принесла в клювике домой. Анна подошла ко мне поближе, чтобы посмотреть, как я выплевываю сперму в хранилище, которое еще только предстояло заполнить другим. Она протянула мне салфетку, и я утерла ею губы и подбородок.

Анна была типичным хрупким восточным существом с фигуркой, за которую многие из нас просто убились бы. Разрез глаз у нее был не такой узкий, как у большинства ее сородичей, повадки — как у заказного убийцы, и она никогда не носила юбок ниже середины бедра. Но около месяца тому назад она совершила роковую ошибку и теперь погибала от вируса, который пожирал ее на глазах. У нее постоянно были кровотечения, такие сильные, что ей приходилось подкладывать валики из полотенец, которые все равно насквозь промокали за пару часов. Кожа ее стала бледнее на три тона с тех пор, как я с ней познакомилась, и она уже неделю не выходила на охоту.

— Ты сегодня рано, — сказала она голосом жестким, как бамбук.

— У меня была стрелка.

— Правда?

Я была не в настроении болтать, но в голосе Анны звучала такая печаль, что я растаяла. Кто знает, сколько еще времени бедняжка не сможет трахаться со звездами? Я даже и представить не могла, что я бы делала, если бы это случилось со мной — с ума сошла бы, наверное.

Так что мы присели около плавильной печи, которая некогда превращала сталь в раскаленную красную жидкость, подложили под спины подушки, и я обняла Анну. Я рассказала ей про ПолуПлоть (она слышала о нем, но только мельком), приврав маленько для красоты и, разумеется, опустив все сомнительные подробности.

— А я думала, что на него Эстер охотится, — прошептала убавканная Анна.

— Что-то не видно, чтобы она сильно напрягалась, — ответила я, и мы оба посмотрели на Эстер, которая храпела, лежа на спине, под одеялом. Это выглядело совсем изящно.

Я рассказала Анне о том, как от него, когда я притронулась к нему, посыпались искры, и как я увидела мои детские воспоминания на экранах мониторов, и как, когда он кончил, я почувствовала, словно мне в рот выстрелили зарядом металлической стружки.

— А он не фальшивка? — спросила меня Анна, уже засыпая.

Я кивнула и провела пальцем по лбу китайки.

— Зуб даю.

— Марине расскажешь?

— Конечно.

Но к тому времени, когда я ответила на этот вопрос, Анна уже спала.

Убивайте своих богов.

Уничтожая то, что тебе дороже всего, ты уничтожаешь все. Уничтожая фальшивку, только попусту тратишь время и силы.

В таком жалком мире, как этот, для механических кумиров существует неограниченная свобода отрываться от земли и стремительно падать в выжидающее небо. А для тех, кто не стал кумиром, тоже существует неограниченная свобода — сле-

довать за своими богами или не следовать. Третьего не дано.

Найдите своего бога и истребите его.

Нас было двенадцать, мы пробирались по хрустевшим под ногами перекрытиям над тоннелем подземки, словно стоя расфрантившихся летучих мышей. Дождавшись наступления темноты, мы проникли в тоннель и стали ждать.

Эстер блистала отсутствием — то ли все еще не пришла в себя, то ли дулась. Может быть, просто ревновала — я ведь не только первой добралась до ПолуПлоти, но еще и выяснила, что он — не фальшивка. А может быть, она знала или хотя бы догадывалась, каким образом я ее обошла. Руки у нее, впрочем, были связаны — сказать она все равно ничего не могла.

Я посмотрела на Анну, которая упросила нас взять ее с собой. Она сидела верхом на стропиле и глядела на меня. На ней был вышитый золотом и пурпуром китайский халат, а уши ее украшали огромные серьги.

Я ответила ей взглядом.

Услышав какой-то шум, доносившийся из темного конца тоннеля, мы затаились. В темноте появился мерцающий свет, который внезапно взорвался серебряными сполохами, наткнувшись на полосы алюминия, которыми ПолуПлоть покрывал себя для лучшей проводимости. Его появлению всегда предшествовало негромкое жужжание — словно за ним повсюду роем летали электроны.

Я посмотрела на Марину — мы все посмотрели на Марину — и увидела в ее глазах то же самое выражение, что и пару часов назад, когда я рассказала ей про ПолуПлоть, когда она сунула палец в банку и попробовала на вкус мертвое семя бога. Прикрыв глаза, с покосившейся тиарой на взбитых в высокую прическу волосах, с губами, припухшими от недавней инъекции коллагена.

Похожая на спятившую Бетти Бу¹, подавшуюся в серийные убийцы.

ПолуПлоть подошел ближе: он шагал по шпалам так легко, что казалось, будто он парит над ними. Вокруг шастали жирные хвостатые крысы, привлеченные исходящими от него токами. Стоя в тени, я и девочки видели осыпавшиеся с него, словно искры, образы, воспоминания, видения будущего, словно он был психическим жестким диском, с которого считывалось содержимое.

Мария задумчиво кивнула головой. Да, этот фальшивкой никак не был.

Мы дождались, когда он очутится под нами, возле лаза, ведущего в его логово, а затем взяли в руки наше оружие.

Обрушившись на ПолуПлоть ослепительным каскадом губной помады, лака для ногтей и стилетов, мы принялись убивать и насиловать новообретенного бога.

Чуть-чуть позже мы лежали вповалку на путях подземки, окровавленные, усталые, возбужденные, остывая после оргии. Наши наряды были порваны, смяты, наши мозги гудели от энергий, которые наполняли ПолуПлоть перед тем, как мы выпотрошили его. Это было куда круче секса.

Перекатившись на бок, я прислушивалась к тихому, усталому смеху подруг. Мы лежали, положив головы друг другу на бедра, прислонив затылки к спинам, прижавшись друг к другу. Из-за молочно-белого плеча Элизабет я наблюдала за Мариной.

Марина лежала, прислонившись к металлическому ограждению, тянувшемуся вдоль стены тоннеля — то ли для того, чтобы камни из кладки не падали на поезда, то ли для того, чтобы помочь бедняге, упавшему в желоб с рельсами, выбраться оттуда. Ее длинное фиолетовое платье было разорвано сверху донизу, так что было видно все тело Марины. Капля крови в ранке на ее бедре набухла, словно слеза, и скатилась вниз. Волосы, скрученные в густые, слипшиеся от лака локоны, ле-

¹ Betty Boo (Alison Moira Clarkson, род. 1970) — английская певица, в настоящее время похоже еще не спятила, но все относительно.

жали на земле параллельно ее длинным ногам. На лице у Марины светилась широкая ухмылка.

Внезапно она резко перестала пялиться в потолок и посмотрела на меня. Я не успела отвести глаза в сторону. Она и раньше не раз подлавливала меня, когда я ее разглядывала, и всегда смотрела на меня с таким видом застигнутого врасплох ангела.

Она послала мне воздушный поцелуй испачканными в крови пальцами.

Я поймала его в свою грязную ладонь и прижала к сердцу перед тем, как повадиться на спину.

Когда мы добрались до дому, Эстер уже поджидала нас. Она сидела верхом на выкрашенной бронзовой краской бочке из-под нефти, а на лице у нее сияла такая широкая ухмылка, что было ясно — без наркоты здесь дело не обошлось. Ее рассеянное от воздействия мескалина внимание сразу же сфокусировалось на нас, стоило нам войти во дворец. Каким-то образом она сразу же вычислила в толпе меня.

Наградив меня еще одной кошачьей улыбкой, она расплела свои элегантные лодыжки и снизошла с бочки на землю. Стряхнув чешуйки ржавчины с ягодич, она встала, наклонив голову набок. Просто ангел сраный какой-то.

Остальные тем временем разбрелись по своим местам — одни взгромоздились на стропила или на лестницы, другие улеглись на койки, матрасы или в пустые ванны. Они возбужденно тарахтели, все еще не остывшие от оргазма или чего покрепче. Марина подошла ко мне, обняла за талию, положив ладонь мне на живот. Стоя так, мы смотрели на Эстер.

— Эстер! — сказала Марина с легким материнским упреком.

Эстер положила палец себе в рот, изобразив в ответ капризную девочку. Хихикнула.

— Мамочка вернулась! — пропищала она.

Марина направилась к Эстер, но я не отставала от нее ни на шаг; она была теплая, и мне не хотелось расставаться. Протянув руку, Марина стерла что-то с подбородка Эстер. Ясно без объяснений, что это была полоска молочно-белой жидкости.

— Ты ходила сегодня на охоту, детка?

Эстер кивнула:

— Угу.

Затем она зыркнула в мою сторону, и я тут же почувствовала, как увяли во мне все недавние восторги, и мне стало кисло.

— Я тоже неплохо порезвилась.

Глаза Эстер просто сверкали, в них сверкали огни фейерверка; явно всю эту ночь она потребляла в неумеренных количествах продукты с высоким содержанием рибонуклеиновых кислот. Покачнувшись, она, чтобы не упасть, уперлась одной ладонью в бочку. На нас уже с любопытством смотрело несколько девушек, привлеченных нашей беседой.

Затем Эстер снова сунула палец к себе в рот, потом вытащила его и провела им по лицу. На коже остался темный след. Когда Эстер заметила это, она уставилась на бочку и принялась хихикать как сумасшедшая.

Тогда Марина отпихнула ее в сторону и сорвала с бочки крышку, как-то умудрившись при этом не поломать своих двухдюймовых коготков. Я только-только успела сунуть туда нос, как Марина нахлобучила крышку обратно, но того, что я увидела, мне и так хватило на всю жизнь.

Как она его туда запихала, этого я никогда не узнаю.

Я сразу догнала, кем он не был, этот сложенный пополам парень с елдой, которую Эстер затащила у основания куском стальной проволоки, чтобы продолжать

отсасывать у него, когда он откинет копыта.

Это не был РедМеталл, хотя именно на это ставила Эстер.

Не прошло и пары секунд, как я догнала, кем он был — тем самым парнем из клуба неделей раньше, который сказал мне, что, может быть, он и есть РедМеталл. Возможно, он прогнал ту же самую телегу и для Эстер, а может быть, это и не потребовалось — все зависело от того, как сильно ее колбасило. Короче говоря, девица приняла желаемое за действительное.

Мы избавились от этой бочки, долив в нее цемента для весу и утопив в ближайшей реке. В нашей тусовке мы знали, как сделать так, чтобы мужчина стгорел дотла — неважно, в пламени страсти или в огне паяльной лампы. Я оставалась вместе с Мариной, пока у Эстер не кончился отходняк, — а отходняк был еще тот.

Она то выла белугой, то пыталась, матерясь, выковыривать себе вены из рук когтями. Я стояла рядом, обняв Марину сзади и положив ей ладони на лобок, но жалости к Эстер во мне не было ни капли — только мрачная радость.

Эта сука, как только поняла, что ее опоили наркотиками, сразу же вычислила, с какой целью я все это затеяла и отреагировала на это так, как нам, конченым стервам, и положено.

Но я была отомщена.

— Мамочка! Мамочка! Ради Бога, помогите! — верещала Эстер, обращаясь то ли к нам, то ли к себе, то ли вообще непонятно к кому.

Я спокойно смотрела на то, как ее плющит в агонии, обнимая Марину, мою вторую мать, мою сестру, нежно лаская ее в такт с пульсацией крови, вытекавшей из распластанных вен Эстер.

Круче ночи в моей жизни еще не бывало.

После «смерти» Эстер уважение ко мне в нашей тусовке сильно выросло. Ее поражение обернулось каким-то боком моей победой. Я, разумеется, тут же слегка задрала нос, а тут еще коктейли из ангельской пыли и мескалина днем и ночью — так что нет ничего удивительного в том, что у меня не слишком сильно чесалось между ног. Сестры во всем потакали мне, я во всем потакала сама себе. На охоту я если и выходила, то только для того, чтобы прошвырнуться. Я даже не подыскала себе нового кумира. Но когда Марина однажды ночью прошептала мне на ухо то, что она мне прошептала, даже сквозь густой наркотический туман, окутавший мои мозги, я поняла, что мир вокруг меня обрушился от этих слов, а потом, обрушившись, приобрел четкую, жесткую определенность. Я перекатилась на бок и уставилась на Маринины губы, которые шевелились, повторяя снова и снова эти слова.

— Пусть это будет нашей тайной, — говорила она. — Нашей тайной.

Я улыбнулась, потому что я видела наше будущее, и оно сверкало, озаренное светом единственного истинного бога, который был нашей тайной. Нашей с Мариной тайной. Бога, который был неизмеримо круче всяких РедМеталлов, Дариусов-Икс, ПолуПлотей — да даже круче самого Кобейна. Бога, оргазм которого своей струей вышибет мне мозги и сорвет крышку с черепа.

Полторы недели спустя ангельская пыль осела в моем организме, словно обыкновенная пыль, оседавшая на наших самодельных столах и стульях. Обыкновенная пыль, мертвые частички нашей кожи, летающие в воздухе, пыль мертвой плоти, как тот пепел, что захоронен на дне реки неподалеку отсюда. И наступила полная ясность, особенно заметная на фоне предшествовавшего помрачения.

Валяясь на матрасе и рассматривая мощные индустриальные своды цеха, избежавшие наших жалких оформительских потуг, я торжествовала в душе. Еще одно последнее усилие. Еще одна звезда в коллекцию.

Мне так хотелось тряхаться, что зубы сводило.

Я восседала на троне, который девочки соорудили для меня. Как-то ночью мы откопали на свалке взаправдашний электрический стул и долго не могли налюбоваться на его обугленное дерево, пропитанное соком жареных преступников, на его покрытые ржавчиной металлические электроды. Затем мы оттащили его к себе во дворец, потому что какой же это дворец без трона? Единственная проблема состояла в том, что у нас было слишком много принцесс и каждой не терпелось пристроить на него свою точеную попку.

Мы обили жуткие боковины стула листьями алюминия с голографическим звездным узором, посыпали сучковатое дерево порошком из смеси блесков и Пи-Си-Пи, задрапировали сиденье восточными тканями. Затем соорудили помост для трона и систему шкивов, чтобы поднимать трон на помост.

Конечно, девочки были не в меньшем восторге, чем я, но, поскольку дело затягивалось, они начинали скучать, стгорая от желания испытать, наконец, удовольствие, которое они доставили бы не сами себе. И я их понимаю. Заставьте мясников работать малярами — они тут же завоюют от тоски по куску кровавого мяса и по топору в руке. Разумеется, я затеяла это все для того, чтобы немного их отвлечь.

План выстраивался в моей голове, бомба с часовым механизмом тикала у меня в голове в быстром танцевальном ритме, тревога и паранойя накатывали и отступали огромными океанскими волнами. Куда торопиться, скажу я им. Зачем нам ебля ради ебли? Наслаждение будет неполным, если его не посмаковать. А чтобы смаковать, надо сперва тщательно разжевывать, глотать мелкими кусочками, верно?

Вы уж мне поверьте, я знаю. Я это видела. А мы тем временем хорошенько подготавливаемся.

Я смотрела, как они надрываются, перетаскивая с места на место мешки, наполненные баночками из-под бриолина, использованными иглами для инъекций амфетаминов, тюбиками губной помады и трехдюймовыми гвоздями для пневматических молотков, как их твердые и округлые мышцы перекачиваются под кожей, словно маленькие зверьки. Они были такими шикарными посреди всей этой грязи и ржавчины. словно ангелы, возникающие из клубов цементной пыли, работающие не покладая рук, потому что мне хотелось создать для нашего нового божества поистине величественный храм.

«Кто будет восседать на этом троне?» — гадали они.

Напряг крепчал на глазах, но я все предусмотрела. Сестры обижались на меня за то, что я постоянно гасила их восторги по поводу нового идола, говоря им, чтоб они не пускали попусту слюни, потому что ждать уже не долго, и они слушались меня во всем, даже если и недолюбливали меня из-за того, что я стала так близка с Мариной.

К концу строительства трона они стали уже такими капризными, что последний штрих я добавила сама: это была доска, прибитая перпендикулярно к изголовью так, чтобы образовывать крест. Я уложила на сиденье золотые и пурпурные подушки, а затем задрапировала отверстие между ножками куском серебристой материи.

Марина наблюдала за моими действиями из дальнего угла цеха. Видно было, что она относится ко всему этому с подозрением. Она видела, как я беседую с сестрами, и как они повинуются мне — точно так же, как и ей, — просто потому, что им нравится повиноваться. Она по-прежнему спала со мной и позволяла ласкать себя, но, похоже, начинала жалеть, что поделилась со мной своей тайной. Мы были вместе и порознь: мои мысли были разделены между Мариной и той звездой, которую она обещала мне. Чтобы звезда проебла мне мозги насквозь. Проебла мозги нам обеим. Нам всем.

— Это будет президент? — интересовались девочки. — Нет, Элвис Пресли, живой и здоровый, который все это время скрывался в Юте и копил сперму, чтобы на

нас на всех хватило!

— Нет, не угадали, — отвечала я им, разлегшись у основания трона, на который я взгромоздилась прямо с ногами. Железное кольцо, к которому когда-то крепилась шапочка-электрод, висело у меня над головой, словно нимб.

— Тогда это тело Че Гевары! Нет, мумия Ленина!

Их обида обернулась обожанием за одну ночь, в течение которой я рассказывала им сказки, дразнила их Мариниными обещаниями.

— Нет, нет, — говорила я. — Гораздо круче!

— Тогда, может, Антихрист в дорогом костюме и галстук, словно прямо из романа Брета Истона Эллиса.

— Нет, нет, — повторяла я. — Круче! Гораздо круче! Когда мне было одиннадцать лет, родители повели меня в церковь. Это случилось за несколько месяцев до пожара, в котором они оба погибли. Пока родители болтали с другими прихожанами, я бродила по церковному двору. Я заметила, как дочь одного из друзей моего отца зашла в тень за зданием церкви. Я пошла за ней и застала ее перед массивным распятием Христа, первого революционера современного мира и явного Бога. По крайней мере, она мне так сказала. Первый революционер.

«Но это же Иисус Христос», — сказала я ей. «Разумеется. А знаешь, что бы я сделала, если бы встретила его или Бога Отца?» «Нет». «Если бы я встретила Бога во плоти, — сказала она, — я бы первым делом попыталась отсосать у него».

— Тогда это Чарли Мэнсон?

— Рэй Крок, создатель сети Макдоналдс?

— Председатель совета директоров «Найк», «Дисней» или «Уолмарт»? Призрак Маршала Маклюэна? Денис Родман? Какой у него цвет кожи? По какому каналу будет идти передача? Это будет аналоговый бог или цифровой?

— А может, это будет она? — сказала Анна, и возбуждение девочек троекратно возросло.

— Нет, — сказала я им. — Нет!

И все это время Марина скрывалась в темном дальнем углу, так что о том, что она здесь, можно было догадаться только по поднимавшимся оттуда через неравные промежутки времени клубам дыма.

— Если бог — это число, то сколько в нем знаков?

— А если ты все же встретишь его, прождав столько лет, что ты сделаешь?

— Я? Я у него отсосу!

Марина открыла мне страшную тайну, и тайна эта означала конец всему: я об этом догадалась даже прежде, чем это сообразила сама Марина. Она выпустила на свободу Антихриста, Зверя Последних Времен, и Зверь желал, чтобы его жестко выебли.

Я сказала девочкам, чтобы они приготовились, что ждать осталось совсем немного, и они кинулись подшивать, штопать и клепать спои шикарные наряды. Я заметила, что Марина лежит на своем матрасике вдалеке от нас, но беды в этом особой не было — она еще успеет вернуться в стадо. Она просто устала. Она слишком долго командовала, и теперь ей нужен отдых.

Она открыла свою тайну, открыла имя единственного истинного Бога, и все еще не могла прийти в себя после этого.

Я наблюдала, как она дышит во сне, считая мгновения между вдохом и выдохом. Как-то ночью я взяла ее на руки и положила на ее трон, потому что сама она до сих пор отказывалась туда садиться. Когда она проснулась и увидела, что я лежу, свернувшись, у ее ног, она в полусне слезла с трона и вернулась на свой матрасик.

Впрочем, какая разница.

Я положила ее к себе на колени и прошептала в ухо: «Все будет хорошо, успо-

койся», — потому что рано или поздно любому ребенку приходится утешать своих родителей. Разумеется, если они до этого не погибнут при пожаре.

— Я не понимаю, зачем все это, — отозвалась она.

— Тсс! — прошептала я и поцеловала ее волосы. — Все скоро кончится.

И не прошло и двух ночей, как оно почти и кончилось: девочки, мертвые, валялись вокруг, Марина восседала на троне, прибитая к нему гвоздями, распятая на кресте, разинув окровавленный рот, готовый принять в себя член Иисуса.

— Пора, — сказала я, и девочки тотчас начали собираться вокруг меня.

Марина вышла на охоту: она единственная продолжала время от времени это делать, хотя с тех пор, как она недавно подцепила сифилис и на верхней губе у нее виднелась отвратительная красная короста, особенным успехом она не пользовалась. Но она должна была скоро вернуться, и тогда мы могли начинать.

Я стояла на помосте для трона, и девочки собрались вокруг меня, словно верные ученицы, сверкающие блестками, демонстрирующие в разрезах кто грудь, кто бедро, кто зад. Разводы губной помады, пятна теней под глазами, словно синяки, скулы, увеличенные пластическими хирургами-любителями из нашей тусовки. В сумочках у них лежали косметички и rare alarms².

В воздухе витал запах их похоти — густой, мускусный и безрассудный.

Одна за другой они подходили ко мне, брали у меня огромные, размером с почтовую марку, промокашки с кислотой³, и клали их себе на язык, словно облатку причастия. Затем они так же по одной отходили от трона.

Когда в очереди осталось только три девицы, нетвердой походкой в цех вошла Марина. Ее одежда была мокрой от лившего снаружи дождя.

— Что здесь происходит?

Я раздала последние три промокашки девушкам и ответила:

— Готовимся к встрече с богом.

Марина посмотрела вокруг, увидела рвение в глазах сестер и снова перевела взгляд на меня.

— Мы у него, мля, отсосем! — закричала какая-то девушка непослушным от химического опьянения голосом. Послышались смешки, кто-то взвизгнул.

Марина сразу погрузилась.

— Так нельзя, — сказала она. — Что ты им такого наплела?

— Когда-то я ходила в церковь, — промурлыкала я. — Когда-то я была невинной.

— Малышка, что здесь творится?

Марина стояла в паре шагов от меня, и глаза ее были полны слезами.

— Когда-то я ходила в церковь, — снова промурлыкала я.

— Я уже это слышала. Когда-то я тоже ходила в церковь, Золотце, что с тобой?

— Я знаю, что ты тоже ходила в церковь. Знаю даже в какую.

— Кончай! Мы начинаем или как? — заскулила одна из девушек.

По лицу ее градом струился пот: видно, природный наркотик бурлил у нее в крови. В то же мгновение другая девица упала на пол и забилась в судорогах.

Марина посмотрела на припадочную, затем на меня. Еще нескольких девушек начало пошатывать.

— Что ты им подсунула? — спросила Марина.

Джина, чувственная экс-стриптизерша, иногда подрабатывавшая автослесаршей, грохнулась прямо лицом на цементный пол, так что — клянусь вам! — из черепа ее прямо-таки посыпались мультяшные картонные звезды.

² Брелок, издающий пронзительный сигнал тревоги. Можно использовать чтобы отогнать насильника или призвать полицию.

³ ЛСД.

— ...мне плохо...

— Прозрение, — ответила я.

Ночь, та ночь, в которую открылись тайны и отверзлись шлюзы.

Марина лежала рядом со мной, трезвая, сна ни в одном глазу.

— Я чувствую пустоту, — сказала она в темноте, наполненной холодным ночным воздухом. — Жуткую пустоту.

Я взяла ее руку в свою.

— А когда ты прикасаешься ко мне, — добавила она. — Я чувствую не пустоту, а тепло.

Я не смотрела на нее, я смотрела на огромные грязные окна на противоположной стене. Я слушала, что говорит она, и думала о том, что я могла бы рассказать ей в ответ. О том, как я тайком фотографировала ее. О том, как я долгие месяцы ходила за ней по пятам, прежде чем оказалась у дверей «Инициативы Электрической Дивы». О том, как я мечтала, чтобы она изнасиловала меня, сперва напичкав наркотой, чтобы целовала меня, как лунный луч, целующий темные океанские волны.

— Я люблю тебя, — прошептала Марина мне на ухо. В этом и заключалась ее тайна.

После того как она повернулась на бок и заснула, я долго еще лежала, уставившись на стену, и размышляла.

— Мне надо кое-что рассказать тебе. Это тайна. Никто не должен знать. Это наша тайна.

А затем — эти три слова, словно три динамитных шашки, упакованных в мех норки, пропитанный красотой и кровью.

— Прозрение, — ответила я, когда Марина спросила, что я такое подсунула сестрам. Прозрение в виде такой дозы девяностопроцентного галлюциногена, что она вырубит навсегда их слабые мозги через полчаса.

— Ты сказала мне правду? — спросила я, наблюдая, как Сара, Джулз и Тиш одна за другой валяются на пол. — Той ночью...

Марина тоже смотрела, как ее приемные дочери ничком валяются на цементный пол, похожие в своих шикарных новых платьях на невест, на упавшие кегли, на сорванные ураганом желуди. Когда Тереза упала на колени, попробовала проползти вперед, но тут же рухнула и забилась в судорогах, когда хрупкая фарфоровая Анна начала выплевывать сгустки крови, Марина закрыла глаза ладонями и из-под них тотчас же брызнули слезы.

Наконец мы оказались рядом, и тогда я положила руку на бедро Марины. Затем я взяла свободной рукой ее другую руку и поцеловала ее.

— Ваше величество, — сказала я и сделала реверанс. Маринины губы задрожали, и я поцеловала их, чтобы унять эту дрожь. Я схватила ее за голову, привлекла к себе, и она, наконец, приоткрыла рот в ответ, и я почувствовала тепло ее языка.

Если я встречу бога...

Это так давно, половину прожитых мною лет тому назад. Она не так уж сильно изменилась по сравнению с той девушкой-подростком, что так пленила меня тогда, за церковью, в тени которой ее незрелая грудь под белой блузкой казалась такой рельефной. Если я встречу бога...

Мы раздели друг друга, бойцы нашей прекрасной армии лежали на полу вокруг нас, околдованные чарами углерода, фосфора и неизвестных полимерных цепей. Мы сняли с себя наши свадебные наряды и ювелирные украшения, она позволяла целовать себя и целовала меня в ответ, а затем я повела ее к трону, кожа наша соприкоснулась, и во мне вспыхнуло пламя, которое спало внутри все эти годы.

— Что ты будешь делать, если встретишь бога? — спросила она еще до того, как расцвела у меня на глазах в следующем году, когда я могла следить за ней только издалека, потому что после того, как мои родители умерли, в церковь я уже не ходила.

— Я? Я у него отсосу! — ответила я надгробным камням, после того как ее увели. И повторила эти слова распятию.

И вот прошли годы, и я возвела мою королеву на трон, села рядом с ней и целовала ее. Я повернула рычаг в подлокотнике трона, и три фунта Пи-Си-Пи, кокаина и измельченного амфетамина осыпали нас, так что когда мы облизывали друг друга, наши языки пощипывало от наркотиков.

Если я встречу бога, я у него отсосу...

Она сидела на троне, и ржавый нимб сиял у нее над головой. Я раздвинула ей ноги и скользнула вниз.

Те девушки, что все-таки выжили после моего убойного коктейля, смотрели как мы страстно извиваемся и понимали, что видят нечто большее. «Неужели это и есть бог?» — недоумевали они. Неужели я созерцаю бога, многорукого и потного, такого охуительно сексуального и чувственного?

«Что ты им подсунула?» — спросила меня Марина.

«Прозрение», — ответила я.

Марина вилась подо мной, шевелила бедрами, прижималась к моему телу, тоже покрытому сверкающей наркотической звездной пылью. Я схватила ее запястья, развела их широко, ощущая, как легкие спазмы прокатываются по животу Марины, как ее бедра все сильнее и сильнее сжимают мою голову. Апокалипсис приближался. «Интересно, если бог кончит, не приведет ли это к гибели всего мира?» — подумала я и с размаху насадила запястья Марины на длинные острые гвозди, которые я вбила в концы вертикальной доски, образующей крест со спинкой трона. В этот момент Марина кончила: кровь хлынула из пробитых запястий одновременно с резкими сокращениями ее тазовых мышц.

Моя прекрасная принцесса содрогалась в пароксизмах нарастающего оргазма, распятая на холодном дереве, не зная, кричать ли ей от наслаждения или от пронзительной боли в запястьях и, наконец, не выдержав, закричала и от того и от другого.

Я спустилась с платформы, чтобы насладиться этим зрелищем. Мое лицо было влажным от ее любовных соков. Догадалась ли она, кто я такая? Или она всегда это знала?

Что я буду делать, если встречу бога?

Этому она меня сама научила в тот день.

Не поклоняйся никому. Не восхищайся никем, потому что в мире есть только одно всемогущее существо, которое имеет всю власть над тобой, которое носит одну с тобой одежду, трахается с теми же мужиками, что и ты, имеет с тобой на двоих одни потроха. Все боги — ненастоящие, потому что единственный бог — ты, и если тебе попадетсЯ один из этих обманщиков, ты должен убить его, потому что он лжец. Всякую мелюзгу, в которую никто не верит, даже она сама, трогать не надо: убивай только тех, кто опасен, тех, кто выглядит убедительно, тех, в кого можно почти поверить.

И вот Марина, развалившаяся на троне, пришпиленная к кресту, окруженная выводком своих красоток-учениц, похожих на потравленных тараканов, наконец, получила ответ на свой вопрос.

Я начала собирать мои шмотки, чувствуя себя на вершине восторга и наслаждения, хотя в голове у меня слегка мутилось. Я натянула на себя старый комбинезон и туфли на высоком каблуке, потому что они первыми попались мне под руку. Затем я взяла пневматический молоток и гвоздь. Я обмотала волосы изолентой, чтобы они не падали мне на глаза. Я зарядила молоток.

Побросала самые необходимые шмотки в спортивную сумку, не задаваясь вопро-

сом, как я собираюсь жить дальше, потому что это был слишком большой вопрос.

Затем я взобралась на помост к Марине, которая сидела с широко раскрытыми глазами и спокойно смотрела на меня. Кровавые пузыри набухли на ее вздутых от коллагена кукольных губах. Я подняла пневматический молоток и приставила его к ее лбу, в точку, где сходились ее брови. И нажала на курок.

Потому что: что нужно сделать, если встретишь бога?

Отсосать у него — а затем убить!

Расстройство чувств

Он всегда ходил сторбившись, практически всегда, и, хотя, направляясь ко мне, он ничем не походил на убийцу, он был убийцей. Мы оба были убийцами.

Мы стояли перед заведением, которое в этих краях сходило за байкерский бар. Здание, в котором бар помещался, стояло рядом с подъездными путями, по которым подвозили грузы к кораблям, заходившим в док. Примостившийся в покровительственной тени огромного портового крана, бар весь так и щетинился от распиравшей его скрытой агрессивности и выглядел вызывающе, словно лозунг, сплетенный из колючей проволоки. Мотоциклы, сбившиеся в кучку на маленькой площадке перед баром, казались роем спящих насекомых.

— Ты что, все еще не выкинул это из головы? — спросил он меня, скрестив тощие руки на впалой груди и прислонившись к невысокой стене, на которой я сидела. Спросил с самодовольной улыбкой.

— Потерпи маленько. Как ночь прошла?

— Отменно, — ответил он. — Дзига взял меня в тот самый клуб — наверное, чтобы набить себе цену? Ну, мне-то наплевать, если ему так больше нравится.

Я коротко усмехнулась:

— Интересно, что ты с ним такое сделал?

— Не хами мне. Ничего я с ним не делал.

— И то верно, они обычно сами это делают.

— Точно.

— И что же он сам с собой сделал?

— Догадайся.

«Догадайся!». С какой-то радости я должна играть с ним в угадайку?

— Эротическое самоудушение? — ляпнула я первое, что пришло мне в голову.

Какое-то мгновение Виктор не отвечал, но, посмотрев на него, я все сразу же поняла по выражению его лица.

— Угадала, — отозвался он, наконец, обиженно, а затем добавил: — Он любил меня. Похоже, он и на самом деле очень любил меня.

— Значит, так и умер от неразделенной любви?

— Да пошла ты в жопу, Ваня!

— Сам туда пошел.

— Когда он решился на это, он сам захотел, чтобы я был там. Чтобы принимал в этом участие.

— Так это ты его задушил?

— Разумеется, нет, — рявкнул он, — Он хотел, чтобы я наблюдал.

— Ах, вот как... — сказала я, чувствуя, что меня это начинает интересовать. — А раньше ты когда-нибудь такое видел?

Виктор покачал головой;

— Только издалека.

— Ну и как?

Виктор пожал плечами:

— Неаппетитное зрелище, честно говоря.

— Кто бы сомневался.

— Ладно, мы что, тут всю ночь будем обсуждать всякую блевотину или за дело возьмемся? А то я уже яйца себе отморозил!

— Ну, свою-то работу я уже сделала, — сказала я, почувствовав, что настала моя очередь выпендриваться. — Я тебе что-нибудь рассказывала о бинарных ядах?

— Нет, ты мне ничего не рассказывала о бинарных ядах.

Парень явно скучал, видно было, что этот урод уже отвеселился и теперь ему все было по барабану.

Так что пришлось мне ему рассказать о том, что некоторые вещества сами по себе абсолютно безвредны, даже в больших дозах. И их можно смешать с другими веществами, которые сами по себе тоже не ядовиты. Но смесь их будет уже совсем не такой безвредной... далеко не безвредной.

— Например, биметинол натрия, — сказала я, услышав крики, раздававшиеся из бара, — в сочетании с алкоголем.

В этот момент дверь бара неожиданно распахнулась, и оттуда вывалилась кучка байкеров, которые с трудом держались на ногах. Они натыкались друг на друга, на мотоциклы, опрокидывая все на своем пути. Их без конца тошнило, тела их сотрясались от жутких спазмов, и они падали на землю, продолжая корчиться от боли.

Следом за ними из дверей бара повалили остальные. Спотыкаясь о тела товарищей, они падали на землю рядом с ними и оставались лежать.

Виктор выпрямился, вцепившись в край стены так, что побелели костяшки пальцев.

— Вот они! — закричал, заметив нас, один из байкеров, явно избежавший действия яда. (Мне не удалось подсыпать яд в стаканы каждому, поэтому я знала заранее, что некоторым удастся уцелеть.)

Они, конечно же, запомнили новое лицо в баре, и теперь былое их любопытство естественным образом уступило место подозрениям.

— Пора сматываться! — сказала я.

Виктор немедленно последовал моему совету, потому что те из байкеров, кто был еще в состоянии двигаться, уже поспешно направлялись к нам. Он уже перемахнул через стену и улепетывал через свалку промышленного мусора, находившуюся за ней, в то время как я, неторопливо забравшись на стену, выпрямилась во весь рост, а затем в ярком свете луны показала средний палец моим преследователям.

Так обстояли дела сейчас, но еще раньше — до байкеров, до этого бара — был Анатолий.

На одном из моих друзей я испытала маленькую дозу хлората аммония, на другом — инъекцию диметилсульфата натрия. Если хлорат аммония вызывал просто ментальную потерю сознания, после инъекции диметилсульфата на губах жертвы выступила розовая пена. Парень набросился на меня, повалив на землю, как только почувствовал что-то неладное. В тот самый момент.

В тот самый момент, когда в их глазах возникает вопрос: «Что ты сделала со мной?»

В тот самый момент, когда улыбка возникает у меня на лице.

Анатолий был долговременным проектом. Оттрахав меня, он обычно валялся на грязном диване, покрытый крупными, похожими на сверкающие пули, каплями пота, которые смотрелись на его коже словно капли кислоты. Я протягивала ему стакан с черной водкой и становилась рядом с ним на колени.

— А у тебя чего? — спрашивал он, кивая головой в сторону моего стакана.

— Просто вода.

— Покрепче ничего не хочешь?

— Не хочу. Пей сам.

Это было в самом начале недели. В конце недели он позвонил мне. Сказал, что

всю ночь его ужасно тошнило с кровью и что он хочет поехать в больницу.

Я попросила дождаться меня и поехала к нему.

Везде на полу виднелись лужицы рвоты, в которых виднелась кровь. Отлично.

Это означало, что в его крови уже образовалось достаточное количество кристаллов VI_2 , и что в настоящий момент они разрывают стенки капилляров в его внутренних органах — в печени и почках, в основном. Эти частицы образовались потому, что раствор пропилдиэтилпропата, которым я постепенно накачивала Анатолия на протяжении последних нескольких месяцев, разрушил его метаболизм и теперь начал кристаллизоваться в его венах быстрее, чем организм успевал перерабатывать его.

Перекладывая Анатолия с пола на диван, тоже густо покрытый засохшими лужичками рвоты, я прикидывала, как долго он еще протянет.

— Я едва могу пошевелиться, — сказал он, попытавшись ухватиться за меня и потрясти, но сил не хватило, и он упал на спину. — Ты должна отвезти меня в больницу!

— Это просто пищевое отравление, — сказала я, вытирая руки о юбку.

— Какое на хрен пищевое отравление! — завопил он, обрызгав меня каплями слюны, смешанной с желчью. — Да мне, похоже, просто пиздец пришел, Ваня!

Пропилдиэтилпропат имеет слишком сильный вкус, чтобы не заметить его в чистой воде, вот почему я растворяла его в черной водке, но теперь это уже не имело никакого значения. Я протянула Анатолию стакан.

— Тебе нужно пить, чтобы не случилось обезвоживания.

— Мне нужен врач!

— Не будь ребенком! — возразила я. — Тебе просто нужно успокоиться.

Я провела рукой по его голому животу и запустила руку под брюки.

— Кроме того, если ты попадешь в больницу, кто знает, насколько ты там застрянешь. А я буду без тебя скучать.

Я взяла плоть Анатолия в свою ладонь, смазанную его же желчью и кровью. Начала ласкать его.

Едва заметная улыбка появилась в уголках его рта, и я тут же влила ему в горло содержимое стакана.

— Не понадобятся тебе никакие врачи, — сказала я. И они ему действительно не понадобились.

В ту ночь спать мне было некогда.

Возвращаясь от Анатолия, я провела пару часов в барах центральной части города в поисках потенциальных новых друзей. Несколько знакомств, несколько телефонных номеров, несколько чересчур откровенных предложений, и вот я уже возвращаюсь по петляющей дороге, которая ведет на холмы к разбросанным по ним большим домам.

Всегда, когда я направлялась к Кристиану, я чувствовала себя так, словно направляюсь в лучший мир или, по меньшей мере, в мир, который так выглядит. В мир, в котором цыганам вряд ли когда-либо позволят встать табором.

Я надела черное платье для коктейля, украденное мною днем в магазине, потому что Кристиан всегда вел себя так, словно его положено обслуживать по высшему разряду. Впрочем, я знала, что, несмотря на весь свой аристократизм, он, в сущности, как и все остальные, нуждался в первую очередь в моей дыре — поэтому платье, которое я надела, прикрывало бедра едва-едва, так что были почти видны даже некоторые из моих шрамов.

Кристиан владел пентхаузом в элитном жилом доме, стоявшем на одном из самых высоких холмов. Чтобы избежать объяснений с портье, я направилась обычным маршрутом — по пожарной лестнице, прикрепленной к задней стене дома, — но не успела я одолеть и пролета, как сверху послышались шаги: кто-то спускался по лестнице. Я нырнула в дверной проем, заканчивающийся вместо двери бетонной

плитой, и увидела, как мимо меня прошел какой-то парень примерно моего возраста. Он, похоже, обкурился, потому что не заметил меня.

Я подождала, пока он не скрылся из вида, после чего проделала оставшийся путь.

Агония Анатолия раздражала меня, словно кто-то попытался довести меня до оргазма, а затем остановился за несколько мгновений до того, как я кончила, и теперь я мучительно искала разрядки. Сегодня ночью настала очередь Кристиана: у меня для него был заготовлен особенный препарат, в настоящее время лежавший в моей сумочке.

Увидев, что дверь не закрыта, я насторожилась.

Я подумала, что, возможно, он просто поджидает меня, растянувшись на постели, как это часто случалось, но, хотя простыни были измяты, его там не было. Я позвала его по имени. Еще раз.

Под дверь в ванную виднелась узкая полоска света. Что он задумал на этот раз?

Я повернула ручку. Дверь была не заперта.

Кристиан ждал меня за ней. Он лежал в ванне, нагой и обмякший, свесив одну руку и одну ногу через ее край. Кровь вытекала из его перерезанных запястий.

Вот пидарас!

Зачем, какого черта?!

Я кинулась к нему, но я уже знала, что ему конец. Опасная бритва валялась на полу в увеличивавшейся на глазах луже крови.

Я потрогала его лоб, чтобы сделать хоть что-то.

Он все испортил!

— На хера ты это сделал?! — заорала я, молотя кулаком по его груди. — На хера?...

Я взяла приготовленный для него яд и все равно, в знак пренебрежения к воле покойника, влила его ему в рот. Я трудилась не одну неделю над тем, что должно было случиться этой ночью, а он...

Стоп!

Тот самый парень.

Он спускался по лестнице, а с тех самых пор, как я начала водить дружбу с Кристианом, я ни разу не видела, чтобы кто-нибудь кроме меня пользовался этой лестницей. Насколько я знала, кроме как в пентхауз, с нее никуда нельзя было попасть.

Маленький сучонок!

Я засекла его, когда он, словно в полусне, брел по мостовым частной дороги, серпантинном спускавшейся вниз к неуклюжим городским строениям. Он не заметил моей машины, пока я не остановилась рядом с ним, слегка преградив ему путь капотом машины. Я открыла пассажирскую дверь.

— Залазь! — скомандовала я.

Он был действительно очень молод, к тому же нарочито подчеркивал свой возраст обтягивающей футболкой и блестящими джинсами, в которых его худощавая фигура казалась еще более худощавой. На лице его застыло типичное для городской шпаны безучастно-агрессивное выражение.

— Мне ничего не нужно, — ответил он и попытался продолжить свой путь.

Я тронулась с места, снова перегородив ему путь машиной.

— Я подруга Кристиана, — сказала я.

— Не знаю никакого Кристиана. Не знаю вообще, о чем ты говоришь.

— Залазь ко мне, мать твою, или я вызову полицию! Угроза, казалось, слегка сбила с него спесь.

— Я ни в чем не виноват, — сказал он виноватым голосом.

— Тогда залазь.

Сначала он не хотел мне рассказывать, как он это сделал, и тогда я изобразила всем своим видом полное равнодушие, потому что я знала, что на самом деле ему мучительно хочется с кем-нибудь поделиться. Ведь и мне хотелось того же самого.

— Представь себе, что ты стоишь на одном из мостов там, внизу, в заливе. На высоте ста пятидесяти футов над водой. Всего лишь один шаг — и все кончено. Всего один шаг, мгновенный порыв, мгновенное решение. Нет ничего проще.

— Если нет ничего проще, — усомнилась я, — почему мы все до сих пор не покончили самоубийством?

Он пожал плечами.

— Возможно, нам просто нужно, чтобы кто-то нас подтолкнул.

— А если никто не подтолкнет?

Он снова пожал плечами.

— Знаешь, лично я бы предпочла, чтобы ты не подталкивал Кристиана к предельно честным поступкам.

Он ведь был мой.

— Твой бойфренд?

— Да нет же!

— Кто же тогда?

И я рассказала ему — рассказала, потому что подумала: «Черт побери! Да ведь он почти такой же, как я!».

— Ну откуда же мне было знать? — сказал он. — Надо было быстрее поворачиваться.

— Я же не знала, что нужно спешить! — заорала я в ответ и врезала по тормозам, потому что как раз в этот момент какой-то мудака попытался подрезать меня. Машина была похожа на бандитскую, поэтому я решила не связываться. Мне уже хватило приключений на ночь.

— Отравление, — сказал он, и (показалось мне это или нет?) мне послышалась насмешка в его голосе. — Как жестоко!

— Да пошел ты в жопу, что ты знаешь о жестокости! — Я подумала о том, сколько времени я потратила на то, чтобы приготовить правильную смесь и найти правильную дозу. — Нет в этом ничего жестокого.

— Тебе лучше знать.

— А ты выбираешь жертву послабее, повнушаемое — разве это не жестоко? — парировала я.

— Во-первых, они — не жертвы, — отрезал он. — А во-вторых, они ничуть не более внушаемы, чем кто угодно. И я могу это доказать тебе.

— Как?

Мы проехали через весь город туда, где стоят эти странные бараки, которые считаются тут за дома, а затем направились к возвышавшимся над ними многоэтажным домам. В этих тридцатиэтажных башнях, чем выше поднимаешься, тем больше чувствуется бедность. Те, которые живут на самом верху, наверняка могут рассмотреть шикарное жилище Кристиана на другой стороне долины.

Он отводит меня по лестнице на четвертый этаж, в воздухе пахнет мочой, старой прокисшей мочой.

Он стучит в дверь, оттуда выходит лысеющий парень с грудью колесом и армейскими татуировками повсюду. Виктор знакомит меня со своим другом, и мы заходим внутрь, причем парень практически не замечает моего присутствия. Он гораздо больше рад видеть Виктора, чем меня. Квартира грязновата, но все в ней разложено по полочкам (очевидно, рецидив казарменной дисциплины). На одной стене — гомофобская надпись, и я не знаю, сделал ее сам владелец квартиры или кто-то другой.

Мы сидим на полу, потому что в квартире практически отсутствует мебель, и парень продолжает игнорировать меня. Виктор болтает с ним, смеется вместе с

ним, ласкает его, а я просто сижу и молчу. По привычке я не прикоснулась к питью, которое он мне предложил. Они уходят в спальню, и я остаюсь в одиночестве на пару минут, прежде чем Виктор возвращается.

— Почему бы тебе не спуститься в машину? — спрашивает он. — Я приду к тебе через пару минут.

Я киваю, потому что больше мне ничего не остается, заглядываю ему за плечо и вижу, что хозяин квартиры сидит на краю кровати, уронив лицо в ладони.

К тому моменту, когда я уже начинаю чувствовать себя жертвой розыгрыша, Виктор появляется из подъезда с выбитой дверью, взбирается на крышу машины и хлопает по ней ладонью, приглашая меня присоединиться.

— Что происходит? — спрашиваю я его, усевшись рядом.

— А ты подожди, — отзывается он.

Я слежу за его взглядом и замечаю на козырьке, отделяющем последние пять этажей от остальных двадцати пяти, человеческую фигуру.

— Это он?

Виктор удерживает меня, чтобы я не вскочила на ноги, и прижимает палец к губам.

— Не спугни его!

Я вижу, как человек наверху разводит руки в стороны, и в тот миг, когда он прыгает, я мучаюсь вопросом, на кого он пытается сейчас походить — на хищную птицу или на реактивный истребитель? Он летит до земли ужасно долго и в то же время стремительно быстро. Я никогда прежде не слышала звука, похожего на тот, с которым он ударился о землю.

— Блин!

— Давай, нам пора сваливать! — говорит Виктор и забирается в автомобиль.

В течение нескольких секунд я не могу заставить себя сдвинуться с места, я хочу пойти и посмотреть на тело (по крайней мере, так мне кажется), но люди уже высовываются, пытаюсь понять, что это был за жуткий звук, и я понимаю, что это опасное желание. Я завожу двигатель, и Виктор говорит:

— Тебе есть куда ехать? А то мне некуда. Пристроишь меня?

Я ничего не отвечаю ему, просто трогаю с места.

То, что мы затеяли, нельзя назвать соревнованием в полном смысле этого слова, но что-то от соревнования в этом есть. Хотя никто из нас в этом не признается, я догадываюсь, что нам нравится делиться с кем-нибудь нашими тайнами.

Я жила в одном из самых маленьких трейлеров в трейлерном парке; колеса с него были сняты и заменены бетонными блоками, которые, как предполагалось, предохраняли днище трейлера от приносящей с собой ржавчину влаги. Все стены трейлера покрывали оскорбительные граффити, но нам было к этому не привыкать — ненависть всегда шла за нами по пятам. Я почувствовала испуг Виктора, когда затащила его на пустошь, которую мы занимаем в течение нескольких последних месяцев, но это была, как я понимаю, естественная реакция. Пройдет несколько недель, и он привыкнет.

Он зарабатывал на своих жертвах недурные деньги — перед тем, как они умирали, разумеется, — и он разделил эти деньги со мной в обмен на разрешение жить у меня.

Время от времени мы натыкались друг на друга, и тогда делились нашими историями, словно семейная пара, которая вечером обменивается впечатлениями о прошедшем рабочем дне. Наши рассказы представляли собой смесь хвастовства и исповеди.

Виктор рассказал мне об Оливио, латиноамериканце лет сорока с лишним, который вышиб себе мозги из охотничьего ружья, и о Нико, ди-джее с дефектом речи, который лег на железнодорожное полотно перед выездом из тоннеля на окраине

города. В обмен на это я рассказала ему про парня, которого подобрала в металлургическом клубе; он не мог отвести глаз от моих ног, обтянутых, как всегда, полосатыми гольфами выше колен, и как он корчился, словно в оргазме, когда я вонзила иглу в его спину и ввела ему 10 кубов специального препарата, который я приготовила за день до этого. Я рассказала ему о секретном шалаше в лесу неподалеку, который служил мне лабораторией, но он так и не дошел дотуда.

Как-то ночью мы лежали рядом на раскладной кровати. Виктор был явно в плохом настроении, хотя и не мог объяснить его причину. Я завела несколько новых друзей той ночью, и уже приняла решение, что испытаю на паре из них смертельную дозу одного из моих новых препаратов, причем одновременно, чтобы это было максимально похоже на испытания в полевых условиях.

— Ты меня слушаешь? — спросила я. — Это будет что-то вроде LD₅₀.

— Вроде чего?

— Летальная доза 50. Это тест, который обычно проводят на животных. Им вводят постоянно повышающиеся дозы вещества и смотрят, от какой дозы умрет пятьдесят процентов подопытных.

— Что ты собираешься на них испытывать?

— Еще не знаю. Что-нибудь для перорального употребления, но на этот раз я хочу, чтобы они выпили яд по собственному желанию. Может быть, смесь гербицидов.

— Ту самую, зеленую?

Я кивнула и протянула ему сигарету.

— Можно задать вопрос?

— Если хочешь, — ответил он, затянувшись.

— Что ты им говоришь?

— Это зависит...

— От чего?

— От жертвы. От меня. От ситуации. Обычно я импровизирую.

— Но все же что ты им говоришь?

— То, что следует. Обычно не так уж сложно вычислить, какие слова нужны в каждом случае.

— А мне? Мне бы ты что сказал?

— А это секрет, — сказал Виктор и в первый раз за вечер улыбнулся.

— У тебя всегда получается?

Он слегка поджал губы и ответил не сразу.

— В большинстве случаев. Отдельные люди упираются сильнее, чем другие. Но в конце я обычно и с ними справляюсь.

— Обычно?

И снова он ответил не сразу.

— Есть тут один, я уже давно с ним вожусь. С того самого времени, как я сюда приехал. Он... ну, на него почему-то ничего не действует.

— А кто он?

— Обычный парень. Звать Роллинс. Он художник и пользуется определенным успехом в андеграунде. Он пишет картины и сооружает скульптуры из мусора. Я постоянно пытаюсь объяснить ему, как он бездарен, но ему, похоже, на это наплевать. Он обычно зовет меня к себе в гости, как только закончит очередное произведение, словно я — бутылка шампанского или что-то в этом роде. Я всегда тут же поливаю грязью его новый шедевр, но он лишь улыбается в ответ. Столько трудов, столько пота, а тут какой-то проститутт приходит и говорит ему, что все это — полное дерьмо. А он в ответ улыбается — и все тут.

— Так ты у него сегодня вечером был? Да? Виктор кивнул и в последний раз затянулся сигаретой.

Перед тем как окончательно покинуть квартиру через пожарную дверь (потому

что в коридоре были люди), я окончательно убедилась в том, что кровь свернулась в его венах. Я уже знала по предыдущей ночи, что ему нравится жесткий секс, но в ту ночь ему хотелось еще жестче, чем всегда. Он прокусил мне кожу на плече, поэтому я не чувствую себя ни капельки виноватой за то, что в ответ одним ударом свернула ему челюсть. Я не собиралась убивать его так быстро, но он испугал меня и сделал мне больно, поэтому я тут же опрыскала препаратом его лицо и грудь.

Он впитался в его кровь прямо через эпидермис — я прочла об этом методе в одном из украденных мною в библиотеке журналов; им пользовались в Южной Африке для того, чтобы вводить биологические яды лидерам движения против апартеида. Яд попал прямо в его нервную систему, и все нервные окончания вдоль его позвоночника вспыхнули одновременно, перегрузив болевые рецепторы, которые не выдержали этого накала, и тело его тотчас же обмякло. Болевой шок, должно быть, и убил его, потому что, когда тело упало на пол, он был уже мертв. Затем свернулась кровь.

Через двадцать минут я уже вернулась в лагерь, и тут услышала звуки драки. Какой-то пришелец из города, очевидно, решил напасть на одного из наших. За остовом сгоревшего грузовика, стоявшего на проколотых покрышках, я увидела, как кто-то добивает поверженного противника. Я вырвала из земли кол и с криком бросилась на нападавшего, и только тут поняла, что он избивает Виктора.

— Проваливай прочь, дерьмо собачье! — крикнул мне в ответ нападавший.

— Отвали от него на хер!

— Тебя это не касается!

И он пнул Виктора по голове с удвоенной силой.

— Мы здесь живем, так что это нас очень даже касается!

С этими словами Ивгений, мой двоюродный брат, появился на пороге дома-фургона с мачете в руках. Его жена Мария, как всегда беременная, маячила у него за спиной, сжимая в руках охотничье ружье.

— Назад! — рявкнул незнакомец, когда мы приблизились к нему, размахивая перед нами ножом.

Но в тот же миг Ивгений, проворный, как и его отец в молодости, навалился сзади на незнакомца, обхватил его шею своими огромными ручищами, и оба, сцепившись, начали кататься по земле рядом с неподвижным телом Виктора. Противник взвыл, когда Ивгению удалось вонзить мачете ему в плечо, и я тут же крикнула, чтобы мой брат отошел подальше. Сжимая в руке распылитель со смертоносным составом, которым мне уже пришлось воспользоваться этой ночью, я прыснула пару раз в лицо нападавшему.

Его крик внезапно оборвался, все его тело сначала страшно напряглось, а затем обмякло.

Ивгений пнул голову мертвеца, а затем вложил мачете обратно в ножны, сказав мне:

— Лучше займись своим дружком. А я позабочусь о теле.

Я кивнула и поспешила к Виктору.

— Прости, Виктор, что так получилось. Он думал, наверное, что ты один из нас.

Глаза Виктора были налиты кровью, и он с трудом мог сфокусировать свой взгляд. Большая рваная рана вспухла у него на левой щеке.

— Пойдем, я тебе все промою, — сказала я.

— Ты ничего не поняла, — пробормотал он. — Это я сам во всем виноват.

Это был его сутенер, объяснял он мне, пока я обрабатывала рану на его лице. Вернее, бывший сутенер.

— Он обнаружил связь между мной и смертью некоторых его бывших клиентов и... мне пришлось убежать от него. Но это случилось несколько месяцев назад, и я

думал, что он уже не следит за мной.

— А он следил, — сказала я.

— Что твой друг с ним сделает?

— Таких вопросов у нас задавать не положено, — ответила я, промывая рану марлей, смоченной в растворе антисептика.

— Извини, надо мне было тебе сразу рассказать. Я не думал, что он меня найдёт.

— Меня это не касалось.

— И все же лучше бы я тебе сказал.

— Между нами ничего нет. Если хочешь иметь от меня тайны, имей ради бога. Мы друг другу клятв не давали.

— Но я хотел, чтобы ты знала.

И я подумала про себя: если у нас сегодня ночь признаний, не стоит ли мне в ответ поведать ему какую-нибудь из моих тайн.

Хотя бы одну.

Трубочки из прозрачного пластика, повсюду металлические зажимы, удерживающие все на своих местах, мигающие лампочки, следящие за состоянием ее внутренних органов, какой-то нездоровый гул, сопровождающий работу всех этих механизмов, и в центре, на постели — моя сестра.

— Сколько времени она здесь? — спросил Виктор. Он разглядывал ее словно произведение искусства.

— Пять лет, — ответила я. — Ее перевели сюда из отделения интенсивной терапии, после того как она впала в кому.

— Она пыталась повеситься. Наш отец... Тут у меня перехватило дыхание.

— Никакого улучшения?

Ее кожа была одного цвета с простынями, на которых она лежала. Я почти видела, как кровь, насыщенная медикаментами, которые добавляли к ней, течет по ее артериям. Словно топливо по трубкам в машине. Повязка на ее шее скрывала незаживающий рубец.

— Да, — сказала я. — Пока что никакого.

В больнице ему было не по себе, и я задумалась, не было ли это связано с тем, что в ней было полно умирающих людей, на смерть которых он никоим образом не мог повлиять. Еще я подумала, не потому ли он этим занимается, что ему нравится повелевать смертью.

На обратном пути в машине он поинтересовался, как мне удастся оплачивать ее лечение. Я рассказала ему о том, как я граблю квартиры и забираю все ценные вещи у моих жертв после того, как они умрут.

— Как серийный убийца, собирающий трофеи, — сказал он, и я никак это не прокомментировала. Я решила, что мы уже знаем друг о друге более чем достаточно.

События ускоряются — это совершенно очевидно. Вся моя жизнь с самого начала была сплошным ускорением событий. Восходящей спиралью, стремящейся к точке сингулярности. Впрочем, это верно для каждого человека, включая Виктора.

Последняя ночь началась с того, что мы сидели рядом и готовились каждый к своему делу. Я смотрела, как он накладывает тушь — так аккуратно, как я никогда не умела, а затем помогла ему втиснуться в пару виниловых джинсов, а он ответил мне услугой на услугу, уложив мои волосы в тугую косу. Я рассказала ему о друге, которого собиралась навестить — о молодом самородке, террористегерильере, который выглядел словно гибрид Че Гевары и Курта Кобейна. Настроение у Виктора было паршивым еще с утра, когда он узнал, что одна из долго подготавливаемых им жертв внезапно скончалась от передозировки наркотика, но он уже оправился от удара и готовился сегодня ночью завершить работу с кем-

нибудь другим из обширного списка.

— Что, теряешь квалификацию? — поддразнила его я и получила средний палец в ответ.

Боже мой, какие мы чувствительные!

Мы разошлись каждый в свою сторону. Я взяла с собой две склянки с прозрачной жидкостью и стакан, украшенный поцелуем, словно нанесенным губами в черной помаде. На приготовление яда у меня ушла целая неделя, потому что ему требовалось несколько дней на ферментацию, но я была уверена, что овчинка стоила выделки. Я точно не знала, какими будут последствия и какова правильная доза, но мне не терпелось попробовать препарат в деле.

И вдруг все пошло наперекосяк. Я не знаю, что там случилось: то ли я взяла неправильную дозу, то ли от тепла препарат потерял активность, но ничего не получилось. Мой друг чуть не помер со смеху, когда я набросилась на него и силой влила препарат в рот. Он так сильно смеялся, что мне пришлось выхватить из кармана нож и слегка порезать его — ровно настолько, чтобы я смогла покинуть место действия, — больше мне ничего просто не оставалось.

Короче говоря, через несколько часов я очутилась у себя дома. Ночь еще только начиналась, а никакого бала для Золушки больше не предвиделось. Я попыталась позвонить паре друзей, но звонки эти ни к чему не привели. Тогда я подумала, что могу позаимствовать кого-нибудь у Виктора ненадолго, и тут имя пришло мне в голову, и я сразу почувствовала комок в животе, который обычно чувствуешь, когда заходишь слишком далеко. Я прекрасно знала, что означает этот комок. И мне это нравилось.

Я записала имя Роллинс вместе с адресом на клочке бумаги.

Через несколько часов я позвонила Виктору. Он взбесился, потому что как раз в этот момент работал над одним из своих друзей, но я сказала ему, что не оторву его слишком надолго, просто хочу сообщить ему, что мы с Роллинсом прекрасно проводим время в его мастерской и приглашаем Виктора присоединиться к нам, как только он освободится.

На другом конце провода повисло молчание, во время которого он не мог не услышать, как Роллинс кричит мне, что ему хочется выпить.

— Не делай этого, — сказал Виктор сквозь шуршание помех. — Это нечестно.

— Но ты же у меня в долгу, разве забыл? Ты должен мне за Кристиана...

— Но это совсем другое! Я же тогда ничего не знал...

— Какая разница? Ты украл у меня добычу... Я плачу тебе той же монетой. Можно сказать, что я даже помогаю тебе решить проблему.

Ему ничего не оставалось, как просто послать меня на три буквы.

— С удовольствием туда отправлюсь, — парировала я. — Может быть, даже на твой, когда вернусь домой.

Но мои слова заглушил громкий крик Роллинса, который орал с другого конца комнаты:

— Что ты будешь пить?

— Не волнуйся, цыпа, — сказала я так, чтобы меня услышал не столько Роллинс, сколько Виктор. — Выпивку я приготовлю сама.

Еще несколько секунд я прислушивалась к звукам в трубке, свидетельствовавшим о том, что Виктор сильно разгневан. Меня это сильно возбуждало, словно секс.

А затем я повесила трубку.

Но я до сих пор не знаю, как это все, начавшись с маленького спора, дошло до того, что мы лежим на полу, в нашей крови, а я сжимаю в руке пистолет, в котором кончились патроны. Как это вышло? Вот что терзает меня в этот миг.

После того как я повесила трубку, Виктор начал вынашивать план мести.

И он его выносил.

Роллинс лежал распластавшись на кровати; его густо поросшая шерстью грудь была неподвижна. Я шарилась в его шифоньере, откидывая в сторону тряпки, ища спрятанные коробки с ценными вещами, но ничего не находила. И под кроватью — тоже ничего. Никаких сейфов, никаких записок на черный день.

Черт побери, этот парень играл роль нищего художника по всем правилам!

В конце концов мне не оставалось ничего иного, как снять с рам пару полотен в надежде на то, что мне удастся их кому-нибудь впарить. Если этот парень такой охрененный художник, как уверял меня Виктор (и как считал сам Роллинс), тогда я без труда хоть что-то на этом заработаю.

Я оделась, схватила в охапку куртку и уже собиралась уходить, как зазвонил телефон. Я бросила взгляд в спальню, где виднелась бледнеющая на глазах нога Роллинса, и сняла трубку.

— Ты все еще там? — спросил меня голос Виктора.

— Собралась уходить.

— Ясно.

Голос его звучал странно, словно он накачался наркотиками или что-нибудь в этом роде. Там, где он находился, было очень шумно.

— А ты отку...

— Хорошо повеселилась?

Я не сразу ответила, потому что поняла, что мне несколько неловко за то, что я сделала.

— Не особенно. Он оказался таким занудой. Ты бы мог меня предупредить.

— Откуда я знал, что тебе может понадобиться эта информация?

Я не слишком внимательно слушала, что он говорит, поскольку слишком внимательно прислушивалась к звукам в том помещении, откуда он звонил. Они напоминали шум, который могла бы производить банда разгулявшихся привидений. Я снова спросила Виктора, где он находится.

— Нигде, — ответил он.

У меня бегали по спине мурашки, и я чувствовала себя так, словно кто-то живой копошился у меня в нейронах.

Для клуба шум был недостаточно интенсивным. Но что-то в нем мне слышалось очень знакомое.

Нервные окончания внезапно взорвались, по волокнам помчались искры, ответ сам собой родился у меня в голове.

— Виктор...

И тут я услышала то, что ожидала: по коридорам эхом прокатился чей-то голос, который по системе громкого вещания срочно требовал доктора Варислава в комнату номер 242..

Я закрипела зубами, чувствуя, как наполняется кровью сердце у меня в груди.

— Виктор, не надо...

Он с легкостью проскочил мимо медсестер, потому что тех не особенно волновали долгосрочные пациенты, которые с их точки зрения были не более чем обузой, отнимавшей у них драгоценные силы и время. Наверняка он вошел, прикрыл за собой дверь, а затем уселся рядом с ней на тот самый стул, на котором я сидела целых пять лет. Интересно, что он сказал ей?

Наверное, спросил, ради чего она так цепляется за свою совершенно никчемную жизнь. Потому что, если бы она не цеплялась, сказал он, ей давно бы пришел конец. Он, наверняка, также сказал ей, что в смерти нет ничего страшного, что это покой, а кто не хочет покоя? Он наверняка нашептал ей все это на ухо, нежно, словно уговаривая ее отдаться ему, а затем он с интересом наблюдал, как гаснут колебания на экране кардиографа.

Ее веки уже сомкнулись, но глазные яблоки за ними, наверное, еще слегка

подрагивают. Обмякли ли ее постоянно сведенные судорогой конечности? Вполне вероятно.

Поздними ночами и ранним утром я частенько задумывалась над тем, слышит ли она меня в коме, но потом я перестала волноваться на эту тему, когда поняла, что это не имеет никакого значения. Зачем ощущать себя частью мира, если не можешь на него никак реагировать?

Я знала наперед все те вопросы, что он задал ей, потому что не раз задавала их сама себе. Я легко могла представить, как разыгрывалась эта сцена, потому что тысячи раз разыгрывала ее у себя в голове — только на месте Виктора была я.

Но я не знала, лучше оно или хуже, что все случилось так.

Я затормозила с жутким визгом перед приемным покоем и выскочила из машины, даже не заглушив мотор. Виктор стоял и ждал меня, я с трудом различила его силуэт сквозь слезы, стоявшие у меня в глазах. Он схватил меня, я заорала, тогда он, не обращая внимания на людей вокруг, взял меня за затылок и прижал мою голову к своей груди, так что со стороны могло показаться, что мы просто еще одна парочка убитых горем родственников.

Затем я оттолкнула его и заглянула ему прямо в глаза, вложив во взгляд такую силу, что он (я надеялась) пробьет Виктора насквозь, словно пуля, выпущенная из ружья, но он только моргнул в ответ. Еще раз. И еще.

— Что ты с ней сделал?...

Мой вопрос прозвучал не как вопрос, а как обвинение.

— Ничего я с ней не делал, — ответил он. Его обычный ответ.

— Они делают это сами, — закончила я за него. Я чувствовала себя опустошенной, бессильной, никому не нужной. Я знала, что она все еще лежит в палате, но не видела никакого смысла в том, чтобы в последний раз посмотреть на нее. Вернее, на то, что когда-то ею было.

— Я ненавижу тебя, — сказала я Виктору. Он ничего на это не ответил.

В молчании мы ехали обратно в лагерь, потому что больше нам ехать было некуда. С неба лило как из ведра, и весь мир от этого казался своим собственным размытым отражением в стекле. Я села за стол, а Виктор сварил мне черный кофе — такой сладкий, что у меня от него слипались зубы, — а потом сел напротив меня.

Из-за шума дождя и детских криков снаружи казалось, что за окном идет война.

— Что ты ей сказал? — спросила я после долгого молчания.

— Тебе не все равно?

— Все равно.

Затем:

— Нет, не все равно.

Затем снова:

— Да нет, не все равно.

Он наклонился ко мне так близко, что я, сидя с опущенными глазами (веки казались мне такими тяжелыми, что не было больше сил их удерживать), увидела его ладони и запястья.

— Зачем, Виктор? Ты зашел слишком далеко.

— Ты же сама мне говорила, что жизнь — это постоянная игра на повышение. А наша жизнь — тем более.

— Но я не имела в виду такое.

Снаружи раздался такой звук, словно что-то взорвалось. Я выглянула в окошечко трейлера и увидела, что один из детей бросал ржавые детали двигателя в лужу. Со стороны это напоминало фотографию, на которой жертв геноцида хоронят в братских могилах.

— Брось, — сказал Виктор, — мы оба знаем, что так не могло продолжаться вечно. Ты просто все ускорила своим поступком.

— Я? Я думала, речь идет о тебе.

— Ты убила Роллинса у меня за спиной!

— Только потому, что ты убил Кристиана!

— Но это было до того, как мы познакомились! Это случилось еще тогда!

Я закричала зубами от отчаяния и гнева.

— Виктор...

— Что? — отозвался он, взял меня за подбородок и поднял мою голову, чтобы я смотрела ему в глаза. На лице у него застыло очень странное выражение, которое я не могла расшифровать.

Я подумала, как здорово было бы впрыснуть ему пентатенола натрия, чтобы посмотреть, как он будет корчиться и пускать пену изо рта.

Я подумала, как здорово было бы выплеснуть стакан полихлороксила ему на шею, чтобы он всосался через кожу в кровь и вызвал бы разрыв сердца.

Или привязать его к кровати и подключить его к капельнице с одним из тех медленных, вкрадчиво действующих ядов, которых я немало разработала на протяжении нескольких последних месяцев.

— Ты сам не понимаешь, что ты натворил.

— Все я понимаю, — сказал он, склонившись ближе ко мне, так что я почувствовала его горячее дыхание. — Она нужна была тебе как оправдание того, что ты делала, Ваня, нужна была для того, чтобы тебе в голову не пришла мысль завязать. Вот и все. Пока тебе приходилось платить за ее содержание, у тебя имелся повод.

— Повод для чего?

— Для того, чтобы выносить все это дерьмо, — ответил он. — Все, чем мир швыряется в тебя. Или швырялся.

Напряжение усиливалось. Я думала о всех ночах, что я провела у изголовья сестры, хотя я и тогда уже понимала, что это бессмысленно. Она никогда бы не поправилась — врачи сказали мне это с самого начала.

— А что мне, блядь, оставалось делать? — спросила я его.

— Успокойся. Пожалуйста, успокойся.

Он сполз со стула, устроился у меня в ногах, взял мою руку. Дождь отчаянно молотил по металлическим стенам трейлера.

— Если стоишь рядом с большой дорогой — сделай шаг и выйди на проезжую часть. Если у тебя есть яд — попробуй сама, прежде чем дать другу. Расскажи мне, что ты сейчас чувствуешь?

— Я чувствую, словно держу в руке заряженный пистолет и не знаю, в кого выстрелить.

— Если у тебя в руке пистолет, просто поверни его стволом к себе. Загляни в ствол — ты увидишь внутри царапины, оставленные вылетевшими из него пулями. Вот и все, что нужно сделать.

Он погладил мое влажное от слез лицо.

— Зачем сдерживать себя? К чему вся эта борьба? Если бы тебя не одолевали эти чувства, ты бы не так сильно уставала от борьбы. Если же тебе приходится тратить столько сил просто для того, чтобы продолжать бороться, тогда к чему все это? Стоит ли оно того? Ради чего ты страдаешь?

Я покачала головой. Ему не удастся услышать, как я рыдаю, как бы он ни старался. Мне часто приходилось сдерживать слезы. Слишком часто.

— Все хорошо, — продолжал он вкрадчиво. — Перестань бороться.

Я вскочила, почувствовав прикосновение холодного предмета: это он попытался вложить пистолет мне в руку.

Внезапно я поняла, куда он клонит, и — самое странное — у меня это не вызвало особенных возражений. Я знала, зачем он все это мне говорит, но я все

равно ему верила.

— Пожалуйста, не надо...

Он погладил меня по голове, сомкнул мои пальцы на рукоятке пистолета.

— Я не заставляю тебя делать ничего против воли.

Ты должна сама принять решение.

— Я знаю.

Пистолет лежал у меня в руке так, словно всегда там был. Я подняла его к свету. У моего отца было много оружия, но это были все охотничьи ружья. Пистолет — совсем другое дело.

Я посмотрела за окно — дождь лил пуще прежнего. Дети убежали, в лагере было тихо, словно его смыло дождевой водой.

— Мне нужно немного воды, — сказала я Виктору. У меня во рту... я не могу...

— Разумеется. Сейчас я тебе принесу.

Он направился в ванную и вернулся со стаканом. Я понюхала воду, опустила в нее кончик языка. Виктор улыбнулся.

— Привычка, — объяснила я и выпила воду залпом. — Тебе никогда не понять, что для меня значила сестра.

Посмотрев на него, я увидела блеск в его глазах и поняла, что он прекрасно понимал, что для меня значила сестра. Именно поэтому он и сделал то, что сделал, — разве могла быть другая причина?

Слеза скатилась у меня по щеке, и на какой-то миг мне показалось, что он опечален не меньше моего.

— Не знаю, смогу ли я, — сказала я.

— Конечно сможешь! — ответил он, снова опустившись на пол рядом со мной. Я слегка развела ноги в стороны, и он стал на колени между ними, положив руку на мое обнаженное бедро. Пистолет был по-прежнему у меня в руке, которую я положила себе на низ живота.

— Я в каком-то оцепенении, Виктор...

Он придвинулся ко мне — так, что я чувствовала его дыхание у себя на шее и видела свое отражение в его зрачках.

— Зачем ощущать себя частью мира, если не можешь на него никак реагировать?

Я улыбнулась, услышав, как Виктор повторяет мои слова.

— Ее больше нет. Она там, где ей лучше. Там, где всегда покой. Ты же хочешь снова встретиться с ней?

Я посмотрела на него, затем кивнула.

— Хорошо, — сказала я. — Хорошо.

Виктор облизнул губы, и в этот момент я наклонилась и начала целовать его, пока он не открыл губы в ответ на мой поцелуй. Он провел руками по моим бедрам, по моему животу, коснулся моего лица и тут я раскусила ампулу, которую положила к себе в рот, пока Виктор ходил за водой, и позволила яду пролиться в наши рты.

Только мгновение спустя Виктор осознал, что что-то не так, а когда понял, то отшатнулся от меня с такой поспешностью, словно между нами взорвалась граната. Слюна, смешанная с темно-лиловой жидкостью, потекла у него по подбородку, но он даже не пытался сплюнуть, настолько все это его застигло врасплох.

— Что это?

— Наверное, ты меня укусил.

— Чушь, это не кровь! — Он вытер подбородок и уставился на пятна на своих пальцах. — Что это за фигня такая?

Я спокойно ответила:

— Хлоропроксимил. Или, по крайней мере, что-то ему подобное. Действует вроде цианистого калия.

— Господи, Ваня, ты...

— Я же говорила тебе, что мой метод лучше. — Я чувствовала, как желудок на-

чинает реагировать на яд. — Не бойся, будет не очень больно. Поначалу будут судороги, и это очень неприятно, но уже через пару минут...

— Ты глупая сука, ты!..

— Не смей меня обзывать!

— Заткнись, ты понимаешь, что ты натворила? Внезапно он резко согнулся, словно кто-то ударил его в живот, а затем с трудом приподнял голову. Когда он ее поднял, его лицо было уже перекошено от боли.

— Мать твою, ты убил мою сестру! Это сделал ты! — заорала я.

— Я не убивал ее!

Жуткая боль пронзила теперь и мой желудок: словно кто-то схватил мои внутренности и скрутил их узлом. Я чуть было не выронила пистолет.

— Не пори херню, Виктор, — простонала я сквозь стиснутые зубы. — Ты убил ее. Ты много кого убил. Не оправдывайся.

— Но это правда! — простонал он в ответ. Он сделал такое движение, словно хотел вырвать у меня из рук пистолет, уж не знаю зачем. Ему это не удалось. — Я не убивал ее. И она сама себя тоже не убивала! Я разыграл тебя, Ваня...

Я закашлялась кровавым кашлем. Я сплюнула харкотину на ковер.

— Что?

— Я хотел доказать тебе, что могу заставить тебя сделать этот шаг. Я ее даже не трогал. Я не смог даже найти ее гребаную палату!

Моя голова кружилась, словно к ней притекала кровь.

— Виктор... я...

— Сначала я собирался, но потом... я понял, что не могу так поступить с тобой. Ваня, я ничего не вижу!

Что у меня с глазами?..

— Это ХПК. Он проник в твой зрительный нерв...

— Сделай же что-нибудь! — заорал он.

— Я не могу... ничего нельзя сделать...

— Блядь!

Он ударил кулаком по полу.

— Пистолет даже не заряжен!

Я заглянула в ствол. Виктор сказал правду.

— Тупой мудака! Зачем же тогда ты...

— Я не хотел убивать тебя! Я не хотел, чтобы ты убивала себя! Я просто хотел доказать...

Конец его фразы буквально утонул в потоке крови, хлынувшей из его рта. Он рухнул на пол, и через мгновения я рухнула рядом с ним, не в силах больше подняться. Мы лежали рядом, истекая кровью в унисон, словно клоны Ромео и Джульетты.

— Только так... только так все и могло кончиться... — сказал Виктор.

Я попыталась ответить ему, но в горле у меня булькала кровь, словно у жертвы лихорадки эбола.

Потом мне еще показалось, что он сказал «проклятие!», но я не уверена.

Я подползла к нему поближе, перевернула его на бок и приблизила свое лицо к его лицу.

— Теперь уже все равно, — сказала я. — Что вышло, то вышло.

Он взял меня за руку, и в тот же миг я ослепла.

И в абсолютном мраке я начала думать о том, что теперь станется с моей сестрой. Хватит ли у нее сил жить дальше теперь, когда рядом не будет никого, кто пытался бы ее разбудить? Или она сделает решительный шаг? В воду, с карниза. Положит всему конец. Я этого уже никогда не узнаю.

Запустение

Огромное, похожее на скелет сооружение возносилось над пеленой дождя на сто футов с лишком. Нелепое и явно незавершенное, оно навевало тоску. Покидая стройплощадку, она посмотрела сквозь закопченное окно автобуса туда, где за балками арматуры виднелась верхушка здания, похожая на направленный в небо указательный палец.

Она забилась в самый конец автобуса, подальше от товарищей по смене, хотя с разговорами к ней так и так никто особенно не приставал. Дождь колотил по ржавой обшивке автобуса с такой силой, что казалось, будто они пересекают зону военных действий под пулеметным обстрелом. Она теребила повязку у себя на запястье, тыча пальцем в мягкую плоть под ней, чтобы почувствовать боль.

Наконец автобус прибыл на конечный пункт, и рабочие потянулись наружу, забирая из-под сидений личные вещи и инструменты. Она тоже взяла свой рюкзак и вышла из автобуса, не попрощавшись ни с кем.

До сквота было всего лишь три квартала пешком, но она не спешила туда; она нарочно отправилась круговым путем через разгрузочную площадку перед большим складским зданием, а потом через тоннель, проложенный под автострадой. В обход. В обход. Дождь уже промочил ее до костей, но ей было наплевать. Наконец сворачивать было уже больше некуда, и она направилась к старому зданию, в котором жила на курьих правах уже... несколько лет? Она сама не помнила толком. В трехэтажном доме была пара десятков комнат, по большей части совершенно непригодных для жизни. Она достала из кармана ключ и открыла навесной замок, соединявший звенья стальной цепи, после чего отворила окно кухни и залезла в него. Двери дома были наглухо заколочены гвоздями.

Из-за приглушенных завываний ветра и стука дождя место выглядело еще более заброшенным, чем обычно.

«Вперед!» – прошептала она сама себе и сделала глубокий вдох.

Затем бросила рюкзак на пол и медленно направилась к двери, которая вела в узкий главный коридор. Стикеры, оставленные предыдущими жильцами, покрывали его стены, оклеенные выдавшими лучшие дни обоями. Кое-где виднелись следы огня. Штукатурка на потолке местами обвалилась, обнажив брусья и балки.

Труп здания медленно разлагался.

– Я здесь живу! – громко произнесла она, потому что поверить в это без некоторой доли самовнушения было непросто.

Она прислушалась к звукам, наполнявшим дом, к гудению водопроводных труб, скрипу половиц, пощелкиванию и жужжанию давно пришедшего в негодность бойлера. Она вслушалась в эти звуки и в тишину между ними.

Как она ни старалась взять себя в руки, но сердце ее стучало все быстрее и быстрее.

Он предупреждал, что она еще не готова вернуться сюда, но она не придавала значения его словам. Почему это – еще не готова?

Она стояла у подножия лестницы, вглядываясь в темноту. Лестница казалась переходом на иной уровень реальности, дверью в мир снов. Она начала медленно подниматься по лестнице, глядя себе под ноги, стараясь не думать о том, что в темноте ее, возможно, кто-нибудь поджидает.

Ступенька за ступенькой, ступенька за ступенькой.

Мимо двух комнат с наглухо заколоченными дверями, на которых нарисованы похожие на цветы значки биологической опасности и написаны имена любимых.

Четвертая дверь налево.

Внутри – матрасы на полу, мятые простыни. Пустые бутылки из-под воды. Несколько компакт-дисков.

Перевернутый телевизор, уткнувшийся погасшим лицом в осколки собственного экрана.

Она вошла в комнату, стараясь отделаться от ощущения, что кто-то идет за ней следом.

Может, и на самом деле она вернулась слишком рано.

«Все в порядке», — сказала она себе, машинально потеряла запястье и снова ощутила жгучую боль.

Упав на матрас, она почувствовала, как все ее мышцы словно вздохнули с облегчением. Лежать она могла только на боку из-за металлических стержней в спине — остатков того, что прежде было поддерживающим позвоночник сплошным металлическим корсетом. Она посмотрела в сторону окна.

Сначала она решила, что это просто дождь стучит по карнизу или ветви дерева скребут по стеклу, но потом поняла, что у этого звука совсем другая природа. Она отчаянно попыталась затаить дыхание.

Но тут внезапно вспыхнул яркий свет, и перевернутый телевизор тут же начал светиться.

— Нет!

Она с отвращением услышала свой собственный истерический визг, но с этим уже ничего нельзя было поделать.

Шипение эфира постепенно нарастало, словно кто-то вертел ручку громкости на телевизоре, который не был даже включен в сеть.

Ей отчаянно хотелось подняться с матраса, сесть, заткнуть уши — совершить хоть какое-нибудь действие.

Еще одна вспышка, на этот раз яркая, словно небольшой взрыв.

Что-то мелькнуло за окном. Какая-то тень.

Она отвернулась, пытаясь убедить себя, что это все ей только чудится, но, снова посмотрев в сторону окна, увидела силуэт за холодным оконным стеклом, и паника охватила все ее существо, застряв комком в горле. Это была человеческая фигура — зернистая и искаженная, как изображение в неисправном телевизоре.

Она вскочила с матраса и кинулась прочь из комнаты.

Белизна медицинского кабинета резала глаза. Очевидно, его покрасили таким образом, чтобы создать ощущение преддверия Рая.

Лука быстро и умело ввел иглу в ее локтевой сгиб и приготовил следующую.

Она, стараясь не видеть совершаемых манипуляций, смотрела Луке за плечо. Вот ряд из трех кроватей: две были пусты, шторы перед третьей оказались слегка задернуты. Вот сверкающая никелем техника вдоль стен, а вот маленькие окошечки в стене времянки, из которых видно стройплощадку. А вот Лука, прикосновения которого столь легки.

— Стержни не беспокоят?

Он ощупывал поясницу девушки, в то время как она сидела на кушетке, прикрыв скрещенными руками обнаженную грудь.

— Иногда немного больно бывает.

— Вокруг небольшой отек. Надо проверить, в чем дело. А так — ты практически выздоровела. Хочешь снова на работу?

— Я больше не могу лежать в постели.

— Прекрасно тебя понимаю, — сказал Лука, похлопав ее по руке. — Большинство пациентов и на пару часов сюда не затащишь. Так что с тобой мне хоть пару недель... скажем так, не было одиноко.

Она ничего не ответила. Она не могла оторвать глаз от задернутых шторок.

— А как насчет всего остального, Илена? Все в порядке?

Она решила заранее, что ничего не будет рассказывать. Ночь была долгой и тяжелой, она спала урывками на скамейках и на порогах домов, потому что не могла заставить себя вернуться в сквот. Однако с восходом солнца терзавшее ее дурное предчувствие только усилилось. Это просто приступ паники, успокаивала

себя она. Анальгетики искажают восприятие реальности... — Да.

— Это хорошо. Если учитывать, с какой высоты ты свалилась, то оправилась ты поразительно быстро.

— Я ничего не помню, — сказала Илена. — Ничего. Всю ту ночь как из памяти стерло.

— Обыкновенное дело, — успокоил ее Лука. — Кроме всего прочего, ты сильно ударилась головой. В таких случаях легкая амнезия гарантирована.

Когда Лука стягивал с рук хирургические перчатки, Илене всегда казалось, будто он снимает собственную кожу. Она прикрыла глаза, чтобы отогнать от себя эту картину.

— А я бы хотела вспомнить. Понять, что произошло.

Она пристально смотрела на него большими и влажными зелеными глазами, нахмутив, как обычно, лоб.

— Мне нужно знать.

Лука кивнул.

— Твоя смена начинается через пять минут. Может, заглянешь после работы, тогда продолжим эту беседу. Выпьем немного или что-нибудь вроде того.

Аппаратура у него за спиной начала гудеть и попискивать, и тут же за шторкой заворочался невидимый пациент.

— Не знаю, — ответила она. — Может быть.

Со времени ее падения здание стало выше еще на три этажа, причем нижний из них был практически завершен. Илена пробралась на третий этаж, который по-прежнему представлял собой нагромождение стальных балок и несущих опор. Над площадкой, чтобы защитить ее от дождя, был натянут навес из пластиковой пленки. Капли дождя, падая на пленку, производили такой шум, что Илена ничего не слышала, кроме него.

Она зафиксировала на месте стальную полосу при помощи строительного пистолета, а затем завершила дело несколькими умелыми ударами молотка. Вокруг в разных местах виднелось еще несколько строителей: некоторые из них использовали страховочные пояса, другие целиком полагались на собственную сноровку и чувство равновесия. Илена никогда не пользовалась страховкой.

Отложив в сторону пистолет, она направилась к краю конструкции. Откинув пластик, она чуть не потеряла равновесие от сильного порыва ветра, но инстинктивно успела ухватиться за вертикальную опору. Единственное, что удалось ей разглядеть вниз, на земле, — это красный крест на крыше передвижного медпункта, которым заведовал Лука.

Она закрыла глаза и слушала ветер, представляя, как падает вниз в его потоке.

Тут до нее дошло, что она не знает даже, с какой именно точки свалилась.

Как только смена закончилась, Илена постучалась в двери медпункта. Увидев ее, Лука улыбнулся. — Я бы не отказалась от кофе, — сказала она.

— Когда ты падала, ты сорвала по пути кусок пластикового покрытия, и он сыграл роль парашюта, замедлив твоё падение, поэтому, когда я подбежал к тебе, ты была еще жива. Сперва я подумал, что взорвалась бомба — так силен был звук удара, — но потом я выбежал и нашел тебя, с головы до ног упакованную в пленку.

Илена постоянно помешивала кофе и рассматривала свое отражение в коричневом вихре, поднятом ложечкой.

— Ветер отнес тебя в сторону от здания. Мне случалось видеть тех, кого унесло в противоположную сторону, и — поверь мне — это зрелище не из самых приятных.

— С какой высоты я упала?

- С тринадцатого этажа. С самого верха. Вернее, тогда это был самый верх.
- Я никогда раньше не падала. Я всегда работала без страховки.
- Ну, все когда-то случается в первый раз, — улыбнулся Лука.

Подошла официантка с супом. Ее волосы были уложены в высокий ирокез, причем каждый пучок был покрашен в другой цвет, так что в результате официантка сильно смахивала на панкующую Статую Свободы. Облизнув помаду, она спросила:

- Желаете что-нибудь еще?

Лука покачал головой, и девушка вернулась назад за стойку.

- Я ничего не помню.

Лука протянул руку и положил ладонь на ладонь Илены, сжимавшую кофейную чашку;

- Ты сказал, что потеря памяти — это нормально, — сказала она тихо, не поднимая глаз. — А что еще нормально?

- Что ты имеешь в виду?

- Травма головы... какие еще могут быть последствия?

Лука нахмурился и наклонился к ней ближе: — Что ты хочешь сказать? У тебя есть какие-то симптомы?

Отражение Илениного лица в холодном кофе колыхалось, словно показывая смятение, жившее внутри его обладательницы.

- Я не могу заснуть.

- Бессонница?

Илена покачала головой и резко выдернула руку из ладони Луки.

- Нет.

Лука снова взял ее руку в свою, притянул ее к себе.

- Я вижу... всякое. Но, наверное, мне это только кажется.

- Галлюцинации, — сказал Лука, и на этот раз это был не вопрос.

- Не знаю... Наверное... Но они совсем как настоящие.

— Они всегда как настоящие. У тебя часто болит голова? Может быть, стоит тебя тщательнее обследовать.

— Нет, не надо... пожалуйста... Ты и так сделал очень много для меня. Я просто... чувствую, что...

- Что именно? — мягко, но настойчиво переспросил Лука.

— Ужас, — неожиданно сказала Илена и впервые за вечер посмотрела Луке прямо в глаза. — Я чувствую ужас, и я чувствую, что скоро случится что-то ужасное, и я не сумею это предотвратить.

- А что именно случится?

— В этом-то все и дело, что я не знаю. Я не знаю, с чем именно это связано, разве что с местом, где я живу, со сквотом... Но я никак не могу избавиться от этого чувства.

- Ты спала прошлой ночью на улице, верно?

Илена вздрогнула. Лука улыбнулся.

— От твоей одежды пахло мазутом. Рядом с заводами всегда так пахнет, но запах не впитывается в одежду так сильно, если ты просто проходишь мимо.

- Ясно...

Илена ту же натянула на себя спецовку, словно сама впервые почувствовала этот запах.

— Ничего страшного, — все с той же улыбкой заверил ее Лука. — Но помыться тебе бы не помешало.

Напряжение Илены пошло на убыль.

- В сквоте водопровод не работает.

- У меня дома есть ванна.

Илена выдержала его прямой взгляд.

- По-моему, тебе не стоит оставаться сегодня ночью одной, — прибавил Лука.

Он медленно обмывал ее кожу, и капли воды мерцали на ней, словно жемчуг при свете свечей. Он ласкал ее шрамы, лечил их своими прикосновениями. Он приносил расслабление ее напряженным мышцам, возвращал в них пульсацию крови. Медленно, постепенно ужас оставлял ее, смывался теплой водой, стекал вместе с ней в ванну, когда Лука взял Илену на руки и поднял ее. Полотенце, мягкое, как прикосновение его губ, жар двух тел.

Ночь, душная и теплая квартира Луки, путаница влажных простыней.

Она смотрела на «ловушку для снов» свисавшую с потолка, на пестрые перышки на ней, колыхавшиеся так, словно они действительно улавливали сновидения Луки. Она почти видела обрывки его бессознательного, повисшие на раковинах, камушках и косточках, из которых была изготовлена ловушка.

Прикосновения Луки были ей давно знакомыми, она поняла, что запомнила их в бессознательном состоянии сразу после падения, они успокаивали ее и возвращали утраченное, казалось навсегда, спокойствие. Сейчас, впрочем, она выскользнула из его объятий и лежала, слегка отстранившись от него, отделенная несколькими дюймами темноты.

За окном неистовствовала стихия, температура за окном медленно поднималась. Сверкнула молния, и Илена внезапно резко села в постели, испуганно дыша.

Что-то шевелилось за окном.

Большая часть комнаты была погружена в темноту: предметы, заполнявшие ее, с трудом угадывались.

Илена натянула простыню на грудь, пытаясь сдержать дыхание, чтобы лучше вслушаться в звуки за окном.

Там что-то было.

Вспыхнула еще одна молния, Илена подскочила на месте.

За окном мелькнула чья-то фигура и скрылась. Илена задыхалась тяжело и испуганно, горячий воздух обжигал язык.

Какой-то звук, похожий на шепот... — Нет! — простонала она.

Лука пошевелился в постели. Крупная гусиная кожа покрыла ее с головы до ног. Дыхание перехватило.

— Илена...

Она обернулась и посмотрела на лежавшего рядом Луку. Его рот был закрыт, однако ее имя явно слетело с его губ.

— Илена...

Она почувствовала первобытное желание закрыть глаза, заткнуть уши и таким образом избавиться от страха, хотя понимала всю бесполезность этого. Грудь Луки спокойно поднималась и опускалась в такт его дыханию.

— Илена...

Шепот раздался вновь, и она неуверенно протянула к нему руку, остановившись на расстоянии нескольких сантиметров от его кожи. Лука лежал на боку в позе эмбриона, пот струился по его лбу.

— Лука.

Илена наконец прикоснулась к нему — и отпрянула, словно ее укусили, — так стремительно Лука пробудился. Вспышка молнии вновь осветила комнату, и, когда Лука сделал очередной вдох, Илена заметила, что лицо его имеет зернистую, размытую фактуру.

Это было не лицо Луки.

Вопль сорвался с губ Илены прежде, чем она успела сдержать его. Она соскочила с постели, не удержалась на ногах и рухнула на пол.

Еще одна вспышка молнии, и Илена увидела фигуру, стоящую в углу комнаты, скрестив на груди руки. Изображение подергивалось и искрило, словно искажаемое помехами. Радиоприемник, стоявший на столике возле двери в ванную комнату, внезапно издал громкий скрежещущий звук, перед тем как вновь погрузиться

в молчание.

— Хватит! Хватит! — закричала Илена и закрыла лицо руками.

Она почувствовала, что кто-то схватил ее и закричал в ответ, но это был уже голос Луки, и когда она подняла глаза, она встретила взгляд его раскосых темных глаз.

— Все в порядке, — повторял он. — Все в порядке. Эта мантра, как всегда, подействовала на нее успокаивающе.

Она позволила Луке обнять себя и, не в силах сдерживаться, громко зарыдала, ощущая, как слезы струятся из ее глаз прямо ему на плечо.

Ее пальцы нащупали на спине Луки какой-то шрам круглой формы, и Лука прямо-таки закричал зубами от боли, когда Илена задела это место. Он отпрянул от нее и отвернулся.

— Что с тобой?

Лука передвинулся, чтобы попасть в полосу света, протянувшуюся от окна. На его спине прямо под левой лопаткой виднелась узкая, длинной в дюйм рана, природе которой она сразу же поняла, потому что не раз видела похожие на стройплощадке.

Это был электрический ожог.

Разнорабочие и сварщики низкой квалификации, вроде Илены, работали поденно, поэтому их представление об окончательных форме, размере и структуре всего сооружения ограничивалось знанием того, какое именно крепление им предстоит выполнить или какую балку установить на предписанное место. Вот и все.

Постройки, вроде той, на сооружении которой трудилась сейчас Илена, казались иногда бесконечными, потому что каждую неделю над уже возведенными этажами появлялись все новые и новые. Последним этажом в настоящий момент был семнадцатый, но, судя по высящейся над ним арматуре, им дело далеко не заканчивалось. Небо над зданием казалось склепанным из стальных листов и, казалось, только и ждало, чтобы его тоже приварили к несущим конструкциям. Илене иногда казалось, что она видит на нем заклепки.

— Осторожно! — сказал один из рабочих, проходя мимо Илены. На руках у него были рабочие рукавицы, он нес тяжелую стальную плиту. На шее у него болталась кислородная маска: на тот случай, если на высоте внезапно не хватит воздуха.

Он исчез прежде, чем Илена успела опознать его. Сделанное замечание удивило ее; обычно говорить подобные вещи считалось неприличным. Неужели он видел, как она потеряла равновесие на краю небоскреба, когда пыталась снова вспомнить свое падение? Каждый день после проведенной у Луки ночи она испытывала непреодолимое желание вновь и вновь приходить на это место, чтобы испытать захватывающее чувство опасности и одновременно защищенности.

Она пошла вдоль балки, слегка расставив для равновесия руки и покачиваясь под порывами ветра, постоянно дующего на этой высоте. Отсюда вагончик Луки был неясным пятном, а красный крест на его крыше, залитый грязной водой, был почти не заметен. Илена снова закрыла глаза, как тогда, и тут же почувствовала, что теряет равновесие. Она быстро подняла руки, и сердце тут же бешено забилося в груди.

Илена подумала, что страх, который все еще гнезился в ней, остался от предыдущего падения, потому что затем, перегнувшись через балку и посмотрев вниз, она не почувствовала ничего, кроме умиротворенности. Первые несколько раз, когда Илена стояла на краю, ей казалось, что она просто не успела испугаться — настолько быстрым было падение. Но теперь она поняла, что ошибалась. Скорее всего, она не испугалась просто потому, что сама желала упасть.

А что, если это был вовсе не несчастный случай?

Она погладила свежую повязку на запястье, под которой скрывалась рана, не желавшая заживать несмотря на все усилия Луки.

Внезапный звук заставил ее подпрыгнуть, и потребовалась вся ее ловкость, чтобы удержать равновесие. Это включился у нее за спиной радиоприемник, принадлежавший одному из рабочих. Вдалеке на горизонте собиралась гроза, огромные ветвистые молнии ударяли в опоры ЛЭП.

«Достаточно сделать всего один шаг, — подумалось ей, — всего лишь один шаг».

Илена занесла ногу над пустотой.

— Наверное, я все-таки сама прыгнула, — сказала она внезапно в наступившем после соития молчании.

Пот, покрывавший тело Илены, остыл и леденил ее кожу, пока она рассказывала нагишом по комнате.

— Спрыгнула? Разумеется, нет. С чего бы вдруг?

— Не знаю. А другие почему прыгают?

— Дурацкий вопрос. Причин множество.

— Тогда почему ты считаешь, что их не было у меня?

— Ладно, допустим, что были, — сказал Лука, усевшись на край кровати, спиной к Илене. — Но мне просто казалось...

— Вот именно, казалось. Откуда ты можешь знать наверняка, если этого не знаю даже я сама?

— Может, ты все-таки, черт побери, сядешь? — оборвал ее Лука. — Ты не даешь мне сосредоточиться.

— Я хочу выйти на улицу, — сказала Илена, продолжая рассказывать по комнате. Она обхватила себя руками, как вошло у нее в привычку в последнее время, словно боялась, что какую-нибудь часть ее может унести ветром. — Мне нужно прогуляться.

— Я тебе уже, кажется, сказал, что эта идея мне не по душе.

— Ты не можешь, черт побери, держать меня взаперти! — Илена начала рассказывать по комнате еще быстрее. — Я хочу вернуться в сквот. Мне кажется, я уже готова.

— Не смей меня. Ты что, не помнишь, чем это кончилось в прошлый раз?

— Но это было несколько недель назад!

— Но нервы-то у тебя до сих пор не в порядке!

— Это из-за того, что ты меня никуда не выпускаешь, — процедила в ответ Илена. Остановившись у окна, она выглянула на улицу.

Лука подошел к ней и протянул руку, но она оттолкнула его.

— Я держу тебя взаперти? Не городи ерунды, Илена! Ты можешь идти, куда тебе заблагорассудится!

— Отлично. Вот я и пойду.

Она начала одеваться, натянув на себя свой рабочий комбинезон, который по-прежнему валялся на полу, около кровати. Лука схватил ее за запястье, и она вскрикнула от боли. На повязке проступила кровь.

— О боже! Прости меня, Илена! Я вовсе не хотел...

Она попятилась от него, держась за больную руку.

— Я всего лишь хотел помочь тебе. Вот и все.

— Я пошла, — холодно сказала Илена и захлопнула за собой дверь.

Грозы, как и небоскребы, иногда кажутся бесконечными — теперь Илена хорошо это знала.

Темные облака, затянув все небо, извергали из себя бесконечный поток серебристых струй. Воздух потрескивал от электричества, а Илена быстро шагала по улице, то и дело переходя на бег.

Она смотрела себе под ноги: к ней вновь вернулось ощущение того, что кто-то идет за нею следом, что чья-то чужая воля тяжелым бременем давит ей на плечи.

Слезы, бежавшие по ее щекам, смешивались с дождевой водой.

Сверкнула молния, и Илена остановилась как вкопанная, потому что у нее на пути возникла какая-то фигура. Фигура искрилась, словно состояла из атмосферного электричества — призрак, явившийся из телевизора.

— Прекрати!

Схватившись за голову, Илена вновь побежала, все время поворачивая налево. Шлепки ног по мокрому асфальту становились все ближе и ближе. Илена закричала, мышцы ног ныли от усталости, она наткнулась на мусорный бак, который показался ей невыносимо знакомым. Подняв глаза, она увидела в конце улицы знакомый сквот.

— Илена...

Илена подпрыгнула и оглянулась. Никого.

Снова побежала под острыми, словно скальпель хирурга, дождевыми струями.

Отлепила ключ от подошвы ботинка (там она его прятала с тех пор, как переехала к Луке) и открыла навесной замок. Забралась в открытое окно, чувствуя, как что-то задело ее щиколотку — словно пыталось схватить. И вот она уже внутри, там, где шум дождя не так слышен.

Она на минутку прилетела на пол, время от времени посматривая в окно, словно ожидая, что кто-нибудь выскочит оттуда и снова схватит ее за ногу. Она промокла до нитки, и когда она встала и пошла по коридору, на полу возник отмечавший ее путь мокрый след.

На этот раз сквот показался Илене скорее убежищем, чем опасным местом.

Она медленно поднялась по лестнице, прошла мимо разрисованных дверей и зашла в свою комнату. Обернулась.

Нанесенные по трафарету грубые изображения цветов, а под ними — инициалы, вырезанные на досках.

ИД+ВН.

Илена провела по буквам кончиком указательного пальца; ощущение было таким, словно она делала это уже не раз. Ощущение было знакомым, но не более того. Кровь пульсировала в ее висках.

Она проводила пальцем по буквам снова и снова, словно пыталась завоевать расположение недоверчивой зверушки; она надеялась, что буквы что-нибудь поведают ей. Она повторяла это движение снова и снова, пока ее руки не начали трястись от усталости.

— Илена!

За окном сверкнула настолько яркая молния, что Илена вздрогнула.

Чья-то фигура поднималась по лестнице: на этот раз она больше не мерцала и не пыталась раствориться в воздухе.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Илена.

— Я шел за тобой. Я знал, что ты вернешься.

— А куда мне еще деваться?

— Я знаю куда, — произнесла фигура.

— Эти инициалы, — сказала Илена, прикоснувшись к буквам. — Я помню их.

— Это просто инициалы, и ничего больше.

— Это мои инициалы.

— Это сквот. Ты только представь, сколько людей жило здесь до тебя.

— Это мои инициалы, — упрямо повторила Илена.

Мужчина поднялся по лестнице еще на несколько ступеней вверх.

— Я помню, как их вырезала.

— Ничего ты не помнишь. Это тебе только кажется. Тебе хочется, чтобы это было так. После падения...

— К черту падение, Лука, — оборвала Илена врача. — Я на самом деле все помню.

Лука неуверенно остановился на верхней площадке лестницы, закрывая проход.
— Пропусти меня.

Лука не пошевелился; он стоял, положив руки на балюстраду по обе стороны от себя.

— Илена, прошу тебя, вернись ко мне домой! Ты еще не совсем поправилась. Тебе следует успокоиться.

— Пропусти меня! — настойчиво повторила Илена. Лука не пошевелился.

— Ты все еще больна. Позволь мне помочь тебе. Ты мне доверяешь, правда?

Еще одна молния сверкнула за окном, осветив на миг каменную кладку противоположной стены.

— Хорошо, — смягчилась Илена и опустила глаза. — Хорошо, я вернусь к тебе.

— Отлично. Отлично.

Но, как только Лука протянул руку, чтобы повести за собой Илену, та, извернувшись, ударила его изо всей силы локтем в висок, отбросив назад. Лука попытался удержаться на ногах, ухватившись за перила, но прежде, чем он успел сделать это, Илена ударила его вновь — на этот раз стальным носком своего рабочего башмака прямо в нижнюю челюсть — и Лука покатился по ступенькам.

Огромное, похожее на скелет сооружение возносилось над пеленой дождя на сто футов с лишком. Нелепое и явно незавершенное, оно навевало тоску.

Покидая стройплощадку, Илена посмотрела сквозь покрытое сажей окно автобуса туда, где за балками арматуры виднелась верхушка здания, похожая на направленный в небо указательный палец.

Гроза снова привела ее сюда, подальше от сквота и от скопившихся в нем воспоминаний. Подальше от Луки и навязанного им рабства. К точке начала.

Смутное пятно эфирных помех следовало за ней повсюду, но оно больше не пугало ее.

Она перебралась через забор, возведённый вокруг стройплощадки, выбрав для этого место, которое лежало в стороне от маршрута охранников и неподалеку от передвижного медпункта Луки. Медпункт, казалось, наполовину утонул в грязи; его стальные опоры были не видны в темноте. Свет в окнах не горел, дверь была заперта. Илена направилась к окну, с другой стороны которого она недавно часами смотрела на мир. Замок был сломан, и с тех пор, как Илена оказалась в медпункте, его так и не починили.

Она открыла дверь и скользнула внутрь пахнувшей антисептиком тюрьмы.

Лука со стоном поднялся с пола. Левую ногу пронзила острая боль, но кость была цела.

Из раны, которую нанесла Илена носком башмака, по лбу струилась кровь, поэтому Луке пришлось хорошенько протереть глаза, прежде чем он смог что-нибудь разглядеть. Выбив парадную дверь, Лука выскочил под дождь.

Илена направилась напрямик к столу Луки и стоявшему рядом с ним картотечному шкафу, где хранились истории болезней.

Воздух буквально трещал от разрядов электричества. Каждый волосок на ее теле стоял торчком.

Картотечный шкаф был заперт, но за долгие часы, проведенные в медпункте, Илена успела рассмотреть все, и она знала, что ключи Лука прячет в потайном отделении письменного стола. Она открыла картотечный ящик, на котором было написано «А — Е».

Дудикович, Илена.

ИД + ВН.

Лука бежал уже по пандусу, который вел к стройплощадке, когда заметил блес-

нувший в темноте слева от него фонарик охранника. Перевалившись через ограждение, он упал в мягкую, холодную грязь под пандусом.

История болезни имела зачитанный вид, к тому же от тетрадки веяло каким-то странным запахом. Она положила ее на стол, открыла и быстро пробежала глазами заметки врачей и прикрепленные к страницам фотографии. Снимок ее запястья — рассеченное, кровоточащее мясо. Рентгеновские снимки позвоночника, рук, ног. Несколько снимков ее обнаженного торса, сделанных в то время, когда ее бесчувственное тело лежало на каталке.

Она просматривала рукописные страницы, читала список полученных ею повреждений, пытаясь отыскать среди всего этого информацию о том, где именно она упала и как ее обнаружили.

Внезапно она услышала шум у себя за спиной и обернулась.

Приблизившись к медпункту, он заметил в его окнах свет и замедлил шаг, чтобы не шлепать так громко по грязи. Осторожно взявшись за ручку двери, он сразу же отдернул руку, почувствовав боль, словно от укуса. Посмотрев на палец, Лука увидел на нем ранку, из которой сочилась кровь, обмотал руку рукавом куртки и снова взялся за ручку.

Дверь была заперта изнутри.

Он достал из кармана ключ и открыл дверь, ожидая, что на него с кулаками набросится Илена, но вместо этого он увидел разбросанные по столу бумаги и фигуру Илены, исчезающую в одном из задних окон.

— Стой!

Хлопанье развевающейся на ветру пластиковой пленки. Воздух, пахнущий стальной стружкой. Холодные струи дождя и рокотание гневного, словно божество, грома.

Илена воспользовалась лестницей-временкой для того, чтобы взобраться на внешние леса, окружавшие первые несколько этажей небоскреба. Движения ее были ловкими, привычными.

Что-то замерцало в темноте впереди, когда Илена направилась к следующей лестнице, и она начала двигаться медленней, в холодном воздухе дыхание вырывалось плотными клубами пара. Она различила в темноте мерцающую, расплывчатую фигуру. Она ощутила в груди волну тепла, которая начала постепенно распространяться по всему ее телу.

Медленно подойдя к фигуре, Илена протянула ей руку. Призрачная рука сжала ее пальцы.

Они продолжили свой путь уже вместе, преодолевая этаж за этажом, обходя зияющие провалы и торчащие вертикально опоры, преодолевая узкие лазы и пандусы, огороженные по сторонам только натянутой изоляционной лентой.

Именно так все и должно было происходить. Илена осознала, что она уже однажды проделала весь этот путь, ведущий вверх. Ощущение от руки ее спутника то присутствовало, то исчезало, словно реальность так и не приняла окончательного решения, впустить в себя это странное существо или нет. Илена не пыталась рассмотреть его лицо, потому что она прекрасно понимала, что лица у него нет, да, впрочем, она и так знала, с кем имеет дело.

Взобравшись на платформу, выдававшуюся вбок из путаницы лесов, Илена услышала чей-то крик, но ей было все равно. Рука ее спутника крепко сжимала ее пальцы и снова казалась ей теплой и живой.

Воспоминания перемежались друг с другом и с реальностью, словно полосы на телеэкране, и наконец в глазах ее сфокусировался образ, который ей никак не удавалось явственно рассмотреть после падения.

— Еще два этажа, — сказал призрак, и они продолжили восхождение.

Этой ночью тоже шел дождь, и Илена никак не могла понять, что это — часть ее воспоминаний, часть реальности или и то и другое одновременно. Что происходило наяву, а что было лишь воспроизведением уже однажды пережитого?

Когда они, наконец, добрались до последнего этажа, ей показалось, что все здание ходит ходуном под ногами. Яростные порывы ветра сорвали по углам пленку, которая выполняла роль временной крыши, и дождь, ворвавшийся в прореху, намочил доски, которыми был застелен пол.

Когда Илена подошла к краю, откуда открывался вид на размытый дождем силуэт города, призрачный спутник обнял ее обеими руками. Разряды электричества, сверкавшие между опорами ЛЭП, казались издали сполохами битвы, разыгравшейся между небожителями.

Он крепко обнял ее, и она закрыла глаза, желая постоянно чувствовать его тело, независимо от того, что ждет их впереди. Так, как было всегда. Так, как было тогда.

Единственное сладкое ощущение в этом дерьмовом мире.

— Крепче! — попросила Илена, и он еще сильнее прижал ее к себе, сдавив грудь, отчего сердце пронзила сладкая боль.

Тело ее словно онемело, и не только холодный дождь был тому причиной.

— Я люблю тебя!

Казалось, сама гроза прошептала эти слова ей на ухо.

— Я тебя тоже люблю! — прошептала она в ответ. И тут он начал таять в воздухе; его крепкие руки, тепло его тела — все это растворялось в пустоте.

Но это совсем не испугало Илену, потому что она знала, куда он уходит.

Она заглянула за край крыши, туда, где внизу вдалеке виднелась грязная земля. Она увидела его там, внизу, и он ждал ее.

Она сделала шаг.

— НЕТ!

Это был Лука, который спешил к ней, спотыкаясь о неровности настила и чуть не падая.

— Илена, не смей!

Она не обратила на него ни малейшего внимания; ее взгляд был прикован к земле.

Лука схватил ее за руку, но Илена отдернула ее и, чуть не потеряв равновесие, была вынуждена ухватиться за вертикальную опору лесов, чтобы не упасть. Только теперь она поняла, как сильно дует ветер, потому что не услышала собственного голоса, когда сказала:

— Оставь меня!

— Нет! Я не позволю тебе сделать это!

— Я должна.

— Ничего ты не должна!

Было видно, что он хочет попробовать снова схватить ее, но боится, как бы вместо этого не столкнуть ее с крыши.

— Прости меня, я должен был тебе все рассказать. Я знал, что должен, но...

— Мы условились, что сделаем это вместе. Такой у нас был уговор.

— Я только выполнял свой долг. Я пытался помочь тебе.

— Ему же ты не помог, — холодно оборвала его Илена.

— Но я ничего не мог поделать! Он был уже мертв, когда я нашел вас! Когда ты очнулась и ничего не помнила, я решил, что скажу тебе позже, но чем больше проходило времени, тем трудней мне было это сделать. Но я все равно собирался!

— Вранье! Ты не рассказал мне ничего, потому что хотел завладеть мной, потому что знал, что тебе никогда не дано испытать ничего подобного тому, что было между мной и им.

Не сказав ни слова, Лука принялся что-то искать у себя в кармане.

— Оставь меня, Лука. Я хочу снова быть вместе с ним.

— Я тебя не оставляю, — ответил врач.

Разряд электричества ударил в крышу небоскреба, зарядив воздух своей пылающей энергией.

Она увидела в руке Луки небольшой отрезок колючей проволоки.

Он подошел к Илене, стоявшей на самом краю крыши, схватил ее за руку и, прижав ее ладонь к своей, быстро начал обматывать колючую проволоку вокруг запястий, связывая себя с девушкой. Именно так поступил раньше он, и точно так же поступил Лука, ибо всему суждено было повториться.

— Это та самая проволока, которой воспользовалась ты, — сказал он и прибавил: — Мне нет никакого дела до того, хочешь ты быть со мной или нет.

Шипы колючей проволоки проткнули насквозь ткань ее одежды, коснулись ее кожи, идеально, словно ключ в замок, войдя в раны, оставшиеся от прошлого раза.

Давление ветра стремилось сбросить их с крыши, швырнуть в пропасть — Лука потянул за проволоку, еще глубже вонзая шипы в плоть Илены, словно пытаясь соединить себя с ней навсегда, навечно.

Воздух искрился от электричества. Всего лишь один шаг. Вот он.

Это была не палата в его медпункте, а какая-то другая, но очень похожая палата. Поскольку он не мог выйти на работу, его медпункт на стройплощадке, скорее всего, закрыли, а самого его разместили в какой-то из городских больниц.

Отдельная палата, серые стены, хотя видно, что когда-то они были белыми; сам же Лука был прикован к ортопедическому столу, металлические части которого поблескивали в свете люминесцентных ламп. Он изучил спицы, вживленные в руки и ноги, — новые части его тела, которые явно находились там уже несколько дней.

Шею его удерживала скоба, которая впивалась в кожу, словно пылкая любовница.

Множественный перелом позвоночника, повреждения спинного мозга, треснувшие берцовые кости, сломанные ребра, раздавленная гортань — и это еще далеко не все.

Ах да, и разбитое сердце!

Лука чуть было не улыбнулся.

Когда он закрыл глаза, он вспомнил казавшееся размытым пятном в темноте, когда они падали вниз, лицо Илены, вспомнил, как яростно впивалась в его запястье колючая проволока. Он помнил все.

Он прислушался к электронному гулу аппаратов, которые поддерживали его жизнеспособность и избавляли от боли, и подумал: «Все это пустяки». Время от времени он пытался расслышать за шумом приборов голос Илены, но пока это ему не удавалось.

Тем не менее, она была где-то здесь, где-то рядом. Скрывалась между дождевыми каплями, выжидала.

Врачи дали ему на выздоровление три месяца, но он знал, что ему хватит и половины этого срока. Через полтора месяца он сможет держаться на ногах и ходить. Сколько новых этажей к тому времени обретет небоскреб? С какой высоты ему тогда придется падать?

«С любой», — ответил он на собственный вопрос.

С любой.

Женщина лежала на покрытой пластиковой пленкой больничной койке, и вокруг нее расцветали пятна зараженной вирусами крови. Эту женщину нельзя было назвать в полном смысле слова «любовью всей его жизни», но то чувство, которое он испытывал к ней, почти тянуло на это определение.

Он услышал жужжание моторчика камеры системы видеонаблюдения и понял, что, скорее всего, они сейчас следят за ним: ждут, не случится ли чего. Он окинул взглядом палату умирающих и уже умерших пациентов, размытые силуэты которых за задернутыми полупрозрачными пластиковыми шторками казались жирно поблескивающими сгустками эктоплазмы, и снова посмотрел на женщину.

Приподнял ее запястье, перевернул, обнаружив сплетение исколотых вен и воткнутую иглу, к которой шла трубка от капельницы.

Понял, что больше делать здесь нечего.

Женщина стояла на коленях, простиралась ниц, прижимаясь лицом к полу; в ее спину где-то посередине между шеей и крестцом был воткнут катетер. Другой конец его держала в руках тощая, бритоголовая женщина с рубцами шрамов на месте груди. Она сосала трубку катетера, переводя дыхание в промежутках между глотками.

Николай узнал в ней Валерию Кодченко, с которой его познакомили Амели и Жак в первый же вечер, когда он посетил эти процедуры. Валерии нравилось отчетливо видеть все, что она делает и поэтому она всегда использовала катетер, но Амели... Амели хотела не только видеть, но и чувствовать. Блондинистый юноша, которым Амели кормилась в последнее время, не выдержал и дернулся, когда та впиалась губами в свежий разрез на его запястье.

— Это больно? — спросил Николай в первый вечер.

— Разумеется, — сухо ответил Жак. — Если тебе это не подходит, то оставь себя никто не заставляет.

Когда Николай заявил, что он останется, Жак выпил одним глотком рюмку водки, которую держал в руках и сказал:

— Ладно, если ты так решил. Только не стой тут как статуя, ты не на пипшоу. И еще — Амели моя, ее кровь принадлежит мне. Так что попрошу без вольностей.

И он направился к собравшимся кучкой посетителям, на ходу стягивая с себя футболку. Но это было тогда.

А сейчас Николай изучал становившуюся ему все более и более привычной сцену: полуголые и голые тела, мужские и женские, ворованные стойки для капельниц и пластиковые мешки от систем переливания крови, валяющиеся на полу скальпели и использованные куски пластиковой пленки, организмы, соединенные в нечто вроде большой биологической машины. Такой прочной биологической связи не существовало ни между ним и коллегами по работе, ни между ним и любым другим живым существом на земле, за исключением, разве что, кровососущих насекомых. Именно поэтому он возвращался сюда вновь и вновь.

Он держал сидевшую на корточках у его ног девушку пропустив два пальца под надетый на нее собачий ошейник. Девушка отодвинулась от разреза, из которого пила кровь, с трудом встала на затекшие ноги, наградила Николая пьяной улыбкой и лениво вытерла рукою губы.

Внезапно оступившись, она упала на пол, раскинув в стороны голые ноги; за спиной у нее, в полумраке, отбрасываемом осыпающимися стенами пакгауза, стояла Амели в одном нижнем белье и чулках. Пухлые губы ее были ярко-красными. Следы от проколов на ее левой груди и плече отчаянно пытались затянуться свежей коростой. Николай произвольно представил, как Жак припадает губами к этим ранам, раздвигая их края пальцами, словно складки плоти у входа во вла-

галище.

— Не прячься от меня, дорогуша, — сказала Амели.

Тонкое кольцо у нее в носу поблескивало в полумраке, тоже золотое, но не такое теплое, как ее золотистая кожа креолки. Со времени их последней встречи она подрезала свои заплетенные в ямайские косички волосы еще на пару дюймов, так что теперь они торчком стояли у нее на голове.

Процедуре кормления сопутствовала определенная поэзия, невысказанный ритуал взаимного обмена кровью между донором и реципиентом. Николаю понадобилось несколько недель, чтобы понять это и приспособиться к этому ритму, но теперь он чувствовал его всем своим существом, словно пульс.

Он повернулся к ней левым плечом, еще девственно чистым. Амели в отличие от большинства никогда не кормилась из раны, сделанной кем-то другим. Она сделала небольшой надрез под его лопаткой, там, где плоть была мягче, затем лизнула пару раз, впившись острыми длинными ногтями в грудь Николая, и вновь повернула его лицом к себе.

Затем она наклонилась к нему в строгом соответствии с негласным соглашением, чтобы предложить ему аппетитную свежую ранку на своей груди. Амели стояла так близко, что он чувствовал жар ее тела; свет в комнате померк и их пальцы встретились.

— Твоя очередь, — сказала Амели.

Губы их были приоткрыты, словно губы любовников, приготовившихся к поцелую, но Николай знал, что не имеет права пересечь запретную черту. Он не станет пить ее кровь.

Жак, скорее всего, сдержал бы свое обещание и отлучил бы Николая от посещения церемонии, а тот еще не был готов отказаться от этого удовольствия; кто знает, возможно, кровь вызывает зависимость сродни наркотической?

— Cher⁴, — прошептала она, и он не столько услышал это слово, сколько почувствовал его.

Она еще ближе придвинулась к нему, ухватила рукой за бритый затылок и попыталась притянуть его губы к ране, но Николай не сдавался.

Она потянула сильнее, но тут почувствовала чье-то прикосновение.

Жак стоял у нее за спиной, обхватив ее за талию правой рукой, а левой запрокинув ее голову назад, так что стала видна нежная незащищенная шея. Жак не смотрел на креолку, его взгляд упирался в Николая.

Отпустив голову Амели, Жак прикоснулся к ране, поднес окровавленный палец ко рту и одновременно повернул правую руку так, что выставил напоказ мягкую ткань бицепса, покрытую надрезами. Затем прижал к надрезам открытый рот девушки.

Как только Амели начала сосать, Жак издал свистящий звук: Николай снова оказался предоставлен сам себе.

Рабочие носили прозвище «тараканы», но, хотя их устойчивость к ядам, с которыми они работали, была намного выше, чем у простых смертных, они все же не были совсем нечувствительны к их воздействию. Как и насекомые, в честь которых их прозвали, промышленные чистильщики не были невосприимчивы к вредному воздействию — они просто быстро к нему приспособливались.

Каждый второй день в течение уже четырех лет Николай вместе с дюжиной своих коллег ползал по вентиляционным шахтам и воздуховодам бескрайних химзаводов и металлургических комбинатов, пытаясь сделать их снова пригодными к использованию. Отскабливая биомолекулярную дрянь со стенок и складывая ее в мешки для биологически опасных отходов, он иногда натывался на попавших к нему в плен насекомых. За исключением самого Николая и его коллег, это были единственные

⁴ Дорогой (фран.).

живые существа, с которыми он сталкивался на протяжении долгих часов. Но Николай знал, что это — не просто живые существа.

Когда заканчивалась его смена, он покидал цех и вместе со всей бригадой ждал на потрескавшемся и заросшем сорняками асфальте заброшенной автостоянки, когда за ними придет служебный автобус, предоставленный компанией. Один за другим они забирались в ржавую колыхающуюся, которая отвозила их в центр города. Затем небольшая прогулка пешком до дома по тихим пустынным улицам, мимо недостроенных небоскребов, сожженных машин, погруженных в работу маньяков граффити и с головы до ног покрытых татуировками малолетних шлюх.

Оказавшись в квартире, он вытряхнул на пол пополнение в семействе. Насекомые поспешно помчались к аквариумам, переполненным закованными в панцирь членистоногими, которые клубились внутри черным хитиновым комом. Время от времени Николай гулял между аквариумами, бросая внутрь вместо корма кусочки биологических и химических отходов и громко декламируя стихи русских поэтов, которые вдолбила в него в детстве мать.

— Ну и нора!

Николай обернулся и увидел Амели, сидевшую на его единственном стуле, обхватив ноги руками. На ней не было ничего, кроме длинной шубы и туфель на высоких каблуках.

— Как ты нашла это место?

— Я кормлюсь тобой, Николай. Ты не должен ничего от меня скрывать.

Амели встала, прошла между аквариумами, кучками сброшенных насекомых панцирей и высохших трупиков.

— Ты мне никогда не рассказывал обо всем об этом.

Он ощущал себя застигнутым врасплох, чувствовал тараканом, который втянулся в спасительный панцирь, увидев занесенный над ним башмак.

— Что тебе надо?

Амели встала и подошла к нему размашистой походкой, своей обычной размашистой походкой. Ее глаза блестели в полумраке, улыбка играла на губах.

— Я хочу что-то показать тебе.

Они вернулись в госпиталь — в тот самый, где он впервые повстречал ее, в тот самый, где он на нее наткнулся, когда пришел к Жаку сдать очередной анализ. Анализы эти были частью «левых» исследовательских работ с целью установить причины устойчивости тараканов к воздействию ряда химикатов, точный состав которых так и не был оглашен. Жак проводил исследования в лаборатории в промежутках между своей основной работой. Это давало и ему и Николаю хороший приработок. Кроме того, он вел еще целый ряд исследований для черного рынка. Амели пряталась в кабинете Жака, поскольку ей было нужно алиби после того, как один из менеджеров больницы поймал ее за недозволенным занятием. Жак ловко прикрыл ее от сопровождавшего Николая охранника в штатском, и, когда дверь закрылась, Николай увидел эту женщину.

С тех самых пор мысли Николая были наполнены ею одной, даже тогда, когда он возился с насекомыми. Амели прилипла к нему, как инфекция.

Когда машина остановилась около больницы, Амели переоделась в униформу медсестры, затем провела Николая по безликим коридорам и по железным винтовым лестницам, которыми, как заверила его Амели, почти никто не пользовался. Затем она набрала код на номерном замке, и они попали в другой коридор со смотровыми окнами в стенах, над которыми светились желтые предупредительные знаки.

— Правда, они прекрасны? — сказала Амели, наклонившись к одному из окон. — Я могу любоваться на них целый день.

Николай заглянул в окно, но не увидел там ничего прекрасного — только ряды

больничных коек, одни из которых были покрыты пластиковой пленкой, другие — спрятаны за полупрозрачными ширмами. На койках лежали изможденные пациенты, истекавшие кровью из всех пор кожи с такой скоростью, что казалось, будто они фонтанируют кровью.

— Что с ними? — спросил Николай.

— Вирусная инфекция. В основном здесь жертвы биотерроризма, хотя сюда свозят все опасные случаи без разбора.

Сеть трубочек и насосов безуспешно пыталась собрать всю вытекающую из больных кровь, в то время как новая постоянно поступала из пластиковых мешков, висящих на стойках, установленных между мониторами сердечной деятельности и разнообразными приборами. Пластиковая пленка напомнила ему о куколках бабочек, которые он держал в картонной коробке, и он подумал, что может вылететь из нее наружу, когда в один прекрасный день ее развернут.

— Они при смерти? — спросил он.

— Мы все при смерти, Николай, — тихо ответила Амели и внезапно распрямилась.

Звук шагов.

— Черт! За мной, быстро!

Она потянула его за собой в ту дверь, через которую они вошли, и успела бесшумно закрыть ее за собой как раз за миг до того, как мимо нее прошли два человека в костюмах биозащиты. Она подала Николаю знак молчать, пока мужчины не прошли мимо, а затем шумно выдохнула.

— Лучше валить отсюда. В лаборатории Жака? В прошлый раз они меня там и поймали. Если они меня поймут снова...

Они прислонились к перилам старой винтовой лестницы. Юбка Амели задралась, и показалась полоска шикарной темной кожи на бедре между краем чулка и белоснежной, как кокаин, тканью.

— У каждого свой бзик, Николай.

Она поцеловала его страстно и быстро, оставив следы помады на его лице.

— Я хочу побывать с тобой, — сказала она, поглаживая пальцами его затылок, — на одном из заводов.

— Тебе нельзя туда. Это очень опасно.

— Я знаю. Именно поэтому, — и Амели заткнула ему рот еще одним пылким поцелуем. Их языки сплелись.

Затем она подвела итог:

— Ты возьмешь меня с собой, cher?

Неделей позже Николай лежал на хрустящих простынях из клеенки у себя дома, с небольшим, сделанным острым скальпелем разрезом на груди.

Они снова были одни у него дома, отдыхали после кормления в тишине, нарушаемой только возней и попискиванием насекомых.

Николая застигла врасплох теплая волна, пробежавшая по телу, отрывая его от простыней; мышцы его сократились так, словно он вот-вот должен был извергнуть семя. Амели провела рукой по низу его живота, по сжавшимся мышцам, облизнула рану еще раз, вздохнула, затем сделала надрез на своем предплечье рядом со старыми шрамами и поднесла ему рану.

— А теперь ты... — сказала она.

— Я не могу...

— Cher.

— Но Жак...

— Да пошел он... — сказала она и поднесла рану к губам Николая.

— Не сейчас, — сказал Николай и именно тогда решил рассказать ей все про больницу.

— Так когда?

— На следующей неделе, — сказал он. — Но... ни слова Жаку. Он не должен ничего знать.

— Клянусь, — отозвалась она и с урчанием вновь припала к ране Николая.

Амели пришла навестить Жака в его подвальной лаборатории как-то рано утром перед началом ее смены.

— Где ты запропастилась? Я не видел тебя целую вечность. И тебя не было на последнем кормлении.

— Дела были. К тому же мне не стоит здесь светиться. Форрестер опять меня зацапал возле отделения вирусных инфекций.

— Может, это знак тебе, чтобы ты туда вообще не совалась? — оборвал он ее, открывая шкаф, чтобы достать оттуда оборудование.

— Maudire⁵, ты, видно, не в духе. Чего это на тебя накатило?

— Знаешь, по-моему, он пропитан отравой.

— Кто, Форрестер?

— Не строй из себя дуру, Амели! Ты знаешь, кого я имею в виду!

— Мы тут все пропитаны отравой.

— Амели, что тебе от меня надо?

Амели вскипела.

— Мне обязательно нужна причина, чтобы тебя повидать?

— Дела бывают не у тебя одной.

— Ах, вот как! Ну и ладно. Занимайся своими делами. И она направилась к двери, громко стуча каблуками по каменному полу.

— Завтра вечером кормление, — поспешно бросил он ей вслед. — Если тебя это еще интересует.

— Возможно, у меня на завтра другие планы.

— Если завтра тебя не будет, то можешь забыть сюда дорогу. И это после всего, что я для тебя сделал...

— Не смей мне угрожать! Не командуй мной, Жак.

— Это не угроза, это просьба. Этот вонючий таракан тебе не пара.

— А это я уж сама решу, — сказала Амели и хлопнула дверью.

— Сейчас осталось только три палаты. Остальные пришлось сжечь и снести после вспышки.

— А эти почему оставили? — спросила Амели. Она шла по мрачному коридору, время от времени трогая разные попадавшиеся на пути вещи — таблички, обломки приборов, осколки фаянса, кабель, свисавший с потолка, словно пуповина.

— Они были в эпицентре вспышки и поэтому оказались слишком сильно заражены. Существовал риск при их сносе выпустить вирус наружу. Поэтому их просто загерметизировали.

— А сейчас?

— Сейчас они почти не представляют опасности. Сейчас мы расчищаем ведущий к ним подземный тоннель, но туда я не могу тебя взять. Там слишком опасно даже в твоём костюме.

Обычно от такого заявления желание у Амели только возрастало, но в тот момент она была слишком занята изучением медицинского мусора, наполнявшего полуразрушенную старую больницу. Палаты выглядели почти так же, как в тот момент, когда их запечатали, и если бы она не знала, где они находятся, то могла бы подумать, что расхаживает поздней ночью по отделению вирусных инфекций своей родной больницы. Проходит между истекающими кровью пациентами, прикасается к ним, наблюдает, как темная кровь струится из них непрерывным потоком.

Они вошли в помещение, которое выглядело как операционная и прекрасно со-

⁵ Проклятье (фран.).

хранилось, несмотря на очевидные следы упадка и запустения. Клейкие ленты, предупреждающие о биологической опасности, струились по полу, словно радиоактивные черви-лентецы, заползали на окна и шкафы, пересекая их наискосок. Амели продолжала подбирать различные предметы.

Перевернутый монитор сердечной активности, экран разбит. Порванный халат хирурга. Осколки пластмассовой посуды и обрывки стерильной упаковки.

— Что ты делаешь? — спросил Николай. Он напряженно следил за ней, ни на минуту не упуская из виду.

Перед началом осмотра он выдал Амели легкий костюм биозащиты и стандартную кислородную маску, которая в настоящий момент свисала на шланге с шеи Амели — с таким комплектом ходил бы по больнице руководящий состав, будь она по-прежнему действующей.

Амели раздевалась.

— У меня в этом балахоне начинается клаустрофобия, — сказала она, стягивая с себя комбинезон и обнажая свою черную, глянцевою кожу жрицы вуду.

— Не смей! Здесь еще полно токсинов!

Слова его таяли в пустоте, мысли плыли. Амели стояла в одном нижнем белье, хлопчатобумажном, почти детском. Кислородная маска по-прежнему болталась у нее на шее, в руке она держала баллон. Ногой она отшвырнула костюм в сторону и легла на операционный стол, свесив с него ногу.

— Иди ко мне, cher, — прошептала она, растягиваясь на столе.

Взяв Николая за руку, Амели положила ее себе на живот. Татуировка, изображавшая вудуистского духа, вилась вокруг пирсинга на ее пупке и уходила под трусики. В руках у Амели неожиданно оказался скальпель.

— Что ты хочешь от меня? — спросил Николай. Она медленно прикрыла веки.

— Делай со мной все, что хочешь, — сказала она. Где-то неподалеку послышался гул генератора.

Всю смену он думал о ней. Всю смену, день и ночь напролет. Он не спал с тех пор, как они покинули больницу и разошлись в разные стороны. Воспоминание о ее теле врезалось в его память, словно раскаленное клеймо, которым его заклеямили в тот день, когда он стал «тараканом». Он задумался, не связано ли это как-то с кормлением; не впустил ли он ее в свою плоть и кровь, и не живет ли она теперь внутри него.

Его рация шуршала и потрескивала, как бывало всегда, когда все задания на день были выполнены. Несколько минут он лежал в мусоропроводе, который ему нужно было прочистить, благодарный за эти мгновения безмятежности среди окружавшего его безобразия. Он слышал, как шныряют вокруг насекомые, но сегодня ему не хотелось пополнять свой зверинец. Он уже начал выбираться из мусоропровода, как в рации раздался голос бригадира, который потребовал срочно явиться. Он бросил желтый мешок для биологически активных отходов — его подберет вспомогательная группа — и вошел в тот же самый тоннель, по которому они проходили с Амели прошлой ночью. Он мог бы поклясться, что в воздухе по-прежнему ощущался странный аромат ее духов.

Большинство остальных рабочих уже собралось снаружи, они курили и смеялись посреди площадки. Николай стоял, опустив голову, пока к нему не подошел один из сменных бригадиров — человек, который вертел в руках костыль, заменявший ему отсутствующую лодыжку правой ноги.

— Ты Новаков будешь? Николай Новаков?

— Да, — ответил Николай по-русски. Он всегда переходил на русский, когда его называли полным именем, несмотря на то, что помнил язык едва-едва.

— Для тебя тут записка, — и вручил Николаю клочок бумаги, содержание которого подействовало на него как удар под дых.

Она продолжала ругаться и после того, как полицейские получили от Николая залог и освободили ее.

Она ругалась, свободно переходя с одного языка на другой, Николаю даже удалось различить несколько украинских ругательств, хотя он не представлял себе, откуда бы она могла их знать.

— Сукин сын, соп⁶! — вопила Амели.

Он с трудом поспевал за ней; район города, который они пересекали, выглядел так, словно его недавно подвергли массированным бомбардировкам.

— Я не могу поверить, что он это сделал! — закричала она, переходя, наконец, к сути дела. — Я его, суку, уничтожу!

— Может быть, тебе стоит...

Но она пнула и опрокинула мусорный бак, разбросав по улице его гниющее содержимое. Проезжавшая мимо машина налетела на покотившуюся крышку бака, подбросила ее в воздух, и водитель выкрикнул ругательство, словно вторя Амели.

Амели резко остановилась, схватилась за ногу и издала злобное шипение. Сделала два глубоких вдоха и вновь пошла размашистой походкой вперед. Николай пытался не отставать от нее.

— В чем конкретно он тебя обвинил?

— Мне сказали, что я похитила пробу из отделения вирусных инфекций. Но это наглое вранье...

— Если ты не брала этой пробы, то они у тебя ее не найдут. Точка. Он может говорить все, что ему взбредет в голову, но...

— Никаких «но»! Они и не станут искать — ты что, не понимаешь? Они в курсе, что я пробиралась в отделение, и они ненавидят меня лютой ненавистью.

Им просто нужен был повод — и этот ревнивый мудака им его дал!

— Амели...

— Нет, cher, именно мудака! Никто со мной никогда так не поступал!

Николай остановился в надежде, что Амели последует его примеру или хотя бы замедлит шаг. Но этого не произошло.

— Амели! — робко позвал он ее. Его мышцы все еще ныли от работы, а в позвоночник словно впились сотни клешней маленьких крабов.

— Встретимся позднее, Николай. Клянусь! — крикнула она через плечо, отойдя уже почти на целый квартал. Капли дождя стучали по асфальту.

Может, Жак действительно задерживался на работе допоздна, а может, он остался нарочно для того, чтобы насладиться бешенством Амели, во всяком случае, он все еще находился в лаборатории, когда девушка явилась туда. При этом она как-то изловчилась проскользнуть мимо больничной охраны, которая не так давно вместе с полицией на глазах у всех выводила ее с территории больницы.

Прогулявшись под холодным дождем, Амели замерзла и слегка остыла.

Жак холодно посмотрел на девушку, когда та ввалилась в лабораторию, всем своим видом указывая на дистанцию между ними. Сам он выглядел неважно: красные глаза, серое лицо.

— Что ты тут делаешь? Я же запретил тебе появляться здесь. Или ты что-то от меня хочешь?

— После того, что ты сделал? Ты думал, что от меня так просто избавиться?

— Честно говоря, мне плевать на тебя.

— По-моему, ты лжешь.

— Амели, что ты от меня хочешь? Ты хочешь уйти от меня к своему «таракану»? Вали.

— Слушай, я тебя убить готова на месте, и, тем не менее, я все же держу себя в руках. Перестань строить из себя саму серьезность.

⁶ Дурак (фран.).

— Ты обещала мне, что тобой буду кормиться только я.

Гнев Амели немного ослабел, как только она поняла, что в этот раз все не пройдет так легко, как обычно.

— Послушай, не раздувай из мухи слона. Это я кормлюсь «тараканом», а не он мной. Мне просто хотелось узнать, какова у этого урода кровь на вкус. Мне что, уже и поразвлекаться нельзя?

Она провела пальцем по спине Жака, и тот почувствовал, как вновь попадает под ее вудуистские чары.

— Я просто хотела попробовать, — прошептала она. — Не дуйся, cher, ты знаешь, что лучше твоей крови для меня ничего нет.

Жак обернулся и посмотрел ей пристально в глаза:

— Тогда докажи это!

Расстегнув рубашку, он обнажил гладко выбритую широкую грудь, испещренную белыми келоидными рубцами.

Амели улыбнулась. Мужчинami так легко управлять. Ее гнев не шел ни в какое сравнение с ее желанием контролировать Жака, заставить его понять, что он не может просто так взять и уйти от нее.

Она взяла скальпель, сделала надрез и приложилась губами к ране. Кровь Жака была на вкус не чистой и холодной, как кровь «таракана», а кислой, но она все равно стала ее пить только для того, чтобы показать, что может это сделать. Затем она положила руку на ширинку Жаку и удивилась отсутствию обычной реакции. Когда она подняла голову, она увидела, что Жак не закрыл, как обычно, глаза, а пристально и безо всякого выражения смотрит на нее. Амели облизала губы.

— Жак?

Что-то блеснуло в его глазах.

— Это все, Амели? Тогда уходи.

— Что ты сказал?

— То, что сказал. Поразвлеклась, покормилась — и отлично. Мне это все надоело.

— Ты меня затрахал со своими капризами, cher.

— Нет, я даже и не пытался тебя затрахать, cher, — передразнил Жак девушку. — А теперь проваливай к своему долбаному «таракану». Мне на тебя теперь просто насрать.

Амели снова вскипела. Она не могла понять, каким образом так быстро потеряла власть над ним. Она слизнула капельку крови с нижней губы и почувствовала горькое послевкусие во рту после нее. Возможно, горечь была вызвана чувством вины.

— А мне не насрать! И не веди себя так, будто ты сам не развлекался, общаясь со мной, потому что это ложь! Я хотела дать тебе шанс, несмотря на то, что ты поступил со мной как последний мудака, а ты все равно хочешь все испортить. Ну, так валяй! Хочешь знать правду? Ты — дерьмо, и у крови твоей вкус дерьма. А у него кровь на вкус как ЖИДКОЕ ЗОЛОТО, дорогуша! Ты слышишь меня?

— Слышу, — спокойно отозвался Жак. — А теперь проваливай.

Амели неожиданно пнула по одному из ящиков с приборами так сильно, что полетели щепки, но Жак даже не обернулся. Гневно мотнув головой, Амели вылетела за двери.

И уже не услышала, как Жак прошептал:

— Прости меня!

Когда Амели вернулась к себе домой, там ее уже поджидал Николай.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — закричала она, напуганная тем, что гость увидел ее в таком состоянии.

По тому, как Амели мотала головой, было видно, что она вот-вот взорвется от

ярости.

— Окно не было закрыто... С тобой все в порядке?

— Со мной?... Да, все нормально.

Амели расхаживала из стороны в сторону, положив руку на живот: видно было, что лицо ее искажено гримасой боли. Как он посмел бросить меня?

— Амели?

Она обернулась. Николай стянул рубашку и продемонстрировал ей ярко красный полумесяц, похожий на серп с советского герба, на своем предплечье. Глаза его звали, ждали, приглашали.

Амели направилась к нему не потому, что хотела кормиться, но потому, что хотела прогнать как можно быстрее тягостное ощущение, оставшееся после крови Жака. Она хотела, чтобы Николай вычистил грязный осадок из ее плоти силой своей избалованной ядами иммунной системы, но, не дойдя до него, Амели пошатнулась и схватилась рукой за живот.

В одном спазме она извергла все содержимое желудка — жидкую, кровавую массу.

И это было только начало.

Она лежала на покрытой пластиковой пленкой больничной койке, а цветы зараженной вирусом крови расцветали вокруг нее. Золотистая кожа Амели приобрела стерильно-белый цвет, тонкие руки, покрытые коростами свернувшейся крови, казались руками покойницы.

Прошло меньше недели с того времени, когда она почувствовала первые симптомы заболевания, но ее состояние ухудшалось стремительно. За день до этого визита умер Жак. Он умирал от внесенной себе самому инфекции, медленно и мучительно, в той же больничной палате, через три кровати от Амели. Горечь его крови была вызвана вовсе не чувством вины.

Врачи все еще пытались установить, каким именно вирусом он заразил себя и впоследствии Амели, — была ли это та самая пропавшая проба или культура, которую он купил на черном рынке. Первое было больше похоже на правду, потому что пробу так и не нашли, но, к сожалению, это уже мало что меняло. Амели предстояло умереть прежде, чем они это выяснят, так что единственный смысл этой информации состоял в том, чтобы правильно оформить медицинское заключение.

Врачи в защитных костюмах из Инфекционного центра время от времени, словно призраки, возникали в центральном проходе палаты, по большей части они даже не заходили внутрь. Им было намного интереснее изучать пробы, взятые у пациентов, чем самих пациентов, поэтому, если не считать гудения приборов, в палате стояли тишина и покой.

Николай взял руку Амели; она была на ощупь словно листок провощенной бумаги.

Посмотрев на пластиковые простыни, он снова вспомнил про насекомых и попытался вообразить, как чувствует себя настоящее насекомое, а не человек, который только по прозвищу «таракан». Если бы они с Амели могли окуклиться, кто знает, может, они вышли бы из кокона обновленными, чистыми и не такими уязвимыми.

Он извлек трубку из горла Амели, удивившись ее длине, и Амели слабо кашлянула.

— Амели?

Она моргнула: глаза ее были наполнены кровавыми слезами. Под воздействием вируса роговая оболочка ее глаз так же кровоточила, как и другие ткани тела.

— Николай?

Шея у Амели почти не двигалась, но она все же повернула голову в его сторону насколько могла. Легкая улыбка скользнула по ее губам — она поняла, где

находится.

— Как ты сюда пробрался?

— Они сами мне разрешили. Я объяснил им, что я — «таракан» и что вирус на меня не подействует. Они какое-то время думали, не попадет ли им за это, но сегодня вечером, наконец, разрешили мне войти.

— А он на самом деле на тебя не подействует? Голос ее звучал как наждак по стеклу.

— Я им так сказал.

— А на самом деле?

Николай замаялся.

— Не уверен. И знаешь, отчасти они меня впустили именно потому, что и сами не были уверены и захотели проверить.

Амели издала звук, который, будь она здорова, был бы смехом.

— Бедная морская свинка...

Кровь заструилась наружу из новой прорехи в коже на верхнем предплечье, но вытекать было уже почти нечему, и кровотечение быстро остановилось. Николай вытер кровь салфеткой, которую дал ему врач перед визитом.

— Это сделал Жак, да?

Николай не смог заставить себя кивнуть.

— Зачем ты пришел сюда, Николай?

Он погладил ее по голове, поправил жалкие остатки ее поредевших африканских косичек.

Она снова издала похожий на смех звук.

Николай осмотрелся, нет ли поблизости докторов, и вытащил трубку катетера из ее запястья. Отверстие оказалось на удивление сухим и чистым, кровь в нем — намного более яркая, чем та, что вытекала из нее.

— Что ты делаешь? — спросила Амели.

— Прочищаю тебя, — ответил он, поднося ее запястье к губам.

— Но ты не можешь...

Он прочищал ее точно так же, как прочищал бы загрязненную отходами трубу или исследовательскую лабораторию. Он мог выжить, но мог и погибнуть. И это могло спасти Амели, а могло и не спасти.

Но это была последняя надежда.

Амели не сопротивлялась, когда Николай приложил свои губы к ее запястью и облизал языком отверстие, чтобы облегчить истечение крови. Он рассек собственное запястье скальпелем, который тайно пронес в палату, приложил разрез к губам Амели — и переливание началось.

Ее кровь замещала его кровь, а его кровь — ее. Бесконечный цикл флеботомии, утонченной страсти, и, хотя мир исчез для них, они сами стали целым миром.

Итак, эту женщину — вместилище взбунтовавшейся ДНК, лежавшее на покрытой пластиковой пленкой больничной койке, — нельзя было назвать в полном смысле слова «любовью всей его жизни», но то чувство, которое он испытывал к ней, почти тянуло на это определение.

ВОДКИ

Казалось бы, что проще – водка это лишь спирт, разбавленный водой. Но как и в любом деле, в этом есть ряд нюансов.

Спирт

Спирт рекомендуем брать высшей очистки, марок «Экстра», «Базис», «Люкс» и «Альфа». Лучшим считается «Альфа».

Если вы не уверены в качестве спирта, лучше перестраховаться. Пьют только этиловый спирт. Метиловый спирт – это яд даже в малых дозах. Причем по вкусу, цвету и запаху они не отличаются. Но способы есть:

1. Опустите в спирт раскаленную медную проволоку. Метиловый сразу же даст резкий неприятный запах. Этиловый никакого особенного запаха не даст.
2. Налейте спирт в блюдечко и подожгите. От этилового – пламя синее. От метилового – зеленоватое.
3. В стопку со спиртом погрузите кусочек сырого картофеля. В этиловом спирте ничего не произойдет. Метиловый же спирт придаст картофелю розоватый цвет.

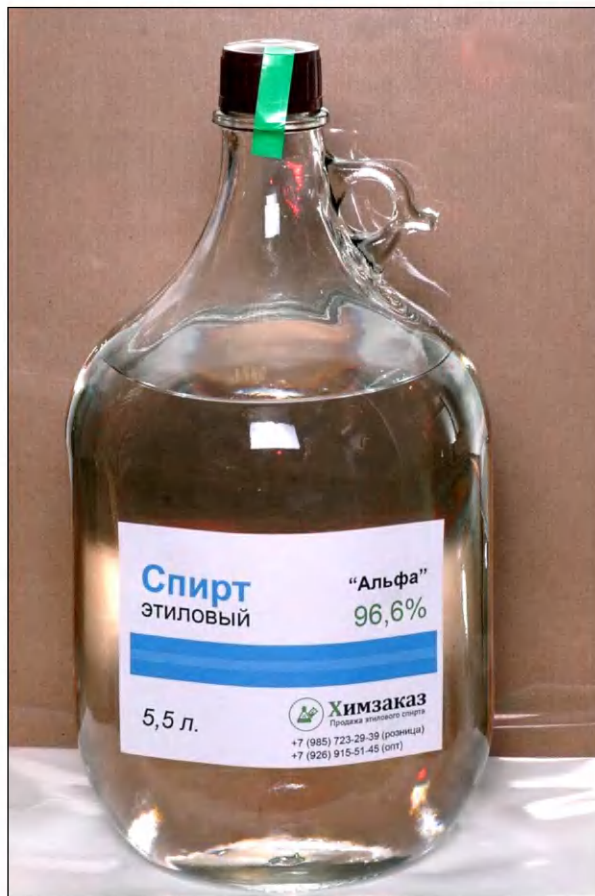
Помните о первых симптомах отравления метиловым спиртом: рвота, вялость, боль в пояснице, животе и голове, затрудненное дыхание. Если вы отравились метанолом, выпейте настоящей водки и вызовите «скорую».

Вода

Тоже не все так просто. Вкус от воды зависит даже в большей степени, чем от

спирта. Если вы разбавите, скажем, водой из-под крана, водочка, мягко говоря, пойдет тяжело.

Фокус в том, что в воде должно быть как можно меньше соли. При этом дистиллированную воду брать не стоит. Она просто будет плохо смешиваться со спиртом. Это касается и кипяченой воды.

Лучший вариант – купить воду в магазине. Причем настоятельно рекомендуем брать воду для детей. Она самая мягкая.

Добавки

Как ни старайся, водка получится мерзкой. К тому же разбавленный спирт сушит язык – неприятное ощущение. Вкус можно сделать гораздо приятнее кое-какими добавками.

На 1 литр уже готовой водки нам понадобится 1 столовая ложка обычного сахара. Мелочь, а разница будет огромной. Вместо сахара можно добавить 5 мг глицерина или 15–20 мл аптечной глюкозы.

Что выбрать, решайте сами. Но при производстве дорогой водки используют глюкозу.

Дополнительно можно выжать сок из среднего по величине лимона. Это тоже смягчит вкус водки.

Разбавление

Для начала нужно определиться, насколько крепкую водку мы хотим получить. Кто-то любит 35 градусов, кто-то – 50. Консерваторы же признают только канонические 40 градусов¹.

Так или иначе, нужно подсчитать, в каких пропорциях разбавлять. Для этого существуют формулы и онлайн-сервисы. А можно обратиться к таблице Фертмана (см. ниже). Каждый столбец в ней показывает, сколько градусов в нашем спирте. Строка – сколько градусов мы хотим получить в водке. На пересечении – сколько миллилитров воды для этого нужно добавить в 100 мл спирта.

Наливаем нужное количество воды в банку, кастрюлю, или в чем вы там собрались смешивать? Добавляем смягчители (глюкозу, лимонный сок и так далее). Аккуратно перемешиваем.

Внимание! Спирт тонкой струей вливается в воду!

Ни в коем случае не наоборот! Чтобы объяснить, почему это делается, придется обратиться к сложным химическим терминам. Водка – это смесь 3-х и 12-х водных гидратов. Чтобы их получить, нужно добиться термодинамического равновесия. А это возможно только при медленном процессе растворения.

¹ Это особая точка. Выше ее водку можно поджечь, потому что выше этой точки испарение спирта заметно увеличивается.

Звучит заумно, но любой химик-технолог вам подтвердит, что при вливании воды в спирт вместо качественной водки вы рискуете получить вонючую бурду из моногидратов.

После	Содержание этилового спирта до разбавления водой									
	95°	90°	85°	80°	75°	70°	65°	60°	55°	50°
90°	6,4									
85°	13,3	6,6								
80°	20,9	13,8	6,8							
75°	29,5	21,8	14,5	7,2						
70°	39,1	31,0	23,1	15,4	7,6					
65°	50,1	41,4	33,0	24,7	16,4	8,2				
60°	67,9	53,7	44,5	35,4	26,5	17,6	8,8			
55°	78,0	67,8	57,9	48,1	38,3	28,6	19,0	9,5		
50°	96,0	84,7	73,9	63,0	52,4	41,7	31,3	20,5	10,4	
45°	117,2	105,3	93,3	81,2	69,5	57,8	46,0	34,5	22,9	11,4
40°	144,4	130,8	117,3	104,0	90,8	77,6	64,5	51,4	38,5	25,6
35°	178,7	163,3	148,0	132,9	117,8	102,8	87,9	73,1	58,3	43,6
30°	224,1	206,2	188,6	171,1	153,6	136,0	118,9	101,7	84,5	67,5
25°	278,1	266,1	245,2	224,3	203,5	182,8	162,2	141,7	121,2	100,7
20°	382,0	355,8	329,8	304,0	278,3	252,6	227,0	201,4	176,0	150,6
15°	540,0	505,3	471,0	436,9	402,8	368,8	334,9	301,1	267,3	233,6

Когда спирт уже влит, плотно закройте сосуд и взбалтывайте смесь пару минут.

Фильтрация

Далее водку следует отфильтровать. Дедовский метод – пропустить раствор через таблетки активированного угля, завернутые в вату. Но он малоэффективен. Гораздо лучше с задачей справляется любой кухонный фильтр для воды типа «Аквафор».

Затем водку разливают по бутылкам и кладут в холодильник на 3 дня. А лучше на недельку. Да, это тоже благотворно повлияет на ее вкус.

БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫЕ РАСТЕНИЯ

Коллинсония анисовая	<i>Collinsonia anisata</i> Sims.	Надземная часть

В роду *Collinsonia* 21 вид. Многолетние травянистые растения, прямые или широкие, ароматные. Именно о Коллинсонии анисовой информации (в интернете) практически нет. В основном известна Коллинсония канадская (*Collinsonia canadensis*). Распространение – Восточные области США. Вполне возможно, что по химическому составу она сходна с Коллинсонией анисовой. Далее о Коллинсонии канадской.

Ботаническое описание

Многолетнее травянистое растение 60-120 см высотой и 30-60 см шириной. Листья супротивные, яйцевидные, заостренные, зубчатые по краю. Цветки 2-губые, трубчатые, светло-желтые. Цветение в августе-сентябре. Опыляется насекомыми.

Химический состав

Действие коллинсонии связано с наличием в ее составе смолы коллинсолина и сапониноподобного гликозида.

Коллинсония канадская (*Collinsonia canadensis*).

Использование

Корневища используются как лекарственное средство. Как такового яркого токсического действия на организм коллинсония не имеет.

При гомеопатическом испытании обнаружено избирательное действие растения на слизистую оболочку желудочно-кишечного тракта, сердце, систему воротной вены печени, а также на геморроидальное венозное сплетение.

Колоказия	<i>Colocasia</i> L.	Все части

Колоказия (лат. *Colocasia*) – род многолетних травянистых растений семейства Ароидные (Araceae).

В диком состоянии встречается в тропических лесах Бирмы, Гималаев, Филиппинских островов, Новой Гвинеи.

Род насчитывает около 16 видов, из которых наиболее известен и распространен *Colocasia esculenta* – Таро, или Колоказия съедобная, или Колоказия древняя, или Дашин – популярное пищевое растение Африки, Юго-Восточной Азии и других тропических регионов. Далее о нем.

Ботаническое описание

Многолетнее травянистое растение.

Корневая система мочковатая, образует крупный подземный клубень диаметром 6–8 см и массой до 4 кг, с множеством почек, часть из которых трогаются в рост и образует вторичные, более мелкие клубни. Мякоть клубней у разных сортов может быть белой или окрашенной в кремовый, жёлтый, оранжевый, розовый или красный цвет.

Листья крупные, сердцевидные или стреловидные, длиной до 1 м и шириной до 50 см, образуют прикорневую розетку, на длинных, желобчатых у основания че-

решках до 2 метров длиной.

Цветоносный побег развивается из верхушечной почки клубня. Соцветие — початок с зеленовато-жёлтым покрывалом. Верхние его цветки мужские, средние — рудиментарные, стерильные, нижние — женские.

Плоды — мелкие красные ягоды с недоразвитыми семенами.

Имеется множество разновидностей таро, отличающихся по форме и окраске листьев, строению соцветий. Выведено множество сортов таро, отличающихся по форме и строению клубней, их размеру и количеству, содержанию тех или иных веществ, вкусовым качествам.

Распространение у таро по крайней мере четырёх хромосомных рас с числом хромосом в соматических клетках 28, 42, 36 и 48 говорит о генетической неоднородности растений, объединённых под этим названием.

Колоказия съедобная (*Colocasia esculenta*).

Химический состав

Клубни таро содержат 18–20 % мелкозернистого крахмала, 0,5 % сахара и более 3 % белка. У диких видов и некоторых культурных клубни и листья содержат рафиды щавелевокислого кальция, которые вызывают жжение во рту и распадаются при варке.

Использование

Таро — древняя культура Индии и Египта. Её разводят уже более 2000 лет. Из рукописей Плиния известно, что уже в его времена таро использовали в пищу египтяне. Позже оно появилось в тропической Западной Африке, откуда африканские рабы вывезли его в Вест-Индию, а затем таро проникло и на Американский континент. В настоящее время его разводят в тропической и субтропической зоне. В диком виде это растение не встречается.

Клубни таро практически несъедобны в сыром виде, поскольку вызывают сильное жжение во рту. Используется, как правило, в варёном и жареном виде, также из таро делают различную выпечку. Молодые листья и молодые отбелённые побеги отваривают и используют в пищу, подобно спарже.

Клубни также используют для производства муки и спирта и в качестве корма для домашних животных.

В Полинезии и Африке из клубней делают тесто «ну» при помощи ферментации.

Клубни используются в лекарственных целях.

Конопля	<i>Cannabis</i> sp.	Все части

Конопля (лат. *Cánnabis*) – род однолетних лубоволокнистых растений семейства Конопцевые (*Cannabaceae*). Включает в себя один полиморфный вид – *Cannabis sativa* L. (Конопля посевная), ранее разделявшийся на несколько видов:

- *Cannabis indica* Lam. – Конопля индийская, иногда классифицируется как *Cannabis sativa* subsp. *indica*
- *Cannabis sativa* subsp. *sativa*
- *Cannabis ruderalis* Janisch. – Конопля сорная

Для обозначения психоактивных веществ, получаемых из конопли, часто используется транслитерация с её латинского названия – каннабис.

Конопля посевная (*Cannabis sativa*).

Ботаническое описание

Конопля – однолетнее травянистое двудомное растение. Женские растения называются матёркой, мужские – посконью. В настоящее время созданы сорта однодомной конопли. Имеется также конопля с обоеполями цветками.

Стебель прямостоячий, округлый у основания, шестигранный в середине и четырёхгранный на верхушке, имеет полость. Листорасположение супротивное, а на

верхушке – очередное. Листья черешковые, сложные, из пяти-семи листочков, край листочков зубчатый. Число листочков возрастает от основания к середине стебля и затем снижается к верхушке (у основания и на верхушке листья простые, трехлопастные или цельные).

Цветки у конопли раздельнополые. Женский цветок представлен пестиком, заключённым в свёрнутый в виде конуса зелёный прицветник. Пестик состоит из верхней чечевицеобразной одногнёздной завязи и двух сидячих длинных рылец, сросшихся у основания. Мужской цветок имеет пять жёлто-зелёных чашелистиков и пять тычинок с крупными пыльниками. Цветки сидячие, расположены у основания боковых побегов в пазухах листьев. Женское соцветие – сложный колос, мужское – рыхлая метёлка. У однодомной конопли первыми закладываются мужские цветки в пазухах листьев главной оси соцветия, а затем боковых ветвей, выше формируются обоеполые цветки, а затем женские.

Плоды – двустворчатые орешки яйцевидной или несколько вытянутой формы, заключённые в брактеи, сохраняющиеся после цветения, гладкие или ребристые, серо-зелёной, реже бурой окраски.

Химический состав

Конопля содержит психоактивные вещества, каннабиноиды, в частности Δ-тетрагидроканнабинол, и служит сырьём для популярных психотропных веществ (марихуана, гашиш).

Химические вещества, оказывающие дурманящее или целебное воздействие, сосредоточены главным образом в клейкой золотистой смоле, которая выделяется из цветков на женских растениях. Функция смолы состоит в защите цветка от перегрева и в сохранении влаги в период размножения.

Использование

Конопля посевная описана в 19-м и 20-м томах «Естественной истории» Плиния Старшего, который упоминает её использование как прядильного, пищевого и лекарственного растения. Упоминается что конопляные семена – хорошее средство для лечения запора у домашних животных, сок травы помогает от отита, а корень можно использовать в качестве припарок от боли в суставах, подагры и ожогов.

Конопля имеет богатую историю использования человечеством в качестве пищи (семена), материала для изготовления бумаги, одежды, обуви, веревок, канатов, тросов и ниток (стебли растения состоят из весьма прочных волокон), а также в качестве психотропного средства.

Конопля впервые описана в Китае около 2800 года до н. э., Имела большое промышленное значение с XV по начало XX веков, в настоящее время посевы значительно сокращены. Единая конвенция о наркотических средствах ООН 1961 года включает коноплю в список наркосодержащих растений и обязывает правительства стран-участников строго контролировать её выращивание.

Социальные и физиологические проблемы, сопутствующие потреблению конопли, не являются доказанными причинными связями и остаются дискуссионными.

Консолида великолепная	<i>Consolida regalis</i> S.F. Gray	Плоды, семена

Консолида великолепная, Живокость полевая, *Consolida regalis* (*Delphinium consolida*), семейство Лютиковые.

В природных условиях это растение встречается на территории Украины, европейской части России, Беларуси, Западной Сибири, Кавказа и Молдовы. Примечательно, что это растение представляет собой не только весьма ценный медонос,

но еще является и декоративным растением.

Ботаническое описание

Консолида великолепная представляет собой однолетнее травянистое растение, высота которого будет колебаться в промежутке между двадцати пятью и семидесятью сантиметрами. Само же растение является голым и слегка опушенным, вверху стебли этого растения будут растопыренно-ветвистыми, однако крайне редко они могут быть и простыми. Листья консолиды великолепной являются дважды- и трижды-тройчато-рассеченными на узколинейные дольки, длина таких листьев составит около одного-трех с половиной сантиметров, а ширина составит примерно половину миллиметра-два миллиметра, при этом нижние листья находятся на черешках. Прицветники являются короткими, более или же менее прижатоволосистыми. Цветки этого растения окрашены в ярко-фиолетовые тона, крайне редко впрочем, они могут быть бледно-голубыми. Длина листочков околоцветника составит около двенадцати-шестнадцати миллиметров, а ширина будет равна пяти-восемью миллиметрам. Листовка консолиды великолепной будет голой, ее длина равна двенадцати-пятнадцати миллиметров, а семена этого растения покрываются поперечными рядами коротких пленчатых чешуек.

Цветение консолиды великолепной приходится на период, начиная с июня и заканчивая июлем месяцем.

Живокость полевая (*Consolida regalis*).

Химический состав

Живокость полевая очень ядовита! Все части растения в разной концентрации содержат алкалоиды, такие как мелликтин, кондельфин, элатин, дельсемин и др.

Теофраст и Плиний Старший считали живокость непревзойденным средством против нательных насекомых. В средневековых травниках можно найти руководство по изготовлению лекарств против вшей, чесотки, парши с использованием живокости. Джон Джерард, английский врач и естествоиспытатель эпохи Тюдоров писал, что экстракты семян живокости могут быть эффективны от укусов скорпионов. В Первую мировую войну живокость полевая использовалась в военной медицине как противопаразитарное средство. Русская народная медицина рекомендовала настой живокости как лекарство против поноса и прочих кишечных расстройств, а также при переломах и ожогах.

В наше время живокость полевая используется как инсектицид против огородных вредителей. Ветеринары дают траву живокости овцам для избавления от гельминтов. Из цветков выделяют синий и фиолетовый красители. Растение является медоносным, однако, пыльца его ядовита и может вызвать интоксикацию у пчел. Мед живокости называют «пьяным» – он непригоден для употребления. Яркие цветки живокости иногда высаживают для украшения клумб и палисадников. В медицине применяют семена и облиственные верхушки стеблей растения.

Фармакологическое действие живокости полевой обусловлено наличием алкалоидов с курареподобным действием, которые, в отличие от других подобных химических соединений, могут всасываться в желудке при приеме внутрь. Они действуют как миорелаксанты, то есть блокируют передачу нервного импульса к скелетным мышцам, тем самым расслабляя скелетную мускулатуру.

В клинической медицине препараты живокости полевой не используются. С осторожностью применяют это растение и в народной медицине. Отвар травы живокости в малых дозах пьют при заболеваниях мочеполовой сферы, застое желчи, заболеваниях легких и плевры. Примочки с настоем цветков живокости применяют при гнойных конъюнктивитах. Есть мнение, что настой живокости может помочь при венерических болезнях. Некоторые травники назначают живокость полевую при эпилепсии, рассеянном склерозе, гиперкинезах и гипертонусе мышц различной этиологии, в том числе и при паркинсонизме. Наружно сок свежего растения применяют при ожогах и ранах. Порошок из семян живокости считается противопаразитарным средством. Есть информация о применении живокости полевой при лечении рака печени и почек.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

ФОТОГАЛЕРЕЯ

Смородина в апельсине

Сливочно-морковный соус

